

ISSN 0042—8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1/91

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/91

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/91

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям 3

СТАТЬИ

- В. Ф. Антонов** — Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности 5
- Т. О'Коннор** — Борьба в Большевистском центре в 1908—1909 годах 20

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

- А. Г. Донгаров, Г. Н. Пескова** — СССР и страны Прибалтики (август 1939 — август 1940) . . . 33

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- С. В. Дроков** — Александр Васильевич Колчак . . . 50

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Продолжение 68
- Вилли Брандт. Воспоминания 94

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А. Г. Авторханов** — Технология власти 126

Выходит
с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. И. Деникин** — Очерки русской смуты. Продолжение . 146
А. Ф. Керенский — Россия на историческом повороте.
Продолжение 166

ПУБЛИКАЦИИ

- Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б)
(1944 г.) 188

СООБЩЕНИЯ

- С. М. Меламед** — Восстание в Варшавском гетто . . . 206

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- А. Б. Соколов** — Питт-старший 215
Х. Г. Гуламов — Отношения России с Бухарой в конце
XVIII века 222
Т. П. Гусарова — Хайдуки в Венгрии 226
М. А. Дэвлет — Петроглифы Саян 231

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. А. Замлинский** — Жизнь и творчество
Н. И. Костомарова 234
Е. Михальский — “Kwartalnik Historyczny” 242
Историческая наука в Испании 246
Н. Ю. Березовский — Суда Министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 249
М. Д. Карпачев — Н. М. Пирумова. Александр Герцен — революционер, мыслитель, человек 250
А. М. Родригес-Фернандес — С. А. Кириллина. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — начало XX в.) 251
Р. Е. Котов — В. М. Массон. Первые цивилизации (I); его же. Исторические реконструкции в археологии (II) 252
Н. Н. Болховитинов — В Сибирь и Русскую Америку. Три столетия русской экспансии на Восток 254

Обращение к читателям!

Дорогие друзья!

Как вы, вероятно, уже знаете из ряда публикаций в средствах массовой информации, в конце прошлого и начале этого года редакция журнала оказалась в очень сложном положении. Издательство ЦК КПСС «Правда» в нарушение взятых на себя обязательств перед подписчиками, под надуманным предлогом отсутствия производственных возможностей отказалось издавать журнал «Вопросы истории», который более полувека печатался в этом издательстве. В результате противоправных решений и произвольных действий издательства под угрозой оказался не только своевременный выход первых номеров 1991 г., но и само существование журнала.

Ситуация, сложившаяся вокруг журнала, вновь со всей актуальностью поставила вопрос о понимании роли и значения истории и исторических знаний в системе ценностей, составляющих содержание нового мышления. Знание истории есть ключ к пониманию настоящего и видению будущего. Но всегда ли мы помним об этом? Еще В. О. Ключевский с горечью отмечал, что «полное взаимное равнодушие разделяет русскую историческую литературу и русскую читающую публику: обе очень редко встречаются друг с другом и еще реже вспоминают друг о друге». Выдающегося русского историка глубоко тревожило такое положение, ибо он видел в этом серьезнейшую опасность для общества, чреватую роковыми результатами или по крайней мере неожиданными кризисами.

К сожалению, и сегодня историческая литература и наша действительность, как и во времена Ключевского, продолжают движение каждая в своем направлении и, похоже, не очень-то стремятся к сближению. Между тем, как свидетельствует опыт многих цивилизованных наций, чем значительнее разрыв между их настоящим и прошлым, чем слабее их связи со своей историей, тем больше приходится им испытывать трудностей и осложнений в своем развитии. И наоборот, чем органичнее эта связь времен, чем глубже усваиваются и культивируются национальные обычаи и традиции, тем выше нравственный уровень общества, тем значительнее успехи во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Именно поэтому вопрос о правильном понимании внутренней логики взаимодействия и взаимовлияния прошлого, настоящего и будущего издавна рассматривался историками в качестве одного из актуальнейших как в научном, так и практическом отношениях.

В эти непростые для редакции дни мы имели возможность еще раз убедиться в том, что вы, уважаемые читатели, в своем большинстве поддерживаете курс, которому следует журнал, его научную и общественную позицию. Свидетельство тому — ваши многочисленные письма, телеграммы, телефонные звонки с выражением сочувствия и поддержки. Мы искренне благодарны вам за это и хотели бы заверить, что в меру своих сил и способностей будем делать все от нас зависящее, чтобы содействовать процессу восстановления исторической правды.

Принося извинения читателям за задержку, не по вине редакции, выхода первых номеров журнала за текущий год, мы надеемся, что в самое ближайшее время положение изменится к лучшему.

Пользуясь случаем, выражаем нашу глубокую признательность «Вечерней Москве», «Московскому комсомольцу», «Книжному обозрению», «Литературной газете», «Курантам», «Независимой газете», «Московским новостям», «Российской газете» за то, что они откликнулись на нашу беду и проявили чувство солидарности по отношению к коллективу редакции.

Мы рады сообщить нашим читателям, что несмотря на жесткие условия подписной кампании, в особенности, неоправданно резкое повышение цены журнала, число его подписчиков практически не сократилось, превысив 90 тысяч. В некоторых регионах страны — Казахстане, Латвии, Литве, Эстонии, ряде автономных республик и областей РСФСР (Коми, Татарии и Северной Осетии, Нижегородской, Иркутской, Калининградской, Кемеровской, Новосибирской, Свердловской, Смоленской, Томской, Тульской областях) — количество подписчиков журнала даже возросло. В этом проявилось ваше доверие к журналу. Мы будем и дальше следовать избранному курсу и приложим все усилия, чтобы полностью реализовать объявленную программу публикаций на 1991 год. Ради этого в создавшихся условиях придется даже идти на выпуск вместо 12 обычных, восьми увеличенных в полтора раза по объему номеров, дабы обеспечить публикацию всего запланированного материала в текущем году.

Вместе с тем, стремясь более полно удовлетворить растущий общественный интерес к исторической литературе и учитывая многочисленные пожелания наших читателей, редакция намерена приступить к изданию «Библиотеки журнала «Вопросы истории», которая будет включать как наиболее интересные материалы, полностью или частично публиковавшиеся на страницах журнала, так и специально предназначенные для данной серии. При этом имеется в виду, что книги, выходящие в качестве приложения к журналу и предназначенные только его подписчикам, будут реализовываться по доступной цене.

Хочется верить и надеяться, что связи и творческое сотрудничество между редакцией и нашими читателями будут неуклонно расширяться и укрепляться, что поможет общими усилиями сделать журнал еще более интересным и необходимым людям.

А. ИСКЕНДЕРОВ

Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности

В. Ф. Антонов

Изучение народничества, его места в истории России прошло несколько стадий. До середины 30-х годов по этим проблемам развивалась свободная дискуссия, затем 20 лет народничество предавалось официальному осуждению как главным образом террористическое и враждебное марксизму течение, с середины 50-х до середины 60-х годов проходило бурное, самое плодотворное накопление знаний, были изучены организации народников, после чего начался преимущественно застой, сопровождавшийся тихой реанимацией сталинской линии: стали сдерживаться признания положительных сторон народничества, были случаи, когда по требованию Госкомиздата СССР слово «народничество» в названии книги заменялось на слова «разночинная интеллигенция». Лишь с середины 80-х годов открылась возможность нового подъема в изучении народничества. В целом после 20-х годов оценки народничества попеременно или в большинстве случаев базировались то на ленинской, то на сталинской концепции. В силу этого с ними предварительно и следует познакомиться.

Время примерно с 1861 по 1895 г. В. И. Ленин называл «разночинским или буржуазно-демократическим» этапом освободительного движения в России. Разночинцы принесли с собой характерную идеологию. «Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало, — писал Ленин, — народничество»¹. Это определение обычно замалчивалось сторонниками сталинской схемы, поскольку оно, требуя признать, что народничество как движение и теория господствовало не с 70-х годов XIX в., а в течение всего второго этапа освободительного движения, ломало эту схему.

Классовую основу теории народничества — с самого начала стройной, цельной и последовательной — он видел в крестьянстве: «Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества». Оно было нацелено на удовлетворение демократических требований крестьянства, то есть объективно на расчистку пути для свободного развития капитализма. Ленин назвал и основные черты, присущие этому движению: «Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих, как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедовался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством»². Как видим, по Ленину, народники не отрицали капитализма в России, а лишь не признавали его господства, что, конечно, тогда и трудно было признать. Они не отворачивались от фабрично-заводских рабочих, но опять же не могли считать их в то время передовыми борцами «всего пролетариата», которого еще почти и не было в стране.

Антонов Василий Федорович — доктор исторических наук, профессор

На первых порах политическая программа народников была, по мнению Ленина, рассчитана на то, чтобы «поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества». Но позже народники стали стремиться улучшить положение крестьян не революционными, а мирными средствами и «при сохранении основ современного общества»³. Гранью, отделявшей революционное народничество от либерального, Ленин считал 1881 год. 60—70-е годы XIX в. он называл эпохой «первых русских социалистов» или «старого русского, классического, революционного народничества»⁴.

Родоначальниками последнего Ленин считал А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. «Герцен, — писал он, — основоположник «русского» социализма, «народничества»⁵. Чернышевский в развитии народнических взглядов «сделал громадный шаг вперед против Герцена... От его сочинений веет духом классово-борьбы». Деятели освободительного движения эпохи крестьянской реформы сыграли, писал Ленин, «величайшую историческую роль», но остались одиночками и «потерпели, по-видимому, полное поражение», потому что «революционное движение в России было тогда слабо до ничтожества, а революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было»⁶.

70-е годы XIX в. — новый этап: на историческую арену выступила «блестящая плеяда революционеров» («действенное народничество»). Ленин не допускал его принижения сравнительно с шестидесятниками. По поводу попыток такого принижения он писал: «Смех» над 70-ками (поворот к истории) доказывает не «только безусловную неспособность встать на историческую точку зрения», — он доказывает также теоретическое принижение 70-ков сравнительно с людьми 40-х и 60-х годов». Наша историография приучена обходить это мнение Ленина и вертится вокруг его слов о теоретическом спаде Н. К. Михайловского сравнительно с Чернышевским. Но Ленин решительно восставал против отождествления Михайловского с революционными семидесятниками. «Это глупо, — замечает он Рязанову, — смешать разнос Михайловского с «забрасыванием грязью поколения революционных социалистов 70-х годов»⁷.

Семидесятники, в отличие от их предшественников, так и не избавившихся от кружковой замкнутости, стали «действенной» силой потому, что на деле соприкоснулись с массами. Наиболее выдающимися событиями 70-х годов XIX в. Ленин считал «хождение в народ» — «расцвет действенного народничества», создание образцов, «превосходной» революционной организации «Земля и воля» и партии «Народная воля», «сделавшей шаг вперед, перейдя к политической борьбе». В заслугу ей Ленин ставил стремление «привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием». Но и народовольцы, продолжает он, «копирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией». Что же касается практической революционной деятельности народовольцев, то Ленин, вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, дал ей высокую оценку. В революционном подполье, замечает он, тогда «действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы»⁸.

Вопрос о народовольческом терроре ставился Лениным в двух плоскостях: исторической обусловленности и исторической перспектив. Народовольцы, по его оценке, «проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа».

Выдающимся результатом практической деятельности народовольцев была революционная ситуация 1879—1882 годов. Ленин писал об этом: «Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки». Однако «волна революционного прибоя была отбита», так как «в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства

Александра II одними ходатайствами». Ленин негодовал против либералов, не оказавших «в решительный момент поддержки тем героям, которые наносили удары самодержавию». И революционеры, никем не поддержанные, «исчерпали себя 1-ым марта»⁹.

Ленин часто говорил о народовольцах как о заговорщиках. «Для народовольца, — писал он, — понятие политической борьбы тождественно с понятием политическое заговора... они не могут себе представить политической борьбы иначе»¹⁰. Это узкое понимание политической борьбы обуславливалось, как и террор, отсутствием в 1879 г. (когда «Народная воля» приступила к выработке своих программно-тактических документов) других, кроме интеллигенции, революционных общественных сил. Главным для Ленина была цель народников — свержение царя, и он, цитируя Манифест РСДРП 1898 г., говорил словами этого документа, что «социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли». В этом он видел требование традиции всего предшествующего и последующего революционного движения в России: «Деятели «Народной воли» в самом начале царствования Александра III «преподнесли» правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия»¹¹.

В плане исторической перспективы, в новых условиях, когда в России уже началось массовое пролетарское движение, Ленин осуждал возрождение эсерами терроризма и полагал, что «русский террор был и остается специфическим интеллигентским способом борьбы»¹². К 1905 г. «прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию «делали» революционные одиночки-террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки-«бомбиста». Она становится *необходимой принадлежностью народного вооружения*»¹³.

Ленин не осуждал народовольцев за их метод борьбы и, как известно, не выступал против террора вообще. «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора», — писал он в 1901 г. в статье «С чего начать?». Это — одно из военных действий, которое «пригодно и даже необходимо» при известных условиях, «как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы», а не «как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения». Попытка народовольцев посредством террора захватить власть, по ленинской оценке, «была величественна». Царизм от их ударов заколебался, но не упал, так как не было «действующей армии», которая могла бы поддержать их борьбу¹⁴.

В 80—90-е годы XIX в., не преобладая над народниками-революционерами численно, но имея возможность участвовать в легальной печати, оказалось на виду преимущественно либеральное направление народничества, ставшее первым политическим оппонентом Ленина. Это направление, формировавшееся с начала 60-х годов, с 80-х выступало за «укрепление крестьянского хозяйства и «мелкого народного производства» вообще» путем содействия кредиту, кооперации, мелиорации, расширению крестьянского землевладения, не покушаясь на само существование буржуазного общества¹⁵.

Но и это направление не было однородным. Взгляды отдельных представителей либеральных народников, пишет Ленин, порой значительно разнятся, но в то же время «всем различнейшим представителям народничества» свойственны, по его мнению, следующие три основные черты, составляющие систему их воззрений: «1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом...* 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности...* 3) *Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов.*»

Эта характеристика обычно переносилась на все народничество. Ленин же, указывая на свойственность этих черт «всем различнейшим представителям народничества», тут же пояснял: «Начиная от... ну, хоть скажем, г. Юзова и и кончая г-м Михайловским. Гг. Юзовы, Сазоновы, В. В. и т. п. к указанным отрицательным чертам своих воззрений присоединяют еще другие отрицательные черты, которых,

напр., нет ни в г-не Михайловском, ни в других сотрудниках теперешнего «Рус. Богатства»¹⁶. Все эти лица — представители либерального народничества.

Вместе с тем Ленин считал неправильным отвергать всю их программу целиком. Различая в ней реакционную (привязывание крестьянина к земле и к старым способам производства, неотчуждаемым наделам) и прогрессивную (самоуправление, распространение знаний в «народе», подъем «народного», то есть мелкого, хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочения сбыта) стороны, Ленин считал, что последние, общедемократические меры — прогрессивны, так как не задерживают, а ускоряют развитие по капиталистическому пути¹⁷.

Ленин признавал и другие достоинства народничества. Прежде всего он говорит о преимущности социал-демократии и народничества: «Русские социал-демократы всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее»; признавали своими его революционные, общедемократические элементы¹⁸.

Лучшим в традициях народничества и достойным восприятия Ленин признавал поиск правильной революционной теории. При этом он называл «таких предшественников русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов»¹⁹. Теоретической заслугой народничества Ленин считал постановку им вопроса о капитализме в России, хотя оно и не смогло правильно разрешить его.

На традиции народничества Ленин опирался также, добываясь, «чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время (1899 г. — В. А.) все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри нее и развитии конспиративной техники», используя опыт «корифеев революционной практики», в частности опыт народнической пропаганды: кружку «корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи... Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах? Почему бы это? Потому что мы мало подготовлены? Но мы... подготовимся»²⁰.

Широкими были интернациональные связи русских революционеров: «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, — писал Ленин, — революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»²¹.

Ленин указывал и на аспекты программной общности социал-демократии и народничества. «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики, — упрекал их Ленин, — доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского»²². Для сопоставления, «какие есть общие исходные пункты у народничества и марксизма и в чем их коренное отличие», Ленин считал удобным брать «старое русское народничество» 70-х годов XIX в.: оно неизмеримо выше либерального, «цельнее показывает лучшие стороны народничества, к которым в некоторых отношениях примыкает и марксизм». А общей у народничества и марксизма, по его мнению, была «защита демократии путем обращения к массам»²³.

Ленин цитирует П. Б. Аксельрода: «Поскольку народничество было революционно, т. е. выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплуатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти, с соответствующими изменениями, как составной элемент, в программу русской социал-демократии»²⁴. Социал-демократия наследовала борьбу народничества с остатками крепостничества, борьбу за демократизацию общественных отношений, что составляло ее программу-минимум.

В середине 30-х годов в нашей историографии обнаружился резкий поворот к субъективизму и произволу в оценке народничества. 25 февраля 1935 г., через три месяца после убийства С. М. Кирова, на заседании Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Жданов заявил: «Между прочим, товарищ Сталин не знал, что мы

историю партии проходим только до 1917 года. Он сделал два замечания по этому поводу, что если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов и что с точки зрения истории партии период перед 1917 годом является предысторией»²⁵. 14 июня последовало постановление ЦК ВКП(б) «О пропагандистской работе в ближайшее время». В нем говорилось: «Необходимо особенно разъяснить, что марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчеством и т. п.) как злейшим врагом марксизма и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы (индивидуальный террор, исключаящий организацию массовой партии). Необходимо добиться, чтобы члены партии усвоили, что марксизм-ленинизм вырос, окреп и победил прежде всего в борьбе со старыми народниками, а потом в борьбе с меньшевиками и эсерами»²⁶.

От утвердившейся в результате споров среди историков и отраженной в «Тезисах культпропа ЦК ВКП(б) к дискуссии о «Народной воле» (1931 г.) трактовки основных проблем истории народничества, близкой к взглядам Ленина, ничего не осталось. Теперь, когда идейная борьба с народничеством была давно уже позади и сама община исчезла в пучине сталинщины 1929 г., с поспешностью, вызванной, очевидно, боязнью возможного возмездия за содеянные Сталиным злодеяния в деревне и обществе в целом, давалось указание учинить «разгром» не только «идейных положений», но, чему, очевидно, придавалось особое значение, «средств и методов политической борьбы» народничества. При этом не случайно все сводилось к народовольчеству и индивидуальному террору. Тем же цинизмом и лицемерием, которыми была пронизана статья «Головокружение от успехов», написанная Сталиным после учиненного им разгрома деревни, отдает и от кампании пропаганды, развернутой с переходом к террору массовому.

На новый политический заказ наиболее оперативно реагировал Е. М. Ярославский. Еще совсем недавно в работе «К. Маркс и революционное народничество» (М. 1933) и в «Истории ВКП(б)» (М. 1934) он старался не уклоняться от ленинских оценок народничества. Но в 1937 г. он уже издает книгу «Разгром народничества», полностью выдержанную в духе новейшего постановления «О пропагандистской работе»; в этой книге во многом предваряются положения, которые годом позже встречаются в «Кратком курсе».

В этой книжке оценки народничества строго негативны, антиисторичны, что является их главным пороком. Концепция «Краткого курса» такова: «Избранный народниками путь борьбы с царизмом посредством отдельных убийств, посредством индивидуального террора был ошибочным и вредным для революции. Политика индивидуального террора исходила из неправильной народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от «героев» подвига. Эта ложная теория говорила, что только отдельные выдающиеся личности делают историю, а масса, народ, класс, «толпа», как презрительно выражались народнические писатели, не способна к сознательным, организованным действиям, она может только слепо идти за «героями». Поэтому народники отказались от массовой революционной работы среди крестьянства и рабочего класса и перешли к индивидуальному террору»²⁷.

Трудно сказать, чего здесь больше: рассчитанной клеветы или элементарного невежества. Вся оценка народничества сведена к будто бы исповедуемой ими теории «героев» и «толпы». Эту проблему разбирал лишь Михайловский, но его работа вышла, на что обратили внимание М. Г. Седов и Н. А. Троицкий, в 1882 г., то есть уже после первого поражения «Народной воли».

О шестидесятниках в «Кратком курсе» не говорится, за народничеством «закрепляются» лишь 70—90-е годы XIX века. Характеристика практической деятельности народников начинается с указания на «хождение в народ» и его бесплодность, после чего интеллигентная молодежь будто бы «решила продолжать борьбу против царского самодержавия одними своими силами, без народа, что привело к еще большим ошибкам». Все это как отрицательный фактор связывалось с судьбой рабочего класса и его организации. «Народники, — говорилось далее в книжке, — отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными

убийствами отдельных представителей этого класса. Они тормозили развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства. Народники мешали рабочему классу понять его руководящую роль в революции и задерживали создание самостоятельной партии рабочего класса»²⁸.

Это еще один из основополагающих тезисов, которому потом десятилетия следовала наша историография и от которого не совсем освободилась даже теперь. Осуждая после убийства Кирова террор, сам Сталин становился в позу негодующего. Но, изображая себя врагом террора, он тем самым как бы брал на себя обязанность карать «террористов», обеспечивая себе свободу действия по отношению к своим жертвам.

После XX съезда КПСС отношение к народничеству медленно, но неуклонно стало меняться, а с начала 60-х годов, когда при секторе капитализма в Институте истории АН СССР образовалась группа по изучению народнического этапа освободительного движения, началось массовое и повсеместное, от Прибалтики до Сахалина, устремление исследователей «в народничество». Однако это было всего лишь «оттепелью». Доктринерство осталось непоколебленным, правда, у исследователей появился «выбор» между ленинской и сталинской доктринами народничества.

Конечно, сталинисты не были обескуражены крутым поворотом историков от исповедуемой ими доктрины и, стараясь отстоять свои позиции, давали бой по узловым вопросам проблемы: периодизация народничества, противопоставление революционной демократии революционному народничеству, теоретический уровень движения 70-х годов XIX в. сравнительно с 60-ми, народничество — рабочий класс, преемственность народнического социализма.

Главный диспут состоялся в 1966 г. в Академии наук СССР. Формально стоял вопрос о периодизации движения народничества, которая с 30-х годов выглядела так: 1) Революционные демократы-шестидесятники. 2) Революционное народничество 70-х годов XIX века. 3) Либеральное народничество 80—90-х годов XIX века. Ленинская точка зрения была отражена в докладе Н. А. Троицкого «К вопросу о периодизации разночинского или буржуазно-демократического этапа в русском освободительном движении (Материалы дискуссии)» (М. 1966). Попытку возродить прежнюю трехчленную периодизацию предпринял А. Ф. Смирнов в докладе «К вопросу о периодизации движения революционных разночинцев (Материалы для дискуссии)» (М. 1966).

В силу специфики вопроса спор о периодизации, естественно, переходил в спор об оценке всего народничества с позиций той или иной концепции, что и стало главным содержанием дискуссии. Сторонники сталинской концепции тогда не победили, тем не менее их точка зрения с некоторой модернизацией получила преимущество в печати²⁹.

Что в свое время заставило отсечь родоначальников народничества, Герцена и Чернышевского, от самого народнического движения? К этому вела логика реализации постановления ЦК ВКП(б) 1935 г. и установок «Краткого курса». Ясно, что нельзя было сбросить со счетов истории весь второй этап освободительного движения, включая эти фигуры, предать и их анафеме. Найти же выход из положения не составило труда. Достаточно было (фактам вопреки!) провозгласить мировоззрение деятелей эпохи крестьянской реформы вершиной домарксовской мысли в России, после чего будто бы последовал спад вплоть до Плеханова, — и все становилось на место в угоду новым установкам. Ленинское прикрытие семидесятников устранилось, и они попадали под обстрел вместе с либеральными народниками: подбирались нужные оценки Лениным либерального народничества и распространялись на семидесятников. На базе такой методологии сложилась громадная литература — историческая, философская, экономическая, правовая, политическая, литературоведческая, представившая народничество в крайне искаженном виде.

Возьмем вопрос о признании семидесятников сравнительно с шестидесятниками. Действенное, впервые вошедшее в соприкосновение с массами народа, а в конце десятилетия объявившее вооруженную войну самодержавию, героическое народничество 70-х годов XIX в. и не оформившееся, на деле выступавшее против властей лишь печатно, народничество начала 60-х в этом смысле столь мало сопо-

ставимы, что можно только удивляться живучести в литературе такого заблуждения. Еще в 1922 г. Б. П. Козьмин показал, что формировавшаяся в начале 60-х годов XIX в. «Земля и воля» старалась вобрать в себя — ценой взаимных уступок — «возможно более широкие круги общества», настроенные оппозиционно к правительству. Эти люди рассчитывали на возможность выступления крестьян, но при этом не хотели допустить резни³⁰.

Не случайно ядро «Земли и воли» составляли лица, не склонные к насилию: братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев, А. А. Слепцов и В. С. Курочкин были типичными демократами-просветителями. Служившая «Земле и воле» в качестве программы прокламация Огарева «Что нужно народу?» при всей ее резко антицаристской и антипомещичьей направленности не содержит призыва к революции. Будущий политический строй представлялся Огареву монархией, ограниченной контролем выборных народных представителей.

«Земля и воля» с начала 1863 г. издавала свой печатный орган «Свобода», в первом номере которого объявлялись программные положения организации. Самодержавие, по мнению Русского ЦК «Земли и воли», «никогда добровольно не может отказаться от вооруженного господства над жизнью людей и их свободой и потому должно быть разрушено». Революция в России считалась неизбежной; она «может получить исполинские размеры кровавой драмы», если ЦК не привлечет в этот момент большинство образованных людей на сторону народа, что сделает царизм бессильным к сопротивлению, и тем самым «так называемые революционеры» предотвратят или ослабят кровопролитие³¹.

В последующих документах Огарев развивал идею военного похода на центры страны «со всех периферий разом» с попутным увлечением войсками за собой народа. ЦК же «Земли и воли», как видно, делал ставку только на народ. В обоих случаях речь идет об использовании силы лишь для того, чтобы заставить правительство созвать народных представителей для определения политической судьбы страны. ЦК предполагал оказать давление на царя привлечением на сторону народа образованных людей, Огарев — напором армии и народа, движение которых приостановится, если царь, испугавшись, даст согласие созвать Земский собор. Все это, так сказать, джентльменская революционность, грешившая изрядной долей наивности. Таково было общее настроение в прогрессивных кругах.

Те же надежды на действенность — в той или иной форме — напора на власть отражаются и в ряде прокламаций. Н. В. Шелгунов в прокламации «К молодому поколению» тоже предпочитает, чтобы «дело не дошло до насильственного переворота», зовет царя добровольно пойти на уступку народу и тем самым предотвратить народное восстание. Иначе, грозит он, сторонники народа для достижения своих целей не пожалеют вырезать и сто тысяч помещиков³². И в «Великоруссе» на первый план выдвигается принуждение царя к уступкам подачей адресов. В то время, говорят современники, общественное настроение было проникнуто предчувствием каких-то близящихся изменений, реформ. «Недовольство везде; все ждут чего-то... императорская Россия разлагается» (Н. В. Шелгунов); «Времена приближаются» (Н. А. Серно-Соловьевич).

«При тогдашней политической незрелости, — пишет Л. Ф. Пантелеев, — казалось, что раз есть такой базис, как «общее недовольство» (слова А. А. Слепцова. — В. А.), то стоит только людям решительным сплотиться между собою, и перед их дружным напором старый порядок неминуемо рухнет, ибо все колеблющееся и пассивно относящееся к общественным делам не только не окажет какого-нибудь сопротивления, но и само будет увлечено... что касается до организации сил, то это дело, именно в силу своей неизведанности, не представлялось чем-нибудь трудным. Кто из людей убежденных... откажется стать за правое дело, кто не выполнит своего долга перед народом?»³³ Последовательно радикальной и по духу созвучной с революционностью 70-х годов XIX в. была прокламация П. Г. Заичневского «Молодая Россия», но именно в силу этого она в еще большей мере расходилась с революционными возможностями эпохи.

Приведенные факты дают основание говорить, что в годы крестьянской реформы сложился не революционно-демократический, а демократический

лагерь. Объединенные защитой интересов крестьян, борьбой за демократизацию страны, его деятели расходились только в способах решения задач эпохи. Одни были убеждены, что добиваться перемен следует только путем насилия над царизмом. Другим казалось возможным принудить его к уступкам мирными средствами (печатать, петиции, адреса, прокламации и т. п.).

Кто из них кто? Сторонниками мер исключительно насильственных по отношению к царизму были Лавров, Добролюбов, группа Аргиропуло — Заичневского и др. Но первые двое считали эти меры пока преждевременными. Добролюбов говорил, что деятели будущей революции еще сидят на гимназической скамье, и ставил целью готовить их к предстоящей борьбе своим революционным просветительством. К демонстрации силы хотели прибегнуть Огарев и деятели второго этапа формирования «Земли и воли», руководимой ЦК. Сторонники мирного пути — Чернышевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин, основатели «Земли и воли» и др. — рассчитывали воздействовать на общественное мнение словом. Именно это направление доминировало в годы реформы. Их тенденция идет от «Современника» к «Отечественным запискам», «Делу» и «Русскому богатству».

Поскольку те и другие находились в ожидании, между ними не было антагонизма. Более того, они не сторонились и либерального лагеря. Созданный демократами Шахматный клуб посещали передовые люди из интеллигенции всех направлений. Чернышевский, обращаясь к образованным людям, либералам-западникам и особенно к славянофилам, звал их оставить свои отвлеченные теоретические споры и объединиться с демократами для совместного напора на правительство с целью предельно радикализировать готовившуюся крестьянскую реформу.

По-настоящему действенной тогда была только печать. «Колокол», «Современник», «Русское дело» формировали общественное мнение, возбуждали чувства протеста против феодально-крепостнических и бюрократических порядков. Чернышевский был арестован не за приписываемый ему призыв крестьян к революции, а как журналист-просветитель, опасный своими обличениями пороков строя и призывами к его коренному реформированию в общинно-социалистическом духе.

Конечно, иное дело — движение 70-х годов XIX века. На смену мечтательному, выработавшему общетеоретические положения поколению первопроходцев вышло новое, полное решимости воплотить теорию в жизнь поколение действительных революционеров. Одно уже великое массовое, почти повсеместное (в 43 губерниях!) движение «в народ» неизмеримо возвышает семидесятников над шестидесятниками. А ведь были еще и «москвичи» с героями их процесса С. Бардиной и П. Алексеевым, создатели образцовой революционной организации «Земля и воля» и грозная «Народная воля», по выражению Плеханова, остановившая на себе «зрачок мира»!

Кому, однако, теперь-то нужно — в свое время надуманное, на песке построенное — противопоставление «революционных демократов» и «революционных народников»? Революционные народники 60—70-х годов XIX в. и есть наиболее решительные и последовательные революционные демократы! Различия между народниками этих десятилетий, конечно, были, но они заключались в развитии (восходящем) семидесятниками теории и практики шестидесятников, что уже доказано в ряде работ о народничестве.

До сих пор остаются спорными важнейшие аспекты деятельности «Народной воли» и тактики ее борьбы. Представление о ней как об исключительно террористической организации утвердилось в историографии на основании личной директивы Сталина и затем постановления ЦК ВКП(б) 1935 года. Это одна сторона вопроса. Другая — был ли в 1870-х годах оправдан террор как тактика борьбы?

Уже в 60-е годы в работах М. Г. Седова, С. С. Волка, В. А. Твардовской, а затем особенно Н. А. Троицкого была показана широкая, далеко не ограниченная одним террором, деятельность народолюбцев в области практики и теории. Казалось, вопрос исчерпан. Но вот в 1986 г. выходит нашумевшая и во многом действительно оригинальная книга о революционной традиции в России. «Народной воле» посвящается в ней глава с примечательным названием «Тупики революционного терроризма». Стремление обнаружить и показать «тупики» терроризма во всех

направлениях деятельности «Народной воли» исключает возможность считать деятельность народовольцев «шагом вперед» по сравнению с их предшественниками. Явление народовольцев представлено в книге скорее случайным. «Про российских террористов конца 70-х — начала 80-х гг., — пишут Е. Г. Плимак и В. Г. Хорос, — можно сказать, что сначала они вынуждены были действовать, затем уже всерьез задуматься над тем, что из их действий произойдет»³⁴. Но ведь уже доказано, что к народовольчеству, то есть к политическим средствам борьбы, народовольческое движение пришло после всех других опытов подготовки экономического переворота, теоретически предуганного Герценом. Как пишет Твардовская, «народовольчество возникло не только как результат неумолимого стихийного хода революционно-практического движения, но и как итог определенных теоретических сдвигов», уже выявившихся к моменту раскола «Земли и воли»³⁵.

Слишком упрощенное, если не сказать больше, представление (постреляли — побомбили, а потом задумались, не выйдет ли из этого чего-нибудь иного, помимо мести и самообороны) не может считаться аргументом для столь решительных оценок. Современники-революционеры год 1878-й считали переломным в практике и сознании народников. И причиной этого была не притягательность террора, а неудачи, которые терпели поселенцы в народе из-за жесткого правительственного преследования. Крахом окончились временные успехи в организации крестьян Я. В. Стефановичем и Л. Г. Дейчем в 1877 г., а также В. Н. и Е. Н. Фигнер, А. И. Иванчиным-Писаревым в 1878 году. А. К. Соловьев пришел к мысли о царубийстве только тогда, когда «потерял веру в пропаганду среди крестьян» и понял, что успех ее может быть достигнут лишь «с расширением политических прав, с какою целью, — по словам Г. Д. Гольденберга, — и совершил покушение»³⁶. Соловьев показал на следствии, что не только хотел отомстить царю за вторые по его воле зверства в отношении революционеров, но и своим актом способствовать «пробуждению общества, постановке на очередь дня вопроса об изменении политического строя, о конституции»³⁷.

Борьба народников «в силу централизованности правительственной машины» и единого санкционирующего начала — неограниченной власти царя, «неминуемо, — говорил А. Д. Михайлов, — привела к столкновению с этим началом»³⁸. Поскольку самодержавие олицетворяло эту систему подавления, царь, естественно, оказывался мишенью для народников. «Становилось странным, — рассуждала В. Фигнер, — бить слуг, творивших волю пославшего, и не трогать господина; политические убийства фатально приводили к царубийству»³⁹.

Террористические акции против царя при отсутствии массового движения и сравнительной ограниченности сил революционеров становились неизбежным в то время средством наиболее эффективного удара по самодержавию⁴⁰. Однако А. Л. Андреев, С. С. Волк и В. П. Наумов и теперь отказываются признать такой метод действия революционеров конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. «морально оправданным и неизбежным»⁴¹.

Аморально всякое насилие над человеком, но бывают такие исторические обстоятельства, среди которых едва ли не на первое место следует поставить господство репрессивного режима власти, когда ответные меры революционеров (если признавать право народа на революцию) на его насилие становятся неизбежными и необходимыми средствами защиты или нападения. Народовольцы с негодованием откликнулись на террористический акт против президента США Дж. Гарфилда: «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия»⁴².

Эти слова заставляют нас обратиться к реалиям тогдашней России и без всякого труда увидеть царизм, одержимый ненавистью к свободной мысли, свободному слову и свободному поступку, жестоко карающий за малейшее их проявление его подданными. Особой жестокостью отличались политические процессы с 1878

года. Власти стали предавать революционеров военному суду. С августа 1878 г. по 1 марта 1881 г. 48 (из 63) процессов были проведены военным судом. В зиму 1878—1879 г. в Петербурге было арестовано свыше 2 тыс. человек. Одесский генерал-губернатор Э. И. Тотлебен отправлял в ссылку «вагонами»; киевский, М. И. Чертков, в апреле — мае 1879 г. ежемесячно подписывал по несколько смертных приговоров. За 1879—1882 гг. было казнено 30 революционеров. При исполнении приговоров применялись садистские методы. Чего стоила, например, царская «милость», когда приговоренному к смерти закрывали голову капюшоном и так держали перед виселицей (Н. А. Ишутин) или примеряли на шее петлю (С. А. Лешерн), а затем объявляли помилование? Вешали даже за то, что находили при обыске прокламацию «Народной воли» или за принадлежность к революционной организации⁴³.

Как тут не повторить слова Энгельса, что «против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пуль» и что в России это «единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима»⁴⁴.

Вот этому режиму (я бы сказал, «чудовищному», если бы не было сталинщины) «Народная воля» открыто объявила войну, из которой, как говорила С. Перовская, лишь одна сторона могла выйти победителем. Спрашивается, можно ли в условиях объявленной войны назвать аморальным применение народовольцами оружия против бешеного белого террора? Или, осуждая ответный красный террор, следует благодушно закрывать глаза на белый? Или, наконец, получив удар и не противясь злу насилием, подставлять себя для другого? А ведь Л. Н. Толстой, проповедуя эту теорию, симпатизировал, как и вся передовая интеллигенция России (что убедительно показано Троицким), народовольцам, наносившим смелые удары по ненавистному самодержавию.

Андреев, Волк и Наумов указывают на некритическое использование иначе, чем они, думающими историками мемуарных источников, на выборочное цитирование высказываний Ленина о терроре. По их мнению, такие историки народовольчества пытаются «пересмотреть выработанную еще первыми российскими марксистами, а затем Лениным, большевистской партией оценку индивидуального террора народников»; они заявляют, будто Ленин «категорически» отвергал народо-вольческую тактику террора⁴⁵. Выше показано, что это утверждение неверно, что Ленин и до революции в принципе не отвергал возможности использования террора и большевиками. Речь шла лишь о тактике его применения.

Будь Ленин органически неприемлющим террор, он воспротивился бы ему, когда террор развернулся после революции в таком масштабе, что границы его в полной мере пока еще не определены. Слово «растрелять!» часто срывалось с языка и выходило из-под пера Ленина, который был вдохновителем массового красного террора. Сохранилось немало документов такого рода; еще один недавно стал доступным. Это письмо Ленина В. М. Молотову от 19 марта 1922 г. об изъятии церковных ценностей. Автор письма настаивает, что это изъятие «должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять (без суда! — В. А.), тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать»⁴⁶. Сколько людей было обречено этим письмом на смерть?

Теперь о проблеме «народничество и рабочий класс». Она не богата специальными исследованиями, однако каждый раз, когда она затрагивалась — в книгах о народничестве или о рабочем классе — авторы давали трактовки, редко отличавшиеся от тех, что имелись в «Кратком курсе»: народники-де затемняли сознание рабочих, задерживали создание рабочих организаций и т. п. С этим можно встретиться и в сравнительно недавно появившейся литературе.

П. С. Фатеев полагает, что деятели 60—70 годов XIX в., сосредоточивая свои усилия на крестьянах, представляли их себе в первоизданном, социально недифференцированном виде. Народники якобы были далеки «от реальной действительности»

сти, от жизни остальных слоев трудового народа», а потому не видели ни развития капитализма, ни роста пролетариата и непримиримости противоречий «растущих новых сил»; не замечали они и большей «восприимчивости рабочих к революционной теории и организованной борьбе». А. Ф. Костин, который сначала признал, что народники «способствовали формированию демократических взглядов передовых рабочих, вовлекая их в освободительную борьбу», затем все же счел нужным заметить, что они, в силу ограниченности мировоззрения рамками крестьянского социализма, сковывали развитие рабочего движения⁴⁷ и даже мешали правильному пониманию исторической роли пролетариата.

А как обстояло дело в действительности? Народники прекрасно понимали буржуазный характер реформы 1861 г., видели пролетаризацию деревни и зарождение в общине кулака. Потому-то они и спешили одержать победу, чтобы предотвратить окончательное разложение капитализмом деревни, общины. Народники не только заметили появление в стране рабочих, но и сразу оценили их большую, чем у крестьян, восприимчивость к пропаганде, потому-то и открыли для них свои школы — кружки социализма, первыми стали излагать им сведения о «технике» эксплуатации по «Капиталу» Маркса. Этим в начале 70-х годов XIX в. занялось Большое общество пропаганды. Пока еще народники считали рабочих посредниками между ними и крестьянами, но стали уже продумывать и вопрос о создании рабочей организации.

Продолжая пропаганду в рабочей среде, «Москвичи» и «Земля и воля» со второй половины 70-х годов XIX в. уже включали рабочих в свои организации. Е. О. Заславский в 1875 г. создает Южно-российский союз рабочих, а ученики народников В. П. Обнорский и С. Н. Халтурин, — Северный союз русских рабочих, тесно связанный с «Землей и волей». Землевольты выступают организаторами рабочих забастовок. Создание в стране первых рабочих союзов — это прежде всего результат привнесения народниками в организованную среду передовых рабочих социалистической теории в виде симбиоза экономической теории Маркса и общинных идеалов народников.

«Народная воля», создав рабочую организацию (со своей программой и органом печати), разрабатывала такой тип политического переворота, который предусматривал сочетание политического заговора с движением рабочих. В рабочей программе (1880 г.) народовольцы именно рабочим в момент политического переворота отводили главную роль в формировании «Временного правительства из рабочих или из лиц, известных своею преданностью народному делу». В случае же создания нерабочего правительства «рабочие, — говорилось в программе, — зорко следят за Временным правительством и заставляют его действовать в пользу народа»⁴⁸. Это уже крупный шаг в осмыслении революционной роли рабочего класса.

В Программе террористической фракции «Народной воли» (1887 г.) говорится, что «рабочие будут оказывать сильное влияние на исход всякого революционного движения... будут иметь решающее влияние не только на изменение общественного строя», но и, «являясь наиболее способной к политической сознательности общественной группой», составят поэтому «ядро социалистической партии, ее наиболее деятельную часть»⁴⁹.

Наконец, «Группа народовольцев» 1894—1896 гг. заявляла: «Революционная партия есть по преимуществу рабочая партия... Мы — социалисты и наше место в среде рабочего класса». Группа активно сотрудничала с Союзом борьбы за освобождение рабочего класса⁵⁰. Сближением их взглядов объясняется переход ряда членов группы на позиции набиравшей силы социал-демократии. Вспомним ленинские слова о том, что первые социал-демократы начинали мыслить как народовольцы, не исключая, конечно, и самого Ленина, который боготворил своего старшего брата-народовольца. Как видим, народовольчество не исчерпывалось терроризмом, не зашло в «тупик», а шаг за шагом выходило на дорогу сближения с движением рабочего класса.

Сталинщина значительно и надолго отдала нас от народничества. Но интерес к нему не угас. Конечно, многое в народничестве уже не актуально. Но есть такие его ценности, которые нужны нашему обществу. К ним прежде всего отно-

сится его нравственная, этическая теория, учение о человеке, наиболее обстоятельно разработанное Лавровым. Пренебрежение человеком в пользу прямолинейно понятого примата экономики, подчинение его ей стоило нам ощутимой потери таких качеств, как честь и достоинство личности, благородство поступка и цельность натуры, стыд и совесть... Что же, впрочем, говорить о нравственности, если скомпрометировавшие себя высшие чины как ни в чем не бывало не только не уходят со своих постов, но продолжают поучать, как нам надо работать и жить. Лавров предупреждал: «Самые жестокие, самые опасные удары, которые могут быть нанесены партии, суть удары, наносимые ей нравственной несостоятельностью ее членов»⁵¹.

В последнее время появляются работы, авторы которых не только указывают на выдающиеся исторические заслуги народничества в прошлом, но и делают попытки перекинуть от него мост к современности. О. В. Мартышин пишет, что народничество 60—70-х годов XIX в. «было величайшим революционным движением своего времени, голосом всех угнетенных трудящихся масс России»⁵². С. Е. Дейцев указывает на революционное народничество и марксизм как на «разные типы революционной, прогрессивной, демократической идеологии»⁵³.

С далеко идущими оценками народничества выступил Р. В. Филиппов. Он старается обосновать три положения. Прежде всего осуждает шараханье историков, пытавшихся — из-за того, что буржуазные историки «выводят» ленинизм из учения теоретиков народничества, — отрицать национальные истоки революционной социал-демократии России⁵⁴.

Филиппов пишет далее о возникновении русского марксизма на базе учения Маркса и Энгельса и осмысления теоретического и практического опыта «наших предшественников», в чем ему видится «идейная преемственность между домарксистской общественной мыслью и всем русским марксизмом (в том числе и большевизмом) на более широкой основе, чем та, которая ограничивала ее базу узким кругом некоторых демократических и организационных идей».

Наконец, Филиппов упрекает историко-партийную мысль (?) в том, что она не сумела рассмотреть народничество в перспективе, между тем как Ленин якобы признавал, что в новой политической обстановке, после Октября, стало очевидным здоровое, жизнеспособное социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство в его трудовой части присоединить к международному социалистическому движению рабочих. Филиппов считает, что это относится ко всему народничеству, и потому видит в ленинском высказывании «крупнейшее и важнейшее новое звено» в концепции народничества, коренной пересмотр им точки зрения на социализм, в том числе на «фантазии» «старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна», крестьянский социализм с его общиной, их роль в реализации Декрета о земле⁵⁵. Словом, будто бы пересмотрев после Октября коренным образом свою точку зрения на социализм, Ленин вернулся к «коренным истокам национальной мысли», в данном случае к народничеству.

Нет, этого с ним не произошло. Ленин потерял четыре года, бесплодно и губительно придерживаясь в период «военного коммунизма» футурологии Маркса. А надо бы было оглянуться назад, обратиться к отечественному наследию, именно к социализму теоретиков народничества, и, сопоставив принципы того и другого учения и с учетом национальных традиций России, избрать наиболее рациональные ориентиры.

В этом случае уместно напомнить принципы «Манифеста коммунистической партии», которыми после Октября стал руководствоваться Ленин: «1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов. 2. Высокий прогрессивный налог... 5. Централизация кредита в руках государства... с исключительной монополией. 6. Централизация всего транспорта в руках государства. 7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану. 8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия. 9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней. 10.

Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.»⁵⁶. Политическое устройство Маркс мыслил в форме диктатуры пролетариата и экономику базировал на безрыночной, распределительной основе. Это были принципы казарменного социализма с его диктатурой власти, исключительной централизацией в руках государства обобществленных орудий и средств производства, собственности вообще и превращением работников города и деревни в трудовые армии.

А что предлагали теоретики народничества? Например, о власти. Все они были федералистами. Но одни (Лавров и Ткачев) считали необходимым установление сначала диктатуры победившей партии, Лавров — партии народа, Ткачев — партии заговорщиков-интеллигентов, сверху декретирующей социализм; другие (Герцен, Чернышевский и Бакунин) были за самоуправление и федерацию. Анархисты-федералисты предлагали не абсолютное безвластие и произвол, как у нас принято думать. Герцен говорил, что «если «анархия» значит беспорядок, произвол, разрыв круговой поруки, несоответствие разуму, — то социализм с ней борется еще более упорно, чем монархия»⁵⁷.

Герцен, Чернышевский и Бакунин в идею федерации вкладывали право общины, артели, города быть полностью самостоятельными в своей внутренней жизни: «Каждое село и каждый город независимы в делах, касающихся его одного; каждая область — в своих делах», — писал Чернышевский⁵⁸. Но были и общие интересы: финансы, дороги, почта, ярмарки и т. п. Возникла необходимость общего управления. Оно формировалось путем делегирования полномочий сначала в областное управление, а через него — во всероссийское. Наиболее полно формы, права и обязанности местного, областного и всероссийского управления разработаны Бакуниным⁵⁹.

Все трое мыслили формирование системы управления на основе принципа демократии. «Социалисты прежде всего, — писал Герцен, — мы глубоко убеждены, что общественное развитие возможно только при полной республиканской свободе, только при полном демократическом равенстве... социализм, который пытался бы обойтись без политической свободы, без равенства в правах, быстро выродился бы в авторитарный коммунизм»⁶⁰. Диктатура, считал, вторя ему, Чернышевский, несомнима «с необходимыми условиями для народного блага», ибо она основана «на порабощении», а нация «не может быть руководима одним насилием», делающим все здание «похожим на железную клетку». Демократия «противоположна бюрократии и централизации», она требует «самоуправления и доводит его до федерации»⁶¹.

Ленин стал следовать централизму Маркса. Будь Маркс более последовательным, он, утверждая, что капитализм создает экономические предпосылки социализма, должен был бы признать, что при столь высоко развитых производительных силах, сложившаяся буржуазная демократия исключала бы необходимость насильственного перехода к социализму, да еще диктаторскому. Сколько бы Маркс ни обосновывал эту диктатуру как предельность трудящихся, Бакунин в споре с ним о власти был прав, когда, пророчески возражая ему, говорил, что если даже избранные для управления будут из рабочих, то они, «лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природой человека»⁶². Так и вышло.

Сейчас мы силимся демонтировать централизованную, придавившую народ партийно-административную диктатуру и на ее развалинах построить здание демократической федерации с органами народного самоуправления на производстве и на местах, что и завещали нам теоретики-федералисты народничества.

Экономическое благополучие масс они связывали с развитием общинного производства на селе и артельного в городе. При этом «право каждого на пожизненное владение землей» было принципом Герцена. Чернышевский хотел в будущем видеть «соединение собственности и работника в одном и том же лице», чтобы «сам

работник был и хозяином» произведенного им продукта⁶³. «Земля со всеми ее естественными богатствами, — писал Бакунин, — собственность всех, но обладать ею будут те, кто ее обрабатывает». И еще: чтобы «земля... принадлежала крестьянам, и каждый владел только тем, что обрабатывает собственными руками»⁶⁴.

Вот принцип народников: земля в пределах общины общая, но владение ее участками и продуктами труда — личное. Военный коммунизм и коллективизация сломали эту национальную традицию. Насильственное обезземеливание, экспроприация крестьянства завели наше сельское хозяйство в тупик.

Очевидно, что сохранение при нэпе всесторонне кооперированного единоличника, владевшего средствами и продуктами своего труда при рыночных связях и потому заинтересованного в труде, было бы великим благом для социализма. Именно экспроприация крестьянства, обобществление и обезличение собственности, организация тружеников деревни и города в трудовые армии, что было завещано социализму Марксом, и привели к нашим нынешним печальным хозяйственным делам.

Крах централизованного социализма свидетельствует о двух ошибках Ленина и в отношении к марксизму: он совершил волонтаристскую революцию в стране неразвитого капитализма и после нее стал следовать догматам марксовой футурологии. Но поскольку революция стала фактом, альтернативой марксизму могло быть лишь учение о социализме, выработанное народническими теоретиками-федералистами, которым Ленин пренебрег как реакционным. Сегодня народничество вновь зовет строптивую науку обратить на себя внимание.

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 94.
2. Там же. Т. 1, с. 284; см. так же: т. 12, с. 40.
3. Там же. Т. 1, с. 272.
4. Там же, с. 271; т. 8, с. 77.
5. Там же. Т. 21, с. 257.
6. Там же. Т. 25, с. 94; т. 20, с. 172, 179.
7. Там же. Т. 5, с. 402.
8. Там же. Т. 22, с. 304; т. 6, с. 135; т. 9, с. 179; т. 24, с. 334.
9. Там же. Т. 30, с. 315, 316; т. 5, с. 39, 44, 45; т. 4, с. 267.
10. Там же. Т. 2, с. 459.
11. Там же. Т. 4, с. 176; т. 5, с. 56—57.
12. Там же. Т. 9, с. 130.
13. Там же. Т. 11, с. 269.
14. Там же. Т. 5, с. 7, 8; т. 6, с. 173.
15. Там же. Т. 8, с. 77.
16. Там же. Т. 2, с. 528, 529.
17. Там же. Т. 1, с. 530.
18. Там же. Т. 4, с. 232, 330; т. 6, с. 336.
19. Там же. Т. 6, с. 25.
20. Там же. Т. 4, с. 176, 327; т. 6, с. 106.
21. Там же. Т. 41, с. 8.
22. Там же. Т. 47, с. 228.
23. Там же. Т. 1, с. 353; т. 19, с. 172.
24. Там же. Т. 4, с. 237.
25. Цит. по: СЕДОВ М. Г. Советская литература о теоретиках народничества. В кн.: История и историки. М. 1965, с. 257.
26. Правда, 15. VI. 1935.
27. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938, с. 12—13.
28. Там же.
29. См.: ВОДОЛАЗОВ Г. Г. От Чернышевского к Плеханову. М. 1969, с. 126; ПАНТИН И. К. Социали-

- стическая мысль в России: переход от утопии к науке. М. 1973, с. 121; ИОВЧУК М. Т. Революционный демократизм и научное мировоззрение Н. Г. Чернышевского, его наследие и советская наука. В кн.: Н. Г. Чернышевский и современность. М. 1980, с. 49; БУРЛАК С. Н. Отражение идей марксизма в русской прогрессивной общественной мысли 1840—1860-х годов. М. 1980, с. 78, 144, 145; ЩИПА-НОВ И. Я. Философия и социология русского народничества. М. 1983, с. 5; ФЕДОРКИН Н. С. Утопический социализм идеологов революционного народничества. М. 1984, с. 195; и др.
30. КОЗЬМИН Б. П. П. Н. Ткачев. Революционное движение 1860-х годов. М. 1922, с. 23, 25—28.
  31. Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. Париж. 1905, с. 89—92.
  32. Народническая экономическая литература. М. 1958, с. 83—98.
  33. ПАНТЕЛЕЕВ Л. Ф. Воспоминания. М. 1958, с. 295.
  34. ПАНТИН И. К., ПЛИМАК Е. Г., ХОРОС В. Г. Революционная традиция в России. 1783—1883. М. 1986, с. 256.
  35. ТВАРДОВСКАЯ В. А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870—1880 гг. М. 1969, с. 39.
  36. Цит. по: там же, с. 45.
  37. Былое, 1918, № 1, с. 149.
  38. Там же, 1906, № 1, с. 299.
  39. ФИГНЕР В. Н. Запечатленный труд. Т. 1. М. 1933, с. 121.
  40. См.: МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 19, с. 158; т. 21, с. 197; т. 35, с. 147—148.
  41. АНДРЕЕВ А. Л., ВОЛК С. С., НАУМОВ В. П. Надо внести ясность. — Вопросы истории КПСС, 1988, № 2.
  42. Литература партии «Народная воля». М. 1930, с. 127.
  43. ТРОИЦКИЙ Н. А. Безумству храбрых. М. 1978, с. 113, 123, 154, 197, 195.
  44. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 19, с. 158.
  45. АНДРЕЕВ А. Л., ВОЛК С. С., НАУМОВ В. П. Ук. соч., с. 134, 135.
  46. Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 193.
  47. ФАТЕЕВ П. С. Первые российские марксисты. М. 1983, с. 44, 45; КОСТИН А. Ф. От утопии к науке. М. 1984, с. 53, 54, 56.
  48. Революционное народничество 70-х гг. Т. 2. М.—Л. 1965, с. 190.
  49. Народническая экономическая литература, с. 633.
  50. Там же, с. 640.
  51. ЛАВРОВ П. Л. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. М.—Л. 1925, с. 223—224.
  52. МАРТЫШИН О. В. Ленинская концепция революционной демократии и развивающиеся страны. В кн.: Революционная демократия и коммунисты Востока. М. 1984, с. 29.
  53. ДЕЙЦЕВ С. Е. Идейное наследие П. Ткачева и современная идеологическая борьба. В кн.: История политической мысли и современность. М. 1988, с. 163.
  54. Западные авторы действительно глубоко ошибались, заявляя, что в нашей стране реализовывались идеалы народнического социализма.
  55. ФИЛИППОВ Р. В. Национальные корни Российской социал-демократии. — Вопросы истории КПСС, 1989, № 12, с. 30, 32.
  56. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 4, с. 446—447.
  57. ГЕРЦЕН А. И. Собр. соч. В 30-ти тт. Т. 25. М. 1961, с. 257.
  58. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М. 1950, с. 653.
  59. См. Материалы для биографии М. А. Бакунина. Т. 3. М.—Л. 1928.
  60. ГЕРЦЕН А. И. Ук. соч. Т. 5, с. 88, 89.
  61. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Ук. соч., с. 399, 523, 652.
  62. БАКУНИН М. А. Полн. собр. соч. Т. 2. Б. м. Б. г., с. 217.
  63. ГЕРЦЕН А. И. Ук. соч. Т. 14, с. 181; ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Ук. соч. Т. 7, с. 19, 20, 23; т. 5, с. 615; т. 9, с. 643.
  64. Материалы для биографии М. А. Бакунина, с. 61, 310.

Борьба в Большевистском центре в 1908 — 1909 годах

Т. О'Коннор

Серьезным вопросом для большевистского крыла РСДРП был недостаток средств. До конца 1907 г. казна фракции пополнялась с помощью экспроприаций, но затем проблема доступа к деньгам, добытым таким путем, равно как и распоряжения этими средствами, приобрела политический характер и вызывала раздор как в социал-демократии в целом, так и особенно в большевистской фракции.

Совершив в июне 1907 г. в Тифлисе ограбление банка и переправив деньги, большей частью в 500-рублевых купюрах, лидерам Большевистского центра в Куоккале (Финляндия), легендарный боевик Камо (С. А. Тер-Петросян) бежал из России. 9 ноября берлинская полиция, предупрежденная одним из осведомителей царской охранки, внедренным в Большевистский центр, арестовала Камо, обнаружив при нем нем динамит, но ни одной из крупных банкнот, свидетельствующих о тифлисском ограблении. Суда он избежал, симулируя сумасшествие, из-за чего в июне 1908 г. был направлен в психиатрическую лечебницу; только в октябре 1909 г. он был передан царским властям и заключен в тюрьму (в Тифлисе).

В декабре 1907 г. большевики переправили банкноты в Западную Европу. Они решили начать процесс их легализации в январе 1908 г., после приезда В. И. Ленина и А. А. Богданова из Куоккалы¹.

План превращения тифлисской добычи в наличные деньги принадлежал Л. Б. Красину². Я. А. Житомирский, член организации РСДРП в Берлине и платный сотрудник охранки, сообщил полиции о предпринятых большевиками попытках обменять 500-рублевые банкноты в западноевропейских банках. Сам он привез несколько штук с собой в Берлин. Используя донесение Житомирского, охранка разослала в западноевропейские банки списки с номерами серий 500-рублевых русских банкнот, и к концу января в Берлине, Мюнхене, Стокгольме, Париже и Цюрихе полиция арестовала некоторых большевистских агентов при попытке обмена; в частности, парижская полиция задержала М. М. Литвинова, организатора операций в Западной Европе, имевшего при себе несколько банкнот. Французские власти отказались выдать его царской полиции и вскоре отпустили — за недостатком улик, изобличающих его в причастности к тифлисскому грабежу. Однако он был выслан за пределы Франции как персона нон грата³.

План обмена 500-рублевых банкнот провалился. Красин, в то время, по-видимому, не подозревавший о роли Житомирского в этом деле, обвинил в провале

О'Коннор Тимоти — профессор Университета Северной Айовы (США)

Литвинова и объявил его плохим конспиратором⁴. Были пресечены и последующие попытки обмена.

Окончательная судьба тифлисских банкнот туманна и противоречива. Согласно некоторым версиям, большевикам практически не удалось перевести награбленное в иностранную валюту. В январе 1910 г. пленум ЦК РСДРП обязал Ленина сжечь 500-рублевые банкноты, еще не найденные полицией (около 200 тыс. руб.)⁵. Сподвижники Красина по революционному движению А. М. Игнатъев и М. Н. Лядов утверждали, что большевики хотели полностью уничтожить эти деньги, но Красин предотвратил это, успешно обменяв какую-то часть тифлисской добычи. Они рассказывали, что после опубликования охранкой серийных номеров банкнот Красин уговорил молодую художницу-гравера А. Л. Шмидт подделать их. Затем он попросил Игнатъева, выходца из богатой и уважаемой семьи, обменять поддельные банкноты на западную валюту. Если этот эпизод достоверен, а это скорее всего так, тогда обмен подделанных купюр удался, не считая двух 500-рублевых банкнот: Шмидт случайно проставила на них такие номера, которые еще не использовались царским правительством⁶.

Когда 25 декабря 1907 г. Ленин приехал из Куоккалы в Женеву, он подвергся острой критике со стороны Г. В. Плеханова, Ф. И. Дана, П. Б. Аксельрода, А. С. Мартынова и Ю. О. Мартова, осудивших экспроприации, и особенно тифлисское ограбление, проведенные вопреки решениям IV и V съездов РСДРП, запретивших партизанские методы борьбы. Меньшевики использовали новую газету фракции «Голос социал-демократа» (первый номер ее вышел в феврале 1908 г.) для атаки на большевиков и даже призвали исключить их из партии. Меньшевистские лидеры утверждали, что огласка причастности большевистских агентов к тифлисскому ограблению нанесла непоправимый вред репутации РСДРП в глазах рабочих России и социал-демократов Западной Европы. Многие меньшевики возобновили свое требование сосредоточить силы на агитации и пропаганде, чтобы создать массовую партию рабочих, а не профессиональных заговорщиков; они вновь подчеркивали важность легальной, парламентской деятельности в период усиления политической реакции. (Однако, в противоположность тому, что наговаривали на них большевики, меньшевики понимали, что в России подпольные партийные ячейки все же будут необходимы легальным рабочим организациям для поддержки⁷.)

Этот скандал побудил многих большевиков также поставить под сомнение тактику экспроприаций. Разногласия заставили и Ленина по-иному взглянуть на свой союз с Красиным и Богдановым. Страсти еще больше разгорелись, когда германские социал-демократы обнаружили, что Красин собирался с помощью их партии печатать фальшивые трехрублевки. При обысках по поводу тифлисских банкнот берлинская полиция, основываясь опять-таки на информации Житомирского, изъяла в ряде большевистских адресов заготовленную бумагу для печатания денег, и германским социал-демократам стало известно, что Красин использовал газету «Vorwärts», чтобы переправлять в Россию не революционную литературу, а специальную бумагу, необходимую для изготовления фальшивых трехрублевых купюр⁸.

В докладе Департаменту полиции от 20 марта 1908 г. охранка из Парижа подробно описывала развал русского революционного движения. Зимой 1907—1908 гг. большинство участников подполья эмигрировало. Ввоз нелегальной литературы в Россию наталкивался на немалые трудности. Свою деятельность в империи ЦК РСДРП ввиду правительственного преследования фактически прекратил, партийный съезд или пленум могли быть проведены в безопасности только за границей. Заседания ЦК проходили в бурных спорах между большевиками, меньшевиками и представителями национальных групп; скандал вокруг экспроприаций подлил масла в огонь. Как торжествующе докладывала парижская охранка, местные партийные ячейки были разгромлены, а их члены арестованы; в результате РСДРП в значительной мере превратилась в организацию эмигрантов⁹.

Парижская охранка далее сообщала, что после 1908 г. большевикам не удалось взять ЦК под свой контроль, поэтому меньшевики не упустили случая начать расследование в отношении проведенных экспроприаций; ЦК объявил, что не

несет ответственности за тифлисский «экс», и предписал Заграничному Центральному бюро (ЗЦБ) тщательно расследовать это дело и предпринять общий анализ экспроприаций и роли Большевистского центра в их проведении¹⁰. Расследованием экспроприаций руководил Г. В. Чичерин — в то время меньшевик, избранный секретарем ЗЦБ. Поскольку большинство в местных партийных организациях Закавказья принадлежало меньшевикам и они также доминировали в ЗЦБ, большевики были отброшены на оборонительные позиции; в то же время и внутри их собственной фракции существовал серьезный разлад¹¹.

Красин находился в России в подполье дольше, чем большинство других лидеров революции. 11 ноября 1907 г. он случайно (опоздав на заседание) избежал ареста, когда полиция ликвидировала Петербургский комитет РСДРП, но все же ему грозило привлечение к суду, а пока он продолжал работать в Обществе 1886 г. в Петербурге, выезжая на дачу в Куоккале, где жила его семья. Тайная полиция вплотную занялась его деятельностью. Зима 1907—1908 гг. была для него особенно трудной. В начале марта 1908 г. финские жандармы арестовали в Териоках (Финляндия) одного из его связных и нашли документы, дающие основание для преследования Красина; петербургская жандармерия возбудила вопрос о его выдаче. Красин организовал налет одного из своих боевых отрядов на полицейский участок, чтобы захватить эти материалы. Боевики успешно провели операцию, и улики были изъяты¹². Тем не менее утром 9 марта финские жандармы по распоряжению из Петербурга явились в Куоккалу на дачу Красина, чтобы его арестовать. Несмотря на безрезультатность обыска, Красин очутился в Выборгской тюрьме; оттуда он 26 марта 1908 г. попытался с помощью А. М. Игнатьева и С. М. Познера бежать, подпилив решетку, но побег не удался¹³.

Красин, члены его семьи и большевики еще несколько раз пытались устроить побег и были уверены, что его скоро переведут из Выборга в Петербург. Однако особенностью судопроизводства в Финляндии был строго фиксированный 30-дневный срок со дня ареста, в течение которого финские власти не могли передать арестованного под российскую юрисдикцию, не получив надлежащим образом оформленного официального обвинения. По истечении 30 дней, не получив такого документа, прокурор, согласно финским законам, обязан был освободить арестованного¹⁴. Между тем добыть вещественные доказательства причастности Красина к делу Петербургского комитета так и не удалось, а финны устояли под давлением из Петербурга. Губернатор в апреле 1908 г. выпустил его из Выборгской тюрьмы на 31-й день заключения и даже выдал ему заграничный паспорт, посоветовав уехать за границу, пока петербургская охранка не добилась его ареста. Бумага из петербургского суда прокурору Гельсингфорса о выдаче Красина опоздала на один день¹⁵. Понимая, что оставаться в России больше нельзя, Красин отправился в Штеттин, затем в Берлин и Париж, семья же временно осталась в Куоккале.

Жизнь русских эмигрантов была ему мало знакома; он чуждался интриг и пустых споров на идеологические и философские темы, но был оторван и от того, что он считал гораздо более важным, — от профессиональной революционной борьбы в подполье, где за короткий период сделался едва ли не самым влиятельным из российских социал-демократов. И вот революция потерпела поражение: хотя царское правительство и вынуждено было пойти на компромисс в отдельных вопросах, например о Государственной думе, оно наголову разбило оппозицию. Не только РСДРП, но и большевистская фракция были безнадежно расколоты и раздираемы разногласиями. (В некоторых из них был повинен и Красин.) Он порвал с меньшевиками, не приемля их отказа от боевых методов.

Нежелание Красина отдать приоритет легальной, парламентской тактике вначале завоевало ему всеобщие симпатии в большевистской фракции, но ситуация изменилась, революционная волна откатилась назад, и многим большевикам против их желания пришлось поддержать участие в Думе социал-демократов; Красин же не изменил своих взглядов. Хотя в этом вопросе он расходился с Лениным, они продолжали сотрудничать вместе с Богдановым в Большевистском центре — наиболее радикальном крыле большевизма. Здравому смыслу меньшевиков и их многочисленной, постоянно растущей фракции они противопоставили Боевую техниче-

кую группу (БТГ), созданную для нападения на банковские и почтовые отделения и прочих антиправительственных действий. Однако Красин и Богданов были чересчур воинствующими радикалами даже для Ленина, который был не менее их предан социалистической идее, настойчив, беспощаден, но в отличие от них обладал более широким взглядом на политическую обстановку, практичностью и реализмом.

Встретившись с Лениным в эмиграции в апреле 1908 г., Красин спорил с ним о том, что плодотворнее для нового взлета революции и свержения царизма: деятельность социал-демократов в Думе и легальные рабочие организации или террористическая тактика и подпольная партийная структура. Однако источник их разногласий не сводился к вопросу о политических методах. Контроль над большевистской кассой также был предметом спора, особенно в условиях, когда они по-разному смотрели на то, как следует тратить эти средства. Красин и Богданов хотели использовать часть тифлисской добычи на организацию освобождения Камо. Красин чувствовал себя обязанным помочь соратнику; помимо прочего, Камо много знал о большевистских отрядах боевиков. Красин надеялся, что такая информация не дойдет до полиции. Однако Ленин не разрешил финансировать этот план¹⁶.

Со времени II съезда РСДРП и размежевания между большевиками и меньшевиками Красин ведал казной в первую очередь партии, а во вторую — большевистской фракции. Но в начале 1908 г., после трений, вызванных тифлисским ограблением и попыткой Красина печатать фальшивые трехрублевки, Ленин стал подумывать о том, чтобы удалить его и Богданова, заменив их новой финансовой комиссией Большевистского центра. Крайний радикализм Красина был с симпатией встречен революционерами-практиками в России. Однако, когда революционное движение в 1906—1907 гг. пошло на убыль, ленинская оценка ситуации постепенно завоевывала все больше сторонников.

На исход соперничества в 1908—1909 гг. повлияло также и то, что для Красина среда политической эмиграции не была привычной, Ленин же чувствовал себя в ней, как рыба в воде. В то время как Красин был первым среди революционеров в России, Ленин лидировал среди эмигрантов. У Красина почти не было опыта политического журналиста, он не любил идеологических и политических споров, в которых Ленин проявлял огромный талант. Красина не увлекала полемика с революционными публицистами насчет тонкостей марксистской теории. Большой стаж нелегальной борьбы не дал ему опыта в подготовке запрещенных ударов, тайных сговорах, манипуляциях и интриганстве, собственных заграничным кругам РСДРП. Оторванный от революционного подполья, он неожиданно оказался не у дел среди социал-демократических журналистов и агитаторов в Западной Европе.

За границей Ленин шел против своих приятелей-большевиков точно так же, как и против меньшевиков, эсеров и либеральных оппозиционеров. Красина, напротив, опыт подполья убедил в том, что царизм — это общий враг, и он так силен, что одолеть его можно лишь совместными усилиями всего революционного движения. Он сожалел о том, что не в силах объединить большевиков и меньшевиков, и с неохотой оставил подрывные методы борьбы, которым отдавал безусловное предпочтение. Ленин не знал подобных сожалений и опасений, и это качество обеспечило ему решающее преимущество в борьбе за влияние в партии.

В 1908 г. короткое время Красин работал в фирме «Альгеймайне электрише гезельшафт», с которой, вероятно, вел какие-то дела еще будучи в России. Когда же обнаружили его планы фабрикация фальшивых трехрублевок, то скорее всего именно из-за этого он потерял место в фирме¹⁷. Лето и зиму 1908 г. он провел в поездках по Западной Европе по партийным делам. Его семья все еще оставалась в Куоккале. Здоровье его пошатнулось: напряженная работа в Петербурге и тюремное заключение в Выборге подорвали нервную систему Красина. Он чувствовал слабость и жаловался на перебои в сердце. В Берлине врачи нашли у него болезнь желудка и предписали специальные упражнения и вегетарианскую диету. Он заинтересовался медициной и даже лечил себя сам. К концу 1908 г., когда в Берлин приехала из Куоккалы семья, его здоровье улучшилось¹⁸.

Ленин и Богданов с декабря 1907 г. обосновались в Женеве, где возобновили выпуск газеты «Пролетарий». Первое время трения в Большевистском центре

вызывались прежде всего политическими разногласиями по вопросу об участии социал-демократов в работе Государственной думы. Денежные вопросы также все чаще становились среди большевиков предметом разногласий, особенно между Красиным и Лениным. Вскоре, однако, в драме развала Большевицкого центра появился третий разрушающий фактор. На этот раз спор шел между Богдановым и Лениным. Красин был в него втянут косвенным образом, как наблюдатель, но не как главный участник. Хотя марксистская теория в конечном счете не имела такого значения, как финансы или политика, тем не менее идеологические и философские разногласия также явились причиной развала Большевицкого центра в 1908—1909 годах.

В 1904 г., когда был основан этот центр, Богданов и Ленин договорились не обсуждать публично вопросы марксистской философии и вступили в политический альянс. Покуда Богданов яростно спорил с Плехановым о теории познания, большевики полагали, что для них это не принципиально, однако на практике получилось, что эти вопросы вообще оказались для них чуждыми. В 1904—1906 гг. Богданов опубликовал трехтомный труд «Эмпириомонизм», в котором, основываясь на эмпириокритицизме Э. Маха и Р. Авенариуса, пытался пересмотреть идеи К. Маркса. Богданов утверждал, что марксистская теория познания неполна. Он отделял культуру от экономики и политики и заявлял, что каждая из этих сфер развивается независимо от других. Главным он считал развитие культуры и связывал социализм с пролетарской культурой, когда рабочие создадут свою собственную культуру, и предостерегал от пассивного, недифференцированного принятия любого культурного наследия.

Ленин, считавший марксизм абсолютно полным и верным философским учением, расценивал эмпириомонизм Богданова как релятивизм. Богданов придерживался того мнения, что никакая теория не может служить универсальным инструментом для объяснения действительности и что идеология в большей степени, чем простое отражение классовых интересов, способна изменить мир¹⁹. Его взгляды получили сильную поддержку некоторых большевиков, в частности А. М. Горького и А. В. Луначарского, которые были увлечены концепцией богостроительства²⁰.

Несмотря на то, что Богданова, Горького и Луначарского связывали с Красиным близкие личные взаимоотношения и общие политические цели, представляется крайне трудным документированно проследить их философское и теоретическое влияние на него. Имеющиеся свидетельства весьма случайны. В 1931 г. М. С. Ольминский утверждал, что Красин был последователем Богданова, в подтверждение чего указывал, что в январе 1921 г. во время похорон Л. Я. Карпова, видного химика и ветерана партии, Красин публично признался, что верит в физическое воскрешение²¹. Нет никаких признаков того, чтобы он когда-либо писал о богостроительстве и эмпириомонизме или участвовал в дискуссиях в тот период, когда Богданов, Луначарский и Горький начали развивать эти идеи. И все же, очевидно, он испытывал их влияние, хотя бы минимальное, когда руководил организацией похорон Ленина, строительством мавзолея, бальзамированием тела. Может быть, именно богостроительство было причиной того, что Красин способствовал созданию посмертного культа Ленина²².

Хотя Большевицкий центр учредил многолюдную редакцию газеты «Пролетарий», на самом деле ею руководил триумvirат: Богданов, Ленин и И. Ф. Дубровинский. При поддержке Дубровинского Ленин защищал думскую деятельность социал-демократов и мог проводить в газете линию, противоположную богдановской. В начале 1908 г. Богданов уехал из Женевы и поселился у Горького на Капри. Хотя 11 февраля редакция «Пролетария» единогласно подтвердила свое решение не обсуждать открыто вопросы философии, спор становился все более резким. В апреле, когда Ленин приезжал к Богданову, Горькому и Луначарскому на Капри, где к ним присоединились В. А. Базаров и другие большевики, разногласия между Богдановым и Лениным по философским вопросам прозвучали публично. Этот конфликт в рядах большевиков по поводу идеологии и философии разразился на фоне более значительных разногласий по вопросам финансовой и политической

стратегии. Ленин считал совершенно неприемлемыми идеи третьего тома богдановского «Эмпириомонизма», опубликованного в 1906 г., спорил также с Горьким и Луначарским о богостроительстве, особенно в связи с недавним выходом в Петербурге первого тома книги «Религия и социализм» (второй том вышел в 1911 г.). В конце мая или в начале июня Богданов ушел из редакции «Пролетария», что позволило Ленину полностью контролировать политику этого издания²³.

Красин держался в стороне от философского спора по темам, в которых не был искушен. Однако разгорелись разногласия и по финансовым и политическим вопросам, в частности, надо ли социал-демократам участвовать в работе Думы. Сторонники бойкота, представленные Красиным и Богдановым, утверждали, что РСДРП не должна иметь своих официальных делегатов в Думе. Это мнение оспаривала группа во главе с Лениным. Во время созыва III Думы 1 ноября 1907 г. проблема осложнилась; появились промежуточные точки зрения. Красин твердо стоял за бойкот, считая, что России нужно настоящее конституционное собрание, а не Дума и что царизм является яростным противником представительного правления. Факт усиления политической реакции в России, отсутствия в народе революционного подъема не изменил его взглядов. Он видел проблему так же, как и прежде: на одном полюсе — революция, на другом — парламентаризм.

В июне 1908 г. Красин впервые приехал на Капри. Вилла Горького была превосходным местом для отдыха, однако Красин приехал не отдыхать. Среди большевиков снова возник конфликт из-за денег. Скандал вокруг тифлисского ограбления 1907 г. внес некоторый разлад в отношения между Красиным и Лениным. В 1908 г. разгорелся и другой денежный спор — на этот раз из-за наследства Шмита. Н. П. Шмит, молодой племянник С. Т. Морозова, унаследовавший морозовскую мебельную фабрику в Москве, был через Горького связан с московскими большевиками и в октябре 1905 г. передал Горькому 15 тыс. руб. для издания газеты «Новая жизнь». Впоследствии Шмит был арестован и заключен в тюрьму за то, что предоставлял революционерам деньги на покупку оружия. В тюрьме его пытали, и в феврале 1907 г. он то ли покончил с собой, то ли был замучен.

Незадолго до гибели Шмита Красин уговорил его завещать свое состояние партии. Младших сестер Шмита, Екатерину и Елизавету, также убедили передать партии свою часть морозовского наследства²⁴. Вопрос теперь состоял в том, какой партии — РСДРП или большевистской фракции? А если большевикам, то кому — Красиному и Богданову или Ленину и его сторонникам? Революционеры столкнулись также с юридическими трудностями в получении этих средств. Весной 1908 г. все наследство находилось еще в Москве в судебных инстанциях на утверждении. Борьба за наследство Шмита способствовала распаду Большевистского центра. С одной стороны, Красин, Богданов и Горький стремились получить деньги для своих революционных целей, с другой — Ленин, поддерживаемый В. К. Таратутой, также претендовал на эти средства.

Таратута сыграл в деле Шмита важную роль. Он был активистом Одесского и Бакинского комитетов РСДРП; в ноябре 1905 г. приехал в Москву. Здесь он познакомился со Шмитом и стал ухаживать за Елизаветой, младшей из двух его сестер. Несмотря на слухи, что Таратута агент политической полиции, зимой 1906—1907 гг. он участвовал в экспроприациях, проводимых Красиным и Богдановым. В июне 1907 г. Ленин добился избрания Таратуты в ЦК РСДРП. Лето этого года Таратута провел в Куоккале с Богдановым и Лениным, продолжая оказывать знаки внимания Елизавете Павловне. В декабре она и Таратута уехали в Париж, хотя вопрос о судьбе денег Шмита был в то время еще не решен²⁵.

В мае 1908 г. московский суд разделил наследство Шмита (примерно 258 тыс. руб.) между двумя сестрами. Ленин надеялся с помощью Таратуты получить долю Елизаветы Павловны. Однако гораздо большая сумма, вероятно, 2—3 млн. руб. в недвижимости и капитале, была зарезервирована судом. Возникли также трудности юридического характера. Единственным официальным документом в суде было нотариально заверенное письмо Шмита, в котором он все оставлял Екатерине Павловне²⁶. Еще больше дело осложнялось тем, что та была замужем за Н. А. Андриканисом — юристом, в московской квартире которого в мае 1907 г. был аресто-

ван Красин. Андриканис не симпатизировал большевикам и не хотел, чтобы Екатерина Павловна отдала им свою долю наследства. 16 мая 1908 г. охранка передала из Парижа, что Красин добился «специального арбитражного суда», призванного уладить спор. В него вошли несколько представителей Большевицкого центра и Андриканис, и 7 июня было решено, что большевики получают целиком наследство Елизаветы Павловны — 128 983 руб. и только часть от доли Екатерины Павловны — 43 983 рубля²⁷.

Однако оставался открытым вопрос, кому именно в Большевицком центре достанется наследство Шмита. Летом 1908 г. финансовый кризис РСДРП, и большевицкой фракции в частности, достиг кульминации. В августе, накануне пленума ЦК партии, в Женеве собрался Большевицкий центр. Он утвердил уже состоявшийся выход Богданова из редакции «Пролетария» и освободил его и Красина от обязанностей казначеев большевицкой фракции. Взамен была создана финансовая комиссия, в которую вошли Г. Е. Зиновьев, В. К. Таратута, Я. А. Житомирский и Н. К. Крупская — люди, вполне лояльные по отношению к Ленину. Свою победу Ленин закрепил на пленуме, состоявшемся 11—13 августа. Большевицкое ЗЦБ возглавлял Чичерин, и он, выступая с финансовым отчетом, заявил о несоблюдении Большевицким центром партийной дисциплины, о нарушении резолюций IV и V съездов, осудивших подрывную деятельность.

Временно объединившись перед лицом общей угрозы, большевики отвергли эти обвинения как несостоятельные и встали на защиту репутации Ленина, Красина, Богданова и всей РСДРП. Поддержанный поляками и латышами, Ленин сумел отстранить ЗЦБ от проведения неприятного расследования и передать его комиссии ЦК во главе со своим сторонником — Зиновьевым, который успешно завершил это дело²⁸. Такой исход спора был закреплен и реорганизацией ЗЦБ и Заграничного бюро (ЗБ).

Богданов отдал Ленину «Пролетарий» без всякой борьбы и создал новую организацию — в ответ на занятие Лениным главенствующей позиции в большевизме. В сентябре Горькому сообщили, что левые большевики открывают на Капри «высшую партийную школу», чтобы обучать русских революционеров политическим предметам, философии и практике боевых операций. Но действия Богданова поставили его в тактически невыгодное положение по отношению к Ленину. Если бы Богданов апеллировал к рядовым большевикам, желая остаться в редакции «Пролетария», он, наверное, мог рассчитывать на поддержку. Однако он не решился на это, видя, что партийные организации в России разгромлены, а также все еще опасаясь раскола фракции. Его нерешительность и отказ от борьбы за сохранение позиций в газете «Пролетарий» дорого обошлись ему. Отныне Ленин настойчиво утверждал, что он защищает чистоту марксизма от ревизиониста Богданова. Свою версию марксизма Ленин представил с успехом как единственно правильную.

Разрыв Ленина с Богдановым и Красиным дал ему новое преимущество в продолжавшихся политических распрях внутри РСДРП. Отмежевавшись от крайних радикалов в большевизме, Ленин с большей легкостью мог применить эту же тактику против меньшевиков. Начиная с лета 1908 г., он называл меньшевиков «ликвидаторами», обвиняя их лидеров — Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова и Потресова — в стремлении разрушить подпольную партийную сеть и свести деятельность социал-демократов только к легально разрешенным формам. Ленинские обвинения служили целям партийной полемики. Царские власти арестовывали, отправляли в тюрьму и в ссылку в равной степени и большевиков и меньшевиков. Отмежевавшись от левого крыла большевиков, Ленин надеялся заполучить поддержку тех меньшевиков, особенно Плеханова, которые хотели восстановить нелегальную партийную сеть.

Августовское заседание Большевицкого центра не разрешило проблему наследства Шмита. В начале октября Красин сообщил Горькому и М. Ф. Андреевой, что Елизавета Павловна будет лишена права на наследство, если выйдет замуж за Таратуту. По российским законам, опекуном Елизаветы Павловны, не достигшей совершеннолетия, должен был стать ее муж. Но даже выйдя замуж за

Таратуту, она не смогла бы получить свою долю, потому что Таратута разыскивался полицией. Красин объяснил Горькому и Андреевой, что Елизавета Павловна должна обзавестись «законным» мужем — таким, которого не преследовало бы правительство. Красин не хотел, чтобы Таратута имел право на наследство Елизаветы Павловны еще и потому, что тогда деньги достались бы Ленину. Полный решимости не упустить ту возможность, которая вдруг открылась бы в случае соблюдения формальностей, Красин в том же письме Горькому и Андреевой писал: «Было бы настоящим преступлением против партии (читай: против левых большевиков. — Т. О'К.) потерять столь крупное богатство лишь из-за того, что мы не можем найти жениха»²⁹.

Красин предлагал немедленно связаться со своим давнишним соратником Н. Е. Бурениным и уговорить его на фиктивный брак. Когда-то Буренин писал ему, что один из его друзей был бы подходящим мужем для Елизаветы Павловны. Красин настоятельно просил, чтобы Буренин договорился с ним как можно скорее, а если это не удастся, то Буренин сам должен жениться на Елизавете Павловне. По мнению Красина, дело было «слишком важным, и необходимо оставить всякие сантименты и впрямую уговорить Николая Евгеньевича (Буренина. — Т. О'К.) за неимением другого кандидата». Однако Буренин на это не пошел. Тогда Красин обратился к Игнатьеву — другому своему товарищу по подполью, который, как и Буренин, не состоял под надзором. (Отец Игнатьева был членом Государственного совета; семья эта владела имением на финской границе.)

11 октября Игнатьев и Елизавета Павловна обвенчались в церкви русского посольства в Париже. Брак был чисто фиктивным³⁰. К досаде Красина, несмотря на то, что фиктивное замужество устраивал он, Елизавета Павловна все же передала свои деньги не Красину, а Таратуте и Ленину. Прибегнув к комбинации угроз и разных юридических шагов, Таратута сумел получить даже часть наследства Екатерины Павловны от ее мужа Андриканиса. Передав большевикам свое состояние, Елизавета Павловна вернулась к Таратуте, которого Ленин назначил руководить производством в газете «Пролетарий»: благодаря полученным средствам удалось продолжать ее издание. Игнатьев тоже получил значительную сумму для своей деятельности и устроился за границей с комфортом. Несмотря на свою щедрость, Елизавете Павловне тоже не пришлось бедствовать. К 1912 г. она и Таратута фактически отошли от революционной деятельности; они занялись воспитанием детей и азартными играми³¹.

Склока из-за наследства Шмита разъедала большевистскую фракцию и всю партию еще многие годы. Меньшевики отнеслись к исходу спора с таким же недовольством, как и к тифлисскому ограблению 1907 года. Для них Большевистский центр был не более чем группой лиц, компрометирующих партию и наносящих вред делу революции. Красина дело Шмита особенно возмутило. В 1909 г. он заявил, что Ленин задолжал левым большевикам деньги, полученные в результате различных подпольных операций, включая и наследство Шмита³².

Как же удалось Ленину и Таратуте обыграть Красина, мастера экспроприаций и добывания денег? Ответ на этот вопрос частично кроется в личности Таратуты, который, как и Житомирский, был человек сомнительной репутации. Еще важнее то, что Ленин в августе 1908 г. успешно осуществил отстранение Большевистским центром Красина и Богданова от обязанностей казначеев фракции. Так же как и в борьбе с Богдановым за газету «Пролетарий», Ленин и здесь сумел официально поставить финансы большевиков под контроль своих людей — Зиновьева, Крупской, Таратуты и Житомирского. Тем, что Красин и Богданов не выносили своих обид на открытое обсуждение всей фракции, они как бы подтверждали свой отход от основного русла большевизма, хотя их претензия на ортодоксальность могла быть столь же обоснованной, как и ленинская.

В 1908—1909 гг. политическое поведение Красина было малопонятным, почти не подобающим ему. В отличие от Богданова, который считал раскол в большевистской фракции непоправимым злом и которого боязнь раскола привела сначала в лагерь сторонников бойкота Думы, затем к ультиматистам, Красин давно уже сделал для себя выбор между единством фракции и подрывными действиями в поль-

зу последних — раз нельзя было сочетать то и другое. Хотя тяготы двойной жизни в России повредили его здоровье, к осени 1908 г. он поправился; его обрадовал переезд семьи из Куоккалы в Берлин, где он к тому времени обосновался.

Существуют попытки объяснить постепенный отход Красина от революционной деятельности его стесненными материальными обстоятельствами³³. Действительно, для его семьи жизнь за границей была тяжела. Потеряв работу в АЕГ, он устроился в другой немецкой электротехнической фирме, Сименс—Шукерт, младшим инженером (чертежником) с месячным заработком, едва достигавшим 250 марок, или примерно 120 рублей. Этого было недостаточно, чтобы содержать в Берлине большую семью (их часто навещал сын жены Красина от ее первого брака, с ними жили две ее дочери от второго брака и первая из двух его дочерей). Жить экономно, на скромные средства они не привыкли. Красин подрабатывал научно-техническими переводами с немецкого на русский и выполнял в свободное время инженерные работы на заказ. Условия их жизни мало отличались от жизни других революционеров-эмигрантов, также зачастую зарабатывавших журналистской и писательской деятельностью; средства существования этих людей были столь же случайны и ненадежны. Однако лишения компенсировались для него счастьем воссоединения с семьей и сознанием принадлежности к быстрорастущему предприятию, возможностью находиться в курсе последних достижений Германии в электротехнике³⁴.

К концу 1908 г. Красин вынужден был признать, что Россия переживает период реакции, а не революции. Продолжая отстаивать подрывные методы борьбы, он все же согласился с тем, что нового подъема общенационального масштаба в ближайшем будущем не предвидится. Жизнь за границей мало-помалу разочаровала его и оттолкнула от партийной деятельности. Красин был прежде всего революционером-практиком и не признавал важности марксистской идеологии для обоснования и оправдания тактики большевистской организации. Оторванный от подпольной работы в России, он утратил свойственные ему самоуверенность и самонадеянность. Красин пользовался огромной популярностью среди профессиональных революционеров в России, однако не мог получить такую же поддержку — путем сговоров и создания коалиций — в эмигрантской социал-демократической среде.

Политический гений Ленина выражался в его нечеловеческой способности заставить принять как ортодоксальную свою версию большевизма — в отношении организации, стратегии, тактики и теории — и в то же время заклеить своих оппонентов, в данном случае Красина и Богданова, как раскольников и ревизионистов. На этот раз победой Ленина над ними в августе 1908 г. начался долгий, почти десятилетний период отхода Красина от ленинизма и большевизма. Политическая реакция на родине и организационное поражение за границей, а не инженерные и семейные проблемы в конце концов явились причиной отдаления Красина от революционных кругов.

В конце 1908 и первой половине 1909 г. Ленин закрепил свою победу над оппонентами в Большевистском центре. 21—27 декабря в Париже собралась V Всероссийская конференция РСДРП. Хотя в октябре многие большевики во главе с Красиным, Богдановым, Луначарским, Шанцером и Алексинским выступали за ультиматум социал-демократам в III Думе, требуя от них подчинения Центральному Комитету партии (отсюда — название «ультиматисты»), конференция призвала продолжить поддержку думской фракции. Участники конференции критиковали ее за «уклонения от политической линии нашей партии», однако признавали и собственную ответственность за недостатки партийной работы в Думе. Требовалось, чтобы впредь думская группа действовала «в согласии с директивами ЦК»³⁵. Конференция признала победу в России политической реакции и необходимость соответствующего пересмотра партийной тактики. Несмотря на риторические заявления о партийном единстве, конференция мало продвинулась в сторону сплочения как РСДРП, так и большевистской фракции.

Сразу после конференции Богданов осудил Ленина и редакцию «Пролетария» за поддержку парламентской тактики и за попытку расколоть Большевистский центр. В свою очередь Зиновьев, Таратута и Каменев 10 февраля 1909 г. на заседа-

нии Большевицкого центра обвинили Красина и Богданова в растрате средств фракции и в клевете и предложили участникам пленарного заседания расширенной редакции «Пролетария» обсудить вопрос об их исключении³⁶. Большевицкому центру было невыгодно обнародовать эту не украшавшую его информацию, поэтому в конце того же месяца спор был облечен в форму критики Лениным теоретических выступлений Богданова в «Пролетарии». Появление в апреле книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», посвященной полемике против философских сочинений Богданова и Луначарского, создавало интеллектуальную основу для претензии Ленина на роль высшего авторитета в марксизме. Одновременно взаимоотношения между сторонниками Ленина и левыми большевиками обострились также из-за планов последних организовать на Капри партийную школу, о которой еще раньше сообщал Горький.

В июне в Париже собралась расширенная редакция «Пролетария». Красин не присутствовал. Редакция во главе с Лениным присвоила себе право принимать и исключать членов не только Большевицкого центра, но и всей большевицкой фракции. Напрасно Богданов протестовал против этой попытки и оспаривал право совещания редакции распоряжаться членством во фракции. С небольшим перевесом Ленин получил требуемое большинство при голосовании за то, чтобы объявить последователей Богданова находящимися вне большевицкой фракции. Сторонники Ленина — в основном Крупская как секретарь, Зиновьев, Каменев, Рыков и Томский — осудили политику бойкота Думы, отзовизм, ультиматизм и богостроительство. Богданов теперь был формально исключен и из Большевицкого центра³⁷.

Красина приверженцы Ленина не считали сторонником Богданова; он уже был вне политической жизни фракции. Хотя в материалах совещания не упоминались ни Красин, ни денежные дела, вместе с А. А. Богдановым, В. Л. Шанцером и историком М. Н. Покровским он принялся после совещания готовить документ, обвиняющий Ленина и его сторонников в незаконном исключении своих оппонентов из фракции³⁸. Для Красина борьба с последователями Ленина закончилась еще раньше — в августе 1908 г., когда он перестал быть большевицким казначеем, и затем в феврале 1909 г., когда был обвинен вместе с Богдановым в растрате. Эти действия на самом деле были равносильны неофициальному исключению. Красин считал, что Ленин, ставивший политические обстоятельства выше личной лояльности, предал его. В течение примерно десяти лет, после их открытого разрыва в 1908 г. до примирения в 1918 г., Красин относился к Ленину с недоверием и даже враждебностью.

После совещания Большевицкого центра в июне 1909 г. Богданов и его сторонники объявили себя единственными истинными большевиками. Они заявили, что Ленин и его последователи узурпировали власть и действуют неправомерно. Большевики-богдановцы вели себя так еще и вследствие приверженности таким принципам, как использование боевых методов и отказ от представительства в Думе. В какой-то момент среди большевиков явное большинство разделяло эти принципы. Чтобы подчеркнуть свою преемственность по отношению к первоначальному большевизму, левые дали своей новой газете название «Вперед» (так называлась первая большевицкая газета, созданная Лениным и Богдановым в декабре 1904 г.).

В 1909 г. левые большевики открыли Первую высшую социал-демократическую пропагандистско-агитаторскую школу для рабочих на Капри. Главными организаторами ее были Горький, Богданов, Луначарский и Алексинский. Богданов, считавший, что интеллигенция должна играть в рабочем движении «вспомогательную роль», хотел, чтобы в учебной программе был сделан акцент на «социалистической культуре» — искусстве, науке и этике «с точки зрения пролетариата». Он надеялся поднять образовательный уровень рабочих так, чтобы они могли действовать независимо от интеллигенции и, возможно, заменить ее представителей в руководстве РСДРП. По завершении обучения рабочие возвращались бы в Россию в революционное подполье³⁹.

Красин, часто приезжавший на Капри отдохнуть, был связан со школой и даже

выполнял функции администратора и инструктора, передавая «студентам» свой опыт революционера-практика. Однако его участие в работе школы объяснялось, скорее, его дружбой с Горьким и Богдановым, чем политическими причинами⁴⁰. Как и прежде, ему были мало интересны как богостроительство Луначарского и Горького, так и богдановский эмпириомонизм. Конечно, Красин разделял их склонность к подрывным методам и пренебрежение парламентской тактикой, но тем не менее мало-помалу отдалялся от них.

Случившаяся осенью 1909 г. семейная трагедия способствовала отходу Красина от политической жизни. 10 сентября в Москве покончил с собой один из его младших братьев — Александр. Будучи студентом, он заболел туберкулезом. Болезнь вызывала в нем постоянную подавленность и меланхолию. Леонид Борисович очень любил брата и долго горевал о нем. Охранка предполагала, что он придет в Москву на похороны и, надеясь арестовать его, установила слежку за всеми, у кого он мог остановиться. Во время похорон агенты заметили человека, очень похожего на него, и арестовали, когда он навещал сестру Красина, С. Б. Лушникову. Столь похожим на Красина человеком оказался Д. С. Постоловский, юрист из Петербурга, связанный с большевиками. Здесь же были задержаны другой брат Красина, Герман, и его жена. Леонид Борисович, опасаясь ареста, на похороны не приехал⁴¹.

Потерпев поражение от сторонников Ленина, он на последующее десятилетие почти полностью отошел от политики⁴². М. Н. Лядов датировал окончательный разрыв Красина с Лениным и сближение с группой «Вперед» несколько более поздним временем — 1910 годом. По его мнению, Красин еще долго после тифлисского ограбления 1907 г. поддерживал связь с Камо; после побега Камо из царской тюрьмы в 1912 г. они снова организовывали экспроприации в Закавказье. Кроме того, однажды в воспоминаниях Красин многозначительно упомянул, что его связь с «парижскими товарищами» ослабла по чисто «внешним соображениям» (предположительно семейным и профессиональным), полный же разрыв с большевизмом произошел в 1912 году⁴³. Однако без дополнительных документов, детализирующих его отношения со сторонниками Ленина и группой «Вперед» в 1910—1912 гг., можно сделать только тот вывод, что решающие события в его борьбе с Лениным за руководство большевистской фракцией произошли в 1908—1909 годах.

Попытка Красина поставить под сомнение лидерство Ленина в большевистской фракции не удалась. Фанатизм Красина и его решимость вершить революцию подпольными, силовыми методами обусловили его гигантский личный авторитет и популярность среди большевиков в 1905—1906 гг., и эти же качества явились одной из причин его конфликта с большевистской фракцией и даже политической расплаты, наступившей для него позднее, когда вновь поднялась революционная волна. Проницательный и здравомыслящий стратег, Ленин показал себя гораздо более гибким, склонным менять революционную тактику исходя из изменения политических условий в России. Вместо того, чтобы подчиниться Ленину и поддержать политическую линию, с которой он был не согласен, Красин предпочел вообще уйти от дел большевиков, считая ленинскую линию неприемлемой.

Несмотря на то, что Красин потерпел поражение в борьбе с Лениным, он оставил значительный след в революции. Большевистская фракция не была монолитной организацией, зависящей от политических взглядов и воли единственного лидера, утверждение ленинской версии большевизма в качестве ортодоксальной состоялось в условиях возможности и других альтернатив, например, предлагавшихся Красиным и Богдановым. Они оценивались, взвешивались и в конце концов не были приняты, хотя для раннего большевизма были столь же важны, как и ленинская модель.

Примечания

1. WILLIAMS R. C. The Other Bolsheviks: Lenin and His Critics. 1904—1914. Bloomington. 1986, pp. 114—

116. Однако Б. Вольф (WOLFE B. D. *Three Who Made a Revolution: A Biographical History*. N. Y. 1964, pp. 393—394) дает несколько иную версию того, как 500-рублевые банкноты были доставлены из России в Западную Европу: Камо перевез через границу «шляпную коробку, набитую 500-рублевыми банкнотами, и в декабре 1907 г. Ленин назначил день, когда множество агентов одновременно должны были обменять эти деньги в банках, разбросанных по всей северо-западной Европе».
2. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 5881, оп. 2, 1926 г., д. 828, л. 27; ЛЯДОВ М. Н. Леонид Борисович Красин (некролог). — Пролетарская революция, 1926, № 11(58); Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М. 1928, с. 247.
3. WILLIAMS R. C. *Op. cit.*, pp. 114—116; PHILLIPS H. From a Bolshevik to a British Subject: The Early Years of Maksim M. Litvinov. — *Slavic Review*, Fall 1989, pp. 396—397.
4. Columbia University, Bakhmeteff Archives (далее — CUBA), Ms. Coll., V. Oks. L'Homme de l'Apocalypse — Krassine. Красин также обвинял Литвинова в затоплении судна «Джон Графтон» 7 сентября 1905 года.
5. WOLFE B. D. *Op. cit.*, p. 396; SCHAPIRO L. V. The Communist Party of the Soviet Union. N. Y. 1959, p. 110.
6. ЛЯДОВ М. Н. Ук. соч., с. 11—12; Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья, с. 247.
7. ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1908 г., д. 5, ч. 84, лл. 147—150.
8. WOLFE B. D. *Op. cit.*, p. 394.
9. ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1908 г., д. 5, ч. 84, лл. 147—150.
10. Там же. ЗЦБ в Берлине был основан в январе 1907 г. Центральным Комитетом как организационный центр, способствующий сотрудничеству и единству между фракциями РСДРП, а также информации эмигрантов о революционном движении в России.
11. O'CONNOR T. E. *Diplomacy and Revolution: G. V. Chicherin and Soviet Foreign Affairs, 1918—1930*. Ames. 1988, pp. 16—21.
12. GLENNY M. V. Leonid Krasin: The Years Before 1917. — *Soviet Studies*, vol. 22, October 1970, p. 209.
13. ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1911 г., д. 202, лл. 3—4, 8—10, 16; 1908 г., д. 5, ч. 84, лл. 137, 142; ф. 63, 1907 г., д. 7, ч. 2, лл. 21—22; Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья, с. 386; КРАСИН Л. Б. Большевики в подполье. М. 1932, с. 59—61; ЛЯДОВ М. Н. Ук. соч., с. 11; Первая боевая организация большевиков. М. 1934, с. 141—142; CUBA, Ms. Coll., V. Oks. L'Homme de l'Apocalypse — Krassine; Hoover Institution (HI), Paris Okhrana Archives, XVII m, fol. 1; KRASINA L. V. Leonid Krassin: His Life and Work. Lnd. 1929, pp. 38—39; KOUDREY VI. Once a Commissar. New Haven. 1937, p. 15.
14. HI, Paris Okhrana Archives, XVII m, fol. 1; KRASINA L. V. *Op. cit.*, pp. 38—39; KOUDREY VI. *Op. cit.*, p. 15; КРАСИН Л. Б. Ук. соч., с. 59—61.
15. ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1911 г., д. 202, лл. 3—4, 8—10; Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья, с. 32; КРАСИН Л. Б. Ук. соч., с. 59—61; ЛЯДОВ М. Н. Ук. соч., с. 11; HI, Paris Okhrana Archives, XVII m, fol. 1; CUBA, Ms. Coll., V. Oks. L'Homme de Apocalypse — Krassine.
16. GLENNY M. V. *Op. cit.*, pp. 210—212.
17. Ibid.
18. ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1911 г., д. 202, л. 3—4; Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья, с. 166—167; КРАСИН Л. Б. Ук. соч., с. 60—61.
19. VOL'SKII N. V. (NIKOLAI VALENTINOV). *Encounters with Lenin*. Lnd. 1968, pp. 235—236; *The Serapion Brothers: A Critical Anthology*. Ann Arbor. 1975, p. X; *Revolution and Culture: The Bogdanov — Lenin Controversy*. Cornell University Press. 1988, pp. 6—8; KELLY E. Empiricriticism: A Bolshevik Philosophy? — *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. T. 21, January — March 1981; MCCLELLAND J. C. Utopianism versus Revolutionary Heroism in Bolshevik Policy. — *Slavic Review*, vol. 39, September 1980; UTECHIN S. V. Bolsheviks and Their Allies after 1917. — *Soviet Studies*, vol. 10, October 1958, p. 118; LILGE F. Lenin and the Politics of Education. — *Slavic Review*, vol. 27, June 1968, p. 246; WETTER G. A. *Dialectical Materialism: A Historical and Systematic Survey of Philosophy in the Soviet Union*. N. Y. 1958, p. 97; PETHYBRIDGE R. W. *The Social Prelude to Stalinism*. Lnd. 1974, pp. 145—146; VUCINICH A. S. *Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society, 1861—1917*. Chicago. 1976, pp. 214—216; WILLIAMS R. C. *Artists in Revolution: Portraits of the Russian Avant-garde, 1905—1925*. Bloomington. 1977, pp. 39—40, 47; BOLL M. M. From Empiricriticism to Empiriomonism: The Marxist Phenomenology of Aleksandr Bogdanov. — *Slavonic and East European Review*, vol. 59, January 1981, pp. 44—46.
20. O'CONNOR T. E. *The Politics of Soviet Culture: Anatolii Lunacharskii*. — *Studies in the Fine Arts: The Avant-Garde*. Ann Arbor. 1983, № 42, pp. 10—11; WILLIAMS R. C. *Op. cit.*, pp. 23—25, 32—35, 47—48, 55; MCCLELLAND J. C. *Op. cit.*, pp. 413—414; KELLY E. *Op. cit.*, pp. 97—99, 101, 103—106; BIL-

- LINGTON H. J. *The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture*. N. Y. 1966, pp. 242, 487—488; FITZPATRICK Sh. *The Commissariat of Enlightenment: Social Organization of Education and the Arts under Lunacharsky*. October 1917—1921. Cambridge. 1970, pp. 3—4; WEIL I. *Gorky: His Literary Development and Influence on Soviet Intellectual Life*. N. Y. 1966, pp. 60—61.
21. ОЛЬМИНСКИЙ М. С. Критические статьи и заметки. — Пролетарская революция, 1931, № 1, с. 149—150.
  22. TUMARKIN N. Religion, Bolshevism and the Origins of the Lenin Cult. — *Russian Review*, vol. 40, January 1981, pp. 38, 43—45; ead. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge. 1983, pp. 12, 181.
  23. BIGGART J. Anti-Leninist Bolshevism: The «Forward» Group of the RSDRP. — *Canadian Slavonic Papers*, vol. 23, June 1981, pp. 141, 143—146; BALLERSTREM K. G. Lenin and Bogdanov. — *Studies in Soviet Thought*, vol. 9, December 1969, pp. 288—291.
  24. Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья, с. 166—168, 246—247; см. также: КРУПСКАЯ Н. К. Воспоминания о Ленине. М. 1957, с. 149—150; ЛЯДОВ М. Н. Ук. соч., с. 11—12.
  25. WILLIAMS R. C. *The Other Bolsheviks*, pp. 117—119.
  26. Ibid.
  27. НІ, Paris Okhrana Archives, XVII m, fol. 1; М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М. 1961, с. 621—622.
  28. ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1907 г., д. 513, лл. 37—39; 1908 г., д. 5, ч. 84, т. 2, лл. 132—135, 143—144, 149—150, 219—225.
  29. М. Ф. Андреева. Переписка, с. 133—134, 621—622; см. также: КРУПСКАЯ Н. К. Ук. соч., с. 149—150; Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья, с. 246—247.
  30. М. Ф. Андреева. Переписка, с. 133—134, 621—622; см. также: Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья, с. 246—247; КРУПСКАЯ Н. К. Ук. соч., с. 149—150.
  31. WILLIAMS R. C. *The Other Bolsheviks*, pp. 117—119.
  32. KOUDREY VI. *Op. cit.*, p. 19.
  33. KORT M. G. Leonid Krasin: Engineer of Revolution, 1870—1908. N. Y. 1973, pp. 325—329; GLENNY M. V. *Op. cit.*, pp. 210—212; BAILES K. E. Lenin and Bogdanov. In: *Columbia Essays in International Affairs, the Dean's Papers*, vol. 2, 1966. N. Y. 1967, p. 120.
  34. ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1911 г., д. 202, лл. 3—4; КРАСИН Л. Б. Ук. соч., с. 60—61; Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья, с. 165—168; Дела давно минувших дней. М. 1934, с. 42—43; KRASINA L. V. *Op. cit.*, pp. 39—41; KOUDREY VI. *Op. cit.*, p. 19.
  35. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е Т. 1, с. 252—254.
  36. BIGGART J. *Op. cit.*, pp. 145—146; WILLIAMS R. C. *The Other Bolsheviks*, pp. 141—142.
  37. BIGGART J. *Op. cit.*, pp. 145—146; BAILES K. E. *Op. cit.*, pp. 121—122; WOLFE B. D. *Op. cit.*, p. 510; KRUPSKAIA N. K. *Reminiscences of Lenin*. Moscow. 1959, p. 198.
  38. WILLIAMS R. C. *The Other Bolsheviks*, pp. 142—143.
  39. BAILES K. E. *Op. cit.*, pp. 128—129. WHITE J. D. From Marx to Bogdanov. — *Coexistence*, vol. 15, October 1978, p. 204; e j u s d. Bogdanov in Tula. — *Studies in Soviet Thought*, vol. 22, February 1981, p. 46; SOCHOR Z. Was Bogdanov Russia's Answer to Gramsci? — *Studies in Soviet Thought*, vol. 22, February 1981, p. 62.
  40. Л. Б. Красин (Никитич). Годы подполья, с. 166—168.
  41. Там же, с. 30; ЦГАОР СССР, ф. 63, 1896 г., д. 952, л. 38; ф. ДП ОО, 1911 г., д. 202, лл. 3—4, 13.
  42. Там же, ф. ДП ОО, 1911 г., д. 202, лл. 8—10.
  43. ЛЯДОВ М. Н. Ук. соч., с. 12; КРАСИН Л. Б. Ук. соч., с. 42—43.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

СССР и страны Прибалтики (август 1939 — август 1940)

А. Г. Донгаров, Г. Н. Пескова

Советско-германское соглашение о разграничении сфер интересов в Восточной Европе, в частности в Прибалтике, закрепленное в секретном протоколе к Договору о ненападении от 23 августа 1939 г., означало, в терминах реальной политики, ликвидацию фундамента, на котором в межвоенный период прибалтийские страны строили свою независимость, — использование противоречий между интересами великих держав в этом регионе: СССР не хотел уступать его Германии, Германия — Советскому Союзу, а западные державы — как Германии, так и большевистской России. Великобритания и Франция, активно проводившие политику подталкивания Гитлера на Восток, в том числе на прибалтийском направлении, устранились несколько раньше. Их фактическое попустительство Германии в захвате Клайпеды в марте 1939 г. — яркий пример этой политики. Теперь же, 23 августа, из фундамента прибалтийской независимости был вынут последний камень — группа советско-германских противоречий. Напомним, что согласно протоколу Эстония и Латвия были отнесены к сфере советских государственных интересов, а Литва — германских¹.

Поэтому не случайно известие о советско-германском сближении породило в прибалтийских странах серьезные опасения за свою независимость. Поверенный в делах СССР в Литве Н.Г. Поздняков сообщал в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД), что в этой стране пакт Молотова — Риббентропа вызвал «волну явного беспокойства». Уже 24 августа директор Политдепартамента литовского МИД Э. Тураускас пригласил Позднякова и попросил дать информацию «о том значении, которое он (пакт. — *Авт.*) будет иметь для прибалтийских стран, в частности для Литвы». В последующие дни этот вопрос задавали Позднякову многие литовские государственные деятели². Литовский посланник в Москве Л. Наткявичюс пытался выяснить в НКВД, «затрагиваются ли в какой-либо степени интересы Литвы заключением советско-германского договора о ненападении»³. Такие же настроения господствовали в Латвии и Эстонии. В Таллинне, например, правительство дважды и подолгу заседало, чтобы оценить новое международное положение Эстонии.

Эти настроения объяснялись просочившимися в политические и дипломатические круги, а также в прессу сведениями о секретных договоренностях, состоявшихся между СССР и Германией. Полпред в Риге И. С. Зотов сообщал в этой связи

Донгаров Александр Герасимович, Пескова Галина Николаевна — исследователи: специализируются по истории международных отношений.

в НКВД: «Приезд Риббентропа в Москву и заключение пакта вначале вызвали настороженность во всех кругах, чувствовались нотки боязни существования сделки СССР и Германии... Враги СССР и мира, пользуясь тем, что имеется благоприятная почва, начали распространять слухи о предполагающемся разделе Польши и стран Прибалтики между СССР и Германией»⁴.

31 августа 1939 г. Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов выступил на внеочередной сессии Верховного Совета СССР с речью, в которой отрицал наличие каких-либо договоренностей с Германией о разделении сфер государственных интересов⁵. По сообщениям советских полпредов из Латвии, Литвы и Эстонии, эта речь внесла некоторое успокоение в местные политические круги⁶.

В то время внешняя политика СССР на прибалтийском направлении имела ярко выраженный оборонительный характер. Начавшаяся через 8 дней после подписания советско-германского пакта война на западе Европы (как тогда все ожидали, длительная и кровопролитная) означала, что в обозримом будущем германская агрессия Советскому Союзу не угрожала. А вот реакцию Англии и Франции на возможную попытку советизации Прибалтики Сталин с уверенностью прогнозировать не мог. Поэтому было решено ограничиться пока заключением со странами Прибалтики договоров о взаимопомощи, предусматривающих ввод на их территорию советских войск при сохранении у власти существовавших там режимов.

24 сентября 1939 г. эстонская правительственная делегация во главе с министром иностранных дел К. Сельтером прибыла в Москву для подписания торгового соглашения. Ее приезд был использован для того, чтобы добиться согласия Эстонии на заключение пакта о взаимопомощи. В первый же день переговоров в Кремле делегации были вручены проекты пакта о взаимопомощи и протокола, подготовленные советской стороной⁷. 24 сентября Молотов заявил Сельтеру: «Если вы не хотите заключать с нами пакт о взаимопомощи, то нам придется использовать для обеспечения своей безопасности другие пути, может быть, более крутые, более сложные. Прошу Вас, не вынуждайте нас применять по отношению к Эстонии силу»⁸.

Первоначальный советский проект пакта, который Сельтер докладывал своему правительству 26 сентября, был составлен в самых общих чертах: предусматривались советская военная помощь Эстонской Республике, а также полная ее поддержка как в хозяйственной области, так и в сфере внешней политики и дипломатии. Эстония предоставляла Советскому Союзу право иметь в ее портах свои базы для стоянки кораблей военно-морского флота и аэродромы на островах⁹. Специально отмечалось, что Эстония остается суверенным государством¹⁰.

В качестве дополнительного нажима на Эстонию с целью ускорить ее решение о заключении пакта был использован ряд инцидентов, которые при необходимости могли интерпретироваться как *casus belli*. 19 сентября Молотов сделал представление эстонскому посланнику в Москве в связи с имевшим место побегом из Таллиннского порта при попустительстве властей интернированной польской подводной лодки¹¹. 28 сентября в «Правде» появилось сообщение ТАСС о потоплении накануне в Нарвском заливе неизвестной подводной лодкой советского торгового судна «Металлист»¹². В обоих случаях Эстония не взяла на себя ответственности за случившееся¹³. Совершались также полеты советских бомбардировщиков над эстонской территорией¹⁴.

На случай отклонения прибалтийскими республиками советского предложения о заключении пактов о взаимопомощи имелась военная альтернатива. 26 сентября 1939 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов отдал приказ о подготовке боевых действий против Эстонии, а также Латвии, если последняя решится оказать Эстонии помощь в силу имевшихся между этими странами договоренностей. «Немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонио-латвийской границе и закончить таковое 29 сентября 1939 г.» — говорилось в приказе. Ленинградскому военному округу, в частности, предписывалось «нанести мощный и решительный удар по

эстонским войскам», в случае выступления латвийских воинских частей на помощь эстонской армии выделить «одну танковую бригаду и 25-ю кавдивизию в направлении Валк — Рига», «7-й армии быстрым и решительным ударом по обоим берегам реки Двины (Даугавы. — *Авт.*) наступать в общем направлении на Ригу»¹⁵. Однако переговоры состоялись, и до вооруженного столкновения дело не дошло.

27 сентября стало известно о решении эстонского правительства принять советское предложение о заключении пакта. В тот же день Сельтер и эстонский посланник в СССР А. Рей вылетели в Москву. В ходе переговоров советская сторона дополнительно потребовала предоставить ей право, «в целях охраны морских баз СССР в портах Эстонии и в интересах обеспечения спокойствия внутри Эстонии», держать там «наземные и воздушные вооруженные силы численностью не более 35 тысяч человек в составе примерно 1 пехотной дивизии, 1 кавалерийской дивизии, 2 танковых бригад и 1 авиабригады»¹⁶. Москва торопила с завершением переговоров, не оставляя времени на размышления. Судя по эстонским источникам, полеты советской авиации над территорией Эстонии продолжались и во время переговоров, в связи с чем 28 сентября Сельтер сделал соответствующее представление Сталину¹⁷. Тем не менее переговоры завершились 28 сентября подписанием пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонией и конфиденциального протокола к нему.

Согласно пакту договаривающиеся стороны брали на себя обязательство оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы на морские границы обеих стран в Балтийском море или на их сухопутные границы через территорию Латвии. Советский Союз обязался на льготных условиях помогать эстонской армии вооружением и другими военными материалами. Эстонское правительство обеспечивало за СССР право аренды военно-морских баз и аэродромов на островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт). Для охраны указанных объектов СССР мог разместить там за свой счет ограниченное количество своих наземных и воздушных вооруженных сил. Стороны обязались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из них. Проведение в жизнь пакта ни в коей мере не должно было затрагивать суверенных прав договаривающихся сторон, в частности, их экономической системы и государственного устройства¹⁸. Конфиденциальный протокол предусматривал, что общая численность советских гарнизонов в Эстонии на время идущей в Европе войны не будет превышать 25 тыс. человек¹⁹.

После завершения советско-эстонских переговоров руководство СССР сделало предложение правительству Латвии обсудить состояние двусторонних отношений. Кабинет К. Ульманиса (он был и президентом и премьер-министром), заслушав доклад министра иностранных дел В. Мунтерса о договорах СССР с Германией и Эстонией, пришел к выводу, что эти соглашения вносят столь важное изменение в политическую ситуацию в Восточной Европе, что Латвия также должна приступить к пересмотру своих внешних отношений и, в первую очередь, с СССР²⁰. Ульманис согласился в принципе на заключение пакта с Советским Союзом при условии, что он будет отличаться от эстонского большими послаблениями для Латвии в части, касающейся портов и гарнизонов советских войск. Вместе с тем он заявил, что страна должна сделать в политике чисто формальный поворот, который диктуется военной обстановкой, а именно — угрозой со стороны СССР, стянувшего к латвийской границе крупные воинские подразделения. Ульманис определил новый курс как «политику на время войны» в Европе²¹. Оценив должным образом создавшееся положение, правительство Латвии поручило Мунтерсу немедленно отправиться в Москву и вступить в прямой контакт с правительством СССР.

Советско-латвийские переговоры начались в Кремле 2 октября. В них, как и в советско-эстонских переговорах, активное участие принимал Сталин. Согласно записи, сделанной латвийской стороной по заметкам Мунтерса²², в первый день на переговорах речь шла о построении двусторонних отношений по примеру советско-эстонских. «Если вы придерживаетесь такого же мнения, — говорил Молотов, —

то мы могли бы определить принципы. Нам нужны базы у незамерзающего моря». Сталин заметил: «Прошло 20 лет, мы стали сильнее и вы тоже. Мы хотим говорить о тех же аэродромах и о военной защите. Ни вашу конституцию, ни органов, ни министерств, ни внешнюю и финансовую политику, ни экономическую систему мы затрагивать не станем. Наши требования возникли в связи с войной Германии с Англией и Францией».

Говоря о советско-германском договоре о ненападении, Молотов подчеркнул, что «с Германией наши отношения построены на долговременной основе, с Германией у нас нет также расхождений и в отношении прибалтийских государств. Но война ныне разгорается, и нам следует позаботиться о собственной безопасности... Еще Петр Великий заботился о выходе к морю. В настоящее время мы не имеем выхода и находимся в том нынешнем положении, в каком больше оставаться нельзя. Поэтому хотим гарантировать себе использование портов, путей к этим портам и их защиту».

На замечание Мунтерса о том, что, поскольку между СССР и Германией существует договор о ненападении, вряд ли стоит вести речь о какой-то дополнительной безопасности, Молотов ответил: «Мы не можем допустить, чтобы малые государства были использованы против СССР. Нейтральные прибалтийские государства — это слишком ненадежно». Сталин уточнил, что в предстоящей войне на нейтралов будет оказано большое давление и они окажутся втянутыми в войну. Характеризуя политическую ситуацию, он выразился вполне определенно: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияний²³ состоялся».

Ознакомившись с проектом пакта, подготовленным советской стороной, латвийская делегация высказала ряд возражений по вопросам стратегического и военного плана, заявила о неприемлемости для нее некоторых пунктов. При этом Мунтерс выдвинул главный аргумент: «У общественности должно сложиться впечатление, что это дружественный шаг, а не навязанное бремя, которое приведет к господству (СССР. — *Авт.*)». На переговорах шла активная дискуссия или, как выразился Мунтерс, «чисто азиатская торговля» по вопросам численности советских войск в Латвии (советская сторона называла 50, 40, а затем 30 тыс. человек) и мест их дислокации. Расхождения в позициях оставались значительными²⁴.

3 октября переговоры были продолжены. Ознакомившись с обновленным проектом пакта, латвийская делегация заявила, что этот документ трудно рекомендовать правительству, а еще труднее объяснить его народу Латвии. Мунтерс выразил опасение, что «договор будет истолкован как создающий нечто вроде протектората — неприемлемое для свободолюбивого народа положение, тем более что силы латвийской армии... в данное время совершенно достаточны, чтобы обеспечить безопасность Латвии и опосредованно — СССР». Латвийская делегация возражала против требования создать военно-морские базы в двух незамерзающих портах Латвии, предлагая ограничиться Вентспилсом. Она просила снять вопрос о создании советского опорного пункта у Питрагса, настаивала на ограничении численности советских гарнизонов до 20 тыс. человек, что не превышало бы численности латвийской армии в мирное время. Говоря о вводе советских войск, Мунтерс предложил пояснить в документе, что эта мера рассчитана только на время «происходящей ныне в Европе войны» и по ее окончании гарнизоны будут немедленно отозваны.

Выслушав возражения, Молотов категорически заявил: «Наши вчерашние уступки окончательные. Теперь вы отступаете. Если изъять из содержания столь существенные моменты, то мы лишим договор его ценности... Ваши предложения совершенно неприемлемы. В таком виде проект окажется малоценным, и тогда о безопасности не может быть и речи. Учтите обстановку». Поясняя эту мысль, Сталин добавил: «Вы исходите из мирной обстановки, а надо исходить из худшей... Вы нам не доверяете, и мы вам тоже немного не доверяем. Вы полагаете, что мы вас хотим захватить. Мы могли бы это сделать прямо сейчас, но мы этого не делаем».

Свои доводы Сталин аргументировал также существующей, несмотря на договоры, военной угрозой со стороны Германии: «Немцы могут напасть... Нам загода надо готовиться. Другие, кто не был готов, за это заплатились». В ходе беседы

Сталин убеждал, что советские гарнизоны в Латвии явятся превентивной силой. Коснувшись вопроса о разделе сфер интересов между СССР и Германией, он сказал, что немцы еще на переговорах в августе 1939 г. хотели установить границу по Даугаве, в результате чего Латвия могла оказаться поделенной на две части. Однако СССР на это не пошел, заявив, что так обращаться с народом нельзя. «Не исключено, — добавил Сталин, — что немецкие притязания еще возродятся»²⁵.

После продолжительных и жарких споров стороны пришли к согласию. Подписание советско-латвийского пакта о взаимопомощи состоялось 5 октября 1939 года. Стороны обязались оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или угрозы нападения любой великой европейской державы на морские границы Латвии или через территорию Эстонии и Литвы. СССР брал на себя обязательство оказывать латвийской армии на льготных условиях помощь вооружением и другими военными материалами. Латвийское правительство согласилось предоставить СССР право аренды военно-морских баз в Лиепаве (Либаве) и Вентспилсе (Виндаве), базы береговой артиллерии для защиты входа в Рижский залив, а также нескольких аэродромов. Для охраны указанных объектов СССР получал право разместить там одновременное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил. Латвия и СССР обязались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против другой договаривающейся стороны. Проведение в жизнь пакта ни в коей мере не должно было затрагивать суверенные права обеих сторон, в частности, их государственное устройство, экономическую и социальную систему и военные мероприятия²⁶. Подписанный одновременно с пактом конфиденциальный протокол предусматривал, что общая численность советских вооруженных сил в Латвии на время войны не будет превышать 25 тыс. человек²⁷.

По секретному протоколу к советско-германскому пакту о ненападении Литва была отнесена к сфере германских интересов. Однако 25 сентября в беседе с германским послом Ф. фон Шуленбургом Сталин предложил обмен «германской» Литвы на «советские» Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства²⁸. Предложение было принято немцами и зафиксировано в качестве договоренности в секретном протоколе к заключенному 28 сентября советско-германскому договору о дружбе и границе²⁹.

30 сентября Молотов вызвал Наткявичюса и через него предложил литовскому правительству направить в Москву своего полномочного представителя для переговоров по вопросам советско-литовских отношений³⁰. 3 октября министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис прибыл в Москву. Как он вспоминает, в самом начале беседы ему было заявлено Сталиным и Молотовым, что Германия согласилась считать Литву относящейся к сфере интересов СССР и что необходимо подписать два договора: о возвращении Вильно (Вильнюса) с областью Литве и о взаимопомощи. В ночь с 3 на 4 октября Урбшису были вручены советские проекты договора о взаимопомощи и конфиденциального протокола к нему. Формой и основными положениями они походили на соответствующие советско-эстонские и советско-латвийские документы. Устанавливался 20-летний срок действия договора. Численность контингента войск, которые СССР получал право держать в Литве на время войны в Европе, определялась в 50 тыс. человек³¹.

Урбшис квалифицировал проект договора о взаимопомощи как оккупацию Литвы. В ответ Сталин заявил, что «Советский Союз не намерен угрожать независимости Литвы. Наоборот. Вводимые войска будут подлинной гарантией для этой страны». Молотов добавил, что Эстонией такой пакт уже подписан и она на него не жалуется. С Латвией также предстояло вскоре заключить аналогичный договор, поэтому отказ Литвы означал бы нарушение почти созданной оборонительной системы. Возражая против ввода советских войск, Урбшис, в частности, указал, что их численность вдвое больше численности литовской армии. Сталин ответил, что он не подозревал об этом, и предложил ограничить советский контингент в Литве 35 тыс. человек³². Сославшись на отсутствие у него полномочий вести переговоры о вводе советских войск в Литву, Урбшис решил прозондировать почву относительно сокращения численности этих войск до 20 тыс. человек и размещения

их только на территории Виленщины. Сталин ответил отказом³³.

Утром 4 октября литовская делегация вылетела в Каунас для получения новых правительственных инструкций, 7 октября возвратилась в Москву, имея при себе собственные проекты договора о взаимопомощи и конфиденциального протокола к нему. В состав делегации вошли также заместитель премьер-министра К. Бизаускас и командующий армией С. Раштикис. Литовский проект договора во многом повторял советский. Принципиальное отличие состояло в формулировке стержневой третьей статьи. По советскому проекту СССР получал право разместить свои войска в Литве сразу после подписания договора, то есть в мирное время. В литовской редакции содержалось согласие на ввод советских войск только в случае прямого нападения на Литву, а также предусматривался немедленный вывод советских войск с ее территории после прекращения военных действий. Проект конфиденциального протокола предусматривал на время войны в Европе обмен военными миссиями для связи между командованием обеих армий. При этом Литва обязалась содержать усиленный контингент собственных вооруженных сил, о численности которых предстояло договориться в Москве. На территории Литвы предполагалось соорудить по обоюдному согласию укрепленные места и аэродромы, на СССР возлагалась часть расходов по их строительству³⁴.

По словам Урбшиса, Сталин и Молотов не проявили интереса к литовскому проекту договора. 8 октября Урбшис заявил, что правительство уполномочило его подписать пакт³⁵, главный принцип которого был бы изложен в литовской редакции, и что литовская делегация должна доложить своему правительству о создавшемся положении. С этой целью 9 октября Бизаускас и Раштикис отбыли в Каунас.

В архивах МИД СССР имеются еще два литовских проекта договора о взаимопомощи, однако какие-либо сведения о месте и времени их написания отсутствуют. Тот из них, который предоставлял СССР право держать войска в Литве лишь в случае прямого нападения на нее третьего государства, был, очевидно, составлен на базе первоначальных литовских предположений в ходе второго тура московских переговоров (7—8 октября). Содержание третьего проекта позволяет предположить, что он был окончательным литовским вариантом текста договора, который Бизаускас и Раштикис привезли из Каунаса 10 октября. В его основе лежал советский принцип размещения частей Красной Армии в Литве еще в мирное время, но только в двух населенных пунктах, причем этими пунктами «не могут быть избраны города с населением более пяти тысяч человек». Вместо указания численности советских гарнизонов стоял пропуск, заполненный рукой Молотова: «Двадцать тысяч»³⁶.

В ходе переговоров в качестве средства оказания дополнительного давления на литовцев советская сторона использовала вопрос о Вильно. Дело в том, что между Польшей и Литвой существовал спор из-за этой территории. В 1920 г. вооруженным путем Виленская область была присоединена к Польше. В этом споре позиция советской дипломатии была двусмысленной: если во всех советско-литовских документах признавалась принадлежность Вильно Литве, то в советско-польских документах вопрос назывался спорным и подлежащим «разрешению исключительно между Польшей и Литвой». Когда в августе 1939 г. СССР и Германия договорились о расчленении Польского государства и вновь встал вопрос о судьбе Вильно, обе стороны зафиксировали в секретном протоколе свое согласие признать «интересы Литвы по отношению Виленской области». Эта договоренность была подтверждена и в секретном протоколе к советско-германскому договору от 28 сентября 1939 года. Несмотря на это на советско-литовских переговорах этот вопрос был использован Молотовым как козырная карта. Когда литовская делегация пыталась возражать против советского проекта пакта о взаимопомощи, в Вильно состоялись митинги с требованием воссоединения с Советской Белоруссией. По воспоминаниям Урбшиса, Молотов пригрозил ему, что «правительство СССР не сможет долго успокаивать трудящихся Вильно и не обращать внимания на их требования»³⁷. «Правда» неизменно относала город к Западной Белоруссии. В Вильно несколько раз выезжали высокопоставленные деятели БССР с целью «приемки» хозяйства и установления советских порядков. Наконец Молотов прямо увязал решение виленского вопроса с согласием литовцев на пакт о взаимопомощи: он

объединил тексты двух договоров в один; литовцы могли его подписать — и получить Вильно или не подписывать — и лишиться его.

Окончательный текст проекта договора был скомпилирован Молотовым из различных статей (с поправками) литовских и советского проектов пакта о взаимопомощи. Статья 1 предусматривала передачу Вильно Литве. На возобновившихся 10 октября переговорах литовская делегация приняла этот проект. В тот же день «Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой» был подписан.

Хотя советское руководство вело переговоры с прибалтийскими соседями с позиции силы, московские пакты стали все же результатом именно переговоров, а не ультиматума. Об этом говорит, к примеру, эволюция советской позиции по вопросу о численности войск: начав с 35 тыс. для Эстонии и 50 тыс. для Латвии и Литвы, Сталин и Молотов согласились в конце концов на 25 тыс. для Эстонии и Латвии и на 20 тыс. для Литвы.

Зная историю заключения договоров о взаимопомощи, нетрудно догадаться, какова была реакция на них официальной Прибалтики. Доверия к сталинскому руководству у нее не было. Мунтерс пишет в воспоминаниях, что в ночь перед подписанием пакта он мучительно размышлял о том, может ли предложить своему правительству подписать выработанный в ходе московских переговоров текст договора: «Мы понимали, что это означает поворотный пункт в истории Латвии, но в то же время сознавали, что только таким образом можно сохранить латышский народ»³⁸. О том, с каким тяжелым сердцем подписывали пакт литовцы, сообщает Урбшис³⁹. В Эстонии Сельтер, подписав пакт, ушел в отставку.

Внутри своих стран, стремясь «спасти лицо», правительства Латвии, Литвы и Эстонии делали вид, что ничего особенного не произошло. О пактах старались говорить как можно меньше или вообще не говорить. Ульманис впервые упомянул о пакте спустя неделю после его подписания⁴⁰. Той же линии придерживались литовский президент А. Сметона и эстонский — К. Пятс. Строго контролируемая режимами пресса также хранила молчание, нарушаемое изредка появлением полуофициальных и официальных комментариев по поводу пактов. При этом обычно акцентировалось внимание на двустороннем характере договоренностей и обязательствах СССР не вмешиваться во внутренние дела прибалтийских стран.

Судить о реакции на заключенные пакты населения весьма затруднительно, каково-либо выражения в общенациональном масштабе его взгляды на это событие ни в одной из трех стран не получили. В среде просоветски настроенной интеллигенции и рабочих активистов пакты вызвали прилив энтузиазма. Их также приветствовали проживавшие в прибалтийских странах национальные меньшинства — русские, белорусы, евреи. В Литве пакт был встречен многими благожелательно, главным образом еще и потому, что статья 1 предусматривала возвращение Вильнюса⁴¹. Следующий после подписания договора день — 11 октября — стал по существу днем национального праздника, 12 октября несколько сотен человек участвовали в демонстрации у полпредства СССР в Каунасе в знак благодарности Советскому Союзу⁴².

В каждой из трех стран были и активные противники пактов, однако, основная масса населения восприняла пакты довольно сдержанно. Складывается впечатление, что главная причина этого состояла в том, что в октябре 1939 г. уже мало кто верил в возможность продолжения абсолютно независимого и нейтрального существования прибалтийских государств. Большинство населения понимало, что принятые решения были лишь уступкой обстоятельствам. Если же учесть антигерманские настроения, особенно в Латвии и Литве, то предложенный советским правительством «выход» рассматривался многими как наименьшее в тех условиях зло.

После подписания пактов о взаимопомощи Советский Союз проводил в отношении прибалтийских республик политику полного невмешательства в их внутренние дела. Дело, конечно, не в сталинском или молотовском высоком уважении к нормам международного права. Советское руководство не хотело предпринимать никаких действий до тех пор, пока не прояснится ситуация в войне на Западе. Победа Англия и Франция — и нужда в прибалтийском плацдарме, возможно, отпадет,

а согласие Гитлера считать его «советской сферой интересов» ничего не будет стоить. Более того, решительные действия СССР в Прибалтике по реализации советско-германских договоренностей в силу дружественных отношений Англии и Франции с прибалтийскими странами могли рассматриваться в Лондоне и Париже как враждебные. Надо иметь также в виду, что советская политика на прибалтийском направлении была именно региональной, то есть требовалась полнейшая координация действий по всем трем государствам. Поэтому дипломатическим и военным представителям давались строжайшие указания не вмешиваться во внутреннюю жизнь этих стран.

В ответ на сообщения полпреда в Каунасе о контактах с представителями просоветской части литовской интеллигенции, воодушевленной ростом влияния СССР в Прибалтике и желавшей воспользоваться этим во внутривнутриполитических целях, Молотов телеграфировал 14 октября 1939 г.: «Всякие заигрывания и общения с левыми кругами прекратите. Осуществляйте связь только с правительственными, официальными кругами, постоянно помня, что полпредство аккредитовано при правительстве и ни при ком другом»⁴³. 21 октября Позднякову было дано еще более строгое указание: «Вам, всем работникам полпредства, в том числе и военному атташе, категорически воспрещаю вмешиваться в межпартийные дела в Литве, поддерживать какие-либо оппозиционные течения и т.д. Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного... Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о советизации Литвы»⁴⁴.

Таким же образом реагировал Молотов на аналогичные сообщения полпреда в Таллинне Никитина, направив ему 23 октября телеграмму: «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским пактом о взаимопомощи Вы не поняли. Из ваших последних шифровок, в которых Вы пишете об особых торжествах и речах в день 7 ноября, а также о встречах и приемах военных моряков рабочими организациями Таллинна, видно, что Вас ветром понесло по линии настроений советизации Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет советизации Эстонии или даже простое непотворение этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам... Главное, о чем Вы должны помнить, это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии»⁴⁵.

В приказе наркома обороны от 25 октября 1939 г., отданном в связи с вступлением частей РККА в Прибалтику, от личного состава требовалось «ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела» Литвы, Латвии и Эстонии. Далее отмечалось: «Разговоры о «советизации» прибалтийских республик в корне противоречат политике нашей партии и правительства и являются безусловно провокаторскими... Настроения и разговоры о «советизации», если бы они имели место среди военнослужащих, нужно в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом»⁴⁶.

О настроениях в Литве сообщалось в письме полпреда Позднякова Молотову от 1 ноября 1939 г.: «Беспокойство за свою внутреннюю независимость среди литовцев изо дня в день ослабевает. С одной стороны, они видят, что в Эстонии и Латвии ничего не случилось. С другой стороны, приглядываясь к поведению Москвы и нас, здесь работающих, они видят, что и отсюда им ничего не грозит... Само собой разумеется, что в своем повседневном поведении здесь мы строго придерживаемся ваших директив по этому вопросу»⁴⁷.

Неукоснительное выполнение Советским Союзом обязательств не вмешиваться во внутренние дела прибалтийских республик отмечалось на декабрьской конференции Балтийской Антанты. «Все страны, — по словам литовского посланника в Эстонии П. Дейлиде, — констатировали честное выполнение СССР пактов»⁴⁸. Подобные заявления прозвучали и в ряде официальных выступлений руководства этих стран⁴⁹.

После заключения пактов о взаимопомощи регулировались вопросы, связанные с вводом советских войск, расширялась договорная база их пребывания в прибалтийских республиках: было заключено немало соглашений по таким вопросам,

как места дислокаций воинских частей; порядок их перемещения через границы, а также связи с советским командованием; освобождение воинских грузов от таможенного досмотра и обложения; и другим. Состоялись договоренности или приближались к завершению переговоры о строительстве и аренде мест расположения советских войск и других объектов, по хозяйственно-правовым вопросам. Однако такие вопросы, как снабжение советских гарнизонов, поставки вооружений прибалтийским странам, и некоторые др. разрешить в договорном порядке уже не удалось⁵⁰. В ходе неоднократных обсуждений в рамках смешанных комиссий, создававшихся на паритетных началах, а также по дипломатическим каналам достигались компромиссы, сближение позиций, позволявшие принять окончательные решения. По отдельным вопросам, например, о порядке определения численности советских войск в Литве, Латвии и Эстонии, возникали разногласия принципиального характера, вызванные различным толкованием сторонами пактов о взаимопомощи⁵¹.

В целом, несмотря на некоторые сложности, пакты о взаимопомощи осуществлялись каждой из сторон в полном соответствии с достигнутыми договоренностями. 17 апреля 1940 г. Поздняков докладывал Молотову, что какого-либо существенного изменения в худшую сторону отношения литовского правительства к договору не произошло⁵².

Анализируя ситуацию, швейцарская газета «Basler Nachrichten» писала 21 марта 1940 г., что созданные Советским Союзом после заключения договоров в Прибалтике «опорные пункты» должны были, по ее мнению, «привести к советизации Балтики», однако этого не произошло. «Внутренняя политика трех балтийских стран в своих основных принципах не изменилась. Она, так же как и раньше, носит исключительно антикоммунистический характер... пребывание красноармейцев в Балтике несколько не отражается на внутривнутриполитической жизни... положение Балтики после полугода войны хорошее»⁵³. Сходные оценки обстановки, сложившейся в Латвии к весне 1940 г., дал 18 марта английский еженедельник «Tribune»: «Изменения в политической обстановке Латвии весьма интересны, и направление их оказалось совершенно противоположным прогнозам многих». Первоначально правящие круги Латвии враждебно относились к заключению пакта с Советской Россией, сообщалось в статье, «однако очень скоро их опасения исчезли, когда они убедились, что пакт обеспечил им реальные экономические выгоды и вместе с тем за этим не последовало никакой попытки вмешательства во внутренние дела страны»⁵⁴.

Почти одновременно с подписанием пактов о взаимопомощи Советский Союз возобновил торговые соглашения с прибалтийскими странами. В соответствии с введенной ранее практикой они строились на принципах обоюдного торгового нетто-баланса, установления размеров товарооборота и определения товарного состава экспорта и импорта. СССР шел навстречу многим пожеланиям своих партнеров. В условиях нарушенных войной международных торговых отношений советские поставки приносили им бесспорные экономические выгоды. Стороны предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования в торговле. Важное значение в обстановке военных действий на Балтике приобрел вопрос о транзите экспортной продукции прибалтийских стран через Мурманск, а также порты Черного и Каспийского морей⁵⁵. Комментируя заключение торгового соглашения между Латвией и СССР, «Tribune» отмечала 18 марта 1940 г., что подписание этого документа «немедленно облегчило экономическое положение страны. Латвия получила возможность обменивать свою сельскохозяйственную продукцию на русское сырье и машины. Таким образом, Россия стала сейчас наиболее крупным покупателем латвийских товаров. Для Латвии весьма выгодно было предложение советского правительства, сделанное также Эстонии и Литве, о том, что они могут использовать Беломорский канал для своего экспорта»⁵⁶.

Гром среди ясного неба грянул 25 мая 1940 г.: Молотов вызвал литовского посланника Наткявичюса и от имени правительства СССР сделал заявление о случаях исчезновения советских военнослужащих из частей, расположенных в Литве. «Исчезновение этих военнослужащих (речь шла о двух красноармейцах. — *Авт.*), — утверждал Молотов, — организуется некоторыми лицами, пользующимися покров-

вительством органов литовского правительства». Он потребовал прекратить эти провокации и не вынуждать СССР «к другим мероприятиям». Наткявичюс заявил о непричастности литовских властей к подобным действиям⁵⁷.

Причина, вызвавшая столь внезапную перемену в отношениях СССР сначала с Литвой, а затем с Латвией и Эстонией очевидна: неожиданно быстрая победа Германии в весенней кампании 1940 г. на западном фронте. Было ясно, что еще несколько недель — и Франция будет повержена, а экспедиционная армия Великобритании изгнана с материка. Это означало, что Германия получала свободу рук в отношении СССР, следовательно, ему необходимо было позаботиться об укреплении своих западных оборонительных рубежей. В понимании Сталина и его ближайшего окружения это означало включение новых территорий в состав СССР и последующее размещение там советских войск.

26 мая Урбшис вызвал Позднякова и зачитал ему ответ правительства Литвы на заявление правительства СССР. Литовское правительство выражало готовность «немедленно произвести самое подробное расследование», так как оно не располагало никакими данными, способными «хотя бы отдаленно» подтвердить обоснованность советских обвинений. У советской стороны запрашивались сведения, могущие помочь расследованию⁵⁸. В дополнительном заявлении от 28 мая правительство Литвы сообщило, что им создана следственная комиссия. Вновь запрашивались данные, а также согласие на допрос обнаружившихся к тому времени двух «пропавших» красноармейцев⁵⁹. Однако 29 мая советское правительство пошло на эскалацию конфликта, опубликовав в «Известиях» сообщение Наркоминдела «о провокационных действиях литовских властей», в котором «органы литовского правительства» вновь обвинялись в похищениях военнослужащих с целью получения сведений о советских частях в Литве. Настораживал и категорический отказ советской стороны от какого-либо сотрудничества с литовскими органами следствия по делам «об исчезновениях». Кроме того, командование советских войск в Литве не обращалось ни с какими запросами к литовским властям, и последние узнали об «исчезновении» двух военнослужащих только из заявления советского правительства, а еще одного — из опубликованного в «Известиях» 30 мая сообщения НКВД.

1 июня Наткявичюс был принят по его просьбе заместителем наркома иностранных дел В. Г. Деканозовым. От имени МИД Литвы посланник заверил, что литовским правительством приняты все необходимые меры для срочного и детального расследования инцидентов и у президента, премьер-министра и министра иностранных дел «имеется крайне добрая воля пойти навстречу всем требованиям правительства Советского Союза в деле выяснения обстоятельств исчезновения советских военнослужащих»⁶⁰. Стремясь продемонстрировать свое желание помочь делу, литовское правительство произвело ряд арестов, усилило наблюдение за населением близлежащих к советским гарнизонам районов и т.д., о чем Наткявичюс информировал Молотова 4 июня⁶¹.

7 июня состоялась первая из бесед Молотова со специально приглашенным в Москву премьер-министром А. Меркисом. Нарком повторил обвинения в адрес литовцев в организации исчезновений советских военнослужащих и назвал заявления литовского правительства от 26 и 28 мая «сугубо формальными, ни слова не говорящими о каких-либо серьезно намечаемых литовским правительством мерах». Советское правительство, сказал Молотов, не может ими удовлетвориться, «а раз так, то надо делать какие-то серьезные выводы»⁶². Возражения Меркиса в расчет не принимались. Переговоры были продолжены 9 июня. Молотов повторил свои обвинения, наотрез отказался выслушивать разъяснения Меркиса, явно вел дело к обострению конфликта. Назвав «исчезновения» красноармейцев «сравнительно небольшим вопросом», Молотов заявил, что имеется куда более крупная политическая проблема — участие Литвы в военном союзе с Эстонией и Латвией, направленном против СССР⁶³.

Речь шла о так называемой Балтийской Антанте — союзе трех прибалтийских стран, созданном 12 сентября 1934 года. Предтечей ее был подписанный в 1923 г. латвийско-эстонский военно-политический договор. При подписании договора 1934 г.

сторонами было заявлено, что Литва допускается только в политическую организацию создаваемого союза, но не является участницей военного соглашения. Эта оговорка появилась в результате того, что у Литвы были нерешенные территориальные споры с Германией — по клайпедскому (мемельскому) вопросу, и Польшей — по виленскому. Однако событиями весны и осени 1939 г. эти вопросы были сняты. На X конференции Балтийской Антанты 8 декабря 1939 г. представитель Литвы заявил, что более не существует препятствий для ее вступления в военную организацию Балтийской Антанты, что вовсе не означало фактического присоединения Литвы к латвийско-эстонскому военному договору.

В 1934 г. СССР благожелательно отнесся к созданию Балтийской Антанты как элементу коллективной безопасности. При подписании осенью 1939 г. пактов о взаимопомощи советское правительство также не возражало против сохранения этого союза. Трудно представить, что Молотов был встревожен заявлением Литвы на конференции Балтийской Антанты 8 декабря. Это заявление он использовал для обвинения Литвы в том, что она якобы вступила в военный союз с Эстонией и Латвией и «старательно прячет этот факт от советского правительства»⁶⁴.

Тема Балтийской Антанты как антисоветского блока появилась в донесениях полпредств в прибалтийских странах на рубеже 1939—1940 гг., эти донесения строились на догадках и самых худших предположениях и долгое время игнорировались НКВД. В середине мая, когда начался сбор «компромата» на правительства прибалтийских стран, полпредству в Каунасе было дано задание установить, в самом ли деле создается тайный антисоветский эстона-литовско-латвийский союз⁶⁵. В письме полпредства от 3 июня говорилось, что «найти какое-либо подтверждение этому нам до сих пор не удалось»⁶⁶, как впрочем и позже, когда у советской стороны оказались все документы трех правительств.

11 июня в переговоры включился прибывший в Москву Урбшис. Министр огласил привезенное им заявление литовского правительства, в котором оно подтверждало «ясную и незыблемую верность» заключенным с СССР договорам, а также готовность сделать все для урегулирования возникших осложнений. Кроме того, Урбшис передал М. И. Калинину письмо президента Сметоны. От имени литовского правительства и от себя лично президент заверял советское руководство, что они «отнюдь не думали» вступать в какие-либо враждебные СССР соглашения⁶⁷.

14 июня Урбшис (Меркис отбыл в Каунас) сообщил Деканозову, что правительство Литвы выполнило выдвинутое Молотовым в предыдущих беседах требование об увольнении министра внутренних дел К. Скучаса и начальника департамента политической полиции А. Повилайтиса, но при этом заметил, что пока не была установлена причастность литовских органов или отдельных служащих к исчезновениям советских военнослужащих. Урбшис вновь подтвердил готовность правительства Литвы должным образом реагировать на пожелания советского правительства⁶⁸. В 23 час. 50 мин. состоялась беседа Урбшиса с Молотовым. Последний зачитал заявление литовского правительства правительству Литвы (опубликовано в «Известиях» 16 июня).

В нем говорилось, что «литовское правительство стремится сделать невозможным пребывание в Литве советских воинских частей,.. грубо нарушает заключенный им с Советским Союзом договор о взаимопомощи и готовит нападение на советский гарнизон». В этой связи от литовского правительства требовалось обязательно и неотложно: 1) предать суду Скучаса и Повилайтиса; 2) сформировать в Литве правительство, которое «было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов договора»; 3) обеспечить «свободный пропуск на территорию Литвы советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-литовского Договора о взаимопомощи и предотвратить провокационные действия, направленные против советского гарнизона в Литве».

Литовский ответ должен был поступить до 10 час. утра 15 июня. Непоступление его в обозначенное время расценивалось бы как отказ выполнить требования

Советского Союза⁶⁹. На этот случай, как и осенью 1939 г., имелся вариант военного решения проблемы. 3 июня приказом наркома обороны расположенные в Прибалтике части были выведены из состава войск Ленинградского, Калининского и Белорусского военных округов и переданы в подчинение непосредственно наркому. Погранвойскам НКВД был дан приказ обеспечить переход границы частями Красной Армии, для чего предусматривалось создание ударных и истребительных групп. В их задачу входило ведение разведки и рекогносцировки, выбор мест перехода границы, подготовка переправ и плавсредств, а после начала боевых действий — уничтожение штабов и подразделений пограничной службы противника, средств связи, заграждений, минных полей и т.д.⁷⁰.

В начале июня в военные советы и начальникам политических управлений Ленинградского и Белорусского военных округов была разослана директива начальника политуправления РККА Л. З. Мехлиса, требующая «всей партийно-политической работой создать в частях боевой подъем, наступательный порыв, обеспечивающий быстрый разгром врага... Наша задача ясна. Мы хотим обеспечить безопасность СССР... и заодно поможем трудовому народу этих стран освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков... Литва, Эстония и Латвия станут советским форпостом на наших морских и сухопутных границах»⁷¹.

Это и имел в виду Молотов, когда в завершение беседы с Урбшисом предупредил, что если литовский ответ задержится, то «советское правительство немедленно осуществит свои меры и безоговорочно» и что «в Литву будут двинуты советские войска и немедленно»⁷². Однако за 15 мин. до истечения установленного в советском ультиматуме срока Урбшис сообщил Молотову, что литовское правительство приняло все требования правительства СССР⁷³.

16 июня Молотов вручил латвийскому и эстонскому посланникам Ф. Коциньшу и А. Рею заявления советского правительства, аналогичные представлению, сделанному ранее Литве. В качестве главного и практически единственного пункта обвинения в обоих случаях вновь фигурировал тезис о Балтийской Антанте. Выдвигались требования сформировать новые правительства в Латвии и Эстонии, а также согласиться на ввод в эти страны дополнительных контингентов советских войск⁷⁴. В назначенное время — поздно вечером 16 июня — правительства Латвии и Эстонии согласились с предложенными советской стороной условиями; старые правительства ушли в отставку⁷⁵.

Для переговоров о формировании в прибалтийских республиках новых правительств советское руководство в дополнение к аккредитованным там полпредам назначило специально уполномоченных: В. Г. Деканозова — в Литве, А. А. Жданова — в Эстонии, А. Я. Вышинского — в Латвии⁷⁶. Результатом их деятельности стало создание в Прибалтике просоветских правительств. Намеченные советской стороной кандидатуры формально обсуждались в ходе бесед с президентами Литвы, Латвии и Эстонии; даже выслушивались встречные предложения. На деле же правительства были сформированы из лиц, как правило, известных полпредствам по прежним контактам, либо рекомендованных последними.

19 июня в полпредстве в Таллине прошли переговоры с некоторыми из предлагавшихся советской стороной кандидатами в члены правительства Эстонии, 20 июня соображения Жданова по кандидатурам были согласованы с НКВД, а 21 июня Пятс полностью их одобрил⁷⁷. Примерно так же обстояло дело и в Латвии. 20 июня Вышинский и новый полпред СССР в Латвии В. К. Деревянский сообщили в Москву о состоявшейся встрече с президентом Ульманисом: «Предъявили свой список нового правительства, дали ему понять, что вопрос предрешен, и заявили, что этот состав полностью обеспечит выполнение пакта»⁷⁸. Получив согласие Ульманиса, Вышинский телеграфировал Молотову об отсутствии у латвийского президента «возражений или предложений об изменении состава нового кабинета министров по нашему списку»⁷⁹.

После одобрения представленных кандидатур Москвой министром-президентом Латвии стал А. Кирхенштейн, премьер-министром, а затем исполняющим обязанности президента Литвы — Ю. Палецкис и премьер-министром Эстонии — И. Варес. В соответствии с договоренностью советские войска вошли в Литву 15, а в

Латвию и Эстонию — 17 июня 1940 года⁸⁰.

Иностранные наблюдатели отмечали оборонительный характер советских мероприятий в Прибалтике. 21 июня германский посланник в Риге фон Котце писал: «Вступающие войска столь многочисленны, что... невозможно представить, чтобы только для подчинения Латвии необходима была такая обширная оккупация. Я думаю, что в русских мероприятиях сыграла свою роль мысль о Германии и имеющихся у нее возможностях, и что планы русских имеют оборонительный характер»⁸¹. Германский посланник в Таллинне Фрвайн сообщал: «Поведение русских военных создает впечатление торопливости, нервозности, как будто опасаются нападения». В другой телеграмме, также от 18 июня: «Сегодня проводилось занятие аэродромов, береговых батарей и т.д. с непонятной поспешностью... Налицо чисто силовая операция, которая, по всей видимости, должна быть срочно закончена до планируемой немецкой стороной мирной перестройки Европы, чтобы создать свершившиеся факты»⁸². Германский посланник в Каунасе Э. Цехлин полагал: «Совершенно очевидно, что столь внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учетом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направил сюда такое огромное количество войск из недоверия к Германии с чисто оборонительными целями»⁸³. На заседании британского кабинета 22 июня министр иностранных дел лорд Э. Ф. Галифакс также высказал мнение, что «концентрация советских войск в прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера»⁸⁴.

Зная о том, как формировались новые правительства прибалтийских стран, нетрудно представить себе их политическое лицо. Молотов назвал их просоветскими⁸⁵. Фактически при новых правительствах отношения СССР со странами Прибалтики утратили характер межгосударственных, сохраняя лишь форму таковых на протяжении еще полутора месяцев. Все важнейшие мероприятия этих правительств осуществлялись на основе директив Москвы или ее представителей на местах.

17 июня Деканозов и Поздняков «посоветовали» Палецкису обратиться к СССР с просьбой об оказании помощи в охране литовско-германской границы силами погранвойск НКВД. 19 июня соответствующая нота была направлена советскому правительству, а еще через два дня, когда просимая помощь была оказана, Поздняков высказал министру внутренних дел Литвы М. Гедвиласу мнение, что «литовскую пограничную полицию, видимо, целиком придется снять с охраны литовско-германской границы»⁸⁶.

В той же беседе с Палецкисом Деканозов и Поздняков поставили вопрос о разрешении свободного хождения рубля в Литве (для оплаты расходов по содержанию большого контингента советских войск). На следующий день совет министров рассмотрел это предложение и пришел к выводу, что принятие его дезорганизует литовскую экономику. Сообщая об этом Позднякову, исполняющий обязанности премьера и министр иностранных дел В. Креве-Мицкявичюс «просил посчитаться» с этим соображением. В качестве выхода предлагалось, чтобы Литва беспроцентно кредитовала советский контингент в литах по выгодному для СССР обменному курсу рубля. 20 июня Москва ответила согласием, сообщив, что «Советское правительство, идя навстречу литовскому правительству, согласно оставить одновалютную систему, основанную на обращении лита»⁸⁷.

23 июня по поручению НКВД Поздняков предложил Креве-Мицкявичюсу поставить перед Германией вопрос о неприменении «на время особых обстоятельств, существующих в Литве», германо-литовского договора о пограничном сообщении, который устанавливал очень свободный режим пересечения границы между двумя государствами. В тот же день это было сделано⁸⁸. По указаниям советской стороны в Литве было отменено чрезвычайное положение, легализована компартия, создавались одни государственные учреждения и расформировывались другие, назначались и увольнялись все высокие гражданские и военные должностные лица и т.д.⁸⁹.

То же самое имело место в Латвии и Эстонии. Фрвайн сообщал 2 июля в Берлин: «Судя по развитию событий за последние дни кажется, что правительством

(Эстонии. — *Авт.*) действительно полностью руководят из Москвы при посредстве здешней советской миссии». Фон Котце в аналогичном послании от 5 июля назвал правительство Кирхенштейна «мнимым», призванным исполнять пожелания Москвы⁹⁰.

Несмотря на просоветский характер созданных в Прибалтике правительств, многие их члены выступали в пользу статуса, схожего с тем, который имела Финляндия в Российской империи: широчайшая внутренняя автономия при строе, в целом близком к метрополии; военный и внешнеполитический протекторат. В данном случае речь шла об установлении социал-демократических или народно-демократических режимов, полностью ориентирующихся в военной и внешнеполитической областях на СССР. 2 июля Фровайн доносил из Таллинна в Берлин: «Не только в правительстве действуют лица, не согласные с советизацией страны. В профсоюзном руководстве есть также силы, ориентирующиеся больше на социал-демократический путь и являющиеся противниками советско-коммунистического направления... Со стороны правительства в различных речах и интервью отдельных министров не было никаких дальнейших высказываний в направлении советизации. Напротив, это развитие в настоящее время явно тормозится»⁹¹. В беседе с фон Котце 4 июля Кирхенштейн также высказал надежду, что «Советский Союз согласится с левоориентированной самостоятельной Латвией»⁹². В беседе с Поздняковым 26 июня Креве-Мицкявичюс, согласившись с «конечной целью в теперешнем развитии Литвы», высказался против излишней поспешности. «Креве-Мицкявичюс, — сообщал Поздняков, — далее изложил вкратце свой взгляд на темпы и пути. Мне стало совершенно ясно, что его схема продвижения вперед потребовала бы не месяцев, а нескольких лет»⁹³. В ходе визита в Москву в начале июля Креве-Мицкявичюс еще раз попытался отговорить Молотова от успешного присоединения Литвы, но тот отвечал, что это «дело решенное»⁹⁴.

Таким образом, несмотря на зависимость трех правительств от советского руководства, ему требовалось определенное время для овладения ситуацией в литовско-латвийско-эстонских политических кругах, и тем более — для соответствующей подготовки общественного мнения.

На международной арене главным фактором была реакция великих держав на советизацию и включение республик Прибалтики в состав СССР. В беседе с посланником Фровайном 17 июня президент Пятс высказал убеждение, что «при том большом страхе и уважении, которые Советский Союз испытывает к Германии, даже слабого проявления немецкой заинтересованности в Эстонии или прибалтийских государствах будет достаточно для немедленного прекращения русского наступления»⁹⁵. Однако Германия не сочла нужным это делать, так как не была еще полностью готова к войне против СССР и не желала поэтому раньше времени портить с ним отношения, которые по-прежнему представляли для нее определенный политический и значительный экономический интерес.

17 июня в беседе с Молотовым фон Шуленбург назвал происходившие события «делом исключительно Советского Союза и прибалтийских стран», а 17 июля от имени своего правительства подтвердил, что «Германия не имеет намерения вмешиваться в политические дела прибалтийских государств»⁹⁶. Выяснилось также, что Англия и Франция не возражают по существу против планов СССР в Прибалтике, уже угадывая в нем своего будущего союзника, но прежде всего рассчитывая, по выражению Фровайна, «вогнать таким образом клин между Германией и Россией»⁹⁷.

В начале июля ситуация прояснилась, и правительства трех стран объявили о проведении 14—15 июля выборов в парламенты. Конечно, при этом ставилась цель сформировать депутатские корпуса, через которые можно было бы провести решения конституционного характера. МИД Германии так и ориентировал 9 июля свое посольство в Москве: «Новые выборы в Ковно, Риге, Ревеле назначены... явно по указанию Москвы. В участвующих странах общее мнение, что вновь избранные парламенты должны провести присоединение к Советскому Союзу»⁹⁸. Фон Котце доносил из Риги 4 июля: «Премьер-министр во время сегодняшнего визита... упомянул, что имеется сильный нажим по поводу скорейшего проведения

выборов»⁹⁹.

17 июля, когда результаты выборов были уже известны, в Таллинне состоялось совещание Жданова, Вышинского и Деканозова. «Можно предположить, — высказывал мнение Фровейн, — что эти три представителя советского правительства окончательно урегулируют отношение к Советскому Союзу»¹⁰⁰. Судя по тому, что повестки дня состоявшихся вскоре сессий парламентов прибалтийских стран были однотипны — провозглашение Советской власти и принятие деклараций о вхождении их в СССР — вероятнее всего, что именно они и были предметом обсуждения на этом совещании.

21—22 июля сеймы Литвы и Латвии и Государственная дума Эстонии приняли декларации о государственной власти (то есть, об установлении советской системы) и о вхождении этих стран в состав СССР. 3—6 августа 1940 г. Верховный Совет СССР, заслушав заявления специально направленных в Москву полномочных комиссий парламентов трех стран, принял законы о вступлении Латвии, Литвы и Эстонии в СССР в качестве союзных республик.

Примечания

1. Международная жизнь, 1989, № 9, с. 92.
2. Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 06, оп. 1, п. 12, д. 126, лл. 28—31, 39.
3. Там же, д. 128, л. 21.
4. Там же, оп. 2, п. 12, д. 118, лл. 62—63.
5. Известия, 1.IX.1939.
6. АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 12, д. 128, л. 37; оп. 2, п. 12, д. 118, л. 63.
7. Там же, оп. 1., п. 21, д. 233, лл. 5—11.
8. 1940 год в Эстонии. Док. и м-лы. Таллинн. 1989, с. 53.
9. АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 21, д. 233, лл. 8—9.
10. Там же, л. 11.
11. Там же, д. 231, лл. 6—7.
12. По версии, опубликованной в Эстонии, правительство СССР для оказания давления на нее прибегло к военной провокации, утопив в Нарвском заливе собственное судно. — 1940 год в Эстонии, с. 15.
13. См. там же, с. 56; АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 21, д. 231, лл. 6—7.
14. АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 305, д. 2111, лл. 118—119.
15. Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА) СССР, ф. 25888, оп. 11, д. 14, лл. 6—7.
16. АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 21, д. 233, л. 16.
17. 1940 год в Эстонии, с. 58.
18. АВП СССР, ф. За-Эстония, д. 130.
19. Там же, д. 010.
20. Известия, 3.X.1939.
21. АВП СССР, ф. 0150, оп. 37, п. 76, д. 2, лл. 47—48.
22. Советского варианта записи бесед в АВП СССР обнаружить не удалось.
23. В советско-германском протоколе от 23 августа 1939 г. речь идет о сферах интересов.
24. АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 12, д. 119а, лл. 3—8. In: *Latvian-Russian Relations. Documents. Washington. 1944*, pp. 192—194.
25. Там же, лл. 9—17. — *Ibid*, pp. 194—198.
26. АВП СССР, ф. За-Латвия, д. 139.
27. Там же, д. 05.
28. *Documents of German Foreign Policy. 1918—1945. Series D (1937—1945). Vol. VIII, 1954*, p. 130.
29. АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 4. — *Международная жизнь*, 1989, № 9, с. 94.
30. Центральный государственный архив Литовской ССР, ф. 1742, оп. 1, д. 6.
31. УРБШИС Ю. Литва в годы суровых испытаний. 1939—1940. Вильнюс. 1989, с. 30; АВП СССР, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 250, л. 9.
32. УРБШИС Ю. Ук. соч., с. 29—30. В советском проекте конфиденциального протокола, вероятно, рукой Сталина исправлено 50 на 35 (АВП СССР, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 250, л. 9).

33. УРБШИС Ю. Ук. соч., с. 30.
34. АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 12, д. 124, лл. 35—39.
35. Там же, ф. За-Литва, д. 53.
36. Там же, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 250, лл. 1—5. Эта цифра, ставшая окончательной, впервые зафиксирована именно в данном тексте.
37. УРБШИС Ю. Ук. соч., с. 38.
38. *Sinā*, 20. VII. 1989.
39. УРБШИС Ю. Ук. соч., с. 34—35.
40. АВП СССР, ф. 0150, оп. 37, п. 77, д. 18, л. 103.
41. Там же, ф. 06, оп. 1, п. 12, д. 126, л. 60.
42. Там же, лл. 60—61, 63, 67—88.
43. Там же, ф. 059, оп. 1, п. 299, д. 2064, л. 55.
44. Там же, л. 61.
45. Там же, п. 313, д. 2155, лл. 83—87.
46. ЦГАСА, ф. 4, оп. 15, д. 22, лл. 250—257.
47. АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 29, д. 112, л. 93.
48. Там же, ф. 059, оп. 1, п. 305, д. 2111, л. 226.
49. Там же, ф. 0150, оп. 37, п. 77, д. 18, л. 103; ф. 154, оп. 25, п. 36, д. 21, л. 7.
50. Там же, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 242, л. 9; ф. 0150, оп. 38, п. 77, д. 4, лл. 22—23.
51. Там же, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 242, лл. 17—19; ф. 054, оп. 18а, п. 507, д. 2, лл. 6—7; ф. 06, оп. 2, п. 1, д. 10, л. 84.
52. Там же, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 242, лл. 5—6.
53. Там же, ф. 150, оп. 24, п. 38, д. 29, лл. 116—118.
54. Там же, лл. 112—113.
55. Там же, ф. 0151, оп. 31, п. 57, д. 5, лл. 58—59; ф. 054, п. 486, д. 7611, л. 31; ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 24, лл. 11—12.
56. Там же, ф. 150, оп. 24, п. 38, д. 29, лл. 111—112.
57. Там же, ф. 059, оп. 1, п. 323, д. 2222, л. 109.
58. Там же, ф. 0151, оп. 31, п. 57, д. 5, лл. 96—97.
59. Там же, лл. 98—99.
60. Там же, ф. 06, оп. 2, п. 5, д. 36, лл. 1—2.
61. Там же, п. 21, д. 255, лл. 1—2.
62. Там же, оп. 2, п. 2, д. 13, лл. 26—31.
63. Там же, л. 58.
64. Там же.
65. Там же, ф. 0151, оп. 31, п. 57, д. 7, л. 17.
66. Там же, д. 1, л. 125.
67. Там же, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 248, лл. 29—30; п. 2, д. 13, лл. 78—79.
68. Там же, п. 5, д. 36, лл. 89—93.
69. Известия, 16.VI.1940.
70. По латвийской границе срок готовности был установлен «к 20.00 12.VI.40» (ЦГАСА, ф. 25888, оп. 13, д. 46, л. 81).
71. Там же, ф. 9, оп. 29, д. 504, лл. 52—58.
72. АВП СССР, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 248, лл. 38—41.
73. Там же, лл. 31—32.
74. Там же, д. 239, лл. 16—18, 20; п. 27, д. 356, лл. 27—29.
75. Там же, д. 231, лл. 19—24; ф. 059, оп. 1, п. 332, д. 2280, лл. 118—119.
76. Там же, ф. За-Латвия, д. 148; ф. За-Эстония, д. 136.
77. Там же, ф. 0154, оп. 35, п. 49, д. 4, лл. 116—121; п. 50, д. 16, л. 11.
78. Там же, ф. 059, оп. 1, п. 329, д. 2263, лл. 202—204.
79. Там же, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 243, лл. 3—5.
80. Там же, ф. 03а-Латвия, д. 023; ф. 03а-Эстония, д. 029.
81. Bundes Archiv BRD, письмо германского посланника в Риге в МИД Германии, 21 июня 1940.
82. Ibid., телеграммы германского посланника в Таллине в МИД Германии, 18 июня 1940.
83. Ibid., письмо германского посланника в Каунасе в МИД Германии, 21 июня 1940.
84. Public Record Office, Cab. 65/7, p. 255.
85. АВП СССР, ф. 06, оп. 2, п. 21, д. 248, лл. 31—32; ф. 059, оп. 1, п. 332, д. 2281, л. 119.

86. Там же, ф. 0151, оп. 31, п. 57, д. 5, лл. 103—104.
87. Там же, лл. 111—113.
88. Там же, лл. 104—106.
89. Там же, лл. 115—119.
90. Bundes Archiv BRD, письмо германского посланника в Таллинне в МИД Германии, 2 июля 1940; письмо германского посланника в Риге в МИД Германии, 5 июля 1940.
91. Ibid., письмо германского посланника в Таллинне в МИД Германии, 2 июля 1940.
92. Ibid., телеграмма германского посланника в Риге в МИД Германии, 4 июля 1940.
93. АВП СССР, ф. 0151, оп. 31, п. 57, д. 5, лл. 122—123.
94. Bundes Archiv BRD, телеграмма германского посланника в Каунасе в МИД Германии, 5 июля 1940.
95. Ibid., телеграмма германского посланника в Таллинне в МИД Германии, 18 июня 1940.
96. АВП СССР, ф. 06, оп. 2, п. 2, д. 14; л. 128.
97. Bundes Archiv BRD, телеграмма германского посланника в Таллинне в МИД Германии, 18 июня 1940.
98. Ibid., телеграмма МИД Германии посольству Германии в Москве, 9 июля 1940.
99. Ibid., телеграмма германского посланника в Риге в МИД Германии, 4 июля 1940.
100. Ibid., телеграмма германского посланника в Таллинне в МИД Германии, 18 июля 1940.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Александр Васильевич Колчак

А. В. Колчак. Март, 1919 г.

С. В. Дроков

До недавнего времени лидеры белого движения в работах советских историков изображались схематически, с единственной характеристикой — контрреволюционеры... В полной мере относится это и к адмиралу А. В. Колчаку (1874—1920 гг.). Справочные издания, касаясь его биографии, лишь отмечают, что он был не только «Верховным правителем» России в 1918—1920 гг., но и гидрологом во время полярных экспедиций 1900—1903 и 1908—1911 гг., а также участником русско-японской и первой мировой войн¹. В свое время изданием протоколов заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака была предпринята попытка осветить «историю не только самой колчаковщины в показаниях ее верховного главы, но и автобиографию самого Колчака, чтобы полнее обрисовать этого «руководителя» контрреволюционного наступления на молодую Советскую республику»². Однако впоследствии данная тема получила у нас развитие лишь в аспекте, анализирующем режим колчаковщины³, без развернутой характеристики деятельности ее «главного героя», особенно в дореволюционное время. Только в примечаниях к воспоминаниям гражданской жены Колчака А. В. Тимиревой-Книпер приведено достаточно полное описание этого периода⁴.

Род Колчаков имел давнюю историю. По мнению сына адмирала Ростислава Александровича (1910—1965 гг.), семейные корни восходят к Илиас-паше Колчаку. Этот принявший мусульманство серб стал начальником Хотинской крепости, затем визирем султана, а после падения крепости в очередной русско-турецкой войне оказался в 1739 г. с одним из сыновей в России как военнопленный. В отечественной печати фамилия Колчак впервые упомянута М. В. Ломоносовым в оде царице Анне Иоанновне на взятие Хотина⁵. Вероятно предположение, что слово «колчак» означает «рукавица» (от турецкого «кол» — рука). Но «что во всяком случае верно, это то, что семья и отца, и матери адмирала были из казаков — семья отца из Бугского казачьего войска, а матери — Донского»⁶.

В метрической книге Троицкой церкви села Александровского, Петербургского уезда под № 50 записано: «Морской Артиллерии у Штабс-Капитана Василия Иванова Колчак и законной жены его Ольги Ильиной, обоих Православных и первобрачных, сын Александр, родился четвертого Ноября, и крещен пятнадцатого Декабря тысяча восемьсот семьдесят четвертого года»⁷. Ольга Ильинична, в девичестве Посохова (1855—1894 гг.), — из дворян Херсонской губ., уроженка Одессы.

Дроков Сергей Владимирович — архивист Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР.

«Она, по словам моей матери, была «красивая казачка», спокойная, тихая, добрая и строгая. Воспитывалась она в Одесском институте и была очень набожна... Александр Васильевич ее очень любил и на всю жизнь сохранил память о долгих вечерах, на которые он ходил мальчиком со своей матерью в церковь, где-то далеко от мрачного Обуховского завода, вблизи которого они жили по службе отца»⁸.

Штабс-капитан тоже родился в Одессе, в 1837 г., был воспитанником Ришельевской гимназии, человек сдержанный, большой франкофил. Службу начал в 1855 г. юнкером, затем стал прапорщиком морской артиллерии, во время Крымской войны при обороне Севастополя состоял помощником батарейного командира на Малаховом кургане. «За сожжение огнем гласисной батареи 4-го августа фашинов и туров во французской траншее награжден Знаком отличия Военного ордена. В бою на Малаховом кургане 27-го августа контужен в плечо, ранен в руку и взят в плен». По возвращении из плена (на Принцевых островах) кончил двухгодичные курсы в Институте корпуса горных инженеров и командирован на уральские горные заводы. В 1863 г. назначен на Обуховский сталелитейный завод в Петербурге членом комиссии морских артиллерийских приемщиков орудий и снарядов. В 1893 г. произведен в генерал-майоры и вышел в отставку⁹. Затем до 1899 г. работал на Обуховском заводе заведующим сталепудлинговой мастерской. Был автором ряда специальных работ («О сталелитейном производстве», «Пудлинговая сталь и ее применение в сталелитейном производстве», «История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники»), публикаций в «Морском сборнике» и воспоминаний¹⁰.

«Моя семья, — рассказывал на допросе в феврале 1920 г. А. В. Колчак, — была чисто военного характера и военного направления. Я вырос в чисто военной семье. Братья моего отца были моряками. Один из них служил на Дальнем Востоке, а другой был морской артиллерист и много плавал. Вырос я под влиянием чисто военной обстановки и военной среды»¹¹. Кроме Александра у Колчаков была дочь Екатерина (1875 г. рожд.). До поступления в 6-ю Петербургскую классическую гимназию, где он проучился до 3 класса, Александр получил хорошее домашнее образование. В 1888 г. он перевелся в Морской кадетский корпус. Много читал. В письме своей жене Софье Федоровне (в девичестве Омирова, 1876—1956 гг.), вывезшей за границу в апреле 1919 г. сына Ростислава, адмирал просил «положить в основание его воспитания историю великих людей, так как примеры их есть единственное средство развить в ребенке те склонности и качества, которые необходимы для службы»¹².

В юности Колчак пользовался авторитетом у товарищей, которые часто говорили: «Колчак все знает. Спросим у него». До окончания корпуса он оставался в числе первых его воспитанников, в 1893 г. был назначен фельдфебелем младшей роты. Будущий управляющий морским министерством «Верховного правителя» М. И. Смирнов вспоминал: «Здесь (в кадетском корпусе. — С. Д.) я впервые с ним познакомился, будучи воспитанником младшей роты. Колчак, молодой человек, невысокого роста, со сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак»¹³.

В ученические годы Александр увлекался военной историей и точными науками. Частые посещения Обуховского завода дали ему технико-практические знания по артиллерийскому и минному делу. Отец познакомил его с британским заводчиком У. Дж. Армстронгом, который предлагал ему продолжить обучение на английских заводах. Но у юноши возобладало желание служить на флоте. Когда весной 1894 г. он как фельдфебель принимал участие в обсуждении результатов выпуска, то отказался от предложенного ему первого места, потому что считал более достойным своего товарища, и был выпущен из корпуса вторым, получив денежную премию им. П. И. Рикорда, а осенью был произведен в мичманы.

В 1895 г. Колчак стал помощником вахтенного начальника на броненосце «Рюрик». Во Владивостоке перешел вахтенным начальником на «Крейсер», на котором с 1896 до 1899 г. плавал в Тихом океане. «Это было первое мое большое плавание, — рассказывал он позднее, — ... Главная задача была чисто строевая на корабле, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами. Я готовился к южно-полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время; писал записки, изучал южно-полярные страны. У меня была мечта найти Южный полюс; но я так и не попал в плавание на южный океан»¹⁴.

Тогда же он увлекся восточной философией, особенно учением секты Дзэн, проповедующей аскетизм и пренебрежение к быту, пытался самостоятельно освоить китайский язык. Позднее Колчак собирал клинки работы японских мастеров. В Токио он подолгу бродил в отдаленных кварталах, надеясь найти клинок Майошин (самураи, когда им приходилось прибегать к харакири, старались проделать его оружием именно этого мастера), и гордился подарком японского полковника в 1918 г. — клинком одного из учеников мастера: «Когда мне становится очень тяжело, я достаю этот клинок, сажусь к камину, выключаю освещение и при свете горящего угля смотрю на него... Какие-то тени появляются, исчезают на поверхности клинка, который точно оживает какой-то внутренней в нем скрытой силой — быть может, действительно частью живой души воина»¹⁵.

Адмирал Г. Ф. Цывинский, принимая командование над «Крейсером» в 1897 г., писал: «На крейсер было прислано с эскадры 100 человек лучших здоровых и грамотных матросов для подготовки в унтер-офицеры. Они были разделены на 4 вахты и в каждую вахту назначен офицер, он же и учитель своей вахты... Одним из вахтенных учителей был мичман А. В. Колчак. Это был необычайно способный, знающий и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений. Служил на крейсере младшим штурманом до возвращения в Кронштадт в 1899 году»¹⁶. В 1898 г. Колчак был произведен в лейтенанты. Итогом того плавания явились опубликованные им «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 г. по март 1898 г.»¹⁷, в которых уточнялись методы наблюдений и выверялась правильность карт холодных течений у берегов Кореи.

После плавания на военных кораблях Колчак несколько разочаровался в военной службе: «Еще во время пребывания в Тихом океане я подумывал о выходе из военного флота и о службе на коммерческих судах. Тем не менее я всегда был военным моряком». В 1899 г. он возвратился в Петербург и попытался поступить к адмиралу С. О. Макарову на «Ермак», который должен был уйти через несколько дней в Ледовитый океан, ради чего Колчак хотел даже выйти в отставку, но не успел и попал на внутреннее плавание на «Князе Пожарском» — «худшее, что только я мог представить»¹⁸. Узнав о готовящейся Русской полярной экспедиции под начальством барона Э. В. Толля, он обратился к акад. Ф. Б. Шмидту, чтобы узнать, есть ли возможность принять участие в экспедиции. Тот «ничего не мог сообщить определенно, надо было ждать барона; убедившись, насколько неприятно и трудно кого-либо просить о чем-нибудь, я принял меры к тому, чтобы уйти в Тихий океан, и подал рапорт о переводе в Сибирский экипаж».

Известия об англо-бурской войне Колчак воспринял с горячностью: «Я думаю, что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, должен был испытывать хотя бы смутное и слабое желание в нем участвовать»¹⁹, но получил приглашение принять участие в Русской полярной экспедиции, в должности второго магнитолога с занятиями и гидрологией. Чтобы подготовиться к возложенным на него обязанностям, Колчак был назначен в Главную физическую обсерваторию в Петербурге и Павловскую магнитную обсерваторию, затем уехал в Норвегию для изучения новых методов магнетизма и гидрологии. Там он встречался с Ф. Нансеном, чтобы «воспользоваться его советами по снаряжению и работам по части гидрологии»²⁰. Наконец, летом 1900 г. на судне «Заря» Русская полярная экспедиция отправилась

в плавание. «На следующий день я сделал свою 1-ю гидрологическую станцию», — записал в экспедиционном дневнике Колчак²¹.

О работе гидролога Колчака можно судить по отчетам в «Известиях» Академии наук. Он сообщал о произведенных наблюдениях над температурами и удельными весами поверхностного слоя морской воды, о глубоководных работах, о форме, состоянии, толщине льда и участвовал в сборе ископаемых останков млекопитающих²². В 1901 г. Толль и Колчак совершили экспедицию на п-ов Челюскина. Пройдя за 41 день 500 верст в сильную пургу, лейтенант вел маршрутную съемку и магнитные наблюдения. В 1902 г. санная экспедиция, в которую входили Толль с астрономом и якутами-промышленниками, отправилась к мысу Высокому о-ва Новая Сибирь, имея цель достигнуть о-ва Беннетта, и пропала. Академия наук разработала два плана ее спасения. Один из них взялся выполнить Колчак.

В январе 1903 г. ему вручили официальное приглашение принять командование спасательной шлюпочной экспедицией, и он отправляется в Мезень, чтобы нанять там матросов, и на вельботе выходит на поиски, проведя 42 дня в тяжелейших условиях. При переходе по льду в заливе Чернышева он едва не утонул, провалившись в трещину. По возвращении спасательная экспедиция привезла документы и геологические коллекции Толля вместе с вестью о его гибели. В черновиках переписки и дневника содержится конспект сообщения Колчака «О современном положении Русской полярной экспедиции. Чтение в Иркутском географическом обществе (21) февраля 1903 г.»

За полярное путешествие Колчак в 1903 г. был награжден орденом св. Владимира IV степени, а за «выдающийся и сопряженный с трудом и опасностью географический подвиг» представлен в 1905 г. Русским географическим обществом к большой Константиновской золотой медали — награде, которой ранее удостоивались Н. А. Норденшельд и Ф. Нансен, в феврале 1906 г. избран в действительные члены этого общества²³. По итогам спасательной экспедиции Колчак составил «Предварительный отчет начальника экспедиции на землю Беннетт для оказания помощи барону Толлю» и опубликовал статью «Последняя экспедиция на остров Беннетт, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля». Один из островов Карского моря был назван в честь лейтенанта Колчака; но в конце 30-х годов этот остров был переименован в память о матросе яхты «Заря» Расторгуеве, принимавшем участие в экспедиции Толля. Однако поныне островок в архипелаге Литке и мыс на о-ве Беннетта носят имя жены Колчака — Софьи. Лишь в 1926 г. комиссия по изучению Якутской АССР в материалах по изучению земного магнетизма в Якутии опубликовала результаты ежечасных наблюдений над магнитным склонением во время зимовок, а также абсолютные магнитные определения за 1900—1902 гг., произведенные Колчаком и Ф. Г. Зебергом²⁴.

Начало русско-японской войны застало Колчака в Якутске. В срочной телеграмме в Академию наук 28 января 1904 г. он просит разрешения выехать в эскадру Тихого океана и получает согласие. В марте он вступил в брак с Омировой²⁵, сдал дела экспедиции своему помощнику П. В. Оленину, выехал в Порт-Артур и вскоре явился к командующему флотом Тихого океана вице-адмиралу С. О. Макарову. Лейтенант был назначен вахтенным начальником на крейсер «Аскольд», в апреле переведен на минный транспорт «Амур», а затем стал командиром эсминца «Сердитый»²⁶, который совершил ряд смелых атак на японскую эскадру. Под командованием Колчака была поставлена к югу от устья Амура минная банка, на которой подорвался японский крейсер «Такасаго».

В воспоминаниях контр-адмирала С. Н. Тимирева говорится о плане экспедиции для прорыва блокады Порт-Артура с моря и активизации действий против японских транспортов в Желтом море и на Тихом океане. В разработке плана участвовал и Колчак. Сменивший погибшего Макарова адмирал В. К. Витгефт отменил реализацию плана. В ноябре 1904 г. Колчак был назначен командиром 120-мм и 47-мм батарей на северо-восточном крыле крепости Порт-Артур с прикомандированием на довольствие к броненосцу «Ретвизан»²⁷. Для поджога японских укреплений Колчак попытался использовать керосиновые гранаты, но безрезультатно. С 3 по 21 декабря 1904 г. он вел дневник. Есть в нем и такая запись: «У нас много новых

заболеваний цингой среди команды, и число цинготных теперь не менее 30%. Люди постоянно простужаются, не имея теплого платья, едят одну... живут черт знает в каких-то землянках — понятно и заболевают цингой».

А вот описание дня капитуляции Порт-Артура: «Редко кое-где слышались отдельные ружейные выстрелы или отдельные удары взрывов; Порт и город скрывались в густом тумане и дыме горевших судов. Получено вторичное приказание ни под каким видом не открывать первыми огня — очевидно, японцы получили такое же приказание... После полдня мертвая тишина — первый раз за время осады Артура... Объявлено перемирие по случаю переговоров о капитуляции крепости. Около 10 ч. утра «Севастополь» показался перед входом во внутренний рейд — и стал тонуть, через 5 минут он исчез под водой. Суда взорвали... Вечером известили нас, что крепость сдалась, и получили приказание ничего более не взрывать и не портить... Флот не существует — все разрушено и уничтожено; вход в Гавань прегражден затопленными мелкими судами, кранами и землечерпательными машинами; 4 миноносца ушли ночью в Чифу, кажется с 2 минными катерами»²⁸.

Раненый, с тяжелой формой суставного ревматизма Колчак оказался в плену у японцев. В Нагасаки японское правительство предложило больным и раненым пленным пользоваться лечебными учреждениями Японии или же через США возвратиться домой. В апреле 1905 г. Колчак вернулся в Петербург. За службу на «Сердитом» в ноябре 1904 г. он был награжден орденом св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»; в декабре 1905 г. по возвращении из плена — золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом св. Станислава II степени с мечами за отличие под Порт-Артуром; в 1906 г. получил серебряную медаль «Памяти русско-японской войны», в 1914 г. — нагрудный знак для защитников Порт-Артура²⁹.

После лечения на водах Колчак смог вернуться в распоряжение Академии наук только осенью 1905 года. До января 1906 г. он занимался обработкой материалов полярной экспедиции, составив краткое описание яхты «Заря»³⁰. В том же году с группой других морских офицеров он образовал военно-морской кружок для изучения опыта прошедшей войны и сразу же выступил там с докладом «О постановке мин заграждения с миноносцев»³¹, в котором выдвинул идею использования автоматической мины в качестве орудия нападения. Когда было образовано Управление Морского Генштаба, Колчак занял в нем должность начальника сначала — статистического отдела, затем — отдела по разработке стратегических идей защиты Балтики. Доклад Колчака «Дифференциация морской силы» был взят за основу при разработке Генштабом новых типов судов³².

В 1907 г. перевел с французского статью М. Лобефа «Настоящее и будущее подводного плавания». В военно-морском кружке он прочел доклад «Какой нужен России флот»³³, в котором писал: «России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ и на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы, то есть такая политика, которая в необходимом случае получает подтверждение в виде успешной войны. Эта реальная сила лежит в линейном флоте и только в нем, по крайней мере в настоящее время мы не можем говорить о чем-либо другом. Если России суждено играть роль великой державы — она будет иметь линейный флот как неперемное условие этого положения». Тему влияния войн на развитие судостроения Колчак разрабатывал и в статье «Современные линейные корабли», не бросает он заниматься и гидрологией, публикуя перевод «таблицы точек замерзания морской воды Мартина Кнудсена»³⁴.

В 1907 г. морское ведомство затребовало крупную сумму на постройку четырех дредноутов для Балтики. Задача добиться правительственного ассигнования была поставлена перед Колчаком, принимавшим участие в заседаниях III Государственной думы в качестве эксперта по военно-морским вопросам. «Трудно было найти более блестящего защитника столь неблагоприятной задачи», — вспоминал член Думы от Харьковской губернии Н. В. Савич³⁵. Комиссия по обороне решила, что средства на постройку современного броненосного флота будут даны лишь после реформы морского ведомства. Колчак проиграл сражение в Думе, о чем в автобиографии писал: «Политическая борьба между Государственной думой и Морским

министерством, тем не менее, затягивала решение вопроса о начале исполнения судостроительной программы, и в 1908 г. я пришел к убеждению, что поставить этот вопрос в реальные формы быстро и энергичной деятельностью — невозможно»³⁶. И он переключился на лекционную работу в Морской академии.

Вскоре к нему обратился начальник Главного гидрографического управления А. И. Вилькицкий с предложением организовать экспедицию для исследования пути из Атлантического океана в Ледовитый вдоль берегов Сибири. Совместно со своим спутником по Русской полярной экспедиции на «Заре» Ф. А. Матисеном Колчак составил докладную записку и сметы. По чертежам корабельного инженера Р. А. Матросова при участии Матисена и Колчака на Невском судостроительном заводе были заложены ледоколы «Таймыр» и «Хатанга» (переименованный в «Вайгач»). В апреле 1909 г. Колчак выступил с докладом «Северо-восточный проход от устья реки Енисея до Берингова пролива»³⁷ в Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта. Участник Шпицбергенской экспедиции акад. Ф. Н. Чернышев отметил тогда, что даже «норвежцы не решаются делать такие отважные путешествия, как А. В. Колчак». В 1909 г. увидела свет самая крупная научная работа Колчака «Лед Карского и Сибирского морей», в основу которой были положены наблюдения, сделанные во время экспедиции Толля. В 1928 г. Американское географическое общество переводит и включает в сборник «Проблемы полярных исследований» XI главу этой книги³⁸.

А осенью 1909 г. экспедиция Северного Ледовитого океана, чьи суда были причислены к транспортам военного флота, вышла из Кронштадта во Владивосток. Плавание вокруг Европы и Азии закончилось летом 1910 года. И на «Таймыре», и на «Вайгаче» обнаружилось конструктивные недостатки. Около трех месяцев суда ремонтировались в Гавре. Вместо Матисена на «Таймыр» был назначен новый командир. Колчак занимался во время плавания гидрологией и картографическими исследованиями. Осенью 1910 г. он был отозван из Владивостока в Петербург для продолжения судостроительной программы³⁹ и до весны 1912 г. занимался в Морском генштабе ее детализацией. В марте 1911 г. он выступал в III Думе по поводу расходов морского министерства⁴⁰, ходатайствуя об их увеличении.

В январе 1912 г. Колчак представил записку о реорганизации Морского генштаба и эту же тему разработал в книге «Служба Генерального штаба: сообщения на дополнителном курсе Военно-морского отдела Николаевской морской академии, 1911—1912 гг.», где, основываясь на опыте русско-японской войны, требовал ликвидации слишком большого количества параллельных и не подчиненных друг другу учреждений, а также введения единовластия начальника-командующего. В дальнейшем Колчак стремился провести эту идею в жизнь на всех постах, которые занимал. Понятие «всеобщего блага» для него не имело, как он отмечал, практического значения, а война — это «одно из неизменных проявлений общественной жизни... Подчиняясь, как таковая, законам и нормам, которые управляют сознанием, жизнью и развитием общества, война является одной из наиболее частых форм человеческой деятельности, в которой агенты разрушения и уничтожения переплетаются и сливаются с агентами творчества и развития, с прогрессом, культурой и цивилизацией»⁴¹.

В 1912 г. командующий морскими силами Балтийского моря адмирал Н. О. Эссен предложил Колчаку поступить на действующий флот, и в апреле он был назначен командиром эсминца «Уссуриец», а через год перешел на посылное судно Эссена — миноносец «Пограничник», с назначением флаг-капитаном оперативной части штаба командующего. В декабре 1913 г. он был произведен за отличие в капитаны I ранга. Когда началась первая мировая война, Колчак оказался вторым (вслед за В. Е. Гревенцем), кто составил диспозицию операций военного времени на Балтике⁴². Он практически руководил боевыми действиями флота. В феврале 1915 г., командуя четырьмя миноносцами, расставил у Данцига около 200 мин. На них подорвались 4 германских крейсера, 8 миноносцев и 11 транспортов, после чего командующий германским Балтфлотом принц Генрих Прусский приказал своим кораблям не выходить в открытое море, «пока не будут организованы средства для борьбы с русскими минами»⁴³.

Летом 1915 г. Колчак явился инициатором ввода в Рижский залив линкора «Слава» для постановки мин вдоль занятого немцами побережья, что препятствовало проходу и транспортов, и подлодок. В результате германская армия, наступавшая на Ригу, осталась без поддержки флота. Осенью 1915 г. Колчак был назначен временно командиром минной дивизии (друзьям он говорил, что это — венец его желаний) и провел ряд совместных операций с сухопутной армией генерала Д. Р. Радко-Дмитриева, не имевшей достаточно артиллерии, отбив наступление противника при Кеммерне. Колчак осуществил тогда на практике разработанную им тактику морского десанта. Впоследствии постановлением Совета министров колчаковского правительства № 75 от 10 января 1919 г. был образован с опорой на опыт 1915 г. корпус офицеров морских стрелков, чтобы «нести службу в Морских Стрелковых Бригадах, на судах флота, на судах речных боевых флотилий и в морских крепостях и военных постах»⁴⁴.

За успешные нападения на караваны германских торговых судов, следовавших с рудой из Швеции в Германию, Колчак был представлен к ордену св. Георгия IV степени, а в июне 1916 г. произведен в контр-адмиралы и вскоре назначен командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы. Колчак говорил тогда, что «ему особенно тяжело и больно покидать Балтику в такое серьезное и ответственное время, когда на Северном фронте идет наступление, тем более, что новая его служба представляется ему совершенно чуждой и слишком трудной вследствие полного его незнакомства с боевой обстановкой на Черном море»⁴⁵.

По приезде в Севастополь Колчак сразу отправился на корабль и, выйдя в море, завязал бой с крейсером «Бреслау», который в сумерках спасся бегством. В письме морскому министру от 8 августа 1916 г. он докладывал о результатах месячного пребывания в должности командующего флотом: «С первых дней... я принялся за приведение в порядок дел по минам заграждения, имея в виду постановку заграждения у Босфора... Делу этому в Черном море, видимо, не придавали серьезного значения... 10 дней тренировки и переборки мин наладили это дело, и новыми миноносцами была выполнена задача постановки заграждения в непосредственной близости Босфорских укреплений»⁴⁶. С середины ноября 1916 г. и до конца командования Колчаком Черноморским флотом там было поставлено более 5 тыс. мин, на которых подорвались шесть вражеских подлодок.

Документы, относящиеся ко времени службы Колчака на Черном море, говорят о том, что это был верующий человек с довольно строгими аскетическими взглядами. В архиве сохранились письма к нему архиепископа Таврического и Симферопольского Димитрия и епископа Севастопольского Сильвестра из Херсонского монастыря с благословением на поприще командующего флотом. В ноябре 1916 г. он получил от родственников образок с изображением св. великого князя Александра Невского и в дальнейшем не расставался с ним.

1917 год... Время стремительных перемен в судьбах миллионов людей и всей России. Колчак, получив телеграмму Морского генштаба о переходе власти в Петрограде к Временному комитету, приказал прекратить всякое общение Крыма с остальной Россией «до выяснения положения». Он расценил Февральскую революцию как возможность довести войну до победного конца, считая это «самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего, — и образа правления, и политических соображений»⁴⁷. Манифест Николая II об отречении и телеграмма его брата Михаила об отказе от престола не изменили взглядов вице-адмирала⁴⁸. Он писал тогда: «Занятия, подготовка и оперативные работы ни чем не были нарушены, и обычный режим не прерывался ни на час. Мне говорили, что офицеры, команды, рабочие и население города (Севастополя. — С. Д.) доверяют мне безусловно, и это доверие определило полное сохранение власти моей как командующего, спокойствие и отсутствие каких-либо эксцессов. Не берусь судить, насколько это справедливо, хотя определенные факты говорят, что флот и рабочие мне верят»⁴⁹.

Революционный «Приказ № 1» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов побудил Колчака созвать морское собрание и выступить на нем с речью, в которой он призвал офицеров «сплотиться с командой» и напрячь усилия для

успешного завершения войны. Присутствующие предложили организовать на каждом корабле комитет из представителей офицеров и команды для поддержания дисциплины и боеспособности. Учрежденный в те дни ЦИК Совета депутатов флота, армии и рабочих морских частей был подчинен командующему флотом. Позже Колчак вспоминал: «Десять дней я занимался политикой и чувствую к ней глубокое отвращение, ибо моя политика — повеление власти, которая может повелевать мною. Но ее не было в эти дни и мне пришлось заниматься политикой и руководить дезорганизованной истеричной толпой, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты к первобытной анархии»⁵⁰.

Пытаясь противодействовать нараставшему революционному подъему масс, он 25 апреля 1917 г. на собрании делегатов этого Совета выступил с докладом «Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками». Постановку вопроса о «новой дисциплине», основанной на классовом сознании, он рассматривал как «распад и уничтожение русской вооруженной силы». Апеллируя к национальным чувствам, Колчак призвал прекратить «доморощенные реформы, основанные на самоуверенности невежества... Сейчас нет времени и возможности что-либо создавать, надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у наших союзников: я не вижу другого пути для приведения нашей вооруженной силы из мнимого состояния в подлинное состояние бытия»⁵¹.

Но он не только выступал. С первых дней Февральской революции Колчак предъявил Временному правительству условия своего командования флотом, подчеркнув, что, если хотя бы одно из них будет нарушено, он сложит с себя полномочия. Первые серьезные столкновения между ним и Советом произошли в мае 1917 г. после отказа одного из миноносцев выйти в море для постановки мин, требования команды другого судна сменить командира и ареста генерала Петрова, спекулировавшего кожей. На проходившем в Одессе съезде моряков прозвучали прямые обвинения в адрес Колчака как ставленника царя и буржуазии в связи с его медлительностью в деле революционных преобразований. В Петрограде Колчак встретился с Г. В. Плехановым и А. Ф. Керенским в надежде на то, что они поддержат его линию на твердые и решительные действия на флоте.

Тайные собрания офицеров на броненосце «Пантелеймон» послужили причиной июньских матросских митингов и последовавших арестов офицеров с требованием сдать оружие. Колчак сдал оружие, но при возвращении ему кортика выбросил его за борт со словами: «Раз не хотят, чтобы у нас было оружие, — так пусть идет в море» (позднее клинок был поднят со дна моря и торжественно поднесен Колчаку с надписью: «Рыцарю чести адмиралу Колчаку от Союза офицеров армии и флота»)⁵².

В мае 1917 г. Колчак предпринял ряд операций с выходом в море. Они кончились неудачей. «Ведение войны с внутренней политикой и согласование этих двух взаимно исключających друг друга задач является каким-то чудовищным компромиссом. Последнее противно моей природе и психологии и ко всему прочему приходится бороться с самим собой. Это до крайности осложняет все дело. А внутренняя политика растет, как снежный ком, и явно поглощает войну. Это общее печальное явление лежит в глубоко не военном характере масс, пропитанных отвлеченными безжизненными идеями социальных учений», — отмечал Колчак. Происходящее он воспринимал как кошмар «дезорганизованной истеричной толпы», братание на фронте называл «проявлением самой низкой животной трусости», нараставшее революционное движение связывал со стихийным чувством «чисто животного свойства, охватившего массы, которые с первого дня революции освободились от дисциплины и провозгласили трусость истинно революционной добродетелью».

Потрясенный событиями, которые пережил флот, он «отдавал себе отчет, что такой сложный и тонкий организм, каким является флот, не может выдержать и никогда не выдерживал революционной грозы»⁵³. Это его пугало. Колчак не желал в этом участвовать и в середине июня передал полномочия командующего Черноморским флотом контр-адмиралу В. К. Лукину, после чего получил телеграмму Керенского, адресованную ему и Советам, где действия по изъятию оружия у офицеров были расценены враждебными революции и стране, а Колчаку предписано

немедленно прибыть в Петроград с объяснениями мотивов его несанкционированной отставки.

Для оценки состояния российских военных сил президент США В. Вильсон еще в мае 1917 г. направил в Россию миссию сенатора Э. Рута. Член миссии вице-адмирал Д. Гленнон предложил предпринять частную инспекцию эскадренной базы в Севастополе. Американцы вскоре прибыли туда. «Колчак произвел большое впечатление на Гленнона, который специально ознакомился с колчаковскими планами морского десанта против турок на Босфоре»⁵⁴. Будучи вызванным в Петроград, Колчак встретился с Руттом и после некоторых колебаний дал согласие принять участие в военных операциях американского флота. «Мне нет места здесь во время великой войны, — писал он, — и я хочу служить Родине своей так, как я могу, т. е. принимая участие в войне, а не в пошлой болтовне, которой все заняты»⁵⁵.

Мотивы, побудившие американцев хлопотать за Колчака, следует искать в личной симпатии Гленнона к русскому вице-адмиралу, а не в приглашении для содействия американскому вторжению в Дарданеллы. «Вряд ли, — отмечают американские историки, — Гленнон мог доверить Колчаку — офицеру без команды — подробности американской операции, представлявшей большой секрет. Еще более показателен факт, что в документах военно-морского министерства и Национального архива не содержится упоминаний об операции в проливе Дарданеллы. Возможно, Гленнон ходатайствовал о миссии Колчака в Америку ради его спасения»⁵⁶.

В начале августа 1917 г. Колчак в качестве начальника морской военной миссии из 6 офицеров отправился в США через Норвегию и морем через Англию. Из-за неисправности трансатлантического корабля миссия была задержана в Лондоне на две недели. В это время Колчак принял участие в одной из операций морской авиации. Мощь летательных аппаратов и их маневренность подтвердили его идею о необходимости кардинального обновления существующей гидроавиации на Черном море. Но не только на военные новинки обратил внимание Колчак. Он подчеркивал в одном из писем: «Последнее время в Англии появилось угрожающее движение Labor Party с тенденцией создания Советов С. и Р. Депутатов. Это несомненно немецкая работа»⁵⁷. 20 августа российская военная миссия на крейсере «Глочестер» отплыла из Глазго в Галифакс.

Именно во время пребывания за границей Колчак впервые осмыслил войну как «великую конечную цель» жизни и отметил, что его вера в войну стала приобретать какую-то религиозную окраску. По приезде в Вашингтон 10 сентября миссия представилась морскому министру США Дж. Дэниэлсу. Оказалось, что американские официальные лица не понимали цели приезда миссии. Колчак увидел, что заручиться поддержкой союзников ему не удастся, и сосредоточился на сборе технической информации об американских военных приготовлениях. С одобрения Дэниэлса он две недели занимался в Ньюпортском морском военном колледже, изучая «чертежные разработки и типы кораблей, которые наиболее соответствуют флоту США». Для предполагавшейся американской операции в Дарданеллы Колчак и его начштаба М. И. Смирнов представили детальный план с чертежами специального мотора для транспортно-десантного катера и с комбинацией действий минных заградителей⁵⁸.

В начале октября Дэниэлс пригласил миссию принять участие в маневрах американского флота в Атлантическом океане. 12 дней пребывания на флагманском корабле «Пенсильвания» принесли Колчаку разочарование: «Я поехал в Америку, надеясь принять участие в войне, но когда я изучил вопрос о положении Америки с военной точки зрения, то пришел к убеждению, что Америка ведет войну только с чисто своей национальной психологической точки зрения — рекламы, advertising. Американская War of Democasy! — Вы не можете представить себе, что за абсурд и глупость лежит в этом определении и смысле войны. Война и демократия — мы видели, что это за комбинация на своей родине, на самих себе».

Колчак решил возвратиться в Россию. 16 октября его миссия наносит официальный прощальный визит президенту В. Вильсону. В ответ на вопрос президента о недавнем наступлении сил Германии в Рижском заливе Колчак отнес их успехи на Балтике за счет бедности, морального состояния и общего положения

флота России. Дэниэлс отмечал, что русские офицеры «были совсем подавлены известием о наступлении Германии в российской Балтийской области», но «так как они были не очень разговорчивы, то было несколько затруднительно общаться с ними по этому вопросу»⁵⁹.

В день отъезда из Сан-Франциско Колчак получил первые сведения об Октябрьской революции, но не придал им серьезного значения. А на телеграмму с предложением выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание от Партии народной свободы (кадеты) и группы беспартийных по Черноморскому флотскому округу ответил согласием. Однако телеграмма его опоздала на два часа. Прибыв в ноябре 1917 г. в Японию, Колчак узнал от контр-адмирала Б. П. Дудорова об установлении в России власти Советов. Известие о намерении Советской власти вывести страну из войны и подписать мир потрясло его, и он решил на Родину не возвращаться. В начале декабря он обратился к английскому послу с просьбой: «Я желаю служить Его Величеству королю Великобритании, т. к. Его задача победы над Германией единственный путь к благу не только Его страны, но и моей Родины»⁶⁰. В разговоре с послом он выразил желание не служить на флоте, а находиться на Западном фронте. В автобиографии он писал: «Ни большевистского правительства, ни Брестского мира я признать не мог, но как адмирал Русского флота я считал для себя сохраняющими всю силу наши союзные обязательства в отношении Германии».

Находясь в Японии, Колчак старался избегать общества эмигрировавших сограждан: «Это — общество людей, признавших свое бессилие в борьбе... мне не нравится и не вызывает сочувствия. Мне оно в лучшем случае безразлично». В конце декабря 1917 г. Колчак был принят на британскую службу с назначением на Месопотамский фронт. Зная, что прешественник командующего фронтом умер там от холеры, он счел это для себя лучшим исходом, чем смерть «от рук сознательного пролетариата — красоты и гордости революции»⁶¹.

Если в молодые годы Колчак, имея круг знакомых в научной среде и прогрессивном офицерстве, понимал необходимость государственного переустройства России, то, пережив моральный перелом в революционные месяцы 1917 г., он резко отшатнулся к контрреволюционному лагерю. Он не симпатизировал Керенскому, обвиняя его в разложении дисциплины в армии и на флоте, и стоял на стороне Л. Г. Корнилова. Однако лишь после получения известий о мире с Германией, готовящемся большевиками (в его понятии — «агентами немцев»), Колчак решился на такой шаг, как война против новой власти.

По прибытии в Сингапур Колчак получил пакет с распоряжением лондонского правительства вернуться в Китай для работы в Маньчжурии и Сибири. В Пекине Колчак был выбран членом нового правления КВЖД.

В Харбин он прибыл в апреле 1918 г. и пробыл там до 21 сентября 1918 года. Приступив к формированию вдоль КВЖД вооруженной силы для борьбы с «германо-большевиками», Колчак решил, что единственным местом, откуда можно начать развертывание таких сил, является Дальний Восток. Обращаясь с призывом к сербским солдатам, он заявил: «Я, адмирал Колчак, в Харбине готовлю вооруженные отряды для борьбы с большевиками и немцами... Я обращаюсь к вам, сербские воины, помочь мне в предстоящей борьбе с шайками большевиков, позорящих мою Родину. Необходимо очистить наш восток от позора большевизма, и, может быть, среди вас найдутся желающие прибыть в мои военные отряды»⁶².

Обстановка в Сибири осенью 1918 г. была сложной. Ленин в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» указывал: «Преступно забывать не только о том, что колчаковщина началась с пустяков, но и о том, что ей помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»)»⁶³. Встав в Сибири у власти, эсеры вступили в соглашение с буржуазией. Один из организаторов Земского политбюро сибирского политцентра, руководившего антиколчаковским демократическим движением, Е. Е. Колосов, считает, что «военные организации монархического типа, создавшие впоследствии «колчаковщину», в то время уже существовали»⁶⁴. Присутствие чехословацких легионов, растянувшихся от Челябинска до Красноярска, ус-

губляло ситуацию. Мотивировав свое наступление идеей народоправства, белочехи передавали захваченные ими города белогвардейцам.

Политическая власть после контрреволюционного переворота в Сибири и на Урале принадлежала сначала эсерам и меньшевикам. За разгромом большевистских организаций последовала реставрация прежних порядков: денационализация промышленности, объявление свободы торговли, введение военного положения. Был взят курс на подавление рабочего движения; восстановлено действие царского Свода законов; учреждены прежние министерства. Сибирское правительство и Директория своей деятельностью подготовили установление военной диктатуры монархического толка.

Намереваясь пробраться в Добровольческую армию М. В. Алексева, Колчак прибывает в октябре 1918 г. в Омск вместе с английским генералом А. Ноксом. 14 октября он встречается с главнокомандующим силами Уфимской директории генералом В. Г. Болдыревым, который знал его как «решительного, талантливое моряка и реформатора наиболее косного из министерств царского времени — морского»⁶⁵. Болдырев хотел иметь Колчака «для Сибири», хотя затем, с установлением диктатуры во главе с Колчаком, резко отошел от него. Указом местного Временного правительства от 4 ноября Колчак назначается военным и морским министром. Через несколько дней он едет в Екатеринбург для вручения знамен чешским полкам и обследования нужд армии и фронта.

В Омск Колчак возвращается за день до своего, давно задуманного переворота. 17 ноября в беседе с членом Директории от эсеров Н. Д. Авксентьевым он высказал «непонимание» сложившегося положения с морским министерством, в связи с чем подал рапорт об оставке. Вечером следующего дня были арестованы члены Директории и созвано экстренное заседание Совета министров, итогом которого явились указ от 18 ноября о производстве вице-адмирала Колчака в адмиралы и постановление о временной передаче ему верховной власти с присвоением наименования «Верховный правитель».

Обращаясь к населению, Колчак заявил: «18-го ноября 1918 года Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Русского флота Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, — объявляю: Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру»⁶⁶.

Переворот открыл широкую дорогу контрреволюционным силам. То, что предыдущие сибирские правительства делали неуверенно и с колебаниями, Колчак продолжил в самой жесткой и решительной форме. Командующим военными округами было предоставлено право объявлять местность на осадном положении, закрывать органы печати и выносить смертные приговоры. Военные и полицейские власти подвергали истязаниям и расстрелам рабочих, служащих, крестьян, солдат за сопротивление властям. Колебания среднего крестьянства Урала и Сибири помогли установлению военной буржуазно-помещичьей диктатуры и ее первым успехам, но главным фактором явилось непосредственное вмешательство стран Антанты. «Вы знаете, — писал Ленин, — что Колчаку оказывала помощь вся европейская буржуазия. Вы знаете, что сибирская линия охранялась и поляками, и чехами, были и итальянцы, и американские офицеры-добровольцы. Все, что могло бы парализовать революцию, все пришло на помощь Колчаку»⁶⁷.

В первые же месяцы его правления была проведена Пермская операция. В декабре 1918 г. колчаковские войска взяли Пермь и стали продвигаться в глубь Советской России. Колчак в это время заболел воспалением легких. «Болезнь моя очень сильно повлияла на события, — скажет он на допросе, — потому что я в это время не мог заниматься; я не был вполне в курсе всех дел; мне пришлось прекратить занятия в экономическом совещании»⁶⁸.

16 января 1919 г. Колчак подписал соглашение о координации действий белогвардейцев и интервентов. К исполнению обязанностей главнокомандующего войсками союзных государств в Восточной России и в Западной Сибири приступил представитель Высшего межсоюзного командования французский генерал М. Жанен; английский генерал Нокс назначался руководителем тыла и снабжения колчаковских армий. США в счет кредитов, предоставлявшихся ранее России, направили Колчаку 600 тыс. винтовок, сотни орудий, тысячи пулеметов, большое количество боеприпасов, снаряжения и обмундирования. Великобритания к июлю 1919 года поставила 200 тыс. комплектов обмундирования, 2 тыс. пулеметов, 500 млн. патронов и др. Военное имущество стоимостью 210 млн. франков, в том числе 30 самолетов и свыше 200 автомобилей, направило Колчаку правительство Франции. От Японии было получено 70 тыс. винтовок, 30 орудий, 100 пулеметов, боеприпасы, 120 тыс. комплектов обмундирования. К весне 1919 г. численность колчаковских войск была доведена до 400 тыс. человек (в том числе около 30 тыс. офицеров).

10 февраля поезд Верховного правителя вышел к линии фронта. В марте центр Восточного фронта Красной Армии был прорван. Колчак шел на соединение с А. И. Деникиным, наступавшим с юга. Вспоминая об этих событиях, он напишет жене: «Весеннее наступление, начатое мною в самых тяжелых условиях и с огромным риском, в котором я вполне отдавал себе отчет, явилось первым ударом по Советской Республике, давшим возможность Деникину оправиться и начать в свою очередь разгром большевиков на юге. Троцкий понял и открыто высказал, что я являюсь главным врагом Советской Республики и врагом беспощадным и неумолимым. На мой фронт брошено все, что только было возможно, и было сделано все, что можно было сделать, чтобы создать у меня большевизм и разложить армию»⁶⁹.

В соответствии с планами Антанты, колчаковские войска правым флангом шли на Котлас, основными силами — к Волге, на соединение под Саратовом с правым крылом войск Деникина. Относительно направления главного удара в высшем колчаковском командовании и у представителей Антанты существовали разные точки зрения. Было решено провести частную наступательную операцию против Красной Армии, чтобы разбить ее части, выдвинувшиеся на восток от Уфы, и занять к апрелю 1919 г. выгодное положение для общего наступления. Эта частная операция постепенно переросла в общее наступление, так что с подступом к Волге Колчак выходил на московское стратегическое направление. Однако он переоценил свои силы.

15 апреля колчаковцы взяли Бугуруслан и вышли к р. Большой Кинель. Премьер-министр Франции Ж. Клемансо 17 апреля телеграфировал Жанену: «Если нынешние благоприятные условия сохранятся, я считаю возможным поход ваших основных сил в главном направлении на Москву, в то время как левый фланг обеспечит связь с Деникиным, чтобы создать непрерывный русский фронт, овладеть богатыми областями на другом берегу Волги и изменить условия снабжения путем возможного создания базы на Черном море»⁷⁰. К концу апреля Колчак добился успехов по всему фронту, подойдя к Самаре и Казани.

В мае верховную власть Колчака признали А. И. Деникин, Н. Н. Юденич и Е. К. Миллер. Белье генералы выступали под лозунгом единой и неделимой России. Поэтому предложение К. Г. Маннергейма о наступлении его войск на Петроград в обмен на признание независимости Финляндии не было принято ни правительством Колчака, ни его ближайшим окружением. 3 июня 1919 г. Верховный правитель получил сообщение пяти держав, подписанное В. Вильсоном, Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джорджем, В.-Э. Орландо и К. Сайондзи, заключавшее заверения в дружественном отношении к «национальной России» и категорически подтверждавшее невозможность установления каких-либо отношений с Советской властью. Жанен обещал Колчаку дипломатическую поддержку и стабильное снабжение вооружением.

Однако в результате летнего контр наступления Красная Армия в мае — июне 1919 г. разбила главную группировку колчаковских войск, менее чем за два месяца нанеся поражение двум самым сильным армиям Верховного правителя — Западной и Сибирской. Красная Армия отбросила колчаковские войска южнее Камы на 450

км, а севернее — на 350 км, и освободила почти всю территорию, которую захватили колчаковцы в ходе своего весеннего наступления. Возросло количество дезертиров с боевых участков и перебежчиков из белогвардейских подразделений и частей на сторону красных. Учитывая внутреннее разложение колчаковских войск, председатель реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий и Главком И. И. Вацетис предложили перебросить часть сил против Деникина, но июльский (1919 г.) Пленум ЦК партии потребовал продолжить наступление на Восточном фронте.

В письме писателя Л. Н. Андреева, написанном в связи с предложением колчаковского правительства занять в нем пост министра пропаганды, была дана такая оценка одной из причин разложения войск Колчака: «Стремясь прежде всего одеть, накормить и вооружить солдат, оно (правительство. — С. Д.) часто не предвидит тех печальных возможностей, когда одетый, накормленный и вооруженный солдат «под влиянием большевистской пропаганды» (последний бунт на архангельском фронте) поднимает свое, с таким трудом добытое оружие, на своих же офицеров и передается врагу»⁷¹. В тылу Колчака в то время ширилось партизанское движение. В ответ на зверства атамановщины и поборы крестьянство отказывалось служить в колчаковской армии, снабжать ее хлебом. Карательные экспедиции, залившие кровью сибирскую землю, способствовали формированию партизанских дружин под руководством Сибирского бюро РКП(б). К середине 1919 г. партизанское движение охватило Алтайскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии.

Вооруженные силы белого движения, включавшие Западную, Сибирскую, Оренбургскую и Уральскую армии, таяли. Среди личного состава вели работу подпольные большевистские организации. Колчак писал жене: «Скажу лишь, что все отношения, на иностранной политике основанные, определяются успехом или неуспехом. Когда у меня были победы, все было хорошо, когда были неудачи — я чувствовал, что никто меня не поддержит и никто не окажет помощи ни в чем. Все основано только на самом примитивном положении победителя и побежденного. Победителя не судят, а уважают и боятся, побежденному — горе!»⁷². Жанен в своем дневнике рассказывает об отношении Верховного правителя к белочехам: он «в резких выражениях осуждает их враждебную позицию, чреватую большими опасностями, что в конце концов принудит его разоружить их силой»⁷³.

Еще 28 ноября 1918 г. Колчак в беседе с журналистами, касаясь мотивов, побудивших его принять «верховную власть», говорил о ее задачах: «Момент, какой мы сейчас переживаем, — исключительной важности. Россия разрознена на части, хозяйство ее разрушено. Нет армии. Идет не только партийная распря, ослабляющая собиранье страны, но и длится гражданская война, где гибнут в братоубийственной бойне тысячи полезных сил, которые могли бы принести Родине громадные и неопределимые услуги... Я сам был свидетелем того, как губительно сказался старый режим на России, не сумев в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным»⁷⁴. Действия Колчака оказались совсем другими.

27 ноября 1918 г. он признал иностранные долги России, что составляло свыше 12 млрд. руб., вернул капиталистам фабрики и заводы, широко их субсидируя, раздавал союзникам концессии, разогнал профсоюзы, преследовал революционеров. «Только уничтожение большевизма может создать условия спокойной жизни, о чем так исстрадалась русская земля, — заявил Колчак, — только после выполнения этой тяжелой задачи мы все можем снова подумать о правильном устройстве всей нашей державной государственности». «Положение о временном устройстве государственной власти в России» определяло права и взаимоотношения органов верховного управления. В образованное Колчаком Государственное экономическое совещание вместе с членами правительства входили представители правлений частных банков, Всероссийского совета съездов торговли и промышленности, Совета всесибирских кооперативных союзов. Аграрная политика была направлена на восстановление помещичьего землевладения. По апрельской 1919 г. Декларации о земле отобранные у хуторян и отрубников земли подлежали возвращению прежним владельцам. Это был курс на реставрацию дореволюционных порядков.

«Трагическая личность», «роковой человек» — подобные эпитеты постоянно сопровождали Колчака при жизни и после гибели. Это был человек, для которого понятия чести и личного благополучия были диаметрально противоположны. Он никогда не стремился к каким-либо дворянским привилегиям, владению землей или собственностью. Обладая чертами превосходного морского офицера (в широком смысле этого понятия), он был способен в трудную минуту взять всю полноту ответственности на себя, исполняя неписанный морской завет — тонущий корабль капитан покидает последним. Будучи таким по натуре, Колчак ожидал подобного и от окружающих офицеров, но часто наталкивался на полное непонимание либо иную линию поведения.

Один из его сослуживцев А. А. Сакович в письме к адъютанту морского министра еще в 1916 г. отмечал: «Колчак А. В. ...слишком впечатлителен и нервен, оттого, что он совершенно не знает людской психологии». Кадровый моряк по профессии и ученый по призванию, Колчак был по-своему одинок среди хаоса политических стихий. Его упрекали: «Уметь управлять кораблем, еще не значит уметь управлять страной». А вот слова историка С. П. Мельгунова: «Общественная трагедия здесь переплетается с трагедией личной. Человека, чувствовавшего, по собственным словам, в интимном письме к другу, «отвращение» к политике, жизнь заставила быть политиком. Человека, видевшего в политической власти «крест», жизнь заставила быть «диктатором»⁷⁵.

Его окружение было грязным, даже по свидетельствам из его же лагеря. В июне 1919 г. «China Press» отмечала: «Предоставлением своей помощи Правительству адмирала Колчака мы способствуем восстановлению власти «черной реакции»; Каковы бы ни были личные качества адмирала Колчака, установлено, что люди, которые его окружают и поддерживают, представляют из себя элемент, сделавший из царской России силу страшилища в мировой политике; представляют ту бюрократию, которая не только управляла варварской Россией, поддерживая в рабстве русский народ, но еще в 1917 г. была готова изменить союзникам». Колчак со своей стороны находил «зловредную язву, которая подтачивала нашу государственную и военную силу с начала войны 1914 года»⁷⁶, в постоянной розни, борьбе удельных самолюбий между ведомствами. Его указ № 154 от 26 июня 1919 г. с категорическим требованием прекратить распри ни к чему не привел.

«Полярный мечтатель» выказывал также полную некомпетентность в военно-сухопутных делах. Вот отрывок из дневника барона А. Будберга: «Адмирал, по видимому, очень далек от жизни и, — как типичный моряк, — мало знает наше военно-сухопутное дело; даже хуже того — он напичкан и, как добросовестный человек, очень усердно напичкался тем материалом, который ему всучил Лебедев и К^о; сразу видно, что многое напето ему с чужого голоса... По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного Императора. И обстановка кругом почти такая же: то же прятание правды, та же угодливость, те же честолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладевших доверием этого «большого ребенка». Скверно то, что этот ребенок уже избалован и, несомненно, уже начинает отвывать слушать неприятные вещи, в чем тоже сказывается привычка старого морского начальника, поставляемого нашим морским уставом в какое-то полубожеское положение»⁷⁷.

Неким напоминанием о былой научной деятельности стал для Колчака состоявшийся в январе 1919 г. съезд по организации Института исследования Сибири. Участники съезда приветствовали Колчака как «носителя идеи объединения России и как человека, потрудившегося над исследованием полярных сибирских вод». В ответном приветствии Верховный правитель сказал: «Назначение и цели, преследуемые съездом, являются крайне близкими и дорогими для меня, отдавшего лучшие годы своей службы делу исследования сибирских полярных морей и арктической Сибири... Я от всей души приветствую создание института, придавая огромное значение его будущей работе, которой буду рад содействовать всеми зависящими от меня способами»⁷⁸. Напоминанием о былом в омском кабинете Колчака являлась и карта полярных экспедиций. У него возникала идея использовать Северный морской путь в период гражданской войны для доставки продовольствия. Однако

выполнить обещание Союза сибиряков-областников доставить Архангельску хлеб помешало занятие Мурманска и Белого моря войсками Антанты. Срок выхода в плавание был упущен, и хлебная экспедиция сорвалась.

В результате контрнаступления Красной Армии были освобождены в июле 1919 г. Екатеринбург, в августе — Челябинск, в ноябре она подошла к Омску. В письме жене 15 октября Колчак пытался подвести итог прошедшему году своей власти: «Не мне оценивать и не мне говорить о том, что я сделал и чего не сделал. Но я знаю одно, что я нанес большевизму и всем тем, кто предал и продал нашу Родину, тяжкие и вероятно смертельные удары». Конечно, это была иллюзия.

16 ноября 1919 г. Колчак издает указ о выборах в Государственное земское совещание. 23 ноября упраздняет Совет Верховного правительства, заменив его Верховным совещанием, и соглашается на реорганизацию правительства, которое возглавил В. Н. Пепеляев. Новый председатель Совета министров объявил о решительной борьбе с Советской властью, отказе от системы военного управления, расширении функций Государственного земского совещания⁷⁹. Однако эвакуация чехов в начале октября повлекла за собой повальное бегство белых из Омска, откуда было отправлено на восток около 300 эшелонов. Солдаты чехословацких частей создавали пробки на путях, отнимали у беженцев паровозы, топливо и имущество. С наступлением холодов на дорогах образовывались кладбища с замерзшими и умершими от тифа людьми. Гибель эшелонов с семьями наносила моральный удар офицерству. Переход на сторону Советской власти командира 1-го Сибирского корпуса генерала Зиневича и восстание во Владивостоке генерала Р. Гайды довершили развал белой Сибири.

С 28 октября по 8 ноября 1919 г. в Омске грузился специальный поезд из 40 вагонов. Из общего состава золотого запаса России (на июнь 1918 г. — 501 233 кг золота в монетах и слитках, 32 800 кг золота и серебра разного вида) на сумму 645 256 387 руб. осталось ценностей на сумму 408 189 912 рублей. Отказался от первоначальной мысли, что это золото как народное достояние должно остаться нетронутым до созыва Учредительного собрания, Колчак еще весной 1919 года. В мае началась продажа золота для покрытия расходов на военное снаряжение Сибирской армии. Кроме того, потребовалась отправка золота в Гонконг как непременное условие открытия кредита омскому правительству англо-американским синдикатом. Всего было отправлено из Омска во Владивосток 217 038 кг золота на общую сумму 279 508 835 руб., из которых 184 238 кг прибыли по назначению, а 32 800 кг были захвачены атаманом Г. М. Семеновым и задержаны в Чите.

Поезда Верховного, обозначенные буквами А, В, С, Д, Е, а также блиндированный поезд покинули Омск днем 12 ноября. К 15 ноября город был освобожден Красной Армией. Колчак ехал в поезде В; в А, С, Д, Е находились его генштаб, канцелярия и охрана. На станции Татарской поезд В столкнулся с составом, перевозившим золото. Произошел пожар, уничтоживший 8 вагонов. Несколько ящиков с золотом пропали. После перегрузки золота в другие вагоны поезд прибыл в Новоиколаевск, где оставался до 4 декабря. Только под давлением генерала Я. Сыровы Колчак смог получить от белочехов 4 паровоза (из 7 требующих), но вследствие загруженности Транссибирской магистрали лишь два поезда — в одном находился адмирал, а другой перевозил золото, — достигли 27 декабря Нижне-Удинска.

Еще в ноябре Жанен записал: «Колчак похудел, подурнел, взглядом угрюм и весь он, как кажется, находится в состоянии крайнего нервного напряжения. Он спазматически прерывает речь. Слегка выгнув шею, откидывает голову назад и в таком положении застывает, закрыв глаза»⁸⁰. По-видимому, Колчак предвидел свой крах, назначая атамана Семенова главнокомандующим войсками Дальнего Востока и Иркутского военного округа и подписывая 6 января 1920 г. приказ о сложении с себя звания Верховного правителя с передачей его Деникину. Тогда же он отдал для сохранения подполковнику А. Н. Апушкину рукописный «дневник-письма» к А. В. Тимиревой (частично опубликован в «Морском сборнике», 1990, №№ 9, 10).

Простояв около двух недель в Нижне-Удинске, Колчак получает уведомление Жанена о готовности союзников предоставить ему для дальнейшего передвижения

один вагон без конвоя. Потрясенный адмирал на протестующую телеграмму не получил ответа и согласился на предложенное. После шестидневного путешествия под пятью союзными флагами, 15 января 1920 г. на ст. Иннокентьевской он был арестован чехами и вместе с Пепеляевым передан эсеро-меньшевистскому Политическому центру. А последний передал арестованных вместе со своей властью Иркутскому ВРК во главе с А. А. Ширямовым.

21 января 1920 г. Чрезвычайная следственная комиссия в Иркутске приступила к допросам бывшего Верховного правителя. После следствия предполагалась отправка его в Москву. Давая показания, Колчак догадывался о своей участи, но старался как можно меньше давать материала для обвинения лиц из своего окружения. Держался он как «военнопленный командир проигравшей кампанию армии»⁸¹.

В архиве Троцкого (США) хранится шифрованная телеграмма Ленина заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому: «Пошлите Смирнову (РВС-5) шифровку: (шифром). Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?» Председатель Сибревкома И. Н. Смирнов телеграфировал Ленину и Троцкому: «Сегодня ночью дал по радио приказ Иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме». И отдал приказ Исполкому Иркутского Совета: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения Советской власти в Иркутске, настоящим приказываю вам находящимся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить»⁸².

Постановлением № 27 от 7 февраля, стремясь не допустить восстания тайной организации, ставившей целью освобождение Колчака, и основываясь на том, что Колчак и его правительство находятся вне закона, Иркутский ВРК постановил расстрелять адмирала. По рассказу председателя первой следственной комиссии С. Г. Чудновского, руководившего расстрелом, Колчак встретил его в камере, одетым в шубу и папачу. Он спокойно отнесся к приказу ревкома, лишь спросил по окончании его чтения, почему его расстреливают без суда. На просьбу Колчака о встрече с Тимиревой, находившейся в той же тюрьме, Чудновский ответил отказом.

7 февраля 1920 г. в четыре часа утра двойное оцепление привело приговоренных на берег р. Ушаковки. «Колчак — высокий, худощавый, тип англичанина, его голова немного опущена». Разъяснив значение момента, командир дал команду. Прогремел залп, затем еще один. Трупы Колчака и Пепеляева как палачей сибирского крестьянства было решено «отправить туда, где тысячами лежат ни в чем не повинные рабочие и крестьяне, замученные карательными отрядами»⁸³, в прорубь.

Примечания

1. См.; напр.: Большая Советская энциклопедия. Т. 12, с. 477.
2. Допрос Колчака. Л. 1925, с. III.
3. Из последних работ см.: ИОФФЕ Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. 1983.
4. ГРОМОВ К., БОГОЛЕПОВ С. А. В. Книпер. Фрагменты воспоминаний. В кн.: Минувшее. Т. 1. Париж. 1986, с. 160—178.
5. КОЛЧАК Р. Адмирал Колчак. Его род и семья (из семейной хроники). — Военно-исторический вестник, Париж, 1959, №№ 13, 14; 1960, № 16; Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 19. М. 1854, с. 35; ЛОМОНОСОВ М. В. Избранные произведения. Л. 1986, с. 66—67.
6. ЩЕПКИН Г. Сибирь и Колчак. Новочеркасск. 1919, с. 1; КОЛЧАК Р. Ук. соч., № 13, с. 18.
7. Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ) СССР, ф. 432, оп. 5, д. 7174, л.2.

8. КОЛЧАК Р. Ук. соч., № 16, с. 16.
9. Севастопольцы. СПб. 1903, с. 39—1; Морской альманах на 1872 г. СПб. 1872, с. 223; ЦГАВМФ СССР, ф. 417, оп. 1, д. 3347, лл. 15, 7; Военная энциклопедия. Т. XIII. СПб. 1913, с. 48; КОЛЧАК В.И. На Малаховом кургане. СПб. 1899.
10. КОЛЧАК В. И. Война и плен, 1853—1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом. СПб. 1904.
11. Допрос Колчака, с. 34.
12. КОЛЧАК Р. Ук. соч., № 16, с. 19.
13. СМІРНОВ М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. Париж. 1931, с. 8.
14. Допрос Колчака, с. 5.
15. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 5844, оп. 1, д. 3а, л. 88.
16. ЦЫВИНСКИЙ Г. Ф. 50 лет в Императорском флоте. Рига. Б. г., с. 160.
17. Записки по гидрографии. СПб. 1899, вып. XX.
18. ЦГАВМФ СССР, ф. 11, оп. 1, д. 2, лл. 1 об.-2.
19. Там же, л. 2 об.
20. Там же, л. 7.
21. Там же, л. 16.
22. Известия Академии наук, 1901, т. XV, № 4; 1902, т. XVI, № 5; Записки АН, серия VIII, 1906, т. XXI, № 1, с. 3.
23. Ленинградское отделение Архива (ЛОА) АН СССР, ф. 14, оп. 1, д. 159, лл. 3—5; Отчет Русского географического общества за 1905 г. СПб. 1907, с. 10; Исторический вестник, СПб, 1906, т. 103, с. 1083.
24. Известия АН, 1904, т. XX, № 5; Известия Русского географического общества, 1906, т. XIII, вып. II—III; Сибирская советская энциклопедия. Т. II. Новосибирск. 1931, ст. 833; Справочник по истории географических названий на побережье СССР. М. 1985, с. 287—288; ШТЕЛЛИНГ Э. В., СМІРНОВ Д. А., РОЗЕ Н. В. Материалы по изучению земного магнетизма в Якутии. В кн.: Труды Комиссии по изучению Якутской АССР. Т. II, Л. 1926.
25. ЛО ААН СССР, ф. 14, оп. 1, д. 43, л. 85.
26. ЦГАВМФ СССР, ф. 11, оп. 1, д. 1, л. 7.
27. ТИМИРЕВ С. Н. Воспоминания морского офицера. Нью-Йорк. 1961, с. 9; ЦГАВМФ СССР, ф. 11, оп. 1, д. 71, л. 7.
28. ЦГАВМФ СССР, ф. 11, оп. 1, д. 62, лл. 11, 34—35, 36—37.
29. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства. Пг. 1914, с. 110.
30. ЛО ААН СССР, ф. 14, оп. 1, д. 127.
31. Сборник докладов С.-Петербургского военно-морского кружка (далее — Сборник докладов). Т. 1. СПб., 1908.
32. Б. И. Ч. Адмирал Колчак. Ростов-н.Д. 1919, с. 9.
33. Морской сборник, СПб., 1907, т. CCCXIII, №№ 11, 12; Сборник докладов. Т. II. СПб., 1909.
34. Морской сборник, СПб., 1908, т. CCCXLVII, № 7, с. 24; Сборник докладов. Т. III, ч. II, СПб., 1909; Записки по гидрографии. СПб., 1907. Вып. XXVIII.
35. САВИЧ Н. Три встречи. В кн.: Архив русской революции. Т. X. Берлин. 1923, с. 170.
36. ЦГАОР СССР, ф. 341, оп. 1, д. 52, ч. 1, л. 4.
37. ЦГАНХ СССР, ф. 9570, оп. 1, д. 82, л. 2; Труды Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Вып. 4. СПб. 1910, с. 42.
38. Там же, с. 43; КОЛЧАК А. The Arctic Pact and the Polynya. Problems of Polar Research, American Geographical Society. N. Y. 1928, N°7, pp. 125—141.
39. ЦГАНХ СССР, ф. 9570, оп. 1, д. 82, лл. 3—4.
40. ЦГАВМФ СССР. ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 4.
41. КОЛЧАК А. В. Служба Генерального штаба. СПб. 1912, с. 1, 40.
42. Морской журнал, Прага, 1928, № 11, с. 44—260.
43. СМІРНОВ М. И. Ук. соч., с. 21.
44. Правительственный вестник, Омск, 28.I.1919.
45. ТИМИРЕВ С. Н. Ук. соч., с. 63.
46. Нива, 1916, № 42, с. 705; ЦГАВМФ СССР, ф. 11, оп. 1, д. 45, л. 107.
47. Допрос Колчака, с. 44.
48. ГЕЛЬМЕРСОН Г. фон. Памяти Верховного правителя России. — Часовой, Брюссель, 1974, № 580(10), с. 6.

49. ЦГАОР СССР, ф. 5844, оп. 1, д. 36, лл. 7—8.
50. Там же, л. 9.
51. Цит. по: ПЛАТОНОВ А. П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л. 1925, с. 63.
52. ЦГАОР СССР, ф. 5844, оп. 1, д. 3а, л. 49.
53. Там же, д. 36, л. 17; д. 3а, лл. 100—101; САВИЧ Н. Ук. соч., с. 173—174.
54. WEEKS C. J., BAYLEN J. O. Admiral Kolchak's Mission to the United States, 10 September — 9 November 1917. — *Military Affairs*, 1976, vol. 40, April, N^o2, p. 64.
55. ЦГАОР СССР, ф. 5844, оп. 1, д. 36, л. 20.
56. WEEKS C. J., BAYLEN J. O. *Op. cit.*, p. 65.
57. ЦГАОР СССР, ф. 5844, оп. 1, д. 36, л. 51.
58. WEEKS C. J., BAYLEN J. O. *Op. cit.*, pp. 65, 66.
59. ЦГАОР СССР, ф. 5844, оп. 1, д. 3а, лл. 65—66; WEEKS C. J., BAYLEN J. O. *Op. cit.*, p. 66.
60. ГАН А. Россия и большевизм. Ч. 1. Шанхай. 1921, с. 338; ЦГАОР СССР, ф. 5844, оп. 1, д. 3а, л. 74.
61. ЦГАОР СССР, ф. 341, оп. 1, д. 52, ч. 1, л. 6; ф. 5844, оп. 1, д. 3а, лл. 82, 68, 75.
62. Там же, ф. 5844, оп. 1, д. 36, л. 1.
63. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 156.
64. КОЛОСОВ Е. Е. Сибирь при Колчаке. Пг. 1923, с. 6.
65. БОЛДЫРЕВ В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск. 1925, с. 72.
66. Цит. по: ВОРОБЬЕВ А. Адмирал А. В. Колчак. К столетию со дня рождения. — *Русская мысль*, Париж, 7.XI.1974.
67. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 241.
68. Допрос Колчака, с. 197.
69. Советская военная энциклопедия. Т. 4, с. 249; КОЛЧАК Р. Ук. соч., № 16, с. 18.
70. Гражданская война в СССР. Т. 2. М. 1986, с. 48—51; Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. М. 1961, с. 41.
71. ДЭВИС Р. Два неизвестных письма Леонида Андреева к П. Н. Милюкову (1919). В кн.: *Минувшее*. Т. 4. Париж. 1987, с. 350.
72. КОЛЧАК Р. Ук. соч., № 16, с. 13.
73. ЖАНЕН М. Отрывки из моего сибирского дневника. — *Сибирские огни*, Новосибирск, 1927, № 4, с. 142.
74. Правительственный вестник, Омск, 30.XI.1918.
75. УСТРЯЛОВ Н. В борьбе за Россию. Харбин. 1920, с. 75; ПЛАТОНОВ А. П. Ук. соч., с. 15; МЕЛЬГУНОВ С. П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1. Белград. 1930, с. IV.
76. ЦГАОР СССР, ф. 176, оп. 3, д. 176, лл. 166—167; оп. 2, д. 83, л. 167.
77. Архив русской революции. Т. XIV. Берлин. 1924, с. 282.
78. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Ч. 1. Томск. 1919, с. 39; ч. V, 1919, с. 1.
79. КОЛЧАК Р. Ук. соч., № 16, с. 18; Гражданская война и военная интервенция в СССР, с. 265.
80. NOVITZKY V. Le stock d'or de la Russie. In: *La Dette publique de la Russie*. P. 1922, pp. 215—219; ЖАНЕН М. Ук. соч., с. 154.
81. ЧУДНОВСКИЙ С. Расстрел Колчака и Пепеляева. — *Советская Сибирь*, 14.XII.1924.
82. Допрос Колчака, с. VII; МАКСИМОВ В. Заглянуть в бездну. Париж — Нью-Йорк. 1986, с. 19—20.
83. ЧУДНОВСКИЙ С. Ук. соч.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Сталинградский поворот

Перед началом нашего контрнаступления настроение у нас резко поднялось. Мы распрощались, пожелали друг другу успеха и разъехались. Я сел в машину с Поповым, Василевский поехал к Толбухину. Вернулись мы к рассвету. Дороги были хорошие, ровные. Степь. Путь был нам знаком, и мы мчались на большой скорости. Приехали к Труфанову. Все было готово, строго расписано, люди находились на местах, каждая часть получила свою задачу. Следовало только выждать время, которое намечено для начала операции, и потом начинать. Мы решили ограничиться артиллерийской подготовкой. Авиацию использовать не могли, потому что утром стояли густые туманы и летать было невозможно. Мы боялись, что авиация разбомбит наши же войска.

Для нас было, конечно, большим уроном, что не смогли нанести авиационный удар по переднему краю противника. Это еще больше дезорганизовало бы его, создало панику в румынских войсках и облегчило задачу прорыва их линии обороны. Но не возникло такой возможности. Однако мы считали, что и артиллерией сможем способствовать прорыву линии обороны, потом тотчас введем в прорыв танковые войска, а за танками, когда они развернутся, пустим кавалерию — бросим кавалерийский корпус по тылам противника, чтобы дезорганизовать его тылы.

Наступило 20 ноября. Мы с командующим армией сидели на его командном пункте. Все было подготовлено. Артиллерия, как говорится, на взводе; пехота, механизированный корпус и кавалерийский корпус заняли позиции. Вот дан сигнал ракетой, и артиллерия открыла огонь. У меня создалось впечатление, что земля загудела. Мы вели очень интенсивный огонь. Но не помню сейчас, сколько у нас стояло орудий на один километр линии фронта. Позже, когда вели бои под Киевом, мы поставили на главном направлении 370 стволов на километр. Потом и это количество было превзойдено. Тут и наполовину не было. Но по тому времени считалось, что много, что это большая артиллерийская мощь. И действительно, противник был дезорганизован. Кончили артподготовку и приказали пехоте занять окопы противника. Пехота, сейчас же начав продвигаться, особого сопротивления со стороны румынских войск не встретила. Румыны занимали там довольно выгодные позиции. Во-первых, они своевременно окопались. Во-вторых, находились на возвышенности. Небольшая, но все-таки возвышенность, так что они лучше нас просматривали местность перед передним краем, нашим же войскам нужно было прео-

долететь сначала этот подъем, чтобы занять их позиции. Выгода по рельефу была на стороне противника, и он имел возможность выбора, когда возводил оборону.

Наши войска ворвались в окопы и повели рукопашный бой. Противник отходил. Мы приказали Вольскому вводить механизированный корпус в прорыв. Ждем, а танков все нет да нет. Мы стали уже волноваться. Как же? Мы ведь теряем время. Враг может сорганизоваться и построить новую оборону на каком-то удалении в тылу, оставив передний край. Мы предполагали, что у него имеются там заранее оборудованные позиции. А танков нет. Что такое? Уже рассвело. Солнце сияет. Его самого не видно, потому что стоял туман, но все предвещало, что туман скоро рассеется. А механизированный корпус никак не может войти в прорыв! Мы с Поповым решили: сядем на машину и поедем к Вольскому. Мы знали, где он находился. Проедем по его бригадам и буквально, как говорится, будем подталкивать их в спину или в другое место, чтобы ускорить выступление.

Когда мы с Поповым приехали в расположение танковых войск, то их организация произвела на меня неприятное впечатление, такой там был базар. Все хорошо видно, в поле ни кустика, и танки, и автомашины, и люди в открытую. Нам повезло, что стояла нелетная погода и самолеты врага не поднялись в воздух. Если бы авиация противника летала, то я не знаю, что бы она нам наделала в танковом корпусе, а уж о кавалерии и говорить нечего. Конечно, противник не сорвал бы наше наступление и задача все равно была бы решена, но урон он нанес бы нам немалый. Там была просто Сорочинская ярмарка, базар какой-то. Ведь коня и обоз не зароешь в землю, все в чистом поле. Картина была, я бы сказал, ужасная. Приехали к Вольскому, Вольский все еще возился с командирами бригад, ставя им задачу. Мы начали его торопить — пора кончать, задачи следовало поставить раньше. Разъехались мы по частям, стали выталкивать в наступление механизированный корпус. Я тогда считал, что это недосмотр Вольского, что он не подготовил своих командиров бригад. Позже я понял, что там, видимо, дело заключалось в другом, что комбриги уже были проинструктированы и каждый командир получил свою задачу вовремя.

Такое потом наблюдалось не только у Вольского, а и у других командиров танковых войск. Они нарочно медлили, выжидая, когда пехота расчистит путь, чтобы им не подставлять танки под огонь и не терять их при прорыве. Ждали, чтобы был развернут прорыв и легче было бы войти в него танковым войскам. К сожалению, такие рассуждения я потом слышал часто, да и не только слышал, а и сталкивался с ними у многих танкистов. Не буду называть фамилии. Сейчас эти люди занимают довольно высокое положение. Они прекрасно воевали и хорошо закончили войну. Но за многими мною замечался этот грех. Наконец, Вольский сдвинулся. А мы все ездил по полю, по его базару. Солнце стало пробиваться сквозь серость, туман рассеивался и поднимался. Смотрю, летают два самолета над передним краем противника и бомбят его. Я говорю: «Смотри, товарищ Попов, что же это такое? Чьи это самолеты? Вроде как наши. Да ведь там сейчас нет противника, он выбит, как же так? Может быть, это противник бомбит наши войска?» Мне было непонятно, Попову тоже. Конечно, в общем и целом мы радовались. Хорошее было настроение, что наша берет! Мы передний край прорвали, пошла в дело пехота. Но нас беспокоили эти два самолета. Потом, смотрим, эти самолеты поворачивают в нашем направлении и летят на бреющем полете над этим базаром, над танками и лошадьми. А все открыто, как на ладони. Вот самолеты заметили наш виллис и летят прямо на него. Вроде бы наши самолеты? Попов: «Давайте-ка выскочим, разбежимся и ляжем. А то черт его знает, что получится». Выскочили из виллиса, он в одну сторону, а я в другую. Самолеты прострочили по нам из пулеметов. Попов потом говорил, что очередь близко легла от него. Около меня тоже, но не в непосредственной близости, потому что я не слышал чмокания пуль о землю. Улетели самолеты. Я говорю: «Все-таки наши. Почему же они нас обстреляли? Как они могли спутать? Этот район обозначен на всех картах, какими могли пользоваться наши летчики, район сосредоточения танковых войск и кавалерии для броска в прорыв».

Вытолкнули мы корпус вперед и вернулись на командный пункт к Труфанову. Там он нас уже порадовал первыми пленными. Сперва захватили десятка два,

потом их стало больше. Среди пленных, помню, был один с фамилией Чайковский, русский, как он сказал мне, из Кишинева. Еще один пленный — очень интересный румын. Я его допрашивал. Из него ничего не надо было выжимать. Он сам понимал, насколько ложно положение румынских войск, понимал, что война идет не в интересах Румынии, а в интересах Германии, что Антонеску принес свою страну в жертву немцам. Мне его не приходилось пропагандировать. Он сказал, что он сын священника и что его настроения — не только лично его, такие же настроения присущи многим командирам, с которыми ему приходилось общаться. Я ему: «Вы, может быть, согласитесь написать тогда листовку или письма к этим командирам, чтобы они отказались от сопротивления советским войскам, сдались бы в плен и помогли тем самым и Румынии в борьбе против общего врага, против Гитлера?» «Да, охотно соглашусь. Дайте мне бумагу и я это сделаю».

Чайковский же по части листовок меня не интересовал. Он ведь был русский, так что фамилия Чайковский не произведет на румын впечатления, если он даже станет призывать их сдаваться в плен. А вот коренной румын, офицер румынской армии, кажется, ротой командовал, сын священника. Все это на румын, особенно на верующих людей, могло произвести впечатление. А Чайковскому я говорю: «Как же вы позорите такую громкую фамилию?» «Да я, — отвечает, — понимаю, я знаю принадлежность фамилии, которую ношу. Но и вы поймите: не только я, а и другие русские были мобилизованы. Мы воевать не хотели. Свидетельство этому — мы у вас в плену в первые же часы боев. Это само гласит о том, что я не хотел воевать и при первой возможности сделал все, чтобы сдаться в плен. Другие действуют так же».

Потом пленные поступили в распоряжение разведки, а мы пошли в войска. Надо было не только продвигаться вперед, но и сделать все, чтобы ускорить продвижение. Нас прежде всего интересовали подвижные войска Вольского, и мы поехали туда. Теперь рассказывать по дням, в хронологическом порядке, что происходило (думаю, каждый понимает мое положение), невозможно. Я помню сейчас только общую картину или отдельные яркие события. Были, например, какие-то забавные случаи. Как и во всякой трагедии, так и в ходе войны тоже происходили комические явления.

Вольский двинул танки. Сопротивление противником оказывалось слабое. Можно сказать, что вообще не было организованного сопротивления. На участке, где действовали наши главные силы, Вольский взял много пленных, много у врага было и убитых, очень много. Мы предупреждали Вольского, чтобы ни в коем случае не допускалось какого-либо насилия по отношению к пленным. Во-первых, это аморально. Во-вторых, опасно, потому что враг использует это против нас в своей агитации: советским войскам нельзя сдаваться в плен, они расстреливают пленных! Однако, когда мы стали продвигаться, я увидел много больших групп расстрелянных. Рядом стоят наши люди. И я сказал Вольскому: «Странное дело. Я наблюдал такую картину, что лежат расстрелянные». «Нет, — говорит, — все убитые в бою».

Я не исключаю того, что, может быть, кое-где имело место нарушение нашей директивы под влиянием ненависти и озлобленности. Причины того были очень большие, и у каждого нашего бойца. Мы, отступая, видели, что оставляем врагу. К тому же располагали сведениями, как свирепствует враг на территории, которую занял. На Советской Украине, на территории РСФСР, в Белоруссии и на Северном Кавказе — всюду, где появлялся враг, он беспощадно уничтожал всех «ненужных» и не признавал никаких моральных факторов. Гитлер издевался над этими факторами, победителю все было дозволено! Надо уничтожать русских, деморализовать их, запугать.

Это наши солдаты знали. И если где-то были допущены злоупотребления и нарушения приказа, то, как говорится, пусть будет прощено этим людям. Тут не проявилось какое-то органическое свойство наших людей. Это был результат навязанной нам войны, которая обострила человеческие чувства. Все это, конечно, понятно людям, которые воевали и хотят с точным пониманием отнестись к акциям, которые иной раз применялись в те дни.

Помню, раз после проведенного наступления мы ехали поздно ночью. Степь.

Дорог нет. Ездить было опасно, потому что всегда можно было наткнуться на шальную мину, закопанную в неожиданном месте. Вот едем мы и не уверены, что в правильном направлении. Нет никаких ориентиров, ни кустиков, ни населенного пункта. Голая степь. Ориентироваться надо по звездам. Но по звездам воевать даже в степи невозможно. Видим, мерцает какой-то огонек. Сейчас же взяли направление на этот огонек на своих виллисах. Выскакивает из машины Попов. Он был человек с жизнерадостным характером и хохочет во все легкие: «Товарищ Хрущев, идите сюда, взгляните, живых чертей увидите».

Я вышел из виллиса, подошел. Сидят наши солдаты, развели небольшой костер. Большой костер там не разведешь, нет дров. Они все, что могло гореть, собрали в степи. Достали где-то воду и кипятят чай, склонившись над костром. Закоптились — просто страх. У них только, как у негров, сверкают зубы и глаза. Действительно, черти, да еще ночью! А молодые парни улыбаются, видят, к ним приехали генералы. Я тогда не имел еще воинского звания, но был в военной форме. Они-то сразу увидели, что приехала какая-то военная «шишка». Мы расспросили их. Что-то у них сломалось в машине, не то горючее кончилось. «Вот, ждем, когда нам помогут». Это были артиллеристы противотанковых орудий — одной или двух пушек. Мы с ними слегка пошутили. Нам же они что-либо толковое сказать не могли, сами не знали событий, ответили лишь, из какой они воинской части.

На следующий день мы опять разъезжали по фронту и натолкнулись на другую забавную картину. Я о ней много раз рассказывал Сталину. Трясется арба. Сидят человек пять-шесть румынских солдат, один погоняет лошадей. Едут на восток. Попов спрашивает: «Куда едете? Кто такие?» Один румынский солдат сует нам записку в руки, Попов взял и читает: «При сем следует столько-то румынских солдат, лошадей и арба. Едут на восток, к Волге, для сдачи в плен». И подпись: лейтенант такой-то. Мы посмеялись. Румыны смотрят, что мы настроены не злобно, и тоже приободрились. Попов вернул им записку и сказал: «Езжайте в том же направлении, в каком едете», и махнул рукой. И они отправились в путь.

Приехали мы в Плодовитое. Это село. Там всюду такие интересные, жизнеутверждающие названия населенных пунктов. Видимо, когда шло заселение этих степных, полупустынных земель, люди, которые приезжали, давали новым местам красивые названия. Подходит к нам лейтенант и обращается ко мне: «Хочу спросить, что мне делать с пленными?» «А сколько у вас пленных?» «Человек триста». «А где они?» «А вот здесь недалеко». Мы с Поповым пошли туда. Видим, стоит огромная толпа пленных. Мы стали их расспрашивать через переводчика. В это же время подъезжает на коне еще один лейтенант: «Разрешите обратиться? Что мне делать и куда направить пленных?» «Сколько их у вас?» «Тысячи три, наверное». «Где же эти пленные?» «Вон там, за церковью».

Подъехали. Там растянулась огромная их шеренга, придерживаясь какого-то расчетного порядка. Лейтенант докладывает, что здесь находится полк полного состава румынской артиллерии большого калибра. Он сдался в плен во главе с командиром полка. Я подумал: черт его знает, целый артиллерийский полк оказался в нашем тылу, он может наделать нам неприятностей. Говорю: «Скомандуйте, чтобы все офицеры вышли вперед. Надо офицеров отделить от солдат и отдельно увести их в глубь страны, на приемный пункт. В поле лежит очень много оружия, от стрелкового до пушек. Они могут наделать нам неприятностей, имея готовые артиллерийские расчеты». В тылу ведь у нас там ничего не было. Вышли вперед их офицеры. Командира полка лейтенант пригласил подойти к нам.

Подошел человек солидного возраста и доложил спокойно: «Я командир полка. Даже чехлы не приказал снять с орудий, не вел огня и решил сдаться в плен с полком в полном составе и при полном вооружении. Вот я вам и сдаю все: и офицеров, и солдат, и артиллерию». Я говорю ему: «Господин полковник, а вы не согласились бы обратиться с воззванием к румынским солдатам и офицерам, чтобы они прекратили сопротивление и сдавались в плен? Если вы сами так сделали, то понимаете правильно, что война против нас навязана вам Гитлером. Вы не хотите ее вести и для себя ее уже закончили. Так помогите и тем, кто еще находится по ту

сторону линии фронта, пусть они последуют вашему примеру». Он отвечает: «Охотно! Дайте возможность, я напишу письмо». Потом я, расспрашивая его, сказал ему об офицере, с которым беседовал раньше и который написал подобную же листовку. Он, оказывается, знал этого офицера. В своей листовке тот офицер, как я узнал потом, адресовался как раз к этому полковнику. Действительно, когда я читал листовку того офицера, сына попа, с которым беседовал раньше, он обращался именно к этому полковнику: «Не воюйте вы против своей совести! Я знаю ваше настроение. Надо кончать войну!» А когда я вернулся в штаб, мне листовку дали, чтобы я приказал ее напечатать. Но потребности в ней уже не было: часть, к которой она адресовалась, сдалась и оказалась у нас в плену. Мы указали, чтобы румынских офицеров увели отдельно, а солдат отдельно.

Операция же продолжалась успешно. Наши войска продвигались вперед и мы буквально наслаждались плодами первых больших побед. Трудно передать словами, какая тогда была радость и как мы ликовали. Впервые за войну на нашем направлении мы успешно прорвали вражеский фронт и развиваем наступление, разгромив все, что стояло перед нами, и почти не встречая сопротивления. Правда, мы понимали, что перед нами находятся не немцы, а румыны. Они были нестойки, потому что знали, что эта война не отвечает интересам Румынии. Но все-таки это был враг. Имелась, как говорится, румыны — и румыны. Уже совершенно другие. Мы-то ведь знали, как они наступали, как издевались над мирными жителями, убивали наших людей. Они пришли вместе с гитлеровскими войсками и тоже допускали зверства по отношению к советским воинам. Поэтому надо правильно понимать наше ликование, радость наших солдат и офицеров, которые просто сияли.

Не помню, на какой день наступления, третий или четвертый, мы завершили боевые действия и решили задачу, которая стояла перед нами. Наши танковые войска дошли до Советского, вышли к Дону, а войска Ватутина спустились по Дону к Калачу. Там у нас должна была состояться встреча, и мы с Поповым приехали туда. Я говорю тут неточно. Другие генералы, которые участвовали в этой операции, в своих воспоминаниях точнее, потому что они, когда писали, пользовались материалами Генерального штаба, официальными документами, по которым можно восстановить все во времени, как конкретно развивались события. У меня нет такой возможности. Итак, мы с Поповым приехали к командиру танкового корпуса войск Юго-Западного фронта. Командовал им знакомый мне генерал Кравченко. Я потом не раз встречался с ним и во время, и после войны. Сейчас он умер. А ведь был здоровый такой, крепкий мужчина. Казалось, ему и износа нет, а он умер. Действовал же он тогда хорошо.

Когда мы зашли в помещение, которое он занимал, он сказал, что плохо себя чувствует, болен. Грипп, что ли, у него был, но он переносил болезнь на ногах. Мы поздравили друг друга и вместе порадовались, что наши фронты сомкнулись. Вот и первая встреча! Кравченко предложил: «За радость нашей встречи давайте разопьем бутылку шампанского. У меня есть трофейное, французское». «Ну, давайте». Открыли шампанское, выпили по бокалу и больше ничего не пили, потому что отсутствовали средства отпраздновать соединение войск Сталинградского и Юго-Западного фронтов не только бутылкою шампанского. Кравченко обратился ко мне: «Товарищ Хрущев, примите от меня подарок на память о встрече, немецкий кортик. Правда, он со свастикой, но свастика эта теперь побита. Этот сувенир будет напоминать о нашей встрече». Говорю: «Хорошо, я возьму. У меня есть маленький сын, я ему перешлю. Это будет вещественное доказательство того, что наши войска бьют немцев, и к тому же хороший подарок».

Мы недолго побыли у Кравченко, проинформировали друг друга о положении дел. Положение было хорошим. Мы не чувствовали какой-нибудь вражеской угрозы, разгромили каждый своего противника и не знали, что враг еще подтянет и с чем мы встретимся. Но это уже потом. А в данном случае мы блестяще выполнили свою задачу. Кравченко сказал, что он, как говорится, промаршировал по правому берегу Дона и не встретил большого сопротивления. Тылы у противника — довольно жидкие и войсками не обеспечены. Мы радовались тому, что, когда задумывалась операция, мы в своем письме к Сталину излагали план осторожно, пред-

полагали, что есть лишь возможность провести такую операцию, но нам неизвестны ни наши резервы, если Ставка ими располагает, ни резервы противника. Выяснилось, что наши рекомендации не противоречили ни реальному ходу событий, ни тому, что рекомендовали другие командующие. Главное заключалось не в том, кто первый сказал «А», а в том, что решена задача, поставленная перед нами. Враг разгромлен и окружены немецкие войска в Сталинграде. Теперь надо удержать их там и тоже разгромить.

Потом мы встретились с трудностями. Об этих трудностях я говорил Жукову, когда он приезжал к нам и докладывал соображения Ставки по плану операции. Я ему тогда сказал, что свою задачу мы решить можем, потому что чувствуется, что тут у противника слабое место. А вот удержать окруженные войска, если вы не усилите нас, мы своими силами не сможем: враг нас раздавит и выскочит из Сталинграда. Я уже рассказал, как Жуков мне ответил: пусть враг катится туда-то, мол, из Сталинграда; уже это будет большая победа — отбросить немцев от Волги. Я соглашался с Жуковым, но хотелось большего. Впрочем, думаю, что здесь у нас разногласий не могло быть: у Жукова было то же желание. Но теперь встала задача удержать и разгромить врага. И в тот вечер мы с Поповым решили вернуться не в штаб 51-й армии, а в штаб Толбухина. Он находился поближе к Советскому. К тому же у 51-й армии задача была решена, войска противника разгромлены, многие взяты в плен и впереди не маячило непосредственной опасности. А в Сталинграде находились главные силы противника. Теперь основным направлением становилось толбухинское, то есть не 51-й, а 57-й армии, самой слабенькой из всех на Сталинградском фронте, самой малочисленной. Поэтому мы и решили поехать к Толбухину и там проинформироваться обстоятельнее. Уже в пути узнали, что Толбухин перенес командный пункт в балку возле Наримана, ближе к Дону. Поехали туда.

Стояла осенняя южная ночь. Хоть глаз коли, никаких ориентиров. Мы стали искать эту балку, помотались какое-то время. Я высказал Попову сомнение: «Маркиан Михайлович, по-моему, мы балку сейчас не найдем, бездорожье, мы там не были, ориентиров не знаем, попасть туда очень трудно». А он бодро отвечает: «Ну, что вы, товарищ Хрущев, для генерала главное иметь карту, компас и спидометр, чтобы отсчитывать путь, пройденный машинами. Найдем!» Стали мы искать. Позднее этот случай превратился в анекдот. Я много раз потом вспоминал его, когда встретился с Поповым. Он тоже улыбался... В каком-то населенном пункте мы встретили такую картину: лежат два обнаженных трупа немецких солдат. Ночью они хорошо видны. Отъехали подальше, лежит труп серой лошади. Это еще не ориентир. А вот и немецкие указатели. Читаем надписи. У Попова были два адъютанта, и один из них знал немецкий язык. А что толку? Куда бы мы ни поехали, всякий раз возвращались к тем же трупам. Просто заколдованное место какое-то! Без конца встречаем трупы двух голых солдат и серой лошади. Что за наваждение? Как по Гоголю! Нечистая сила водит нас вокруг этого места. Наконец, слышим, разговор. Кто-то едет. Мы тоже подали голос.

Приблизилась машина. Вышел из нее человек и говорит: «Я полковник, командую такой-то танковой частью». Он узнал меня и спросил: «Куда же мы едем?» «Мы едем в балку Наримана». «Товарищ Хрущев, не найдете вы балку Наримана. Степь ведь. Да и зачем вам ездить? Вон передний край, видно, как взрываются немецкие ракеты (немцы очень сильно освещали свой передний край). Тут можно напороться и на мины. Я предлагаю вам, поедем вместе. Я еду в расположение 57-й армии, знаю дорогу и вас проведу. Я еду в лазарет, ранен в руку, сначала крепись, а сейчас чувствую, что рана начинает беспокоить. Боюсь, как бы не было загноения. Хочу, чтобы там квалифицированно сделали перевязку и все, что нужно, с раной». Я согласился, но Попов говорит: «Нет, мы все-таки поищем сами». Распрощались, поехали. Опять слышим говор. Подъезжает автомобиль, мы остановились, вышли из своей машины.

Оказалось, что это ехал представитель Ставки, генерал, который занимался связью. Он говорит: «Я еду в штаб Толбухина на Волгу. Мне тоже нужно в балку Наримана, но я туда сейчас не поеду, потому что не найду ее, и вы тоже не найдете.

Поехали вместе?» Мы опять отказались. Надеялись, что найдем эту балку. Опять мы стали искать и все время кружили возле этих трупов. Кажется, что уже далеко отъехали в каком-то направлении, а потом вдруг выясняется, что где-то «закруглились» и вновь попали на то же место.

Я дрожал от холода в бурке, и Попов тоже. Чаша нашего терпения переполнилась. Подъехали мы к какому-то перекрестку, увидели несколько указателей на немецком языке. Офицер стал переводить, куда какой из них показывает. Попов так замерз, что не мог больше ждать, и говорит адъютанту: «Тащи указатель сюда!» Тот сорвал и принес. А что толку? Куда вела стрелка, теперь непонятно, направление утрачено. Пришлось добираться нам до штаба Толбухина на Волге. Мы знали, что там сможем воспользоваться баней. И что же вы думаете? Враз добрались.

Итак, состоялись разгром противника, соединение наших фронтов, завершение окружения Сталинградской группировки немцев. Было чему радоваться. Эту радость мы выстрадали всем ходом войны, жутким отступлением, былыми поражениями, другими огорчениями. Донской фронт, которым командовал Рокоссовский, тоже выполнил свою задачу. Я ничего тут о нем не говорю потому, что конкретно не помню, какая в целом задача стояла перед ним. Таким образом, с севера теперь обеспечивал позиции против немецких войск Донской фронт. Сталинградский фронт должен был направить основные свои силы на юг, чтобы укрепить там оборону на случай вражеского прорыва.

Мы уже поняли, что, раз окруженные войска не пытаются вырваться из кольца, значит есть указание из Берлина не оставлять Сталинграда, а ждать, когда придет помощь и будет восстановлено прежнее положение. По действиям противника мы понимали, что им принято именно такое решение. Следовательно, нужно ожидать его удара с юга и с запада. Но с запада то, что могло сюда прийти, находилось за Доном. Задача удержать эти силы ложилась на плечи Юго-Западного фронта под командованием Ватутина. Нашей обязанностью было прикрыться с юга, чтобы войска, брошенные отсюда на помощь Паулюсу, не смогли прорваться. Донской же фронт Рокоссовского при нашем участии держал кольцо окружения.

На участке в направлении Котельниковского действовали 51-я армия, кавалерийский корпус Шапкина, механизированный корпус Вольского и другие соединения. Я несколько раз выезжал в эту группу войск, потому что там сложилась тяжелая обстановка. Мы знали по данным разведки, что немецкий генерал-фельдмаршал Манштейн командует группой войск, которая движется на освобождение окруженной нами группировки. Он начал теснить нас. Его войска находились уже примерно в 50 км от переднего края войск Паулюса. Штаб армии Толбухина, где я находился больше всего (при штабе фронта я бывал тогда мало), расположился в Верхне-Царицынском, как раз посередине между войсками Манштейна, дошедшими до р. Мышковы, и войсками Паулюса. В первые дни после окружения Паулюса у Толбухина было настолько мало сил, что возник совершенно обнаженный участок фронта в шесть или семь километров. Там вообще ничего не было. Но в результате директивы, которая была дана Гитлером и обрекала окруженные войска на бездействие, на ожидание помощи, противник упустил возможность прорыва. Если Паулюс, как он того хотел, ударил бы на юг, то он, безусловно, имел возможность прорваться. Удержать Паулюса мы бы не смогли. Однако, как говорится, не было счастья, да глупость Гитлера помогла. Он обрек на бездействие группировку Паулюса, сильную и вооружением, и численностью войск. Она сидела и ждала, а в это время нами принимались меры по уплотнению кольца.

Вскоре после завершения окружения было решено попытаться прорвать линию обороны окруженных и разгромить их. Сил у нас недоставало, а желание было большое. Поэтому мы попытались это осуществить дивизиями Толбухина, придав ему какое-то усиление. В районе р. Червленая, на довольно пересеченной местности, мы и хотели прорвать оборону Паулюса. Мы с Поповым выехали на командный пункт к Толбухину. Расположен он был очень удобно: оттуда буквально все было видно, как на ладони. Возвышенность, внизу балка и опять подъем. Мы перед противником — как на ладони, и противник — тоже как на ладони. Я даже

видел, как какой-то немецкий солдат шел по полю и вдруг исчез, видимо, в каком-то убежище. На этом направлении мы поставили танки. Не помню сейчас, кто командовал этими танками. Танасчишин, командир 13-го мехкорпуса, к тому времени был выведен на отдых и пополнение, мехкорпус Вольского находился на юге, у Котельниковского.

Мы использовали все наши возможности, но бой успеха для нас не имел. И к концу дня мы увидели, что не сможем назавтра продолжать такой интенсивный бой и сломить сопротивление противника. Он имел тут и танки, и сильную артиллерию. Самолеты, правда, с его стороны не действовали. С нашей стороны действовали истребители, но в небольшом количестве. Какую-то реальную помощь наземным войскам они оказать не могли. С наступлением темноты мы прекратили атаки, тем более что понесли потери, особенно в танках. У нас было очень мало танков. Если соотнести потери с количеством танков, которые мы имели, то потери были ощутимые. И все же мы не теряли надежды прорвать оборону врага и ворваться в расположение войск Паулюса. Мы считали, что каждый новый день истощает силы противника, ослабляет его физически, ведь питание в окружении было недостаточным, хотя конкретных таких сведений у нас не имелось. Мы просто рассчитывали так, и, как теперь видно из опубликованных материалов о Паулюсе, так и было в действительности. Нами была предпринята вторая попытка прорыва. Она тоже не привела к успеху.

Помню такой эпизод. Мы находились на командном пункте — в углублении, прикрытом одним накатом и замаскированным земляною насыпью. Там сидел командующий армией Толбухин и мы с Поповым как представители фронта. Вдруг мы увидели самолет, который снижался в нашем направлении. Мы уже приготовились к тому, что он упадет прямо на командный пункт и разрушит все, что тут было. Чей же самолет? Трудно было разобраться. В конце концов, самолет приземлился (сейчас даже как-то не верится) метрах в 10, а может и меньше, от командного пункта. Это объяснялось не мастерством летчика, а было просто случаем. Бывают такие невероятные случаи и на войне, и на охоте. Вышел я из укрытия. Самолет оказался советским. Летчик сидел в кабине, но находился в состоянии шока. Его стали вытаскивать, и тут он пришел в себя. Его отправили в госпиталь, а самолет здесь и остался.

Я вернулся в землянку. А когда спустя некоторое время вышел, самолет был уже ограблен. Это «наши» поработали. Сняли все, что имело ценность для солдата: часы, стекла и пр. Потом изготовляли всяческие поделки и финтифлюшки. Солдаты всему находили применение. Я удивлялся тогда и возмущался. Самолет еще можно было восстановить! Я был очень удручен таким отношением к военному имуществу, но никто особого внимания на это не обратил.

С наступлением сумерек мы наблюдали, как немецкие транспортные самолеты летели с грузами для войск Паулюса. Они летели волнами, как на параде. Работала наша зенитная артиллерия, но с очень низким коэффициентом попадания. В первый день на нашем участке было сбито только два вражеских самолета, на второй день тоже сбили очень мало.

Когда мы допрашивали пленных, меня интересовало, что туда возят, какие грузы? Питание ли для солдат? Вооружение? Горючее? Боеприпасы? Как выяснилось, подвозили всего понемногу. Потом, когда наши войска продвинулись дальше в глубь кольца, самолеты не могли садиться и сбрасывали грузы на парашютах. Но это было уже значительно позже. Таким образом, первые наши усилия по ликвидации окруженной группировки не имели успеха.

Генерал Шумилов, командующий 64-й армией, на своем направлении имел задачу наступать с юга. Там все было разрушено. Вот нам доносит Шумилов, что его войска заняли такой-то пункт. Мы его поздравили. Потом подумали, обменялись мнениями с Еременко и позвонили Шумилову: «Вы все-таки проверьте, не ошибка ли это донесение?» «Нет!» — заверял он. Шумилова надо было знать. Это очень честный и добросовестный человек. И все же, когда назавтра, на утро он проверил, оказалось, что его ввели в заблуждение. Он объяснил нам, что противник уже после присылки донесения контратаковал и восстановил свои позиции. Я

потом не раз шутил над ним по этому поводу: дескать, это оправдывались те, которые обманули, они-то эту версию и выдумали, что противник контратаковал, — это типичное объяснение, когда донесут неправильно о захвате того или другого пункта, а потом говорят, что враг контратаковал и отбил его у нас. Но никакой контратаки не было. Просто люди донесли заранее, думая, что скоро займут село, а сделать этого не удалось.

С течением времени противник стал наращивать нажим из Котельниковского в направлении Сталинграда. Наши войска вновь вели упорные бои, и мы несли большие потери. Я несколько раз выезжал туда. Мы послали на этот участок за старшего, который на месте объединял усилия людей, Захарова. Это направление стало нас серьезно беспокоить, потому что мы все пятились и пятились к Сталинграду. Возникла реальная угроза, что Манштейн прорвется. К этому времени мы получили сообщение, что нам передается 2-я гвардейская армия под командованием Малиновского. Я знал Малиновского и высоко ценил его. Мы с Еременко очень обрадовались этому известию и стали ждать, когда придет гвардейская армия. Вскоре она поступила в наше распоряжение, и мы сейчас же направили ее против войск Манштейна.

Это была спасительная сила — свежая, крепкая, обученная и хорошо вооруженная молодежь. Во 2-й Гвардейской армии имелось три стрелковых корпуса, в составе каждого корпуса — три дивизии и танковый полк, по 22 или 24 танка в полку, по тому времени — большая сила. Одним словом, полная армия. Заместителем ее командующего был Герой Советского Союза генерал Крейзер. Молодой военный, он произвел на меня очень хорошее впечатление. Начальником штаба армии был Бирюзов. Тоже молодой и тоже хороший генерал. Одним словом, и командование, и войска были отборными.

Эта армия вступила в декабре в соприкосновение с вражескими войсками на р. Мышкове. Разгорелись напряженные бои, и враг был остановлен. Мы стали его опять теснить. В то время вновь прилетел к нам Василевский. Мы с ним выезжали на передний край и видели, с каким упорством шло сражение. У нас непрерывно были большие потери. Иногда мы с ним «примерялись» (как определяют военные) — вставали в определенной точке и смотрели, сколько окажется убитых в поле зрения. Увы, насчитали очень много трупов наших солдат, преимущественно молодежи. Я достал у одного убитого комсомольский билет, простреленный насквозь: ему пуля попала в грудь.

Вскоре мы получили в подкрепление дополнительно танковый корпус, которым командовал Ротмистров. Хороший корпус, укомплектованный «с иголки» людьми, отменно знающими танководение. Это уже было значительное усиление фронта.

Я тогда больше всего находился у Толбухина, в Верхне-Царицынском. Малиновский расположил свой штаб тоже в Верхне-Царицынском. Таким образом, там было два армейских штаба: Толбухина, который держал с юга линию окружения войск Паулюса, и Малиновского, который действовал юго-западнее, сдерживая войска Манштейна. Несколько раз я выезжал в кавкорпус к Шапкину. Однажды, приехав к нему, застал очень тяжелую картину: возле населенного пункта, где располагался Шапкин со своим штабом, лежало много наших погибших кавалеристов и побитых лошадей. Проезжал я через какой-то мостик, рядом лежит убитый офицер, и мародеры уже сняли с трупа сапоги. Я рассказал об этом Шапкину, он навел справки: «Да, — говорит, — это командир эскадрона». «Как же так? — спрашиваю, — вы не убираете убитых? Грабят своих! Мертвых, правда, но все-таки смотреть и жалко, и неприятно». Вот как бывало на войне... Шапкин в те дни всячески сдерживал натиск противника. А когда подошла армия Малиновского, мы, отбив врага, перешли в наступление.

Перед подходом сил Малиновского случился такой эпизод. Прибыл к нам представитель Ставки по использованию кавалерии О. И. Городовиков. Куда же его направить? Он был тогда генеральным инспектором кавалерии, и мы, конечно, направили его в кавкорпус, единственный на этом участке. Ока Иванович уехал туда. Я был у Толбухина, затем у Попова. К тому времени была сформирована

новая армия, командовать ею стал Попов. Эта ударная армия была нацелена по правому берегу Дона на Тормосин. Приезжает вдруг к Попову Ока Иванович, очень взволнованный, возмущенный. Он говорил недостаточно чисто по-русски. Высказывается: «Какой сашка? Этот сашка — шашлык резать, а не рубить! Сашка плохой, не сашка, нет». Действительно, вооружение, включая шашки, было в кавалерии не первоклассным. Ока Иванович рассказывал мне: «Сiju в окопу, смотрю, где противник, вижу — вот противник. Я тогда говорю, Попов, ты что, хочешь меня тут в плен сдать?» Манштейн наступал, и, видимо, это произвело на бравого кавалериста сильное впечатление. Потом спрашивает меня: «Товарищ Хрущев, когда вы поедете в штаб фронта? Где штаб фронта?» Я сказал ему, что штаб фронта находится там, куда вы попали, когда прибыли из Москвы, то есть в поселке Рай-Городок на самом берегу Волги. Не знаю, почему он так назывался. По сути, это была большая деревня, все ее постройки — сплошь деревянные. «Вы, — продолжает генерал-полковник, — собираетесь туда ехать?» «Собираюсь». «Давайте вместе поедем». «Давайте. Только вы когда хотите ехать?» «Я хочу сейчас ехать». «Не советую сейчас, ночью ехать очень плохо, фары зажигать нельзя, по фарам стреляют немецкие самолеты, а ехать без фар — можно разбиться еще скорее, чем если попадешь под пулемет противника. Лучше поедем завтра на рассвете, когда еще не светло и дневные самолеты еще не летают, а ночным уже опасно, потому что ночные бомбардировщики-тихоходы летают на низкой высоте, их легко сбить из пулемета и даже можно сбить из винтовки. Поэтому выберем вот такое время». «Хорошо, созвонимся». Но когда я утром позвонил, дежурный ответил мне, что Ока Иванович уже уехал. «Когда он уехал?» «С вечера». Он, видимо, настолько был взволнован и потрясен, что не дождался утра. С тех пор я Оку Ивановича больше не встречал. Когда-то он командовал 2-й Конной армией, был героем гражданской войны. Но в эту войну появились и другие средства ведения боевых действий, и другие условия. Он, конечно, чувствовал, что какой-либо конкретной помощи оказать не сможет, его приезд ничего не давал фронту, он же мог продемонстрировать только свои добрые намерения, честность и преданность Советскому государству. Хороший воин, но уже выдохся. И по своим знаниям военного дела, и по физическому состоянию он уже не мог играть должной роли.

Я уже отмечал, что больше времени проводил в Верхне-Царицынском, нежели в штабе фронта: у меня там была постоянная квартира. И вот я приехал туда, получил очередную информацию об обстановке, и мы разошлись отдыхать. Вдруг ко мне вваливается Малиновский, прямо в бекеше, не раздеваясь, очень взволнованный. Гляжу, у него слезы ручьем льются. «Что такое? Что случилось, Родион Яковлевич?» «Произошло несчастье, Ларин застрелился». Ларин был членом Военного совета 2-й Гвардейской армии, боевой человек. Они были большие приятели с Малиновским, служили вместе еще перед войной. Когда Малиновский командовал корпусом, Ларин был у него комиссаром. Малиновский всегда выпрашивал, чтобы Ларин у него оставался либо начальником политотдела, либо комиссаром. Он как политработник заслуживал уважения. До того, как все это случилось, был ранен. Я заходил к нему на квартиру. Он лежал, но рана была несерьезная, в мякоть ноги, кость была не повреждена, пуля лишь задела голень. Ларин разговаривал, был в полном сознании. Наблюдала за ним женщина, армейский врач. Потом мне рассказали, что перед тем, как застрелиться, он довольно весело болтал с нею. Малиновский был крайне взволнован событием и оплакивал Ларина. Я не знал, как его успокоить. Что же вызвало такую акцию? Почему Ларин застрелился? Потом его адъютант сообщил, при каких обстоятельствах это произошло.

Обстоятельства были довольно неясными. Ларин выехал на передний край и наблюдал за ходом боя под прикрытием какого-то стога сена. Он расхаживал, как бы маячил перед противником, явно искал смерти. Вовсе не было необходимости так вести себя. Он просто вызывал огонь на себя. Конечно, вскоре его ранило. Хотя рана оказалась несерьезной, он вдруг застрелился. В чем же дело? Бывало, стрелялись в начале войны, когда мы отступали. А тут мы наступаем, окружили войска Паулюса, ведем сражение с Манштейном, можно сказать, на переломном рубеже. Давно уже перестали бежать, начался новый этап наших военных опера-

ций против врага. 2-я Гвардейская, сильная и крепкая армия успешно отражает удар Манштейна. И вдруг он стреляется? Ларин оставил записку, тоже очень странную. Я сейчас не смогу точно воспроизвести ее содержание, но смысл был таким, что он кончает жизнь самоубийством; потом шли слова: «Да здравствует Ленин!». И подпись. Эту записку мы сейчас же отправили в Москву. Начальником Главного политуправления РККА был тогда Щербаков. Нехорошо говорить плохо о мертвых, но что поделаешь? Щербаков — работник, много лет находившийся в составе кадров на уровне секретаря обкома партии. Я позднее столкнулся с его неприятным характером. А когда он получил эту записку, то стал «обыгрывать» ее. Не знаю даже, какую цель он тут преследовал. Ларин ведь уже застрелился. Не то он досаждал Малиновскому и ярил злобой Сталина, не то «копал» против меня как члена Военного совета фронта, на котором произошел такой случай. Меня сейчас же вызвали в Москву. Состоялся очередной многочасовой обед у Сталина со всеми, так сказать, «приложениями»: и питейные дела, и тут же разбор событий, которые произошли за последние сутки.

Сталин спрашивает меня: «А кто такой, собственно говоря, Малиновский?» Отвечаю: «Не раз докладывал Вам о Малиновском. Это — известный генерал, который командовал корпусом в начале войны, потом армией, потом Южным фронтом. У него были там неудачи, Вы же знаете». Сталин, конечно, знал, что тот фронт был обойден противником и развалился. Враг легко захватил Ростов, за что Малиновский был освобожден от должности и переведен в тыл. Позднее он командовал 66-й армией, был заместителем командующего войсками Воронежского фронта, потом сформировал 2-ю Гвардейскую армию. Мне напомнили, где служил Ларин, как Малиновский просил к себе Ларина и как добился, чтобы ему уступили.

Нужно сказать, что Щербаков был большим мастером обыгрывания таких вещей с целью не охладить как-то Сталина, а наоборот, подбросить ему материальчик, который его взвинчивал бы и бесил. Щербаков понимал, что гнев против Малиновского будет направлен, прямо или косвенно, и против меня. «Все это, — говорит Щербаков, — не случайно. Почему он не написал «Да здравствует Сталин!», а написал «Да здравствует Ленин!»?». Я отвечаю: «Не могу сказать. Он застрелился, видимо, под влиянием какого-то психически ненормального состояния. Если бы он был в нормальном состоянии, то не застрелился бы. Повода ведь стреляться у него не было». Все, казалось бы, ясно. Но нет. Щербаков опять жевал свое, растревлял рану, подсыпал соли. Мне пришлось тогда пережить много неприятностей.

Конечно, самым выгодным для меня было бы просто сказать, что Ларин растакой-сякой-раздакий, да и Малиновский такой же. Но я не был согласен с этим и не мог так говорить Сталину. А Сталин вновь: «Кто же такой Малиновский?» Отвечаю: «Малиновского я знаю. И знаю только с хорошей стороны. Не могу сказать, что знаю его много лет, но знаю его с начала войны. Все это время он вел себя хорошо, устойчиво и как человек, и как генерал». Над Малиновским явно нависла угроза. Тут сплелись и падение Ростова, и самоубийство Ларина — все увязывалось в один узел. Сталин: «Когда вернетесь к себе на фронт, надо будет за Малиновским проследить. Вам надо все время быть при штабе 2-й Гвардейской армии. Следите за всеми его действиями, приказами и распоряжениями». Одним словом, я лично отвечаю за Малиновского и его армию, должен быть глазом, наблюдающим за Малиновским от партии и Ставки. Говорю: «Товарищ Сталин, хорошо, как только приеду, буду неотлучно с Малиновским».

Я улетел в Верхне-Царицынский. К нам тогда прилетел товарищ Ульбрихт и с ним вместе два немца-коммуниста. Они приехали для того, чтобы вести антифашистскую пропаганду с переднего края через рупоры-усилители; призывали, чтобы немцы сдавались в плен. Это была, главным образом, вечерняя и ночная работа. Ульбрихт ползал по переднему краю с рупорами и обращался к солдатам и офицерам войск Паулуса. Мы всегда обедали вместе с Ульбрихтом, и я шутил: «Ну, что ж, товарищ Ульбрихт, сегодня вы на обед не заработали, никто не сдался в плен». Он спокойно продолжал свое дело. Однажды мне доложили, что к нам перебежал солдат из состава окруженцев. Я сказал: «Ну-ка, приведите его, спрошу, что за человек, узнаю его настроение и как он оценивает моральное состояние своих товари-

щей». Привели. Говорю: «Кто вы такой по национальности?» «Поляк». «Как же вы попали в немецкую армию?» «Я из той части Польши, которая вошла в состав Германского государства, меня призвали». «У нас, наверное, будет формироваться новая Польская армия. Надо ведь Польшу освобождать. Как вы к этому относитесь?» «Да, надо освобождать». «А вы в Польскую армию запишетесь? Пойдете туда?» «Нет, не пойду». «А как же освободить Польшу?» «Польшу русские освободят». И довольно нагло отвечает. Мне это не понравилось. Я потом и говорю Ульбрихту: «Вот ваш солдат, не немец, поляк, сбежал от немцев, но он и не за нас, он даже освобождать свою Польшу не собирается».

Затем были взяты в плен несколько чистокровных немцев, как раз перед Рождеством. Я сказал, чтобы их доставили в расположение штаба Малиновского, и мы начали их допрашивать. Но это был уже не допрос, а, скорее, пропагандистская беседа. Мы ее вели вместе с Вальтером Ульбрихтом. Сначала я приказал, чтобы их отвели в баню, помыли, переодели, избавили от насекомых, дали им по 100 граммов водки (ведь Рождество!), покормили. Далее мы начали беседовать с ними. Один из этих пленных особенно отличался, с моей точки зрения, хорошим настроением. В нашем понимании, конечно. Он был против нацистов, против Гитлера, против войны. Ульбрихт ему: «Мы хотим обратно вас забросить. Вы согласны отправиться?» Тот отвечает: «Согласен. Даже прошу, перебросьте нас. Мы вернемся и все расскажем своим товарищам». Однако тут же в этой группе получился раскол. Один из пленных заметил: «Зачем же нас перебрасывать назад? Если перебросите нас сейчас, то нас расстреляют. Никто не поверит ни в то, что мы убежали от вас, ни в какую-то другую версию, которую вы придумаете». Довольно-таки серьезная перепалка возникла у пленных между собой. «Наш» немец говорит: «Ты трус! А я пойду. Пусть меня расстреляют, но и это сыграет свою роль».

Мы с Ульбрихтом уже согласились было перебросить эту группу к противнику. Вдруг об этом узнал Толбухин и пришел ко мне: «Товарищ Хрущев, я узнал, что придумали вы с Ульбрихтом. Не делайте этого, прошу. Пленные теперь знают расположение нашего штаба, выдадут своим, и нас разбомбят. Хотя бы не перебрасывайте до тех пор, пока я не переведу штаб в другое место. Я не хочу подвергать людей опасности». Я говорю: «Как же так? Мы привезли их с завязанными глазами и увезем с завязанными, они и не знают, где находятся». «Нет, я рисковать не могу». Вижу, если он расскажет Сталину, Сталин меня не поддержит. Я не говорил Ульбрихту о настроении Толбухина, а просто сказал: «Товарищ Ульбрихт, видимо, придется отложить нам эту акцию, потому что есть риск, что пленные могут выдать расположение нашего штаба». «Ну, раз нельзя, значит нельзя!» И продолжал свою деятельность. Насколько же были серьезными опасения Толбухина? Я и сейчас с ним не согласен. Слишком уж большая осторожность. Думаю, что никакой опасности для штаба не было, даже если бы мы перебросили этих людей туда, в «котел».

Бои продолжались. Мы начали теснить противника в направлении Котельниковского. Ситуация сложилась такая, что штабу Сталинградского фронта управлять войсками, которые непосредственно удерживали в кольце окруженную группировку Паулюса, и войсками, которые наступали на Маньч и Ростов, было трудно. И нам предложили разделить фронт. Предложение исходило из Ставки. Не знаю, была ли это инициатива Сталина или же кого-либо из Генерального штаба. Но там понимали сложность, которая создалась теперь у нас на фронте. Было предложено те армии, которые стояли лицом к Паулюсу, отдать Донскому фронту, а войска, которые направлены на юг и смотрят на запад, — Южному фронту. Нам было жаль расставаться с такими, приобретшими поистине историческое значение, соединениями, как 62-я армия, которая своей грудью защитила Сталинград; как 64-я армия, которой командовал Шумилов; 57-я и другие соединения. 62-я и 64-я армии стояли полукольцом и отражали прежде немецкие войска, которые рвались в Сталинград. 57-я армия дралась сначала в самом Сталинграде, потом все они сдвинулись по линии фронта. Мы сжились и сроднились с этими людьми. Но, когда Сталин позвонил, я сказал ему: «Мы это сделаем. Считаю, что это правильно, в

интересах дела. Так будет лучше». Еременко Сталин тоже позвонил. Не знаю, как он с ним разговаривал и как тот ему отвечал.

Я застал Еременко чуть ли не в слезах. Мне стало жалко его. «Ну, Андрей Иванович, ну, что вы? Это ведь в интересах дела. Вы же видите, что наши армии сейчас повернулись на юг. Наша задача — наступать, с тем чтобы бить во фланг войск противника, которые находятся на Северном Кавказе, подпирать их к Ростову. А у Сталинграда — оборона, все здесь обречено, тут противника надо только обложить покрепче, и он сам с голоду подохнет, у него нет ни снарядов, ни питания, ни обмундирования». «Товарищ Хрущев, вы не понимаете, вы гражданский человек и, видимо, не чувствуете, сколько мы, военные, выстрадали. Мы были чуть ли не обречены. Вы помните, как Сталин звонил и просил нас продержаться три дня? Помните, у нас целая свадьба была этих, наехавших из Ставки, а потом их, как метлой, смело. Считали, что немцы захватят Сталинград, а мы были оставлены там козлами отпущения. И вот теперь такое! Вы-то не знаете, а я знаю, предвижу, что вся сталинградская слава уйдет Донскому фронту!» Я его успокаивал: «Самая главная слава — это победа нашего народа. Имеет гораздо большее значение личное моральное удовлетворение того или другого воина и командующего войсками, вот главное!»

Но я ничем не смог его убедить. Он, действительно, много выстрадал, много вложил сил, энергии, военного таланта, умения и напористости в нашу Победу. Я не знаю, сколько в русском языке есть слов, пользуясь которыми можно было оценить значение тех усилий, которые приложил Еременко как командующий войсками Сталинградского фронта. Хочу, чтобы меня верно поняли, что я ни в какой степени не стремлюсь принизить достоинство Рокоссовского. Это чрезвычайно талантливый военачальник и замечательный товарищ. Я мало имел с ним дела, но каждая моя встреча, каждое соприкосновение с ним всегда оставляли наилучшее впечатление о Рокоссовском. Однако в историческом плане я считаю, что главное там произошло не у него: Сталинград прогремел на весь мир, а не Донской фронт. Ну что же делать, так было суждено...

В принципе функции Донского фронта были другими. Если бы противник овладел Сталинградом, то он, конечно, повернул бы свой удар на север. Значит, Ставка правильно сделала, что поставила там еще один фронт и назначила командующим достойнейшего генерала Рокоссовского. А сейчас положение изменилось. Уже не немцы определяют направление главного удара, а мы. Это мы направляем свои войска на юг, с тем чтобы вытолкнуть и разгромить немецкие войска, которые находятся на Северном Кавказе. Это, конечно, единственно правильное решение. Честь воздадут тем, кто разгромит Паулюса. Но командующему, вынесшему ранее все тяготы обороны, хотелось самому закончить данную операцию, самому пожать лавры победы. И вот фактически не стало Сталинградского фронта. Остались Южный фронт Еременко, наступающий на Северный Кавказ и западнее, и Донской фронт, добивающий Паулюса. Это не могло утешить Еременко, не могло!

В таких коллизиях закончилась для нас эпопея боев под Сталинградом. Начался другой этап войны. Этап нашего освободительного наступления на запад.

Дорога на Ростов

Начали мы теснить противника на юго-запад. Потом Южный фронт перешел своим правым крылом через Дон и стал продвигаться по его западному берегу. Я сейчас не могу вспомнить, конечно (да это и не нужно, и я не ставлю перед собой такой задачи), в какое время и в каком месте мы перешли Дон. Кажется, это было где-то в районе Цимлянской. Там мы отбросили войска Манштейна на правый берег реки. Это значило, что немцы уже отказались от стремления выручить Паулюса. Паулюс был обречен. Войска Манштейна требовались теперь для того, чтобы преградить путь продвижению войск Южного, Воронежского и Юго-Западного фронтов (или тогда был еще только Воронежский фронт, а Юго-Западного не было?) на запад. На западе у немцев какое-то время, собственно говоря, была на этом участке пуста, войск у них там не имелось.

Когда я летел по вызову в Москву, то заехал по дороге к сталинградским своим товарищам — Шумилову и Сердюку. Они рассказывали о таком эпизоде. Нам очень хотелось знать, о чем беседуют пленные немецкие генералы с Паулюсом. Для этого мы вместо солдат приставили к ним для обслуживания наших офицеров, знающих немецкий язык и переодетых солдатами. Впрочем, ничего особенного не услышали. Но однажды кто-то из генералов задал Паулюсу вопрос: «Господин фельдмаршал, как Вы считаете, когда немецкие войска смогут остановить советские войска, которые продвигаются на запад после краха наших войск в Сталинграде?» Тот подумал и ответил: «Сейчас эту дыру, которая образовалась в результате гибели наших войск, закрыть нечем. Может быть, удастся это сделать где-то возле Днепра, на очень большой оперативной глубине. Собрать новые войска в Германии и доставить их на фронт, с тем чтобы задержать русских, трудно. Потребуется время и большие усилия, чтобы собрать нужное количество войск». Это было правильно. Наши войска продвинулись тогда довольно далеко в глубь оккупированной территории, чуть ли не до Днепропетровска. Мы освободили Харьков, Павлоград, подошли к Новомосковску. Так что Паулюс более или менее верно определил, насколько глубоко окажется прорыв после разгрома немцев и их союзников под Сталинградом.

При продвижении на юг мы встретили более упорное сопротивление, чем с запада. Это вполне понятно, потому что наше продвижение на юг, на Котельниковский и Маныч по левому берегу Дона, угрожало всей группировке немецких войск на Северном Кавказе. Хотя противник и перевел отсюда силы Манштейна на другой участок, но, видимо, снимал свои войска с Северного Кавказа и бросал их против Южного фронта. Шли довольно упорные бои, мы несли большие потери. Конечно, и сами нанесли противнику еще большие потери. Какие особенности наблюдались при проведении тех боев? Прежней активности немецкой авиации, которая была в первые дни войны и даже на второй год войны, мы уже не чувствовали. Противник чаще вел авиационную разведку и, конечно, бомбил нас, но уже не с такой интенсивностью. Нам удавалось сбивать его разведчиков, и я допрашивал пленных легчиков: интересовался, каково положение у немцев с горючим. Немцы переживали тогда большие трудности с горючим, но пленные старались бодро отвечать на этот вопрос и заявляли, что не встречают никаких затруднений, получают горючее в нужном количестве и нужного качества, и авиационное, и танковое, и автомобильное. Но теперь по документам, опубликованным самими немцами, известно, что к тому времени они уже переживали чувствительные затруднения с горючим, хотя горючее у них, конечно, имелось.

Для усиления нашего фронта и пополнения его войск к нам был прислан генерал Ротмистров, который командовал танковым корпусом. Он поддерживал тогда своими танками наступление на Котельниковский. Котельниковский был освобожден. Как раз с Василевским (Василевский тоже прилетел к нам) мы и ездили тогда к Ротмистрову, познакомились с положением дел. Наше положение было уже очень устойчивым, а настроение приподнятым, бодрым: Манштейн сломлен, мы уверенно продвигаемся вперед. Войска Южного фронта продвинулись в те дни до станции Мартыновской.

Вызвали меня в Москву. Я прилетел туда в феврале или, может быть, в конце января 1943 года. Сталин встретил меня хорошо. Настроение у него было уже другое. Он выпрямился, распрямил свою спину. Это был не тот человек, которого я видел в начале войны. Меня он встретил словами: «Ну, мы все-таки приняли решение освободить Еременко от командования войсками Южного фронта». Отвечаю: «Ну, что ж, раз приняли решение, значит, приняли. Ничего не поделаешь. Но я считаю, что этого не следовало бы делать». «Нет, он сам просил». И прочел мне телеграмму, в которой Еременко обращался к Сталину с просьбой освободить его от командования войсками этого фронта и предоставить ему возможность полежаться. Сталин продолжал: «Он сам просит, и мы удовлетворили его просьбу». Я: «Мне понятна его просьба. Он сильно нуждается в отдыхе и лечении. У него, действительно, болит нога, он хромает и не так подвижен, как хотел бы, как это нужно было бы командующему. А он человек подвижный. Но здесь кроется и его обида:

он не может ее перенести, так как считает, что обида нанесена ему лично, поскольку его лишили возможности торжествовать победу при разгроме вражеских войск в Сталинграде. Это наш, Сталинградский фронт выстоял, а слава перейдет к другому командующему, то есть Рокоссовскому». «Рокоссовский уже принял командование Донским фронтом, Еременко же мы освободили», — сказал Сталин с каким-то даже озлоблением.

Почему он так обозлился и проявлял такую нетерпимость, я не знаю. Мне трудно было определить это, а ждать от Сталина искренности было невозможно. Сталин вновь ко мне: «Кого назначим новым командующим?» «Я не знаю, кого Вы считаете необходимым назначить командующим». «Нет, вы должны назвать». «Мне трудно назвать командующего. Командующий войсками фронта — это такая величина, которая относится к компетенции Ставки». «Нет, вы скажите», — опять нажимает он, и упорно нажимает.

Из всех командующих армиями, которые имелись у нас на фронте, самым подготовленным, который мог справиться с этим делом, был Малиновский. Но Малиновского я не решался назвать. На Малиновского вешали тогда всех собак: Малиновский сдал Ростов, у Малиновского член Военного совета, его друг и приятель Ларин, написал записку сомнительного политического содержания, закончив ее словами «Да здравствует Ленин!», и застрелился. Я уже говорил, как обыгрывал эту записку Щербаков. А Щербаков — тут как тут. Он вьюном вертелся перед Сталиным, угодливо подбрасывал и «растолковывал» ему все вопросы. По существу, ярил Сталина. Это меня очень возмущало.

Людей, которые будут позднее знакомиться с моими записками, я просил бы учесть этот факт. Может быть, это моя слабость. Но это обстоятельство вызвало у меня чувство негодования. Возможно, я слишком чувствительно переживал линию Щербакова, но она была несправедлива. Хотя она была направлена против Малиновского, но больше била по моему авторитету. Я ведь хорошо характеризовал Малиновского Сталину, и вдруг, оказывается, Малиновский чуть ли не враг. Ну, что же делать? Люди, окружавшие Сталина, меньше заботились о государстве, чем о себе. Да и Сталин сформулировал свою роль как роль создателя Красной Армии. А какой он создатель? Он такой же ее создатель, как я — химик. Но Сталин тогда, как говорится, и казнил, и миловал. Он все мог сделать. Порою даже окружение Сталина негодовало, фыркало и плевалось, но ничего нельзя было поделать. Так было!

В конце концов Сталин вынудил меня назвать кандидата в командующие из числа руководителей Южного фронта. И я говорю: «Конечно, Малиновский. Вы его знаете, и я его знаю». «Малиновский? Вы называете Малиновского?» «Да, я называю Малиновского». «Хорошо! Утверждаю Малиновского!» И к Молотову: «Пишите!» Молотов сейчас же взялся за блокнот и карандаш, а Сталин продиктовал приказ о назначении командующим войсками Южного фронта Малиновского.

Потом зашла речь обо мне. Когда мы находились в Сталинграде, а противник наседал на нас и выжимал из Сталинграда, Сталин в те месяцы чувствовал, что Сталинград может быть нами потерян. И отношение его ко мне резко колебалось в зависимости от положения дел на нашем фронте, да и вообще на фронте в целом. Тогда же противник предпринял активные действия и на Северном Кавказе. Если рассмотреть соотношение сил врага и наших сил под Сталинградом и на Северном Кавказе, то не может быть даже сравнения: на Северном Кавказе наше преобладание было значительным. Помню, Бодин говорил тогда: «Удивительно, почему так плохо ведут себя наши войска на Северном Кавказе? Ведь соотношение сил такое-то. Разведка свидетельствует, что у противника имеются такие-то силы, а у нас такие-то. И все-таки враг продвигается вперед».

Мнение Бодина я ценил очень высоко. Это был талантливый и грамотный военачальник, я уже упоминал об этом. Но на Кавказе был Берия. Сталин абсолютно доверял Берии, и Берия тоже мог влиять на Сталина. Так что там все было объяснимо, поскольку конкретного соотношения сил на том или другом участке фронта в целом Сталин никогда, по-моему, в деталях не знал. Он жил тем, что доложит ему Генеральный штаб. Это, конечно, правильно. Но как Главком он должен был бы

и сам вникать в вопросы соотношения сил, изучать их и взвешивать. Это доступно человеку, даже не имеющему военного образования. Взвесить соотношение сил — это вопрос арифметики. Он доступен каждому разумному человеку, а Сталин был очень разумный человек.

Сталин мне тогда сказал: «Мы считаем необходимым освободить вас от обязанностей члена Военного совета Южного фронта и назначить членом Военного совета Воронежского фронта. Воронежский фронт продвигается по территории Украины, и вам надо быть там. Вам бы надо и заняться вопросами восстановления Украины». Я удивился, но сказал: «Это Ваше дело, товарищ Сталин. Если нужно, пойду туда, куда пошлют». Это меня поразило еще и потому, что, когда раньше мы находились под Сталинградом и я как-то тоже приехал в Москву, Сталин сказал мне: «Вам не следует больше заниматься вопросами Украины». А занимались мы тогда партизанами. Начальником штаба партизанского движения на Украине был генерал Строкач. Он рассматривал все оперативные вопросы и докладывал мне. Вместе мы принимали необходимые решения и давали указания партизанам.

Сталин продолжает: «Этими вопросами теперь будет заниматься Корниец, а вы русский человек, не украинец». Говорю: «Да, я русский, не украинец». В душе же я просто возмущался. Он ведь знал, что я русский, когда посылал меня раньше на Украину. Я просил его не посылать меня, учитывая, что я русский. Тогда он сказал мне: «Украиной руководил Косиор, поляк, а чем русский хуже поляка?» Я отвечал: «Косиор — поляк, но поляк только по происхождению. Он вырос, воспитывался и работал в подполье на Украине. Это был украинский поляк, украинец польской национальности». От себя добавлю, что он прекрасно знал украинскую культуру и был признанным руководителем Компартии Украины.

Далее Сталин начал рассказывать мне, на мой взгляд в оскорбительном тоне, как он вызвал Корниюца и давал ему такое задание: «Вот начали освобождать Украину. Выясните потребности и составьте список того, что вам будет нужно для Украины». Корниец выдвинул свои просьбы, попросил какую-то мизерную чепуху. А Сталин издевался теперь над ним: «Человек совершенно не представляет, с какими нуждами встретится, когда приступит к руководству делом. Поэтому вы и будете членом Военного совета на этом направлении, возьмете потом на себя организацию правительства и руководство теми районами Украины, которые освобождает Красная Армия. А пока что, раз мы освободили от должности Еременко и назначаем по вашему предложению Малиновского, вам придется вернуться к Малиновскому. Там вы должны ни на шаг не отходить от него, следить за ним и проверять его действия». Так он говорил мне, и когда застрелился Ларин. Требовал, чтобы я все время был при Малиновском.

И я тогда действительно забыл дорогу в штаб фронта, передвигался вместе со 2-й Гвардейской армией, располагаясь всегда рядом с Малиновским. Малиновский — умный человек. Он понимал, что это является результатом недоверия к нему со стороны Сталина. В моем же лице он видел контролера над своими действиями. Когда мы перемещали штаб, то мне и квартира отводилась рядом с Малиновским. Одним словом, я уже являлся членом Военного совета скорее 2-й Гвардейской, чем фронта. Собственно говоря, в ней и заключалась наша главная сила на фронтовом направлении, так что не возникало противоречий по существу. А Малиновский все распоряжения и приказы, которые готовил, до того, как подписать, обязательно согласовывал со мной. Я их не подписывал, потому что это не входило в мои обязанности, но все его приказы и распоряжения знал, и Малиновский все мне докладывал.

Дела у нас продвигались хорошо. Я был доволен и положением дел на фронте, и Малиновским — его способностями, его распорядительностью и его тактом. Одним словом, в моих глазах он выделялся на фоне других командующих, и я с уважением к нему относился. Работать с ним было хорошо.

Хотел бы сейчас сказать также несколько хороших слов о Ротмистрове, Главном маршале бронетанковых войск. Потом он стал начальником Военной академии бронетанковых войск. Начну тоже с зимы 1943 года. Когда мы начали контрнаступление, у нас «большим зубом» являлась станица Верхне-Чирская. Или Нижне-

Чирская, сейчас точно не помню. Там был Чирский мост, я проезжал по нему и разговаривал с нашими мостовиками, которые работали над его восстановлением. Это была поистине героическая работа, потому что противник часто «наведывался» и бросал бомбы, чтобы не только затруднить восстановление, но и дополнительно разрушить мост. В такой ситуации нашим инженерам и рабочим-красноармейцам из восстановительного мостового управления приходилось очень упорно работать. Нам требовалось взять эту станицу, чтобы обеспечить продвижение по западному берегу Дона. Довольно длительное время предпринимались попытки выбить оттуда немцев, но они кончались провалом. Тогда мы решили сконцентрировать здесь одну из армий и еще танковый корпус. Корпус прибыл в наше распоряжение, как с иголки и полнокровный.

Мы с Василевским назначили оперативное совещание на берегу Дона, в каком-то хуторке. Туда же приехал Ротмистров со своими людьми и командующим той армией, которая должна была наступать на утро. Командарм доложил, что он готов к наступлению и уверен, что займет станицу. Я его не знал, и у меня zakралось сомнение, правильно ли он оценивает положение. Мне показалось, что он слишком легко подходит к решению своей задачи. Потом начали считать, где находятся войска, которые должны будут участвовать в атаке. Рассчитали, что эти войска в лучшем случае сумеют прийти рано утром, к рассвету, и их надо будет посылать в бой с ходу, люди будут уставшими. Явно все это будет дорого стоить, атака может захлебнуться, дело не будет сделано.

Взял слово Ротмистров: «Товарищи, предлагаю поверить мне и не организовывать наступление завтра утром. Войска будут уставшими, измотанными, не смогут наступать. Мы лишь погубим их. Дайте мне отсрочку на день или два, и я даю слово, что своим танковым корпусом захвачу эту станицу». Далее он нарисовал яркую картину: в нужный день начнем на рассвете, еще до восхода солнца, когда лишь забрезжит свет, при котором можно было бы видеть, чтобы куда-нибудь не всадить танки. Танки расставим с трех направлений. А с рассветом танки сразу откроют огонь и двинутся на станицу. «Я, — говорил он, — убежден, что противник струсит и выскочит оттуда. Врагов там немного. Они окопались, возвели укрепления, но силы у них небольшие».

Мы с Василевским согласились с Ротмистровым и решили, что не будем завтра атаковать противника. Пусть командующий армией подводит туда свои войска и приводит их в порядок. А Ротмистров с танковым корпусом уже здесь, проведет пока соответствующую работу с танкистами, а главное — среди командиров танковых бригад, которые будут участвовать в операции. Назначили день и час операции. Ротмистрову сказали, что мы с Василевским приедем как раз к моменту атаки станицы танковым корпусом.

Так и сделали. Стояло морозное утро. Приехали мы к Ротмистрову на его командный пункт. С рассветом он дал команду, танки двинулись на станицу. По тому времени нам казалось, что было очень много огня. Конечно, если сравнить со временем, когда наши силы нарастали быстрее и росло количество вооружения, то у Нижне-Чирской было чепуховое количество огня. Но и противник был слабый. И успех был достигнут, как и предполагал Ротмистров. Вскоре появились самолеты противника. Погода была для бомбежки исключительно благоприятная. Зато самолетов было немного. Они полетали, побросали бомбы и все, а наши танки ворвались все же в станицу, и противник, бросив ее, отступил. Все мы поздравляли Ротмистрова, так как сберегли свою пехоту в результате разумного, смелого и продуманного применения танков. Я и раньше с уважением относился к умению вожделения танковых войск Ротмистровым, а после этого мое уважение возросло еще больше. Позднее я встречался с ним в 1943 г., уже на Курской дуге, куда Ротмистров тоже прибыл с танковой армией. Об этом я буду говорить в другом месте моих воспоминаний.

Наступление войск Южного фронта успешно продолжалось. Противник отходил, хотя и с боями, и мы шаг за шагом продвигались все ближе и ближе к р. Маныч и к станице Багаевской. Эта большая станица лежит неподалеку от Новочеркаска. Новочеркасск находится на правом берегу Дона, а станица — на левом. Заняли мы

и Багаевскую, заняли и Манычскую — тоже большую станицу. Оттуда мы планировали сделать танковый рывок. Думали, если повезет, прорваться на Батайск и на Ростов. Для этой операции использовался главным образом Ротмистров с его танковым корпусом и Богданов, который тогда командовал уже танковой армией. Мы делали все, что было в наших силах, чтобы эта операция оказалась удачной. Но она не удалась. Противник упредил нас и повел наступление на Манычскую. Как раз в тяжелую минуту туда приехали мы с Малиновским, чтобы поскорее выпроводить танковый корпус Ротмистрова в атаку. А в эти часы уже шли бои в самой станице. К нашему приезду противник контратаковал и занял половину станицы, поэтому наше наступление и не состоялось.

Когда мы вышли на р. Маныч, то решили перенести штаб фронта в хутор Веселый на Маныче. Это поближе к войскам. Удобнее было держать связь и совершать выезды в войска. Там произошел случай, в какой-то степени характерный для обстановки и взаимоотношений того времени. Дисциплина требует соблюдения большой точности, но иной раз точность подменяется хорошим вымыслом, и не по злomu умыслу, а в «профессиональном порядке». Наши войска заняли Сальск. Я сказал Малиновскому, что хотел бы проехать в Сальск по свежим следам. Его только что освободили, и мне хотелось поговорить с населением, узнать, как жили люди под врагом и что им сейчас нужно. Хотелось встретиться и с командующим 28-й армией Герасименко. Он-то и командовал армией, которая освобождала Сальск, наступая через Элисту от Астрахани. По дороге туда я проехал через станицу Пролетарскую.

Мне говорили, что Буденный родом из какого-то хутора этой станицы, Городовиков тоже из хутора этой станицы. Мне говорили, что из той же станицы вышел и белый генерал Корнилов, но это неверно. Буденный когда-то рассказал мне такую историю. Станичная учительница, ведя урок, говорила: «Дети, наша станица занимает особое положение. Вот ведь какие большие люди-калмыки, которые занимают высокое положение в государстве, вышли отсюда. Например, вот такой-то генерал, он нашей станицы. Ока Иванович Городовиков тоже из наших. Это наши земляки». В школе висели их портреты. Я не знаю, насколько это правда. Но такое «смешение гордости» и за Оку Ивановича, и за белого генерала характерно. Герой гражданской войны, гордость Красной Армии — и генерал, который был опорой самодержавия, участвовал в восстании против Советской власти, все тут смешалось: и один знатный, и другой знатный.

Итак, насчет точности и вымысла. Приехал я в Сальск, небольшой степной городок. Там имелось железнодорожное депо, так что это был пролетарский центр сальских степей. Одновременно со мной туда приехал Герасименко со своим штабом. Он говорит: «Пойдемте в штаб. Правда, мы еще его не развернули. Сам там еще не был». Вошли мы в помещение, подготовленное для штаба. Уже вечерело. Я расспросил Герасименко про Сальск: «Как освобождали его, с тяжелыми боями?» «Да, мы вели тяжелые бои и в Сальск ворвались буквально на плечах врага». «Хорошо, вы разворачивайте свой штаб, а я не буду вас задерживать, хочу побыстрее вернуться в штаб фронта, а ехать мне еще далеко. Вон там толпа стоит на площади, пойду, поговорю еще с людьми, послушаю их, чтобы иметь представление о настроениях». Пошел. Они обращаются ко мне: «Товарищ Хрущев, как же так? Мы три дня сидели, ждали-ждали, вот наши придут. А наших нет и нет. Немцы ушли, оставили город, а наши не пришли». Я оглянулся, стоит сзади Герасименко. Посмотрел я на него и ничего не сказал. Он мне тоже ничего не сказал. Мы друг друга сразу поняли. Ведь он мне только что говорил, что ворвался в город на плечах врага, как всегда делают боевые войска, а здесь рабочие рассказывают, что за трое суток они все глаза проглядели, ожидая, когда наши придут. Бывает и такое на войне! Где же истина? Думаю, что рабочие говорили правду, а Герасименко украсил свои успехи.

Продвижение наших войск к Ростову и Новочеркаску продолжалось успешно. Заняли Новочеркаск. Мы с Малиновским решили, выехав туда, проинформироваться на месте, в войсках. Сейчас уже не помню фамилии командующего, который стоял на этом направлении, не помню и номера его армии. Но помню, что это

был хороший командующий, производивший хорошее впечатление и, по-моему, справлявшийся со своим делом. Из Новочеркасска мы поехали в Шахты. Это тоже был участок нашего фронта. Так мы наступали на Ростов — сразу с юга и с востока и одновременно обходя его с севера. Но до Ростова пока было еще далеко. А приказ мы получили атаковать Ростов с юга. Это была очень тяжелая задача.

Я знал это еще по гражданской войне. Тогда наша стрелковая дивизия была при 1-й Конной армии и вела бои в Задонье, в направлении станции Куцевская, откуда дорога ведет на Азов. Там равнинная пойма Дона, а Ростов расположен на возвышенности. Поэтому оборонять его легко: все подступы открыты, простреливаются пулеметным огнем и артиллерией. И теперь опять нашей пехоте надо было пройти большое расстояние под огнем противника. Это нам не улыбалось, но приказ есть приказ. Правда, мы думали, что, возможно, вырисуется другое решение, которое даст возможность занять Ростов с меньшими затратами и жертвами.

Повторюсь: на войне случаются всякие курьезы. В состав нашего фронта тогда передали танковые и кавалерийские соединения. Кажется, один танковый корпус и два кавалерийских. Этими соединениями командовал генерал Кириченко, совершенно незнакомый мне человек. Мы с Малиновским решили поехать к Кириченко, познакомиться с ним поближе. Малиновский сказал: «Я его знаю, но хочу, чтобы и вы познакомились с ним лично. А оттуда мы вернемся в Батайск и там заночуем у Герасименко». Сейчас не помню названия станицы, где располагался штаб Кириченко: это была южная часть Ростовской области. Наступил вечер или даже ночь. Было холодно. Мы «ворвались» в помещение штаба и застали врасплох адъютанта и вестовых командующего. Приехало большое начальство, а они не имели возможности заранее доложить командующему. Мы спросили, где он. Нам ответили, что отдыхает, и указали его комнату. Малиновский шагнул прямо туда, я за ним. Мы даже не раздевались, так как условились, что быстро уйдем. Одеты мы были в бекешы, по-зимнему. Вошли. Кириченко уже зажигал свечу, услышав шум. При нас оделся и стал докладывать обстановку, состояние своих частей и все прочее, что полагается доложить командующему войсками фронта.

Свет от свечи был довольно слабый. Я даже удивился, что у него нет ничего лучшего и что он докладывает нам при свече. Потом глянул в сторону постели, с которой он только что встал, и заметил: что это одеяло дышит? Думаю: что такое? Еще раз посмотрел, и у меня исчезли сомнения, что этим одеялом накрыт еще один человек. Заслушали мы его, распрощались и ушли, сели в машину (мы ехали вдвоем в одной машине). Спрашиваю Малиновского: «Вы давно знаете генерала?» «Да, знаю его давно». «Вы не заметили, или мне показалось, потому что комната была плохо освещена, что вроде еще какой-то человек дышал под одеялом?» «Конечно, заметил». Ну, мы позубоскалили на сей счет, пошутили и уехали. Как говорится, бывают такие эпизоды и у командующего группой войск. Но потом при встрече с ним мы не фиксировали внимания на этом случае.

Кириченко в сражении действовал неплохо. Правда, состав войск у него был неполный, потому что он раньше вел бои с немецкой группой армий «А» на Кавказе. В то время враг уже отходил оттуда, поэтому Генеральный штаб передал войска Кириченко в наше подчинение, и мы теперь использовали их на своем направлении. К этому времени противник отступал с Северного Кавказа на Новороссийск и Тамань. От Кириченко мы уехали к Герасименко, а потом — в Азов. Азов мы уже взяли, и там стоял штаб 44-й армии. Командовал ею генерал Хоменко. Я Хоменко знал и был о нем хорошего мнения. Он перед войной, по-моему, командовал пограничными войсками в районе Каменец-Подольского, производил хорошее впечатление и как военный, и как член партии. Он просил нас задержаться у него, потому что было уже поздно, но мы отказались и вернулись к Герасименко.

К Герасименко мы вообще зачастую своими поездками, потому что там готовилась операция по захвату Ростова. Но мы все откладывали и откладывали ее: считали, что условия не подготовлены. Бывало, приедешь к Герасименко: «Ну, як, Василь Пилиппович? Як Ростов?» Я всегда звал его по-украински, хотя он и по-русски хорошо говорил. Это был милый человек, которого я хорошо знал еще по довоенному времени, когда он служил заместителем командующего войсками

Киевского Особого военного округа. «Та шо Ростов? Ростов клятый ще стоить», — отвечает.

Как-то мы с Малиновским в шутку договорились привезти Герасименко бутылку коньяку, но поставить условие, что этот коньяк он сможет выпить только тогда, когда займет Ростов. Пусть коньяк маячит перед его носом. Так цыган привязывал перед мордой лошади клок сена, чтобы она бежала бодрее. Вот мы и применили «цыганский способ», решили как бы подвязать коньяк, чтобы его запах подталкивал командующего армией ускорить взятие Ростова.

Я уже говорил, что в то время противник был недостаточно активен в воздухе днем, но очень активен ночью. Его маленькие самолеты типа наших У-2 буквально утюжили все дороги, стреляли по фарам автомашин и наносили нам довольно-таки чувствительный урон и в людях, и технике. А самое главное, мешали ночным передвижениям войск. И когда однажды мы собрались уезжать от Герасименко к себе в штаб, на хутор Веселый, он напомнил нам, чтобы мы не ехали ночью: без фар ехать нельзя, а с фарами немцы могут расстрелять машину. Но мы все время так ездили и сказали ему, что нам не в первый раз. Выехали и, действительно, попали в переплет. Мы с Малиновским, видимо, задремали. Вдруг — пулеметная очередь. Я открыл глаза, а перед машиной рассыпался сноп разноцветного огня, след трассирующих пуль. Потом взорвалась бомба. Бомба взорвалась впереди нас, значительно дальше машины, а вот пулеметная очередь легла почти точно, с малым упреждением. Мы с Малиновским потом не раз шутили, вспоминая об этом случае.

В том же месте шел обоз: крестьяне везли на подводах снаряды. Когда обстреляли нашу машину, мы вылезли. Смотрим, подводы тоже стоят. Один возчик, который вез снаряды, испугался обстрела, бомбы и залез под повозку. Что значит — инстинкт! Надо ведь чем-то прикрыться, он и прикрылся повозкой со снарядами. Ничего себе прикрытие! Вот безотчетность инстинкта у человека.

Готовились к наступлению. Правда, наступать на Ростов с юга нам не потребовалось, так как началось успешное наступление наших войск севернее Ростова, и мы продвинулись западнее этого города. Немцы были вынуждены выскочить из него без особого принуждения их с юга. Таким образом, противник ушел отсюда, а Герасименко со своими частями почти без боя вступил в Ростов и освободил его. Конечно, честь и хвала 28-й армии и ее командующему за взятие Ростова. Но если рассматривать вопрос по существу, то кто же взял город? Получается, что Герасименко, потому что его войска первыми вошли в Ростов, хотя они ничего особенного не успели сделать для того. Генерал же, который наступал на севере и вынудил немцев оставить город, остался не отмеченным, в тени. Вот как бывает!

Приехали мы с Малиновским в Ростов. Нас встретил Герасименко и тут же вытащил бутылку коньяка. Мы пошутили, что коньяк, может быть, нужно пить не с вами, а с тем генералом, который командовал войсками севернее Ростова? Герасименко это тоже понимал, но он был находчив и тотчас отшутился... Для нас это была огромная победа! Мы заняли Ростов во второй раз. Первый раз, в 1941 г., мы занимали его вместе с Тимошенко, а теперь — с Малиновским. Малиновскому это было особенно приятно. Ведь это он оставил Ростов в 1942 г., когда немцы прорвали тут фронт, разгромили наши войска и двинулись через Ростов на Сталинград и на Северный Кавказ. Правда, прорвались они не через самый Ростов, а форсировали Дон восточнее города. Теперь же мы провели военный парад: наши войска прошли строем. Это произвело сильное впечатление не только на ростовчан, но и на граждан всего Советского Союза, как выяснилось впоследствии. То была реальная демонстрация нашего нового успеха: после освобождения Сталинграда от врагов они вынуждены были оставить и Ростов. Этот факт имел, на мой взгляд, важное международное значение.

Хотя я к тому времени уже не был членом Военного совета Сталинградского фронта, меня очень тянуло вновь взглянуть на Сталинград, посмотреть, что же с ним теперь, как он выглядит. Поэтому я решил слетать туда. Там как раз был назначен митинг. Я знал это, взял самолет и прилетел к Шумилу, у него же и остановился. Потом выступал на митинге, ездил, ходил, осматривал места, которые видел, когда мы прибыли для организации защиты Сталинграда. Передо мной рас-

стиралась картина и радостная, и грустная, потому что буквально весь город лежал в развалинах. Одни руины. Не знаю, сохранились ли там целыми какие-то дома. Проехал я к Сталинградскому тракторному заводу, к артиллерийскому заводу, на набережную. Везде валялась разбитая техника, главным образом немецкая. Когда немцы тут наступали, они много теряли и самолетов, и танков. Немало лежало и небуранных трупов, но очень мало было видно живых людей. Горожане ходили голодные и истощенные, как тени.

В одном месте я задержался, рассматривая место боев. Откуда-то появился мальчишка лет 12—13. Видит он, военные стоят и вмешался в их разговор своей репликой: «А я тоже одного фрица кокнул». «Кого же? Как?» «Да так. Когда уже паника у немцев была, я поднял винтовку. Тут винтовок много валялось. Стрелять я умел: прицелился и кокнул». «Ну, выстрелил, а попал ты или нет, ты же не знаешь?» «Нет, попал. Он свалился. Я потом проверил. Я его кокнул». «А как же ты тут жил?» (А он стоял весь черный, грязный и оборванный.) «Да вот так и жил. Дохлятиной питался. Потом на кожевнном заводе много кожи осталось, всякого сырья. Я брал кожу, резал, варил, ел ее и пил бульон. Так и выжил».

Вообще городская картина была ужасной. Шумилов, Сердюк и другие генералы сообщили мне много интересного. Тогда же я услышал анекдот, который потом рассказал Сталину, только ему он не понравился. Если же рассказать этот анекдот военным людям, то они сразу догадаются, что анекдот был сочинен в войсках, которые входили в состав Сталинградского фронта. Пошли охотники на охоту. Охотились, охотились, повезло им, и поймали они живого зайца, очень живучего. Его привязали к дереву. Сидит заяц. Охотники решили не тратить на него патронов, а стали бить его палками. Били, били и устали. А тот все жив. Отдохнули, разозлились: как же так, даже привязанного зайца не можем убить? Взяли палки и опять стали лупить его. Били, били, опять не убили. Бросили. Думают: зачем истощать себя и бить без передышки? Он же привязан и никуда не денется, время работает на нас... Прошло какое-то время. Собрались охотники с силами и опять стали бить зайца. Били-били и наконец убили его.

Когда я рассказывал Сталину про то, что увидел в Сталинграде, то рассказал и этот анекдот. Он глянул на меня остро: «Значит, заяц — окруженный Паулюс? Его били несколько раз, а он оказался живучим. И только когда мы стянули туда силы, артиллерию, танки, а наши войска продвинулись на запад на 250—300 км, то в конце концов убили зайца? Явно этот анекдот сложен про Сталинград». Но ведь все мы люди, наделены людскими слабостями. Вот мне и импонировал этот анекдот. Я заразился переживаниями Еременко. Шумилов, командующий 64-й армией, который рассказал анекдот, был большим приятелем Еременко. Да ведь прав был Еременко: это он со своими войсками выдержал основной натиск немцев и «привязал зайца». А потом другие его только добивали. Правда, это никак не умаляет заслуг Донского фронта, который очень хорошо выполнил свою задачу.

В Сталинграде я видел и такую жуткую картину. Конечно, на войне все жутко, но тем не менее... Наши люди занимались в городе сбором трупов немецких солдат. Мы боялись наступления теплой весны и жаркого лета. Если трупы где-то завалются и начнется их разложение, может вспыхнуть эпидемия. Поэтому мы как можно скорее старались собрать трупы и сжечь их. Земля была мерзлая, зарывать было трудно, да и опасно. Слишком много было трупов, просто тысячи. Складывали трупы в штабеля слоями: клали попеременно слой трупов и два слоя железнодорожных шпал и поджигали. Горели огромные кучи. Потом мне дали фотографии: я посмотрел на них и больше к ним не возвращался. Они производили очень тягостное впечатление. Говорят, Наполеон или кто-то другой сказал, что труп врага приятно пахнет. Не знаю, для кого как, а для меня и запах был неприятен и смотреть на эту картину тоже было неприятно!

Хотел бы рассказать также и комический случай, который тоже характеризует то время и людей того времени. Это было хорошее время, героическое, трагическое и по-своему торжественное. Мы переживали трагедию при отступлении, потом торжествовали при нашем наступлении и возмездии врагу за его наглое вторжение в пределы СССР. Улетел я из-под Ростова по вызову Сталина в Москву. Самолеты

тогда вынуждены были часто заправляться в пути, поэтому я приземлился в Сталинграде. Остановился в 64-й армии. Какие-то там были армейские торжества. Кажется, получали ордена. Штабом армии был дан официальный обед для командного состава в довольно большом зале. Я принял участие в торжестве и сидел за одним столиком с командующим. Столики были маленькие, на несколько персон. Рядом с нами сидели генерал, полковник и еще два человека. Завязался между ними разговор. Так как выпивали, то тон нарастал, и разговор превратился в спор между генералом и полковником. Полковник был начальником штаба соединения, которым командовал генерал. Генерала же я знал еще до Сталинграда, встречался с ним под Харьковом, где он командовал дивизией и был на хорошем счету. Дивизия его стала гвардейской. Я его фамилию сейчас не называю, хотя и помню ее. Дело в том, что я к нему относился хорошо, считал, что он находится на своем месте и справляется со своим делом. Когда у них разгорелся спор, то полковник, видимо, имел более сильные аргументы, а генералу противопоставить было нечего, и он решил использовать свое положение. Когда полковник окончательно досадил генералу, последний генеральским тоном вдруг и говорит: «Товарищ полковник, не забывайся!» Внушительно так произнес. Тот ответил: «Есть!» и замолчал. Я не вмешивался, конечно, в разговор, наблюдал со стороны. А эпизод остался в моей памяти.

Когда я приехал в Москву, то за столом у Сталина, говоря о многих случаях, рассказал и про этот эпизод. Сталину он очень понравился. Даже спустя много лет, бывало, он улыбался и говорил в определенной ситуации: «Товарищ полковник, не забывайся!» Младший, дескать, должен подчиняться старшему по положению, полковник не может быть умнее генерала, не имеет на это права, должен больше служить и поменьше говорить. В своей жизни, встречая на своем пути многих людей, разных по званию и по характеру, я, к сожалению, часто сталкивался с фактами, когда за отсутствием разумной аргументации люди опирались на старшинство звания и подавляли нижестоящих.

Помню и другой ходячий анекдот, тоже рожденный жизнью. Докладывает подчиненный старшему военачальнику и при этом довольно разумно доказывает правоту своей точки зрения на ход операции: что вот так-то надо сделать, или вот так-то лучше было бы сделать. А в ответ окрик: «Ты мне не доказывай, а слушай и выполняй. Твое дело выполнять, а думать тебе не надо. Я тебе приказываю, вот и делай так, как приказано». К сожалению, не знаю, когда и как изменился это. Военные указывают на то, что такова воинская дисциплина. Вопрос решает старший, а младший выполняет. Существует формула «Будь не разумным, а будь исполнительным!» Она нередко боком нам выходила, эта формула. Хотелось, чтобы это было учтено. Время сейчас пошло другое, другие люди, другая культура. Но думаю, что это не зависит от культуры. Накладывает особый отпечаток военная обстановка. Не знаю, дисциплина ли это или просто кастовость. Затрудняюсь определить более точно...

Войска Южного фронта, заняв Ростов, двинулись на запад и вышли на берег р. Миус севернее Таганрога. Эти места были мне знакомы по 1941 году. В том году, когда мы выбили немцев из Ростова, наши войска, их главная сила — 56-я армия, действовали здесь. Тут же дрались обескровленные остатки танкового корпуса генерала Танасчишина. 56-й армией в конце 1941 г. командовал генерал Цыганов, тучный такой человек. Сам он, по-моему, был нестроевым командиром и закончил Военную академию по кафедре материального и боевого обеспечения. Очень был оригинальный и остроумный человек. Запомнился мне такой эпизод. В 1941 г. после освобождения Ростова мы хотели взять сразу же и Таганрог и поэтому вновь и вновь бросали туда войска, но у нас ничего не вышло. Захватили как-то двух пленных. Я решил допросить их. Один оказался чехом. Когда его привели и я стал его расспрашивать, он рассказал, как попал в плен: «Я принес вам ручной пулемет. Я решил перейти линию фронта и сдаться в плен. Пришел в расположение ваших войск и очень долго искал, чтобы найти, кому же сдаться». Нашего генерала это возмутило, и он начал в противовес что-то объяснять мне. А я ему: «Вы же там не были. Зачем этому солдату врать? Видимо, на этом участке, где он переходил

линию фронта, было голо. Вот он и искал людей, а потом все-таки нашел, кому сдаться в плен». А ведь мне раньше докладывали, что его захватили в плен. Выходит, не захватили, а он сам пришел. Военные пускай это оспаривают, но на войне всякое бывает. Часто наши разведчики переходили линию фронта, и противник их не замечал. Противник тоже находил у нас слабые места и пробирался к нам в тыл. Видимо, что-то вроде этого и произошло с чехом.

Второй пленный был румыном. Молодой, высокий парень, в румынской овечьей черной шапке. Я его спросил, как его зовут, а он сразу в ответ: «Мы, румыны, революцию делать не будем. А будем воевать!» Сырой еще по политическим взглядам человек. Я ему: «Ну, вы-то уже свою революцию сделали и отвоевали. Теперь ваше дело — шагать в плен. Будете в плену ожидать, когда кончится война». В том 1941 г., когда шли первые бои под Таганрогом на р. Миус, штаб армии располагался в хуторе Советском. Это небольшой хутор с довольно невзрачными крестьянскими постройками. Местных жителей сейчас уже не помню. А в 1943 г., заняв Ростов, мы расположили штаб фронта тоже в Советском. Он был очень удобен для этого, ибо находился в центре наших войск и отсюда легко было организовать связь с воинскими частями. Поэтому и в 1941, и в 1943 г. выбор падал на хутор Советский.

Ко мне недавно обратился с письмом учитель из этого хутора с просьбой рассказать о том, каким было селение в то время, когда мы его заняли. К сожалению, прошло много времени, и я теперь не могу ничего сказать. С населением тогда я мало соприкасался. Помещение, которое занимали для командующего, освобождалось от жителей, люди выселялись. Охранялось оно довольно строго. Да и ничем не выделялся, собственно говоря, этот хутор из множества других сел, станиц и хуторов, которые мы оставляли и которые потом занимали. Поэтому у меня не осталось особых впечатлений. Просто небольшой хутор, внешне выглядевший бедно. К тому же и в 1941, и в 1943 г. все было покрыто снегом. Кроме того, в 1943 г. я очень мало был в самом хуторе. Как только мы туда переехали, сразу же последовал звонок от Сталина с приказом прилететь в Москву. Я тотчас вылетел в Москву, причем меня предупредили, чтобы я вылетел с расчетом на то, что уже не буду возвращаться на Южный фронт, поскольку мне будет дано другое назначение.

Прилетел я в Москву, доложил Сталину о положении дел на Южном фронте и насчет Малиновского. Тогда Малиновский был уже как бы реабилитирован. Самый факт, что меня отозвали с Южного фронта и утвердили членом Военного совета Воронежского фронта, гласил об этом. На Южный же фронт назначили вторым членом Военного совета Кириченко, а кого первым — не помню. По-моему, кого-то из военных. Мне было жаль расставаться с Малиновским. С ним приятно работать, и у меня с ним ни по какому вопросу не возникало никаких конфликтов и разногласий. Мы все вопросы решали совместно, как и надо было решать командующему и члену Военного совета. Советовались и с другими товарищами, которые входили в состав Военного совета, но главным образом основные вопросы решались двумя лицами: командующим и первым членом Военного совета. Тогда в принципе не было вопросов, которые обсуждались бы на заседаниях. Председательствующий, обсуждение, рассуждения — все это имело место в редких случаях, тогда, когда разрабатывалась какая-то операция или вдруг предпринималось что-то новое. По текущим же вопросам принимались решения на ходу и тут же отдавались приказы и распоряжения.

С Малиновским было хорошо работать еще и потому, что он человек организованный. Он никогда не делал вида из ложного стыда, будто не спит, не отдыхает. Очень многие генералы во время войны делали вид, что они совершенно не спят, всегда на ногах, обдумывают то или иное, так что спать им некогда. Чистейшая, конечно, ложь и выдумка. Человек просто физически не в состоянии толком работать, если не спит положенного минимума времени. Можно какое-то количество суток провести без сна, но работа такого человека будет непродуктивна, а в военном отношении может быть даже опасна. Всегда надо быть подготовленным: суметь разумно продумать вопрос, от которого зависит жизнь сотен и тысяч людей. Малиновский же вел себя, как простой смертный. Он действительно много рабо-

тал. Это был очень работоспособный человек с хорошей головой. Мне нравились его рассуждения по военным проблемам, да и не только по военным. Но он и отдыхал. Отдыхал всегда в определенное время суток, если, конечно, позволяла обстановка. Другое дело, если обстановка складывалась тяжелой. Тогда не уснешь. Тем более, не приляжешь в заранее расписанное время.

А другие просто делали вид, что ничего не спят, что у них недремлющее око, что они все видят и все слышат. Это глупость!

Малиновский много рассказывал мне о своей жизни. Своего отца он не знал. Мать его, кажется, была незамужней и сына не воспитывала. Он был воспитан тетей, детство провел в Одессе. Очень он несдержанно, даже оскорбительно отзывался о матери. Он ее не только не любил, но у него сложилось какое-то оскорбленное чувство, сохранившееся с детских лет. Зато он с нежностью говорил о своей тете, хотя озлобленно отзывался о матери. Он рассказывал также, как пареньком работал в Одессе приказчиком. Потом началась первая мировая война. Он, сбежав, пристроился к какому-то воинскому эшелону, который шел на фронт. Солдаты взяли его с собой. Так он попал в армию. Потом оказался в составе русских войск, которые были отправлены во Францию, и воевал там пулеметчиком. Там его застала революция.

Много позже Малиновский, уже будучи министром обороны СССР, сопровождал меня в поездке на встречу глав четырех великих держав в Париже: США, Советского Союза, Англии и Франции. Встреча провалилась, потому что как раз перед нею американцы запустили над нашей территорией разведывательный самолет. Это — довольно известный факт истории нашей борьбы против американского империализма, организовавшего «холодную войну». После очередного заседания у нас появилось тогда «окно», и Малиновский предложил: «Давайте съездим в ту деревню, где стояла наша часть, неподалеку от Парижа. Я найду эту деревню и найду крестьянина, у которого мы жили. Может быть, крестьянин уже умер, он был стар, но жена его была молодой. Она, наверное, еще жива». Мы так и сделали: сели в машину и двинулись по французским дорогам. Дороги там красивые. Нашли без труда эту деревню. Малиновский помнил ее расположение. Нашли и дом его хозяйки. Хозяйка, действительно, была жива. У нее уже был сын лет 40, невестка, внуки. «А старик мой, — рассказывает, — давно умер». Сын ее очень любезно нас встретиł: сейчас же начал организовывать угощение, появилось вино.

Выпили, и Малиновский стал вспоминать былые времена и сам расспрашивать. «А вот, — говорит, — тут имелся кабачок, и в нем, бывало, собирались крестьяне». Французы: «Вы помните?» «Да, хорошо помню». «Ну, тогда вы, наверное, помните и такую-то» — и называют по имени какую-то девушку. «Да, — говорит Малиновский, — помню». «Ха-ха-ха, ведь помнит. Это была местная красавица. Но ее уже давно нет в живых, она умерла». Подходили и другие французы. Узнавали, что министр обороны СССР — солдат той русской части, которая стояла в этом селе 50 лет назад. «Как же, как же! И мы помним. С вами еще медведь был». «Да, — отвечает, — был с нами медведь». Малиновский рассказывал, что когда они ехали во Францию, то где-то взяли медвежонка. Медвежонок привязался к солдатам, потом был с ними и на фронте. Поэтому крестьяне и запомнили такую примету.

Малиновский рассказывал мне и о других событиях своей биографии. «Очень, — говорит, — тяготело надо мной, что я находился в составе экспедиционного корпуса». Сейчас я не могу точно припомнить, что он мне рассказывал, но знаю из истории, что этот корпус с большими трудностями возвращался в Россию. Кажется, его послали оттуда так, чтобы его солдаты попали на территорию, которую занимали белые. Малиновский прошел длинный путь, прежде чем очутился в Красной Армии. Данный эпизод важен для понимания духа сталинского времени. Над Малиновским висело, как дамоклов меч, обвинение, что он был в составе экспедиционного корпуса во Франции и на территории, занятой белыми до того, как вступил в Красную Армию.

Как-то я, беседуя с ним, рассказал, как мы с генералом Поповым блуждали под Калачом, вертясь около трупов немецких солдат и серой лошади. Рассказал также, что мы встретились ночью с генералом-связистом, и назвал его фамилию. Он сразу

отреагировал. Говорю: «Вы его знаете?» «Как же, очень хорошо знаю, я с ним вместе служил». И потом поведал мне некоторые подробности: «Произошел такой случай. Я, когда приехал в Москву, должен был явиться в отдел кадров Наркомата обороны. Офицер, который встретил меня в отделе кадров, по своей неосторожности или плохой исполнительности дал мне мое личное дело. Я его полистал, и у меня мурашки по коже пошли: как же я еще живым хожу по земле? Столько там ложных гадостей было собрано против меня. Можно было только удивляться, почему я не арестован и не расстрелян, как многие другие. А среди всей этой гадости лежало и донесение того генерала. Он, видимо, был секретным агентом. Он там понаписал обо мне жуткие гадости. После этого мне не только руку было противно ему подавать, но и противно слышать его фамилию. Это — гнусный человек. Он осмелился выдумать обо мне такую клевету, что я не знаю, что же удержало Сталина от моего ареста и расстрела, равно как ряда других честных людей, но более видных и более достойных по отличиям, которые они заслужили в Красной Армии. Я, видимо, вытащил счастливый билет в лотерее жизни. Только этим и объясняю факт, что остался жив».

Уже после смерти Сталина, когда мы как-то встретились с Малиновским на охоте, я ему рассказал в непринужденной обстановке, как Сталин реагировал на самоубийство Ларина и как мне было поручено не отходить от Малиновского, приглядывать, когда он ложился спать, закрыл ли глаза, спит ли он настоящим сном или притворяется. Одним словом, неотступно следить за ним. Такое наблюдение было мне неприятно, потому что я знал, что он все это чувствует и понимает, почему член Военного совета, член Политбюро ЦК партии неотступно ходит по его следам и при всяком передвижении обязательно располагается рядом с ним. А если я не требовал, чтобы обо всех его распоряжениях и приказах докладывали мне, то только потому, что он сам соблюдал определенный такт и сам сообщал мне. Он не вынуждал меня требовать этого от него и себя тоже ставил тем самым в более выгодное положение.

Малиновский ответил мне: «Я это видел и искренне говорю, что был очень доволен, что вы все время рядом со мной. Я ведь честный человек и делал все, что, с моей точки зрения, нужно было делать. Поэтому был доволен, что вы будете видеть все это и правильно поймете». И я согласен с ним, ибо это означало, что будет сделан соответствующий доклад Сталину. Действительно, я так Сталину и докладывал. Сталина же, видимо, во время войны сама жизнь вынуждала сдерживать свой гнев, нацеленный на аресты и уничтожение людей.

Впрочем, не знаю. Или же это мне приписать себе в заслугу мое влияние в Политбюро (а, видимо, оно было немалым) и ту характеристику, которую я дал Малиновскому еще в 1941 г., когда встретился с ним и когда мы с Тимошенко его назначили командующим 6-й армией? Он тогда воевал с врагом в направлении Днепр-пропетровска. Одним словом, так сложилась моя совместная работа с Малиновским. Сейчас он умер, и что же я могу еще сказать о нем? Ничего, кроме того хорошего, что уже сказал. В принципе же все люди — живые существа. Смотря какой взял крен, рассматривая человека. В каждом человеке можно открыть очень много разных качеств. Это зависит от характера того, кто дает характеристику. Надо отбросить второстепенное, всякую там мишуру и посмотреть на человека, каков он в главном. Посмотреть на его действия, основную направленность ума и энергии, на приложение этой энергии. У Малиновского она была положительной, на пользу Советскому государству. Его энергия была нацелена на строительство нашей Красной Армии, а во время войны — на разгром врага. Не всегда получается так, как хотелось бы любому из нас. Нам с Малиновским пришлось хлебнуть и горячего, и немало тошнотворного в первый и второй годы войны. Но потом и нам с ним довелось наслаждаться результатами побед, успехами Красной Армии, радоваться изгнанию противника с территории, захваченной Гитлером.

А что еще хорошего можно сказать о Малиновском? Я к этому потом еще вернусь. Вернусь в рассказе о том, как мы с Малиновским направляли свои усилия на перевооружение Советской Армии. Я считаю, что это был очень интересный этап нашей жизни, принесший нам большое удовлетворение. Я и сейчас еще живу воспо-

минаниями об этом творческом периоде — времени перевооружения Советской Армии и горжусь тем, что на мою долю выпала честь быть в то время Председателем Совета Министров СССР и Первым секретарем ЦК партии.

Итак, я отвлекся, характеризуя личность Малиновского, а остановился на том, что меня вызвали в Москву. Когда я прилетел из хутора Советского в Москву, то уже по-другому себя чувствовал в столице и ко мне иное было отношение со стороны Сталина, чем несколько раньше. Ведь мы уже были «не те люди», которые сдавали Украину врагу. Сталин в ту пору все готов был на меня свалить. На любого готов был свалить вину, только не на себя. В период отступления Красной Армии нигде и никогда никаких документов и приказов он не публиковал за своей подписью. Ставка или Генштаб — безлика была подпись, но не Сталин! Совершенно другим стало положение потом, когда мы начали наступать. На каждом документе красовалась подпись Сталина. За отступление он, как говорится, не несет ответственности, а вот успехи, разгром врага — это его заслуга. Сейчас некоторые горе-историки, когда Сталина уже нет, идут по его стопам, характеризуя тот период. Об этом я еще выскажу свое мнение. Я слышал хорошую, острую шутку. Говорят, что города оставляют солдаты, но берут их генералы. Сталин действовал по этой схеме. Отступали солдаты, и Сталина там не было, а когда стали брать назад наши города, то уже и солдат вроде бы не оказалось, а брал их Сталин, потому что тут были его приказы, ему принадлежала инициатива, и тому подобное.

(Продолжение следует)

Вилли Брандт. Воспоминания

В 1989 г. в издательстве «Propyläen» (Германия) двумя изданиями вышли «Воспоминания» Вилли Брандта, председателя Социалистического интернационала, почетного председателя Социал-демократической партии Германии (СДПГ).

Брандт (настоящее имя и фамилия Герберт Фрам) родился 18 декабря 1913 г. в Любеке, принимал участие в социалистическом молодежном движении. В годы фашистской диктатуры, в 1933—1945 гг., находился в эмиграции в Скандинавских странах. В 1938 г. был лишен гражданства нацистским правительством. После восстановления в 1948 г. немецкого гражданства Брандт активно участвует в работе западноберлинской организации СДПГ, председателем которой он был с 1958 по 1962 год. В 1964—1987 гг. Брандт — председатель СДПГ, а с 14 июня 1987 г. — почетный председатель СДПГ. Он многие годы занимал важные посты в ФРГ и Западном Берлине — правящего бургомистра Западного Берлина (1957—1966 гг.), заместителя федерального канцлера и министра иностранных дел ФРГ в правительстве К. Кизингера (1966—1969 гг.) и, наконец, федерального канцлера (1969—1974 гг.).

Брандту принадлежит видная роль в проведении «восточной политики» ФРГ, в нормализации отношений с восточноевропейскими странами, в подготовке и подписании Московского договора 1970 г., договоров ФРГ с Польшей и Чехословакией. Он активно выступает за международную разрядку, ослабление угрозы ядерной войны, снижение военного противостояния НАТО и ОВД в Европе.

Брандт — лауреат Нобелевской премии мира, почетный доктор МГУ, автор книг «Организованное безумие — гонка вооружений», «Права человека, попранные и истерзаные». «Жизнь Вилли Брандта, — сказал 20 января 1989 г. федеральный президент ФРГ Р. фон Вайцеккер, — это немецкая судьба нынешнего столетия — в войне и мире, дома и на чужбине, в условиях насилия и свободы... Жизнь, полная риска, отмеченная крупными успехами, тяжелыми неудачами и новыми берегами».

В предисловии к русскому изданию «Воспоминаний», которые полностью публикуются издательством «Новости», Брандт пишет, что «тому, кто родился накануне первой мировой войны и с юных лет занимался политикой, немало дали свойственные этому столетию перемены, спады и подъемы на пути к свободе. Люди, стоящие во главе государств или партий, нередко говорят о том, сколь важно извлекать уроки из истории. Им нужно помочь, чтобы это не осталось благим намерением». Оглядываясь на прожитые годы, Брандт отмечает, что ему во многом пришлось отказаться от наивных надежд молодости. «Но все же в моей стране и в нашей части Европы удалось достичь большей социальной защищенности и большего прогресса в интересах людей, чем это считало возможным подавляющее большинство представителей моего поколения. При этом я никогда не забывал, что в восточной части нашего континента предпосылки для этого были гораздо менее благоприятными».

Брандт обращает внимание на ту важную роль, которую Советский Союз играл в между

народных делах в прошлом и, конечно, играет в наши дни: «А каких неисчислимых жертв потребовало от русских и других народов Советского Союза... сопротивление разбойничьему и чудовищному нацистскому режиму! На нас возложена обязанность всем вместе позаботиться о том, чтобы ужасы прошлого не повторились на новом витке истории». Рассматривая идею общеевропейского дома, он отмечает, что такой дом «устоит лишь в том случае, если его фундамент будет способен обеспечить как внутренний, так и внешний мир». Желание навсегда забыть ужасы прошлого, собственно, и обусловило ту «восточную политику», которую Брандт старался проводить, когда нес основную ответственность за судьбы ФРГ. «При этом я очень высоко ценил то, что даже в трудные времена не было недостатка в русских или советских партнерах по переговорам, европейское сознание которых проявлялось в готовности к разумному компромиссу». Брандт никогда не соглашался с навязчивой идеей, что можно пренебречь весомым вкладом России (и ее непосредственных соседей) в европейскую культуру. «Между тем становится ясно, — пишет он, — что путь к сообществу народов Европы будет проходить в различных плоскостях, но от тесных, продуктивных отношений с восточной частью отказаться никак нельзя».

В конце предисловия Брандт заключает: «Мир в Европе и за ее пределами может быть обеспечен, выживание человечества можно гарантировать. Конечно, лишь в том случае, если мы, несмотря на различное историческое наследие и «границы между системами», будем целеустремленно над этим работать. Необходимо устранить влияние тех, кто смотрит назад и привык все упрощать. Обращенные в будущее уроки прошедших десятилетий не должны пройти даром. Тогда наши сотрудничающие друг с другом государства (и сообщества государств) впишут прекрасные страницы в будущую историю Европы».

Мы надеемся, что главы из «Воспоминаний» Брандта, публикуемые с любезного согласия издательства «Новости», с интересом будут встречены нашими читателями.

Место испытаний — Берлин

«За нашу валюту! — Берлин будет свободным и никогда коммунистическим!» Собрание было таким же большим, как и газетный заголовок, извещавший о нем. В этот день, 24 июня 1948 г., я сопровождал Эрнста Рейтера и стоял рядом с ним на стадионе клуба «Герта» у станции метро «Ам Гезундбруннен», когда он обратился ко многим десяткам тысяч собравшихся со словами: «Жители Берлина! В этот час тяжелейших испытаний мы призываем вас: не позволяйте никому и никоим образом обмануть себя. Смело идите своим прямым путем. Только решившись на любой риск, мы сможем обрести жизнь, ради которой только стоит жить пристойно и честно. Пусть мы будем жить бедно, но свободно».

Рейтер, законно избранный обер-бургомистр, повторил то, что он сказал на первом грандиозном митинге свободы 18 марта того судьбоносного года: «После Праги на очереди была Финляндия. Этого не случилось, потому что финский народ действительно был готов отстаивать свою свободу. Этого не случится и с Берлином, если он выстоит в эти кризисные дни. В этой кризисной ситуации мы просим вас доверять не только нам. Мы призываем вас доверять самим себе. Только так мы найдем путь к свободе, а свобода, как известно, — это дыхание нашей жизни. Мы должны ее завоевать, и мы ее завоюем». Опасность, которую следовало устранить, состояла в том, что Берлин, если бы в нем запретили хождение западногерманской марки, попал в руки восточной зоны.

Много ли значит личность того, кто облечен ответственностью во время крутых поворотов истории? То, что именно Эрнст Рейтер правил Берлином в послевоенные годы и вел за собой берлинцев, было подарком судьбы. Именно его жизнь, личные качества позволили максимально выполнить трудную и вместе с тем прекрасную задачу.

Рейтер сумел выйти из того хаоса, о котором Юлиус Лебер сказал, что он сам по себе родит великих вождей. Добропорядочным юношей он примкнул к социал-демократам и стал странствующим оратором. На Восточном фронте он был ранен,

попал в русский плен и стал выразителем интересов военнопленных, которые поддерживали Октябрьскую революцию. Он даже был комиссаром. Ленин послал его к немцам Поволжья для создания там автономной республики. Вернувшись в Берлин, он вступил в КПГ, из которой, однако, в 1921 г. его исключили, так как он не испытывал никакого желания подчиниться безрассудным приказам Коминтерна. Это снова привело его в объятия социал-демократической партии. Он становится редактором газеты «Vorwärts», сенатором по вопросам транспорта и предприятий в Берлине, обер-бургомистром Магдебурга. После второго ареста он эмигрирует в Анкару и поступает на службу к правительству Турции. Поэтому в Берлине его называли, а иногда и обзывали «турком».

Когда в декабре 1946 г. Рейтер вернулся к своей старой должности сенатора по вопросам транспорта и предприятий, он еще не потерял надежду на единство государства и города. Впрочем, это не было для него самым главным. Спустя полгода депутаты поставили Рейтера во главе магистрата. Но ему не пришлось работать на этом посту из-за вето советского коменданта; его место заняла Луиза Шредер, бывшая депутат рейхстага, женщина, излучавшая доверие. Рейтер же занялся совсем простыми делами, которые более касались расчистки развалин, чем восстановительных работ. В то же время он предостерегал от иллюзий. Впрочем, их развеяли грубые методы, которыми у нашего порога велась «холодная война». Сюда же относились и похищения кое-кого из числа наших знакомых, организованные спецслужбой восточной зоны.

Тому, что Советский Союз руководствуется, как заявляли представители всех партий, только интересами собственной безопасности и его нельзя ни в коем случае провоцировать, Рейтер не верил еще в 1947 г. и тем более в 1948-м. В марте русские покинули союзный Контрольный Совет, а в июне — комендатуру. С начала года они препятствовали доставке грузов в Берлин, и все только говорили о том, что западные державы потеряли право на присутствие в Берлине. Следовательно, реалистически мыслящий человек не мог предаваться иллюзиям. В противном случае Рейтер в начале лета непрерывно не заклинал бы западные державы подключить Берлин к денежной реформе или, по крайней мере, не отказывать городу в праве на собственные денежные знаки. И разве иначе он мог бы дать свободу действий своему воинственно настроенному коллеге, сенатору по вопросам экономики? Это был незабвенный Густав Клингельхофер из Метца, который в свое время боролся на баррикадах Баварской советской республики и несколько лет просидел в тюрьмах Баварии. Будь это иначе, разве дал бы Рейтер такую отповедь внутрипартийной оппозиции на Берлинском партсъезде в июле 1948 года? Он говорил, что каждая акция была заранее и бесцеремонно спланирована ответственными работниками советской стороны, поэтому политика Запада не должна была зависеть от того, как на нее будет реагировать Советский Союз.

Рейтер взял в оборот и руководство собственной партии не потому, что он был чувствителен и расстроен тем, что Шумахер пренебрежительно называл его «префектом Берлина», а Олленхауэр критиковал чересчур проамериканскую политику рейтеровского крыла. На упомянутом уже съезде заместитель председателя партии задал вопрос: обязательно ли быть в своем поведении ббльшим американцем, чем сами американцы; этим он лишь показал, что недостаточно знаком с возможностями и нуждами Берлина 1948 года. Рейтер требовал предпринять позитивные шаги для консолидации немецкого Запада; это являлось сущностью его политики, а следовательно, и его критики в адрес партийной верхушки. Нельзя «подобно буриданову ослу все время стоять между двумя охапками сена» и не принимать никакого решения. Если Запад хочет процветать, а Берлин выжить, необходимо действовать, дабы положить конец неразберихе в бесхозяйственной экономике (советской) зоны. Почти в тех же выражениях, пожалуй, даже в еще более резкой форме, в соответствии с разделением наших обязанностей я сформулировал призыв, который был принят правлением СДП Западного Берлина: в провале общегерманского решения вопроса о денежной реформе виновата советская политика последних трех лет. Экономический и политический подъем, в первую очередь западных зон, я назвал единственным путем к восстановлению немецкого единства

и свободы.

Рейтер и я были и в политическом, и в личном плане единомышленники, жили, что называется, «душа в душу». Он обращался ко мне «молодой человек», и я гордился тем, что он проявляет ко мне симпатию, а я могу служить ему опорой. Что нас связывало? Меня привлекали в нем, когда я приехал из Скандинавии, его человечность, дружелюбие, общительность, его теплота, его ум и мужественная приверженность идее, радость, которую он испытывал от чувства ответственности, оптимизм уверенного в себе, но не самоуверенного человека как главная черта его характера, что проявлялось и по отношению к союзникам. Конечно, мы оба находились во время войны за границей. Но там были и другие. Все дело в том, какой опыт ты приобрел в эмиграции, как ты осмыслил историю партии, Веймарской республики, да и собственный путь и собственные заблуждения, стало ли более острым твоё восприятие действительности? «За прошедшие годы в Федеративной Республике очень многое изменилось к лучшему», — попытался он напомнить в 1953 г. своей партии, добавив: «Тезис, который мы все время насаждали и согласно которому завтра, в крайнем случае послезавтра наступит крах, этот тезис не имеет ничего общего с действительностью». Вот так Рейтер, этот ищущий компромисса реформист, объяснил не только причины поражения социал-демократов на выборах, но и собственные многолетние трудности в берлинской партийной организации. В 1952 г. Рейтер, устав от раздоров, воодушевил меня на участие в «борьбе» за пост председателя земельной партийной организации. Поражение было более чем очевидно: Франц Нойманн, смелый, но весьма ограниченный традиционалист, одержал победу, набрав 196 против 135 голосов.

В тот день, 24 июня 1948 г., когда я вместе с Рейтером был на митинге в районе станции метро «Ам Гезундбруннен», мы предчувствовали, что предстоит решения огромной важности. В чем они будут заключаться и к чему они приведут, станут ли поворотным пунктом мировой истории — мы, конечно, не могли предвидеть. Накануне вечером в американском, английском и французском секторах была — хотя и с некоторыми ограничениями — введена западная марка, а наутро Восток ответил на это голодной блокадой. Мы знали, что вопрос валюты явился лишь формальным поводом для начала борьбы за Берлин и что западные державы только-только начали понимать, сколь целеустремленно их восточный союзник по войне пытался прибрать к рукам город, а может быть, и не только его. 11 апреля 1945 г. американцы остановились на Эльбе. Пойди они дальше — не было бы у них многих неприятностей, а мир выглядел бы иначе. Но они великодушно позволили русским триумфально вступить в гитлеровскую столицу. Тем более что Верховный главнокомандующий силами союзников генерал Эйзенхауэр не считал более Берлин «особенно важной целью». Он не понял его символического значения. Германская столица была для него всего лишь «точкой на карте». Когда я в конце 50-х годов спросил об этом Эйзенхауэра, к тому времени ставшего президентом Соединенных Штатов, он откровенно признал: подлинного значения приказа не продвигаться до Берлина в то время он не осознал. Американцы и англичане, а потом и французы вошли в город, когда все уже было позади, при этом так и не договорились о четких границах западной зоны и возможностях доступа к ней. Зато позже в документах держав-победительниц здравый смысл оставил куда более заметный след, чем на поле битвы оккупационных бюрократов.

Места перехода из западных секторов блокированы. Электрокабели, идущие из восточной зоны, обрезаны. Все поставки, идущие с Востока в «мятежные» западные секторы Берлина, приостановлены. Беззащитное население не получит ни хлеба, ни угля, ни молока, ни электроэнергии до тех пор, пока оно не принудит к капитуляции избранных им представителей, а западные державы — к выводу своих войск из Берлина. Эрнст Рейтер сказал как-то в узком кругу: «Даже если мы продержимся только четыре недели, только 14 дней, — сам факт нашего сопротивления окажет влияние на весь ход исторических событий». С самого начала блокады Рейтер знал и говорил, что наша твердая воля, наша непреклонность являются единственным шансом мобилизовать Запад на помощь. «If necessary alone» (если нужно, мы останемся одни), — провозгласил Черчилль в 1940 г., когда каза-

лось, что все уже потеряно. А Рейтер, так же как и я, несмотря на все наши партийные убеждения, восхищался Черчиллем. Мы знали, что Берлин не вызывал особых восторгов на западе Германии и что там была в моде неприязнь ко всему прусскому. Но мы не считали это столь важным. Хотя тогдашний министр финансов земли Гессен, считавший нецелесообразным «подвергаться опасности из-за финансирования политической акции американцев против русских», был вовсе не одинок.

В самом конце июня я сопровождал Рейтера во время посещения им Дома Харнака — участника заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. — в Далеме. Сотрудники американской администрации разъяснили нам, что возможно снабжение города по воздуху. Рейтер отреагировал на это скорее недоверчиво, чем удивленно: «Мы пойдем своим путем. Делайте то, что вы можете. Мы будем делать то, что мы считаем своим долгом». Перед этим генерал Клей заверил его, что союзники окажут посильную помощь при условии, если он будет уверен в том, что берлинцы выдержат все испытания и останутся на стороне западных держав. Рейтер ответил: «Господин генерал, вопрос о том, на чьей стороне будут берлинцы, вообще не стоит. Берлинцы будут защищать свою свободу и с благодарностью примут любую помощь». Несколько позже я услышал из Вашингтона следующее высказывание: «Совершенно неожиданно кто-то не захотел пожать протянутую руку помощи, а дал понять, что решение в пользу Америки уже принято». Отсюда и пошло утверждение о том, что Берлин — это колыбель германо-американской дружбы.

Когда Люциус Клей, американский военный комендант, получив согласие президента Трумэна («Мы находимся в Берлине и останемся там»), организовал воздушный мост, он рассчитывал месяца на полтора, но никак не на 322 дня. Апогей был достигнут, когда каждые 48 секунд в Берлине приземлялся бомбардировщик с мирным грузом, а гул моторов стал символом выживания. По воздуху было доставлено больше 2 млн. тонн грузов. Это было блестящее достижение не только американских военно-воздушных сил; треть операции взяли на себя англичане. Французы же, как выяснилось, были незаменимы в Индокитае. Берлинцы довольствовались небольшими и даже крошечными пайками, но не сдавались. Пораженческих настроений почти не было. В середине блокадной зимы на выборах в городскую палату депутатов, после которых исчезли последние остатки единого союзного управления, берлинцы отдали Рейтеру и руководимой им социал-демократической партии 64,5% голосов.

Первый генеральный секретарь ООН норвежец Трюгве Ли, которого я хорошо знал по моей эмиграции, был не единственным, кто считал, что возникла серьезная опасность войны. Сейчас, когда приоткрылись некоторые советские архивы, мы знаем, что Сталин на случай прорыва американских танков, который замыслил Клей, но не получил благословения президента, предпринял чисто оборонительные меры. Контакты между Москвой и западными столицами не прерывались даже в самые критические месяцы. Но какие это были контакты! 2 августа 1948 г. Сталин принял послов трех западных держав и сообщил им, что согласно протоколу, который позднее был опубликован в Москве и восточном Берлине, Берлин перестал быть столицей Германии, потому что «три западные державы раскололи Германию на два государства». Он повторил, что западные державы утратили право держать свои войска в Западном Берлине, что после окончания блокады в Западном Берлине должна быть введена марка, имеющая хождение в восточной зоне. Сталин сказал, что западные зоны могут быть объединены в экономическом отношении, но там не должно быть правительства. Прежде чем оно будет создано, четыре державы должны прийти к согласию по важнейшим вопросам, касающимся Германии. Если это не удастся, то «восточная и западные зоны будут развиваться различными путями».

Попытка использовать Берлин как средство давления, чтобы воспрепятствовать созданию Федеративной Республики, не удалась, так же как и попытка изгнать западные державы из города и включить его в собственную сферу влияния. Сталин недооценил воздушный мост, недооценил он и своих бывших военных союзников, как и стойкость берлинцев. То ли он понял тщетность своих усилий, то ли испугался последствий, но в полночь 12 мая 1949 г. Сталин отменил блокаду. Ликованию не

было предела. Борьба за независимость, эта борьба без оружия придала молодой немецкой демократии необходимую силу. Берлин стал щитом, за которым три западные зоны смогли превратиться в Федеративную Республику. Но разве на самом деле нам не хотелось несколько иного и большего?

Итак, можно ли было достичь большего? Эрнст Рейтер сказал тогда, что после завершения битвы следовало бы приступить к серьезным переговорам о судьбе Германии. Мы считали и соответственно вопрошали, хотя и сдержанно, почему же западные державы не могут проявить больше гибкости и на какое-то время отложить создание западногерманского государства? Разве Запад не мог сразу же после окончания войны сделать больше, чем он сделал, чтобы обеспечить Польше, Чехословакии и Венгрии статус, хотя бы близкий к статусу Финляндии? Почему бы сейчас не выяснить, нельзя ли как-то выторговать у Советского Союза оккупированную им зону и на каких условиях? Однако никто не был склонен заниматься этим. Никто из союзников. Никто из немецких политиков. Было ли только случайностью, что как раз в тот день, когда была снята блокада, представители Парламентского совета и военные коменданты провели свое последнее совещание по вопросам Конституции? Единство Германии все равно никого не интересовало, и все было рассчитано на то, чтобы придать привлекательность находящейся в стадии становления Федеративной Республике.

Нашим с Рейтером кредо стало то, что Берлин, несмотря ни на что, должен иметь наиболее тесные связи с Федерацией. Это встретило сопротивление не только в нашей собственной партии. В министерствах иностранных дел держав-гарантов образовалась команда «жрецов» статуса, которые вскоре в унисон со своими боннскими коллегами вновь и вновь умело опровергали то, что могло бы развеять их миф о реалиях, существовавших только на бумаге. Даже когда в 1952 г. американский верховный комиссар Джон Макклой согласился с Рейтером и высказался за придание Берлину статуса федеральной земли, он не встретил понимания в Бонне. Когда во время строительства стены я вновь потребовал пересмотра позиции союзников относительно создания федеральной земли Берлин, от меня отделились с помощью элементарных юридических трюков.

Съезд СДПГ Западного Берлина. Май 1949 года. Я произнес большую речь, объявив войну тому крылу партии, которое не только мне и Рейтеру казалось недостаточно подвижным... «Кто хочет решить сегодняшние проблемы, должен забыть свой цитатник дома. Кто все время оглядывается назад, может быть кем угодно, но только не радикалом. Партия может иметь прекрасную программу, но проводить при этом никудашную политику или вообще потерпеть крах. Как, впрочем, и наоборот. Случалось, что партии, не имевшие до тонкостей разработанной и научно обоснованной программы, добивались внушительных успехов». В политике закону перемен должна подчиняться не только карта, она, конечно, в первую очередь, но и компас. «Для нас демократия — это не вопрос целесообразности, а вопрос морали», — резюмировал я. Избавившись, таким образом, от заблуждения, в котором пребывали многие немецкие социал-демократы, в том числе и я сам.

Перед самым началом работы съезда Рейтер попросил меня занять в магистрате пост сенатора по вопросам транспорта и промышленности. Однако я уже решил баллотироваться в бундестаг и не хотел от этого отступить. Для внутрипартийной дискуссии не имело никакого значения, кто и с какой позицией в ней участвует, а от моей должности представителя правления партии в Берлине я должен был бы отказаться в любом случае. В Вильмерсдорфе, где я тогда жил, эта дискуссия велась столь ожесточенно, что партии грозила гибель в общем хаосе, однако все противоборствующие группы пришли к единому мнению, что для начала им нужен дельный председательствующий на собрании, и доверили мне призвать делегатов к благоразумию. Когда это, по-видимому, удалось, они решили: ну если он здесь смог навести порядок, то лучше всего избрать его сразу председателем!

Таким образом, я стал, вопреки своим планам, председателем Вильмерсдорфской окружной организации СДПГ; одновременно меня сделали главным редактором партийной газеты «Berliner Stadtblatt». В 1950 г. меня избрали в палату депутатов. Таким образом, я стал, как и Франц Нойманн, обладателем двух мандатов.

В бундестаге я занимался внешней политикой и видел свою первоочередную задачу в работе комиссии по Берлину и общегерманским вопросам. При этом речь шла о распространении юрисдикции ФРГ и, следовательно, о связи Берлина с Федерацией, а также об ожесточенных стычках в берлинской организации СДПГ. Мне было ясно, что мы не можем выбирать себе только те законы, которые нам подходят. Напротив, крыло во главе с Нойманном никак не хотело понять, почему ради принципиальных связей с ФРГ следует отказаться от таких достижений Берлина, как единая школа и единое страхование. Руководитель партии чувствовал себя особенно сильным, потому что на декабрьских выборах 1950 г. СДПГ опустилась до уровня 44,7% голосов, а козла отпущения он сделал из Рейтера, который тяготел к образованию большой коалиции. Нойманн рассматривал это как вызов. Весьма ободряюще действовал на Нойманна Курт Шумахер, который как раз собирался поставить на место чересчур прозападных критиков своего курса. В 1950 г. на Гамбургском партсъезде обсуждался вопрос о вступлении ФРГ в Европейский совет, а следовательно, и о путях к западноевропейской интеграции. Руководство партии, следуя своей общегерманской логике, отклонило этот шаг, который горячо одобряло «крыло бургомистров»: Рейтер (Берлин), Брауэр (Гамбург), Кайзен (Бремен). Кайзен, обычно бесстрашный критик, не склонявшийся ни перед каким партийным «троном», предпочел на этот раз поехать в США, чтобы добиться там передачи Бремену порта. Месть партийного руководства, провалившего его в Гамбурге на выборах правления партии, он воспринял скорее с юмором.

Когда в Гамбурге проводилось голосование, Рейтера там уже не было. Он умел быть осторожным. Тех, кто последовательно выступал с возражениями, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Как и большинство берлинской делегации, я при голосовании воздержался, ибо нам не дали проголосовать отдельно по той части резолюции правления, с которой мы были несогласны. Следствием этого явилось то, что ко мне в течение многих лет относились с недоверием. Оно возникало каждый раз вновь, и это было расплатой за мою строптивость. В личном плане я сблизился с Куртом Шумахером за несколько месяцев до его смерти.

Это был партийный руководитель особого масштаба. Война и террор оставили на его лице глубокие следы. Но именно они закалили его волю. Его речь была острой и язвительной. Он мог и увлекать и отталкивать. Шумахер не особенно ценил критику. Он был одержим идеей не допустить повторения Веймара и избавить левых от новых подозрений в том, что они пренебрегают национальными интересами. Но должного понимания европейских и мировых проблем у него не было.

Со временем споры о Берлине утихли. После принятия в 1952 г. Третьего закона о распространении действия правовых актов ФРГ на Западный Берлин были окончательно зафиксированы правовая связь с Федерацией и ее финансовая ответственность за Берлин. Рейтер испытывал в связи с этим глубокое личное удовлетворение. Я называл это наградой за наши многолетние усилия: сопротивление оказывалось не только в Берлине, но и в Бонне. Мне неоднократно приходилось в бундестаге указывать на то, что речь идет не о благотворительности, а о первоочередной проблеме национальной политики. В 1952 г. мы оба считали, что была возможность достичь большего и при более широком подключении Берлина к ФРГ можно было бы спокойнее смотреть в будущее.

В конце того года я по поручению внешнеполитической комиссии докладывал о договорах, которые должны были открыть ФРГ путь в западный союз: о генеральном договоре и договоре о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС) — том самом проекте, который провалился из-за возражений Франции. На пленарном заседании комиссии в декабре 1952 г. я предсказал, что мы лишь тогда подойдем к воссоединению, когда будет найден баланс интересов держав-участниц. Во внешней политике, боясь «прийти к шапочному разбору», ничего не добьешься. Все решает целеустремленность и умение ждать. Я был охвачен мрачными предчувствиями. Мне казалось, что Берлин не приблизится к ФРГ, а, наоборот, отдастся от нее. «Это опасный путь, который может всех нас привести к опасной ситуации». Я был против ЕОС еще и потому, что оно в отличие от НАТО не прини-

мало во внимание Берлин.

Народное восстание 17 июня 1953 г. имело два аспекта: требование социального освобождения и национальной свободы. За три месяца до этого умер Сталин. Новое кремлевское руководство распустило советскую Контрольную комиссию и назначило эксперта по германским делам Владимира Семенова верховным комиссаром, снабдив его новыми инструкциями. Семенова я немного знал по Стокгольму, именно ему предстояло в 70-е годы стать послом в Бонне. Массовое бегство — в марте 50 тыс. человек устремились на Запад — прозвучало набатным колоколом. Хотела или не хотела этого СЕПГ, но ей пришлось в какой-то степени устранить перекосы и понять, что у людей снова зародилась надежда. Страшно высокие производственные нормы послужили поводом для протестов. То и дело раздавались выкрики: «Козлобородый должен уйти!», «Русские, убирайтесь вон!». Протест был подавлен сначала танками оккупантов, а затем последовала расправа со стороны органов госбезопасности. Запад ограничился моральной поддержкой. Восставшим стало ясно, что они остались в одиночестве. Появились глубокие сомнения в искренности политики Запада. Противоречие между громкими словами и малыми делами запомнилось всем и пошло на пользу власть имущим. В конце концов люди стали устраиваться как могли.

Народное восстание 17 июня 1953 г. привело к коренному изменению обстановки. Это чувствовали все, но все же не хотели с этим мириться. Никто не был к этому готов. Кроме того, мы и не подозревали, что в Москве уже колдовали над новым курсом в германской политике и что в связи с этим в руководстве СЕПГ появилась оппозиция, которая собирается сместить Ульбрихта. Именно в тот самый день я докладывал в бундестаге о новом избирательном законе. Когда вскоре стали проявляться масштабы происшедшего и я понял, сколь легко можно изолировать восточную часть города, то заявил в бундестаге: «Борьба за воссоединение в условиях свободы должна иметь приоритет по отношению ко всем другим внешнеполитическим планам и проектам». 18 млн. человек в восточной зоне не должны из-за нашего участия или неучастия подвергаться опасности новой консолидации тех, кого, возможно, удалось бы ослабить. «Нет другого решения германского вопроса, кроме мирного. Нет никакой другой возможности, кроме переговоров по германскому вопросу. Мы требуем большей активности, большей ясности целей, большей решимости в борьбе за германское единство в условиях мира и свободы». Но мы не нашли ответа на вопрос, кто, где и о чем был бы готов вести переговоры. Спустя три месяца после событий 17 июня Аденауэр под знаменем неоднозначного, но впечатляющего экономического подъема одержал триумфальную победу на выборах. Она была достигнута также благодаря тому, что он выступал за подписание договоров с западными державами. Разве то, что произошло в советской зоне, не показало всем и каждому, что конкретной альтернативы нет?

На западе Германии 17 июня превратилось в довольно бессодержательный «День германского единства». Попытка отказать от еще одного праздника и передать соответствующий материальный доход на благо нации провалилась из-за множества мелочных возражений. Возможно, приписываемая нам, немцам, способность с особым усердием отмечать памятные даты наших поражений не является таким уж преувеличением.

Кто подсчитает часы заседаний, подорвавших здоровье Рейтера? Кто измерит никчемную зависть, которая его измотала и погубила его сердце? Кто может определить степень его разочарования итогами вторых выборов в бундестаг и несговорчивостью верхушки собственной партии? На заседаниях руководящих органов после проигранной битвы за голоса избирателей (СДПГ скатилась до 28,8%, ХДС/ХСС поднялись до 45,1%) он умолял сказать наконец-то, за что же они выступают, вместо того чтобы все время твердить о том, с чем они не согласны. Все напрасно. Ему недвусмысленно давали понять, что никто не прислушивается к его словам. Эрнст Рейтер не был сторонником политики с позиции силы, а тем более ограниченным политиканом. Создание своей клики, раздача должностей «своим людям», борьба, а тем более интриги — все это было не для него. Он был более тонок, чем это могло показаться.

29 сентября 1953 г. я сидел дома, когда зазвонил телефон. Звонили из Осло и просили меня написать некролог о Рейтере. Спустя пятнадцать минут я был в его небольшом домике на Бюловштрассе. То, что я увидел на обратном пути, я не забуду никогда. На всех улицах, по которым я проезжал, в окнах горели свечи. Никто к этому не призывал. У газетных киосков, узнав о его кончине, плакали люди. Город скорбел по бургомистру, которого воспринимал как своего отца. На грандиозном траурном митинге, состоявшемся 1 октября на площади, получившей впоследствии его имя, я сказал: «Ты сам никогда не сомневался в торжестве свободы. Поэтому ты сумел подарить надежду тем, кто работал вместе с тобой, всему населению, и в первую очередь молодежи, вновь придать им уверенность. Тебя иногда называли отчаянным оптимистом. Но что случилось бы с этим Берлином без негибимой воли и без веры, которая смогла свернуть горы?» Вместе со своим другом Рихардом Лёвенталем я взялся написать подробную биографию Рейтера. Она вышла в свет в 1957 году.

В берлинской парторганизации я незаметно вырос до лидера рейтеровского крыла. Это произошло как бы само по себе. На земельном партсъезде весной 1954 г. я вторично вступил в борьбу за пост председателя и потерпел поражение, недобрав всего два голоса. На этом съезде более открыто, чем раньше, проявились различные точки зрения, порой даже непримиримые. Я потребовал, имея в виду и СДПГ, которая все еще поддерживала Нойманна, сделать однозначный выбор в пользу Запада и высказался за заключение пакта о безопасности. Ни у себя, ни у делегатов я не хотел создавать иллюзию возможности воссоединения в ближайшем будущем. Я считал, что общегерманская политика должна быть долговременной, а таковая подразумевала вклад немцев в оборону в рамках НАТО. Стремление к воссоединению не должно было впредь подменять практическую политику. Но в середине 50-х годов практическая политика означала укрепление основ демократии и социальной безопасности в ФРГ. В Берлине же это выражалось в укреплении экономики и преодолении отставания от немецкого Запада.

На федеральном съезде партии, состоявшемся в июле 1954 г. в Берлине, подобные «реформистские» идеи воспринимались еще как нечто чуждое. Так же как и мое предупреждение о том, что немецкие левые по-прежнему недостаточно серьезно относились к соотношению между демократическим строем и военной машиной. Мой вывод гласил: СДПГ лишь тогда сможет проводить — в национальном и в международном масштабе — ответственно и успешно свою политику, когда она научится обращаться с рычагами власти. А пока что мне еще раз дали понять, что такое власть в партии. На выборах в правление партии за меня было подано всего 155 голосов, и я провалился. Франц Нойманн как-никак получил 270 голосов. В следующем раунде, в 1956 г. в Мюнхене, я также сошел с дистанции.

Эта осечка не отразилась на моей позиции в Берлине. Наоборот. На выборах в палату депутатов в декабре 1954 г. СДПГ получила небольшой перевес, хотя и не по количеству голосов, но по числу мандатов. После смерти Рейтера всепартийная коалиция распалась и ее заменил союз между ХДС и СвДП во главе с Вальтером Шрейбером. Таким образом, СДПГ снова выдвинула своего кандидата на пост правящего бургомистра — так назывался этот титул после того, как Западный Берлин получил новую конституцию и половина одного города превратилась в целую федеральную землю. Правящим бургомистром стал Отто Зур, а я, вопреки противодействию крыла Нойманна, занял его место президента палаты депутатов. Это была почетная должность, и на этот раз я уже сохранил мандат члена бундестага.

Отто Зур сумел удержать свою позицию в борьбе между противоборствующими группами, при этом, пока оставались силы, он продолжал проводить политику Рейтера. В 1956 г. он заболел очень серьезно, и представительские функции внутри и за пределами города все больше стали переходить к президенту парламента. В связи с этим в распределении власти внутри берлинской СДПГ произошло смещение в пользу «американской фракции», лидером которой окрестили меня пресса и партия. Помогли, правда, случай и благоприятные обстоятельства: на моей стороне стояли друзья из СДПГ Федеративной Республики, сделавшие ставку на то, чтобы Берлин стал исходным пунктом общепартийного обновления.

Обновление означало проникновение в суть реального положения дел в Германии и во всем мире. На земельном съезде партии в 1955 г. я пытался объяснить тем, кого привлекала мысль о нейтралитете, почему Германия даже после объединения не сможет просто так отказаться от участия в мировой политике. Ось равновесия сил, говорил я, проходит через центр Германии, и великие державы, особенно Советский Союз, не пойдут в Германии на такой же риск, как в Австрии. Германия не может, не должна играть роль изолированного буферного государства. «Нам следовало бы знать, что из Европы и из мирового сообщества не выходят, как из кегельного клуба». Лишь при уверенности в благоприятном исходе выборов я был готов вновь выставить свою кандидатуру на пост председателя земельной партийной организации. Поражения закаляют, но только когда их не слишком много. Таким образом, я ограничился «подачей заявки» и, как и прежде, довольствовался должностью заместителя.

Надежды на чудо из Москвы исчезли после кровавой бойни в Будапеште. Ненастным ноябрьским вечером 1956 г. сотни тысяч берлинцев пришли к Шёнебергской ратуше, чтобы выразить свой бессильный гнев в связи с тем, что их помощь венграм была столь же мала, как три года тому назад — своим землякам. Выступавших — это были Франц Нойманн от СДПГ и Эрнст Леммер от ХДС — освистали. А их слова потонули в криках толпы. Люди хотели видеть реальные дела. Со всех концов площади слышались призывы: «К Бранденбургским воротам!», «К советскому посольству!», «Русские вон!». Не знаю, каким образом я очутился на трибуне, мое выступление не было предусмотрено. Я только помню, что предупреждал об опасности лозунгов, которые принесут нашему делу столь же мало пользы, как и несчастливым венграм. Чтобы предотвратить неорганизованный марш в восточный сектор, я обратился к толпе с призывом пойти со мной на Штейнплатц к памятнику жертвам сталинизма. Там я нашел слова, которые в какой-то мере разрядили ситуацию, и запел «Песню о добром товарище». Все подхватили.

Еще не отзвучали последние слова песни, когда мне передали тревожную весть. Многотысячная колонна молодежи движется, размахивая факелами, к Бранденбургским воротам. Какую-то ее часть на «улице 17 июня» задержала полиция. Произошли столкновения. Инциденты на секторной границе — я это понял за доли секунды — могли означать войну. Открыть огонь была готова не только народная полиция. На улицах, примыкающих к Унтер-ден-Линден, стояли русские танки.

Я вскочил в машину и, примчавшись к месту событий, сел в полицейскую машину с громкоговорителем, стекла которой были разбиты. Я слишком хорошо понимал чувства, переполнявшие молодых людей, среди которых было много студентов. Но они не думали о последствиях своих действий, и я попытался в довольно жестких выражениях им это объяснить. Едва мне это удалось и вновь зазвучала «Песня о добром товарище», как меня вызвали к Бранденбургским воротам. Повезла меня туда полиция. Я взобрался на крышу какой-то машины и еще раз попытался объяснить, что кровавое столкновение венграм не поможет, но может развязать войну. Затем я построил новую колонну демонстрантов и увел ее подальше от этого символического места, к советскому памятнику в районе Тиргартена. Когда мы запели государственный гимн «Единство, право и свобода!» — агрессивный настрой спал. На обратном пути мне встретились избитые английские военные полицейские, на которых берлинская молодежь выместила свою бессильную ярость. Несколько дней спустя я принимал британцев и был очень обрадован их терпимостью.

Надежды проходят и возвращаются. Чем сильнее они затрагивают вопросы веры, тем они долговечнее. По крайней мере, такое впечатление производило в 1957 г. моя партия. В тот год ей во многих отношениях пришлось считаться с фактами. 30 августа умер Отто Зур, и Франц Нойманн, зная, что у него самого нет никаких шансов, принялся подыскивать кандидата в бургомистры. Одна крупная бульварная газета сообщила под большим заголовком, что Берлин хочет видеть на этом посту Брандта. 15 сентября состоялись выборы в бундестаг, на которых Аденауэр и его партия получили абсолютное большинство голосов — 50,2%. Олленхауэру и

СДПГ, мечтавшим о победе, пришлось довольствоваться всего 31,8% и открыть шлюзы для притока свежей воды. Председатель партии Олленхауэр, с которым меня с тех пор связывали добрые товарищеские отношения, ничему и никому не стоял поперек дороги. И действительно, без него, пользовавшегося у всех авторитетом, не так-то легко было бы сдвинуть с места старую, традиционалистскую партию. После выборов в бундестаг он снял кандидатуру Франца Нойманна и безоговорочно поддержал мою.

3 октября 1957 г. палата депутатов избрала меня 86 голосами при 10 против и 22 воздержавшихся правящим бургомистром. На январь был назначен съезд партии, и я наконец-то сменил Франца Нойманна на посту руководителя берлинской СДПГ. В последний раз ни один из нас не хотел ни в чем уступить. Никто в Берлине не утверждал, что речь идет всего лишь о личном соперничестве. Оно тоже имело место, однако никто не возразил, когда в одном из интервью я заявил: «Если вы спрашиваете меня о существенных расхождениях с Францем Нойманном, то я должен сказать: нас разделяет в корне различное понимание того, что является сущностью партии». В своей речи я, предчувствуя выдвижение моей кандидатуры на пост канцлера, разъяснил «своего рода естественное противоречие между тем, что представляет социал-демократия сама по себе, и тем, чем она становится, будучи облеченной властью». Стоит ли удивляться, что берлинцы сполна вознаградили многолетнюю борьбу партии всемерным доверием? На выборах в декабре 1958 г. берлинская СДПГ, лидером которой я стал, получила абсолютное большинство голосов: 52,6%. Тем не менее я сохранил коалицию с ХДС. Перед этим в Штутгарте мне также удалось войти в правление партии, кстати, одновременно с Гельмутом Шмидтом.

Выборы в Берлине и на этот раз не были обычными выборами, то есть только между партиями или кандидатами. Ибо 10 ноября советский партийный лидер и глава правительства Хрущев предъявил во Дворце спорта в Москве ультиматум: в течение шести месяцев Западный Берлин должен быть превращен в «вольный город», оккупационный статус ликвидирован, а права Советского Союза переданы ГДР. Он заявил, что в случае противодействия будет заключен сепаратный мирный договор с ГДР, и более или менее завуалированно пригрозил применением силы по отношению к городу и коммуникациям, на пользование которыми западные державы имели исконные права. В июне 1949 г. все четыре державы согласились восстановить порядок, существовавший до блокады, и улучшить транспортное сообщение с Берлином. Теперь меня все время занимал вопрос, как увязать одно с другим. Не так уж трудно было понять, что формулы о «свободном доступе», изрядно истрепавшейся за месяцы ультиматума, недостаточно. Может, я был и не прав? Поначалу потребовались большие усилия, чтобы отклонить ультиматум и преодолеть кризис вне Берлина в большей степени, чем в нем самом.

Откуда у Хрущева взялась убежденность в том, что берлинцы в массовом порядке побегут из города и он, как гнилой плод, упадет в руки ГДР, я так никогда и не узнал. Но, так или иначе, он заявил через Хальварда Ланге, долгие годы бывшего министром иностранных дел Норвегии, о моей дружбе с которым он, очевидно, знал, что вопрос о Западном Берлине отпадает сам по себе; население сбежит, а экономика развалится. Через несколько лет один высокопоставленный советский работник счел нужным меня предупредить: берлинская проблема решится сама собой — это всего лишь вопрос времени. Впрочем, это никогда не мешало Кремлю использовать бывшую столицу рейха в качестве рычага для защиты своих интересов в других частях света.

Провозглашенный Хрущевым «вольный город» я определил как лишенный правовой защиты и высказался за решительный отпор. Я был уверен, что берлинцы согласны со мной. В критических ситуациях я шел на предприятия и во время бесед по реакции на мои слова убеждался, в чем меня поддерживают, а в чем нет. В Бонне, где звучали весьма воинственные нотки, не было единого мнения. Заведующий восточным отделом МИД Георг-Фердинанд Дуквитц посетил меня в берлинском представительстве и попытался уговорить: «Соглашайтесь с предложением о создании вольного города! Распространите его на весь Берлин. Ничего лучшего Вы

не дождетесь». Между тем «Дуки» был одним из самых доброжелательных и всегда давал дельные советы. Во время войны он использовал свою должность эксперта по судоходству при имперском уполномоченном в Копенгагене и получаемую в этой связи информацию для того, чтобы помочь многим датским евреям бежать в Швецию.

Его своевольный совет не соответствовал официальной точке зрения. Правительство не хотело ничего знать об инициативах относительно всего Берлина. По крайней мере, до той конференции западных министров иностранных дел, которая состоялась в начале драматического августа 1961 г. в Париже. В Бонне вообще скептически относились к инициативам. Вследствие чего я, например, на свой страх и риск, не подключая правительство или союзников, установил связь с президентом Федерального банка. Карл Блессинг должен был, по крайней мере, растолковать мне, как могла бы выглядеть формально самостоятельная, но привязанная к западногерманской марке берлинская валюта.

Ультиматум, который Кремль 27 ноября «выдал» в форме ноты, истекал через шесть месяцев. 1 мая 1959 г., незадолго до истечения этого срока, на площади Республики собрались — по данным полиции — около 600 тыс. человек. От их имени я и обратился к гражданам всего мира: «Посмотрите на народ Берлина, и вы поймете, чего хотят немцы!» Право на самоопределение должен иметь и наш народ. Грубое вмешательство в наши внутренние дела нетерпимо. В то время, как в других частях света ликвидируется колониальное господство, нельзя допускать, чтобы в центре Европы пустил корни новый колониализм.

27 мая истекал срок ультиматума. Это был самый обычный день. Не произошло ничего — абсолютно ничего, что могло бы значительно облегчить положение. Сомнения, связанные с намеченной конференцией министров иностранных дел, оказались вполне обоснованными. Я был разъярен, узнав, что западные державы без всякой необходимости согласились на сепаратное обсуждение берлинского вопроса и не выступили бескомпромиссно против стремления Советского Союза отделить Берлин от Федеративной Республики. Перед этим Бонн внушил западным министрам иностранных дел, что речь идет не о ГДР, а лишь о так называемой — *so called* — ГДР. Глава Форин оффиса Селвин Ллойд превратил это в шутку и назвал министра иностранных дел ГДР, который так же, как Генрих фон Брентано, сидел за отдельным столом, не иначе как «так называемый мистер Больц». Федеральное правительство в жизненно важном вопросе связей Берлина с ФРГ и впрямь вело себя не слишком настойчиво. Так, например, председатель бундестага подвергся в Бонне, а не в других столицах западных государств, как это предполагалось, соответствующей обработке, с тем чтобы не назначать выборы нового федерального президента в Берлине. Аргументировалось это тем, что нельзя бросать вызов русским. Однако Ойген Герстенмайер, участник заговора 20 июля, настоял на своем.

Хрущев отменил берлинский ультиматум во время визита в Соединенные Штаты в 1959 г. после встречи с президентом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде. Однако тот, кто после этого рассчитывал на спокойствие и улучшение обстановки в Берлине, был большим мечтателем. Ибо после отмены ультиматума изменилась, возможно, форма, но не содержание советской политики. Тон оставался таким же резким, каким он был всегда. Многие были убеждены, что новая атака на Берлин — это лишь вопрос времени и подходящего случая. Однажды в мае 1960 г. в представительство Берлина в Бонне явился министр обороны Штраус и изложил мне с глазу на глаз военную обстановку. Его вывод: «Берлин невозможно защитить». Мне следует понять, что Берлин становится для западной политики в целом и для Федеративной Республики в особенности несносным бременем. Нам надо совместно добиться «в какой-то мере приемлемого выравнивания фронтовой линии». Для того чтобы правильно понять стратегию Штрауса, которой я никогда, даже намеком, не воспользовался, нужно было знать следующее: американская сторона поставила перед ним вопрос о возможности использования бундесвера при реальном осложне-

нии обстановки. До его сведения было доведено, что в случае развязывания боевых действий за пути доступа к Берлину не исключена возможность применения тактического атомного оружия. Порой бывает так, что тех, кто громче всех кричит, легче всего запугать.

В те суровые дни — в сообщениях прессы они выглядели еще суровее, чем в действительности, — я совершенно неожиданно получил воодушевившую меня поддержку. Женщина-врач, жившая в Берлине, привезла мне из Ламбарена зуб слона. Сопроводительная записка Альберта Швейцера гласила: «Я знаю, что бургомистр Берлина должен уметь показывать зубы».

Берлинский кризис, раздутый Хрущевым в 1958 г., кончился 13 августа 1961 г. изоляцией «собственной» части города. Кремль понял, что по крайней мере в ближайшее время западную часть города ему не получить. Где бы я ни был, в том числе и во время предпринятого мной еще в начале 1959 г. по заданию федерального правительства кругосветного путешествия, я всюду разъяснял, что берлинский кризис является не причиной, а следствием глобальных политических противоречий. Решающим выводом тех лет явилось понимание того, что Берлин лишь тогда сможет вздохнуть свободно, когда «холодная война» отступит на второй план, и с другой стороны — из Берлина нельзя перевернуть весь мир. От нас по-прежнему требовалась воля к самоутверждению, ведь стену в то время еще только собирались построить. В 1959 г. я записал слова, ставшие девизом соглашения по Берлину 1971 г.: «Берлин не аванс, а пробный камень разрядки».

На грани возможного

13 августа 1961 г., когда меня разбудили между 4 и 5 часами утра, специальный поезд для предвыборного турне только что прибыл из Нюрнберга в Ганновер. Железнодорожный служащий передал мне спешное сообщение из Берлина. Отправитель: Генрих Альбертц — начальник канцелярии сената. Содержание: Восток перекрывает секторную границу. Мне надлежит немедленно вернуться в Берлин.

На аэродроме Темпельхоф меня встретили Альбертц и полицей-президент Штумм. Мы поехали на Потсдамскую площадь и к Бранденбургским воротам. Везде одна и та же картина: строители, ограждения, бетонные столбы, колючая проволока, военнослужащие ГДР. В Шёнебергской ратуше из поступивших сообщений мне стало ясно, что вокруг города приведены в боевую готовность советские войска, а Вальтер Ульбрихт уже передал свои поздравления подразделениям, строящим стену.

В Далеме, в здании союзной комендатуры, это было мое первое и последнее ее посещение, меня поразила фотография генерала Котикова, бывшего советского коменданта города. Очевидно, его западные коллеги решили, по крайней мере, таким образом отдать дань четырехстороннему статусу Берлина. Однако советская сторона «растоптала» его, передав в этот день свои права распоряжаться в советском секторе властям ГДР, решившим расколоть город.

Какой будет реакция западных держав? Смирятся ли они с тем, что им определят места перехода границы? Через несколько дней остался только один проход через КПП (контрольно-пропускной пункт) «Чек-пойнт Чарли» на Фридрихштрассе. И ничего не случилось. Почти ничего. Во всяком случае, ничего такого, что могло бы служить интересам многочисленных разделенных немецких семей.

Если бы в эти утренние воскресные часы 13 августа я был более хладнокровен, то заметил бы, что высокоуважаемые господа коменданты были ошеломлены и выглядели беспомощными, не получив никаких указаний свыше. Американец с озабоченным видом наемкнул, что из Вашингтона ему дали понять: ни в коем случае нельзя допускать непродуманных действий и тем более чинить препятствия — ведь никакой непосредственной опасности для Западного Берлина не существует.

Президент Соединенных Штатов находился в это время на борту своей яхты. Лишь позже я узнал, что он был своевременно обо всем проинформирован. Его интересовало лишь, не нарушены ли права союзников, а вовсе не то, что права

всего Берлина оказались на помойке истории.

Действительно, из воспоминаний его сотрудников очевидно, что президента Кеннеди беспокоила мысль о возможных военных последствиях. Уже в начале кризиса он заметил: «Я могу привести в движение Союз (то есть НАТО. — *Прим. ред.*), если он — Хрущев — что-нибудь предпримет против Западного Берлина, но не шевельну и пальцем, если он что-то затеет с Восточным». 13 августа в Белом доме еще исходили из того, что поток беженцев через Берлин следует лишь сдерживать, но не перекрывать.

Глубочайшее заблуждение! И все-таки это было больше, чем услышанное от официального Бонна. В день начала сооружения стены мне позвонил министр иностранных дел Генрих фон Брентано и сообщил: «Отныне нам необходимо тесное сотрудничество». И все... Федеральный канцлер хранил молчание. Один американский наблюдатель впоследствии записал в своем дневнике: «В Бонне царил двойной страх: там, с одной стороны, боялись, что американцы проявят чрезмерную пассивность, а с другой — что они поведут себя агрессивно!»

Но я сам не знал, какие действительные меры предложить в ответ. Я лишь сказал, не скрывая от комендантов своего волнения: «Протестуйте же, по крайней мере, против этого не только в Москве, но и в других столицах Варшавского Договора!»

Непосредственно перед этим Центральный Комитет СЕПГ сообщил, что ограждение Восточного Берлина проводится в соответствии с решением правительств государств — участников Варшавского Договора. Я предложил немедленно послать на секторную границу хотя бы патрули, чтобы как-то подавить чувство неуверенности и показать западноберлинцам, что им ничто не угрожает!

Прошло 20 часов, прежде чем на внутригородской границе появились первые военные патрули. Прошло 40 часов, прежде чем был направлен протест советскому коменданту. Прошло 72 часа, прежде чем в Москве был получен протест. Звучал же он весьма обыденно.

Между тем в городе лились слезы. В моем избирательном округе Веддинг люди прыгали из окон прилежащих к границе домов в растянутые спасательные полотна, и далеко не для всех это заканчивалось благополучно.

16 августа я написал президенту Кеннеди о всей серьезности сложившейся ситуации и о глубоком кризисе доверия. Ведь, если дело дойдет до провозглашения Западного Берлина вольным городом со всеми вытекающими для него негативными последствиями, возникнет опасность бегства населения. Я предложил усилить американский гарнизон, подчеркнуть ответственность трех держав за судьбу Западного Берлина, указать на то, что германский вопрос не следует считать решенным и что он должен стать темой для обсуждения в Организации Объединенных Наций. Я с горечью писал о том, что переговоры с Советским Союзом были отклонены, потому что нельзя было их вести «под давлением». А теперь, продолжал я, когда мы подвергаемся самому откровенному шантажу, я уже слышу, что переговоров не избежать. В подобной ситуации особенно важно проявить хотя бы политическую инициативу, если уж возможность других активных действий сейчас ничтожно мала. После того как мы смирились с незаконным шагом Советского Союза, а именно таковым мы его и считаем, с учетом многочисленных трагедий, которые разыгрываются сегодня в Восточном Берлине и во всей советской зоне Германии, нам всем не избежать принятия самых решительных действий на собственный страх и риск.

Кеннеди приказал перебросить в город дополнительные воинские подразделения и прислал мне свой ответ с курьером. Им был Линдон Джонсон, который 19 августа прибыл в город и с чисто тexasской беспечностью пытался мне доказать, что положение не столь уж серьезно, как всем кажется. В своем письме президент откровенно признал: «О военном конфликте не может быть и речи, а большинство предложенных мероприятий — это пустяки по сравнению с тем, что уже произошло». Не это ли послание подняло занавес и показало, что сцена пуста?

Через несколько дней после первой годовщины возведения стены, 17 августа 1962 г., от потери крови умер Петер Фехтер, 18-летний рабочий-строитель. Это случилось по ту сторону КПП «Чек-пойнт Чарли». Мы не могли, мы не имели права

помочь ему. Его смерть вызвала широкий резонанс и всеобщее возмущение. Прошли гневные траурные демонстрации. Кое-кто из молодых предлагал взрывами пробить брешь в стене. Другие копали под ней туннели и помогали благодарным им за это согражданам до тех пор, пока некоторые безответственные лица не стали зарабатывать на этом деньги. Одна бульварная газета обвинила меня в предательстве за то, что я подключил полицию для охраны стены.

Однажды вечером меня вызвали в ратушу. Намечалась, судя по всему, студенческая демонстрация протеста. Я обратился к собравшимся через громкоговоритель, установленный на полицейской машине: «Стена тверже, чем лбы, которыми вы пытаетесь ее пробить, — сказал я, — бомбами ее не уничтожить».

Сразу после возведения стены стали разыгрываться ужасные сцены. Сцены бессильной ярости, голос которой вырывался наружу, но которую приходилось сдерживать в себе. Существует ли для оратора более трудная задача? После кризиса в августе 1962 г. я побывал на многих предприятиях и в учреждениях. Я пытался объяснить берлинцам, что можно сделать, а что — нет. Что же было возможно? И что было невозможно? Этот вопрос преследовал меня в течение всех последующих лет. После возведения стены речи и соответствующие формулировки еще какое-то время оставались почти прежними. Но то, что все вокруг стало не таким, как раньше, понимал каждый. Начался поиск путей, хоть как-то облегчающих тяготы разъединения. Раз уж нам суждено было длительное время сосуществовать со стеной, то надо было как-то сделать ее проницаемой. Как прийти к «модус вивенди» в отношениях между обеими частями Германии? Какие усилия предпринять, чтобы превратить центр Европы в зону прочного мира?

Осенью 1957 г. я стал правящим бургомистром Берлина. Десять лет отвечал за судьбы людей в осажденном городе. Став в 1949 г. членом германского бундестага, я оказался на передовых рубежах немецкой политики. Еще в молодости я решил бороться против нацистского господства, означавшего закабаление и войну. В Берлине я стоял на стороне тех, кто сопротивлялся насильственному распространению коммунистической идеологии и мертвой хватке сталинизма.

Это была чистейшая самооборона, мой долг по отношению к людям, которые много пережили и хотели начать все сначала. В то же время это была и забота о сохранении столь непрочного мира. Позже это стало еще очевидней: мы поступили правильно, когда в 1948 г. не дрогнули перед блокадой, в 1958-м — перед ультиматумом Хрущева, а в 1961-м — перед выросшей стеной. Речь шла о праве на самоопределение. Речь шла также о том, чтобы добровольной капитуляцией не вызвать цепную реакцию, которая могла бы вылиться в новый военный конфликт.

Берлинский опыт научил меня: бессмысленно пытаться пробить лбом стену, если только эта стена не из бумаги, но вместе с тем никогда не следует мириться с произвольно воздвигаемыми преградами. Не каждому это принесет пользу поначалу, но жизнь многих зависит от того, насколько упорно мы будем бороться за торжество разума и взаимопонимание. Права человека не падают с неба, гражданские свободы — тоже.

В Берлине нам дали хороший совет: прислушаться к тому новому, что произошло в развитии окружающего нас мира, и постараться ощутить «ветры перемен», о которых молил Джон Кеннеди, выступая перед берлинскими студентами спустя полтора года после строительства стены и за несколько месяцев до его убийства. Для нас было важно не ждать их, как ждут неизбежное явление природы. Главное — не стоило терять слишком много времени на жалобы и требования прав, а сконцентрироваться на реально достижимом улучшении обстановки.

Я не переоцениваю того, что мне удалось достичь в Берлине, а потом в Бонне. Но я знаю, что не добился бы ничего существенного, если бы в юности избрал путь, казавшийся более легким, если бы не был готов к тому, что меня могут не только не понять и оскорбить, но и угрожать самому моему существованию. Если бы сначала не почувствовал, а потом не усвоил одну простую вещь: не надо бояться глупостей, научись сносить превратности судьбы, если ты хочешь помогать обществу — в национальном и более широком масштабе — идти вперед. Кто учился политическому ремеслу в Берлине, тому пришлось не только иметь дело с угрозами извне, но

и отстаивать свою позицию в споре у себя — в немецком, западном лагере, перед теми, для кого бегство от действительности стало суррогатом политики. Я решил посвятить себя тому, чтобы открыть собственным немецким ключом дверь, ведущую к более или менее глубокой разрядке, и положить конец произвольному расколу Германии. И пусть даже это были маленькие шажки по зачастую извилистым тропам.

Время, должность и, конечно же, опыт, накопленный мной в юные годы, позволили мне, сначала бургомистру, затем министру иностранных дел, а впоследствии и федеральному канцлеру, привести понятия «Германия» и «мир» в сознании значительной части мировой общественности к общему знаменателю. После всего, что произошло, это было не так уж мало. Тем более что история не только накопила ненависть к немцам, но и научила, что мир в Европе без немцев немислим. И не только без западных немцев. В те времена, когда я появился на свет на Ганзейской земле, а это было в канун первой мировой войны, этой эрзац-нации еще не существовало.

Я был убежден, что неестественно напряженная обстановка в расчлененной Германии требует разрядки ради мира и оттепели — ради людей. Противопоставить Германию или обойти ее при создании европейского дома невозможно. Было ясно, что голубые мечты моей юности о светлом будущем придется забыть. Но я все время находил подтверждение тому, что построить будущее без доброй доли надежды нельзя. Однако даже тот, кто был убежден в правильности своего выбора, не мог быть полностью уверен, что ему удалось избежать ошибок и заблуждений. Я тоже иногда говорил вещи, которые хорошо продуманными не назовешь. Но с чистой совестью могу сказать: я всегда сознавал, что глыбы льда должны быть растоплены и по возможности устранены.

Что касается Берлина, то ему приписывали слишком много из того, что натворили нацисты за годы своего господства, а перед этим — кайзеровская Германия. Конечно, Берлин у многих ассоциировался с именем Гитлера, и это не лучшая ассоциация, но при этом забывали ту истину, что берлинцы в среднем были не больше, а меньше нацистами, чем их соотечественники. Однако в первые годы после войны кое-кто особенно резко возражал, когда высказывалась мысль о том, что старая столица рейха снова может стать резиденцией германского правительства. На Западе говорили о «языческом» городе, а на Юге считали, что место новой столицы вблизи виноградников, а не картофельных полей. Успешным результатом моей деятельности можно считать то, что мне удалось восстановить объективное представление о Берлине.

Я без всяких оговорок выступаю за трезвость в мышлении и уверенность в действиях — хорошо зная, что при этом никто не застрахован от ошибок и противоречий. Конечно, оглядываясь на пройденный путь, я вижу, что кое-что мне не следовало бы делать или надо было сделать иначе. В другой раз, если бы мне предоставилась такая возможность, я сделал бы это лучше. Безусловно, есть и такое, что я с удовольствием вычеркнул бы из моей жизни, а не ставил бы себе в заслугу. Есть и другое, от чего следовало бы вовремя отмежеваться или на что не надо было соглашаться. Впрочем, те, кто, как я, в течение десятилетий пережил так много путаницы и разрушений и в то же время сумел познать себя и возродиться, воспринимают разговоры о разнообразии и темпе перемен в жизни современного человека скорее неким банальным преуменьшением.

Там, где можно было избежать конфронтации, я всегда делал ставку на сотрудничество. После всех падений в ад я страстно надеялся на обновление. Я писал о коллективной безопасности еще до окончания второй мировой войны и вряд ли намного преувеличил значение дискуссии о мирных намерениях союзников. Однако документ, который премьер-министр Черчилль и президент Рузвельт подписали в августе 1941-го на борту корабля в Атлантическом океане еще до вступления в войну США, я считал не просто пропагандой. Для восстановления и соблюдения европейских интересов во всем мире было бы лучше, если бы сотрудничество союзников продолжалось, а не сменилось «холодной войной». Еще в Швеции, будучи двойным беженцем, я опасался, что упорное раздувание разногласий между Восто-

ком и Западом, помимо раздела одной Германии, приведет к размежеванию всего континента на два разных лагеря. Положительным было то, что продолжавшееся сотрудничество держав-победительниц вселяло надежду на возможность более эффективного решения послевоенных задач.

Распад военного союза и «холодная война» привели, наряду с многим другим, к затяжному берлинскому кризису и к образованию двух государств на немецкой земле. Немецкому Западу в результате раскола с Востоком выпала роль и жертвы, и охотника одновременно. То, что решение проблемы восстановления единого немецкого государства едва ли увязывалось с этим, уже не имело первостепенного значения, были более срочные дела. Я также вынужден был отдать дань другим неотложным проблемам. Из-за этого мне пришлось впоследствии ответить на один критический вопрос: почему я не включился в дискуссию о мировых проблемах, скажем о будущем деколонизированных народов, более активно. Мой ответ был прост: во внешней политике не удастся одновременно перевести несколько стрелок. Во всяком случае, в условиях послевоенной Германии я этого сделать не смог.

При переходе от «великой» войны к «скромному» миру меня волновали чересчур оптимистичные мысли, особенно о перспективах международного сотрудничества. Слишком часто желаемое принималось за действительное. Но почему, собственно, немец-эмигрант, нашедший прибежище в Скандинавии, должен был быть умнее целой группы руководителей демократических государств, да и многих других, умудренных опытом и проницательных людей?

Потом наступило время, когда мне пришлось доказывать, что я и немец, и европеец. Я делал это и за других. В те годы на Западе было страшно много неразберихи, в то время как на Востоке случилось то, чего и следовало опасаться. И все же меня никогда не покидала надежда на то, что удастся снизить весьма опасную напряженность и сбалансировать различные интересы.

В этом отношении ошибались те, кто предполагал и упрощенно утверждал, что только опыт берлинской стены заставил меня взять курс на «восточную политику» и миротворчество, который я, несмотря на широкое сопротивление, проводил в жизнь в начале 70-х годов. Выводы, лежавшие в основе моей политики «малых шагов» в Берлине, а затем и в боннском правительстве, в действительности ненамного отличались от того, что я осознал еще во время войны.

При этом я видел, что не всегда пользуюсь поддержкой большинства, но изолированным себя не чувствовал никогда. Кроме того, согласитесь, что большинство далеко не всегда может подсказать верный путь, а опыт подтверждает: если вы проводите демократическую политику, вы не можете все время рассчитывать на согласие всех и каждого, но при этом нельзя забывать и о том, что политика мира и равновесия будет прочной только при широкой поддержке различных слоев населения.

Громкие слова, малые шаги

В августе 1961 г. раскол Берлина был отлит в бетоне — вопреки закону жизни города, вырастившего не одно поколение, и, как я был убежден, вопреки ходу истории. 25 лет спустя Рональд Рейган заявил в Вашингтоне, что, если бы он был в то время президентом, он приказал бы снести стену. Когда один американский журналист спросил меня 13 августа 1986 г. в Берлине, что я об этом думаю, я отказался от какого-либо комментария. Почему же я счел неуместным вступать по этому поводу в Берлине в полемику с президентом США? Мне пришлось бы тогда спросить, какие военные меры он рассчитывал бы предпринять. Ввод войск? С какой целью и какой ценой? Громкими словами после того, что произошло, нельзя было ровным счетом ничего добиться. Конечно, Рейган публично призвал Горбачева уничтожить стену. Но во время переговоров со своим русским партнером он сделал упор на другом и никоим образом не подверг сомнению закрепленный в 1945 г. в Ялте раскол Германии. Я не стал с ним из-за этого спорить.

Берлин в конце войны получил четырехсторонний статус и должен был управ-

ляться совместной комендатурой держав-победительниц. Однако права и обязанности четырех держав были недостаточно четко сформулированы — о будущих правах немцев в то время, разумеется, не задумывались. В принципе, каждый комендант должен был управлять своим сектором по своему усмотрению или по велению своего правительства. В 1948 г. Советы покинули совместную комендатуру, и в том же году по их приказу из Старой ратуши в восточном секторе были изгнаны избранные населением общегородские власти: городская палата депутатов и магистрат. Все руководящие должности в советском секторе получили нужные русским люди. Позднее так называемый четырехсторонний статус (от которого уже в 1948 г. почти ничего не осталось) был использован для того, чтобы завуалировать политическое ничегонеделание. В Бонне культ статуса и намерение сохранять раскол были особенно тесно связаны друг с другом.

Меня часто спрашивали: когда я, бургомистр, узнал о предстоящем возведении стены? И что я против этого предпринял? Мой ответ гласил: я опасался, что доступ из ГДР в Восточный Берлин будет затруднен, а пропускные пункты оттуда в Западный Берлин в основном перекрыты. Тенденцию к такого рода развитию можно было предвидеть, но нельзя было определить, когда и в какой форме это произойдет. Иначе я бы не оказался в субботу 12 августа в Нюрнберге, где должен был состояться массовый митинг, открывающий кампанию перед выборами в бундестаг.

По пути в Нюрнберг в пятницу я остановился в Бонне и в серьезной беседе с министром иностранных дел в последний раз безуспешно попытался побудить его расширить тему выступления, включив весь берлинский вопрос. Выступая в Нюрнберге на Марктплатц, я пытался объяснить причины обострения обстановки: страх наших земляков в зоне, что их отрежут, оставят в одиночестве и изолируют, привел к драматически быстрому росту числа беженцев.

Начиная с 1945 г. восточную зону, а впоследствии ГДР покинули почти 3 млн. человек. В первой половине 1961 г. насчитывалось 120 тыс. беженцев. Однако после неудавшейся венской встречи Кеннеди и Хрущева в июне 1961 г. этот поток превратился в массовый исход. В июле бежали на Запад 30 тыс. человек. Только 12 августа в Западный Берлин прибыли 2,5 тыс. наших земляков. Это, как мы тогда говорили, массовое «голосование ногами» вряд ли было приемлемо для другой стороны. Возникла угроза, что в ГДР никого не останется. Казалось, что за ужасным возгласом «Народ без протранства» вскоре последует — «Государство без народа». Для меня не было неожиданностью, что Советы и немецкие коммунисты предпримут все возможное, чтобы воспрепятствовать массовому бегству на Запад. Но я не предполагал, что Восточный Берлин замуруют, а проходящую через город демаркационную линию оденут в камень. Мы забыли или вытеснили из нашего сознания план, предложенный в 1959 году. В то время ходили слухи, что восточно-берлинский бургомистр Эберт, сын первого президента Веймарской республики, настаивал на сооружении «китайской стены», но натолкнулся на советское вето. Проект, разработанный, как говорили, под руководством Эриха Хонеккера, попал в долгий ящик, из которого его снова извлекли в 1961 году.

Я не скрывал своих опасений, а старался довести их до сведения союзников, федерального правительства и более осторожно — до общественности. В тот день, 11 августа, когда в народной палате ГДР было объявлено о мерах против «торговцев людьми, вербовщиков и саботажников», я настойчиво предупреждал федерального министра иностранных дел Генриха фон Брентано об опасности жестокой блокады: вероятно, власти ГДР, говоря инстинкту самосохранения, обратятся к вышестоящим советским органам с настойчивой просьбой дать свое благословение на принятие крайних мер. Я не подозревал, что к тому времени Советский Союз уже давно дал Ульбрихту «зеленый свет» на проведение полной изоляции. Этот сигнал он получил от Советского Союза и других стран Варшавского пакта на совещании стран Восточного блока, проходившем 3—5 августа 1961 г. в Москве.

Лишь позже мне стало известно, что этому предшествовало: в середине марта 1961 г. Ульбрихт потребовал от пленума ЦК своей партии принятия самых решительных мер, сообщив, что он обратится непосредственно к кремлевскому руково-

дителю. Я знал, что советский посол в Бонне вручил 17 февраля федеральному канцлеру два документа, касавшихся Западного Берлина и заключения мирного договора, которым нам угрожали. Если договор с ГДР не будет принят, говорилось в этих документах, а оккупационный режим в Западном Берлине ликвидирован, придется считаться «со всеми вытекающими отсюда последствиями». Американцы совершенно правильно оценили эту угрозу: после ультиматума 1958 г. огонь берлинского кризиса никогда полностью не угасал. В 1959—1960 гг. он почти потух, но затем вспыхнул с новой силой.

В конце марта заседал Политический консультативный комитет стран Варшавского пакта. На нем Ульбрихт изложил, почему усиленный пограничный контроль и проволочные заграждения недостаточны, а необходимы бетонная стена и частокол. Никто его толком не поддержал, но и никто особенно не возражал. Хрущев вел себя сдержанно. Тем не менее глава СЕПГ после этого совещания почувствовал себя настолько уверенным, что по возвращении он поручил Эриху Хонеккеру — ответственному за национальную безопасность — позаботиться о стройматериалах и рабочей силе, сохраняя при этом секретность и максимальную осторожность. 15 июня на пресс-конференции прозвучали слова Ульбрихта: «Никто не собирается возводить стену».

Через несколько лет мне передали, что Хрущев на том совещании согласился только на проволочные заграждения, а стену следовало воздвигнуть лишь после того, когда станет ясно, как на это отреагирует Запад. Строительство стены и в самом деле началось лишь 16 августа, а 13-го речь еще шла о проволочных заграждениях на бетонных столбах, отгораживавших восточный сектор от Западного Берлина.

Мы оказались абсолютно неподготовленными. Когда это случилось, нам сначала не пришло в голову ничего лучшего, чем твердить: «Стена должна исчезнуть!» Контрмеры, которые могли бы привести к каким-то результатам, у западных держав интереса не вызывали. Назревала угроза глубокого кризиса доверия. То, что для берлинцев было днем ужаса, должно было объективно стать для правительств западных держав днем облегчения, ибо их права, касавшиеся Западного Берлина, остались неприкосновенными, и опасность войны была устранена.

Почему же не признать открыто и прямо: так же как и многие мои сограждане, я был разочарован тем, что Запад оказался неспособным, не пожелал или, во всяком случае, не смог, ссылаясь на столь часто цитируемый четырехсторонний статус, проявить инициативу, которая избавила бы Германию и Европу от этого монстра — «стены позора». В те дни не было ни времени, ни желания, чтобы поставить себя мысленно на место восточной стороны и правильно оценить слова Хрущева о том, что стена — это вынужденное решение, поспешная акция по спасению ГДР. Осенью 1961 г. Никита Хрущев спросил посла Кроля, что ему, собственно говоря, оставалось делать при таком количестве беженцев? Германский посол ответил буквально следующее: «Я знаю, что стена — это безобразное дело. И в один прекрасный день она исчезнет... но только тогда, когда отпадут причины, ее породившие».

Лишь впоследствии многим, хотя и не очень многим, немцам стало ясно, что от Америки, от западных держав вообще нельзя было ожидать больше того, что они обещали, выходя за рамки и без того непрочных четырехсторонних правомочий. Это были три существенных условия, за необходимость соблюдения которых Совет НАТО высказался на своей весенней сессии 1961 г. в Осло: присутствие, свобода доступа, жизнеспособность. О Берлине как единой городской общине речь при этом не шла, а Джон Кеннеди, встретившись в июне 1961 г. в Вене с главой Советского Союза, ничего не говорил о Восточном Берлине. То, что он ограничился Западным Берлином, собственно и явилось «уступкой» Запада. Когда Кеннеди в то кризисное лето, а именно 25 июля 1961 г. обратился с речью к американской и международной общественности, в Москве из этого сделали правильный вывод, что американские гарантии кончатся на секторной границе. Президент же, как свидетельствуют его сотрудники, наоборот, считал, что Хрущев «пошел на уступки». Зачем ему понадобилось соглашаться на возведение стены, если он намеревался захватить весь Берлин? Советская сторона еще в апреле 1961 г. перед венской

встречей в верхах повторила берлинский ультиматум и пригрозила заключить сепаратный мирный договор. После этого обе стороны заговорили о возможном сползании к ядерной войне. Артур Шлезингер, доверенное лицо Кеннеди, вспоминает: «В то лето он вряд ли думал о чем-либо ином».

Во время заключительной беседы в Вене американский президент заявил: то, что произойдет с ГДР, — это дело его визави. США якобы не могут и не хотят вмешиваться в решения Советского Союза, принимаемые им в «сфере своих интересов». Сенатор Фулбрайт в конце июля высказал в одном из телеинтервью то, что было в мыслях у Кеннеди: он-де не понимает, почему власти ГДР не закроют границу с Западным Берлином — ведь они имеют на это полное право. Правда, после того как в прессе поднялся шум, он взял свои слова обратно, но слово не воробей...

Выяснилось, что союзники дрожали от страха в предчувствии ложного кризиса. То, что для нас в Берлине явилось чудовищным потрясением и тяжелым испытанием для всей страны, они восприняли как облегчение или, по крайней мере, как меньшее зло. Ни западноевропейские державы, ни американцы не взяли на себя обязательств по обеспечению права свободного передвижения в разделенной Германии. Они не чувствовали себя ответственными за судьбы тысяч разделенных семей, а кое-кому из официальных лиц на Западе, наделенных правом принимать решения, не чуждо было даже некое сочувствие русским. И вот из уст столь уважаемого и влиятельного человека с богатым жизненным опытом, как вышеупомянутый сенатор Уильям Фулбрайт, мы услышали, что хоть русские действуют и грубо, все же можно понять их желание навести порядок в своей сфере влияния в Германии.

Шел разговор о контрмерах. Но против чего их следовало бы направить при существующем раскладе сил и интересов? Только против передачи советской стороной ГДР полномочий, которыми она на основании четырехстороннего статуса должна была воспользоваться сама? А какие из этого следовало сделать выводы? Реакция на возведение стены представляла собой неприятную смесь бессильной злобы и бесплодных протестов. Определенное значение имел известный блицвизит вице-президента Линдона Джонсона в конце недели, последовавшей за 13 августа. В течение полутора дней техасец поставил в западной части города все с ног на голову и стабилизировал настроение. Американцы воспользовались этой возможностью, чтобы убедить себя и нас в том, что по автострате можно беспрепятственно перебросить в Берлин дополнительную воинскую часть. Джонсона сопровождали эксперт по восточным делам посол Чарльз Болен и друг Берлина Люциус Клей, вынужденный впоследствии покинуть город. Он оставался в нем до весны 1962 г. в качестве специального уполномоченного президента. Главное послание, которое должен был передать мне Чарльз Болен, гласило: если я сочту нужным что-то критиковать, мне лучше позвонить президенту, а не писать ему письма.

Что я предложил? Я считал, что не следует ограничиваться тремя условиями. Гарантии, касавшиеся союзных войск, их присутствия, обеспечения, доступа к городу, а также его «жизнеспособность», не могли быть достаточными уже хотя бы потому, что в воздухе повисал вопрос: смогут ли сами немцы попадать в город свободно? Было также неясно, будет ли жизнеспособность Западного Берлина связана с его принадлежностью к правовой и экономической структуре Федеративной Республики? Впрочем, каждый, имевший глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, понимал, как интерпретировались основные условия. Советская сторона могла делать с Восточным Берлином все, что ей заблагорассудится, а также передать свои права руководству ГДР. Именно это и произошло, причем с прямого благословения Бонна. После того как Аденауэр 16 августа (в тот же час, когда я собрал берлинцев перед ратушей на массовый митинг протеста) принял посла Смирнова, он велел передать гласности факт достижения соглашения «о нерасширении объекта спора». Посол передал, что советские меры не направлены против Федеративной Республики, на что канцлер ответил, что федеральное правительство не предпримет никаких шагов, которые могли бы осложнить отношения с Советским Союзом и ухудшить международную обстановку.

До возведения стены мои советы союзникам и федеральному правительству

всегда были направлены на то, чтобы расширить и по возможности изменить трактовку темы Берлина. Я считал: почему бы не начать переговоры о воссоединении Берлина? Почему не принять советские предложения о созыве мирной конференции по Германии? Почему, если уж так необходимо сузить тематику, не провести референдум среди западных берлинцев по вопросу уровня связи их города с Федеративной Республикой? О проблеме «Берлина в целом» никто и слышать не хотел. Мышление шло по хорошо наезженной колее, свернуть с которой так быстро не представлялось возможным. Вероятно на Востоке тоже сидели на мели. По крайней мере, информаторы намекали на некоторую заинтересованность советской стороны. Вариант с референдумом, обсуждавшийся Аденауэром с американцами, имел одну опасную загвоздку: федеральный канцлер хотел одновременно поставить на голосование вопрос о том, хотят ли (западные) берлинцы сохранить присутствие в городе державы-гаранта (а формально — оккупационной власти). По моему же мнению, об этом нельзя было говорить хотя бы по той причине, что это было бы нарушением этикета. Темой для обсуждения должна была быть только принадлежность к федерации.

Я никогда не мог понять, почему Бонн — и союзные бюстители статуса — боятся ООН. То, что я сказал в бундестаге 18 августа после возведения стены, я говорил и раньше. «Нельзя на случай мирового пожара припасти для себя путь отступления к всемирному форуму». Но предметом серьезного обсуждения не стал ни один вопрос, способный хоть как-то расширить данную тему. Проводя время в политическом безделье и проигрывании старых юридических пластинок, они готовились к кризису, который-таки не разразился, не зная, как справиться с тем, который действительно надвигался.

Кризис, который не наступил, был вызван сепаратным мирным договором и присутствием гарнизонов западных союзников. Это породило бы опасность войны. Мне не удалось выяснить, что было известно союзническим разведслужбам. От соответствующих немецких органов ни в тот момент, ни после я также не получил никаких ценных сведений. Тот факт, что утром 14 августа на письменном столе начальника канцелярии сената Генриха Альбертца лежало сообщение федеральной разведывательной службы от 11-го: «никаких чрезвычайных происшествий», я все еще воспринимаю как злую шутку...

Разведслужбы Запада дали себя провести. А может быть, интересные детали уплыли из-за того, что был «уйк-энд», или по другой причине? Может, их расценили как «служащие интересам разрядки», ибо они предвещали событие, о последствиях которого союзническим властям не следовало особенно беспокоиться, во всяком случае не так сильно, как немецким семьям? Один из близких сотрудников Кеннеди, ответственный за его распорядок дня, П. О'Доннел, констатировал по прошествии определенного времени, что американские секретные службы, «так же как соответствующие службы всех других западных государств», сработали не очень удачно, и Кеннеди был этим «страшно недоволен». От О'Доннела стало также известно, как реагировал на это Кеннеди: Хрущев «уступил», так как если бы он хотел захватить весь Берлин, он бы не стал строить стену. Тэд Соренсен, блестящий «спичрайтер» президента донес до нас тогдашнюю оценку ситуации американской разведывательной службой: коммунисты постараются поставить под свой контроль потери в рабочей силе. Специального предупреждения о предпринимаемых мерах, как подтверждает Соренсен, не поступало.

Я никогда не был высокого мнения о людях, делающих вид, что им разрешено играть чужим оружием, особенно если оно принадлежит их могущественным друзьям, а также о тех, кто вместо серьезной политики чересчур много занимается пропагандой. Поэтому я никогда не требовал от американцев, даже из пропагандистских соображений, чтобы они снесли стену. Кеннеди сам подтвердил, что подобных советов он не получал ни от федерального правительства Германии, ни от бургомистра Берлина. Все заинтересованные стороны хотели исключить военную конфронтацию, а помимо этого не могли избежать ответа на вопрос: зачем и во имя какой цели следовало бы идти на подобный риск?

Юридически можно было бы легко это обосновать: из-за советского решения

предоставить ГДР право распоряжаться Восточным Берлином возник правовой вакуум. В связи с этим на законном основании (четырёхсторонний статус!) необходимо заполнить этот вакуум. На практике это означало бы военную оккупацию Восточного Берлина. По этому поводу я говорил: это, возможно, и логично, но отнюдь не практично. Вместо этого союзники могли бы предпринять энергичные политические шаги, которые сопровождалась бы демонстрацией военной силы на границе секторов, и таким образом заставить Советы признать свою ответственность за Восточный Берлин. Абсурдная мысль? И тем не менее она отражала реальные интересы другой стороны. Ибо в советском руководстве большое значение придавали тому, чтобы их страна в качестве державы-победительницы могла и впредь пользоваться правами в «Германии в целом» и предъявлять их на «Германию в целом», а следовательно и на весь Берлин. Видимо, Хрущева и его команду можно было бы убедить в необходимости пересмотра вопроса о статусе.

Мир и ссоры, малые шаги и крупные перемены — все имеет свое время. По прошествии лет многое из того, что являлось предметом жарких споров и чего удавалось добиться, лишь преодолевая ожесточенное сопротивление, кажется простым и само собой разумеющимся.

Если не имело смысла просто поднимать шум из-за берлинской стены, то нельзя назвать разумным и протест против ситуации в Германии. Я имею в виду ситуацию, возникшую в результате войны, которую державы-победительницы благословили своим соглашением, а вернее, несогласием. Единственно разумное решение было — попытаться «раздвинуть» стену и облегчить тяжелое бремя раскола, а там, где это возможно, и преодолеть его.

А что еще? Многие считали, что рану не следует перевязывать, она должна кровоточить. По отношению к Берлину это означало: нельзя хотеть нормализации того, что противоречит рассудку, — стрела, застрявшая в теле, должна остаться внутри. Мое мнение было и остается прежним: к черту политику, которая — все равно, во имя каких принципов — не желает облегчить жизнь людям. Если выбор неизбежен, то преимущество должно быть отдано благополучию людей. Ибо то, что в разделенной стране идет на пользу людям, идет и на пользу нации.

Малые шаги предпринимаются и предпринимались во имя завоевания нового пространства для прав человека. Права человека — это меньшее, чем демократия в целом. Но искоренение человеческой жестокости, равно как устранение угрожающей миру напряженности, помогает создать тот климат, в котором может произрастать демократия. Во всяком случае, не может быть подлинной демократии без серьезного отношения к правам человека.

То, что называют политикой малых шагов, было обдуманно мной заранее, а не являлось реакцией на постройку стены. 30 мая 1956 г. после XX съезда КПСС и центральной конференции СЕПГ мне пришлось выступить в бундестаге с обоснованием совместного запроса фракций. Я высказался за «максимум контактов между людьми в обеих частях Германии». Я выступал не за признание существующего положения, а за «облегчение условий жизни в произвольно разделенной Германии». В 1958 г. я отстаивал эту идею в Лондонском институте внешней политики. В 1959 г. я выступал в Шпрингфельде (штат Иллинойс) на вечере памяти Авраама Линкольна и сказал, что для нас не может быть изолированного или внезапного решения проблемы, напротив, мы должны надеяться на «постепенные изменения, на поэтапные сдвиги как результат упорной полемики».

В Берлине нам пришлось немало побороться за выдачу разрешений на поездки в ГДР по срочным семейным делам. Так же обстояло дело с воссоединением семей по отношению к другой части Германии. Это же относилось к добровольному переселению лиц немецкого происхождения из Советского Союза, Польши и Румынии. Наша политика, основанная на договорах, а также Заключение акт Хельсинкской конференции способствовали определенному продвижению вперед. Ослабление напряженности между отдельными регионами Европы привело к тому, что стали вырисовываться в целом менее угнетающие, но еще далеко не удовлетворительные, а тем более не беспроблемные отношения. Есть время споров и время мира. Когда в 1961 г. была воздвигнута стена, а в 1962-м разразился кубинский кри-

зис, знамение времени не предвещало людям, затронутым этим, ни малых сдвигов, ни крупных перемен. Однако когда молодой президент, проявив твердость и гибкость, решил изменить status quo, то для Берлина и Германии это могло означать только одно: осознать знамение времени.

Старик с берегов Рейна

Аденауэра и меня разделяло не только то, что мы относились к разным поколениям (когда я в Любеке пошел в школу, он уже в течение многих лет был обер-бурггомистром Кельна), но и происхождение, которое, по крайней мере в трех отношениях, наложило на нас свой отпечаток.

Будучи выходцем из мелкобуржуазной семьи, он попал в круг крупной буржуазии и был по своим убеждениям махровым консерватором, но не без доли либерализма. Всеми своими корнями он был связан с католичеством, но отнюдь не являлся клерикалом. Никто от него никогда не слышал о борьбе «империи зла с империей бога», а когда он захотел, чтобы Иоанн XXIII подтвердил «миссию немецкого народа», папа римский ответил ему отказом. Но и без этого свидетельства он пристально наблюдал за мировым коммунизмом или тем, что он таковым считал, и умело пользовался своими наблюдениями. Его мышление уходило своими корнями в прошлое столетие, а когда началось нынешнее, он был уже взрослым человеком.

Я происходил из самых низов, примкнул к рабочему движению, стал демократическим социалистом и социал-демократом. Я находился под сильным влиянием лютеранского протестантизма, хотя во мне росла склонность к агностицизму. Осознавая историческое наследие, я тем не менее был восхищен возможностями современного мира.

Он был уроженцем земель Рейна и считал себя скорее западным немцем, чем просто немцем. Восток, в том числе и восток Германии, был ему чужд. Он любил рассказывать, что когда он, — президент прусского Государственного совета, — ехал поездом в Берлин, его никогда не оставляло чувство, что за Эльбой кончается Европа, а начиная с Магдебурга, он задергивал занавески, «чтобы не видеть азиатскую степь». После войны в нем пробудились прежние чувства. В письме эмигрировавшему в США бывшему депутату рейхстага от Кельна Зольману он писал: Азия стоит на Эльбе. В «языческом» Берлине он не чувствует себя дома. К этому, вероятно, добавлялось и то, что в нем, как и в Саксонии и еще кое-где голосовали не за «черных», а, скорее, за «красных».

Я, выросший в ганзейском городе на побережье моря, также не был пруссаком (в лучшем случае меня приучали считать себя таковым). Но и сегодня я протестую, если меня называют западным немцем. В таких случаях я говорю: я родился не в West Germany, или в l'Allemagne de l'Ouest, а в Германии, или, если быть более точным, в Северной Германии. Ему Париж был ближе не только географически. Для меня Европа без своей восточной части была и остается обрубком.

Так же как и я, он испытывал неприязнь к нацистам. Он им не поддакивал, и они его тоже не жаловали. Правда, он не верил в окончательный радикальный разрыв с годами господства нацизма. По большому счету он был за преемственность, реставрацию, а неприятные воспоминания следовало, как он считал, «замять». Для этого требовалось преодолеть партийную раздробленность, доставшуюся со времен Веймарской республики, и создать единый лагерь, начиная от немецких демократов до националистов, под руководством старого центра. Он стремился привязать к себе бюрократов, служивших — в широком смысле слова — коричневому режиму, что обеспечивало ему помимо преимуществ, связанных с прекрасным знанием ими своего дела, благодарность этих людей. Вопросы о чувстве вины он всячески избегал, а кое-кому даже успокаивал нечистую совесть. Иначе говоря, он делал ставку на выигрыш во времени и, с известной долей оппортунизма, способствовал тому, чтобы немцы окончательно не сломались в спорах о только что пережитом ими моральном падении.

Я не был за денацификацию, при которой маленьких людей ставят к позорному столбу, а люди с положением выходят сухими из воды. Мне казалось, что необходимо возродить идеализм молодого поколения, который использовали в преступных целях, и поставить его на службу доброго, демократического дела. Применение было необходимо, но при условии непримиримого отношения к страшному прошлому. Для национального возрождения, думалось мне, требуется коренное духовное, политическое и общественное обновление.

В действительности развитие пошло другим путем. В то время как на низшем уровне в массовом порядке выводили «коричневые пятна» с почтальонов и мелких чиновников, которые подвергались обстоятельной и в то же время смехотворной денацификации, на верхних этажах власти началось широкомасштабное назначение старого персонала на новые посты. Едва преодолев страх, министерские бюрократы, судьи, полицейские чины, преподаватели высших учебных заведений избежали крупных столкновений с новым режимом, который без них не смог бы существовать. В экономику пришли далеко не бездельники. Когда союзники захотели сформировать новые немецкие дивизии, им пришлось реабилитировать запятнавших себя офицеров. Особенно дурно пахло привлечение гестаповцев и им подобных террористов к работе в разведывательных службах держав-победительниц. Клаус Барбье, «лионский мясник», был далеко не единственным.

Я не был антиподом Конрада Аденауэра. Я стал им лишь позже и кое-что сделал для того, чтобы последний срок его полномочий продолжался всего два года. Его главный соперник в годы становления западногерманского государства Курт Шумахер обладал такой же сильной волей, как и Аденауэр, и был таким же, как он, антикоммунистом. Однако коренным образом отличался от него манерой поведения и воинственностью, переходящей в фанатизм. Прирожденный блестящий оратор, он вырос уже до деятеля национального масштаба, тогда как Аденауэра знали только в Кельне и Рейнской области. Однако это преимущество носило временный характер. Его жажда справедливости путем радикальных социальных преобразований противоречила потребностям людей в покое точно так же, как его агрессивное стремление к национальному единству. Курту Шумахеру было суждено прожить лишь первые три года существования ФРГ. В 1952 г. его боевой дух покинул изнуренное болезнями тело. Наследие, оставленное им социал-демократии, еще долго оказывало на нее большое влияние.

Шумахер не был антиевропейцем. Это бы и не соответствовало традициям его партии. Его самого, как и его единомышленников, пытались, с точки зрения европейской демократии, поставить в один ряд со сторонниками нейтралитета, но это также не соответствовало действительности. Впрочем, никому бы и не удалось убедить в прелестях особого статуса Германии само население, с благодарностью нашедшее прибежище под крылом самой могущественной из земных держав. На эту приманку в западных странах никто не клюнул.

Аденауэр не был эмоциональным человеком и вряд ли когда-нибудь испытывал чувство разочарования. Он допускал человеческие слабости и умел ими пользоваться. Его речь была проще его образа мыслей. Он обладал поразительной способностью все упрощать. Так, когда начинались споры по поводу ремилитаризации и интеграции с Западом, он пытался внушить своим слушателям, что речь идет о выборе между Востоком и Западом: «Дамы и господа! Ведь нам не по пути с Востоком, и мы не можем сидеть на двух стульях. Этого не хотят даже социал-демократы. Следовательно, мы должны идти с Западом!» Один скандинавский журналист, который во время избирательной кампании в 1953 г. в один и тот же вечер слушал мое выступление и Аденауэра, сказал мне за поздним ужином напрямик: «Этот спор вам не выиграть».

Да, вот так ужасно просто это можно было произнести, и так же просто воспринималось это людьми, которых к тому же избавили от необходимости взвешивать все обстоятельства. Там, где можно было получить конкретный результат, всегда примешивалась изрядная доля бесцеремонности. Это была смесь хитрости и упрямства, причем цель оправдывала средства, а патриархальное лукавство действовало обезоруживающе.

Когда весной 1961 г. в самом начале избирательной борьбы я посетил Аденауэра и, показав гнусные фальшивки (не только из баварских земель), спросил, неизбежно ли для нас обхождение друг с другом на подобном уровне, он посмотрел на меня доверчивыми глазами и промолвил: «Но, господин Брандт, если бы я что-нибудь имел против Вас, я бы Вам сказал это...» В июне 1963 г., в день триумфа Кеннеди в Берлине, президент США был немало удивлен, когда «старик» еще до обеда в ратуше пригласил его на беседу с глазу на глаз и начал внушать, чтобы он ни в коем случае не дал мне обвести себя вокруг пальца, ибо «на социал-демократов никогда нельзя полагаться». Кеннеди, сидевший рядом с Аденауэром на другом конце стола, уже за обедом успел мне шепнуть, чтобы я проявлял осторожность.

Аденауэр пользовался успехом потому, что большинство людей хотело слышать то, что он им говорил. К тому же он говорил то, что обычно считал своевременным, и при этом не всегда придерживался истины. Говорят, что все это проделывали в политике и раньше, хотя и не всегда так умело и столь успешно. Он хотел, чтобы все было только по его усмотрению. Он хотел придать своей сборной политической группировке вид государственной партии и утвердить на европейском Западе при американской поддержке более или менее сытое общество. Могло ли с немцами, большей их частью, произойти нечто худшее?

Поздние впечатления часто бывают более сильными. Но во мне живет воспоминание ранних лет о том, что мы с ним неплохо ладили. Когда я был не очень-то влиятельным депутатом и членом внешнеполитической комиссии бундестага, он оказывал мне кое-какие знаки внимания. После поездки в Москву в 1955 г. он прислал мне записку, в которой сообщал, что Булганин справлялся у него, стоит ли еще в Берлине отель «Кемпинский», — как видно, он с удовольствием его вспоминает. Когда я в начале 1959 г. вернулся из «кругосветного путешествия», он во время ужина интересовался тем, что, собственно говоря, представляют собой японские гейши. Мой культурно-исторический комментарий его не удовлетворил. Со ссылкой на одного швейцарского антиквара он заявил не терпящим возражений тоном: «Там это тоже не иначе, чем в других странах».

Мы немного сблизились на основе наших контактов как бургомистры. Тем более, что он хорошо разбирался в финансовых нуждах города и часто помогал мне, вопреки возражениям министра финансов, добиться выделения необходимых Берлину денег. Посещая Берлин, он откровенно и язвительно высказывался о своих министрах. Таким образом я узнал больше о внутренней жизни его партии, чем хотелось бы ее руководству. Об одном из министров, сидевших с нами за столом, напористость которого в вопросах германской политики ему явно не нравилась, он заметил: «Вы, наверное, знаете, что этот тип во время своего последнего выступления в зале конгрессов был просто пьян». В Бонне он заставил своего коллегу по кабинету Эрнста Леммера сменить квартиру и выехать из здания берлинского правительства. Обоснование: «Там, где он теперь живет, он выдает «социс» (так на партийном жаргоне называют социал-демократов. — *Прим. ред.*) за игрой в карты все секреты».

Относился ли он ко всему действительно так серьезно, как изображал это на людях? Когда я после моего избрания правящим бургомистром посетил его в Рендорфе, Тито как раз признал ГДР. Начав с достаточно примечательного заявления по поводу моего знания Востока, он спросил, что я думаю об этом событии. Я попытался по мере сил как-то объяснить свою позицию, но он уже, оказывается, давно сделал собственный вывод: «Бросьте Вы. Я хочу Вам сказать, как я это вижу: этот Тито самый обыкновенный разбойник». В другой раз, посетив меня в ратуше, он стал иронизировать по поводу уехавшего в Африку охотиться на крупных хищников президента бундестага, а потом, подмигнув, сказал, что в ближайшие годы мне, возможно, также придется иметь дело с парламентом: «Знаете ли, этих господ нужно хорошо вознаграждать, давать им много путешествовать и предоставлять большие отпуска».

Он возглавлял правительство в течение четырнадцати лет. В сентябре 1949 г. для победы в первом туре выборов он отдал свой голос за себя. Перед тем как верные ему люди подняли его, 73-летнего, на щит, он заверил, что согласно рекомен-

дации врача он может «самое меньшее еще год оставаться в должности». В действительности же профессор Мартини придерживался мнения, что Аденауэр хватит и на два года. По крайней мере, столь же весомым было решающее слово молодого баварского депутата по имени Штраус. Он выступил от той части союза, у которой в аббревиатуре названия партии вместо буквы «Д» пишется «С». В случае создания большой коалиции (чего не хотели ни Аденауэр, ни Людвиг Эрхард), сказал Штраус, ХСС не войдет в парламентскую фракцию с ХДС. При таком раскладе ХДС не смогла бы даже претендовать на назначение президента бундестага.

Аденауэр был помешан на идее (или только делал вид, но на избирателей это действовало в любом случае), что социал-демократы пойдут на поводу у коммунистов. Таким образом, Боннская республика зародилась под знаком «союза правых». Они договорились, что федеральный президент должен быть из рядов либерального крыла партии. Выбор пал на профессора Теодора Хейса, солидного швабского демократа, ученика Фридриха Науманна. Зачастую он был лишь воском в руках Аденауэра, но при этом являл собой одухотворенного и исполненного достоинства представителя нашей молодой государственности. Для меня он стал добрым старшим другом.

Мы с Аденауэром не теряли друг друга из виду и после того, как осенью 1963 г. ему пришлось уйти в отставку с поста федерального канцлера. Во всяком случае, до марта 1966 г. он оставался председателем партии. Я им стал в начале 1964 года. После этого мы несколько раз беседовали, и я был среди гостей на праздновании в январе 1966 г. его 90-летия в бад-годесбергском доме приемов «Редут». Он стоял стройный, как свеча, вспоминал 1888 г. — год трех императоров, рассказывал о посещениях императором Кельна и о более поздних событиях, одерживая одну победу за другой. Его обаяние старого пройдохи было уникальным.

Два месяца спустя — в марте 1966 г. — на съезде ХДС, последнем для него, он произвел не меньший фурор, заявив, что Советский Союз вошел в число стран, желающих мира. Следует понять, говорил он, что русский народ опасается немцев, так как он потерял 15 (по советским данным — 20) миллионов человек. Глубокие раны, которые русские нанесли Германии, — это возмездие за тяжкие раны, нанесенные при Гитлере русским. Примерно в это же время он сказал мне: «Мы неправильно вели себя с русскими». Прежде всего господа из МИДа делали все не так, они совершенно неправильно обходились с советским послом.

Не означало ли это, как подозревали довольно многие его приверженцы, что «старик» впал в маразм? Я думаю, что нет, и считаю такое объяснение чересчур простым. От Генриха Кроне, одного из немногих, кто пользовался его доверием, стало известно, что он говорил еще в конце 1961 г. во время кризиса, вызванного строительством стены: самое важное, что он должен сделать в конце своей жизни, — это «навести сносный порядок в наших отношениях с Россией». С другой стороны, еще в начале 1967 г., незадолго до своей смерти, он страшно возмутился и назвал Договор о нераспространении ядерного оружия, который собирались заключить мировые державы, «сверхверсалем» и «планом Моргантау в квадрате». За четыре года до этого, еще как канцлер, он отклонил Соглашение о прекращении ядерных испытаний, так как к его подписанию пригласили и ГДР.

В 1955 г. по возвращении из Москвы, где он вопреки советам своих сотрудников установил дипломатические отношения с СССР, его чествовала вся Федеративная Республика: ему твердо обещали отпустить из лагерей последних военнопленных и военных преступников. Для него самого важнейший политический итог этого визита заключался в откровении Хрущева. В разговоре с глазу на глаз тот поделился с ним своими заботами относительно Китая: там уже живут 600 миллионов человек, а каждый год к ним прибавляются еще 12 миллионов. Аденауэр, предпочитавший «тщеславному и постоянно агитирующему партийцу» Хрущеву прямодушного премьер-министра, экс-маршала Булганина, обрел ту надежду, которая воодушевляла его в течение многих лет: русские не смогут долго противостоять двойному давлению. Следовательно, в один прекрасный день им придется пойти на уступки Западу.

Через несколько дней после сентябрьских выборов 1961 г., подавив в себе недо-

вольство допущенными промахами, я посетил его во дворце Шаумбург, чтобы определить общие позиции во внешней политике и обсудить возможность образования коалиционного федерального правительства. За этим последовала еще одна беседа, в которой участвовали коллеги из руководства моей партии. Ее предварительные итоги облекчали Аденауэру заключение сделки со свободными демократами. В конце 1962 г. — на этот раз без моего участия и присутствия — были вновь проведены переговоры о создании большой коалиции. И вновь безрезультатно. Формальная причина: правление социал-демократической партии было решительно против такого избирательного права, которое бы только обеим большим партиям позволило войти в состав бундестага. В 1966 г. за кулисами Аденауэр выступал за создание большой коалиции. Он считал, что его оценка Эрхарда как человека, из которого канцлера не выйдет, подтвердилась. В частной беседе со мной он дал мне несколько советов, сказав при этом, что министру иностранных дел следует их хорошо запомнить.

Поиск общей внешнеполитической позиции на завершающем этапе эпохи Аденауэра ничего не изменил в моей оценке его линии, направленной на интеграцию Федеративной Республики с Европой, но никак не на воссоединение Германии. Он предлагал ремилитаризацию и добился ее, хотя в то время в игре вокруг Германии были выложены далеко не все карты. Если бы германское единство свалилось ему с неба, он не усомнился бы, что может спокойно справиться и с этим. Но в нем все восставало против попыток ослабить принадлежность ФРГ к западному союзу и к Западной Европе под франко-германским руководством. В смутное время после первой мировой войны его несправедливо подозревали в сепаратизме. Рейнское государство, которому он симпатизировал, было направлено против Пруссии, а не против Федеративной Германии. Однако нет сомнения в том, что он хотел помочь становлению Западной Европы, хотя его представление об этой Европе оставалось более ограниченным, чем у Шарля де Голля, ставшего на склоне лет его другом. Де Голль обладал более широким историческим кругозором, видел перспективу, и у него было хорошо развито чувство европейского измерения, простирающегося далеко на Восток.

После всего происшедшего Аденауэр не был уверен в своем народе. Он не мог поверить, что этот народ обретет чувство меры и уравновешенность, и поэтому считал своим долгом уберечь Германию от нее же самой. Под впечатлением восторженного приема, оказанного де Голлю во время его визита в Германию в 1962 г., он сказал мне доверительно: «Немцы легко теряют равновесие». Когда в Баварии от имени государства ему подарили ценную гравюру на меди «Вступление Наполеона в Мюнхен», он счел это унижительным.

Документально подтверждено, что он рекламировал себя союзникам как незаменимого человека. На его преемника, заявлял он, они уже не смогут положиться. Ради удовлетворения собственных внутривнутриполитических потребностей он побуждал западные державы лишь на словах выступать за воссоединение и уверял их, что, если ему предоставят свободу действий, им нечего будет бояться этой «опасности». Нейтралитет или неприсоединение, как их ни назови, были, по его убеждению, лишь на руку Москве и в лучшем случае поощряли опасную соглашательскую политику и справа и слева. Против советских нот, полученных весной 1952 г., он развернул столь ожесточенную полемику не потому, что очень сомневался в их серьезности, а потому, что не верил в стремление немцев к блоковой независимости и ни при каких обстоятельствах не хотел прокладывать к ней дорогу.

При этом ему ничего не оставалось, как указывать на цели, являвшиеся недостижимыми, ибо само достижение их вовсе не входило в его политические планы. Когда Федеративная Республика стала членом НАТО, я слышал, как он сказал, что теперь мы оказались в самом мощном в истории союзе и «это принесет нам воссоединение». Он не колеблясь высмеивал своих критиков. Например, в апреле 1960 г. он заявил в их адрес: в деле воссоединения достигнут большой прогресс — теперь против него «только Советский Союз». В своих речах он заявлял, что Силезия и Восточная Пруссия вновь станут немецкими, но в конфиденциальной беседе о землях по ту сторону Одера и Нейсе — это было в августе 1953 г. — он сказал: «Они

для нас потеряны». И о первых 12 дивизиях, еще до того, как они были сформированы, во время одной из бесед с Олленхауэром в Гамбурге он сказал: «Они совсем неплохи, когда я говорю с Западом». Собеседник его перебил: «Вы хотели сказать: с Востоком». «Нет, господин Олленхауэр, — возразил он, — именно с Западом. Оттуда исходит давление. Другая сторона более реалистична. У них своих дел хватает».

В 1952 г. он не просто упустил возможность разобраться в сути советских предложений и прошупать шансы на проведение якобы свободных выборов в Германии. Он и не хотел в этом разбираться. Когда Черчилль год спустя после смерти Сталина сообщил ему о возможно далеко идущих изменениях в советской политике, он воспринял это скорее как досадную помеху. Он был просто очарован мощью США. Во время своего первого визита в США (тогда еще на теплоходе) весной 1953 г. он сидел вечером у генерального консула в Нью-Йорке и, глядя на силуэт Манхэттена, обратился на рейнском диалекте к статс-секретарю профессору Хальштейну: «Вы можете понять то, что господин Олленхауэр не желает, чтобы мы стали союзниками такой могущественной страны?» Это рассказал несколько месяцев спустя генеральный консул Риссер. Однако очарование Америкой никогда не закрывало ему вид на Париж.

Франция притягивала Аденауэра потому, что это подсказывало ему рейнское чутье и каролингские традиции. Кроме того, он трезво рассчитал, что для Европы хорошо лишь то, что исходит от немцев и французов. В желании держать Великобританию на расстоянии он сходил в взглядах с де Голлем, который был зол на англичан за их неуважительное отношение к нему во время лондонской эмиграции военных лет. Помимо всего прочего, Аденауэр с подозрением относился к особым отношениям между Англией и Америкой.

В 1962 г. я умолял Аденауэра собраться с духом и уговорить де Голля открыть Великобритании двери в ЕЭС, чтобы предотвратить еще больший раскол Европы. Он был непоколебим. «Значение имеют только Франция и Германия, — говорил он. — Конечно, существует еще Италия, ну и всякая там «бенилюксовская мелочь». Но если к двум главным действующим лицам — Парижу и Бонну — прибавится третье — Лондон, вполне может случиться, «что эти двое, объединившись, нанесут ущерб нам». Соблюдая дистанцию с англичанами и не ожидая ничего хорошего от Кеннеди, оба старых господина в Париже и в Бонне в январе 1963 г. без всякой нужды обременили германо-французский договор о дружбе дополнительными пунктами. Бундестаг и бундесрат пытались сделать хорошую мину при плохой игре, а я участвовал в ней в качестве ведущего. Они снабдили договор преамбулой, в которой отдавалось должное Атлантическому союзу и подтверждалось намерение к расширению Европейского сообщества. Аденауэр рассматривал это дополнение как покушение на дело всей его жизни. Когда Эрхард, ко всему прочему, не проявил ни дальновидности, ни желания укреплять должным образом отношения с Парижем, Аденауэр увидел в этом подтверждение своих опасений. Преамбула и то неодобрение, с которым она была встречена в Париже, угнетали его еще больше, поскольку он хотел с помощью договора помешать де Голлю установить отношения с Москвой. Еще перед его визитом в Германию Аденауэр, тяжело вздохнув, сообщил мне доверительным тоном, что де Голль «может поступать и по-другому».

В действительности Аденауэр никогда не думал, что он сможет выбирать между Парижем и Вашингтоном. Подозревая де Голля в намерении выжить американцев из Европы, но не из Германии, что вполне соответствовало его собственным интересам, он попытался пойти обходным путем. Уверенность в том, что американцы останутся в Германии, была и оставалась альфой и омегой его политики.

Во многих отношениях «старик» был более гибок, чем это многим казалось. У себя дома он мог пойти навстречу профсоюзам в вопросах их участия в управлении предприятиями угольной и сталелитейной промышленности или с помощью социал-демократов принять вопреки значительной части собственной коалиции решение о возмещении ущерба в пользу Израиля. В области политики, которая называлась общегерманской, а в действительности являлась внешней, он не был исключительно упрям, хотя, оглядываясь назад, можно сказать, что он никогда не

поднимался выше тактических вопросов. Тем не менее в 1958 г. он сначала в беседе с послом Андреем Смирновым, а потом и в бундестаге завел разговор об «австрийском решении» для ГДР, что предполагало признание существующих границ. Это явилось также предметом обсуждения с заместителем советского премьер-министра, когда тот в апреле 1958 г. посетил Бонн. Однако Микоян притворился глухим. Надежды Эрнста Рейтера на то, что решение, найденное для Вены и Австрии, может иметь благоприятные последствия для Берлина и Германии, были мне известны, но казались чересчур оптимистичными. Географическое положение, экономический и военный потенциал, особенно в конце 50-х годов, исключали прямую аналогию.

В январе 1959 г. Аденауэр высказывался за «гуманизацию» в отношениях с ГДР, а летом 1962 г. за своего рода «гражданский мир»: по его мнению, для того чтобы нынешнее состояние в ГДР сохранилось еще лет десять, восточные власти должны дать больше свободы своему народу. В октябре того же года он согласился со мной: «Все получилось иначе, чем мы думали в 1948 году». Он обдумывал маленький шаг в направлении установления официальных отношений с другим германским государством: в Бюро по внутригерманской торговле намечали назначить нового генерального консула вместо вышедшего на пенсию. Но из этого ничего не получилось. В октябре 1962 г. канцлер заявил в бундестаге, что правительство готово многое обсудить, если только «наши братья в зоне» смогут устроить жизнь по своему усмотрению. «В данном случае гуманные побуждения играют для нас еще большую роль, чем национальные».

Это было уже близко к моей аргументации, особенно после возведения стены. Кстати, о стене: было поднято много шума вокруг того, что Аденауэр не сразу направился в Берлин. Я и тогда, и впоследствии не придавал этому большого значения. Рассердился я лишь после того, как его подручные стали нести явный вздор, что он остался дома, не желая спровоцировать восстание в «зоне». Когда же последовал упрек Хрущеву в том, что строительством стены он «намеренно помогает СДПГ в предвыборной борьбе», мне оставалось только покачать головой.

17 июня 1963 г., за несколько месяцев до своей отставки, федеральный канцлер был в Берлине и произнес соответствующую этому дню, но довольно бессодержательную речь. Полной противоположностью ей был долгий и непринужденный разговор, состоявшийся позже в моем кабинете. В нем принял участие Генрих фон Брентано. Бывший министр иностранных дел к этому времени снова стал председателем парламентской фракции своей партии. Аденауэр спросил меня, что я, собственно, думаю о доктрине Хальштейна, т. е. о немедленном разрыве отношений с любым государством, решившим признать ГДР. «Почему вы меня об этом спрашиваете?» — поинтересовался я. «Есть вещи, — пояснил он, — которые нужно отдать, пока за них еще можно хоть что-то получить». Я сказал, что в ближайшие дни буду у него в Бонне. Выехал при этом уже на следующий день, но у него уже пропала охота обсуждать им же самим затронутую тему.

В литературе и научных исследованиях, посвященных Аденауэру, много внимания уделяется плану Глобке. Разделял ли канцлер взгляды своего высокопоставленного помощника или он только предоставил ему свободу действий, до сих пор остается загадкой. Во всяком случае, правительство этим не занималось, а оппозиция тем более не была посвящена в эти дела. Я сам гораздо позже принял к сведению эту сноску к новейшей истории. При этом меня значительно меньше интересовала весьма спорная личность самого автора актуальных записок. Статс-секретарь и начальник Ведомства федерального канцлера Ганс Глобке имел когда-то чин министерский-директора в имперском министерстве внутренних дел и прославился своими комментариями к антисемитским Нюрнбергским законам. Однако в те годы Глобке был также доверенным лицом своей церкви и вопреки былым комментариям стал участником «движения сопротивления» весьма «деликатного» свойства. Во всяком случае, он был желанным партнером, когда речь шла о еврейском вопросе, а для Аденауэра — незаменимым верным помощником.

Так называемый план Глобке существует в двух вариантах: первый датирован весной 1959 г., второй — ноябрем 1960 года. В первоначальной редакции речь шла

о том, что оба германских государства признают суверенитет друг друга, через пять лет путем раздельного референдума решается вопрос их объединения. Свободный же обмен людьми и информацией начинается незамедлительно. Во второй редакции о признании уже не говорилось, но зато шла речь об установлении дипломатических или официальных отношений, а также о проведении референдума через пять лет и демилитаризации ГДР. Берлин должен был за это время получить статус вольного города. Помимо этого Феликс фон Эккардт, вероятно по поручению Аденауэра, разработал в 1960 г. секретный план, цель которого состояла в нейтрализации и демократизации ГДР, столицей которой был бы объединенный Берлин.

Я познакомился с Эккардтом, тогдашним главным редактором газеты «Weser-Kurier», в 1945 г. в Бремене и поддерживал с ним хорошие отношения, когда он был руководителем федерального ведомства печати. Однако о своих планах или о планах Глобке он ни разу не обмолвился ни словом.

На рубеже 50-х и 60-х годов не было недостатка в проектах по преодолению тягостного положения с разделом Германии. СДПГ и СвДП опубликовали в марте 1959 г. планы по Германии, цель которых состояла в осуществлении поэтапного воссоединения путем переговоров между четырьмя державами и обоими германскими государствами. Я не нашел в них должного реализма. И имя мое никогда не употреблялось в связи с этими документами. В конце июня 1960 г. Герберт Венер, заместитель председателя партии и председатель парламентской фракции, положил им же самим разработанный план по Германии под сукно и произнес в бундестаге пламенную речь, в которой он, к немалому удивлению своих ближайших боннских сподвижников и даже председателя партии, заявил: СДПГ, безусловно, признает тесную связь с Западом в качестве основы будущей внешней и межгерманской политики. Я сам за год до этого разработал целый список вопросов, по которым, как я полагал, мы придерживаемся единого мнения с другими партиями. Мой друг Фриц Эрлер представил эти краткие выводы в бундестаге, что, однако, не дало ощутимых результатов.

Могло ли что-то измениться, если бы состоялся серьезный и откровенный разговор между Конрадом Аденауэром и Никитой Хрущевым? Этот вопрос я должен, соблюдая соответствующую дистанцию, задать и самому себе. Ибо советский руководитель предложил в 1959 г. и в 1963 г. принять меня в Восточном Берлине, так же как он в 1962 г. изъявил желание встретиться с Аденауэром.

Когда наметился визит Хрущева в Бонн, Аденауэр как раз ушел в отставку. Зять кремлевского руководителя Алексей Аджубей, в то время главный редактор газеты «Известия», в 1964 г. приехал в Бонн. Я встречался с ним наедине и в окружении консервативно настроенных редакторов, пригласивших его. Казалось, ничто не препятствует визиту Хрущева в Бонн. Эрхард был готов с удовольствием его принять. Однако в октябре время правления кряжистого Никиты Сергеевича истекло. Намерение нанести визит в Западную Германию было одним из звеньев в цепи событий, приведших к его свержению. Ошибки во внутренней и внешней политике, включая бряцание ядерным оружием во время кубинского кризиса, составили другие звенья. Последний толчок, очевидно, дали жалобы руководства ГДР на Аджубея и его сентенции по поводу воссоединения. В 1965 г. приглашение было повторено, однако Косыгин и Брежнев не проявили к нему никакого интереса.

То, что моя встреча с Хрущевым не состоялась, было не столь важно. Во время обострения обстановки вокруг Берлина он спорил со мной еще больше, чем я с ним. Его, безусловно, искренние, но недостаточные усилия по преодолению извращений сталинизма соединялись со склонностью к хвастливой болтовне, и не в последнюю очередь по отношению к городу, в котором я был бургомистром. Мои русские друзья рассказывали мне потом, что как раз в 1961 г., во время строительства стены, в его репертуаре появилась новая антисталинская «пьеса». Я иногда вспоминаю тот вечер, когда я в присутствии американских журналистов смотрел телевизионную передачу из Москвы. Хрущеву казалось, что он сможет вызвать интерес аудитории следующим «разоблачением»: фамилия Брандт переводится на русский язык как «пожар». Это не помешало ему вскоре после этого проявить заинтересован-

ность во встрече со мной. Смог бы я отговорить его от осуществления бессмысленного проекта постройки стены? Я в этом сильно сомневаюсь. Тем не менее спустя короткое время я понял, что допустил ошибку, уклонившись от этой, а затем и от второй возможной встречи с ним.

В марте 1959 г., возвращаясь самолетом из Индии, я сделал остановку в Вене. Мой друг Бруно Крайский, в то время еще статс-секретарь в Министерстве иностранных дел, встретил меня в аэропорту Швехат и передал приглашение Хрущева посетить его в Восточном Берлине. Точнее говоря, выражалась готовность принять меня там. Делать вид, что тот, кого ты хочешь принять, сам напросился на прием, — это старинная русская традиция.

Подоплека данного приглашения заключалась в том, что Бруно Крайский в одной из своих лекций поделился мыслями вслух об особом статусе Берлина — всего Берлина. Советы решили, что за его спиной стою я, и передали Крайскому просьбу побудить меня в личной беседе как можно скорее встретиться с Хрущевым. Я просил передать, что в принципе готов к этому, но должен предварительно проинформировать союзные державы-гаранты и федерального канцлера.

Аденауэр высказал мнение, что я должен все взвесить и сам решить, принять мне или отклонить советское предложение. В Берлине американский посланник в необычно резкой форме наложил вето на предполагаемую встречу. Его поддержал член сената Гюнтер Клейн, с которым я был в близких отношениях. К тому же советская сторона разгласила связанную с этим информацию, извратив и сократив ее. В таком виде она стала достоянием общественности. Я использовал это как повод для отказа. Мой друг Крайский, оказавшийся по отношению к русским в затруднительном положении, был весьма разочарован — он слишком много на себя взял.

Эрих Олленхауэр независимо от меня воспользовался возможностью встретиться с Хрущевым в Восточном Берлине, но результатов это не дало. В том же марте 1959 г. Карло Шмид и Фриц Эрлер посетили советскую столицу и вернулись оттуда абсолютно ни с чем. Ибо на вопрос, можно ли вести разговор о шагах, ведущих к германскому единству, им ответили категорически нет. Перед их отъездом сам Хрущев — явно в мой адрес — заявил, что для Западного Берлина Федеративная Республика должна стать заграницей. Оба мои друга были разочарованы, Карло еще больше, чем Фриц: осенью 1955 г. он сопровождал Аденауэра в его поездке в Москву и заслужил большое уважение Никиты не только за свою откровенность, но и за способность (после изрядной дозы рыбьего жира) совершенно не пьянеть. Умение пить, а также тучность Шмида дали Хрущеву основание величать его не иначе как «господин Великая Германия». У себя в стране ему пришлось довольствоваться прозвищем «Монте-Карло».

Почти четыре года спустя, в январе 1963 г., последовало, так сказать, второе приглашение. Кремлевский руководитель прибыл в Берлин для участия в работе съезда СЕПГ. Через сотрудника советского посольства в Восточном Берлине и двух аккредитованных в Западном Берлине генеральных консулов — австрийского и шведского — он дал мне знать, что готов принять меня для беседы. На этот раз, после возведения стены и именно из-за нее, мне казалось, что есть все основания принять приглашение. Я вновь позвонил федеральному канцлеру. Аденауэр и на этот раз предоставил мне свободу действий. Он считал, что подобная беседа не принесет ни пользы, ни вреда.

Совсем по-другому повел себя Райнер Барцель, ставший впоследствии моим оппонентом не только во время парламентской борьбы вокруг Восточных договоров. Тогда он был министром по общегерманским вопросам. Его звонок из Бонна выдавал легкое волнение. Он настоятельно советовал мне отказаться от этой идеи, ссылаясь при этом на видного социал-демократа: «Господин Венер рядом со мной, и он разделяет мое мнение». Министерство иностранных дел вместо совета дипломатично уклонилось. Консультации с союзниками картину не прояснили. Я хотел позвонить Кеннеди, но новый американский посланник мне отсоветовал это делать. Решающим оказалось мнение моего партнера по берлинской коалиции. Мой заместитель, бургомистр Амрэн, заявил на чрезвычайном заседании сената

совершенно официально, хотя и при сдержанном одобрении некоторых коллег из ХДС, что, если я соглашусь на встречу с Хрущевым, его партия выйдет из коалиции. Берлин, сказал он, не имеет права проводить собственную внешнюю политику. В этой ситуации я пришел к выводу, что следует все же отказаться от встречи. Мне казалось нецелесообразным идти на контакт с сильным человеком из Москвы, имея за своей спиной расколотый сенат. Кроме того, вскоре предстояли выборы. Поступи я иначе, мне не удалось бы выиграть их с таким преимуществом.

Я понимал, что мой отказ заденет Хрущева за живое. Петр Абрагимов, советский посол в Восточном Берлине, рассказывал мне после наступления «оттепели», как это ошеломило его «большого хозяина». Когда Абрагимов сообщил ему о моем решении, он как раз передевался. С него чуть не свалились брюки. Позднее, в 1966 г Абрагимов добавил к этому, что это был упущенный шанс: Хрущев якобы хотел мне «что-то вручить». Однако тот же Абрагимов в своей книге о переговорах по Берлину в 1970—1971 гг. заметил, что встреча Хрущева с Брандтом, если бы она состоялась, «не привела бы к урегулированию западноберлинской проблемы».

Время сделало вопрос о возможных результатах переговоров бессмысленным. Однако историческая справедливость требует признать, что мое тогдашнее решение было ошибочным. Упустив возможность на высоком уровне обсудить неясные вопросы, я поступил неразумно. Аденауэр не стал бы ломать голову. После своего посещения Москвы он почти не ставил под сомнение сказанное Хрущевым и Булганиным. Как он писал, у него было «предчувствие, что, возможно, в один прекрасный день мы вместе с людьми из Кремля сможем найти решение наших проблем». В дополнение к этому в конце своей жизни он настойчиво указывал на то, что нам необходимо привести в порядок наши отношения с великим восточным соседом!

Когда в мае 1970 г. я говорил в бундестаге о том, что Аденауэр мужественно и всерьез искал компромисса и с Советским Союзом, я ссылаясь на то, что мне было известно из документов. Он понял действительное положение вещей. Но люди, а тем более личности, полны противоречий. Каждый из них в большей или в меньшей степени тащит за собой груз предрассудков.

В послевоенные годы Аденауэр настойчиво стремился к стабилизации обстановки. В то время он больше всего на свете боялся нового сближения держав-победительниц. Мне это виделось иначе. Он отрицал шансы на достижение германского единства и использовал преимущества, которые Западная Европа давала западногерманскому государству. Альтернативных предпосылок становилось все меньше, а потому против этого нельзя было ничего возразить. На мой взгляд, было ошибкой, что этот абсолютно чуждый всему военному глава правительства уже с 1949 г. начал играть первую скрипку в борьбе за скорейшую ремилитаризацию Федеративной Республики. Я считал более правильным, если бы он сконцентрировал свои усилия на создании западногерманской пограничной охраны в качестве фактического противовеса военизированной народной полиции восточной зоны. Достойному уважения, но тем не менее ошибочному лозунгу «Без нас» я не поддался.

«Старик с берегов Рейна» очень часто говорил не то, что думал. Однако главенствующую роль всегда играл его здоровый реализм. Благодаря этому ему удалось много сделать в интересах Федеративной Республики. Можно ли было добиться большего на другой, общегерманской основе — этот вопрос остается открытым.

Когда в ноябре 1960 г. мои политические сторонники избрали меня в Ганновере своим кандидатом на пост канцлера, я обрисовал свое видение нашей задачи: «Нам необходимо пространство для развертывания действий политических сил, чтобы, не подвергая угрозе нашу безопасность, преодолеть неподвижность и идеологическую позиционную войну». Я сказал, что мы можем себе позволить проводить «достойную восточную политику», и добавил, что в этом вопросе Джон Кеннеди, вновь избранный президент США, разделяет, как мне известно, мою точку зрения. Это было в самом начале его менее чем трехлетнего пребывания на посту президента — блистательного времени, связанного со многими надеждами, но, конечно, и не лишено противоречий.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Технология власти

А. Г. Авторханов

От редакции. Абдурахман Геназович Авторханов родился в 1908 г. в ауле Лаха-Неври Терской области Кавказского края. По национальности он чеченец, окончил пятиклассную русскую школу, потом поступил в медресе, но был вскоре исключен за чтение запрещенной литературы и затем воспитывался в Грозненском детском доме, где окончил два класса школы второй ступени. В 1924 г. был зачислен в Чеченскую областную партийную школу, принят в ряды РКП(б), учился в Грозном на Рабочем факультете, подготовительном отделении Института красной профессуры и химическом факультете Грозненского нефтяного института, работал заведующим орготделом и отделом печати Чеченского обкома ВКП(б), заведующим областным отделом народного образования.

В начале 30-х годов Авторханов публикует свои первые научные работы — о грамматике чеченского языка и по другим филологическим темам, а также книги «К основным вопросам истории Чечни» (Грозный. 1930), «Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне» (Ростов н. Д. 1931), «Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в бывшей Терской области» (Грозный. 1933), «Объединение, рожденное революцией» (Грозный. 1934).

С 1932 г. Авторханов работает директором Чеченского отделения Партиздата и учится в 1933—1937 гг. на редакторском отделении курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), в Институте красной профессуры и читает лекции по истории народов СССР в Московском педагогическом институте имени Бубнова. В 1937 г. был арестован по фальшивому обвинению, в 1940 г. освобожден, вскоре вновь арестован и в 1942 г. опять освобожден.

После оккупации Северного Кавказа фашистами Авторханов был депортирован в начале 1943 г. в Берлин. Там до весны 1945 г. он сотрудничал в печатных органах российской эмиграции, а по окончании войны остался в Западной Германии. С 1949 по 1979 г. преподавал политические науки в Русском институте Американской армии, стал доктором политических наук, читал по радио курс лекций «История культа личности в СССР» (под псевдонимом проф. Темиров).

Тогда же Авторханов начал публиковать за рубежом свои работы по истории советского общества, в том числе ряд статей под псевдонимом Александр Уралов. Затем был издан ряд его книг. В их числе: «Staline au rouvoig» (Р. 1951), «Нароудубийство в СССР (убийство чеченского народа)» (Мюнхен. 1952), «Технология власти» (Мюнхен. 1959; англ. изд. — N. Y. 1959), «Stalin and Soviet Communist Party» (N. Y. 1959), «The Communist Party Apparatus» (Chicago. 1966), «Происхождение партократии» (Франкфурт н. М. 1973. Доп. изд.: т. 1. 1981; т. 2. 1983), «Загадка смерти Сталина» (Франкфурт н. М. 1976), «Сила и бессилие Брежнева» (Франкфурт н. М. 1979), «Мемуары» (Франкфурт н. М. 1983), «От Андропова к Горбачеву» (Франкфурт н. М. 1986), «Империя Кремля. Советский тип колониализма» (Франкфурт н. М. 1988), «Ленин в судьбах России. Размышления историка» (Гармиш-Партенкирхен. 1990).

Одной из наиболее содержательных является его книга «Технология власти», посвященная становлению и развитию командно-бюрократической системы в СССР. Хотя не со всеми позициями автора можно согласиться, советский читатель вправе знать и точку зрения Авторханова. Ниже публикуются главы из этой книги. Подготовил текст к публикации С. В. НИКОЛАЕВ.

Часть первая

Бухарин против Сталина

I. Начало конца

Еще в обеденный перерыв нам сообщили, что в шесть часов вечера состоится экстренная и весьма важная лекция. Тема лекции не была названа, и имя лектора держалось в тайне. Однако нас предупредили, что явка для всех студентов Института красной профессуры (ИКП) обязательна. Пропуск на лекцию — по партийным билетам с дополнительным предъявлением студенческих удостоверений. Столь строгий порядок слушания лекции и инкогнито лектора вызвали всеобщий интерес. Начали гадать, судить и рядить. Некоторые обращались даже лично к ректору ИКП, Михаилу Николаевичу Покровскому, но тщетно.

Само здание ИКП (до революции в нем помещался лицей имени цесаревича Николая — Москва, Остоженка, 53) начало принимать торжественный вид. Наскоро сочинялись лозунги, и их старательно выводили белой краской на красных полотнищах. Вывешивались портреты основоположников марксизма, исполненные масляными красками и одолженные, видимо, по столь торжественному поводу у других высоких учреждений. Уборщицы мыли и натирали «во внеочередном порядке» полы. Рабочие чистили двор. Библиотекарши выставляли лучшие книги. Трубочисты лазали по крышам, профессора заняли очередь у парикмахера.

Мы продолжали гадать: в связи с чем устраивается вся эта «потемкинщина». Старожилы-уборщицы рассказывают нам, что подобный переполох происходил у них в случае «высочайшего визита», но ведь Зиновьев, Бухарин, Угланов бывают здесь запросто, следовательно, приезжает не кто иной, как сам Михаил Иванович «Калиныч» — подсказывали нам уборщицы.

Однако если в глазах «простого народа» Калинин был «красным царем», то мы, «красные профессора», измеряли вождей революции по несколько иному масштабу — политическому и теоретическому. И, с точки зрения этого масштаба, нам казалось, что «Калиныч», хотя и симпатичный старичок, но как политик — чужая тень, а как теоретик — круглый нуль. Впрочем, визит «президента» — тоже событие для Института. Мы готовы были снисходительно выслушать и Калинина.

Я занимал комнату в общежитии ИКП на Пироговке. Чтобы не опоздать на важную лекцию, я приехал на полчаса раньше. И неожиданно для себя застал Институт в великом трауре. В коридорах толпились студенты и тихо, почти шепотом, разговаривали о чем-то таинственном. Профессора успели побриться, но веселее от этого не стали. Торжественная печаль переживаемого момента лишь еще резче подчеркивалась видом их свежевыбритых лиц. Они говорили на темы истории древних вавилонян — «беспартийная» тема, казалось, была нарочито выбрана, чтобы уйти подальше в глубь веков от неприятной современности. Уборщицы, уже в белых халатах и красных платочках, поглядывали исподтишка то на студентов, то на профессоров, явно недоумевая, чего это люди повесили носы накануне столь великого события.

Только наш всеобщий любимец — швейцар Дедодуб — стоял на своем «революционном посту» спокойно и невозмутимо. Не без важности любил он повторять: «Честно служил четырем царям и всех четырех пережил». «Последним был Николай Кровавый. Сколько же вам выходит тогда лет, Дедодуб?» — спросил я его

однажды. «Последним был Ленин», — увильнул он от прямого ответа. Между прочим, когда я начал просвещать Дедодуба, говоря, что Ленин вовсе не был царем, а был самым обыкновенным человеком, которого революция избрала своим вождем, старик ехидно улыбался, приговаривая: «Да, Николай был человеком, Ленин был человеком, я тоже человек. А вот вы книжники, талмудисты. В книжках родились, в книжках и умрете, не послужив ни царям, ни людям, ни даже себе самим... Ох, жалкий народ этот книжный народ...» Но сегодня Дедодуб был именинником и готовился с достоинством открыть дверь перед пятым царем — Михаилом Ивановичем Калининым. Траур Института до него явно не доходил.

Между тем Институт все больше погружался во тьму. Порывшись некоторое время в эмигрантских газетах в парткабинете, я направился в актовЫй зал. Шептавшись по углам я на ходу бросил: «Скоро шесть, пойдемте на лекцию». Но зал был наглухо закрыт. У входа караулило незнакомое мне лицо в штатском. Я вернулся к толпе и спросил: «В чем дело? Будет лекция?» Никто не обратил внимания на вопрос. Только мой друг Сорокин подошел ко мне и едва слышным голосом процедил сквозь зубы: «Дело плохо, очень плохо». «А именно?» «Не знаю...» «Почему же ты думаешь, что плохо?» «Не думаю, а знаю». «Так говори же, в чем, в конце концов, дело?» «Не знаю».

Отчаявшись узнать у Сорокина что-либо путное, я направился в учебную часть. Наша секретарша Елена Петровна, всегда веселая и предупредительная, на этот раз была тоже явно не в духе. «Зубная боль?» — спросил я. «Хуже», — ответила она. «Будет лекция?» «Не знаю». «Простите, Елена Петровна, но я ничего не могу понять. Что у нас тут «заговор глухонемых» организовался, что ли? Или мы находимся у порога всеобщего столпотворения?» «Вы попали в точку». «То есть?» — спрашиваю я. «Значит: заговор и столпотворение». В ее тоне не было даже намека на иронию.

Вошедший секретарь партийной ячейки ИКП Орлов попросил доложить Михаилу Николаевичу, что заседание бюро будет в парткабинете и что все ждут только его. «А лекция?» — спросил я Орлова. «Будет в семь часов». «Можно присутствовать на бюро, товарищ Орлов?» Орлов пробормотал себе под нос что-то вроде: «чего, мол, жужжишь, как назойливая муха» — и вышел.

Елена Петровна ушла докладывать Покровскому. Я же, мучимый любопытством, решил все-таки попытать счастья и направился в парткабинет. Я догнал Орлова почти у двери парткабинета. Орлов был старшекурсником, «профессор без пяти минут», как мы в шутку величали выпускников. Он смерил меня с ног до головы, словно видел в первый раз, но не сказал ничего. Мы с самого начала невзлюбили друг друга: я его — за высокомерие, он меня — за непочтительность. Я вошел в парткабинет.

Там собралось уже много людей, и все сидели молча. Я опять начал рыться в тех же самых газетах в ожидании того, что произойдет дальше. Во мне говорило уже не любопытство, а упрямство. Если Орлов скажет: уходи — останусь; если же ничего не скажет — уйду сам. Но Орлову, видно, было не до меня. Когда вошел Покровский в сопровождении секретаря Краснопресненского райкома Никитина, все ожили. Орлов попросил членов бюро занять места и объявил заседание открытым. Речь его была краткая, но очень ядовитая. «Величайшее злодеяние, о котором мы сейчас узнали, является делом рук белогвардейской банды оппозиционеров...» Мне показалось, что при словах «белогвардейской банды» он окинул меня тем же злым взглядом, что и у входа в кабинет. А я вот как бы назло сегодня только и копаюсь в этих проклятых «белогвардейских» газетах! — промелькнула у меня мысль. «...Мы должны эту банду выловить и уничтожить... Она имеет своих агентов и в ИКП...» Когда Орлов сказал «агентов», наши взгляды встретились, может быть, конечно, случайно.

Однако чем больше Орлов входил в азарт красноречия, тем более я убеждался, что наши взгляды встретились действительно случайно. Он как бы обращался к каждому в отдельности: «Не ты ли этот самый агент?» Ко всеобщему удовольствию Михаил Николаевич прервал оратора и сказал, что прежде, чем обсуждать вопрос, он считает нужным посетить актовЫй зал для осмотра, так как не все при-

сутствующие в курсе дела. Мы перешли в актовъй зал на втором этаже. Вот теперь-то я понял наконец в чем дело.

На задней стене, за лекторской трибуной, висел написанный, кажется, известным Бродским портрет Сталина. Он был изображен во весь рост, но, увы... обезглавлен. Неуклюже вырезанная, видимо, каким-то тупым орудием голова валялась тут же, на полу. На груди Сталина, прямо над рукой, по-наполеоновски заложенной за борт знаменитой шинели, была прикреплена надпись из вырезанных газетных букв: «Пролетариату нечего терять, кроме головы Сталина. Пролетарии всех стран, радуйтесь!»

На заседании бюро многие доказывали, что «казнь Сталина» является провокационной демонстрацией антипартийных групп в ИКП. В отношении организационных мер решили пока ограничиться тем, чтобы создать партийную комиссию для расследования дела. Секретарь райкома Никитин даже рекомендовал не принимать слишком близко к сердцу поступок, который, может быть, является просто «хулиганским актом». Во время этих слов Никитина я уже сам воззил взгляд в Орлова. Будь Орлов физиономистом, он легко прочел бы в этом взгляде: «Видишь, как ты вечно любишь загибать, никакой белогвардейщины, а просто хулиганство».

На место обезглавленного Сталина принесли откуда-то новый портрет, на котором Сталин изображен вместе с Лениным в Горках в 1922 году: копия с известного фотографического снимка. Поэтому пришлось убрать отдельный портрет Ленина. Соответственно переместили Маркса и Энгельса. Появился и портрет председателя Совнаркома А. И. Рыкова, который первоначально отсутствовал. Институт снял траур.

Тем временем начали съезжаться к нам гости: студенты Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, аспиранты и научные сотрудники Коммунистической академии и РАНИИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук). Они тоже должны были присутствовать на предстоящей лекции. Мы не были заранее извещены, что все четыре высшие школы будут слушать эту лекцию вместе. Тем более возрастал интерес к самой лекции. Свердловцы и комакадемики были так же мало осведомлены о теме, как и мы. Многие из них спрашивали нас, кто и что должен читать.

Актовъй зал уже был переполнен. Многие должны были стоять в проходе и по сторонам, опоздавших не пускали вообще. Мы с моим другом Сорокиным предусмотрительно заняли места в первом ряду, но пришел Михаил Николаевич, который вежливо объявил, что первый ряд предназначен для гостей. «Дискриминация прав человека и гражданина», — съязвил Сорокин и, зло посмотрев на гостей — свердловцев и комакадемиков, — встал с места. Но когда гости толпой двинулись на первый ряд, Михаил Николаевич объяснил, что свердловцы и комакадемики — не гости, а свои, гости же скоро приедут. Тем временем мы уже успели захватить места в третьем ряду, которые были освобождены свердловцами, ринувшимися было на первые места.

«Идут», — сказал вдруг Сорокин. Я обернулся к двери. Раздались громкие аплодисменты. К первым рядам двигалась торжественная процессия гостей. В зале кричали: «Да здравствует ленинский ЦК! Ура соратникам и ученикам Ленина! Да здравствует Политбюро!» Крики «ура» и аплодисменты нарастали все больше и больше. Когда один из гостей крикнул: «Да здравствует Институт красной профессуры — теоретический штаб ЦК ВКП(б)!» — неподдельный энтузиазм перешел в экстаз. Гости аплодировали нам, а мы аплодировали гостям. «Да здравствует коллективный вождь, учитель и организатор ВКП(б) — ленинский ЦК! Ура, товарищи!» — крикнул с трибуны Орлов. «Ура, ура, ура-а-а-а!» — прокричали мы в ответ.

Тряся седой бородой, вышел на трибуну Покровский и занял председательское место. Раздался звонок. Гости сели, сели и мы. Водворилась могильная тишина. Председатель тихо, но членораздельно объявил: «Слово для доклада имеет товарищ Сталин».

Это было 28 мая 1928 года. Доклад назывался «На хлебном фронте»¹. Я впервые видел человека, о котором раньше слышал только то, что он по должности — генеральный секретарь ЦК, а по национальности — грузин. Правда, я внимательно

изучал в свое время его лекции «Об основах ленинизма» 1924 года в Свердловском университете. Хотя Сталин выступал в них как простой комментатор Ленина, но мне казалось тогда, что у этого комментатора железная логика в интерпретации ленинизма и сухой реализм в собственных выводах.

Тогда никто не думал и даже не предполагал, что «Сталин — Ленин сегодня», как это подобострастно установил потом Анри Барбюс. Если бы Сталин умер тогда, то о нем теперь уже давно забыли бы даже в его собственной партии. Сталин еще не был не только Лениным, но и самим собою. С исторической точки зрения, за ним числилась только одна явная заслуга или, если угодно, одно явное преступление: участие в октябрьском заговоре, причем — в роли намного ниже Троцкого и несколько выше какого-нибудь Шкирятова. В 1928 году Сталин был тем, кем был Муссолини накануне римского похода, а Гитлер — перед 30 января 1933 года. Правда, в кругах более посвященных его не называли иначе как «шашлычником», намекая не столько на кавказскую кухню, сколько на профессию «мясника». Но для большинства Сталина тогда не было, был все еще Джугашвили.

Мы были разочарованы тем, что беседа предполагалась на не совсем академическую тему — «На хлебном фронте». Мы ожидали чего-то вроде «китайской революции» (эта тема была тогда в большой моде) или «тактика и стратегия Коминтерна», а тут нам предлагают разжевывать «хлеб насущный», да еще и выслушивать статистические подсчеты! Увы, года через два эта лекция дошла до сознания последнего крестьянина в стране. Оказывается, мы присутствовали при историческом событии. Сталин изложил нам впервые свой план будущей «колхозной революции» и положил этим начало конца нэпа.

Сталин, видимо, учитывал наше настроение и, прежде чем приступить к самому докладу, сделал ряд оговорок. «Вы, вероятно, ждете от меня, — сказал он, — теоретического доклада на высокие темы. Но я вас должен разочаровать... Во-первых, я не теоретик, а практик. Во-вторых, я держусь марксистского правила: «один действительно революционный шаг выше дюжины теоретических программ»... И вот тема, которая мною избрана по поручению ЦК для доклада здесь, и является практической, но революционной темой: хлеб. От того, как мы разрешим проблему хлеба, зависит не только судьба советской власти, но и мировой революции. Ведь мировая революция может питаться только советским хлебом». Эти последние слова мне запомнились накрепко.

Сталин говорил тихо, монотонно и с большими паузами, как бы стараясь не столько подбирать слова и формулировки, сколько не сказать ничего лишнего. Он, казалось, читал вслух неписаную часть текста своего доклада. Конечно, у Сталина был грузинский акцент, что было особенно заметно в тех случаях, когда он волновался. В спокойном эпическом рассказе он умел смягчать свое произношение.

После вводного слова Сталин уже читал заранее написанный текст доклада. Он избрал свой излюбленный метод собеседования: «вопросы и ответы». Большинство из «вопросов» было тоже сочинено самим Сталиным от нашего имени, а многие из вопросов, которые были ему действительно заданы после окончания доклада, вообще не вошли к текст доклада, опубликованного в прессе.

Основной вопрос доклада был следующий: что нужно делать, чтобы советская власть получила от крестьян больше хлеба и по возможности даром? Иначе говоря: существуют ли возможности и пути превратить крестьянина, свободного труженика на частном наделе, в крестьянина-производителя на государственной земле?

В ответ на этот вопрос Сталин и огласил впервые свою программу «колхозов и совхозов». Как обычно в подобных случаях, Сталин ссылаясь на Ленина и доказывал, что единственный выход для советской власти с целью увеличения производства товарного хлеба в сельском хозяйстве — это переход к коллективным формам хозяйства, это — коллективизация крестьянства. О «ликвидации кулачества» Сталин еще не говорил, ограничиваясь ленинской формулой: «опора на бедноту, союз с середняком и борьба с кулачеством». Короче: нэп кончается. «В городе — социалистическая индустриализация, в деревне — «колхозная революция» — таков был смысл доклада. Едва ли он сам представлял себе тогда, во что все это выльется конкретно и какие будут издержки этого сложного процесса. Но еще меньше пред-

ставляли себе мы, «теоретики».

Сталин говорил уже около двух часов подряд, часто пил воду. И когда он очередной раз потянулся к графину, воды уже не оказалось. В зале раздался смех. Кто-то из президиума подал Сталину новый графин, Сталин жадно вышил почти полный стакан и, обращаясь к аудитории, лукаво посмеялся и сам: «Вот видите, хорошо смеется тот, кто смеется последним! Впрочем, могу обрадовать вас, я кончил». Раздались аплодисменты.

Председатель объявил десятиминутный перерыв. Вопросы он просил задавать в письменной форме. Мы вышли из зала. «Мы казнили лишь портрет Сталина, — так обобщил свое впечатление от доклада Сорокин, — а Сталин похоронил дух ленинизма». Это замечание меня взбесило. Я знал Сорокина как закоренелого нигилиста, для которого все земные авторитеты — ничто, если речь идет об обосновании его собственной теории. Даже Маркса он любил поправлять и ловить на противоречиях. Про Ленина он имел обыкновение кстати и некстати повторять стандартную фразу: «Ленин тоже ошибался». Ну, куда теперь Сталину связываться с Сорокиным!

«Гениальнейший товарищ Сорокин! Скажите, в чем вы видите похороны духа ленинизма товарищем Сталиным?» — спросил я иронически-официальным тоном. «А ты и не заметил?» «Нет». «Да, брат, слона-то ты и не приметил. А вот скажи, в чем сущность «кооперативного плана» Ленина?» «Его изложил Сталин», — ответил я. «Не изложил, а искажил. То есть попросту сфальсифицировал». «Ты не мудрствуй, а скажи членораздельно, в чем ты видишь сталинскую фальсификацию!» — продолжал я добиваться.

«Кооперативный план» для Ленина — не колхозы, не совхозы и не коммуны, а рабочие кооперативы в городе и крестьянская торговая кооперация в деревне при сохранении командных высот в руках пролетарского государства. «Кооперативный план» Ленина лежит в сфере обращения, а Сталин хочет перевести его в сферу производства, для чего ему и пришлось выдумать три формы кооперации: снабженческую, сбытовую и производственно-колхозную. Вот эту последнюю, третью форму докладчик считает ленинской высшей формой кооперации, к которой мы должны перейти теперь. Ведь это прямое глумление над памятью Ленина и жонглерство понятиями. Ведь Ленин даже не знал слова «колхоз», а Сталин приписывает ему теперь целый план. Ну и орел же этот твой земляк», — заключил Сорокин свою речь. «Да, Кавказ — родина орлов», — не без гордости ответил я. «Но на Кавказе, кажется, ишаки тоже водятся», — заметил мой друг.

Раздался звонок. Мы двинулись в зал. Перед Сталиным лежала кучка бумажек. Он разбил вопросы на три группы: «принципиальные», «технические» и «вопросы не по существу» (к последней категории большевики всегда относили вопросы, на которые почему-либо считали невыгодным или неудобным отвечать). Сталин сказал, что он ответит на вопросы первых двух групп, а вопросы третьей группы отводит, как не относящиеся к делу. Но собрание больше всего занимали именно эти вопросы «не по существу». Все вопросы Сталин вынужден был огласить.

Я сейчас весьма смутно помню содержание этих вопросов. Помню хорошо только то, что спор шел вокруг основной проблемы доклада: что такое колхозы и как Сталин мыслит себе их создание? В одной из записок спрашивали Сталина приблизительно так: «Если крестьяне откажутся добровольно признать Ваш план коллективизации, то стоите ли Вы на точке зрения насильственной коллективизации?» Сталин на это ответил формулой Ленина: «Диктатура пролетариата есть неограниченная власть, основанная на насилии». «Значит, долой нэп и назад к «военному коммунизму»? — крикнул кто-то в зале. Сталин не ответил на реплику.

Другая записка, но уже анонимная, спрашивала: «Ленин говорил, что мы ввели нэп всерьез и надолго, и требовал архимедленности и архисторожности в отношении кооперирования крестьянства, а Вы требуете форсирования темпа коллективизации. Кто из вас прав: Ленин или Вы?» На это Сталин ответил резко и закончил свой ответ грубым выпадом: «Ленинизм — не Библия, а диалектика. Постоянной величиной в нашей политике является собственно наша стратегия — борьба за

коммунизм. Тактику мы меняли и будем менять даже радикально, когда это диктуется интересами стратегии. Если автор записки этой аксиомы не понимает, то рекомендую ему покинуть ИКП, чтобы начать свою профессорскую карьеру с азав ленинизма в совпартшколе». Автором записки был Сорокин.

Из вопросов «не по существу» помню два: автор одного из них просил Сталина рассказать содержание предсмертного письма троцкиста Иоффе, покончившего самоубийством, а другой аноним просил разъяснить ему, «почему органам ОГПУ, вопреки указаниям Ленина, разрешено создать свою агентурную сеть и в рядах партии?». Оба эти вопроса, конечно, остались без ответа.

Беседа закончилась. Сидевшие в первом ряду приподнялись. Хозяин собрания, Михаил Николаевич, видимо, весьма довольный благополучным исходом собрания, с добродушной улыбкой ученого патриарха, тепло и запросто пожал руку Сталину. Потом обратился к собранию: «Друзья мои, поблагодарим Иосифа Виссарионовича за интересный доклад, а наших дорогих гостей, членов Центрального Комитета, за визит».

Сидящие в президиуме Молотов, Угланов, партийный «Фукидид» Емельян Ярославский, всегда сосредоточенный и несколько сухой редактор правительственных «Известий» Скворцов-Степанов начали аплодировать, что было подхвачено первым рядом сталинских сторонников — Пospelовым, Адоратским, Савельевым, Стецким, Криницким — и поддержано всеми нами в зале. В зале аплодировали из вежливости, в первых рядах — по убеждению, в президиуме — из коллегиальности. Бесподобен был Орлов: когда уже умолк весь зал, он все еще продолжал аплодировать, покраснев от натуги...

Сталинская свита ринулась к хозяину. Одни восхищались глубиной доклада, другие возмущались вопросами «не по существу». Сталин учтиво улыбался, но в прения не вступал. Чуть в стороне стоял с Покровским Молотов и силился ему что-то доказать; тут я впервые узнал, что Молотов слегка заикается. В ответ на какую-то просьбу Михаила Николаевича Молотов обратился к Сталину с вопросом. Вопроса я не слышал, но видел, как Сталин повернулся в сторону Покровского и одобрительно кивнул головой. Ректор обратился в зал: «Членов бюро партийной ячейки ИКП прошу ко мне!»

Сорокина подозвал сам Сталин. Он знал его еще по гражданской войне и по работе в Секретариате ЦК. Они поздоровались, и Сталин по-отечески хлопал по плечу того, кого он еще несколько минут тому назад, сам об этом не зная, уничтожил своим убийственным ответом. Когда начали собираться тузы Института вокруг членов ЦК, Сорокин попрощался со Сталиным и отошел.

Началось представление. Задыхаясь от старческой астмы и усердствуя в характеристике «борцов парада», Покровский начал аттестацию: «Экономист Орлов! Секретарь партячейки ИКП». Высокий, тощий, с повадками артиста и лицом пьяницы, наш местный вождь быстро подскочил к Сталину и, не дожидаясь, первый протянул ему руку. Сталин, пожав ее, хотел уже подать руку следующему, но Орлов все еще не выпускал его руки. «Философ Юдин! Секретарь партячейки философского отделения». Это было первое знакомство Сталина с будущим его теоретиком. «Философ Константинов! Член бюро ячейки ИКП». «Литератор и историк Щербаков! Член бюро ячейки...» Литературная деятельность этого человека заключалась в обильном писании секретных сводок по институтским делам в ЦК, за что он дослужился впоследствии до сана члена Политбюро. Сам он на собраниях никогда не выступал. «Историк Панкратова! Выпускница ИКП и ассистентка по кафедре русской истории». Сталин хотел с нею разговориться, но она, «буржуазная либералка», как мы ее называли, худая и щупленькая, совсем растаяла. Впоследствии эта «буржуазная либералка» через ряд побед и поражений, разоблачений и самобичеваний (я еще не видел никого, кто бы так талантливо бичевал самого себя, как она) добралась до сталинского ареопага: она — член ЦК КПСС. «Философ Митин!» Невзрачный, худой, с чахоточным лицом Митин по пояс согнулся перед Сталиным, как придворный слуга перед грозным владыкой. Сейчас он тоже член ЦК. Стэн, Карев, Мехлис поздоровались сами как старые знакомые. Парад кончился.

Пока мы возились у вешалки, Сталин вышел со свитой, и караван лимузинов тронулся по Садовому кольцу. Я вспомнил о Дедодубе. С какой важностью, как стоически стоял он на своем посту! «Ну как, дед? Видел царя?» — спросил его Сорокин. «Калиныча не было, я его знаю лично», — разочарованно сказал дед. «Но ведь Сталин — тоже царь», — настаивал на своем Сорокин. «Может, он и царь, но не Калиныч», — сухо ответил дед.

II. «Теоретический штаб» ЦК ВКП(б)

Институт красной профессуры по своей учебно-исследовательской программе был первой советской аспирантурой по подготовке будущих красных профессоров — преподавателей университетов и социально-экономических высших учебных заведений. Создан он был по инициативе первого марксистского историка, члена Академии наук СССР при Сталине — Михаила Николаевича Покровского.

Покровский определился как марксистский историк еще задолго до революции. Приват-доцент Московского университета, он выступил с самого начала как представитель марксистского мировоззрения в русской исторической науке. Его основной труд — «Русская история с древнейших времен» (четыре тома) — вышел еще до революции. В этой работе Покровский радикально разошелся со всеми существующими историческими школами в оценке исторического процесса. По своей методологии он был представителем своеобразно понятого им исторического материализма (противники слева считают его материализм «экономическим материализмом»). В анализе исторических событий Покровский стал на классовую точку зрения.

После революции Покровский, заняв пост заместителя наркома просвещения (Покровский был членом партии большевиков с 1905 г.), становится и шефом научных учреждений, руководя при Наркомпросе Государственным Ученым Советом. Разумеется, он признавался одновременно и официальным главой советской исторической науки. Но сторонниками этой науки из советских специалистов в Советской России, кроме самого Покровского, были только одиночки-историки из числа членов партии. Представители старых русских исторических школ не признавали ни авторитета Покровского, ни его исторической концепции. Собственно, поэтому пришлось упразднить на время вообще историческую науку в России (закрывание исторических факультетов в университетах, изъятие преподавания исторической науки из средних школ и замена ее другой дисциплиной, так называемым «обществоведением», и т. д.).

Это поставило перед советской властью первоочередную задачу: подготовку собственных научных кадров не только в области истории, но и для других общественных наук. Этой цели должны были служить организованные по инициативе того же Покровского новые учреждения: Коммунистическая академия, Институт красной профессуры, РАНИИОН и коммунистические университеты.

Вкратце, но весьма ярко, свою новую историческую концепцию Покровский изложил в однотомной работе «Русская история в самом сжатом очерке», которая выдержала с 1921 по 1931 год десять изданий. Ленин сразу оценил «переворот», произведенный Покровским в «русской исторической науке», и поздравил его в специальном письме с этим успехом. Ленин писал: «Тов. Покровскому. Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга «Русская история в самом сжатом очерке». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки. Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим указателем... Учащийся должен знать и Вашу книгу и указатель... Ваш Ленин»². Впоследствии Сталин объявил эту книгу «антিলенинской» и изъясил из обращения.

Декрет об открытии Института красной профессуры был подписан Лениным 11 февраля 1921 года. Вот краткая справка из Большой Советской Энциклопедии: «Красной Профессуры Институт (ИКП). ИКП впервые организован в 1921 г. в

Москве, на основании декрета Совнаркома РСФСР от 11/II 1921, подписанного В. И. Лениным. Декретом СНК на ИКП возлагалась задача обеспечить подготовку «красной профессуры для преподавания в высших школах республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства»...

В первый год своего существования ИКП не имел отделений, с 1922 года были организованы отделения: экономическое, историческое и философское; с 1924 — правовое и с 1926 г. — историко-партийное отделение. Наборы 1921—1929 гг. давали в ИКП ежегодно от 75 до 140 человек, в большинстве людей с высшим образованием... Учебная работа в ИКП протекает в форме лекций, семинаров. Курс обучения трехгодичный. По окончании ИКП слушатели сдают государственные экзамены» (БСЭ, 1-е изд., т. 34, стр. 600—601).

В числе многих причин, вызвавших к жизни наше и подобные ему учреждения, была еще и та простая причина, что старые научные кадры бойкотировали советскую власть. Многие из старых профессоров отказались служить советской власти и ушли во «внутреннюю эмиграцию». Другие открыто объявили войну советской власти, борясь в рядах Добровольческого движения, а когда война закончилась победой большевиков, ушли во внешнюю эмиграцию. Третьих большевики сами выслали из России, чтобы избавиться от будущих «заговорщиков».

Но и к оставшимся в России советская власть не питала никакого доверия. «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит!» — я не раз слышал такую характеристику старых профессоров из уст советских вероучителей. И даже самые добросовестные из уцелевших старых профессоров, с точки зрения советской власти, не шли дальше популярной в этой среде формулы: мы аполитичны, а потому и лояльны.

Простая лояльность, вполне достаточная во время гражданской войны, признавалась совершенно недостаточной после большевистской победы. К тому же «лояльность профессора» могла научить молодежь только лояльности. Этого советская власть никак не могла допустить. «Коммунистическое воспитание молодежи» — таков был лозунг, выдвинутый еще Лениным на III съезде комсомола в 1920 году.

Отсюда большевики пришли к выводу, что нужно создать собственную, красную профессуру, которая, учась у руководителей ВКП(б) марксистской теории, будет учиться одновременно у «лояльных» профессоров фактическим знаниям. Потом, достаточно подготовившись, они заменят своих «буржуазных профессоров». Тогда дело «коммунистического воспитания» будет в надежных руках.

Уже к началу 1928 года в ИКП были следующие отделения: история, философия и естествознание, экономика, история литературы и критики, мировая политика и мировая экономика, общее отделение. Впоследствии эти отделения (факультеты) были реорганизованы в самостоятельные институты красной профессуры по специальностям. Среди профессорского состава были виднейшие партийные и беспартийные ученые страны, руководители ВКП(б) и Коминтерна. Укажу некоторые имена:

Беспартийные ученые: Рожков, Платонов, Сергеев, Грацианский, Бахрушин, Гарле, Греков, Струве, Крачковский, Марр, Мещанинов, Рубин, Громан, Базаров, Л. Аксельрод, Деборин, Преображенский, Мишулин, Косминский, Тимирязев (сын) и др.

Партийные профессора: Бухарин, Покровский, Луначарский, Ярославский, Радек, Крумин, Квининг, Е. Преображенский, Вьппинский, Крыленко, Пашуканис, Берман, Варга, Миф, Бела Кун (Восточная Европа), Эрколи-Тольятти (Юго-Западная Европа), В. Коларов (Балканы), В. Пик (Центральная Европа), Куусинен (Финляндия), Страхов (Китай; русский псевдоним одного китайского коммуниста), еще несколько китайцев и японцев. Периодически с докладами в стенах ИКП выступали, кроме названных лиц, Сталин, Каганович, Калинин, Мануильский, Бубнов, Эйдеман и др.

ИКП предъявлял к поступающим довольно высокие академические требования. Сам прием происходил в порядке отбора лучших кандидатов на конкурсных

экзаменах из состава лиц, допущенных специальным постановлением Мандатной комиссии ЦК ВКП(б). Как правило, требовалось, чтобы кандидат имел образование в объеме университета или соответствующего факультета другой высшей школы. Предварительным условием допущения к устным испытаниям было представление письменной вступительной работы, в которой кандидат должен был показать свою способность и призвание к исследовательской работе. После рассмотрения письменной работы и проведения устных экзаменов экзаменационная комиссия ИКП выносила свое заключение, кто из кандидатов и насколько удовлетворяет академическим требованиям Института.

Это заключение шло в ту же Мандатную комиссию ЦК. Мандатная комиссия докладывала весь мандатный материал Оргбюро ЦК ВКП(б), которое выносило окончательное постановление о принятии кандидата в ИКП. С этих пор икапист (так назывались студенты ИКП) становился номенклатурным работником ЦК ВКП(б) и заносился в картотеку «руководящего актива». В дальнейшем всякие изменения в жизни этого «руководящего активиста» — перевод, командировка, назначение на работу, снятие, арест — могли происходить только с ведома и по постановлению ЦК.

«Теоретический штаб» ЦК — ИКП дал действительно много кадров как Сталину, так и его противникам. Как и при каких обстоятельствах одни икаписты превращались в «соратников и учеников Сталина», а другие во «врагов народа» и «извергов фашизма», я расскажу дальше. Отмечу лишь пока некоторых из тех и других.

Через ИКП прошли, стали врагами Сталина и погибли в камерах смертников НКВД или в изоляторах концлагерей: Слепков, Астров (редакторы журнала «Большевик» и сотрудники Бухарина по газете «Правда»), Айхенвальд, Марецкий, Краваль (секретарь Бухарина), Стецкий (заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), член ЦК), Стэн (член ЦКК), Карев, Бессонов, А. Кон, В. Кин (Комакадемия), К. Бутаев, К. Таболов, Самурский, Михайлов (секретари обкомов), Мадьяр, Ломинадзе, Шацкий (Коминтерн). Этот список может быть продолжен до сотни имен. Через ИКП прошли и стали близкими сотрудниками Сталина: А. Щербаков (умер на посту члена Политбюро в 1945 г.), Мехлис (член ЦК ВКП(б) и бывший министр Госконтроля), Абалин (гл. редактор журнала «Коммунист»), Федосеев (бывший главный редактор журнала «Большевик»), Александров (член ЦК и бывший шеф пропаганды), Суслов (секретарь ЦК), Поспелов (бывший главный редактор «Правды», директор Института Маркса — Энгельса — Ленина, секретарь ЦК), Ильичев (бывший главный редактор «Известий» и «Правды», кандидат ЦК), Митин (член ЦК), Юдин (член ЦК и главный редактор органа Коминформа, посол в Китае), Константинов (начальник Управления пропаганды и агитации ЦК), Сурков (один из руководителей Союза писателей). Этот список тоже мог бы быть продолжен. Уже эти имена говорят о том, что ИКП был действительно неким «теоретическим штабом», где с одинаковым усердием обе стороны (сталинцы и антисталинцы) разрабатывали, так сказать, «идеологическую стратегию» будущих внутрипартийных войн.

III. Кадры правых

В среду правых я был введен моим другом и старшекурсником ИКП Сорокиным. Мы часто собирались на квартире известной в тех кругах Королевой. Зинаида Николаевна Королева не принадлежала к тем знаменитым «кухаркам», которых Ленин призывал «учиться управлять государством». По происхождению она была дворянкой, по воспитанию подлинной «гранд-дамой», но по своим политическим взглядам она сделалась самой крайней революционеркой еще с институтской скамьи.

В 1916 году она ушла из медицинского института на фронт в качестве сестры милосердия. Февральская революция застала ее в одном из госпиталей под Киевом. Вскоре начали создаваться солдатские революционные комитеты, и она была втя-

нута в работу одного из местных комитетов. Будучи лишь технической секретаршей, она выполняла весьма важные функции — редактировала и сама сочиняла воззвания, приказы и требования местного комитета к солдатам, народу и правительству.

Солдаты ее полюбили за простоту характера, хотя и относились к ней с некоторым недоверием. «Сама буржуйка, а кроет буржуев на чем свет стоит, тут что-то неладное, братцы!» Когда однажды такой солдатский разговор дошел до Зинаиды Николаевны, она попросила председателя солдатского комитета созвать экстренный митинг, чтобы сообщить полезную информацию. «В России — революция. Вся Россия — митинг», — писал об этом времени Артем Веселый. Так было и на фронтах. Солдаты жили митингами, разжевывая на них два лозунга дня: «война до победного конца» справа и «мир хижинам — война дворцам» слева.

Оба лозунга казались слишком крайними, и средний фронтовик внутренним инстинктом чувствовал, что недостает какого-то среднего и разумного решения вопроса войны и мира. С тем большей охотой солдатская масса прислушивалась к новым решениям и предложениям. Этим, может быть, и объяснялось, почему митинг, созданный для Зинаиды Николаевны, оказался столь многолюдным, что она сперва заколебалась, не отказаться ли ей от своей затеи выступить перед такой многочисленной аудиторией. Но друзья по солдатскому комитету ее подбодрили, а председатель комитета сказал и вводную речь, закончив ее словами, вызвавшими веселое оживление: «Итак, слово имеет Революция Николаевна, бывшая Королева!» Контакт с массой был найден. Зинаида Николаевна выступила.

«Я не помню ни одного слова из того, что я тогда говорила. Это был мой первый революционный дебют, и вы себе не можете представить, как ужасно я волновалась! Когда я предложила созвать митинг, я собиралась рассказать солдатам о русских «революционных буржуйках», — о Вере Фигнер, Софии Перовской, Вере Засулич, Екатерине Кусковой, «бабушке русской революции» Брешко-Брешковской, чтобы рассеять все эти предрассудки о «бабах» и «буржуйках». А что я наговорила, не помню, убейте, не помню! Помню только, что с того памятного дня друзья стали меня величать запросто: «Революция Николаевна!» — так рассказывала сама Зинаида Николаевна об этом эпизоде.

В то время, о котором я рассказываю, она работала в Народном Комиссариате по иностранным делам и пользовалась большим влиянием среди его руководителей. Отношения между нею и Сорокиным, с которым она была знакома еще по гражданской войне, были совершенно дружескими. Он так же непринужденно беседовал с ней о политике, как и на тему о «половом вопросе». Замечу тут же, что даже в последующие годы реакции, когда за каждым старым большевиком или героем гражданской войны охотились полдюжины сталинских сексотов, отношения между старыми соратниками оставались близкими, что им потом немало повредило.

Я бывал у нее часто вместе с Сорокиным и относился к ней с тем благоговением, с каким молодой энтузиаст может относиться к героям революции. Близко я узнал Королеву на вечере у нее, на котором приглашенных было немного — один военный с ромбами, которого присутствующие называли просто «Генералом», его дама с бледным лицом и нахальными глазами, член бюро МК Резников, которого многие пророчили в члены Политбюро, нарком Н. (он был, собственно, заместитель наркома, но приличия ради его величали «Наркомом») с женой и мы с Сорокиным. Стол был накрыт чисто по-русски: сытно и обильно, но без претензии на изысканность.

Первый тост предложил «Генерал»: «Меня учили еще мальчишкой: не задавай никогда двух вопросов — военному о тайнах его ведомства и пожилой даме о ее возрасте. Но с тех пор меня занимали именно эти два вопроса. Военного я неизменно спрашивал, чем он занят и скоро ли он займет место своего начальника, а даме задаю один и тот же вопрос — довольна ли она «нашим братом», а если нет, то сколько ей лет. Признаюсь, только у Зинаиды Николаевны я не имею успеха. Нас, мужчин, она считает бабами, а себя все еще девочкой. И я согласен с нею — лучше быть прекрасной девочкой, чем бабой с усами. За все, чем дорога нам наша Зинаида Николаевна, за мужество, молодость и дерзание выпьем эти бокалы».

Все дружно чокнулись и залпом вьшили, кроме меня и дамы с нахальными глазами. Дама, видимо, косилась на «Генерала», а я — на слишком уж полный стакан водки. Вечер быстро принял положенный ему оборот. Тосты чередовались за тостами, а водка глушила перекрестные речи. Если бы не сама хозяйка, которая отрезвляюще действовала на пьяных и опьяняюще на трезвых, равновесие было бы давно нарушено.

Она вовремя почувствовала нарождающуюся угрозу и, торжественно вручив каждому по бутылке нарзана, пригласила нас в гостиную послушать музыку и сама села за рояль. «Что же вам сыграть, друзья?» — обратилась она к нам, перебирая ноты. «Похоронный марш», — невозмутимо ответил Сорокин. Слова его потонули в веселом хохоте, а «Генерал» еще приговаривал: «Гениально, гениально!» «Охотно, Ваня, только скажи, кого же мы собираемся оплакивать», — спросила хозяйка не то с досадой, не то с сочувствием. «Жалкую гибель великой революции!» — ответил полутрезвый Сорокин.

Это был первый звонок к полному отрезвлению. Люди сразу стали задумчивыми. Холодный душ сорокинских слов будто смыл хмель сорокаградусной «рыковки». Даже военный приуныл, покачивая головой. «Это горькая истина!» — читал я на его лице. Зинаида Николаевна поддалась общему настроению и, начав с «Реквиема» Моцарта, перешла к увертюре «Прометей» Бетховена.

Но дамы запротестовали. Супруга «Наркома», одна из тех, которых бессмертный Гоголь назвал «дамой приятной во всех отношениях», так и заявила: «Что же это, мы собрались отпраздновать день рождения Зинаиды Николаевны или устроить кладбищенский концерт?» При этих словах она подошла к хозяйке и властно прибавила: «А ну-ка, дорогая, не мучайте рояля и гостей, а уж лучше слушайте!»

Она заняла место за роялем. Под собственный аккомпанемент она исполнила несколько романсов Бородина и Чайковского. Сыграла она, действительно, виртуозно и награждалась каждый раз шумными аплодисментами гостей. Мы вновь вернулись к жизни. Жена «Наркома» исполнила и несколько революционных песен. В заключение общим хором всех присутствующих было исполнено «Письмо матери». «Письмо матери» Есенина было запрещено для исполнения, но оно исполнялось чаще других советских произведений. Это были годы массового увлечения молодежи Есениным; это увлечение передавалось и «отцам». Четырехтомник Есенина (уже запрещенный) котировался на черной бирже в сто крат выше своей номинальной стоимости. Буйно-траурный пессимизм есенинской лирики явился социальным бальзамом, успокаивавшим тяжкие боли рождения сталинской империи. Бесшабашно-залихватская, пусть даже пьяно-кабацкая, а потому смелая манера Есенина говорить лирическую правду о режиме, при котором он себя уже чувствовал «иностранцем» («в своей стране я словно иностранец», — говорил поэт), действовала подкупающе. Помню, как я сам днем в Институте пережевывал «Капитал» («Ни при какой погоде я этой книги, конечно, не читал», — писал Есенин о нем), а вечером перечитывал Есенина.

Конечно, Есениным увлекались и непризнанные донжуаны, и немало их кончило жизнь самоубийством по есенинскому рецепту — разрез вены для прощального стиха и веревка на шею, однако знаменем Есенин стал у политических бунтарей среди молодежи. Как это бывало часто в таких случаях, по рукам этой молодежи ходили нелегальные памфлеты поэта на режим, которых, быть может, Есенин никогда не писал, но которые были вполне в есенинском духе. Мертвый Есенин грозил стать идейным вождем крестьянской Вандеи. Тем энергичнее расправилась сталинская власть с его памятью.

Не только в поэзии, но и в драматургии, театре и музыке интеллигенция пробовала дать «реванш» большевикам. «Бег» или «Дни Турбиных» Булгакова показывали на советской сцене антисоветских героев в положительном виде. Дирижер Большого театра Голованов при единодушной поддержке всего коллектива театра небезуспешно боролся за сохранение этого величественного храма русского оперного искусства против «Пролеткульта» и партийных невежд. Если бы не авторитет и влияние Голованова, Немировича-Данченко, Станиславского, Качалова, Москвина, если бы не поддержка Горького, если бы не известная слабость к искус-

ству тогдашнего наркома просвещения Луначарского, Большой театр, в связи с «головановщиной», был бы закрыт. Членов ЦК мало занимало искусство, хотя некоторые из них весьма увлекались артистками. Многие знали о похождениях в Ленинграде Кирова, который для удобства самочинно назначил себя почетным шефом тамошнего оперного театра (советское правительство увековечило после эту склонность Кирова, назвав ленинградский театр оперы и балета его именем). С ним в Москве успешно конкурировал Ворошилов, натываясь на его поприще то на Луначарского, то на Буденного (его жена была неграмотной крестьянкой с Кубани, но, став маршалом, он бросил ее, детей своих отдал в приют, а сам ушел «на сцену»).

Вернемся к нашему вечеру. Когда мы перешли от музыкальной части к деловой, я понял, что присутствую где угодно, но только не на обычных торжествах по случаю дня рождения. Водка исчезла, не доведя никого до накала, был сервирован крепкий чай, и хозяйка после нескольких вводных замечаний предоставила слово члену бюро МК Резникова.

Я должен сказать о нем несколько слов. Резникова я видел только второй раз, но знал его, со слов Сорокина, как выдающегося партийного работника с «независимым мнением». Во время октябрьского переворота он был уполномоченным Военно-революционного комитета при Петроградском Совете во флоте, получал непосредственно указания от Троцкого по военной и от Ленина по партийной линии. «Ленин — мозг, Троцкий — душа, а Резников — тело нашей революции» — такова была формула «Генерала», когда он говорил о движущих силах большевистской революции (идеологически «Генерал» стал «право-левацким троцкистом»). Во время гражданской войны Резников дрался с Колчаком, будучи два раза ранен и оба раза тяжело, был взят в плен, но по личному вмешательству Ленина его спасли буквально из-под расстрела, обменяв на десять колчаковских офицеров, захваченных большевиками. В его партийной биографии было только одно пятно — во время кронштадтского восстания в 1921 году Резников выступил против ультиматума Троцкого повстанцам и его угрозы уничтожить Кронштадт в случае их упорства: «Каждый выстрел по Кронштадту — выстрел по революции», — доказывал Резников. Когда в ЦК решали вопрос о предварительной посылке парламентариев, чтобы склонить кронштадтцев к мирному урегулированию конфликта, Ленин вновь вспомнил о Резникове. Ему сообщили, что Резников сидит в Чека как «моральный соучастник» мятежников. «Ну знаете, товарищи, если такие люди, как Резников, числятся в контрреволюционерах, тогда мы все — контрреволюционеры!» — сказал Ленин.

Так второй раз прямо из-под расстрела Резников был спасен Лениным. С того дня, затаив глущую злобу и на Троцкого и на Чека, Резников поклялся в верности Ленину. Поэтому понятно, что во время борьбы против Троцкого и его оппозиции Резников был в первых рядах анитроцкистов. Просталинский ЦК не замедлил ответить благодарностью, и Резникова ввели в состав московского партийного руководства.

Итак, мы были готовы выслушать Резникова. «Зинаида Николаевна просила меня, — начал он, — поделиться с друзьями информацией о внутрипартийном положении, в частности о положении нашей московской организации. Я охотно согласился, тем более что партийная печать лишена возможности информировать собственную партию». После такого вводного слова Резников достал из портфеля записную книжку и, перелистывая ее, сделал почти часовую информацию о закулисных событиях в Московском и Центральном Комитетах. То, что рассказывал Резников, было для меня совершенно ново.

Оказывается, уже с самого начала 1928 года (то есть сейчас же после ликвидации «левых») как в Политбюро, так и в руководстве Московским Комитетом происходила глухая, но весьма упорная борьба почти по всем основным вопросам внутренней и внешней политики партии. Спор начался, собственно, из-за Троцкого, уже находившегося в ссылке в Алма-Ате³. Троцкий продолжал и в ссылке беспокойть ЦК своими статьями и прокламациями, проникавшими внутрь страны⁴.

Перепечатанные в Москве на ротаторе, материалы Троцкого широко распро-

странялись не только между членами партии, но и среди беспартийной интеллигенции. Я сам одну из таких статей Троцкого получил в Коммунистической академии, где существовала нелегальная ячейка троцкистов. Замечу тут же, что эта статья Троцкого сохранялась у меня почти десять лет. Только в 1937 году, фильтруя свой архив от антисталинской литературы на случай возможного обыска и ареста, я натолкнулся и на нее, прочел внимательно еще раз, мысленно поклонился Троцкому за его пророчество об «эпигонах» и «термидорианцах» и сжег.

Ввиду такой непрекращающейся «контрреволюции» Троцкого Сталин поставил перед Политбюро вопрос о суде над Троцким. Все понимали, что на этот раз Сталин добивается физического уничтожения своего противника. Из членов Политбюро Сталина поддержали только Молотов и Ворошилов. Рыков, Бухарин и Калинин выступили против суда над Троцким. Наконец было достигнуто компромиссное решение: выслать Троцкого за границу.

Сталин долго не шел на этот компромисс, пока его не заверил начальник ОГПУ Менжинский, что будет ли Троцкий находиться в Алма-Ате, на Лубянке или на Мадагаскаре, для его ведомства это не играет роли. «Везде Троцкий будет находиться у нас», — успокоил Менжинский Сталина. Как известно, он не ошибся.

Второй спор происходил вокруг так называемого «Шахтинского дела». В конце 1927 года полномочный представитель ОГПУ по Северному Кавказу Ефим Георгиевич Евдокимов представил председателю коллегии ОГПУ Менжинскому весьма детально разработанное агентурное дело, из которого явствовало, что в г. Шахты на Сев. Кавказе существует нелегальная контрреволюционная вредительская организация, состоящая из группы старых специалистов. По данным этого дела выходило, что эта группа, будучи связанной со старыми хозяевами шахт за границей, ставит своей целью вывод шахт из строя путем систематического вредительства. Лубянка отнеслась к докладу очень скептически. Ввиду важности дела и к тому же хорошо зная повадку своих сотрудников строить карьеру на мифических делах, Менжинский предложил Евдокимову представить ему вещественные доказательства. Тогда Евдокимов поехал к Менжинскому, захватив с собой «доказательства», в числе которых он привез перехваченные его учреждением частные письма на имя некоторых из обвиняемых специалистов из-за границы. Менжинский не нашел в них никаких «вредительских установок», как утверждал Евдокимов. Последний стал настаивать на том, что эти письма зашифрованы.

«Хорошо, так вы их расшифровали?» — спросил Менжинский. «Нет», — ответил Евдокимов. «Почему же?» «Ключи к шифру находятся в руках фигурантов». «Значит?» «Значит, мы просим санкции коллегии на арест нескольких руководителей шахт», — доложил Евдокимов. «Даю вам двухнедельный срок: либо вы расшифруете эти письма без предварительных арестов, либо я вас вместе с вашими агентами буду судить за саботаж!» — при этих словах Менжинский прямо почкистски выставил Евдокимова из своего кабинета. Теперь Евдокимову стало ясно, что если он не докажет контрреволюции шахтинцев, то его чекистской карьере придет конец. И он решил испробовать последний шанс: обратиться к самому Сталину.

Евдокимов доложил ему суть дела и, конечно, разговор с Менжинским. Но так как Сталин не занимал тогда официального поста в правительстве, то Евдокимов просил Сталина воздействовать на Менжинского через Рыкова. Рыков был тогда председателем правительства. «Чепуха, — ответил Сталин, — выезжайте к себе и немедленно примите все меры, какие вам покажутся необходимыми. В дальнейшем информируйте только меня, а с Менжинским мы как-нибудь сами договоримся» (Сталин был и членом коллегии ОГПУ от ЦК). Имея такую карт-бланш в кармане, Евдокимов умчался в Ростов (краевой центр). На второй день в Шахтах были произведены массовые аресты среди виднейших специалистов, потом аресты распространялись и на Донбасс, но дело вело Северо-Кавказское ПП ОГПУ.

В Москве это вызвало целый переполох — ВСНХ, ОГПУ и сам Совнарком потребовали от Северо-Кавказского ОГПУ немедленного объяснения. Евдокимов молчал. Когда же Рыков, Менжинский и Куйбышев (Куйбышев был председателем ВСНХ) предложили послать на Северный Кавказ специальную комиссию ЦК

и Совнаркома, то Сталин наложил «вето». Игра разгоралась. Вопрос был перенесен на заседание Политбюро. На этом заседании Менжинский и Куйбышев присоединились к Рыкову, обвинявшему Сталина в «самоуправстве», но Сталин доложил заседанию телеграмму Евдокимова, который не только уверял в наличии контрреволюции в г. Шахты, но и намекал на то, что нити ее идут в Москву. Куйбышев быстро ретировался, Менжинский замолчал, а Рыков только вопросительно посмотривал то на Бухарина, то на Томского. Никакого решения не приняли, но победа Сталина была несомненна.

Теперь Сталин отвечал и за самое «Шахтинское дело», по крайней мере, морально. Он это знал и поэтому с самого начала взял его под свое непосредственное наблюдение. Сталин и Евдокимов были теперь связаны круговой порукой. Руководство над ведением следствия Евдокимов возложил персонально на своего помощника Курского. Перед Курским была поставлена задача — любой ценой добиться «чистосердечного признания» обвиняемых и придать делу общегосударственный характер.

Здесь мы впервые присутствуем при рождении пресловутых «методов» ГПУ. Прежде чем приступить к следствию по существу, штаб Курского (помощником Курского по этому штабу был другой «талант» в чекистском мире — Федотов) разработал общую механику ведения следствия. Она и предусматривала применение «методов» в известных теперь всем формах, которые в основном сводятся к пыткам, — это прежде всего физические пытки: разнообразные формы мучения и избиения, доводящие человека до полусмерти и даже до смерти, продолжительное лишение сна (средняя норма: от трех до десяти суток); химические пытки: введение в пищу или непосредственно в организм путем впрыскивания волеослабляющих веществ или таблеток, порошков, капель; механические пытки: бесперывное чтение вслух чередующимися следователями будущих показаний подследственного, а потом их бесперывное повторение им самим, пока они таким образом не будут механически занесены на пластинку его подсознания. К этому присоединяются пытки политические: угрозы или репрессии родственников, друзей допрашиваемого, оплевывание его политических идеалов (если бы они были даже чисто советскими или сталинскими); пытки психологические: создание и укрепление у жертвы чувства собственного ничтожества, бесцельности жизни и ее обреченности, доведение ее до жажды самобичевания, когда в этом самобичевании, раскаянии или в рассказах о мнимосудебных, механически уже закрепленных в сознании или подсознании преступлениях ощущается потребность саморазрядки, исповеди и даже «самоочищения».

Эта процедура из процесса механического в первой стадии следствия превращается в его последней стадии уже в процесс «творческий» — подследственный присовокупляет детали и штрихи к своим старым, вынужденным и механическим показаниям на этот раз совершенно независимо от следствия и, конечно, от своей воли. С той же готовностью он отвечает на поставленные вопросы, редко попадая впросак. Он уже сам верит в свою или чекистскую легенду, а когда увидит, что ему верят следователь, суд, стороны, слушатели, он впервые за все время своего сидения чувствует себя каким-то ценным винтиком общего механизма, более того, — «героем дня». Физически доведенный до крайнего истощения, он витает в небесах, а психический алкоголь-наркоз уже довел его до самозабвения. Его тело находится еще здесь, среди людей, но духовно он уже не живет среди них. Он свободен от самого себя, а потому готов на все — на словесное самобичевание и на физическую смерть.

Таковы были «методы Курского», которые легли в последующем в основу следственной техники «ежовщины». Методы Курского вполне оправдали себя. Подсудимые рассказывали вещи о чудовищных преступлениях, которые тогда почти всеми принимались на веру. Настоящую цену «чистосердечных показаний» подсудимых знал в Москве только один человек — Сталин, и только одно учреждение в провинции — штаб Евдокимова, Курского, Федотова в Ростове-на-Дону.

Зато триумф Сталина был полным: ни советское правительство, ни его председатель Рыков, ни «гнилой» теоретик Бухарин, ни даже сам верховный шеф ОГПУ

Менжинский не разгадали контрреволюции шахтинцев, а Сталин «гениальным чутьем» профессионального революционера раскрыл «заговор буржуазных специалистов». С Менжинским Сталин «как-нибудь договорился», но членам Политбюро, как школьникам, поставил на вид: вы саботировали, а я вас спасал, будете и дальше упорствовать, я и без вас обойдусь! ЦК в закрытом письме к партийной организации воздал должное «бдительности» Сталина, дипломатически обходя саботаж «правительства» в раскрытии «Шахтинского дела». Когда же Сталин подготовил новое дело — «дело Промпартии» проф. Рамзина, «саботажникам» оставалось только поддакивать.

Однако победа Сталина имела для него меньше всего «моральное значение», хотя она и дискредитировала его будущих противников из «правой оппозиции». Еще меньшее значение имела ликвидация доселе никому не известных шахтинцев или малоизвестных в широких кругах рамзинцев. Победа заключалась в том, что Сталин нашел волшебный ключ к публичному уничтожению даже мнимых врагов режима — лабораторию Евдокимова с методами Курского. И Сталин щедро отблагодарил: Евдокимов получил подряд два ордена Красного Знамени (за шахтинцев и за рамзинцев) к своим уже наличным трем, был назначен первым секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) (редкий случай в тогдашней партийной практике), был введен в состав пленума ЦК ВКП(б), будучи совершенно не известным в партии, а все чекисты штаба Курского были награждены орденами Красного Знамени и знаками «почетных чекистов». Забегая несколько вперед, скажу, что когда Сталин приступил к подготовке ежовщины во всей стране, он вспомнил о Курском: все еще провинциальный среднего ранга чекист Курский был назначен в 1936 году заместителем наркома внутренних дел СССР! Через некоторое время в газетах появился краткий некролог — «внезапно умер верный сын партии т. Курский». Устная версия из официальных кругов гласила, что он покончил самоубийством на нервной почве. Конечно, было от чего терять голову — теперь предстояло оформление и уничтожение не какого-нибудь жалкого десятка шахтинцев, а около пяти миллионов «врагов народа», из которых больше миллиона принадлежало раньше к коммунистической партии.

Эти и им подобные «организационные разногласия» между членами Политбюро, как говорил Резников, постепенно выросли в разногласия политические. Рыков, Бухарин, Томский увидели в тактике Сталина желание руководить страной и государством через аппарат ОГПУ и партии, минуя советское правительство и профессиональные союзы.

На этой почве в Политбюро образовались две группы — группа Бухарина и группа Сталина. Первоначально к группе Бухарина, кроме Рыкова и Томского, примыкали Куйбышев, Калинин, Рудзутак и Орджоникидзе. К группе Сталина принадлежали Молотов, Ворошилов, Киров, Каганович и Андреев. Позицию Косиора, Чубаря и Микояна Резников называл «буферной»: они либо мирили обе партии, либо воздерживались при решающих голосованиях. Сталин отказывался до поры до времени от открытых атак против группы Бухарина, а сосредоточил все силы на ее внутреннем разложении, весьма ловко натравливая одних ее членов на других.

Я хорошо запомнил рассказ Резникова об этой внутривнутриполитбюровской политике «разделяй и властвуй» относительно двух случаев.

В первом случае эта политика была применена к Томскому — Куйбышеву. Дело в том, что, кроме «организационных разногласий» в Политбюро, между разными ведомствами тоже происходили постоянные трения, иногда по самым незначительным вопросам. Когда дело касалось важных персон (наркомов, членов ЦК), было принято еще при Ленине передавать такие споры высшему арбитражу — на решение Политбюро. Когда Политбюро принимало то или иное решение, спорящие стороны должны были подчиниться. После смерти Ленина Сталин эту практику лишь расширил, чтобы играть удобную и выгодную роль постоянного арбитра в качестве генерального секретаря партии, хотя Сталин и не был председателем Политбюро (Ленин был постоянным председателем Политбюро, после его смерти в Политбюро председательствовали все члены поочередно, после ликвидации пра-

вых постоянное председательство перешло к Сталину, а в Оргбюро — к Молотову). Одно из таких постоянных разногласий происходило между ВСНХ (председатель Куйбышев) и ВЦСПС (председатель Томский) как между работодателем (ВСНХ) и рабочими (ВЦСПС).

Профессиональные союзы все еще питали иллюзию, что они призваны защищать интересы рабочих, пусть даже и перед советской властью. Но государственно-сталинские интересы требовали как раз того, за что был осужден Троцкий, — полного подчинения профсоюзов интересам государства, то есть «огосударствления» их. Вещи своими именами, однако, не назывались. В будущей пятилетке, которую разрабатывал Куйбышев, профессиональным союзам, естественно, отводилась лишь роль технических органов государственного управления при сохранении внешней независимости от государства. Все текущие мероприятия — «режим экономии», «рационализация», «изобретательство», «колдоговор» — рассматривались и проводились с той же государственной точки зрения. В связи с этим Томский обвинил Куйбышева в «советской зубатовщине» по прямой подказке Сталина. Куйбышеву Сталин подсказал формулу и по адресу Томского — «гнилой тред-юнионист!». Несомненная оплошность Сталина и его помощников по изданию «Сочинений» Сталина дает возможность подтвердить сказанное документально.

Речь идет о сталинском письме Куйбышеву от 31 августа 1928 года, впервые опубликованном теперь. В этом письме Сталин пишет о члене Политбюро Томском другому члену Политбюро Куйбышеву следующее: «Слышал, что Томский собирается обидеть тебя. Злой он человек и не всегда чистоплотный. Мне кажется, что он не прав. Читал твой доклад о рационализации. Доклад подходящий. Чего еще требует от тебя Томский?»⁵. Имея письмо Сталина в кармане, Куйбышев смело выступает против Томского. Сталин молчал, но Куйбышев очутился вне группы Бухарина.

Второй случай относится к Рыкову и Бухарину. Известный разговор Бухарина с опальным Каменевым летом 1928 года Сталин истолковал как конспирацию против советского правительства (Рыков) и ЦК ВКП (Сталин). Соответствующие агентурные данные якобы подтверждали это. Делу был нарочито придан характер бунта Бухарина против Рыкова, за что Сталин и его группа и набросились на Бухарина. «Рыков не просто член Политбюро, но он и глава советского правительства. Поэтому мы не можем позволить даже друзьям Рыкова конспирировать против него», — рассуждал Сталин. Рыков не попался на эту удочку. Оставалось искать других вариантов.

Органы печати, которые не находились под прямым руководством Бухарина и Рыкова, получили задание начать «по собственной инициативе» критику теоретических трудов Бухарина. Были сделаны попытки разыграть эту атаку по линии журнала «Большевик», но там сидели ученики Бухарина: Астров и Слепков. Они сообщили Бухарину о нажиме на них личного секретаря Сталина Поскребышева с целью напечатания критических статей о трудах Бухарина «Экономика переходного периода» и «Теория исторического материализма» (соответствующие статьи лежали уже в портфеле редакции). Возмущенный Бухарин снял копии со статей и помчался прямо к Сталину. Последний совершенно хладнокровно ответил, что он и понятия не имеет ни об этих статьях, ни о распоряжении Поскребышева. Тут же вызванный звонком Сталина Поскребышев тоже преспокойно заявил, что эту историю со статьями слышит впервые.

«Если кто-либо из наших сотрудников и позвонил редакции от моего имени, я в этом не вижу преступления», — сказал Поскребышев. «Не забывайте, что я не ваш сотрудник, а член Политбюро ЦК!» — вспыхнул Бухарин. Поскребышев промолчал, а Сталин попросил Бухарина оставить у него статьи для ознакомления (Сталин, конечно, не только читал их в оригинале, но они были и написаны по его личному заданию). Через некоторое время Астров и Слепков получили из Оргбюро ЦК «строгий выговор» с предупреждением за попытки дискредитации авторитета ЦК. Правда, статьи против Бухарина не были еще пока напечатаны, но зато бухаринцы получили серьезный удар.

Более удачным оказался опыт с «Комсомольской правдой». Тут Сталин посту-

пил просто — вызвал секретаря ЦК ВЛКСМ Чаплина к себе и прямо приказал: «Вот эту статью поручи напечатать своему редактору (редактором, кажется, был Костров), не ссылаясь ни на меня, ни на ЦК. Если выйдет скандал, будет отвечать лично редактор, но он тоже не должен называть твоего имени». Чаплин точно понял смысл задания. Через день в «Комсомольской правде» появилась громовая статья о теоретических грехах «правого оппортунизма», которые ставились в завуалированной форме в связи с концепцией члена Политбюро Бухарина. Для партии она явилась полной сенсацией так же, как и для самого Бухарина. Бухарин вновь обратился к Сталину. Последний сделал удивленные глаза и немедленно потребовал подать ему номера «Комсомольской правды» (вопреки обыкновению, в этот день на столе Сталина не лежала кипа газет).

«Да, действительно! Это возмутительно! Ну как же вы советуете, Николай Иванович, поступить теперь?» — спросил Сталин почти дружественным тоном. Бухарин потребовал обсуждения вопроса на Политбюро. «Я тоже так думаю», — ответил Сталин. На очередном заседании Политбюро ответственный редактор газеты «Комсомольская правда» получил строгий выговор за печатание троцкистской статьи «без разрешения ЦК». Но давать опровержение ЦК признал «тактически невыгодным».

Более суровую и для себя совершенно неожиданную борьбу Сталину пришлось выдержать в московской организации. Агентурные сведения ГПУ и разведка самого ЦК единодушно свидетельствовали, что именно в московской организации Бухарин, Рыков и Томский обладают сильнейшим влиянием. Старания агентов Сталина завербовать секретарей районов Москвы или даже членов бюро Московского Комитета против группы Бухарина не увенчались ни малейшим успехом. Задним числом, в конце 1938 года, когда бухаринцы были уже ликвидированы и физически, Сталин писал в своем «Кратком курсе»⁶: «Одновременно со своими политическими выступлениями группа Бухарина-Рыкова вела организационную «работу» по собиранию своих сторонников. Через Бухарина сколачивала она буржуазную молодежь вроде Слепкова, Марецкого, Айхенвальда, Гольденберга и других (заметим, что из этой буржуазной молодежи состояла главная редакция теоретического и политического органа ЦК ВКП(б) — журнала «Большевик». — А. А.), через Томского — обюрократившуюся профсоюзную верхушку (Мельничанский, Догадов и др.), через Рыкова — разложившуюся советскую верхушку (А. Смирнов, Эйсмонт, В. Шмидт и др.)».

К этому времени группа Бухарина—Рыкова получила поддержку верхушки московской партийной организации (Угланов, Котов, Уханов, Рютин, Ягода, Полонский и др.). При этом часть правых оставалась замаскированной, не выступая открыто против линии партии».

Не будучи в курсе дела (или, может быть, наоборот, из-за осведомленности), руководство районов Москвы и Московского Комитета начало поход против «левых», которые стараются дискредитировать ленинский ЦК под маркой критики «бухаринских ошибок». Упомянутое решение ЦК служило при этом установкой «генеральной линии!» Это, кажется, единственный случай, когда Сталин сделал крупную ошибку, но он быстро ее понял и бросил знаменитый лозунг: «За критику и самокритику, невзирая на лица!» и исподтишка готовил внеочередные выборы московских райкомов.

Несколько забегая вперед, замечу, что уже на октябрьском пленуме МК 1928 года Сталин решил нанести открытый удар «правым» в самом МК, что означало и удар по «правым» в ЦК. Но это оказалось не такой легкой задачей. Ряд членов пленума открыто обвинил Сталина, что «под маской борьбы против какого-то мифического правого уклона» Сталин и его друзья занимаются искусственным разведением «интриг и склок» (Запольский), ЦК грубо вмешивается в дела местных партийных организаций, нарушая устав партии (Березин), Рютин прямо обвинил Сталина, что «правый уклон — его личная выдумка, чтобы расправиться с неудобными ему членами Политбюро».

Тогда члены пленума поставили перед Сталиным вопрос: «Скажите, есть ли в Политбюро правые?» «В Политбюро нет ни правых, ни левых», — ответил Сталин.

Когда не удовлетворенные ответом Сталина члены пленума стали требовать оглашения протокола Политбюро, на котором обсуждалось июльское письмо Фрумкина против линии ЦК, Сталин огласил резолюцию Политбюро ЦК о «единстве в Политбюро», подписанную «всеми членами Политбюро»⁷. На вопрос: «Кто же из членов Политбюро присутствовал тогда?» Сталин ответил по-соломоновски: «Все, кто был налицо!»

Резников рассказывал, что как раз с этого заседания Политбюро Бухарин, Рыков, Томский и сам секретарь Московского обкома Угланов демонстративно ушли в связи с обсуждением письма Фрумкина. История и суть этого письма заключается в следующем. Автор письма Моисей Фрумкин принадлежал к ленинской гвардии большевиков, активно участвовал в нелегальной работе в царской России, много раз подвергался арестам и ссылкам, принимал видное участие в большевистском перевороте 1917 года, занимал ряд ответственных должностей, а к описываемому периоду был замнаркомфина СССР.

На основании тщательного анализа состояния сельского хозяйства, подкрепленного официальными данными своего ведомства, Фрумкин обратился в июле 1928 года со специальным письмом сначала в Политбюро, а потом и ко всем членам ЦК. Основные тезисы письма Фрумкина гласили:⁸ 1. Сельское хозяйство страны переживает процесс деградации. 2. Деревня, за исключением небольшой части бедноты, против нас. 3. «Политика экстраординарных мер» (то есть политика насильственного изъятия хлеба у крестьянства), которая проводится руководством ЦК, может кончиться гибелью советской власти.

Поэтому Фрумкин требовал радикального поворота ЦК в сторону либеральной аграрной политики. В отсутствие этой либеральной политики, в возврате к методам «военного коммунизма», в открытом грабеже среднего крестьянства под видом борьбы с «кулачеством», в искусственном натравливании одних крестьян против других под видом «развертывания классово-борьбы» и, наконец, в изобретении Сталиным во время его командировки в Сибирь на хлебозаготовительную кампанию новейшего метода полицейского принуждения крестьян отдавать хлеб даром государству — так называемого «сибирско-уральского метода» — вот где причина нашего хлебного кризиса, писал Фрумкин. Мы требуем расширения посевной площади — крестьяне расширяют ее, а тогда мы их записываем в кулаки! Мы требуем расширения товарооборота — люди открывают мелкие ларьки, а мы их записываем в спекулянты! Мы требуем поднятия промышленности — и люди открывают сапожные мастерские, а мы их записываем в нэпманы! Мы требуем советской демократии — люди указывают нам на нашу антидемократичность, а мы их сажаем в ГПУ, — доказывал Фрумкин.

Поскольку Фрумкин раздал свое письмо членам пленума ЦК, Сталин хотел предупредить реакцию пленума особым решением Политбюро. В проекте решения предусматривалось «решительное осуждение правооппортунистического антипартийного выступления» Фрумкина с соответствующими организационными выводами, то есть снятием Фрумкина с поста замнаркомфина СССР.

Группа Бухарина отказалась санкционировать такое решение. Когда же Бухарин, Рыков и Томский увидели, что для своего решения Сталин обеспечил большинство в Политбюро, то они просто ушли с заседания. Сталин определил этот уход как «примиренчество» к правому уклону, но Фрумкин был осужден за этот уклон, хотя временно с работы и не снят. Таким образом, вслед за его письмом члены ЦК получили «единогласно принятую резолюцию Политбюро по поводу письма т. Фрумкина». Факт выступления трех членов Политбюро против этого решения и их демонстративный уход с заседания был скрыт не только от партии, но и от членов ЦК. А будучи связанными партийной и коллегиальной дисциплиной внутри Политбюро, эти трое не могли довести свои взгляды до сведения партии и членов ЦК. Пользуясь этим, Сталин ловко разыграл карту «единства в Политбюро», а люди, ориентировавшиеся во внутренней политике на Рыкова, Бухарина и Томского, были глубоко разочарованы их «единодушием» со Сталиным.

(Продолжение следует)

Примечания

1. И. Сталин. Вопросы ленинизма. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Свердловского университета и Комакадемии.
2. Русская история в самом сжатом очерке. Партизд., 1933, стр. XII.
3. Находясь на пути из Алма-Аты в Константинополь, Троцкий по советским газетам явно видел, что его высылка не так легко далась Сталину: «Газеты в пути приносят нам отголоски новой большой кампании против троцкистов. Между строк сквозит борьба на верхах вокруг вопроса о моей высылке. Сталинская фракция спешит. У нее для этого достаточно оснований. Ей приходится преодолевать не только политические, но и физические трудности» (Л. Троцкий. Моя жизнь. ч. II, стр. 316. Троцкого я везде цитирую по русскому изданию «Гранит», Берлин, 1930).
4. «За апрель — октябрь 1928 г. нами послано было из Алма-Аты 800 политических писем, в том числе ряд крупных работ. Отправлено было около 550 телеграмм. Получено около 1000 политических писем и около 700 телеграмм, в большинстве коллективных» (там же, стр. 305).
5. И. Сталин. Соч., т. 11, стр. 220.
6. История ВКП(б). Краткий курс. 1945, стр. 281.
7. И. Сталин. Вопросы ленинизма. Огиз. Москва, стр. 203—213.
8. И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. XI, стр. 271.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том второй. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г.

31 марта 1918 года русская граната, направленная рукою русского человека, сразила великого русского патриота. Труп его сожгли, и прах рассеяли по ветру.

За что? За то ли, что в дни великих потрясений, когда недавние рабы склонялись перед новыми владыками, он сказал им гордо и смело: уйдите, вы губите русскую землю? За то ли, что, не щадя жизни, с горстью войск, ему преданных, он начал борьбу против стихийного безумия, охватившего страну, и пал поверженный, но не изменивший долгу перед Родиной? За то ли, что крепко и мучительно любил он народ, его предавший, его распявший? Пройдут года, и к высокому берегу Кубани потекут тысячи людей поклониться праху мученика и творца идеи возрождения России. Придут и его палачи. И палачам он простит. Но одним не простит никогда.

Когда Верховный главнокомандующий томился в Быховской тюрьме в ожидании шемякина суда, один из разрушителей русской храмины сказал: «Корнилов должен быть казнен; но когда это случится, приду на могилу, принесу цветы и преклоню колена перед русским патриотом». Проклятье им — прелюбодеям слова и мысли! Прочь их цветы! Они оскверняют святую могилу.

Я обращаюсь к тем, кто и при жизни Корнилова и после смерти его отдавали ему цветы своей души и сердца, кто некогда доверил ему свою судьбу и жизнь: среди страшных бурь и боев кровавых, останемся верными его заветам. Ему же — вечная память!

Речь, произнесенная автором
в Екатеринодаре в 1919 г.

Брюссель
1922 г.

Г л а в а I. *Расхождение путей революции. Неизбежность переворота*

Широкое обобщение слагаемых сил революции в две равнодействующие — Временное правительство и Совет — допустимо в известной степени лишь в отношении первых месяцев революции. В дальнейшем течении ее происходит резкое рассло-

---

П р о д о л ж е н и е. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12.

ние в среде правящих и руководящих кругов, и месяцы июль и август дают уже картину многосторонней междоусобной борьбы. Наверху эта борьба идет еще в довольно отчетливых границах, разделяющих борющиеся стороны, но отражение ее в массах являет образ полного смешения понятий, неустойчивости политических взглядов и хаоса в мыслях, чувствах и движениях. Иногда только, в дни серьезных потрясений происходит вновь дифференциация, и вокруг двух борющихся сторон собираются самые разнородные и зачастую политически и социально враждебные друг другу элементы. Так было 3 июля (восстание большевиков) и 27 августа (выступление Корнилова). Но тотчас же по миновании острого кризиса внешнее единение, вызванное тактическими соображениями, распадается, и пути вождей революции расходятся.

Резкие грани прошли между тремя главенствующими учреждениями: Временным правительством, Советом (Центральный исполнительный комитет) и верховным командованием.

В результате длительного правительственного кризиса, вызванного событиями 3—5 июля, разгромом на фронте и непримиримой позицией, занятой либеральной демократией, в частности кадетской партией, в вопросе об образовании власти*, Совет вынужден был освободить формально министров-социалистов от ответственности перед собою и предоставить право Керенскому единолично формировать правительство. Объединенные центральные комитеты постановлением от 24 июля обусловили поддержку со стороны Советов правительству соблюдением им программы 8 июля и оставляли за собою право отзываться министров-социалистов в случае уклонения их деятельности от намеченных программой демократических задач. Но, тем не менее, факт известной эмансипации правительства от влияния Советов, как результат растерянности и ослабления руководящих органов революционной демократии в июльские дни, не подлежит сомнению. Тем более, что в состав 3-го правительства вошли социалисты, или мало влиятельные или, как Авксентьев (министр внутренних дел), Чернов (министр земледелия), Скобелев (министр труда), не сведущие в делах своего ведомства. Ф. Кокоскин¹ в московском комитете партии к. д. говорил: «За месяц нашей работы в правительстве совершенно не было заметно влияния на него Совдепа... Ни разу не упоминалось о решениях Совдепа, постановления правительства не применялись к ним»... И внешне взаимоотношения изменились: министр-председатель не то избегал, не то игнорировал Совет и Центральный комитет, не появляясь на их заседаниях и не давая им, как раньше, отчета**.

Но борьба — глухая, напряженная продолжалась, имея ближайшими поводами расхождение правительства и центральных органов революционной демократии в вопросах о начавшемся преследовании большевиков, репрессиях в армии, организации административной власти и т. д.

Верховное командование занимало отрицательную позицию как в отношении Совета, так и правительства. Как постепенно назревали такие отношения, говорилось в 1-м томе. Оставляя в стороне детали и поводы, обострившие их, остановимся на основной причине: генерал Корнилов стремился явно вернуть власть в армии военным вождям и ввести на территории всей страны такие военно-судебные репрессии, которые острием своим в значительной степени были направлены против Советов и особенно их левого сектора. Поэтому, не говоря уже о глубоком политическом расхождении, борьба Советов против Корнилова являлась, вместе с тем, борьбой их за самосохранение. Тем более, что давно уже в руководящих органах революционной демократии капитальнейший вопрос обороны страны потерял свое самодовлеющее значение и, по свидетельству Станкевича, если иногда и выдвигался в Исполнительном комитете на первый план, «то только как средство для сведения других политических счетов». Совет и Исполнительный комитет требовали поэтому от правительства смены Верховного главнокомандующего и разрушения «контрреволюционного гнезда», каким в их глазах представлялась Ставка.

Керенский, фактически сосредоточивший в своих руках правительственную власть, очутился в особенно трудном положении: он не мог не понимать, что только меры сурового принуждения, предложенные Корниловым, могли еще, быть

может, спасти армию, освободить окончательно власть от советской зависимости и установить внутренний порядок в стране. Несомненно, освобождение от Советов, произведенное чужими руками или свершившееся в результате событий стихийных, снимавших ответственность с Временного правительства и Керенского, представлялось ему государственно полезным и желательным. Но добровольное принятие преуказанных командованием мер вызвало бы полный разрыв с революционной демократией, которая дала Керенскому имя, положение и власть и которая, невзирая на оказываемое ею противодействие, все же, как это ни странно, служила ему, хоть и шаткой, но единственной опорой. С другой стороны, восстановление власти военного командования угрожало не реакцией — об этом Керенский часто говорил, хотя вряд ли серьезно в это верил — но, во всяком случае, перемещением центра влияния от социалистической к либеральной демократии, крушением социал-революционной партийной политики и утратой преобладающего, быть может, и всякого, влияния его на ход событий. К этому присоединилась и личная антипатия между Керенским и генералом Корниловым, из которых каждый не стеснялся высказывать подчас в весьма резкой форме свое отрицательное отношение один к другому и ожидал встретить не только противодействие, но и прямое покушение с противной стороны. Так, генерал Корнилов опасался ехать к 10-му августа в Петроград на заседание Временного правительства, ожидая почему-то смещения с поста и даже личного задержания... И, когда все же по совету Савинкова и Филоненко он поехал, его сопровождал отряд текинцев, которые поставили пулеметы у входов в Зимний дворец во время пребывания там Верховного главнокомандующего. В свою очередь, Керенский еще 13—14 августа в Москве в дни государственного совещания ожидал активного выступления со стороны приверженцев Корнилова и принимал меры предосторожности. Несколько раз Керенский возбуждал вопрос об удалении Корнилова, но, не встречая сочувствия этому решению ни в военном министерстве, ни в среде самого правительства, с тревогой ждал развития событий. Еще 7 августа помощник комиссара при Верховном главнокомандующем предупредил Корнилова, что вопрос об его отставке решен в Петрограде окончательно. Корнилов ответил: «Лично меня вопрос о пребывании на посту мало занимает, но я прошу довести до сведения кого следует, что такая мера вряд ли будет полезна в интересах дела, так как может вызвать в армии волнения»...

Раскол не ограничивался вершинами власти: он шел глубже и шире, поражая бессилием ее органы.

Временное правительство представляло механическое соединение трех групп, не связанных между собой ни общностью задач и целей, ни единством тактики: министры-социалисты*, либеральные министры** и отдельно — триумvirат, в составе Керенского (с.-р.), Некрасова (р.-д.) и Терещенко (бесп.). Если часть представителей первой группы находила зачастую общий язык и одинаковое государственное понимание с либеральными министрами, то Авксентьева, Чернова и Скобелева, сосредоточивших в своих руках все важнейшие ведомства, отделяла от них пропасть. Впрочем значение обеих групп было довольно ничтожно, так как триумvirат «самостоятельно решал все важнейшие вопросы вне правительства, и иногда даже решения их не докладывались последнему»***. Протесты министров против такого порядка управления, представлявшего совершенно неприкрытую диктатуру, оставались тщетными. В частности, свое расхождение с Корниловым и вопрос о предложенных им почти ультимативно мероприятиях Керенский старался всемерно изъять из обсуждения правительства.

Несколько в стороне от этих трех групп, вызывая к себе сочувствие либеральной, оппозицию социалистической и плохо скрытое раздражение триумvirата, стояло военное министерство Савинкова****. Савинков порвал с партией и с Советами. Он поддерживал резко и решительно мероприятия Корнилова, оказывая непрестанное и сильное давление на Керенского, которое, быть может, увенчалось бы успехом, если бы вопрос касался только идеологии нового курса, а не угрожал Керенскому перспективой самоупразднения... Вместе с тем Савинков не шел до конца и с Корниловым, не только облекая его простыми и суровыми положениями в

условные внешние формы «завоеваний революции», но и отстаивая широкие права военно-революционным учреждениям — комиссарам и комитетам. Хотя он и признавал чужеродность этих органов в военной среде и недопустимость их в условиях нормальной организации, но... по-видимому, надеялся, что после прихода к власти комиссарами можно было назначать людей «верных», а комитеты — взять в руки. А в то же время бытие этих органов служило известной страховкой против командного состава, без помощи которого Савинков не мог достигнуть цели, но в лояльность которого в отношении себя он плохо верил. Характер «содружества» и сотрудничества генерала Корнилова и Савинкова определяется тем небезынтересным фактом, что приближенные Корнилова считали необходимым во время приездов Савинкова в Ставку и в особенности во время их бесед с глазу на глаз принимать некоторые меры предосторожности... Так было не только в конце августа в Могилеве, но и в начале июля в Каменец-Подольске.

Савинков мог идти с Керенским против Корнилова и с Корниловым против Керенского, холодно взвешивая соотношение сил и степень соответствия их той цели, которую он преследовал. Он называл эту цель — спасением Родины; другие считали ее личным стремлением его к власти. Последнего мнения придерживались и Корнилов и Керенский.

Раскол созрел и в руководящих органах революционной демократии. Центральный исполнительный комитет Советов все более и более расходился с Петроградским советом как по вопросам принципиальным, в особенности о конструкции верховной власти, так и вследствие претензии обоих на роль высшего представительства демократии. Более умеренный Центральный комитет не мог уже состязаться пленительными для масс лозунгами с Петроградским советом, неудержимо шедшим к большевизму. В среде самого Совета по основным политическим вопросам все чаще обозначалась прочная коалиция меньшевиков-интернационалистов, левых социал-революционеров и большевиков. Если обострялись сильно грани между двумя основными подразделениями социал-демократии, то еще резче проявилось разложение другой главенствующей партии — социал-революционеров, из которой после июльских дней, не порывая еще окончательно формальной связи со старой партией, выделилось левое крыло ее, наиболее яркой представительницей которого была Спиридонова⁹. В течение августа левые с.-ры, возросши численно в советской фракции чуть ли не до половины ее состава, становятся в резкую оппозицию и к партии, и к кругам, единомышленным с Центральным исполнительным комитетом, требуя полного разрыва с правительством, отмены исключительных законов, немедленной социализации земли и сепаратного перемирия с центральными державами.

В такой нервной, напряженной атмосфере протекали весь июль и август месяцы. Трудно учесть и разграничить зависимость двух аналогичных явлений полного разброда — среди правящих и руководящих верхов, с одной стороны, и народной массы — с другой: был ли разброд наверху прямым отражением того состояния брожения страны, в котором еще не могло определиться конечных целей, стремлений и воли народной, или наоборот — болезнь верхов поддерживала и углубляла процесс брожения. В результате, однако, не только не появлялось ни малейших признаков оздоровления, а наоборот, все стороны народной жизни быстро и неизменно шли к полному расстройству.

Участились и внешние проявления этого расстройства, в особенности в области обороны страны. 20 августа разразилась рижская катастрофа, и германцы явно начали готовиться к большой десантной операции, угрожавшей Ревелю и Петрограду. В то время, когда производительность военной промышленности падала в угрожающих размерах (снарядное производство на 60 проц.), 14 августа происходит вызванный, несомненно, злонамеренно грандиозный взрыв пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани, которым уничтожено было до миллиона снарядов и до 12 тысяч пулеметов. Во второй половине августа назревала всеобщая железнодорожная забастовка, угрожавшая параличом нашему транспорту, голодом на фронте и всеми сопряженными с этим явлением роковыми последствиями. В армии участились случаи самосудов и неповиновения. То словоблудие, которое

текло непрерывно из Петрограда и там отравляло и опьяняло мысль и совесть верхов революционной демократии, на широкой арене народной жизни обращалось в прямое действие. Целые области, губернии, города порывали административную связь с центром, обращая русское государство в ряд самодовлеющих и самоуправляющихся территорий, связанных с центром почти исключительно... неимоверно возросшей потребностью в государственных денежных знаках. В этих «новообразованиях» постепенно пропадали вызванный первым подъемом революции интерес к политическим вопросам и разгоралась социальная борьба, принимаемая все более сумбурные, жестокие, негосударственные формы.

А на фоне этой разрухи надвигалось новое потрясение — вновь и явно подготавливавшееся восстание большевиков. Оно было приурочено к концу августа. Если тогда могли возникать сомнения и колебания в оценке положения и грозившей опасности, в выборе «равнодействующей» и в томительных поисках жизнеспособной коалиции, то теперь, когда август 1917 года — уже далекое прошлое, сделавшееся достоянием истории, не может быть никаких сомнений по крайней мере в одном: что только власть, одухотворенная решимостью беспощадной борьбы с большевизмом, могла спасти страну, почти обреченную.

Этого не мог сделать Совет, органически связанный со своим левым крылом. Не мог и не хотел, «не допуская борьбы с целым политическим течением» и лицемерно требуя от правительства прекращения «незаконных арестов и преследования», применяемых к «представителям крайних течений социалистических партий»*.

Этого не мог и не хотел сделать и Керенский — товарищ председателя Совета, грозивший некогда большевикам «железом и кровью». Даже 24 октября, то есть накануне решительного большевистского выступления, признав наконец «действия русской политической партии (большевиков) предательством и изменой Российскому государству», Керенский, говоря о захвате власти в петроградском гарнизоне военно-революционным комитетом, поясняет: «Но и здесь военная власть по моему указанию, хотя и было наличие всех данных для того, чтобы приступить к решительным и энергичным мерам, считала надобным дать сначала людям возможность сознать свою сознательную или бессознательную ошибку»**...

Таким образом, стране предстояла альтернатива: без борьбы и в самом непродолжительном времени подпасть под власть большевиков или выдвинуть силу, желающую и способную вступить с ними в решительную борьбу.

Глава II. *Начало борьбы: генерал Корнилов, Керенский и Савинков.* *Корниловская «записка» о реорганизации армии*

В борьбе между Керенским и Корниловым, которая привела к таким роковым для России результатам, замечательно отсутствие прямых политических и социальных лозунгов, которые разъединили бы борющиеся стороны. Никогда, ни до выступления, ни во время его — ни официально, ни в порядке частной информации Корнилов не ставил определенной «политической программы». Он ее не имел. Тот документ, который известен под этим названием, как увидим ниже, является плодом позднейшего коллективного творчества быховских узников. Точно так же в сфере практической деятельности Верховного главнокомандующего, облеченного неотъемлемыми правами в области гражданского управления на территории войны, он избегал всякого вмешательства в правительственную политику. Единственный приказ его в этой сфере имел в виду земельную анархию и, не касаясь правовых взаимоотношений землевладельцев, устанавливал лишь судебные репрессии за насильственные действия, угрожавшие планомерному продовольствованию армии вследствие «самоуправного расхищения на театре военных действий государственного достояния». Достоин внимания ответ Корнилова явившимся к нему подольским землевладельцам***: «Вооруженную силу для охраны урожая, необходимого для армии, я дам. Я не постесняюсь применять эту вооруженную силу по отношению к тем безумцам, которые, ради удовлетворения низменных инстинктов, губят

армию. Но я не задумаюсь также расстрелять любого из вас, в случае обнаружения нерадения или злоумышления при сборе нынешнего урожая».

Несколько неожиданно отсутствие яркой политической физиономии у вождя, который должен был взять временно в свои руки руль русского государственного корабля. Но при создавшемся к осени 1917 года распаде русской обществуности и разброде политических течений казалось, что только такого рода нейтральная сила при наличии некоторых благоприятных условий могла иметь шансы на успех в огромном численно, но рыхлом интеллектуально сочетании народных слоев, стоявших вне рамок «революционной демократии». Корнилов был солдат и полководец. Этим званием своим он гордился и ставил его всегда на первый план. Мы не можем читать в душах. Но делом и словом, подчас откровенным, не предназначавшимся для чужого слуха, он в достаточной степени определил свой взгляд на предстоящую ему роль: не претендуя на политическую непогрешимость, он смотрел на себя, как на могучий таран, который должен был пробить брешь в заколдованном круге сил, облепивших власть, обезличивших и обескровивших ее. Он должен был очистить эту власть от элементов негосударственных и ненациональных и во всеоружии силы, опирающейся на восстановленную армию, поддержать и провести эту власть до изъявления подлинной народной воли.

Но слишком, быть может, терпимый, доверчивый и плохо разбирающийся в людях, он не заметил, как уже с самого зарождения его идеи ее также облепили со всех сторон элементы малогосударственные, иногда просто беспринципные. В этом был глубокий трагизм в деятельности Корнилова. Политический облик Корнилова остался для многих неясным и теперь, три с лишним года спустя после его смерти. Вокруг этого вопроса плетутся легенды, черпающие свое обоснование в характере того окружения, которое не раз творило его именем свою волю.

На этом шатком и слишком растяжимом основании, представленном в широком диапазоне от мирного террориста через раскаявшегося трудовика до друга Иллиодора, можно выводить какие угодно узоры, с одинаковым вероятием на полное искажение истины. Монархист — республиканец. Реакционер — социалист. Бонапарт — Пожарский. «Мятежник» — народный герой. Такими противоположениями полны отзывы о покойном вожде. И, если «сельский министр» Чернов некогда в своем возмущительном воззвании объяснял планы Корнилова желанием «задушить свободу и лишить крестьян земли и воли», то митрополит Антоний в слове, посвященном памяти Корнилова, незадолго до оставления русской армией Крыма упрекнул погибшего... в «увлечении революционными идеями».

Верно одно: Корнилов не был ни социалистом, ни реакционером. Но напрасно было бы в пределах этих широких рамок искать какого-либо партийного штампа. Подобно преобладающей массе офицерства и командного состава, он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам, убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии; быть может, не углублял в своем сознании мотивов ее политических и социальных расхождений и не придавал большого значения тем из них, которые выходили за пределы профессиональных интересов армии.

Корнилова — правителя история не знает. Но Корнилова — Верховного главнокомандующего мы знаем. Этот Корнилов имел более чем другие военачальники смелости и мужества возвышать свой голос за растлеваемую армию и поруганное офицерство. Он мог поддерживать правительства и Львова и Керенского, независимо от сочувствия или несочувствия направлению их политики, если бы она вольно и невольно не клонилась, по его убеждению, к явному разрушению страны. Он отнесся бы совершенно отрицательно в принципе, но, вероятно, не поднял бы оружия даже и против однородного социалистического правительства, если бы такое появилось у власти и, паче чаяния, проявив сознательное отношение к национальным интересам страны. Корнилов не желал идти «ни на какие авантюры с Романовыми», считая, что «они слишком дискредитировали себя в глазах русского народа»; но на заданный ему мною вопрос — что, если Учредительное собрание выскажется за монархию и восстановит павшую династию? — он ответил без колебания: «Подчинюсь и уйду».

Но Корнилов не может мириться с тем, что «будущее народа — в слабых без-

вольных руках», что армия разлагается, страна стремительно идет в пропасть, и «как истинный сын русского народа» в неравной борьбе без колебания и без сомнения «несет в жертву Родине самое большое, что он имеет — свою жизнь»*. Этой, по крайней мере, непреложной истины не могут отрицать ни друзья, ни враги его.

Официально борьба Корнилова с Керенским (точнее — с триумвиратом) происходила на почве разногласия их по отношению к мероприятиям, предложенным в известной записке Корнилова.

Еще 30 июля на совещании с участием министров путей сообщения и продовольствия Корнилов высказал взгляд: «Для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу — в мастерских и заводах, изготавливающую для армии фронта все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту»... «Не касаясь вопроса — какие меры необходимы для оздоровления рабочей и железнодорожной армий, предоставляя разобраться в этом вопросе специалистам», Корнилов считал, однако, что «для правильной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая устанавливается для армии фронта»**.

В записке, приготовленной для доклада Временному правительству, указывалось на необходимость следующих главнейших мероприятий: введения на всей территории России в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военно-революционных судов, с применением смертной казни за ряд тягчайших преступлений, преимущественно военных; восстановления дисциплинарной власти военных начальников; введения в узкие рамки деятельности комитетов и установления их ответственности перед замком. (Так в оригинале. Видимо, правильно — законом. — *Ред.*)

История прохождения этой записки весьма характерна для выяснения взаимоотношений главных действующих лиц разыгравшейся в конце августа драмы и свидетельствует о том двоедушии, которое проявил Керенский и которое сделало неизбежным окончательный разрыв между ним и верховным командованием.

3 августа Корнилов прибыл в Петроград для доклада Временному правительству своей записки и вручил ее Керенскому. Ознакомившись с запиской, Керенский выразил принципиальное согласие с указанными в ней мерами, но, совместно с Савинковым, уговорил Корнилова не представлять записки правительству, а выждать окончания аналогичной работы военного министерства для согласования с ней. Было условлено, что после этого Корнилов вновь приедет сделать доклад правительству. В своей книге*** Керенский мотивирует этот шаг... заботами об успешном прохождении мероприятий и о самом Верховном главнокомандующем: «Доклад был написан в таком тоне, что я считал невозможным предъявить его Временному правительству. Он заключал в себе ряд мер, большая часть которых была вполне приемлема; но они были так сформулированы и поддержаны такими аргументами, что оглашение доклада привело бы к обратным результатам. И если доклад стал бы достоянием гласности, невозможно было бы сохранить Корнилова на посту Верховного главнокомандующего».

А 4 августа, то есть на другой день, копия доклада находилась уже в редакционном портфеле советского официоза «Известия», и с 5-го началось печатание выдержек из него и одновременно широкая травля верховного командования.

На заседании 3 августа произошел инцидент, произведший глубокое впечатление на Корнилова. Детали и мотивы его все три участника (Корнилов, Керенский и Савинков) трактуют различно, но сущность его заключалась в следующем: Керенский остановил доклад Корнилова, когда последний коснулся вопроса о предначеченной наступательной операции на Юго-западном фронте, а Савинков прислал записку, выражающую неуверенность в том, что «сообщаемые Верховным главнокомандующим государственные и союзные тайны не станут известны противнику в товарищеском порядке»****. Корнилов «был страшно поражен и возмущен тем, что в Совете министров Российского государства Верховный главнокомандующий не может без опаски касаться таких вопросов, о которых он в интересах обороны страны считает необходимым поставить правительство в известность»*****.

Корнилов уехал, унося с собою мало надежды на удовлетворение своих требований, тем более, что в ближайшие дни в советской и вообще в крайней левой печати раздалось настойчивое требование об удалении его с поста — требование, нашедшее живой отклик и в мыслях министра-председателя, который «почти ежедневно возвращался к вопросу о смещении генерала Корнилова, причем предполагалось, что Верховным главнокомандующим будет сам Керенский»*.

Все эти разногласия в вопросах реорганизации армии были скрыты Керенским от Временного правительства, члены которого узнавали о них из газет, а некоторые министры либеральной группы, очевидно, и в военном министерстве, с которым поддерживали более тесные отношения.

Между тем военное министерство изготовило свой доклад, который, сохранив некоторые общие положения корниловской записки, вносил существенные изменения в ее основную мысль. Они касались не только формы изложения и мотивировки — более льстивых и, следовательно, более приемлемых для революционной демократии, но и расширяли значительно права военно-революционных учреждений и вводили весьма важные законопроекты о милитаризации железных дорог и торгово-промышленных предприятий, работающих на оборону. Общая схема взаимоотношений в армии в представлении составителя 2-й записки, Верховного комиссара Филоненко, рисовалась в таком виде: «Комитеты должны выражать собою мнение армии, комиссары осуществлять в армии революционную государственную власть, а командный состав должен по-прежнему ведать часть оперативную и подготовку войск»**. Впоследствии в положении о комитетах проект министерства, вопреки решительному протесту Корнилова, предусматривал даже участие комитетов в аттестовании начальников. Таким образом, 2-я записка, если и вводила суровые репрессии, то по главному вопросу — организации армии — не шла далее закрепления существующего порядка.

Не может быть, однако, сомнения, что вся плохо прикрытая игра между Керенским и военным министерством велась вовсе не по поводу редакции доклада или даже существенных его положений, а исключительно вокруг одного основного вопроса — о введении смертной казни в тылу. Тем более, что в бурных заседаниях солдатской и рабочей секций Совета, обыкновенно очень хорошо осведомленного о том, что делается в кругах правительства, еще 7 и 8-го августа было предъявлено требование отмены смертной казни как меры, «преследующей явно контрреволюционные цели».

Корнилов отказался ехать к 10-му августа в Петроград, ссылаясь на серьезное положение фронта. Действительными причинами были опасение подвоха со стороны Керенского и сложившееся убеждение о безнадежности проведения корниловских мероприятий. Этим только и можно объяснить предложение Корнилова Савинкову «взять на себя представление доклада Временному правительству с теми изменениями, которые желательно в нем сделать по мнению управляющего военным министерством». Однако Савинков и Филоненко переубедили Корнилова, и он выехал 9-го, не зная, что вслед ему послана телеграмма министра-председателя, указывающая, что его «прибытие не представляется необходимым и что Временное правительство снимает с себя ответственность за последствия его отсутствия с фронта».

9-го августа во время серьезного объяснения Савинкова с Керенским последний говорил, что «никогда и ни при каких обстоятельствах не подпишет законопроекта о смертной казни в тылу». Савинков счел себя вынужденным просить об отставке и заявил, что «если военный министр не желает подписать докладной записки (Временному правительству), то ее подпишет Верховный главнокомандующий»***.

10-го августа Корнилов приехал в Петроград и в военном министерстве ознакомился с возникшим конфликтом. Сопровождавший Верховного генерал Плющевский-Плющик (редактировавший первый доклад) доложил Корнилову краткое содержание 2-й записки (Филоненко), указав, что фактическая сторона ее почти целиком взята из первой, но выводы поражают прямой противоположностью. «Генерал Корнилов не возразил ничего, — рассказывал Плющевский-Плющик, —

молчал и Савинков. Но зато Филоненко вертелся мелким бесом и старался убедить меня, что это только первый шаг и что мы его делаем в ногу. Я резко ответил, что, если первый шаг мы и делаем в ногу, т. е. признаем недопустимым развал фронта, то уже со второго идем вперебой».

Корнилов был поставлен в трудное положение: подписать записку и тем самым признать своими некоторые еретические взгляды той части ее, которая касалась реорганизации армии, или отклонить — следовательно, порвать с Савинковым, дать моральную поддержку Керенскому в их конфликте и допустить отставку Савинкова. Решение нужно было принять немедленно, и Корнилов принял первое решение.

Керенский, под предлогом, что он не ожидал приезда Верховного, не знаком с запиской (2-й) и не может допустить доклад Временному правительству о военных мероприятиях, не изучив его основательно, ограничил обсуждение доклада рамками триумвирата.

Странный характер имело это заседание: составитель 2-й записки не был на него допущен; представлял Корнилов, не имевший нравственного основания защищать положения большей ее части; читал ее Плещевский-Плющик, с глубоким возмущением относившийся к ее содержанию; слушал триумвират, относившийся отрицательно к записке, предубежденно к ее авторам и сводивший весь вопрос к личной политической борьбе.

На заседании было установлено, что первый, корниловский проект более приемлем, что «правительство соглашается на предложенные меры, вопрос же о их осуществлении является вопросом темпа правительственных мероприятий; что же касается... милитаризации железных дорог и заводов и фабрик, работающих на оборону, то до обсуждения этого вопроса, ввиду его сложности и слишком резкой постановки в докладе, он подвергнется предварительному обсуждению в подлежащих специальных ведомствах*». С последним условием Корнилов согласился. Оставил первую записку и уехал на вокзал, увезя с собой вторую. Но там на перроне его ждали уже Савинков и Филоненко, и после разговора с ними Корнилов отправил Временному правительству с вокзала вторую записку... Характерная мелочь: у Филоненко предусмотрительно нашелся для этой цели и соответствующий конверт... Политическая арена оказалась много сложнее и много грязнее, чем поле битвы. Славного боевого генерала запутывали в ней.

Члены Временного правительства узнали о приезде Верховного только 10-го из газет, и на вопрос Ф. Кокوشкина министр-председатель обещал, что доклад состоится вечером. Но день прошел, и 11-го также из газет они узнали о предстоящем оставлении своего поста Савинковым, ввиду разногласий с военным министром и невозможности провести известные реформы, а также с большим изумлением прочли, что Корнилов ночью отбыл в Ставку.

В этот же день Кокوشкин предъявил министру-председателю ультимативное требование, чтобы правительство немедленно было ознакомлено с запиской Корнилова, угрожая в противном случае выходом в отставку всей кадетской группы (Кокوشкин, Юренев, Карташев, Ольденбург). Вечером состоялось заседание, в котором Керенский прочел первую записку Корнилова и дал по ней весьма уклончивые объяснения. Распространение на тыл военно-революционных судов и смертной казни «подчеркивалось как существенное разногласие, хотя тут же Керенский указывал, что он не возражает по существу, но что правительство введет эти суды и смертную казнь тогда, когда само сочтет это нужным». В общем, весь вопрос был отложен до окончания Московского государственного совещания, причем Керенский дал обещание сказать в своей речи о необходимости предложенных Корниловым мер для оздоровления армии и тыла. В части, касающейся реорганизации армии, он не исполнил обещания вовсе. По вопросу же об оздоровлении тыла Керенский произнес фразы, которые скорее звучали вызовом каким-то неведомым врагам, чем свидетельствовали о принятом твердом решении: «...Но пусть знает каждый, что эта мера (смертная казнь) — великое искушение, что эта мера — великое испытание. И пусть никто не осмеливается на этом пункте ставить нам какие-либо безусловные требования. Мы этого не допустим. Мы говорим только: если

стихийное разрушение, развал, малодушие и трусость, предательское убийство, нападение на мирных жителей, сожжение строений, грабежи — если это будет продолжаться, несмотря на наши предупреждения, то хватит сил у Временного правительства бороться так, как то окажется нужным».

Керенский на Московском совещании пытался лишить Верховного главнокомандующего слова. Когда офицер, посланный к министру почт и телеграфов Никитину, ведавшему распорядком Совещания, просил указать время для выступления Верховного главнокомандующего российских армий, Никитин позволил себе даже глумиться: «А от какой организации будет говорить генерал Корнилов?» Корнилов настоял, однако, на своем требовании. Ограниченный в свободе выбора тем для своей речи, он, как известно, сказал кратко, в широком обобщении и не касаясь тех вопросов, которые казались Керенскому слишком острыми.

17 августа по различным соображениям, и в том числе по настойчивому представлению Корнилова, министр-председатель отклоняет отставку Савинкова и соглашается на образование междуведомственной комиссии для разработки проекта о военно-революционных судах и смертной казни в тылу.

20 августа Керенский, по докладу Савинкова, соглашается на «объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, т. е. для борьбы с большевиками»*. Кокошкин подтверждает, что постановление о военном положении в Петрограде действительно было принято правительством, но не приводилось в осуществление. Как видно из протокола о пребывании в Ставке управляющего военным министерством Савинкова, день объявления военного положения приурочивался к подходу к столице конного корпуса, причем все собеседники — как чины Ставки, так и Савинков и полковник Барановский (начальник военного кабинета Керенского) — пришли к заключению, что, «если на почве предстоящих событий кроме выступления большевиков выступают и члены Совета, то придется действовать и против них»; причем «действия должны быть самые решительные и беспощадные»...

С какой бы стороны ни подходить к повороту, свершившемуся в мировоззрении Керенского 17-го августа, он знаменовал собою полный разрыв с революционной демократией. Тем более, что 18-го, после небывало бурного пленарного заседания Петроградского совета, была вынесена подавляющим большинством голосов резолюция о полной отмене смертной казни; при этом резолюция эта была предложена... фракцией с.-ров, т. е. партией, к которой принадлежал Керенский.

Было ясно, что введение новых законов вызовет взрыв среди Советов. Как оценивал положение Керенский, можно видеть из диалога между ним и В. Львовым, сообщенного последним. «Негодование (против Совета) перельется через край и выразится в резне». «Вот и отлично! — воскликнул Керенский, вскочив и потирая руки. — Мы скажем тогда, что не могли сдержать общественного негодования, умоем руки и снимем с себя ответственность...»**.

Обнаружение обстоятельств этого «грехопадения» Керенского произвело впоследствии большое впечатление на советские круги, а член следственной комиссии Либер***, ознакомившись с ними во время допроса Корнилова в Быхове, схватив себя руками за голову, патетически воскликнул: «Боже мой, ведь это чистая провокация!...».

Законопроект был готов 20-го, но министр-председатель раздумал и упорно отказывался подписать его. Так прошло время до 26-го, когда Керенский, после интимного разговора с Савинковым, разговора, в котором, по-видимому, звучала скрытая угроза, согласился представить законопроект в тот же день на обсуждение Временного правительства.

Такое постоянное резкое расхождение военного министра (Керенского) с управляющим его ведомством (Савинковым) — лицом, им избранным и ему подчиненным, представляется на первый взгляд малопонятным. Какие цепи связывали их? Почему Керенский, с такой изумительной легкостью свергавший Верховных, не мог расстаться с управляющим министерством? Только потому, что Савинков даже тогда, когда решительно ни на какие политические круги не опирался, импо-

нировал ему своим террористическим прошлым. Керенский ненавидел Савинкова и боялся его. Лучше было иметь Савинкова своим строптивым подчиненным, чем явным врагом, отброшенным окончательно в тот лагерь, который укреплялся возле Ставки и начинал все больше и больше волновать Керенского. И не случайность, что Керенский так легко расстался с Савинковым 31 августа, в тот именно день, когда генерал Алексеев ехал в Ставку для окончательной ликвидации закончившегося уже выступления Верховного главнокомандующего. Заступничество Савинкова за арестованного Филоненко, игравшего двойную игру, было только предлогом.

Савинков остался среди зияющей пустоты. «Неумолимый враг диктатуры» делал затем попытки сближения с казачьими руководящими кругами, находившимися всецело на стороне Корнилова, и примирения с самим Корниловым. Современное политическое положение страны и взаимоотношение сил не давали выбора: против Советов можно было бороться тогда только совместно с Корниловым.

Что касается членов правительства, то участие их в этом деле как нельзя лучше определяется разговором, имевшим место в двадцатых числах августа между Керенским и Юреневым*: «Когда правительство будет обсуждать законопроекты, касающиеся реорганизации армии?» «Когда они будут готовы». «А кто же их изготовляет?» «Военный министр». «То есть — вы. Следовательно, вы можете сообщить, в каком положении дело...» «Я вам сказал, что правительство будет обсуждать законопроекты, когда они будут готовы». «Но я слышал, что у Савинкова готов уже какой-то законопроект». «Когда законопроекты будут готовы, они будут внесены на обсуждение Временного правительства».

Этот диалог лучше, чем самая пространная характеристика деятельности правительства, дает понятие о внутреннем кризисе его — назревшем и даже перезревшем, в силу которого либеральная группа обращалась в простых статистов, призванных своим присутствием демонстрировать коалицию и прикрывать пустое место, образовавшееся в ее правом секторе. Если представители либеральной демократии, входившие в состав третьего правительства, тем не менее, шли на такую неприглядную роль, то это можно объяснить только огромным самопожертвованием, путем которого они долго и тщетно пытались склеить разбитую вдребезги храмину национального единства.

Таким образом, не находя или по крайней мере не высказывая возражений по существу по вопросу об изменении правительственного курса в сторону решительной борьбы с анархией, Керенский колебался, хитрил, то соглашался, то отказывался, старался выиграть время и все откладывал решение сакраментального вопроса, проведение которого, по его мнению, должно было оторвать массы влево и смести правительство, «сдерживающее зверя»... Образовался заколдованный круг, из которого не видно было выхода, ибо мерами правительственной кротости сдерживать анархию, охватившую страну, было невозможно. Но если образ «зверя» рисовался еще только в воображении, то перед Керенским тут же рядом стояла реальная угроза в лице Совета, недвусмысленно говорившего уже об «измене революции».

Политическая и социальная борьба, раздиравшая русское государство, вступила в новый фазис, сохраняя, однако, прежнее соотношение и противоположение сил. Ибо, если Керенский, демонстрируя независимость верховной власти, влачил за собой тяжелую цепь, приковывавшую его к Советам, то за Корниловым, невзирая на отсутствие в нем интереса к чисто политическим вопросам и классовой борьбе, стояли буржуазия, либеральная демократия и то безличное студенистое человеческое море русской обывательщины, по которой больно ударили и громы самодержавия и молнии революции и которая хотела только покоя. Стояли — одни явно, другие тайно, третьи полусознательно.

Центральный комитет Советов формулировал положение так: «Значительные слои буржуазии, не желающие нести требуемых революцией жертв, в союзе с контрреволюционными элементами пользуются испытанными страной затруднениями, чтобы начать открытый натиск на полномочные органы революционной демократии и вести подкоп под созданное революцией Временное правительство»**...

Совещание общественных деятелей не возражало: «...Правительство должно немедленно и решительно порвать со служением утопиям, которые оказали губительное влияние на его деятельность»... Правительство должно «решительно порвать со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов, советов и других подобных организаций»*...

А безликий обыватель в бесчисленных обращениях к тому, кого он считал призванным водворить порядок, просил только поторопиться, так как «жить становится невмоготу»... «Раз Вы — избранник Божий, то Вам и надлежит принять на себя роль избавителя и спасителя... Не бойтесь — время, мудрость и опыт научат Вас всему»**...

Глава III. *Корниловское движение: тайные организации, офицерство, русская общественность*

История противоправительственного и противосоветского движения в середине 1917 года скрыта еще под покровом тайны и вызывает иногда самые неправдоподобные представления в широких кругах русского общества. Подыдем несколько этот покров, чтобы осветить сущность одного из наиболее серьезных моментов русской революции.

После неудачи июньского наступления офицерский корпус перешел в прямую оппозицию к правительству. Но сколько-нибудь широких размеров действительное проявление оппозиции не приняло. Причины — нравственная подавленность офицерства, укоренившаяся интуитивно в офицерской среде внутренняя дисциплина и отсутствие склонности и способности к конспиративной деятельности. Работа в этом направлении, как увидим ниже, некоторыми организациями велась, но к каким-либо серьезным результатам не приводила. Вряд ли вначале эти необъединенные организации имели определенные лозунги и ясные цели предстоящей им деятельности. Скорее всего работа их имела характер подготовки на всякий случай: будь то большевистское выступление, падение власти, крушение фронта, поддержка диктатуры или, наконец, для некоторых членов организаций — восстановление самодержавия. К тому же в первое время ни имя претендента на престол, ни имя диктатора произнесены не были. Один только общий лозунг выяснялся совершенно твердо и определенно — борьба с Советами.

Есть основание предполагать, что возникшая по инициативе генерала Крымова на Юго-западном фронте офицерская организация, охватившая главным образом части 3-го конного корпуса и Киевский гарнизон (полки гвардейской кавалерии, училища, технические школы и т. д.), имела первоначальной целью создание из Киева центра будущей военной борьбы. Генерал Крымов считал фронт конечным и полное разложение армии — вопросом даже не месяцев, а недель. План его, по-видимому, заключался в том, чтобы, в случае падения фронта, идти со своим корпусом форсированными маршами к Киеву, занять этот город и, утвердившись в нем, «кликнуть клич». Все лучшее, все, не утраченное еще чувства патриотизма, должно было отозваться, и прежде всего офицерство, которое таким образом могло избежать опасности быть раздавленным солдатской волной. В дальнейшем возможно было продолжение европейской войны хотя и не сплошным фронтом, но сильными отборными частями, которые, и отступая в глубь страны, отвлекали бы на себя большие силы австро-германцев. «Что касается форм верховной власти, — говорил Крымов одному из своих сотрудников, — это вопрос будущего; но лично я никакой нежности к династии не питаю».

3-й конный корпус входил в состав Юго-западного фронта. При том составе чинов высшей военной иерархии, который имел место до июля***, такой совершенно обособленный план действий, с расчетом только на себя и на свои силы, был единственно возможным. После 8-го июля, т. е. с назначением главнокомандующим Юго-западного фронта генерала Корнилова, узкие рамки всего предприятия имели шансы раздвинуться до фронтового масштаба.

Менее определенными были, по-видимому, задачи различных, вначале не объ-

единенных петроградских организаций. Без серьезных средств и без руководителей, сколько-нибудь выдающихся по решимости и таланту, они представляли из себя скорее кружки фрондирующих молодых людей, играющих в заговор. Эти кружки, в которые вовлекались и военные училища, были непримиримо настроены к Совету, враждебно к правительству и могли быть действительно опасны для них в случае благоприятно сложившейся обстановки или при лучшей организации и руководстве. Вряд ли будет ошибкой считать, что большое число участников петроградских организаций принадлежало к правым кругам. Но отсюда не следует, что целью их была реставрация. Они удовлетворялись свержением Советов и установлением «сильной власти», не влагая в это понятие слишком конкретной сущности. Идея немедленного восстановления монархического строя и им казалась нецелесообразной для текущего этапа революции; кроме того, здесь примешивалось одно обстоятельство, про которое впоследствии глава организации «Русской государственной карты», В. Пуришкевич*, правда, на суде большевистского трибунала, но не без известной искренности, говорил: «Но как мог я покусаться на восстановление монархического строя — который, я глубоко верю, будет восстановлен — если у меня нет даже того лица, которое должно бы, по-моему, быть монархом. Назовите это лицо. Николай II? Большой царевич Алексей? Женщина, которую я ненавижу больше всех людей в мире? Весь трагизм моего положения как идеолога-монархиста в том и состоит, что я не вижу лица, которое поведет Россию к тихой пристани».

Внутри организаций с самого начала создавалась нездоровая атмосфера. Несерьезная фронда, выносившаяся некоторыми на улицу и в залы киевских и петроградских ресторанов... По-видимому, свои Азефы... Такое, по крайней мере, впечатление производят некоторые эпизоды конца августа. Наконец, просто предатели. Один из них, скрытый в книге Керенского под инициалами «капитан В-ин», раскрыл ему все данные о важнейшей петроградской организации...

В конце июня в Петрограде, в числе многих других, образовалась политическая группа, под названием «Республиканский центр». Состав ее был немногочисленным и чрезвычайно пестрым; политическая программа весьма растяжима, и даже само наименование группы не выражало точно существа политических взглядов ее членов, так как, по словам руководителя группы, в «республиканском центре разговоров о будущей структуре России не поднималось; казалось естественным, что Россия должна быть республиканской, отсюда и пошло название «Респуб. центр». При приеме в организацию «никого не спрашивали, во что веруешь; достаточно было заявления о желании борьбы с большевизмом и о сохранении армии». Первоначально руководители «Республиканского центра» ставили себе целью «помощь Временному правительству, создав для него общественную поддержку путем печати, собраний и проч.»; потом, убедившись в полном бессилии правительства, приступили к борьбе с ним, участвуя в подготовке переворота. Интеллектуальные силы и влияние группы были невелики, но она имела одно большое преимущество перед всеми другими — обладала некоторыми денежными средствами. Их давала крупная денежная буржуазия — «небольшая по числу, — как определяет один из организаторов «центра», — но очень влиятельная, довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах»; буржуазия эта «подняла тревогу (в июльские дни), когда обнаружилась слабость Временного правительства, и предложила (Респ. центру) первую денежную помощь, чтобы уберечь Россию... от очевидной тогда для них надвигавшейся опасности большевизма». Лично представители этой банковской и торгово-промышленной знати стояли вне организации, опасаясь скомпрометировать себя в случае неудачи.

Отсутствие партийной нетерпимости, деловая программа и в особенности известные средства дали возможность «Респ. центру» объединить много мелких, главным образом военных петроградских организаций**. Они вошли в состав военной секции «Респ. центра» в лице своих представителей, причем далеко не все члены их знали, кто их возглавляет. Таким путем, к концу августа активных участников военной секции числилось до 4 тысяч человек. Сколько их было в действительности, вероятно, никто не знал. Внутренняя организация этих отделов остава-

лась по-прежнему чрезвычайно слабой. Тем не менее, значение их сильно переоценивалось как самими участниками, так и теми, кто предполагал воспользоваться их силами.

Наконец, организующую работу вел Главный комитет офицерского союза. С первых же дней существования комитета в составе его образовался тайный активный коллектив, к которому впоследствии примкнул весь состав комитета. Не задаваясь никакими политическими программами, комитет этот поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения диктатуры — единственного средства, которое, по мнению офицерства, могло еще спасти страну. Завязывались оживленные сношения с советом Союза казачьих войск, военными организациями и политическими партиями. Хотя комитет отражал в полной мере настроение фронтового офицерства, организация последнего подвигалась крайне слабо. Кроме непригодности к «заговорщической» работе и офицерской среды и самого комитета, на ходе ее отразились неблагоприятно быстрый темп, которым развивались события, и ряд внешних препятствий. Керенский, встречая гласное и резкое осуждение своей военной политики в резолюциях комитета, относился к нему враждебно и установил за ним надзор; Брусилов, тогда Верховный главнокомандующий, смотрел на деятельность комитета также с большим неодобрением. Пригласив однажды к себе всех членов комитета, Брусилов обратился к ним с резкими упреками за то, что комитет «своими выступлениями мешает делу спасения армии, что нельзя переть напролом, когда правительство и Керенский стали на верный (?) путь». Он говорил так, но, видимо, чувствовал всю неприглядность своей позиции. И когда один из членов комитета заявил: «Раз мы приносим вред, то нас следует попросту разогнать», — Брусилов со слезами на глазах стал жаловаться, что офицерство больше не идет за ним и что ни ему, ни Керенскому не верить...

Наконец, самое серьезное мероприятие, задуманное комитетом, — формирование добровольческих ударных батальонов в дивизиях и на железнодорожных узлах — было вырвано из его рук: Брусилов утвердил своим приказом проект «товарища Манакина»* о формировании ударных частей при участии... Советов... Таким образом, когда настало время действовать, комитет имел в своем моральном активе широкое сочувствие всего офицерства, а в реальном — только добрую волю своих членов.

* * *

Страна искала имя. Первоначально неясные надежды, не облеченные еще ни в какие конкретные формы, как среди офицерства, так и среди либеральной демократии, в частности, к. д. партии, соединялись с именем генерала Алексева. Это был еще период упований на возможность законопреемственного обновления власти. Ибо трудно себе представить лицо, менее подходящее по характеру, чем ген. Алексеев, для выполнения насильственного переворота.

Позднее, может быть, и одновременно, многими организациями делались определенные предложения адмиралу Колчаку во время пребывания его в Петрограде. В частности, «Республиканский центр» находился в то время в сношениях с адмиралом, который принципиально не отказывался от возможности стать во главе движения. По словам Новосильцева, которому об этом говорил лично адмирал, доверительные разговоры на эту тему вел с ним и лидер к. д. партии. Вскоре, однако, адмирал Колчак по невыясненным причинам покинул Петроград, уехал в Америку и временно устранился от политической деятельности.

Но когда генерал Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим, все искания прекратились. Страна — одни с надеждой, другие с враждебной подозрительностью — назвала имя диктатора.

В дни Московского совещания в вагоне Верховного произошел знаменательный разговор между ним и генералом Алексеевым: «Михаил Васильевич, придется опираться на Офицерский союз — дело Ваших рук. Становитесь Вы во главе, если думаете, что так будет лучше». «Нет, Лавр Георгиевич. Вам, будучи Верховным, это сделать легче».

Началось паломничество в губернаторский дом в Могилеве. Пришли в числе других представители Офицерского союза, во главе с Новосильцевым, и принесли Корнилову свое желание работать для спасения армии. Появились делегаты казачьего Совета и Союза георгиевских кавалеров. Приехал из Петрограда представитель «Республиканского центра», обещал поддержку влиятельных кругов, стоящих за группой, и предложил в распоряжение Корнилова военные силы петроградских организаций. Прислал гонца в комитет Офицерского союза и генерал Крымов с запросом «будет ли что-нибудь», и в зависимости от этого — принимать ли ему 11-ю армию, предложенную мною, или оставаться во главе 3-го корпуса, который, по его словам, «пойдет куда угодно»... Ему ответили просьбой оставаться во главе корпуса.

* * *

Таковы были реальные средства в руках тех, кто хотел перестроить тонувшую в дебрях внутренних противоречий верховную власть, чтобы спасти страну от большевизма. Но в пределах этих ничтожных технических средств всякая активная и тем более насильственная борьба была заранее обречена на неуспех, если она не имела широкого общественного обоснования. На кого же опирался генерал Корнилов?

Теперь, когда идет безудержная переоценка ценностей, когда «тактические соображения» и «интересы целесообразности» окончательно вытеснили из политического обихода «старые предрассудки морального свойства» — у многих изменился взгляд на своевременность и необходимость корниловского выступления. При этом упускается из виду одно обстоятельство — неизбежность этого явления как естественного и непредотвратимого рефлекса борющегося со смертью государственного организма, напрягающего последние силы национального, морального и правового самосознания; неизбежность, в силу которой отпадают обе предпосылки, и вопрос сводится, следовательно, лишь к оценке тех форм и тех способов, которыми мог быть наилучшим образом разрублен мертвый узел, завязанный вокруг власти. Во всяком случае, тогда Корнилов мог иметь полную уверенность, что он опирается на широкие общественные силы, включающие в свой состав, как я уже упоминал, либеральную демократию и буржуазию, весь офицерский корпус, командный состав и даже членов Временного правительства.

Многочисленные официальные обращения к Корнилову не оставляли сомнения в своем положительном значении. Когда на Московском совещании вся правая половина русской общественности с высоким подъемом приветствовала Верховного главнокомандующего, она без сомнения видела в нем орудие судьбы и своего избранника.

Когда совещание общественных деятелей в постановлении своем от 10-го августа говорило о том, что правительство ведет страну к гибели, что должна быть восстановлена власть командного состава, что необходимо решительно порвать с Советами — оно повторяло «корниловскую программу». В воззвании прозвучал даже призыв «из сердца России... к низинным людям» — подобно тому, как 300 лет назад их предки пришли к Москве спасти Родину — и теперь «не выдавать своих героев и вернуть России возможность стать счастливой и великой*...»

Наконец, совсем уже недвусмысленна была телеграмма, посланная Корнилову 9-го августа за подписью Родзянко: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя Русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв Вашего авторитета в армии и России считает преступными, и присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казаков**». В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой. Да поможет Вам Бог в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России».

В Москве, в день приезда на государственное совещание, Корнилов был встречен овациями. Офицеры понесли его на руках к автомобилю. Родичев¹¹ на вокзале в своем горячем обращении к Корнилову говорил: «Вы теперь символ нашего един-

ства. На вере в Вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что во главе обновленной русской армии Вы поведете Русь к торжеству над врагом и что клич — да здравствует генерал Корнилов! — теперь клич надежды — сделается возгласом народного торжества». И закончил: «Спасите Россию, и благодарный народ увенчает Вас...». Морозова упала перед ним на колени...

Не удивительно, что люди чувствовали иногда некоторые угрызения совести. В. Маклаков говорил Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем, а особенно М-ъ. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...». Таковы были внешние, официальные отношения общественных кругов к Верховному главнокомандующему.

Несколько иначе обстояло дело в конспиративной области деловых сношений. 8 или 9-го августа в Москву к находившемуся там Новосильцеву приехал из Ставки капитан Роженко и попросил его собрать общественных деятелей, чтобы поставить их в известность относительно назревавших событий*. На квартире видного кадетского лидера состоялось собрание влиятельных членов Думы и политических деятелей. Роженко доложил об общем положении армии, о трениях между генералом Корниловым и Керенским, о возможности смещения Корнилова с поста Верховного, чему он решил не подчиниться из патриотических побуждений; говорил о предстоящем восстании большевиков и о подходе к Петрограду конного корпуса, которому предстоит ликвидировать большевиков, Советы и, может быть, выступить против правительства.

Доклад своею легкостью произвел на всех тягостное впечатление. Один из участников собрания так описывает этот эпизод. «Обсуждать тут же этот доклад увлекательного офицера не хотели. Было ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верит в успех, да и связывать себя и политические группы, которых представляли участники собрания, ни у кого не было желания.

Через несколько дней, однако, взволновавшее всех сообщение обсуждалось вновь в более широком кругу либеральных и консервативных политических деятелей. «После долгих объяснений, — говорит один из них, — П. Н. Милюков от лица общественных деятелей кадетского направления сделал заявление о том, что они сердечно сочувствуют намерениям Ставки остановить разруху и разогнать совдеп. Но настроение общественных масс таково, что они никакой помощи оказать не могут. Массы будут против них, если они активно выступят против правительства и совдепа. Поэтому на Милюкова и его единомышленников рассчитывать нельзя. К этому заявлению стыдливо присоединились путем молчания и знаком молчаливого согласия остальные общественники».

Не более благоприятной оказалась информация об отношении к назревавшим событиям Государственной думы как учреждения. Председатель ее говорил о бессилии Думы в деле борьбы, но, вместе с тем, и о возможности гальванизировать ее и привлечь к организации власти в случае успеха.

Что касается более широких интеллигентских кругов, то осведомленность их один московский деятель определяет такими словами: «Слухи не шли дальше того, что Корнилов что-то замышляет против Советов, что около Корнилова собрались какие-то более чем странные люди, которые, Бог весть как, попали к нему. Иногда доходили слухи, что в Ставку таинственно выехал такой-то, что скоро предстоит более широкое совещание по поводу действий громадной важности. Но все было покрыто тайной и молчанием. Это молчание понимали и не хотели нарушать его».

Таковы объективные факты, показательные для общественного настроения, создававшегося вокруг корниловского движения. Это настроение можно определить кратко: сочувствие, но не содействие.

В какой мере правильно информировали генерала Корнилова о «деловых сношениях» с ответственными политическими группами, сказать трудно. Весьма показательным, однако, является разговор его с князем Г. Трубецким, посетившим генерала, когда он находился уже под стражей в могилевской гостинице. «Передайте, чтобы ни один кадет не входил в состав правительства», — сказал Корнилов. Человеку политики и собраний пришлось долго уговаривать человека меча и боевого поля, что для предъявления подобного требования нужно иметь совершенно

конкретные обязательства со стороны кадетской партии...

Да и само субъективное восприятие сложной политической обстановки людьми, не искушенными в этих вопросах, приводило иногда к разительным противоречиям. Представители офицерского союза еще летом устанавливали связь с некоторыми политическими группами и делились с ними своими предположениями. Вот какие впечатления они вынесли. Один — человек чисто военный — пишет: «Русские общественные круги, в частности кадеты, обещали нам свою полную поддержку. Мы были у Милюкова и Рябушинского¹². И та и другая группы обещали поддержку у союзников, в правительстве, печати и деньгами»... Другой — причастный к политической деятельности — о тех же эпизодах говорит: «Московская группа шла нам навстречу; петроградская нас избегала. У Рябушинского отнеслись более внимательно. Но, тем не менее, мы должны были сделать один вывод: мы — одни».

Но, кроме проявления официальных и деловых отношений, сумма впечатлений, утверждавших Верховного главнокомандующего в его намерениях, слагалась и другим путем: множество личных разговоров, из которых одни известны, другие станут достоянием гласности, третьи унесены с собой в могилу собеседниками, — разговоров, веденных с ответственными представителями общественных и политических групп или от их имени — создавало иллюзию широкого, если не народного, то общественного движения, увлекавшего Корнилова роковым образом в центр его. Генерал Алексеев имел, несомненно, право писать Милюкову*: «Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь (?) широких кругов нашей интеллигенции, для которой слишком тяжелы были страдания Родины».

Впрочем даже и революционная демократия в душе должна была ясно сознавать почвенность и истинные мотивы корниловского движения и иногда имела смелость говорить о них в печати. В меньшевистской «Рабочей газете» Цедербаума (Мартова)¹³ 3-го сентября 1917 года мы находим следующие мысли: Революция вначале была всенародной. Потом «один слой буржуазии за другим отходили от революции... начинали с ней борьбу. Но этот отход буржуазии не случился бы так быстро и не имел бы таких опасных... последствий, если бы революционная демократия проявила больше революционного творчества в деле организации обороны страны, установления в тылу и в армии революционного порядка, разрешения продовольственного кризиса, борьбы с хозяйственной разрухой. Разочарование в революции и возбуждение против рабочих и солдат не охватили бы таких широких кругов населения, если бы безответственная агитация не толкала рабочие и солдатские массы на путь опасных авантур».

Революционная демократия понимала и ждала со страхом, либеральная демократия знала и ждала с надеждой. Впоследствии Корнилов горько упрекал представителей русской общественности за их более чем пассивную роль в августовские дни. Когда же однажды положение быховских узников, ввиду готовившегося самосуда, стало весьма опасным, Корнилов, считая себя ответственным за судьбу тех, которые пошли за ним, послал некоторым видным деятелям ультимативное требование принять немедленно меры общественного воздействия на правительство.

В таком деликатном вопросе редко оставляются документальные следы, но и они найдутся с течением времени. Во всяком случае, не подлежит сомнению одно: если многие представители нового прогрессивного блока, каким явилось по существу «совещание общественных деятелей», и не были посвящены во времена и сроки, то, во всяком случае, сочувствовали идее диктатуры, именно корниловской, одни догадывались, другие знали о надвигающихся событиях.

(Продолжение следует)

Примечания автора

К стр. 147

* К. д-ты требовали создания власти, покоящейся «на общенациональной почве» и представленной лицами, «не ответственными ни перед какими организациями и комитетами».

** Был один раз за 1½ месяца.

К стр. 148

* Авксентьев (с.-р.)², Скобелев (с.-д.), Пешехонов (н.-с.), Чернов (с.-р.), Зарудный (с.-р.)³, Прокопович (с.-д.)⁴, Никитин (с.-д.)⁵.

** Ольденбург⁶, Юренев, Кокошкин, Карташев⁷ (к. д-ты), Ефремов (р.-д.)⁸.

*** Доклад Ф. Кокошкина 31 августа.

**** Управляющий — Савинков, начальник политического отделения — Степун, комиссар при Ставке — Филоненко.

К стр. 150

* Резолюции 24 июля и 20 августа.

** Речь в «Совете республики».

*** В начале июля на Юго-западном фронте.

К стр. 152

* Из «Обращения к народу» 28 августа 1917 года.

** Показание следственной комиссии.

*** «Прелюдия большевизма» (англ.). Савинков был, по его словам, против оглашения записки по мотивам необходимости расширить программу военных мероприятий «до размеров общегосударственных и внести в осуществление ее элемент осторожной последовательности».

**** Из бесед с Савинковым Корнилов вынес впечатление, что предупреждение имело в виду министра земледелия Чернова.

***** Показание следственной комиссии.

К стр. 153

* Савинков. «К делу Корнилова».

** «Армия и флот» 1 августа 1917 года.

*** Савинков. «К делу Корнилова».

К стр. 154

* Показания Корнилова следственной комиссии.

К стр. 155

* Савинков. «К делу Корнилова».

** «Последние новости» 1920 года. № 190. Статья Львова.

*** С.-д. меньшевик, видный член центрального комитета¹⁰.

К стр. 156

* Доклад Ф. Кокошкина.

** Постановление 4 августа.

К стр. 157

* Постановление 10 августа.

** Из типичного письма.

*** Главнокомандующим Юго-западным фронтом был тогда генерал Брусилов; позднее, с 22 мая — Верх. главнок. был генерал Брусилов, а главнок. армиями фронта — генерал Гутор.

К стр. 158

* К выступлению Корнилова не причастен.

** Одно из коллективных обращений к генералу Корнилову (31 июля) исходило от 10 организаций: 1. Военная лига. 2. Союз георгиевских кавалеров. 3. Союз воинского долга. 4. Союз Честь Родины. 5.

Союз добровольцев народной обороны. 6. Добровольческая дивизия. 7. Батальон свободы. 8. Союз спасения Родины. 9. Общество 1914 года. 10. Республиканский центр. Кроме того существовали организации полковые, районные и т. д.

К стр. 159

* Подполковник генерального штаба.

К стр. 160

* «Керенский по поводу этого воззвания возмущенно говорил Кокошкину, что Милоков вновь организует прогрессивный блок против Временного правительства, как против Николая II».

** От офицерского союза, союза георгиевских кавалеров и казачьего совета были посланы правительству резкие телеграммы о несменяемости Корнилова.

К стр. 161

* Новосильцев до сих пор предполагает, что инициатива командировки Роженко исходила не от Корнилова, а от «политического окружения».

К стр. 162

* 12 сентября 1917 года.

Примечания редакции

1. *Кокошкин Федор Федорович* (1871—1918) — юрист, публицист, один из лидеров партии кадетов. Депутат I Государственной думы. В 1917 г. — министр (государственный контролер) Временного правительства (2-го коалиционного). Убит анархистами.
2. *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878—1943) — один из лидеров партии эсеров, член ее ЦК, представлял правое крыло. В годы первой мировой войны — социал-шовинист. После Февральской революции — член Исполкома Петросовета и председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В июле — сентябре 1917 г. — министр внутренних дел Временного правительства, в октябре — председатель Предпарламента (Временного совета Российской республики). В 1918 г. — один из организаторов контрреволюции в Поволжье и Сибири, член руководства Союза возрождения России, председатель Уфимской директории. С конца 1918 г. находился в эмиграции.
3. *Зарудный А. С.* (1863—1934) — адвокат, народный социалист, министр юстиции Временного правительства (2-го коалиционного).
4. *Прокопович Сергей Николаевич* (1871—1955) — экономист, публицист, идеолог «экономизма». После Февральской революции — член Исполкома Комитета московских общественных организаций, председатель Главного экономического комитета и заместитель председателя Экономического совета, министр Временного правительства (торговли и промышленности — во 2-м и продовольствия — в 3-м коалиционном). После Октябрьской революции — член контрреволюционного Комитета спасения родины и революции. До 16(29) ноября 1917 г. возглавлял подпольное Временное правительство, состоявшее из министров-социалистов, освобожденных из-под ареста (самого Прокоповича, Гвоздева, Никитина), а также оставшихся на свободе заместителей министров. Работал в Помголе — Комиссии помощи голодающим при ВЦИК. В 1922 г. выслан из страны.
5. *Никитин Алексей Михайлович* (1876—?) — юрист, меньшевик. После Февральской революции — председатель Московского Совета рабочих депутатов, с 5(18) марта — начальник милиции Москвы. С 24 июля (6 августа) — министр почт и телеграфов Временного правительства, с 1(14) сентября — член Директории (Совета пяти) — коллегии министров во главе с А. Ф. Керенским, образованной в поисках выхода из правительственного кризиса, возникшего в связи с корниловщиной; с 25 сентября (8 октября) — министр внутренних дел. 15(28) октября Предпарламент принял подготовленный им проект создания Комитета общественной безопасности. Входил в подпольное Временное правительство. В 1920 г. за контрреволюционную деятельность был осужден. После освобождения работал в органах кооперации.
6. *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед, один из основателей русской индологической школы, академик (член Петербургской АН с 1900 г.). В 1904—1929 гг. — неперменный секретарь Академии наук. Был одним из лидеров партии кадетов, членом Государственного совета, мини-

стром просвещения Временного правительства (2-го коалиционного). В 1930—1934 гг. — директор Института востоковедения АН СССР.

7. *Карташёв Антон Владимирович* (1875—1960) — историк церкви, один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК. С 24 июля (6 августа) 1917 г. — обер-прокурор Синода, с 5(18) августа по 25 сентября (8 октября) — министр исповеданий Временного правительства. Один из инициаторов восстановления патриаршества в России, созыва Поместного собора. Выступал в поддержку генерала Корнилова. Был членом белогвардейского правительства Юденича. С 1920 г. — в эмиграции.
8. *Ефремов И. Н.* (1866—?) — крупный помещик, депутат I, III—IV Государственных дум. Один из лидеров партии прогрессистов. После Февральской революции был членом Исполкома Государственной думы, министром государственного призрения Временного правительства (2-го коалиционного).
9. *Спиридонова Мария Александровна* (1884—1941) — один из лидеров партии левых эсеров. В 1906 г. за убийство в Борисоглебске карателя крестьян и организатора черносотенных погромов Г. Н. Луженовского была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. После Февральской революции — в Петрограде. Член ВЦИК и его Президиума, делегат III—V Всероссийских съездов Советов. Член ЦК партии левых эсеров, активно участвовала в организации левозероветского мятежа в Москве в июле 1918 года. Приговорена ревтрибуналом к одному году заключения, но тут же амнистирована. В дальнейшем, вплоть до 1941 г. (с небольшими перерывами), находилась в тюрьмах и ссылке. Расстреляна по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 11 октября 1941 г. в Орловской тюрьме. Ныне реабилитирована.
10. *Либер (Гольдман) Михаил Исаакович* (1880—1937) — один из лидеров Бунда и меньшевизма. В 1917 г. — член Исполкома Петросовета. Позднее находился на хозяйственной работе.
11. *Родичев Федор Измаилович* (1853—1932) — юрист, тверской помещик, земский деятель, один из лидеров кадетов. Депутат I—IV Государственных дум. 2(15) марта — 2(15) мая 1917 г. — министр по делам Финляндии во Временном правительстве. После Октябрьской революции эмигрировал.
12. *Рябушинский Павел Павлович* (1871—1924) — один из крупных представителей российского капитала. С 1912 г. — организатор и руководитель партии прогрессистов, издатель газеты «Утро России». Член Центрального и председатель Московского военно-промышленных комитетов, созданных по его предложению в 1915 г. Один из организаторов корниловщины, калединщины и интервенции в Советскую Россию. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.
13. *Мартов Л. (Цедербаум Юлий Осипович)* (1873—1923) — участник российского революционного движения, один из лидеров меньшевиков. Во время первой мировой войны — центрист. После Февральской революции — руководитель меньшевиков-интернационалистов. Член ВЦИК (1919 г.). В 1920 г. эмигрировал. Один из организаторов 2½-го Интернационала, редактор «Социалистического вестника».

Россия на историческом повороте

А. Ф. Керенский

Глава XV. Весна великих перемен

Роковое решение генерала Нивеля

Третий год войны (1917) должен был стать годом окончательной победы над Центральными державами. Такова была суть решения, принятого военными руководителями Антанты на совещании в Шантильи 3 ноября 1916 года. На межсоюзническом совещании, состоявшемся в Петрограде в январе (1917 г.), делегаты Англии, Италии, России и Франции подтвердили это решение. Были разработаны планы военной кампании 1917 г., которые предусматривали боевые действия на всех союзнических фронтах; по единодушному мнению участников встречи, решительное совместное наступление русских и румынских войск с севера и армий Антанты с юга должно было неминуемо вынудить Болгарию немедленно выйти из войны. Русско-румынское наступление планировалось на первую неделю мая.

12 декабря 1916 г. маршала Жоффра сменил на посту главнокомандующего французской армии генерал Нивель. Он прославился в ходе успешных наступательных действий под Верденом осенью 1916 г. и в глазах французов был национальным героем. Подготовка ко всеобщему наступлению велась ускоренными темпами, однако падение русской монархии 27 февраля неожиданно поставило Россию и русский фронт на грань катастрофы. Сообщения о создавшейся ситуации генерал Нивель получил, должно быть, от главы французской миссии при русском Генеральном штабе генерала Жанэна.

Столь неожиданные и глубокие перемены в судьбе союзной страны, имеющей линию фронта в 2 тыс. километров, должны были послужить для нового главнокомандующего вооруженными силами союзников на Западе достаточным основанием для пересмотра плана или, по крайней мере, для отсрочки его осуществления. Даже если бы генерал Нивель предпочел не принимать в расчет возникший хаос в России, он не мог не знать, что в ноябрьских сражениях предыдущего года румынская армия была наголову разбита германскими и болгарскими войсками в Трансильвании и что с начала декабря Румыния была оккупирована немцами!

Тем не менее генерал Нивель без каких-либо предварительных консультаций с русским верховным командованием принял решение начать военные действия на русско-румынском фронте не в мае, а в конце марта или в первых числах апреля. Исход наступления генерала Нивеля имел столь существенное значение для всего

последующего развития событий первой мировой войны, что я позволю себе более или менее полностью процитировать соответствующие документы.

8(21) марта генерал Жанэн передал генералу Алексееву следующую записку: «Генерал Жанэн имеет честь... передать ему [генералу Алексееву] нижеследующую телеграмму, только что полученную им от генерала Нивеля: «Прошу вас сообщить генералу Алексееву следующее: по соглашению с высшим английским командованием, я назначил на 8 апреля (по новому стилю) начало совместного наступления на Западном фронте. Этот срок не может быть отложен.

Неприятель начал отходить на части участка фронта английского наступления и деятельно готовится к дальнейшему развитию отходного движения на части фронта нашего наступления, обнаруживая этим свое намерение уклониться от боя при помощи маневра, который позволяет ему к тому же собрать новые и значительные силы. Нужно поэтому, чтобы мы начали наше наступление как можно скорее, не только для того, чтобы выяснить положение, но и потому, что отсрочить наше наступление значило бы сыграть на руку противнику и, кроме того, рисковать, что он опередит нас.

На совещании в Шантильи 15 и 16 ноября было решено, что союзные армии будут стремиться в 1917 г. сломить неприятельские силы путем единовременного наступления на всех фронтах с применением максимального количества средств, какое только сможет ввести в дело каждая армия. Я введу для наступления на Западном фронте все силы французской армии, так как буду добиваться *решиительных результатов*, достижения которых в данный период войны нельзя откладывать.

Вследствие этого прошу вас также начать наступление русских войск около первых или средних чисел апреля (по новому стилю). Совершенно необходимо, чтобы ваши и наши операции начались одновременно (в пределах нескольких дней), иначе неприятель сохранит за собой свободу распоряжения резервами, достаточно значительными для того, чтобы остановить с самого начала одно за другим наши наступления... Должен добавить, что никогда положение не будет столь благоприятным для [русских] войск, так как почти все наличные немецкие силы находятся на нашем фронте, и число их растет здесь с каждым днем! Главнокомандующий».

В телеграмме, пришедшей вслед за этим, генерал Нивель обращает мое внимание на то обстоятельство, что вышеизложенная просьба находится в полном соответствии с соглашением, достигнутым союзниками по четвертому вопросу, обсуждавшемуся на последнем совещании в Петрограде, и просит меня, базируясь на этом соглашении, настаивать перед вашим высокопревосходительством на полном ее удовлетворении. Жанэн»¹.

В кратком ответе генералу Жанэну генерал Алексеев указывает на невозможность выполнения предложенного французским главнокомандующим плана и одновременно направляет Нивелю отношение, которое напоминает скорее указание подчиненному, нежели письмо равному по званию. В весьма сдержанной и спокойной манере генерал Алексеев объясняет Нивелю опасность, которую представляет для всех союзников его опрометчивый и чрезмерно поспешный план всеобщего наступления. С удивительной точностью он предсказывает последствия наступления союзников, не поддержанного наступлением на русском фронте. В отношении [от 13(26) марта 1917 г.] говорится: «Свидетельствуя свое совершенное почтение начальнику французской военной миссии в России, считаю своим нравственным долгом, во избежание тяжелых последствий от недомолвок, высказать с откровенностью свое мнение в дополнение письма от 9 марта № 2095.

1) Только что полученное от военного министра письмо указывает, что переживаемое Россией внутренне-политическое потрясение отразилось существенно на состоянии наших запасных частей (депо) всех внутренних округов. Части эти пришли в моральное расстройство и не могут дать действующей армии укомплектования ранее 3—4 месяцев, т. е. ранее июня — июля.

2) Та же основная причина отразилась на пополнении недостающего конского состава во всей армии.

3) Все это заставляет посмотреть прямо в глаза событиям и сказать с необходи-

мой откровенностью, что мы не можем перейти в наступление даже в начале мая старого стиля, и можно рассчитывать на широкое участие в операциях только в июне — июле.

4) Эта обстановка допускает для нашего противника возможность или все резервы собрать на англо-французском фронте или значительными силами обрушиться на нас, чтобы использовать период нашего временного ослабления.

5) Полагаю, это обстоятельство должно внести известные перемены в сообщения о действиях ближайшего времени и повлиять на решения французского верховного командования. Сообщение генерала Нивеля от 3(16) марта, что для наступления на западном фронте он пустит в ход все силы французских армий и будет искать решительных результатов, особенно останавливает на себе внимание. Вынужденное и неизбежное, для сохранения в будущем, бездействие русской армии в ближайшие месяцы вынуждает, по мнению моему, не истощать до решительного момента французскую армию и сохранять ее резервы до того времени, когда совокупными усилиями мы будем способны атаковать врага на всех фронтах.

6) При условии нашего вынужденного относительного бездействия полагаю, что англо-французской армии было бы целесообразнее лишь медленное, осмотрительное движение за отходящим противником, занятие новой сильной оборонительной линии.

7) Это исключает, по моему мнению, желательность общей решительной атаки англо-французского противника, отходящего, несомненно, на сильно укрепленную линию и, может быть, задумывающего выполнить обширный маневр в открытом поле, где свободное маневрирование резервов даст той или другой стороне счастливые случайности. Но в этой операции противник, опираясь на подготовленную укрепленную позицию, будет иметь несомненные преимущества. Генерал Алексеев».

В ответ на это отношение генерал Нивель 15(28) марта сообщил, что операции британских войск уже начались и он вновь настаивает на немедленном наступлении русских войск, добавив весьма нравоучительно, что «в настоящее время лучшим решением в интересах операций коалиции и, в частности, принимая во внимание общее духовное состояние русской армии, был бы возможно скорый переход этой армии к наступательным действиям».

Это новое требование и развязная ссылка на психологическое состояние русской армии привели генерала Алексеева в ярость. В телеграмме генералу Палицыну 2 апреля (20 марта) он сообщает: «Если успокоение, признаки коего имеются, наступит скоро, если удастся вернуть боевое значение Балтийского флота, то, кто бы ни был верховным, он сделает все возможное в нашей обстановке, чтобы приковать к себе силы противника, ныне находящиеся на нашем фронте... Но ранее начала мая нельзя приступить даже к частным ударам, так как весна только что начинается, снег обильный и ростепель будет выходящей из ряда обычных»².

Однако «генеральное наступление» уже началось. Остановить продвижение английских войск в секторе Аррас—Пуассон было абсолютно невозможно. С этого времени события развивались в основном так, как предсказывал Алексеев. Чрезмерно пылкий генерал Нивель допустил явный просчет, и английская и французская армии попали в западню. На севере англичане не смогли преодолеть германские оборонительные укрепления и, продвинувшись всего на несколько миль, были остановлены, понеся тяжелые потери. В Шампани французская армия также потерпела сокрушительное поражение, потеряв огромное число убитыми.

Еще более тяжелыми были, пожалуй, последствия психологические. В ряде корпусов солдаты стали проявлять все большее недовольство офицерами; все шире распространялась антивоенная пропаганда; усилились требования немедленного заключения мира. Напряжение достигло высшей точки, когда два корпуса, взбунтовавшись, начали поход на Париж. 15 мая генерал Нивель был снят с поста главнокомандующего и заменен генералом Петеном, который до того организовал оборону под Верденом и пользовался огромным уважением и авторитетом в армии. Преградив путь взбунтовавшимся солдатам, которые двинулись на Париж, и восстановив закон и порядок, почти не прибегая к тяжким репрессивным мерам, гене-

рал Петен отвел нависшую над союзническими армиями угрозу. Проводя планомерный отход на новые позиции, которые он сам и выбирал, генерал все то лето и осень находился в обороне.

Таким образом, безрассудная попытка Нивеля ввести в действие всю французскую армию и добиться решающих успехов без поддержки Русского фронта окончилась поражением и не только сорвала планы совместного наступления с востока и запада, но и лишила страны Антанты всех надежд на окончание войны в 1917 году.

Разногласия среди союзных держав позволили германскому правительству и Верховному командованию принять пресловутый «генеральный план». Он был разумен и четок: во-первых, прекратить все операции на Русском фронте и вместо этого предпринять «мирное наступление» в сочетании с пораженческой пропагандой, парализуя тем самым русский боевой дух; во-вторых, перебросить все регулярные дивизии с Русского фронта на Западный, сконцентрировав в том районе все силы германской армии; и, в-третьих, осуществить решающее сражение в Западной Европе прежде, чем Соединенные Штаты смогут оказать реальную и эффективную помощь союзникам.

Сорвать этот хитроумный план можно было, лишь предотвратив распад Русского фронта, восстановив воинскую дисциплину и возобновив боевые действия, поскольку бездействующий и деморализованный фронт грозил превратить Россию в послушную жертву разрушительной пропаганды. И действительно, именно с началом военных действий на Русском фронте стало невозможным, в конечном счете, обеспечить победу Германии в первой мировой войне. Позднее генерал Гинденбург писал в своих мемуарах³ о том, что в 1917 г. русское Верховное командование разгадало цели германского «мирного курса» на Русском фронте, избрало для русской армии правильный стратегический план действий и полностью осуществило его.

Русский фронт

Деморализация русских войск осенью и зимой 1916 г. побудила царя прибегнуть к чрезвычайным мерам в тщетной попытке подготовить весеннее наступление. Действуя по наущению исполняющего обязанности начальника Генерального штаба генерала Гурко, царь постановил реорганизовать армию.

Следуя «прямой воле» царя и твердому мнению генерала Гурко, вопреки возражениям командующих Северным, Западным и Юго-Западным фронтами было решено перебросить дополнительно 20 дивизий с вышеуказанных фронтов на Румынский фронт. К лету для операций на европейских фронтах предполагалось сформировать 21 дивизию. Еще одно решение предусматривало реорганизацию по германскому образцу корпусов, состоявших из двух дивизий, в корпуса из трех дивизий. В процессе формирования находилось 70 тяжелых артиллерийских батарей. Наступление на Русском фронте планировалось начать в начале мая, когда будет завершено строительство железнодорожных путей в сторону Румынии.

Будь в то время генерал Алексеев в Ставке Верховного главнокомандования, этот план никогда не появился бы на свет божий, ибо, с военной точки зрения, радикальная реорганизация армии и транспортной системы за несколько месяцев до начала наступления была абсолютно неосуществима даже в том случае, если бы она проводилась в связи с «высказанными пожеланиями» царя. В разгар этой-то поспешной и хаотической реорганизации из столицы пришла весть об отречении царя. Сообщение о перевороте в Петрограде было с огромным энтузиазмом встречено солдатской массой и многими офицерами. Высшие командиры, которые, как и Дума и Ставка, с самого начала требовали отречения царя в пользу наследника, видя в этом единственное средство сохранения монархии, были захвачены происшедшим врасплох. Но у них не возникало и мысли попытаться восстановить власть династии. Как и следовало ожидать, психологическая реакция на фронте была той же, что и во всей стране.

На первый взгляд, падение монархии и последовавший за ним развал всего правительственного и административного аппарата никак не сказались на состоянии дел на фронте. Создавалось впечатление, что структура действующей армии, включая внутреннюю связь командиров отдельных фронтов с рядовыми солдатами в окопах, осталась в неприкосновенности. Однако все это было лишь на поверхности. Недоверие к Верховному командованию, которое неудержимо нарастало в нижнем эшелоне в течение нескольких месяцев, предшествовавших катастрофе, в первые недели после революции вырвалось наружу и привело к взрыву, подорвав самое основание дисциплины — доверие солдат к офицерам.

Привычный для солдат распорядок фронтовой жизни был нарушен, и солдаты занялись дискуссиями, стали митинговать, беспрерывно обсуждая, когда и как смогут вернуться домой, отказывались выполнять приказы. Видя утрату своего авторитета, в полной растерянности от создавшейся ситуации, офицеры колебались, стоит или не стоит вообще отдавать какие-либо приказы. В первые недели после падения монархии вся страна находилась в состоянии кризиса, но именно на фронте этот кризис приобрел наиболее глубокие и опасные формы. Ведь с потерей дисциплины в армии неизбежно начинается ее разложение и она теряет свою боеспособность.

В этот-то начальный период разложения в действующей армии и стали впервые выбираться комитеты. Одновременно с этим Дума и Петроградский Совет начали направлять на фронт своих делегатов, чтобы рассказать солдатам о происшедших событиях и внести успокоение в их души. Но не прошло и нескольких недель, как непререкаемый авторитет Думы среди солдат стал постепенно падать, и ее делегаты поспешно ретировались из фронтовых воинских частей. Таково было следствие отказа Думы в первый день революции от руководящей роли в общенациональном революционном движении. А делегаты Совета, выступая от имени рабочих и крестьян, быстро стали действенной силой в армии — именно им доверяли выступать в качестве комиссаров, ответственных за всю деятельность созданных комитетов, а также посредников между комитетами и офицерами. То же самое произошло и на флоте. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, большевистские агенты под личиной делегатов и комиссаров внедрились в армию; это нетрудно было осуществить в первые дни революции, когда «комиссарские мандаты» выдавали всем без исключения, не удосуживаясь проверить, с какой целью претендент на мандат отправляется на фронт.

Германское правительство давно мечтало о разрыве стального кольца, которым Антанта окружила Германию, и наконец-то увидело возможность осуществления своего «генерального плана».

Действуя по инструкции германского верховного командования, главнокомандующий Восточным фронтом баварский кронпринц Леопольд внезапно прекратил все боевые действия против русских, и над германскими позициями нависла мертвая тишина. Неожиданно принц Леопольд превратился в апостола мира, в друга русских солдат и злейшего врага империалистических поджигателей войны. Расположение русских войск было усыпано листовками за подписью принца. В них он призывал русских солдат замирать с германскими братьями по другую сторону окопов и обещал не вести против них боевых действий. Он также требовал опубликовать секретные договоры между Россией, Англией и Францией, поощрял недоверие к русским офицерам и называл членов Временного правительства не иначе, как наймитами франко-английских банкиров.

Уставшие от войны русские солдаты, в большинстве своем крестьянская молодежь, наспех обученная и недавно надевшая форму⁴, становились легкой добычей таких махинаций, многие из них искренне верили, что немцы хотят мира, в то время как их собственные офицеры, представители высшего российского сословия выступают против него.

Германское верховное командование было отлично осведомлено обо всем, что происходило на русской стороне, и воспользовалось этим. Немецкие солдаты стали покидать свои окопы, переползая к русским «товарищам» и брататься с ними. Со временем немцы и совсем осмелели и начали посылать на русскую сторону офице-

ров с белыми флагами, которые обращались с просьбой передать штабному начальству предложение о перемирии. Некоторые русские батареи пытались отогнать непрощенных гостей орудийным огнем, однако такие действия вызывали волну возмущения, особенно в «третьих дивизиях», ставших злосчастливым изобретением генерала Гурко.

Активным участником всех этих спектаклей был немецкий лейтенант по фамилии Волленберг, которому позднее, в 1918 г., германское начальство поручило помочь Ленину в создании интернациональных батальонов. В 30-х годах Волленберг, к тому времени политический эмигрант, посетил меня в Париже. Он подробно рассказал, как воплощались в жизнь германские замыслы развала русского фронта. Германское правительство рассматривало эту подрывную деятельность как крайне важную «техничко-военную» миссию, к выполнению которой привлекались специально подготовленные группы офицеров и солдат.

Русские офицеры и члены полковых комитетов делали все возможное, чтобы противодействовать успеху германской пропаганды, однако их усилия оказались тщетными, братание приобрело масштабы эпидемии. Блиндажи и окопы опустели, развал военной дисциплины мало-помалу достиг апогея. А тем временем регулярные германские дивизии одна за другой переправлялись на Западный фронт.

Таков был для Берлина успех злонамеренного пропагандистского «наступления» Германии, вызывавшего в России растущую тревогу за судьбу фронта.

Незадолго до возвращения в Петроград Ленина, 15 марта 1917 г., в «Правде» появилась статья не кого иного, как Иосифа Сталина⁵, только что вернувшегося из ссылки.

«Война идет. Великая Русская Революция не прервала ее. И никто не питает надежд, что она окончится завтра или послезавтра. Солдаты, крестьяне и рабочие России, пошедшие на войну по зову низвергнутого царя и лившие кровь под его знаменами, освободили себя, и царские знамена заменены красными знаменами революции. Но война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русской и еще повинуется своему императору, жадно стремящемуся к добыче на полях смерти.

Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пули отвечая пулей и на снаряды — снарядом. Это непреложно.

Революционный солдат и офицер, свергнувшие иго царизма, не уйдут из окопа, чтобы очистить место германскому или австрийскому солдату и офицеру, не нашедшим еще в себе мужества свергнуть иго своего собственного правительства. Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции! Война должна быть закончена организованно, договором между освободившими себя народами, а не подчинением воле соседа-завоевателя и империалиста».

Несмотря на все попытки противостоять пагубному воздействию германской пропаганды, солдаты в окопах продолжали с энтузиазмом заниматься братанием.

Однако выдержать столь долгое затишье на фронте было не в характере принца Леопольда и его начальника штаба генерала Гоффмана. Соблазн был слишком велик, и они в конце концов не устояли перед искушением. Без всякого предупреждения германские части перешли в наступление в районе реки Стоход в расположении армии специального назначения. Наступление началось 21 марта в разгар половодья, и русский корпус под командованием генерала Леща был полностью разгромлен. В Берлине были в высшей степени раздосадованы самоуправством генерала Гоффмана и его несанкционированными операциями, которые легко могли сорвать планы развала русской армии мирными средствами. Генералу приказали немедленно прекратить военные действия, а победу на реке Стоход было решено отразить в официальном коммюнике по возможности в наиболее сдержанных тонах⁶.

Однако германскому правительству не удалось скрыть правду от русской общественности и русской армии, поскольку подробный отчет о том, что произошло,

был сразу же помещен на страницах русских газет. Весть о поражении на реке Стоход потрясла Россию и породила глубокую тревогу относительно общего положения на фронте. Эту тревогу еще более усугубило заявление германского верховного командования, беспрецедентное за всю историю войн. В заявлении, подписанном Гинденбургом, наступление в районе реки Стоход характеризовалось как случайное «недоразумение», которое никогда впредь не повторится. Это обещание встречалось в заявлении неоднократно и действительно впоследствии не нарушалось.

Именно в этот момент (3 апреля) в Петроград прибыл Ленин с тем, чтобы помочь осуществлению планов генерала Гоффмана. Он резко изменил политику большевиков, нашедшую отражение в статье Сталина⁷ в «Правде», и все свои статьи, заявления и лозунги поставил на службу пропагандистской кампании, развязанной принцем Леопольдом и его приспешниками. Цели, которые преследовали Ленин и германские «миротворцы», были диаметрально противоположны и, безусловно, непримиримы, но средства их достижения — разрушение боевого духа России — совпадали. Под влиянием большевиков зараза деморализации быстро распространилась по всей армии. Все попытки возобновить подготовку к боевым действиям встречали решительное сопротивление солдат по всему фронту. Были роты, полки и даже целые дивизии, где в комитетах преобладали большевистские пораженцы и платные германские агенты. Комитеты подвергали офицеров и комиссаров в этих подразделениях непрерывной травле. Приказы не выполнялись, а командиров, которые не пришлись по вкусу комитетам, заменяли демагогами и бесчестными приспособленцами.

Несомненно, все это в высшей степени затрудняло восстановление боеспособности русской армии; и все же после Стохода и поражения армий генерала Нивеля германо-большевистская коалиция оказалась неспособной, по крайней мере на тот момент, достичь своей цели и полностью парализовать военные усилия России.

Возрождение боевого духа

Убеждение, что долг армии — защитить страну, находило все большее число сторонников на фронте. В своем последнем письме генералу Нивелю (20 марта) генерал Алексеев писал, что «появились первые признаки нормализации положения, и этому процессу содействует непосредственная близость врага». И действительно, уже в начале апреля самые различные комитеты стали принимать решения об отправке в Петроград делегаций, наделенных полномочиями добиться немедленного возобновления в полном объеме производства на оборонных предприятиях и побудить нацию оказать всемерную поддержку защитникам страны. На первом съезде делегатов солдат-фронтовиков, открывшемся 22 апреля⁸, на котором с откровенными и аргументированными речами выступили Гучков и я, не нашлось практически никого, кто бы поддержал пораженческие взгляды Ленина. Принятая большинством участников резолюция точно отражала новые настроения солдат в окопах.

Тем не менее и в конце апреля продолжалась переброска германских дивизий с Русского фронта на Запад. Спокойная реакция германского Верховного командования на вспышку патриотических настроений в комитетах и войсках была вполне естественной и понятной, ибо Гучков и его сторонники не предпринимали для восстановления дисциплины на фронте никаких реальных мер, ограничиваясь словесными увещеваниями. Кроме того, они все более и более склонялись к капитуляции перед требованиями военной секции Петроградского Совета.

В конце апреля комиссия по пересмотру законов и установлений, относящихся к прохождению воинской службы⁹, представила военному министру свой проект о правах военнослужащих. Проект почти полностью воспроизводил положения пресловутой Декларации о правах солдат, опубликованной 9 марта военной секцией Петроградского Совета и получившей широкое распространение на фронте. Поливановский проект лишал офицеров всякой дисциплинарной власти, даже в период

непосредственных боевых операций, и узаконивал вмешательство комитетов в вопросы назначения, смещения и перемещения командного офицерского состава. Другими словами, он непосредственно противоречил политике Временного правительства, которое в первом же обращении к стране об основах своей политики подчеркивало, что пределы политических свобод для военнослужащих ограничиваются необходимыми условиями военных и технических обстоятельств (пункт 2) и что не допускаются никакие ограничения гражданских прав солдат при условии строгого соблюдения воинской дисциплины и выполнения воинского долга (пункт 8).

Гучков освободил генерала Поливанова от обязанностей председателя комиссии и назначил на этот пост своего ближайшего сподвижника, заместителя военного министра генерала Новицкого, дав ему указание внести изменения в подготовленный проект. Спустя два или три дня Новицкий сообщил Гучкову, что проект был единогласно утвержден без всяких изменений.

В тот момент, когда в армии наблюдалось явное возрождение боевого духа, Гучков, вместо того чтобы положить конец игре между генералами и малосведущими в военных делах гражданскими лицами, принял решение выйти из Временного правительства. О своем решении он объявил в письме князю Львову от 1 мая 1917 г., в котором говорилось: «Ввиду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране, в частности власть военного и морского министра в отношении армии и флота; условий, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, и свободе, и самому бытию России, — я по совести не могу долее нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины, и потому прошу Временное правительство освободить меня от этих обязанностей»¹⁰.

Это письмо, опубликованное 2 мая, огульно возлагало вину за происходящее на всех членов Временного правительства, за исключением его автора. Порывая весьма неблагоприятным образом с Временным правительством и демократическими элементами в России, чьей поддержкой он широко пользовался, Гучков рассчитывал объединить вокруг себя тех фронтовых офицеров, которые вследствие крушения монархии оказались в весьма затруднительном, а порой и невыносимом положении. Находясь на посту военного министра, Гучков утратил из-за тесной связи с поливановским комитетом доверие Верховного командования, не завоевав при этом популярности среди солдат и матросов. В результате он оказался в полной изоляции.

Получив письмо Гучкова, князь Львов немедленно созвал заседание правительства, на котором было утверждено официальное заявление относительно отставки Гучкова¹¹. Встал вопрос о преемнике Гучкова. Поскольку его отставка была, несомненно, продиктована не только личным несогласием с политикой правительства, но и аналогичными взглядами многих высших военных чинов, Львов предложил проконсультироваться по этому вопросу с генералом Алексеевым как Верховным главнокомандующим. Предложение было принято единогласно, и князь Львов поручил В. В. Вырубову¹² направить Алексееву письмо с просьбой назвать своего кандидата на пост военного министра.

На следующий день пополудни, до начала заседания правительства, Львов пригласил меня в свой кабинет. Незадолго перед тем ему позвонил из Могилева Вырубов и сообщил, что Алексеев после совещания с командующими всех фронтов передал ему лист бумаги с двумя фамилиями — (1) Керенский¹³ и (2) Пальчинский¹⁴. «Кандидатура Пальчинского, — сказал в раздумье Львов, — лишь подчеркивает обстоятельство, что, с точки зрения всех командующих, только вы являетесь подходящим кандидатом, поскольку они, отдавая должное прекрасным организаторским способностям Пальчинского, понимают, что он недостаточно известен в общественных кругах и совсем неизвестен на фронте. Они понимают также, что нужен человек с вашим положением, которому доверяют страна и армия. Ваш долг — согласиться занять этот пост и вы не вправе отказываться».

Должен со всей откровенностью признаться, что с самого начала гучковского

кризиса меня не покидало предчувствие, что именно на меня ляжет тяжелое бремя его наследства. Может быть, это ощущение и побудило меня 29 апреля так настойчиво отговаривать его от отставки, обещая всяческую поддержку и убеждая в том, что психологический климат на фронте изменился к лучшему. Сама мысль возложить на свои плечи такую огромную ответственность повергала меня на ужас, а посему я был просто не в состоянии дать немедленный ответ. Я покинул зал заседания, пообещав вернуться, как только приду к какому-нибудь решению.

Предавшись размышлениям в тиши своего кабинета в здании Министерства юстиции, я поначалу считал для себя невозможным отказаться хоть на какое-то время от участия в принятии главных политических решений в составе правительства. Политическая ситуация внутри правительственной коалиции была настолько нестабильна, что пустить дела на самотек было нельзя. Придя к такому выводу, я было потянулся к телефону, намереваясь сообщить о своем отказе, но тут мне неожиданно пришла в голову мысль, что будет с моей работой, правительством, Россией, если нам будет навязано «перемирие». Через два — три месяца полностью развалится Русский фронт, на западе завершится успехом «генеральный план» Гинденбурга—Людендорфа, а Россия окажется во власти германских претендентов на мировое господство.

Любой ценой этого нельзя допустить! Никто в России не собирается заключать сепаратный мир с Германией. Россия не может допустить поражения своих союзников, ибо связана с ними общей судьбой. Замыслы Гинденбурга должны быть сорваны, а для этого необходимо возобновить военные операции на Русском фронте. После нескольких часов тяжелейшей внутренней борьбы я в конце концов пришел к выводу, что у правительства, Верховного командования и у меня нет альтернативы и позволил Львову, сообщив ему о согласии занять предложенный мне пост.

Глава XVI. Наступление

К утру 2 мая, после напряженной пятидневной борьбы, развернувшейся внутри социалистических партий относительно предложения князя Львова направить своих представителей в кабинет, правительственный кризис был преодолен.

Немцы, которые оказались в значительной мере дезинформированными, получив от своих агентов неправильные данные о внутреннем положении и соотношении политических сил в России, продолжали в период апрельского восстания большевиков¹⁵ подготовительную работу к проведению в той или иной форме мирных переговоров. Они считали, что отставка Милюкова и Гучкова станет решающим шагом на пути к сепаратному миру. Однако они просчитались.

5 мая новый кабинет¹⁶, в который теперь вошли социалисты, опубликовал декларацию. В ее первом пункте говорилось, что «Временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, на отнятии у них национального их достоинства, ни насильственный захват чужих территорий, — мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. В твердой уверенности, что с падением в России царского режима и утверждением демократических начал во внутренней и внешней политике для союзных демократий создан новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, Временное правительство предпримет подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основе декларации Временного Правительства 27-го марта».

Во втором пункте, который определял роль вооруженных сил России, говорилось: «В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное

Правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе и обрушились всей силою своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и наступательных действиях, будут являться важнейшей задачей Временного Правительства»¹⁷.

Каким же образом могла русская армия помешать полностью и окончательному развалу Западного фронта, что, несомненно, имело бы гибельные последствия для России? План Гинденбурга, как я уже отмечал ранее, предусматривал посредством мирной пропаганды и братания парализовать русский фронт, сконцентрировать всю мощь германской армии на Западном фронте и к концу лета, до прибытия американских войск, нанести там сокрушительный удар. Существовал лишь один способ, с помощью которого Россия могла сорвать этот стратегический план, — взять инициативу в свои руки и возобновить боевые действия. Другого не было дано. И мне как военному и военно-морскому министру надлежало в самые короткие сроки осуществить эту задачу.

Я приступил к исполнению своих новых обязанностей 2 мая и в тот же день встретился с товарищем министра генералом Маниковским, который отвечал в министерстве за технические дела — за военное снабжение и т. д. Я был знаком с ним по работе в Думе. В первые дни после падения монархии ему удалось восстановить порядок среди рабочих, занятых производством оружия и другой военной техники. После консультаций с министром торговли и промышленности Коноваловым Маниковский ввел на заводах и фабриках, находившихся под его контролем, 8-часовой рабочий день.

Коновалов порекомендовал мне прозондировать у Маниковского отношение руководителей военного министерства и верховного командования к отставке Гучкова. Без упоминания конкретных имен Маниковский подробно рассказал мне о секретной встрече Гучкова с представителями верховного командования во главе с генералом Алексеевым, тревожные слухи о которой дошли до правительства. Он сказал, что встреча была проведена по его, Маниковского, инициативе с тем, чтобы обсудить проект Декларации прав солдата, который подготовили генерал Поливанов и его преемник генерал Новицкий¹⁸.

С самого начала обсуждение декларации в комиссии Поливанова по проекту, первоначально подготовленному Петроградским Советом и опубликованному 9 марта в «Известиях», проходило отнюдь не гладко. Наоборот, представители военного ведомства во главе с Поливановым настойчиво стремились вести политику «непротивления злу» и под разными предлогами пытались лишь отсрочить публикацию декларации. Учитывая это обстоятельство, Маниковский на встрече с генералами предложил им вновь рассмотреть этот документ, исключить из него самые неприемлемые положения и немедленно опубликовать. Если это не будет сделано, то проект декларации будет просто похоронен, а руководители военного министерства и вместе с ними и все правительство предстанут в глазах военных как трусы и мошенники. Предложение Маниковского получило довольно резкий отпор: «Публикуйте, если желаете, но для нас он в данном виде неприемлем». На этом встреча была отложена. Услышав столь драматический ответ, я в полной мере осознал, что злонамеренная отставка Гучкова может стать примером для других и что такую возможность следует немедленно предотвратить.

3 мая состоялось заседание комиссии по пересмотру законов и установлений, относящихся к прохождению воинской службы (известной как поливановская комиссия). Я пришел на заседание и, обратившись к председателю комиссии полковнику Новицкому, немедленно попросил слова. Выступление мое было кратким. Отметив тяжелое положение России как воюющей державы с бездействующим фронтом я заявил, что растущая деморализация войск — следствие не только германской пропаганды, но и чрезмерной законодательской активности всякого рода комитетов и подкомитетов. Ситуация, сказал я, абсолютно нетерпимая и, если дело пойдет так и дальше, единственно, что нас ждет — это развал армии и полное поражение от рук врага. Чтобы полностью убедить аудиторию в своей правоте, я рассказал о только что состоявшихся в Стокгольме переговорах между делегацией

русских поляков и поляками из оккупированных немцами районов Польши. Известный польский политик А. Ледницкий с горечью поведал мне следующее. Когда «немецкие» поляки обратились к германскому министру иностранных дел Циммерману с просьбой разрешить им поехать в Стокгольм, тот с подчеркнутой вежливостью ответил: «Вы, конечно же, можете отправиться в Стокгольм и заключать любые соглашения с русскими поляками. Для нас же Российское государство как международная сила более не существует». Если бездействие России на фронте и упадок основы боеспособности армии — ее дисциплины — будут продолжаться и далее, то немцы, как и наши союзники, утратят к нам всякое уважение и будут полностью игнорировать наши законные интересы в будущем. Наш долг перед Россией, подчеркнул я, не только остановить разложение в армии, но и сплотить ее вновь, воссоздать ее как эффективную боевую силу.

В предстоящей мне работе, как в армии, на фронте, так и в тылу, я не мог опираться на людей, не принявших безоглядно революцию как *fait accompli* (свершившийся факт), или сомневавшихся в наших возможностях возродить боевой дух армии в новой психологической атмосфере. Внешне такие люди вполне приспособились к новой ситуации, но внутренне они не могли всем сердцем посвятить себя выполнению таких задач. В качестве ближайших соратников мне нужны были люди с независимыми суждениями, люди, готовые служить делу, а не личности. Мне нужны были люди, которые выстояли при старом режиме перед лицом всех безрассудств и тягот войны и которые вполне осознавали суть происшедшего переворота. Мне нужны были люди, которые верили, что русская армия не погибла, которые были убеждены, что здоровые политические силы на фронте и в тылу в конечном итоге преодолеют влияние деморализующей пропаганды и которые понимали, что комитеты и комиссары на фронте появились не по злему умыслу внешних и внутренних врагов России, а как неизбежный результат краха традиционных отношений между офицерами и солдатами, происшедшего сразу же после крушения монархии.

После нескольких дней напряженных переговоров и совещаний, все дела в военном министерстве, наконец, перешли в руки людей, которые отвечали этим требованиям, молодых, энергичных, хорошо разбиравшихся в создавшейся ситуации. Посты товарища и помощников военного министра заняли генерал-лейтенант Маниковский, а также полковники Генерального штаба Якубович и Туманов. Полковника Барановского (моего шурина)¹⁹ я отозвал с фронта, где он находился с начала войны, и назначил его начальником своего личного секретариата, при котором был создан специальный отдел, ведающий политическим состоянием вооруженных сил. Полковник Барановский ежедневно докладывал мне о текущих событиях, следил за назначениями в Ставке и держал меня в курсе событий, которые происходили в Петрограде во время моих частых поездок на фронт. Должен сказать, что я никогда не сожалел о выборе своего ближайшего помощника. Все время нашей работы в военном министерстве мы действовали в полном согласии. Позднее, 25 мая, я произвел реорганизацию высшего состава военно-морского министерства. Капитан Б. П. Дудоров занял пост первого заместителя министра по стратегическим и политическим вопросам, а капитан Кукель стал вторым заместителем по техническим операциям.

В день, когда был опубликован новый состав Временного правительства, я издал свой первый приказ по армии и флоту. Я цитирую его здесь исключительно для подтверждения того факта, что капитуляция перед анархией, содержащаяся в рекомендациях поливановской комиссии, стала делом прошлого: «Взяв на себя военную власть государства, объявляю: 1) Отечество в опасности и каждый должен отвратить ее по крайнему разумению и силе, не зирая на все тяготы. Никаких просьб об отставке лиц высшего командного состава, возбуждаемых из желания уклониться от ответственности в эту минуту, я поэтому не допущу; 2) самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры), должны вернуться в установленный срок (15 мая); 3) нарушившие этот приказ будут подвергнуты наказанию по всей строгости закона»²⁰.

Все, кто присутствовал на секретной встрече с Гучковым, ознакомившись с

этим приказом, неизбежно должны были осознать опасные для себя последствия в том случае, если они нарушат его. Приказ должен был успокоить население, встревоженное ростом актов насилия со стороны дезертиров, и показать, что с этим злом начата решительная борьба.

На переговорах с новыми министрами-меньшевиками Скобелевым и Церетели, которые одновременно были членами Исполнительного комитета Петроградского Совета, было решено, что в будущем все комиссары в армии будут назначаться и смещаться лишь военным министром, а комиссары, назначенные Исполкомом ранее, перейдут под его юрисдикцию. Мы также вывели из штаба Петроградского военного округа представителей Совета, которые находились в нем в качестве наблюдателей.

Командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов, как и Гучков, не смог завоевать доверие солдат и членов Совета. Поэтому я сместил его, назначив на это место молодого офицера, генерала П. А. Половцева, который недавно вернулся с фронта и в момент начала революции работал в военной комиссии Думы. У него с солдатами были вполне дружеские отношения. По просьбе Половцева помощником к нему, в основном по вопросам пропаганды среди солдат, я назначил некоего лейтенанта А. Кузмина, которого знал как человека, преданного родине²¹.

Предпринимая эти предварительные шаги, я и мои коллеги стремились преодолеть те трудности, которые создал Гучков своим отказом подписать Декларацию прав солдата. Мы не могли полностью аннулировать ее, поскольку большая часть ее была включена в приказ Гучкова № 114 от 5 марта о ликвидации некоторых положений и ограничений, касающихся военнослужащих. Вскоре, однако, мы нашли выход. Ни в коей мере не посягая на личные и политические права, провозглашенные Временным правительством, мы восстановили права командного офицерского состава, без чего армия не могла функционировать.

11 мая я подписал приказ по армии и флоту № 8 «О правах военнослужащих», где в 14 его параграфе говорилось о восстановлении права офицеров прибегать к дисциплинарным мерам, включая использование силы, в случаях нарушения субординации во время боевых действий на фронте. В добавление к этому согласно параграфу 18 назначение, перемещение и смещение командного офицерского состава находилось в полной юрисдикции высших офицеров²².

К 12 мая чувства патриотизма стали на фронте той определенной силой, от которой отныне могли ожидать поддержку правительство и Верховное командование. В полках прекратились бесконечные политические митинги, и солдаты, уставшие от долгой праздности, приступили к выполнению своих повседневных обязанностей. Младшие офицеры стали вновь пользоваться доверием подчиненных, а случаи сопротивления попыткам восстановить дисциплину встречались крайне редко. Комитеты на армейском, корпусном и более низких уровнях приобрели организационную оформленность; в них, в основном, входили люди, выступавшие за возобновление военных действий и весьма успешно занимавшиеся пропагандой среди новобранцев, которых отправляли на фронт после минимальной военной подготовки. Сравнительно редкими были случаи насилия в отношении офицеров и назначения трусливых выскочек на место компетентных командиров.

Прекратилось широко распространившееся в окопах братание с немцами, а явления деморализации, словно зараза охватившей пехоту, имели место лишь в недавно созданных «третьих дивизиях». Эти части стали раем для большевистских агитаторов, германских агентов и бывших чинов охраны и полиции, отправленных после революции на фронт. Особенно пышным цветом расцвели пораженческие настроения в тех частях, солдаты которых попали под влияние офицеров-ленинцев, таких, как Крыленко, Дзевялтовский, Семашко, Сиверс и д-р Склянский. И хотя таких частей было совсем немного, к середине мая стало очевидным, что средствами убеждения в них ничего не добьешься и остается прибегнуть к силе.

Впервые вооруженные соединения против взбунтовавшихся частей были использованы командующим Румынским фронтом генералом Щербачевым. На имя главнокомандующего от него поступила телеграмма, в которой говорилось, что в

связи с невозможностью закончить в срок комплектование «третьих дивизий» для начинающих боевых операций, бывший главнокомандующий²³ распорядился расформировать те из них, которые, по мнению их командиров, неспособны в настоящее время вести боевые действия. Приказ командующего 6-й армией о расформировании полков 163-й дивизии и переброске их на новые позиции не был выполнен тремя полками, которые и потребовали сохранить их в составе дивизии. Для подавления мятежа генерал Щербачев приказал выделить специальное подразделение пехоты и артиллерии. Три полка были окружены, и генерал Бискупский, который командовал этим подразделением, заявил мятежникам, что он откроет огонь, если те не сложат оружия и не подчинятся приказу о расформировании. Сообщение генерала Щербачева завершилось словами: «Все окончилось без кровопролития»²⁴.

В новых условиях, создавшихся на фронте, офицеры часто проявляли нерешительность в использовании дисциплинарных полномочий, которыми они вновь были наделены, а некоторые, назначенные военным министерством комиссары, не торопились настаивать на этом. Когда, например, несколько полков 12-й и 13-й дивизий отказались занять передовые позиции, комиссар Борис Савинков, находившийся при 7-й армии, направил мне срочную телеграмму, в которой спрашивал, что ему следует предпринять? Полковник Якубович, временно исполнявший мои обязанности, пока я находился на фронте, в ответной телеграмме приказал расформировать эти полки, арестовать и предать военно-полевому суду офицеров и солдат, виновных в неповиновении. Якубович также приказал немедленно сообщить министру о принятых мерах. Именно в эти дни был принят закон о каторжных работах за дезертирство, отказ от подчинения приказам и открытый мятеж или за подстрекательство к совершению этих преступлений.

Согласно стратегическим планам Ставки, русским армиям надлежало начать наступление не позднее середины июня (по новому стилю). Наши войска на фронте располагали достаточными ресурсами для ведения ограниченных наступательных действий, поскольку открытие в конце ноября 1916 г. прямой железнодорожной линии к незамерзающему порту Мурманска позволило западным союзникам осуществить переброску к нам тяжелой артиллерии и другого оружия для осуществления всеобщего наступления против Центральных держав.

Мы намеревались начать боевые действия с наступления Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова. Боевой дух солдат, их понимание необходимости любой ценой защитить родину было достаточно эффективным противоядием распространяемой среди них германской пропаганде. Они были готовы полностью выполнить свой долг в случае германского наступления.

Однако идея первыми предпринять атаку была встречена с меньшей готовностью. Несмотря на значительное укрепление морального состояния армии и авторитета офицеров среди солдат, немало офицеров разного ранга были настроены крайне скептически относительно наступления на той стадии войны. Я же был преисполнен веры в то, что личная поездка на фронт и прямые контакты с офицерами и солдатами помогут укрепить боевой дух и ускорить подготовку к сражению.

Поздним вечером, 8 мая, проведя инспекцию войск Петроградского гарнизона, я отправился в Хельсинки и Свеаборг. Неподалеку от этих двух портов, в Финском заливе, стоял на якоре наш «большой» флот (дредноуты, линейные корабли и крейсера). Я пробыл там два дня, побывав на многих митингах и встречах как публичных, так и частных. На публичных митингах я не раз становился объектом почти неприкрытых нападок большевиков, а на частных встречах мне довелось услышать весьма резкую критику со стороны офицеров, чья жизнь под бдительным оком матросских комитетов превратилась в настоящий ад. Однако в большинстве своем как офицеры, так и матросы были настроены дружелюбно. На одном из митингов крайне левый оратор заявил, что если потребуется, Балтийский флот выполнит свой долг и закроет врагу дорогу к столице. То были мужественные слова, однако реальная ситуация никак им не соответствовала. Я возвратился в Хельсинки с тяжелым чувством, отдавая себе отчет, что в Балтийский флот широко внедрились немецкие агенты и агенты Ленина.

Вечером 12 мая я отправился на Юго-Западный фронт. В Ставке генерала Бру-

силова в Каменец-Подольске проходил в то время съезд делегатов со всех участков фронта, и 14 мая я выступил с речью на митинге. Большой зал, где собрались делегаты, был забит до отказа. Со всех сторон на меня смотрели люди с изможденными лицами и лихорадочно горящими глазами. Атмосфера была накалена до предела. Я чувствовал, что передо мной те, кто перенес тяжелейшее потрясение, от которого они все еще не оправались. Я понимал, что они хотят знать лишь одно — почему они все еще торчат в окопах. Выслушав выступления делегатов, членов комитета армии и самого генерала Брусилова, я смог ощутить настроение всей армии. У меня уже не оставалось сомнений, что армия стоит перед искушением, которому не в силах противиться. После трех лет горьких мучений миллионы измученных войной солдат задавали себе лишь один вопрос: «Почему я должен сегодня умереть, когда дома начинается новая и более свободная жизнь?»

Этот вопрос парализовал их волю. Находясь под огнем противника, солдаты могут выстоять лишь в том случае, если у них нет сомнений в целях, за которые они сражаются, или, более того, если они безоговорочно верят в необходимость жертвы во имя четко определенной и, на их взгляд, бесспорной идеи.

Ни одна армия не может позволить себе поставить под сомнение цель, ради достижения которой она сражается. Все, что происходило в тот момент в русской армии — нарушение субординации, мятежи, переход целых подразделений на позиции большевизма, бесконечные политические митинги и массовое дезертирство, — явилось естественным результатом чудовищного конфликта в сознании каждого солдата. Люди неожиданно для самих себя нашли возможность оправдать собственную слабость и оказались во власти почти непреодолимого желания бросить оружие и бежать из окопов. Чтобы поднять у них боевой дух, необходимо было преодолеть их животный страх и разрешить их сомнения простой и ясной истиной: ты должен принести жертву во имя спасения родины. Людям, которые не поняли чувств и настроений солдат в те критические месяцы русской истории, или же тем, которые обращались к ним с высокопарными и избитыми патриотическими призывами, не дано было найти путь к их сердцам и оказать на них хоть какое-либо влияние.

Секрет успеха большевистской пропаганды среди рабочих и солдат объяснялся именно тем, что большевики говорили с ними на простом, понятном им языке и играли на глубоко укоренившемся инстинкте самосохранения. Суть большевистской пропаганды можно свести к словам Ленина: «Мы зовем вас к социальной революции. Мы призываем вас не умирать ради других, а уничтожать других — уничтожать ваших классовых врагов на внутреннем фронте!»²⁵

Я же обратился к солдатам с такими словами: «Конечно, легко призывать измученных людей бросить оружие и возвратиться домой, где только что началась новая жизнь. Но я зову вас на бой, на героический подвиг — я зову вас не на праздник, а на смерть, я призываю вас пожертвовать жизнью ради спасения Родины!» И совсем неудивительно, что позже, после нескольких месяцев тяжелейших боев, люмпен-пролетарии и дезертиры в тылу, подкупленные обещаниями неограниченной свободы, пошли за большевиками по пути убийств и насилия. Удивительно то, что тем летом 1917 г. войска продемонстрировали на передовых позициях, хоть и ненадолго, могучую силу патриотизма. К середине мая германский генеральный штаб отметил изменение в настроениях солдат на русском фронте и начал постепенную переброску своих войск обратно на восток.

Съезд в Каменец-Подольске завершился бурей оваций в адрес генерала Брусилова. По окончании съезда мы с генералом отправились в инспекционную поездку по частям, которым через месяц предстояло первыми начать наступление. По завершении прохождения войск мы с генералом поднялись на импровизированную трибуну, чтобы обратиться к собравшимся. Сначала выступили Брусилев и командиры тех дивизий, которым мы провели смотр, за ними члены местных военных комитетов. Наконец, настала и моя очередь. Солдаты еще теснее сгрудились вокруг трибуны, стремясь не проронить ни единого слова. В том, что я сказал, не было ничего, кроме горькой правды и обращения к их чувству долга перед родиной. Мне трудно описать то впечатление, которое произвели мои слова. Могу лишь сказать,

что они затронули сердца моих слушателей и наполнили их новой надеждой.

На многих таких митингах толпы возбужденных солдат окружали нас таким плотным кольцом, что мы с трудом выбирались к автомашинам, чтобы ехать дальше, на место новой встречи.

Иногда солдаты выталкивали вперед какого-нибудь прятавшегося в толпе большевистского агитатора и заставляли его повторять свои доводы — в тот период открытая кампания против меня еще не была организована в полной мере.

Конечно, перемены в настроении солдат после моих встреч с ними, как правило, были весьма недолговечны²⁶, однако в тех частях, где командиры, комиссары и члены военных комитетов смогли осознать психологическую важность моих слов, моральный дух значительно укрепился, и восстановилось доверие солдат к офицерам.

Возвращаясь в закрытой машине из поездки по Юго-Западному фронту, мы с Брусиловым попали в небывало сильную грозу. Не знаю, почему, но именно в тот момент, когда в окна машины барабанил дождь, а над головой сверкали молнии, мы ощутили какую-то взаимную близость. Разговор наш приобрел неофициальный и непринужденный характер, как водится у старых друзей. Мы обсудили дела, которые волновали всех гражданских и военных руководителей, осознавших свою ответственность за судьбу страны. Я говорил о тех трудностях, с которыми столкнулось правительство в своих отношениях с левыми политическими кругами. Брусилов же рассказал о том огромном уроне, который нанесла армии изжившая себя бюрократическая система управления, об оторванности многих высших офицеров от реалий дня.

Естественно, Брусилов, человек в высшей степени амбициозный, излагая свои планы или упоминая о каких-то деталях, касающихся других генералов, был весьма осторожен, стараясь не высказывать мнения, слишком уж отличавшегося от моего. Однако по главным проблемам, стоявшим перед Россией, наши взгляды в основном совпадали, и мы оба полностью отвергали господствовавшую в верхних эшелонах власти идею, что «русской армии больше не существует». Мы были убеждены в бессмысленности бесконечных разглагольствований и критиканства, в необходимости проявить, наконец, мужество и пойти на риск.

Во время поездки в Тарнополь мы успели обговорить многие важные вопросы, связанные с предстоящим наступлением, и я тогда же решил, что к началу наступления всю полноту власти в армии следует передать Брусилову. Однако я даже не намекнул ему об этом моем решении, поскольку не был уверен, согласится ли с этим князь Львов.

Из Тарнополя я отправился в Одессу, которая в то время была тыловой базой Румыно-Черноморского фронта. Там я встретился с генералом Щербачевым²⁷, который только что прибыл из Ясс, и представителями комитета Румынского фронта. После обсуждения положения дел с Щербачевым у меня сложилось впечатление, что фронт находится в надежных руках и что, несмотря на трудности с транспортом и снабжением, русские и румынские войска могут вести боевые операции. Беседа с делегацией комитета фронта лишь укрепила меня в таком мнении. На самом фронте я не смог побывать, поскольку должен был выехать вместе с адмиралом Колчаком и его начальником штаба капитаном Смирновым в Севастополь, в штаб Черноморского флота, чтобы попытаться уладить острые разногласия между адмиралом и Центральным исполнительным комитетом Черноморского флота и местным армейским гарнизоном.

Адмирал Колчак был одним из самых компетентных адмиралов русского флота и пользовался большой популярностью как среди офицеров, так и среди матросов. Незадолго до революции он был переведен с Балтийского флота на пост командующего Черноморским флотом. В первые же недели после падения монархии он установил прекрасные отношения с экипажами кораблей и даже сыграл положительную роль в создании Центрального комитета флота. Он быстро приспособился к новой ситуации и потому смог спасти Черноморский флот от тех кошмаров, которые выпали на долю Балтийского флота.

Матросы Черноморского флота были настроены весьма патриотически и

горели желанием вступить в схватку с противником, и когда я прибыл в Севастополь, офицеры и матросы только и говорили, что о высадке десанта на Босфоре. На фронт была даже направлена делегация матросов с наказом убедить солдат вернуться к выполнению своего долга. Казалось, в таких условиях конфликт между адмиралом и Центральным комитетом был маловероятен. Тем не менее он возник.

Центральный комитет издал приказ об аресте помощника начальника порта генерала Петрова за отказ выполнять распоряжения комитета, на которых не было подписи командующего флотом. Это было серьезным нарушением дисциплины, однако 12 мая Колчак передал князю Львову прошение об отставке, сославшись на то, что не может более мириться с созданным положением. Сохранить адмирала на его посту было жизненно необходимо, и князь Львов попросил меня отправиться в Севастополь и постараться уладить этот конфликт.

В тесной каюте торпедного катера, на котором мы шли в Севастополь, у нас с Колчаком состоялся долгий разговор. Я приложил максимум усилий, чтобы убедить его в том, что этот инцидент не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло с командующим Балтийским флотом, что у него нет оснований для расстройств, что положение его намного прочнее, чем он предполагает. Не найдя никаких логичных возражений против моих доводов, он в конце концов со слезами на глазах воскликнул: «Для них²⁸ Центральный комитет значит больше, чем я! Я не хочу больше иметь с ними дела! Я более не люблю их!..» Что можно было ответить на эти слова, продиктованные не столько разумом, сколько сердцем?

На следующий день после долгих разговоров и уговоров мир между Колчаком и комитетом был восстановлен. Однако их отношения уже никогда не были такими, как прежде, и спустя ровно три недели возник новый острый конфликт. На этот раз адмирал Колчак в тот же вечер, даже не сообщив о своем решении правительству, вместе с начальником своего штаба прямым поездом направились в Петроград, навсегда распрощавшись с флотом.

После трудных переговоров в Севастополе я отбыл прямо в Киев, поскольку отношения с Украинской Радой становились все более напряженными. Рада начала кампанию по созданию независимой украинской армии, и хотя большую автономию самой Рады и можно было допустить, сейчас это полностью исключалось в связи с предстоящим наступлением. Из Киева я поехал к Алексееву в Могилев. Я намеревался сообщить ему о результатах своей поездки на фронт, а также проверить, насколько справедливо было мое решение назначить на его место Брусилова. Поначалу в ходе нашей беседы Алексей не проявил к моему сообщению ни малейшего интереса, а потом стал излагать свой пессимистический анализ ситуации на фронте.

После этого я возвратился в Петроград, где провел переговоры с князем Львовым и министром иностранных дел Терещенко. Позднее, на заседании кабинета, я внес предложение назначить Брусилова на пост Главнокомандующего. Предложение было принято, и генерал Алексей получил специально созданный для него пост военного советника при Временном правительстве.

Проведя в столице два или три дня, я выехал на Северный фронт, прибыв в Ригу утром 25 мая. Этот крупный промышленный порт со смешанным русским, немецким и латышским населением оказался после «великого отступления» 1915 г. в опасной близости от линии фронта, и большая часть его промышленных предприятий и научных учреждений была эвакуирована. В старинной крепости, где в мирное время располагалась городская администрация, теперь размещался штаб командующего 12-й армией генерала Радко-Дмитриева²⁹. На станции меня встретили генерал, весь его штаб, большая толпа солдат, прибывших с фронта, и тысячи местных жителей. Я довольно часто бывал в Риге в первые годы после «умиротворения» латышских крестьян в ходе аграрного движения 1905 г. и потому хорошо знал город. Я выразил желание пройти по бульвару от здания гостиницы, где я обычно останавливался, когда приезжал в Ригу по судебным делам, по крепости Шлосс, где раньше заседал военный трибунал, самый суровый трибунал, с которым мне приходилось иметь дело в те трудные годы. Генерал охотно согласился сопровождать меня, и мы отправились к крепости во главе счастливой, ликующей толпы.

После совещания в Ставке с начальником штаба мы выехали к линии фронта.

Время от времени то с одной стороны, то с другой раздавались одиночные выстрелы, но генерал не обращал на них ни малейшего внимания. На обратном пути из этой инспекционной поездки он предложил заехать в расположение одного из полков, где недавно объявился большевистский агитатор; совладать с ним было крайне затруднительно и в каком-то смысле он полностью подчинил себе весь полк. Выбрав место, куда не долетали вражеские пули, генерал распорядился собрать всех свободных солдат, и у нас с ними состоялся очень и очень сердечный разговор. Меня буквально засыпали вопросами, некоторые из них были весьма резкими.

Обращал на себя внимание тщедушный низенький парень, который во время разговора не проронил ни слова, чем немало удивлял и раздражал своих товарищей. Солдаты все время подталкивали его, пытаясь втянуть в разговор. Генерал шепнул мне на ухо, что это и есть тот самый большевистский агитатор. В конце концов он заговорил нервным, визгливым голосом: «А я вот что скажу. Вы нас убеждаете, что мы должны воевать с немцами, чтобы крестьяне могли занять землю. Но какой крестьянам смысл ее получать, ведь если меня убьют, я же землю не получу?»

Для меня стало ясно, что никакой это не большевистский агитатор, а просто-напросто деревенский парень, который говорит вслух то, что думают его товарищи. В том-то и заключалась его сила, и никакими логичными аргументами его было не переубедить. Еще не зная толком, что предпринять, я направился к пареньку, который стоял, дрожа с ног до головы. Остановившись в нескольких шагах от него, я, полуобернувшись к генералу, сказал: «Немедленно отошлите этого парня обратно в деревню. Пусть его односельчане знают, что русской армии трусы не нужны». И тут совершенно неожиданно трясающийся солдат переменялся в лице, смертельно побледнев. Несколькоми днями позже от полкового командира пришла просьба отменить мой приказ, поскольку тот солдат изменился до неузнаваемости, став образцом дисциплинированности.

Из расположения 12-й армии я отправился в Двинск, где находилась ставка командира 5-й армии генерала Ю. Данилова³⁰. Данилов одним из первых среди командиров высшего ранга осознал изменения в настроениях на фронте и быстро установил хорошие рабочие отношения и с комиссарами, и с армейскими комитетами. Армейский комитет был сформирован тут еще в начале апреля и первым направил в Петроград делегацию, чтобы убедить рабочих в тылу положить конец анархии и возобновить нормальную помощь фронту.

У меня не было времени побывать у солдат в окопах, однако перед тем, как отправиться в Москву, я выступил в Двинске с речью перед представителями комитетов всех воинских подразделений. Вернувшись в Москву, я принимал на Девичьем поле, как было условлено заранее, парад войск Московского гарнизона, встретился с кадетами Александровской военной школы, выступил на нескольких многолюдных митингах и присутствовал на съезде партии социалистов-революционеров.

Влияние Москвы на политические настроения в стране было весьма сильным, и потому правительство считало своим долгом заручиться ее поддержкой в отношении наших планов возобновления наступательных операций на фронте. Именно для этого Львов и попросил меня съездить в Москву. Однако оставаться в Москве надолго я не мог, так как вскоре мне предстояла поездка на Юго-Западный фронт, а до тех пор надо было вернуться в Петроград, чтобы успеть к началу открытия Всероссийского съезда Советов и фронтовых организаций.

1 июня после трехнедельного отсутствия я вернулся в Петроград. Съезд открылся через два дня. На нем присутствовало 822 полномочных делегата, из которых лишь 105 представляли большевиков. Настроение большинства делегатов проявилось в инциденте, имевшем место вскоре после открытия заседания. Рассчитывая, видимо, вызвать недовольство собравшихся правительством и его военной политикой, один из большевистских делегатов стал зачитывать обращение к населению князя Львова, в котором он призывал всеми возможными силами противостоять большевистской и анархической пропаганде. Совершенно неожиданно для оратора каждая фраза обращения тонула в буре аплодисментов. Когда же он,

нимало не смутившись, перешел к чтению моего приказа № 17 об отношении к дезертирам (приказ был только что опубликован), аплодисменты переросли в подлинные овации. В этот момент нетрудно было увидеть в зале и в президиуме тех, кто занял «нейтральную» позицию.

Учитывая такую демонстрацию, я полагал, что резолюция в поддержку правительства будет принята с самого начала подавляющим большинством голосов. Но этого не произошло, и не произошло по двум причинам. Во-первых, стало известно, что на самом деле в зале присутствовало более 200 делегатов, которые были против возобновления боевых действий, так как две другие группы — меньшевики-интернационалисты и левое крыло партии социалистов-революционеров примкнули к большевикам. А обе эти группы пользовались на съезде огромным влиянием среди делегатов-интеллектуалов. Во-вторых, нормальной работе съезда помешали попытки большевиков, действовавших по указке Ленина, саботировать планы наступления, устроив вооруженную демонстрацию «возмущенных» солдат и рабочих, выкрикивавших лозунги «Вся власть Советам!» и «Долой десять министров-капиталистов!»³¹.

На несколько дней военные вопросы отошли у нас на второй план, и руководители съезда посвятили все свои силы и время тому, чтобы сорвать заговор Ленина. И лишь когда непосредственную угрозу удалось отвести, резолюция была в конце концов принята (12 июня). Однако, не желая, видимо, противопоставлять себя левой оппозиции в собственных рядах, блок меньшевиков и эсеров предложил принять весьма двусмысленную резолюцию, в которой не было прямого одобрения предстоящего наступления. Вместо этого в ней просто констатировалось, что вооруженные силы России должны быть готовы вести как оборонительные, так и наступательные действия, при этом последние могут быть предприняты лишь в случае стратегической необходимости.

Вечером 13 июня, после принятия этой абсолютно бесполезной резолюции, я выехал в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего. Здесь была окончательно установлена дата начала наступления — 18 июня. Наступлению должна была предшествовать двухдневная артиллерийская подготовка — обстрел позиций противника из тяжелых орудий в месте планируемого прорыва. 16 июня я прибыл в Тарнополь, где был отдан официальный приказ по армии и флоту о наступлении. Он был подготовлен в Ставке после консультаций с Брусиловым и подписан мной³². После непродолжительного пребывания в Тарнополе я отправился поездом вместе с генералом Гутором, новым командующим Юго-Западного фронта, в расположение передовых позиций 7-й армии. Этой армии, совместно с 11-й, предстояло начать продвижение в направлении Бережаны. Весь день 17 июня я провел, объезжая полки, которые готовились на рассвете следующего дня начать наступление.

Утром 18 июня над всей линией фронта воцарилась атмосфера напряженного ожидания. Такую атмосферу можно ощущать в российских деревнях в канун пасхальной Всенощной. Мы поднялись на наблюдательный пункт, расположенный на одном из холмов, идущих вдоль нашей передовой линии. Воздух сотрясался от залпов тяжелых орудий, над головами с пронзительным воем пронеслись снаряды. С наблюдательного пункта 7-й армии поле битвы казалось огромной пустой шахматной доской. Артобстрел продолжался. Мы все время глядели на часы. Напряжение стало невыносимым. Вдруг наступила мертвая тишина: настал час наступления. На мгновение нас охватил дикий страх: вдруг солдаты не захотят пойти в бой? И тут мы увидели первые линии пехотинцев, с ружьями наперевес двигавшихся в сторону немецких окопов.

Первые два дня наступление развивалось крайне успешно. Мы взяли в плен несколько тысяч солдат и захватили десятки полевых орудий. На третий день продвижение застопорилось. Донесение командующего 11-й армии генерала Эрдели дает достаточно точное представление о том, что случилось: «Несмотря на наши успехи, достигнутые 18 и 19 июня, которые могли бы поднять боевой дух солдат и вдохновить их на дальнейшее наступление, в действительности в большинстве полков никакого воодушевления не наблюдалось, а в некоторых возобладало убеждение, что задачу свою они уже выполнили и нет смысла продолжать далее наступле-

ние». К ссылкам на пораженческие настроения солдат генерал мог бы с полным правом добавить нескрываемое удовлетворение офицеров в ряде полков по поводу того, что наступление выдохлось.

Но, быть может, главная причина провала наступления заключалась в том, что если в период блистательного наступления генерала Брусилова в 1916 г. ему противостояли австрийские полки, многие из которых были укомплектованы военными славянами из славян, мечтавшими сдаться русским в плен, то в 1917 г. против русской армии выступили отборные германские части, поддержанные мощной артиллерией.

Первые два дня наступления выявили также много трудностей технического и психологического характера, которые мы пытались преодолеть в возможно кратчайшие сроки. 20 июня я отправил М. И. Терещенко конфиденциальную телеграмму следующего содержания: «Укажите соответствующим послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, видимо, в значительной части из брака, так как 35% не выдержали двухдневной умеренной стрельбы. Настойте на внеочередной присылке авиационных аппаратов, материальной части на смену убывшей. Добейтесь отозвания с фронта полковника Нокса, продолжающего фронтировать. Ускорьте созыв союзной конференции. Крайне необходимо ускорение темпа и большей ясности работы союзнической дипломатии. Напряжение фронта нужно использовать всемерно, в виду известного вам положения страны и армии. Помните, что каждый шаг фронта дается нам с огромным трудом. Только комбинированными и современными действиями дипломатии с армией мы закрепим положение и избежим срыва. Телеграфируйте положение. Привет. Керенский»³³.

Британский военный атташе полковник Нокс, который в то время совершал поездку по Юго-Западному фронту, всюду, куда он приезжал, шумно критиковал русскую армию и открыто выражал неприязнь к новому строю. Постепенно он оказался в центре оппозиционного офицерства. 22 июня я получил ответ от Терещенко. В нем говорилось, что англичанам и французам было указано на дефекты артиллерии и они сразу же направили своим правительствам соответствующие телеграммы. Ноксу же было предписано возвратиться в Петроград в начале следующей недели и подчеркивалось, что только активность на фронте может укрепить позиции России.

Через несколько дней мы получили от союзнических правительств уведомление о согласии провести конференцию по пересмотру целей войны. Полковник Нокс выехал в Петроград, а затем отправился в Лондон. Согласие союзников провести конференцию о целях войны положило конец распространявшейся на фронте и в левых кругах пропаганде, будто мы с Брусиловым ведем войну ради достижения «империалистических и захватнических целей».

В канун начала боевых действий на левом фланге Юго-Западного фронта я находился в расположении 8-й армии, которой командовал генерал Корнилов. В Ставке меня встретили более чем прохладно, зато на передовых позициях меня приветствовали с таким энтузиазмом и теплотой, что душа моя преисполнилась благодарностью и верой. 23 июня 8-я армия перешла в наступление. Прорвав Австрийский фронт, русские части проникнули глубоко в расположение противника, захватили 28 июня старинный город Галич и продвинулись в направлении Калуша. Вся Россия с ликованием следила за наступлением. Выдающийся успех операции был связан главным образом с тем фактом, что силы противника на этом участке состояли в основном из славян. Вскоре, однако, в ходе операции произошел резкий поворот. В район расположения австрийских частей были спешно переброшены германские подкрепления вместе с тяжелой артиллерией. К 5 июля немецкие ударные бригады под командованием генерала фон Ботмера были готовы перейти в контрнаступление.

Боевые действия на фронте, где находились части под командованием генерала Деникина, должны были начаться в первых числах июля; планировалось, что я прибуду туда ко времени их начала. С генералом Брусиловым я не виделся с 15 июня, а потому возвратился в Ставку главнокомандующего, чтобы сообщить ему о положении на Юго-Западном фронте. Кроме того, мне хотелось получить из первых рук информацию о событиях на фронтах союзнических армий.

Кажется, на второй день моего пребывания в Ставке Брусилов сообщил, что несколько членов солдатского комитета попросили о встрече с ним, с начальником его штаба (Лукомским) и со мной. На этой встрече представитель группы, выступая от ее имени, сказал, что он и его товарищи крайне обеспокоены враждебностью к нам троим со стороны членов Центрального комитета русской армии и Союза офицеров армии и флота. Брусилов и Лукомский, весьма удивленные, сказали, что до сих пор не замечали никаких признаков враждебности, но, если это так, то они, конечно же, примут решительные меры. Члены комитета, пребывая в весьма нервном состоянии, постарались убедить нас в том, что сообщенные ими факты проверены и достоверны. Спустя некоторое время они удалились, несколько успокоенные обещанием генерала. Мне и в голову не могло прийти, что за их сообщением стоит нечто более серьезное, нежели некоторое недоверие, все еще сохранявшееся у части офицеров после революции. К сожалению, мы вскоре убили в обоснованности сделанного нам предупреждения.

28 июня я отбыл в Молодечно. Деникин был одним из самых способных офицеров Генерального штаба. В молодости он написал несколько весьма резких статей в армейской газете о старой военной бюрократии, и сразу же после начала войны зарекомендовал себя как первоклассный боевой офицер, быстро продвинувшись по служебной лестнице до командира корпуса в чине генерал-лейтенанта. При Алексееве он занимал пост начальника его штаба. Отношение его ко мне было несколько противоречивым. С одной стороны, накануне наступления он нуждался в моей помощи в качестве посредника между ним и солдатами; с другой — он испытывал неприязнь ко мне как к личности, и к моей политике — военного министра и члена Временного правительства.

Я, однако, не питал к нему никаких враждебных чувств, как, впрочем, и к другим командирам. Но теперь этот хулигатель и критик старых армейских порядков, не признавая себе в этом, принялся вовсю идеализировать прошлое. На первом же митинге, на котором мы вместе выступали, меня поразила его грубость в обращении с солдатами, его же шокировали некоторые из моих высказываний и моя «истерия».

Едва начав поездку, я был вынужден почти сразу же прервать ее. Князь Львов попросил меня без промедления отправиться в Киев и урегулировать проблему Украинской армии. В то самое время Терещенко и Церетели вели там весьма хитроумные переговоры с Радой, которая выдвигала немыслимые требования.

Из Киева я предполагал возвратиться в Петроград, чтобы доложить кабинету о соглашении с украинцами.

3 июля, как было условлено, я снова прибыл на Западный фронт к самому началу наступления. Однако атмосфера к тому времени изменилась до неузнаваемости; события развивались с захватывающей дух быстротой.

(Продолжение следует)

Примечания

1. № 812, копия записки начальника французской военной миссии генерала Жанэна генералу Алексееву, содержавшей просьбу о начале наступления. «The Russian Provisional Government, 1917». Vol. II, p. 926 (Цит. по: Красный архив. М. — Л., 1928. т. 5(30), с. 28—29. — *Прим. ред.*).
2. Красный архив. М. — Л., 1928, т. 5(30), с. 34.
3. HINDENBURG Paul, von. My Life. Vol. II. N. Y., p. 65—66.
4. Две трети солдат-пехотинцев погибли или получили ранения в предыдущие годы, и, по словам Брусилова, армия превратилась в «милицию».
5. Так у автора. Имеется в виду статья Л. Каменева (*прим. ред.*).
6. «После небольшого перерыва последовало повторение артиллерийской и газовой подготовки, а затем атака пехотой. На этот раз противнику удалось частично вклиниться в нашу оборону и занять первую

- линию окопов. Немцы снова понесли большие потери, но еще большие потери были от огня у наших дивизий, так как укрытия были в значительной части разрушены. Когда после третьей артподготовки немцы ввели свежие силы, наша пехота, находящаяся на плацдарме, не могла уже оказать сопротивление, а отвести войска через залитую водой долину было невозможно. Мы потеряли и плацдарм, и три дивизии» (ГОРБАТОВ А. В. Годы и войны. — Новый мир, 1964, № 3, с. 155).
7. Так у автора. Имеется в виду статья Л. Каменева (*прим. ред.*).
  8. Съезд открылся в Минске 7(21) апреля 1917 г. (*прим. ред.*).
  9. Комиссию возглавлял генерал Поливанов, занимавший в 1915—1916 гг. пост военного министра.
  10. «The Russian Provisional Government, 1917». Vol. III, p. 1267.
  11. *Ibid.*, p. 1268.
  12. Председатель комитета Всероссийского союза земств на Западном фронте в Минске.
  13. В личном письме ко мне, датированном 10 января 1918 г., Вырубов приводит такой текст беседы с генералом Алексеевым, взятый им из своих неопубликованных мемуаров: «Я передал послание князя Львова. Генерал Алексеев сказал: «Этот вопрос имеет столь важное значение, что я хочу обсудить его с командующими. Подождите немного». Я прождал полчаса. Вернувшись, генерал Алексеев вручил мне листок бумаги, на котором его мелким, но абсолютно разборчивым почерком было написано: (1) Керенский; (2) Пальчинский; затем он добавил: «Это не только мое мнение, но и мнение командующих». Признаюсь, я не ожидал такого ответа, поэтому спросил генерала: «А нет ли у вас кандидата из военных?» На что он ответил: «Мы полагаем, что в нынешний момент пост военного министра не должен занимать генерал».
  14. П. Пальчинский, по профессии горный инженер, беспартийный политический деятель. Прекрасный организатор, активный член Совета обороны, созданного в 1915 году. Поначалу был членом Исполкома Петроградского Совета и выступал посредником между Исполкомом и командующим Петроградским военным округом генералом Корниловым. По приказу Временного правительства занял пост председателя вновь сформированного Совета обороны.
  15. Имеются в виду апрельские демонстрации, в организации которых приняли участие большевики (*прим. ред.*).
  16. Новыми членами Временного правительства стали: представители эсеров — В. М. Чернов, министр земледелия, и П. М. Переверзев, министр юстиции; представители от социал-демократов меньшевиков — И. Г. Церетели, министр почт и телеграфов, М. И. Скобелев, министр труда; представитель народных социалистов А. В. Пешехонов — министр продовольствия; представитель кадетов князь Шаховской — министр государственного призрения. Министр финансов М. И. Терещенко получил пост министра иностранных дел; министр земледелия А. И. Шингарев — пост министра финансов, а А. Ф. Керенский стал военным и морским министром.
  17. Вестник Временного правительства, № 49, 6 мая 1917 г., с. 1.
  18. См. главу XV.
  19. В тот момент он служил в штабе командующего Первым корпусом генерала Лукомского.
  20. Вестник Временного правительства, № 49, 6 мая 1917 г.
  21. Лейтенант Кузмин принимал участие в русско-японской войне, и, когда разгромленные русские части, возвращаясь из Маньчжурии, взбунтовались, а мятежи и акты беззакония распространились вдоль всей Транссибирской железной дороги, Кузмин стал главой «Красноярской республики». Позднее за это он был судим военно-полевым судом и приговорен к длительному сроку каторжных работ, хотя его причастность к мятежу сводилась лишь к тому, что он воспрепятствовал толпам бунтующих солдат грабить город, за что в результате и был избран «президентом республики».
  22. Ленин прекрасно понял суть этих двух параграфов и обрушился на приказ с яростными нападками в газете «Правда» в статье с коварным заголовком «Декларация о бесправии солдат» (в библиографическом указателе статей в газете «Правда» статья В. И. Ленина с таким заголовком не значится. — «Правда» 1912—1914, 1917 гг. Библиографический указатель. М. 1962. — *Прим. ред.*). Другие же, как командующий Западным фронтом генерал Ромейко-Гурко, выразили свое полнейшее неудовольствие. 15 мая этот генерал направил главнокомандующему и премьер-министру телеграмму, в которой утверждал, что приказ № 8 не дает возможности контролировать положение в армии, и соответственно сообщал о своей отставке. Отставка принята не была, а главнокомандующему было предписано понизить его в должности до командира дивизии.
  23. Генерал Алексеев.
  24. Следует отметить, что такая решительность командования получила безоговорочную поддержку в статье, опубликованной в газете Совета «Известия».
  25. В данном случае искажена мысль Ленина из статьи в газете «Пролетарское дело» (19.VII.(1.VIII.)

- 1917) «Благодарность князю Г. Е. Львову». В статье говорится, что «князь Львов сразу и целиком признал эту истину, провозгласив открыто, что «победа» над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом» (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 19). — *Прим. ред.*
26. Офицеры, враждебно настроенные к Февральской революции, дали мне ироническое прозвище «главноуговаривающий», и оно, как ни странно, не звучало для меня оскорбительно.
  27. Главнокомандующий Румынским фронтом.
  28. То есть, матросов.
  29. Этот энергичный солдат, приведший болгар к победе в Первую Балканскую войну 1912 г., покинул болгарскую армию и уехал в Россию, когда болгарский царь Фердинанд перешел на австро-германскую сторону и выступил против своих недавних союзников — сербов и греков. Как мы знаем, Вторая Балканская война закончилась полной военной и политической катастрофой для Болгарии.
  30. В течение первых 18 месяцев войны он состоял генерал-квартирмейстером при штабе великого князя Николая Николаевича и был там единственным компетентным стратегом.
  31. См. гл. XVIII.
  32. На третий день наступления, 20 июня, съезд Советов обратился к народу России с призывом приложить все усилия, чтобы обеспечить успех этой операции, поскольку это принесет мир и упрочит новый демократический строй.
  33. Собрание секретных документов Министерства иностранных дел, книга 3, № 144, с. 113. Декабрь 1917 г., Петроград.

Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.)

Немногим более двух лет назад журнал «Вопросы истории» (1988, № 11) опубликовал «Письма к друзьям» А. М. Панкратовой¹, содержащие ее впечатления и выводы, порожденные совещанием историков, проходившим с перерывами в мае — июне 1944 г. в ЦК ВКП(б) под руководством секретарей ЦК А. С. Щербакова, А. А. Андреева и Г. М. Маленкова. Сейчас появилась возможность расширить наши знания об этом совещании и о том, что было связано с ним. Материалы самого совещания, официальные документы, предшествовавшие его созыву или отражавшие его итоги, не публиковались. Между тем такие документы от имени ЦК ВКП(б) готовились и до совещания и после него. К их числу принадлежит и публикуемая ниже записка, составленная в аппарате ЦК ВКП(б) в ходе подготовки к совещанию и поданная за 11 дней до его открытия (18 мая 1944 г.) на имя секретарей ЦК ВКП(б).

Документ извлечен из фонда 88 (оп. 1, д. 1053, лл. 1—27) Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Он состоит из двух частей: собственно записки и дополнения к ней и подписан начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) кандидатом в члены ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александровым, редактором газеты «Правда» членом ЦК ВКП(б) П. Н. Поспеловым и заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) П. Н. Федосеевым. Записка отражает позицию руководящих идеологических работников, с которой они могли выйти на совещание по ряду важных спорных вопросов отечественной истории, а также дает в определенной мере представление об оценке ими состояния исторической науки в то время.

Наиболее полно выявить значение и место данного документа можно лишь во взаимосвязи с рядом других материалов, которые историкам пока еще недостаточно известны. Речь идет прежде всего о письмах Панкратовой в ЦК ВКП(б), в которых она ставила вопрос о положении в исторической науке; о стенограмме самого совещания, до сих пор не опубликованной; о подготовлявшихся проектах постановления ЦК ВКП(б) и тезисов по итогам совещания.

Все, что мы знаем об этом совещании, так или иначе связано с именем Панкратовой: она была, по существу, главным инициатором его созыва; на самом совещании играла, пожалуй, самую заметную роль, выступив три раза; она оставила свои записки о совещании; она же поплатилась за то, что имела собственное мнение о его ходе и итогах.

В 1942, 1943 и 1944 гг. Панкратова направила в ЦК ВКП(б) ряд писем с просьбой помочь советским историкам разобраться в вопросах, при решении которых отдельные ученые, в частности А. В. Ефимов, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев², по ее мнению, отходят от марксизма-ленинизма. Знакомство с этой частью эпистолярного наследия Панкратовой позволяет сказать, что многие вопросы, поставленные в публикуемой записке, естественно, в трактовке ее составителей, и особенно в дополнении к ней, восходят к этим письмам. И на самом совещании, если судить по «Письмам к друзьям» (более точно об этом можно будет говорить, только

ознакомившись с полной его стенограммой), наибольшее внимание уделялось именно этим вопросам. Речь шла об оценке прошлого России, ее деятелей, приукрашивании политики царизма, характеристике крестьянских войн, национальных движений, отказе от классового принципа при рассмотрении исторических событий, а также о книге «История Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней», вышедшей в 1943 г. в Алма-Ате под редакцией М. Абдыкалыкова³ и А. Панкратовой и представлявшей собой первую попытку создания обобщающего труда по истории союзной республики.

Публикуемый документ подтверждает, что партийное руководство не разделяло подхода авторов названной книги к решению ряда принципиальных вопросов истории Казахстана. Кроме того, Панкратова подверглась критике и за приверженность «школе Покровского»⁴. Очевидно, поэтому на самом совещании секретари ЦК ВКП(б) не выступили в поддержку Панкратовой, как она того ожидала. Скорее (теперь это видно яснее), они могли выступить с критикой в ее адрес, но не сделали этого, думается, потому, что считали нежелательным также и усиление позиций ее оппонентов. Как известно, позже эта критика была высказана в рецензии на «Историю Казахской ССР» («Большевик», 1945, № 6) и в постановлении ЦК КП(б) Казахстана от 14 августа 1945 г. «О подготовке второго издания «Истории Казахской ССР» (изложено в первом томе этого издания).

О том, что руководящие партийные идеологи не были согласны и со взглядами оппонентов Панкратовой, свидетельствует текст дополнения к записке. Оно, по существу, почти полностью основано на критических замечаниях Панкратовой, которые она высказывала в их адрес и устно и в письмах, направленных в ЦК ВКП(б).

В ЦПА хранится несколько вариантов проекта постановления ЦК ВКП(б) по итогам совещания, а также тезисов о состоянии научной работы в области истории СССР, написанных Ждановым и направленных им в августе и сентябре 1944 г. Щербакову и Маленкову.

Сравнение публикуемого документа с проектами постановления и тезисов позволяет, во-первых, сказать, что в их основу положена именно эта записка, и прежде всего дополнение к ней; во-вторых, увидеть определенные изменения в позиции руководящих идеологических работников аппарата ЦК ВКП(б): одни аспекты усиливаются, другие ослабляются, третьи опускаются. Так, в проектах почти вовсе отсутствует сюжет, изложенный в первом разделе записки. В центре внимания оказалась критика тех, кто оправдывал колониальную захватническую политику царизма, не был согласен с оценкой царской России как жандарма Европы, отрицал учение о классовой борьбе как движущей силе истории и тем самым солидаризировался с представителями «буржуазно-монархической исторической школы» Милюкова⁵. Вместе с тем в проектах много места отведено негативным оценкам «школы Покровского» и вопросам борьбы с так называемыми националистическими ошибками, в связи с чем критике были подвергнуты Х. Г. Аджемян, Б. Д. Греков⁶, А. В. Ефимов, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев, а также А. М. Панкратова (особенно в связи с книгой «История Казахской ССР»).

В проектах обойден такой положительный момент, так проявившийся на совещании творческий подход некоторых историков к вопросу о присоединении ряда народов к России, отступление от сталинской трактовки этого явления как «наименьшего зла». Совсем не затронут вопрос о письме Сталина членам Политбюро ЦК ВКП(б) (1934 г.) «По поводу статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма» («Большевик», 1941, № 9), в непростительном замалчивании которого авторы записки резко упрекали советских историков. Таким образом, в проектах были подвергнуты критике и так называемые сторонники «школы» Милюкова и «последователи» Покровского. Закономерен в этой ситуации заключительный раздел тезисов — «Борьба на два фронта»: оба «уклона» рассматривались в нем как «работавшие на буржуазию».

Почему же ни постановление ЦК ВКП(б), ни тезисы приняты не были? Одной из причин этого, вероятно, было нежелание даже частично признать правоту Панкратовой. Партийному руководству не могло понравиться, что широкой постановкой в своих письмах в ЦК ВКП(б) вопроса о положении в исторической науке, а также своей ортодоксальной позицией Панкратова как бы взяла на себя то, что ЦК, и прежде всего Сталин, считали своей неотъемлемой прерогативой. Не извиняло ее в глазах высшего партийного руководства даже то, что в своих письмах она искренне и с полным доверием обращалась к ЦК как единственному и непогрешимому толкователю проблем истории и исторической науки. По той же причине для «командиров идеологического фронта» нежелательно было касаться вопроса о «наимень-

шем зле» и письма Сталина о статье Энгельса: именно эта работа Сталина могла бы стать методологической основой для выводов и утверждений, что внешняя политика царской России не столь уж достойна осуждения.

Что же касается «Писем к друзьям», то их история имела продолжение, которое усугубило «вину» их автора перед аппаратом ЦК ВКП(б). Как известно, Анна Михайловна давала их своим единомышленникам. Распространялось среди них и последнее ее письмо, от 12 мая 1944 г., на имя Сталина, Жданова, Маленкова и Щербакова. Помимо оценки положения в исторической науке и необходимости обсудить его, в этом письме содержались критические замечания в адрес Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и его начальника Александрова.

В ЦК ВКП(б) стали поступать сообщения (возможно, инспирированные) из ЦК КП(б) Туркменистана, Саратовского обкома, из Казахстана, Москвы, в которых подобная деятельность Панкратовой объявлялась неправильной и политически вредной.

Александров незамедлительно прореагировал на сигналы «с мест». На имя Жданова, Маленкова и Щербакова он подал записку «Об антипартийном поведении историка А. М. Панкратовой». Она обвинялась в том, что апеллирует через голову ЦК к местным парторганизациям и группам историков; ложно информирует советскую общественность о «закрытом» совещании в ЦК; изображает себя единственным ортодоксальным историком, инициатором и вдохновителем созыва этого совещания и к тому же в фальсифицированном виде приводит реплики секретарей ЦК. Действия Панкратовой Александров квалифицировал как антипартийные, фракционные. Он заявлял о несогласии с данной ею общей оценкой совещания, утверждал, что ход его изображен Панкратовой тенденциозно, а обсуждение ее писем историками и партийными работниками способствует созданию нездоровой атмосферы групповщины среди историков и усилению националистических настроений среди историков Казахстана. Завершающая часть записки особенно четко отражает дух времени. Александров пишет, что «в антипартийном» поведении Панкратовой сказывается опыт, приобретенный ею за время пребывания в партии левых эсеров и «антипартийных троцкистских группировках Фридлянда — Ванага»⁷.

В начале сентября Панкратову вызвали для беседы в ЦК ВКП(б). Ее реакция на критику тоже была в духе времени: она признала (по ее словам, искренне) свою ошибку; согласилась с характеристикой, которую аппарат ЦК дал ее поступку; отступила даже в защите своего детища — «Истории Казахской ССР». Признав, что создание истории национальной республики — вопрос не только научный, но прежде всего политический, Панкратова приняла критику Александрова в адрес этой книги, хотя раньше решительно не соглашалась с ним.

В сентябре 1944 г. Панкратова была освобождена от обязанностей заместителя директора Института истории АН СССР. Партийный аппарат одержал верх. Его «бдительность» исключала как вторжение ученых в пределы компетенции партийной власти, так и любой прорыв свободной творческой мысли.

Документ выявлен аспирантом МГУ им. Ломоносова, ныне кандидатом исторических наук Рымбеком Муратовичем Жумашевым (Караганда), публикуется без сокращений, с учетом новейшей орфографии.

Публикацию текста, вступление и комментарий к нему подготовила И. В. ИЛЬИНА.

Секретарям ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.
тов. ЩЕРБАКОВУ А. С.

О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков

В организации научной работы в области истории имеют место крупные недостатки, а в появившихся за последнее время трудах некоторых советских историков содержатся крупные ошибки антиленинского характера. Среди части советских

Ильина Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института теории и истории социализма ЦК КПСС.

историков имеют хождение сочиненные немецкими историками реакционные легенды о прошлом русского народа, проявляются рецидивы антиленинских взглядов, свойственных «школе» Покровского, выражающихся в пренебрежительном отношении к истории русского народа, получили известное распространение буржуазно-националистические взгляды.

1. О влиянии реакционных взглядов немецких историков на современную русскую историографию

В трудах советских историков — Панкратовой, Рубинштейна⁸ и Яковлева содержатся ошибки антиленинского характера, совершенные под влиянием реакционных идей немецких историков, в свое время подвизавшихся в России или писавших о ней, — Байера, Шлецера, Миллера, Гакстгаузена, Клейншмидта⁹, имевших целью подчинить немецкому влиянию широкие слои русской интеллигенции и в конечном счете идеологически подготовить экспансию на Восток немецких захватчиков.

Реакционные немецкие историки всегда проявляли большой интерес к России. Засылаемые в Россию с далеко идущими политическими и идеологическими целями, эти историки создавали и прибирали к своим рукам исторические архивы, собирали и систематизировали исторические материалы с целью доказательства якобы организующей и миссионерско-культурной роли немцев в создании государственности русского народа.

Истинный облик немецких историков, проникавших в Россию, ясно виден из автобиографии немца Шлецера. Шлецер писал, что немец-историк в России может найти легкую и богатую наживу. «Не надо быть ни гением, ни ученым критиком; довольно просто уметь по-русски и быть прилежным, — и в короткое время можно было угостить публику квартантами и рассчитывать на похвалу и благодарность. Год, много два можно пожертвовать, чтобы в худшем случае, узанное в России обратить в деньги в Германии» (Сборник отд. русского языка и словесности Ак. наук. Т. XIII, 1875).

В свое время дворянско-буржуазные историки, находясь как бы под гипнозом псевдоученой деятельности немцев, всячески превозносили роль немецких историков в деле развития русской исторической науки. В конфликте между немецкими историками и Ломоносовым буржуазные историки открыто становились на сторону немцев. Так, небезызвестный буржуазный историк Милюков, превозносивший роль немцев в русской историографии, оплевывает Ломоносова и Щербатова¹⁰, создавших русскую историческую науку. «Ломоносов с Щербатовым, — пишет Милюков, — представляют мутную струю в историографии XVIII века: первый вследствие патриотическо-панегирического направления, второй — вследствие невежества в вопросах древней истории» (Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М. 1898, с. 100).

Резкие и непримиримые выступления Ломоносова против немцев отражали противоречие, создавшееся в середине XVIII в. между интересами развития русской национальной науки и реакционными попытками немецких историков идеологически закрепить Россию, доказать ее полную зависимость от Пруссии и этим самым расчистить дорогу для наступления на Восток. Немецкие историки утверждают, что государственность и культура были принесены в нашу страну немцами, что все крупнейшие преобразования в России были проведены под влиянием немцев. Так, например, немецкий историк профессор Клейншмидт писал, что Россия в начале XVIII века по своему культурному развитию стояла на одной ступени с Китаем и Абиссинией, а петровские реформы — создание Сената, ликвидацию боярской думы, создание Академии наук, посылку экспедиции Беринга — автор приписывает немецкой инициативе и немецкому влиянию (А. Клейншмидт. Три столетия русской истории. Берлин. 1896, с. 146).

Одним из наиболее ярких выражений указанных устремлений реакционной немецкой историографии, упорно и поныне развиваемых немцами, является небезызвестная антинаучная «теория» норманского происхождения Русского государ-

ства, якобы сложившегося под влиянием более «высокой» государственности и культуры немцев.

Изобретенная немцами «норманская теория» происхождения Руси и образования Русского государства впервые была выдвинута в XVIII веке немцем Байером, поддержана и развита немцами Миллером и Шлецером. Влияние этих немецких теорий было настолько сильно, что даже видные русские историки становились на точку зрения норманистов (Карамзин, Погодин¹¹, Соловьев). «Норманская теория» утверждает, что славяне не способны были создать свое государство, что Русское государство было создано немцами. Эта теория говорит о примитивности общественного устройства славян, о дикости и отсталости их народной жизни, о культурной и политической зависимости от немцев и т. д. Немецкий историк Шлецер, состоявший на службе в Российской Академии наук, утверждал, что «все культурные элементы к восточным славянам, находившимся на уровне дикарей, были внесены скандинавцами».

Крупнейшие представители русской науки — Ломоносов, Костомаров, Геденов, Забелин, Ключевский, Марр¹² и др. доказали несостоятельность этой теории. И все же эта теория имеет хождение до настоящих дней, находя защиту и поддержку у некоторых советских историков.

Учебник истории СССР для вузов, том 1 (под редакцией Бахрушина, Грекова, Лебедева¹³), вместо изложения научно обоснованного исторического материала, разбивающего «норманскую теорию», рассказывает о двухвековой дискуссии между норманистами и антинорманистами, а в заключение становится на сторону норманистов. «Длительный спор (около 200 лет) не дал окончательного решения вопроса, — говорится в учебнике, — однако обогатил нашу науку новыми фактами и в конечном счете значительно приблизил правильное решение вопроса. Северная Русь, по-видимому, связана со Скандинавией, а именно с частью Швеции на северном берегу Финского залива» (История СССР для истор. фак. Т. 1, с. 91).

С «норманской теорией» непосредственно связано утверждение немецких исследователей, что русская история начинается только с «призвания варягов». «Русская история, — пишет немец Шлецер, — начинается от пришествия Рюрика и основания русского царства, когда три совершенно различных народа, т. е. Новгородцы (славяне), Чудь (финны) и Руссы (норманы) соединились вместе и составили один народ. Это сделалось в половине IX столетия, или около 860 г.; почему да не прогневаются патриоты, что история их не простирается до столпотворения, что она не так древна, как Эллинская и Римская, даже моложе Немецкой и Шведской» (Шлецер. Нестор. Т. 1. СПб. 1809, с. 418—419). До Рюрика, по мнению Шлецера, возможно только географическое и этнографическое вступление в русскую историю.

Эти немецкие фальсификации повторялись в работах историков России XIX века, а также нашли свое место и в трудах советских историков, в частности в учебниках для средней и высшей школы. В учебнике «История СССР» ч. 1 под редакцией Панкратовой, изд. 1943 г., после беглых замечаний о славянах до IX века говорится: «Отдельные варяжские князья со своими дружинами захватили наиболее удобные пункты на «пути из варяг в греки» и обложили данью окрестное славянское население. Очень часто они уничтожали или подчиняли себе местных, славянских князей и становились на их место». Далее в учебнике Панкратовой излагается известная легенда о призвании варягов и делается вывод: «Рюрик — утвердился в Новгороде... Его брат Синеус сидел на Белоозере, другой брат Трувор — в Изборске. Два других предводителя варяжских дружин Аскольд и Дир завладели в стране полян Киевом. И на другом пути из Балтийского моря на Днепр по Западной Двине в Полоцком княжестве тоже утвердился выходец из Скандинавии». Изложив таким образом легенду как исторически документальный материал, Панкратова заключает: «Значительно позже, в XI в., сложилась легенда, будто новгородские славяне вследствие царивших между ними раздоров по собственному почину пригласили в 862 г. (год этот летописцем вставлен по догадке) Рюрика и его братьев. Этот рассказ имел целью доказать право потомков Рюрика на княжеское достоинство» (История СССР. Ч. 1, с. 36).

Из всего этого ясно, что Панкратова вслед за немецкими историками начинает русскую историю с Рюрика и навязывает советским людям немецкие фальсификации о варяжском происхождении Русского государства. По существу, Панкратова не признает государственности у славян до IX в., т. е. до так называемого «прихода варягов».

Автор книги «Русская историография», советский историк Рубинштейн берет под защиту основоположника «норманской теории» Байера. «Среди тщательных исследований Байера, — пишет Рубинштейн, — необходимо выделить постановку варяго-русского вопроса на основе непосредственного изучения скандинавских материалов». Выступления Ломоносова против немецких историков Рубинштейн считает ненаучными и снисходительно объясняет эти выступления «чувством национальной гордости» (Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М. 1941, с. 97). Рубинштейн, видимо, следует здесь за антирусской установкой немецкого историка Миллера, который, выступая против патриотизма Ломоносова, заявлял: «Историк должен казаться без отечества, без веры, без государя» («История Академии Наук» Пекарского¹⁴. Т. 1, с. 381). Но еще известный русский историк Иван Болтин приводил на этот счет немаловажное замечание Леклерка¹⁵: «Давно уже сказано, что историк не должен иметь ни отечества, ни родственников, ни друзей. Если бы сие правило было справедливым, то остались бы историки в классе людей самых презрительных: человек без отечества, без родни, без друзей ни самый ли есть несчастливейший и гнуснейший из тварей» (Болтин. Примечания на историю Древняя и нынешняя России Леклерка. Т. II. 1788, с. 120).

Некоторые советские историки повторяют клеветнические утверждения немецких историков о том, что немцы основали русскую историческую науку и играли в ней ведущую роль. Немецкий историк Клейншмидт утверждал, что «Август-Людвиг Шлецер, собственно, был настоящим основателем русской истории» (Артур Клейншмидт, проф. Гейдельбергского университета. Три столетия русской истории. Берлин. 1898, с. 146. На нем. яз.). Рабски следуя за немцами, советский историк Рубинштейн пишет, что якобы неудачи русского историка Татищева¹⁶ в создании русской истории выдвинули Миллера, который стоял «в центре всей научной исторической работы во второй половине XVIII века в России» (Русская историография, с. 106). Неудачи историка Щербатова, рассуждает далее Рубинштейн, заставили взяться за разработку русской истории немца Шлецера, основное значение которого состоит в том «научном методе», которым он «вооружил русских историков» (там же, с. 165). В XIX в., по словам Рубинштейна, «первым представителем нового исторического направления был Иоганн-Филипп-Густав Эверс»¹⁷ (с. 223). Таким образом, подлинные основатели русской исторической науки Татищев и Щербатов изображаются Рубинштейном как посредственные подражатели немцев.

Для обоснования своих реакционных теорий и захватнической политики на Востоке немцы всячески развивали клеветническое положение о рабском характере славянских племен, якобы нашедшем свое выражение в психике, культуре и государственности славянских народов.

Следуя за реакционными немецкими историками в оценке славянских народов, проф. А. И. Яковлев пишет: «И на востоке и на западе нарицательным термином для обозначения невольника вообще сделалось племенное название именно «славян», прошедшее через ряд видоизменений и укоренившееся в разных вариантах едва ли не у всех европейских народов» (Холопство и холопы в Московском государстве XVII века, с. 13). Сомнительные филологические изыскания Яковлева должны доказать, что славянин на всех языках романской и германской групп означает «раб». Пытаясь обосновать свою антинаучную теорию о рабском происхождении славян, Яковлев пишет, что славянские племена были основным резервуаром рабов «для всего античного мира от Индии до Гибралтара» (с. 8). Факты говорят совершенно иное. Исследования Б. Грекова и др. историков доказали, что в Аттике преобладали рабы фракийского и малоазиатского происхождения, а не черноморского.

Такой же фальсификацией является утверждение Яковлева, что «в Римскую

эпоху раб с Дуная, Днепра или Дона хорошо знакомая фигура на рабовладельческом базаре» (с. 9). Известно, что среди сотен тысяч рабов — карфагенян, галлов, греков, германцев — скифы не занимали сколько-нибудь заметного места. Французский историк Валлон¹⁸ доказал, что важнейшим резервуаром рабов для Рима были малоазиатские области. Эти антинаучные «изыскания» Яковлева являются переломом немецких басен.

Известно, что еще Суворов высмеивал пруссаков, силившихся опорочить славян. Название «славянин» «от славы происходит», говорил Суворов. Даже такие, далеко не передовые русские историки, как, например, Милюков, учитывая данные филологии, признавали, что название «славянин» происходит от слова — «слава» (Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1).

Фашистским измышлениям о славянских народах советские историки не противопоставили подлинно научных взглядов по этому вопросу. Подготовленная Институтом Академии наук СССР работа «Образование государств славянских народов» пересказывает десятки «теорий» различных буржуазных историков, главным образом немецких, и тем самым запутывает вопрос. Так, в статье академика Державина¹⁹ «Общественный строй у славян в древности» (до XI века) подробно излагаются по этому вопросу теории Кадлеца, Иречека, Арнольда, Бальцера, Буяка, Новотного, Бобжинского²⁰ и других. В освещении и толкованиях различных буржуазных теорий совершенно тонут беглые замечания автора о современном научном понимании данной проблемы.

Так, например, акад. Державин, подробно излагая теории Кадлеца, повествует: «Почему славянские народы так долго, вплоть до начала X в., оставались при своих примитивных племенных организациях и не создали к этому времени крупных политических объединений? На этот вопрос Кадлец отвечает: во-первых, потому что с самого начала истории славяне не имели политического сознания, что стояло в связи с их натурой, с нехваткой энергии и мягким характером... Вторая причина, почему вплоть до X в. славяне не сумели создать крупных государственных объединений, заключается, по Кадлецу, в том, что, проявляя по отношению к чужеземцам достаточную мягкость характера и покорность, в своих внутренних взаимоотношениях славяне отличались раздорами и отсутствием единства».

Все эти клеветнические откровения, перешедшие впоследствии в писания Гитлера и Розенберга, завершаются мало вразумительными словами Державина: «Нет надобности говорить о том, что картина древнеславянского общества, как она рисуется Кадлецом, имеет очень мало сходства с подлинной исторической действительностью» (Образование государств славянских народов, с. 40). Ни единым словом автор не считает нужным опровергнуть и разоблачить измышления Кадлеца. Так же излагаются и другие буржуазные теории.

Таким образом, даже из ссылок лишь на последние работы советских историков — Панкратовой, Рубинштейна, Яковлева — видно, что эти историки в весьма важных вопросах отечественной истории находятся под сильным влиянием реакционных антирусских установок немецких историков, публично распространяют исторически фальшивые и чуждые нашему народу взгляды, засоряют головы советских людей идеологией явно немецкого происхождения и тем самым затрудняют нашу борьбу по морально-политическому разгрому фашизма.

2. О пренебрежительном отношении некоторых советских историков к историческому прошлому нашей родины

В учебниках и статьях по истории России Панкратовой, Бахрушина, Лебедева, Нечкиной²¹ и других сильно сказывается влияние антиленинских взглядов «школь» Покровского на историю России. В трудах названных историков умалется и принижается великое историческое прошлое нашей Родины, замалчивается и искажается роль выдающихся деятелей русского народа.

История России до октября 1917 г. излагается в учебниках по истории СССР для средней школы (под ред. Панкратовой) и для вузов (под ред. Бахрушина, Лебедева, Грекова, Нечкиной) односторонне. В этих учебниках непомерно раздувается

деятельность реакционеров, с излишней обстоятельностью рассматриваются реакционные мероприятия царизма, а прогрессивным деятелям и борьбе прогрессивных сил против сил реакционных уделяется мало внимания.

Так, в учебнике по истории СССР для вузов дается подробная характеристика личности и деятельности Аракчеева, архимандрита Фотия, Магницкого, графа Дмитрия Толстого, Победоносцева и других реакционеров. Авторы посчитали необходимым сообщить, какие слова вписал Павел I в аракчеевский герб при награждении Аракчеева графским титулом, не упустили такое «важное» обстоятельство, что Победоносцев произносил речи «бледный, как полотно, нервно волнуясь», а архимандрит Фотий был интимно близок к графине Орловой-Чесменской. В то же время в трехтомном вузовском учебнике ни слова не сказано, например, о выдающемся русском флотоводце Ушакове, а адмиралу Нахимову отведено всего лишь 3 строчки. Авторы учебников подробно расписывают бироновщину, реакцию Павла I, реакционные внутривосточные мероприятия Николая I, политическую реакцию 80-х годов, реакционную внешнюю политику царизма и т. д. Увлечение авторов учебников описанием реакционных теневых сторон в истории России приводит к ложному представлению, будто бы реакционные деятели и определяли лицо нашей страны.

Создается впечатление, что с конца XVIII в. Россия в своем развитии шла не вперед, а назад. Тем самым искажается подлинный исторический процесс, игнорируется важнейшее утверждение марксизма, что «поступательное развитие при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам в конечном итоге пробирует себе дорогу» (Энгельс). Сосредоточивая главное внимание на описании реакции, авторы учебников затемняют поступательно-прогрессивное развитие нашей страны со всеми противоречиями, присущими дореволюционной России, постоянное нарастание прогрессивных сил, которые в конечном итоге подготовили победу революции в России.

Пренебрежительное отношение к прошлому нашей страны проявляется в том, что в ряде книг по истории СССР принижается роль выдающихся деятелей русского народа — Ивана IV, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Радищева, декабристов, Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

В учебнике для средней школы под редакцией Панкратовой об Иване IV говорится: «В историю Иван IV вошел с именем Грозного. Современников особенно поражала его жестокость, которая проявлялась с детских лет и развивалась в условиях ожесточенной борьбы с непокорными боярами. Борьба развила в нем и болезненную подозрительность. Неуравновешенный и вспыльчивый, Иван IV не всегда отдавал себе отчет в своих поступках. В припадке ярости он убил своего старшего сына, царевича Ивана, ударив его посохом» (часть 1, с. 140).

В учебнике для вузов (под редакцией Бахрушина, Грекова, Лебедева) дается столь же резко отрицательная оценка личности Ивана IV. «Иван IV умер 18 марта 1584 г. Личность Ивана Грозного в исторической литературе нашла себе очень разноречивую оценку. Карамзин отказывался дать разрешение психологической «загадке», которую представлял этот человек, сочетавший в себе черты «ангела» и «злодея». Ключевский видел в жестокостях Ивана IV результат условий, в которых протекало его детство. Психиатр Коваленский пришел к заключению, что Иван IV страдал психопатологическими извращениями. Не приходится отрицать большой природной жестокости Ивана IV, о ней согласно говорят современные русские и иностранные источники, часто склонные к преувеличениям». «У Ивана IV, несомненно, имеются некоторые черты патологические; на него находили припадки ярости; в один из таких моментов он убил своего старшего сына Ивана ударом жезла». «Разврат и пьянство, которым он предавался без удерж, рано его состарили, и он умер далеко не преклонных лет» (т. 1. с. 389—390, автор главы Бахрушин).

Авторы IV тома «Истории СССР», подготовленного Академией наук, в книге, посвященной XVII веку, из 1430 страниц текста только 15 страниц посвятили ополчению Минина и Пожарского и борьбе за изгнание поляков из Москвы. И даже на этих немногих страницах автор главы историк Готье²² ухитрился опорочить память Пожарского. Он приводит легенду немецкого происхождения, подхваченную

Покровским, из которой следует, что Пожарский, якобы, предлагал брату германского императора Максимилиану занять русский престол. «Пожарский, — говорится в IV томе многотомной «Истории СССР», — отправил в Германию бывшего на русской службе немца-переводчика с грамотой, где были изложены «неправды» польского короля. На словах говорено было о возможности избрания царем брата императора эрцгерцога Максимилиана. Когда, год спустя, был получен от императора благоприятный ответ, царем был уже Михаил Романов» (т. IV, гл. 1, с. 170).

Во втором томе вузовского учебника по истории СССР (под редакцией Нечкиной) подробно описывается, как Наполеон руководил войсками в Бородинском сражении, детально описывается его поведение. В то же время авторы учебника ни слова не говорят о том, как Кутузов руководил русскими войсками в ходе сражения. Создается впечатление, что Бородинское сражение освещается не историком России, а наблюдателем из французского лагеря.

Даже в подборе иллюстраций для учебников средней школы сказывается пренебрежение к великим деятелям русского народа. В этих учебниках напечатаны портреты Чингисхана, Батыя, Тимура, Лжедмитрия, но нет портретов Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского.

Среди части советских историков существует явно неверный взгляд, согласно которому наука, литература, искусство в России всегда отставали в своем развитии от культуры Запада, а выдающиеся деятели России — ученые, писатели, деятели культуры и искусства являлись простыми подражателями деятелей Запада, не создав ничего оригинального. Так, например, учебник истории СССР для вузов следующим образом характеризует великого русского революционера Радищева: «Радищев — типичный ученик французских рационалистов и враг мистицизма, хотя в некоторых его философских представлениях материалистические идеи Гольбаха и Гельвеция неожиданно смешиваются с идеалистическими представлениями, заимствованными у Лейбница, которого Радищев изучал в Лейпциге. Его идеи о семье, браке, воспитании восходят к Руссо и Мабли. Общая мысль о свободе, вольности, равенстве всех людей сложились у Радищева под влиянием другого французского просветителя Рейналя²³» (т. 1, с. 725—726).

Такая же характеристика дана великому русскому критику, революционеру-демократу Белинскому: «Белинский пережил четыре периода идейного развития. В 1834—1836 гг. он стоял на идеалистических позициях, увлекался философией Шеллинга и Фихте... В 1837—1840 гг. Белинский пережил тяжелейший период «примирения с действительностью». Ложно поняв положение Гегеля «все [что] существует — разумно», Белинский стал было защищать самодержавие и крепостное право... Но в 1840 г. он понял свою ошибку... Он перешел на позицию левого гегельянства... В 1842 г. друг Белинского Герцен познакомил его с Фейербахом, и Белинский стал сторонником материализма²⁴» (т. II, с. 303).

В таком же духе характеризуются и другие представители передовой мысли России. При этом смазывается тот факт, что в России в XIX в. была великая культура, литература, искусство, которые оказывали большое влияние на развитие западной культуры. Авторы учебников по истории СССР извращают историю России и дают оценку истории русской культуры несовместимую с марксизмом.

Энгельс в письме Паприц — русской эмигрантке в Лондоне в 1884 г. писал: «Мне кажется, что Вы несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой» (Соч. Т. XXVII, с. 389).

Насколько сильны рецидивы «школы» Покровского у части советских историков, говорит тот факт, что они упорно сопротивляются пересмотру ряда ошибочных положений в оценке прошлого нашей страны.

В мае 1941 г. была опубликована работа товарища Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», подвергавшая критике неверные положения в оценке внешней политики России. Опубликование этой работы товарища Сталина обязывало советских историков незамедлительно приступить к глубокой разработке внешнеполитической истории России, положить конец всем неправильным установкам по этому вопросу. В действительности же эта работа товарища Сталина замалчивается советскими историками. До сих пор в исторической литературе с момента опубликования статьи товарища Сталина не появилось ни одной работы на эту тему, за исключением подготовляемого к печати II тома «Истории дипломатии».

Характерно также, что в сборнике «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», в статье «Задачи историков в условиях Великой Отечественной войны» А. Панкратова, говоря о необходимости изучать историю международных отношений нового времени, ни словом не упоминает о задачах, вставших перед историками в связи с опубликованием работы товарища Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Перечисляя десятки работ по истории, подчас совершенно незначительных, вышедших за последние годы, Панкратова даже не упоминает об этой работе товарища Сталина. Это, конечно, не случайно. Работа товарища Сталина разбивает те антиленинские взгляды на русскую историю, которые распространялись «школой Покровского» и за которые Панкратова до сих пор так упорно цепляется.

Таким образом, в трудах некоторых советских историков — Панкратовой, Бахрушина, Нечкиной, Лебедева и поныне культивируется старое, осужденное партией пренебрежительное отношение к прогрессивным явлениям русской истории и выдающимся деятелям России, непомерно раздувается значение реакционных деятелей России, что никак не содействует воспитанию чувства национальной гордости у советского народа, любви к историческому прошлому нашей родины.

3. Антиленинские взгляды некоторых историков по национальному вопросу

В подготовленных за последнее время трудах советских историков — «История Казахской ССР» под редакцией Абдыкалыкова и Панкратовой, «Очерки по истории Башкирии», подготовленные Институтом истории Академии наук, ревизуется учение Ленина и Сталина по национальному вопросу и по существу проводится точка зрения реакционного буржуазного национализма на историю нашей Родины и взаимоотношения народов СССР до Октябрьской революции.

Россия изображается в этих исторических работах как злейший и самый опасный враг нерусских народов, а присоединение указанных народов к России рассматривается как абсолютное зло для них. Вместе с тем в этих работах не показывается ведущая роль русского народа в образовании и развитии многонационального государства в России.

Авторы «Истории Казахской ССР» и «Очерков по истории Башкирии» положили в основу своей работы антиленинскую методологию Покровского. Основное требование исторического материализма — исторически правдиво излагать историю народа, развитие его экономических, общественных, политических и культурных отношений, рассматривать всю историю народа как историю классовой борьбы — они предали забвению. Составители этих трудов неправильно трактуют такой коренной исторический вопрос, как присоединение казахов и башкир к России. Они игнорируют известные указания Правительственной комиссии по конкурсу на учебник истории СССР в отношении присоединения Украины и Грузии к России. В постановлении Правительственной комиссии указывалось: «Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под власть России, так же как факт перехода Украины под власть России рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями своего времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной

шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом».

Эта оценка целиком относится и к составителям «Истории Казахской ССР» и «Очерков по истории Башкирии», которые полностью игнорируют конкретную историческую обстановку, в которой происходило присоединение к России казахов и башкир.

В «Письме» в Бюро ЦК КП(б) Казахстана составители «Истории Казахской ССР» писали: «Говорить о завоевании царизмом Казахстана как о «наименьшем зле», не следует. Конкретно этот процесс завоевания происходил иначе, чем на Украине или в Грузии, — в иной исторической обстановке и в иную эпоху» (с. 10 «Письма»). Это утверждение авторов не научно и противоречит действительной исторической обстановке, сложившейся в Казахстане в период его подчинения России.

В тот период (XVIII век) казахский народ, как известно, находился под угрозой полного истребления со стороны варварских воинственных племен ойротов и китайцев. Казахстан в то время представлял собой конгломерат скотоводческих кочевых племен, почти непрерывно враждовавших между собой. Эпизодически возникавшие политические объединения были крайне неустойчивы и легко распались. Казахстан был не способен защитить себя от опустошительных разбойничьих набегов завоевателей-варваров. На протяжении веков Казахстан подвергался непрерывным нашествиям соседних восточных варварских государств.

В 20—30-х годах XVIII века джунгарские ойроты дважды прошли огнем и мечом по Казахстану, вырезая целые казахские племена. Две трети Казахстана (Старший и Средний жузы) были покорены ойротами. Какая судьба ожидала всех казахов в этой борьбе, показывает участь самих ойротов, которые были почти поголовно вырезаны китайскими войсками, завоевавшими Джунгарию в 1758 году. С этого времени казахи оказались под смертельной угрозой со стороны китайцев. Казахские аулы подвергались также частым грабительским набегам калмыков и башкир. Таким образом, Казахстан стоял тогда перед перспективой порабощения варварскими племенами Востока или полного истребления.

Присоединение в этих условиях Казахстана к России, стране несравненно более цивилизованной, чем азиатские государства, и имевшей сложившуюся сильную централизованную власть, являлось для Казахстана наименьшим злом и спасением для казахского народа.

Именно поэтому наиболее дальновидные казахские ханы стремились искать защиты у своего западного соседа — России. Общеизвестно, что казахи несколько раз обращались к России с просьбой о принятии в русское подданство (в 1594, 1717, 1725, 1730 годах). Наиболее передовые казахские деятели видели историческую необходимость присоединения Казахстана к России и дружбы с русскими и дали этому факту правильную оценку (поэт Бухар, Амангельды Иманов). После присоединения в 1731 г. Младшего жуза к России набеги на эту часть Казахстана почти прекратились.

Однако авторы «Истории Казахской ССР», вопреки этим очевидным фактам, утверждают, что присоединение Казахстана к России было абсолютным злом. «Наступление на казахскую степь, — заявляют они, — велось со всех сторон. Основным и наиболее опасным противником являлась царская Россия» (с. 189). Авторы дают неправильную, политически вредную оценку государственным деятелям Казахстана. Они рассматривают казахских прогрессивных деятелей, шедших на сближение с Россией, как врагов казахского народа, а деятелей, ратовавших за сближение с Китаем, Джунгарией, Хивой, Кокандом против России, всячески восхваляют за их «мудрую политику». «В настоящей книге, — пишут составители, — дан большой фактический материал, характеризующий предательскую роль в отношении своего народа, какую сыграли верхи казахского общества в деле его колониального порабощения» (с. 10. «Письма» в ЦК КП(б) Казахстана). В предатели зачислен хан Абульхайыр, добившийся присоединения Казахстана к России.

Составители неоднократно подчеркивают, что хан Абульхайыр обманул народ, пошел на подчинение России вопреки интересам казахского народа (с. 153, 155).

Очернив хана Абульхайыра, составители делают в заключение такой вывод: «Ни одна из поставленных Абульхайыром задач не была выполнена. Более того, его попытка опереться на царское правительство и привести казахские ханства к подданству России вызвала противодействие и осуждение не только большей части его современников, но и потомков» (с. 161).

Одновременно в книге восхваляется хан Аблай, который, приняв для виду русское подданство, в то же время признал себя и подданным китайского императора и, оказавшись между двух сильных государств, не смог правильно ориентироваться и вел двучинную и противоречивую политику. Эта политика ничего кроме вреда казахам не принесла. Авторы вынуждены признать, что положение народных масс в это время сильно ухудшилось. Однако они утверждают, что, «несмотря на это, государственная деятельность Аблая соответствовала интересам казахского народа» (с. 169). Аблай характеризуется как мудрый дальновидный политик, храбрый воин и т. д. (с. 164). По мнению авторов книги, он «лучше многих других ханов понимал положение и политические задачи, стоявшие перед казахским народом» (с. 165), хотя факты не подтверждают этого. Даже такому политическому авантюристу, как султан Каратай, который думал единственно о захвате ханской власти и с этой целью боролся против России, составители книги дают благожелательную, положительную оценку.

Обвиняя Абульхайыра за переход в подданство России, составители истории Казахстана в националистическом духе идеализируют прошлый государственный строй казахов. Они освещают дело таким образом, будто казахские ханства были способны отстоять независимость Казахстана и лишь нежелание ханов поднимать народ на борьбу и их корыстные интересы привели Казахстан к потере независимости. Подобное толкование вопроса о прочности и мощи казахских ханств является антинаучной попыткой преувеличить уровень казахской государственности и тем самым изобразить Россию в роли ликвидатора казахских государств. На самом деле казахская государственность вплоть до присоединения Казахстана к России находилась в зачаточном состоянии.

Следуя своему основному тезису, что Россия — злейший враг казахов, авторы «Истории» установили ненаучную периодизацию истории казахского народа. Составители делят всю историю дореволюционного Казахстана на две части: Казахстан в период независимости (с древнейших времен до середины XIX века) и Казахстан — колония (с середины XIX века до Октябрьской революции). Такое деление противоречит действительной истории казахского народа. Общеизвестно, что Казахстан до подчинения России десятки раз подвергался завоеваниям и порабощению. Только татаро-монголы около 200 лет держали в порабощении Казахстан. О какой же независимости Казахстана могла идти речь в тот период? Таким образом, авторы без всяких к тому оснований считали многовековый период завоеваний Казахстана варварскими племенами периодом независимости.

Взаимоотношения Казахстана и Башкирии с Россией рассматриваются крайне односторонне, почти исключительно в плане колониального гнета. При этом авторы замалчивают прогрессивную роль России в отношении стран Востока (влияние на переход от кочевого скотоводства к земледелию и оседлости, проникновение более высоких форм быта, культуры и т. д.). Энгельс в письме к Марксу писал по этому поводу: «...господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» (Из письма Энгельса от 23. V. 1851 года).

Основное содержание истории казахов и башкир составители свели к описанию восстаний казахов и башкир против России. При этом авторы тщательно регистрируют всякое движение против русских, какие бы цели оно ни ставило, кем бы оно ни вдохновлялось и какие бы ничтожные размеры оно ни принимало. Так, в «Очерках по истории Башкирии» составители описывают «движения» 1572 и 1581 гг. В первом из этих «движений» участвовало человек 120, во втором — около 700, среди которых башкир было меньшинство.

Составители зачисляют в «народные движения» действия обычных разбойничьих шаек, разорявших без разбору как русские, так и башкирские и казахские поселения и аулы. С другой стороны, составители не отличают действительно народные движения от движений, вдохновлявшихся и направляемых рукой злейших врагов башкирского и казахского народов — ногайских и татарских ханов, джунгарских, ойротов и т. д. Так, восстание башкир 1662—1665 гг. вдохновлялось и руководилось крымским ханом, а также сибирским царевичем Кучуком. «Движение казахского народа» против России в 1855—56 гг., во главе которого стоял авантюрист бий Есет Котибаров (кстати сказать, превозносимый составителями как «храбрый батыр» и пр.), руководилось хивинским ханом. Есет был агентом Хивы в Казахстане. Среди казахов он не пользовался никакой поддержкой. Все его «войско» состояло из 1500 человек.

Прямым следствием такого построения истории является игнорирование авторами «Истории Казахской ССР» общественных и политических отношений у казахов. Составители не дали развернутой характеристики ни социальному, ни политическому строю в Казахстане XVIII и XIX веков, а лишь ограничились беглыми замечаниями по этому вопросу. Осталось не вскрытым, по существу, развитие классовых противоречий и классовой борьбы внутри казахского народа за этот период. В связи с этим создается ложное представление о существовавшем якобы единстве всех слоев казахского народа, независимо от их социального положения, идеализируется патриархально-феодальный общественный строй казахов. Вся внутренняя борьба в Казахстане рассматривается преимущественно не как результат классовых противоречий, а как борьба сторонников и противников сближения с Россией.

Авторы работ по истории Казахстана и Башкирии не учли важнейших принципиальных указаний товарища Сталина, содержащихся в книге «Марксизм и национально-колониальный вопрос», запутали вопрос о характере восстаний казахов и башкир против царизма.

Объединение многих народов в едином многонациональном Российском государстве произошло в форме подчинения всех народов России господствующему классу русской нации. Это объединение и не могло произойти иначе, в условиях классового эксплуататорского общества.

Эта насильственная форма объединения народов России естественно вызывала отпор со стороны угнетенных национальностей. Они поднимались на национально-освободительную борьбу. Национально-освободительные движения угнетенных царизмом народов были постольку прогрессивны, поскольку они были направлены против национального гнета и сливались с борьбой трудящихся масс русского народа против самодержавно-крепостнического строя.

Эти общеизвестные положения марксизма не учтены авторами трудов по истории Казахстана и Башкирии.

Таким образом, в указанных работах по истории Казахстана и Башкирии авторы отошли от ленинизма в вопросе о взаимоотношениях народов, населяющих нашу страну, рассматривая присоединение казахов и башкир к России как абсолютное зло и изображая Россию злейшим врагом этих народов. Ошибочные установки авторов этих работ дают идейное оружие буржуазным националистам в их борьбе против ленинско-сталинской политики укрепления дружбы народов Советского Союза.

* * *

Институт истории Академии наук СССР и «Исторический журнал» превратились в замкнутые организации, оторванные от широких кругов историков.

Руководящие работники Института истории навязали историческим кадрам вредный антинаучный метод «артельной» работы по составлению исторических трудов — бригадой, скопом, ввиду чего советской общественности становятся известными лишь имена редакторов трудов по истории, а многочисленные кадры действительных авторов этих трудов остаются в тени. Таким путем были составлены: «История Казахстана» (под редакцией Абдыкалыкова и Панкратовой), учеб-

ник для средней школы по истории СССР (под редакцией Панкратовой), сборник «Двадцать пять лет советской исторической науки» (под редакцией Волгина²⁵, Тарле и Панкратовой), учебник по истории СССР для вузов т. 1 (под редакцией Лебедева, Грекова и Бахрушина) и т. 2 (под редакцией Нечкиной). «Партизанская борьба в освободительных войнах Запада» (под редакцией Тарле). Труды молодых историков длительное время не рассматриваются и не продвигаются в печать Институтом истории. Так, например, двухтомная работа способного молодого историка Кожухова²⁶ «Об Отечественной войне 1812 года» в течение трех лет не рассматривалась и не обсуждалась в Институте истории.

Ввиду того, что к активной самостоятельной научной работе не привлекаются широкие круги молодых историков, многие важнейшие вопросы исторической науки не разрабатываются, остаются втуне. К числу таких вопросов относятся прежде всего история нашей Родины за время советской власти и история большевистской партии, историки не создали ни одного серьезного научного труда по таким важным периодам истории советского государства, как восстановление хозяйства после гражданской войны, период индустриализации СССР, коллективизации. Советские историки до сих пор не удосужились основательно разоблачить фашистскую фальсификацию истории, измышления немцев об историческом развитии славянских народов, не создали собственных исследований по истории славянских народов.

В «Историческом журнале» и в Институте истории не обсуждаются и не подвергаются критике работы советских историков. Среди историков существует взаимная амнистия и недопустимая для большевиков терпимость к ошибкам исторического и принципиального характера. Так, Панкратова ни разу не выступила с критикой ошибок, содержащихся в работах Бахрушина, Яковлева, Тарле и других историков. Со своей стороны, указанные историки закрывают глаза на различного рода нелепости и ошибочные положения, содержащиеся в работах Панкратовой. Понятно, что подобная, совершенно ненормальная обстановка, существующая ныне в Институте истории, серьезно тормозит дальнейшее развитие исторической науки.

Ввиду явного неблагополучия в области исторической науки и вредного влияния на молодые кадры историков и на учащихся средней школы и вузов ошибочных взглядов некоторых советских историков требуется основательно поправить положение дел в Институте истории Академии наук СССР и в «Историческом журнале».

Г. Александров
П. Поспелов
П. Федосеев

Послано т. т.: Щербакову, Швернику, Михайлову, Киселеву, Шамбергу, Ицкову, Александрову, Яковлеву, Шкирятову, Федосееву.

Товарищу АНДРЕЕВУ А. А.
Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.
Товарищу ЩЕРБАКОВУ А. С.

В дополнение к записке «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков» представляем Вам материал о великодержавно-националистических ошибках историков СССР. Ошибки эти допущены главным образом не в печатных трудах, а в устных выступлениях историков и в рукописях статей.

Г. Александров
П. Поспелов
П. Федосеев

Секретарям ЦК ВКП(б) тов. АНДРЕЕВУ А. А.
тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.
тов. ЩЕРБАКОВУ А. С.

О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков

Просмотр стенограмм публичных выступлений некоторых историков и других материалов показывает, что в лекциях и публичных выступлениях, а также в рукописях статей ряда историков, особенно — Яковлева и Тарле проявляются настроения великодержавного шовинизма, обнаруживаются попытки пересмотреть марксистско-ленинское понимание русской истории, оправдать и приукрасить реакционную политику царского самодержавия, противопоставить русский народ другим народам нашей страны, принизить роль народных масс в истории и опорочить народные движения против самодержавия.

Так, проф. Яковлев на заседании 7. I—44 г. в Наркомпросе заявил: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника. Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется, неправильным... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях».

Это заявление Яковлева есть явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам.

Некоторые кадетствующие историки, исходя из необходимости покончить с «узким» классовым подходом и классовой оценкой исторических явлений, требуют коренного пересмотра марксистских принципов исторической науки.

Академик Тарле в своей лекции, прочитанной в Саратове, заявил: «Сейчас происходит очень большой пересмотр вопросов, которые казались бы давно уже были решены». Академик Тарле предлагает пересмотреть и отказаться от «шаблонов» в исторической науке. Таким шаблоном он считает, например, известное положение марксизма-ленинизма о том, что царская Россия была жандармом Европы. Тарле пытается доказать, что монархия Александра I и Николая I проводила в период 1814—1859 гг. прогрессивную политику в Европе. «Когда, в самом деле, Россия всей своей колоссальной тяжестью, — говорит Тарле, — опрокинулась на либеральную Европу и ее задушила? Только в 1849 году. И это было единственный раз» (стеногр. от 25 февраля 1944 г.). С этой точки зрения Тарле оправдывает борьбу царизма с польским восстанием 1830—1831 гг.

Академик Греков в своем выступлении на совещании в издательстве Наркомата Военно-Морского флота заявил, что сейчас историки «отрезвели» и поняли, что государство и народ разделить невозможно. Отрезвление историков надо, очевидно, понимать как отказ от классовой оценки государства. «Когда Карамзин, — говорит Греков, — крупнейший человек своего времени, написал «Историю государства Российского», то наши либеральные историки обиделись — как это он пишет историю государства. В ответ на это появился довольно бездарный, но многотомный труд «История русского народа». Между тем эти две вещи совершенно неразделимы. Как можно народ от государства разделить?» Таким образом, академик Греков переносит отношения, сложившиеся в советской стране, — единство советского народа и советского государства — на историческое прошлое.

Как известно, вся кадетская и меньшевистская историография, исходя из этой же предпосылки о единстве государства и народа, объявляла всякое революционное движение антигосударственным и, следовательно, антиисторическим. Эта буржуазная точка зрения нашла откровенную защиту в писаниях некоего Аджемьяна²⁷

В статье, присланной в «Исторический журнал», Аджемян предлагает отказаться от рассмотрения исторических событий под углом зрения классовой борьбы, считая такой подход «детской болезнью левизны». Он далее предлагает пересмотреть установку по вопросу о революционной борьбе народов России. Аджемян определяет революционные восстания как реакционные, вследствие того, что эти восстания, по его мнению, подрывали силу самодержавной власти в России. Так, к реакционным восстаниям Аджемян относит крестьянские восстания Болотникова, Разина, Пугачева, а также движение декабристов.

«Желая выразить, — пишет Аджемян, — творческую роль народа, наша рассудочная историография льнула к образам Разина, Болотникова, Пугачева, Радищева, декабристов и опасалась деяний Дмитрия Донского, Ал. Невского, Ивана Грозного, Петра I, Суворова и других. Почему? Потому, что первые выступали против государства, вторые же наоборот, ратовали за укрепление и возвеличение государства. Первые разрушали, а вторые строили».

Говоря о восстании Пугачева, Аджемян указывает: «Их победа способна была поставить под удар политическую мощь России, могла вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия достойного зрелого преемника государства Романовых. При победе Пугачева Россия поверглась бы в пучину кровавого одичания» (цитируется по рукописи статьи автора в «Исторический журнал»).

Некоторые историки в буржуазном духе изображают значение преобразований Петра I. Так, проф. Сыромятников²⁸ в своей книге «Регулярное» государство Петра I и его идеология», изданной в 1943 г., скатывается на позицию отрицания дворянско-помещичьей сущности петровского абсолютизма. По мнению Сыромятникова, Петр I проводил антифеодальные мероприятия. «Особое внимание автора привлекли антифеодальные тенденции петровского законодательства», — пишет Сыромятников (с. 3).

К числу таких «антифеодальных мероприятий» Сыромятников относит: закон 1714 г. «О единонаследии», лишивший дворян права распоряжаться своими землями по собственному усмотрению; введение «Табели о рангах», которым будто бы Петр «объявил войну» стремлению дворянства замкнуться в особое сословие, «широко открыв в его ряды доступ для всех, кто бы какого звания не был»; военную реформу Петра, которая «вытащила дворян на службу», урезав их стремления засесть в приобретенных поместьях. К числу «антифеодальных мероприятий» Петра I Сыромятников относит поддержку купечества, промышленников.

Профессор Сыромятников игнорирует тот факт, что в действительности эти мероприятия соответствовали коренным интересам дворянского класса в целом, укрепляли государство дворян и купцов, хотя они и ущемляли права отдельных группировок феодалов и вызывали оппозицию со стороны реакционных групп дворянства.

Некоторое возрождение националистической идеологии у ряда историков тем более опасно, что оно связано с идеализацией буржуазно-демократического строя и надеждой на эволюцию советского государства к обычной буржуазной республике. Не случайно, профессор Яковлев А. И. в своей рукописи «Пособие для изучения приказов и речей товарища Сталина» пишет об Англии: «Великобритания является классической страной политической свободы». Эта идеализация буржуазных порядков и буржуазно-реставраторские взгляды получили развернутое выражение в «диссертации» некоего Сазонова²⁹, которую он представил в Институт экономики Академии наук. В своей рукописи «Введение в теорию экономической политики» Сазонов изображает экономическое сотрудничество СССР и капиталистических стран как включение СССР в систему капиталистических государств. Сазонов предлагает отменить монополию внешней торговли, широко открыть доступ в нашу страну иностранному капиталу, перевести 80% всех предприятий социалистической промышленности на акционерные начала с продажей акций главным образом иностранным капиталистам и т. д.

Главнейшие теоретические положения, развитые в рукописи, сводятся к доказательству того, что в советском хозяйстве действуют те же экономические законы, что и в капиталистических странах. Он стремится доказать, что поскольку в

СССР сохраняются торговля и деньги — они имеют тот же характер, что и при капитализме. Действие закона стоимости в СССР, по его мнению, ничем не отличается от действия закона стоимости в условиях капитализма. Предприятия социалистической промышленности ничем не отличаются по своей природе от предприятий капиталистической промышленности.

Эти реставраторские взгляды Сазонова находятся в прямой связи с буржуазно-кадетской идеологией некоторых советских историков.

Таким образом, в выступлениях некоторых историков возрождается великодержавно-националистическая идеология, враждебная ленинско-сталинской политике укрепления дружбы народов, берется под защиту реакционная политика царского самодержавия, делаются попытки идеализации буржуазных порядков.

Г. Александров
П. Поспелов
П. Федосеев

Примечания

1. ПАНКРАТОВА Анна Михайловна (1897—1957) — историк, член-корреспондент АН СССР (1939), академик (1953).
2. ЕФИМОВ Алексей Владимирович (1896—1971) — историк и этнограф, член-корреспондент АН СССР (1939); ТАРЛЕ Евгений Викторович (1875—1955) — историк, академик (1927); ЯКОВЛЕВ Алексей Иванович (1878—1951) — историк, член-корреспондент АН СССР (1929).
3. АБДЫКАЛЫКОВ Мухамеджан Абдыкалыкович (р. 1907) — в те годы секретарь ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде и агитации.
4. ПОКРОВСКИЙ Михаил Николаевич (1868—1932) — советский историк, партийный и государственный деятель, академик (1929).
5. МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859—1943) — русский политический деятель, историк, публицист. Член ЦК партии кадетов. В 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства.
6. ГРЕКОВ Борис Дмитриевич (1882—1953) — историк, академик (1935).
7. ФРИДЛЯНД Григорий Самойлович (1896—1937) — доктор исторических наук, профессор, декан Исторического факультета МГУ. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно; ВАНАГ Николай Николаевич (1899—1937) — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, Института красной профессуры. По поручению СНК СССР и ЦК ВКП(б) возглавлял группу авторов, готовившую учебник истории СССР, в состав которой входила и Панкратова. Расстрелян по ложному обвинению, реабилитирован.
8. РУБИНШТЕЙН Николай Леонидович (1897—1963) — профессор (1938), доктор исторических наук (1940).
9. БАЙЕР Готлиб Зигфрид (1694—1738) — немецкий историк, филолог, член Петербургской АН (1725). Основоположник норманской теории. ШЛЁЦЕР Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, филолог, статистик. На русской службе в 1761—1767 годах. Адъютант Петербургской АН (1762). МИЛЛЕР Герард Фридрих (1705—1783) — русский историк, по национальности немец. Член Петербургской АН (1731). В России с 1725 года. ГАКСТГАУЗЕН Август (1792—1866) — прусский чиновник, экономист. Путешествовал в 1843 г. по России. Исследовал ее аграрный строй и крестьянскую общину. КЛЕЙНШМИДТ Артур (1848—?) — немецкий историк, профессор Гейдельбергского университета.
10. ЩЕРБАТОВ Михаил Михайлович (1733—1790) — историк, публицист.
11. ПОГОДИН Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, член Петербургской АН (1841).
12. КОСТОМАРОВ Николай Иванович (1817—1885) — историк, писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1876). ГЕДЕОНОВ Степан Александрович (1815—1878) — историк, театральный деятель. ЗАБЕЛИН Иван Егорович (1820—1909) — историк, археолог, почетный член Петербургской АН (1907). МАРП Николай Яковлевич (1864—1934) — советский востоковед и лингвист, академик (1912).
13. БАХРУШИН Сергей Владимирович (1882—1950) — историк, член-корреспондент АН СССР (1939). ЛЕБЕДЕВ Владимир Иванович (1895—1966) — профессор.
14. ПЕКАРСКИЙ Петр Петрович (1827—1872) — историк культуры и литературы, библиограф, академик (1864). Автор «Истории АН в Петербурге». Тт. 1, 2. (СПб. 1870, 1873).

15. БОЛТИН Иван Никитич (1735—1792) — историк, государственный деятель. ЛЕКЛЕРК Николас-Габриель (1726—1798) — французский врач и историк.
16. ТАТИЩЕВ Василий Никитич (1686—1750) — историк, государственный деятель.
17. ЭВЕРС Иоганн Филипп Густав (1781—1830) — русский историк, по национальности немец. В России с 1803 года. Почетный член Петербургской АН (1826).
18. ВАЛЛОН Анри Александр (1812—1904) — французский историк и политический деятель.
19. ДЕРЖАВИН Николай Севастьянович (1877—1953) — филолог, академик (1931).
20. КАДЛЕЦ Карел (1865—1928) — чешский историк права. ИРЕЧЕК Константин (1854—1918) — чешский историк. АРНОЛЬД Эмануэль (1800—1869) — чешский общественный деятель, публицист. БАЛЬЦЕР Освальд Марьян (1858—1933) — польский историк. БУЯК Франтишек (1875—1953) — польский историк и экономист. НОВОТНЫЙ Франциск (1768—1826) — чешский лингвист и историк. БОБЖИНСКИЙ Михал (1849—1938) — польский историк и политический деятель.
21. НЕЧКИНА Милица Васильевна (1901—1985) — историк, профессор (1935), член-корреспондент АН СССР (1953), академик (1958).
22. ГОТЬЕ Юрий Владимирович (1873—1943) — историк, археолог, академик (1939).
23. ГОЛЬБАХ Поль Анри (1723—1789) — французский философ-материалист. ГЕЛЬВЕЦИИЙ Клод Адриан (1715—1771) — французский философ-материалист. ЛЕЙБНИЦ Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ-идеалист, математик, физик и языковед. РУССО Жан Жак (1712—1778) — французский просветитель, писатель и философ. МАБЛИ Габриель Бонно де (1709—1785) — французский коммунист-утопист. РЕЙНАЛЬ Гийом Томас Франсуа (1713—1796) — французский историк, социолог.
24. ШЕЛЛИНГ Фридрих Вильгельм (1775—1854) — немецкий философ-идеалист. ФИХТЕ Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий философ-идеалист. ГЕГЕЛЬ Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ-идеалист. ФЕЙЕРБАХ Людвиг Андреас (1804—1872) — немецкий философ-материалист и атеист.
25. ВОЛГИН Вячеслав Петрович (1879—1962) — историк, академик (1930).
26. КОЖУХОВ Сергей Иванович (1914—1978) — историк, директор Бородинского военно-исторического музея.
27. АДЖЕМЯН Хорен Григорьевич (1909—1968) — поэт, публицист.
28. СЫРОМЯТНИКОВ Борис Иванович (1874—1947) — историк, доктор юридических наук (1938).
29. САЗОНОВ Николай Иванович (р. 1898) — кандидат технических наук.

Восстание в Варшавском гетто

С. М. Меламед

Вооруженное выступление в Варшавском гетто — яркая и трагическая страница в истории движения Сопротивления. В СССР ей посвящено лишь несколько газетных статей и ученым еще предстоит устранимть это «белое пятно».

Гетто и лагеря смерти не являлись «импровизацией», вызванной войной. Антисемитизм был неотъемлемой частью нацистской идеологии. Преследуя и истребляя евреев, фашизм отработывал методы массовых убийств поляков, русских и других народов. Гитлеровцы грабили, избивали евреев, приказали им надеть повязки с шестиконечной звездой. Человек с такой звездой был мишенью для каждого встречного фашиста. Евреев лишили права служить в каких-либо учреждениях, учиться в школах, посещать парки и больницы — лишили шаг за шагом всех прав.

2 октября 1940 г. всем евреям Варшавы приказали переселиться в гетто — в кварталы еврейской и польской бедноты, причем полякам было предложено «подыскать» себе другое место жительства. 15 ноября завершилось строительство трехметровой стены, опутанной еще на метр в высоту колючей проволокой. В гетто согнали более 450 тыс. человек. Рабочим мастерских (шопов) хозяева-немцы платили за 11 часов каторжного труда 4—7 злотых в день, а килограмм хлеба стоил на рынке 10—25 злотых. Нормы продуктов, выдаваемых по карточкам, постоянно сокращались и упали до немыслимого уровня — 70 г глинистого, с примесью опилок и очисток хлеба в день¹, а часто вместо него выдавали лишь брюкву и гнилую картошку. Узники гетто сажали овощи на крышах, на мостовой, тайно торговали с поляками.

Польские подпольщики использовали даже бюрократические порядки фашистов, постановивших, что отходы из шопов могут вывозить лишь арийцы. За отходами приезжали члены Организации войсковой (ОВ) на откормленных конях (которые в гетто шли под нож), а возвращались на полученных в обмен голодных клячах. В строениях, примыкавших к домам на «арийской» стороне, монтировали водопроводные краны, через которые поступало на территорию гетто молоко для детей². Но это спасло немногих. 15 октября 1941 г. генерал-губернатор Польши Франк издал приказ, по которому и беглецов из гетто, и помогавших им поляков карали смертью³.

Петля голода захлестнула гетто. Лишь благодаря героическим усилиям воспитателей, таких, как Я. Корчак, удалось немного улучшить положение в части детских приютов. Врачи отчаянно боролись с эпидемиями. Но в больницах на одну койку приходилось укладывать двух или даже трех больных, многие лежали на полу. Большинство жителей гетто, обменяв вещи на хлеб и картошку, ходили в обветшавшей, изорванной одежде. Менялся облик людей, врачи отмечали бледно-синий цвет кожи, снижение веса взрослых людей до 40, 30 и даже 24 кг; многие умирали на улицах, часто трупы подолгу лежали, лишь прикрытые бумагой. От голода и эпидемий в гетто за 3 года умерли 96 тыс. человек⁴.

Некоторые считают восстание вспышкой отчаяния «смертников, которым нечего было терять». В действительности же оно было следствием организованного Сопротивления. В декабре 1939 г. возник

Меламед Семен Моисеевич — учитель-методист Ивантеевской вечерней школы (Московская область).

Еврейский военный союз (ЖЗВ). К участию в нем привлекли и председателя функционировавшего в гетто (с разрешения немцев) совета еврейской общины А. Чернякова. Известный инженер и педагог, он согласился возглавить общину, хотя мог эмигрировать. Стремясь любой ценой спасти людей, он противился активизации Сопротивления. Помогая ввести разведчиков ЖЗВ в ряд отделов общины, он в то же время препятствовал расширению союза, который имел пестрый политический состав — от социалистов до крайне правых «сионистов-ревизионистов». Союз был слабо связан с массами, и особенно с левым подпольем.

Еще в 1940 г. ЖЗВ получил от ОВ 34 пистолета, патроны, гранаты. ЖЗВ и ОВ переправили тысячи евреев в СССР⁵. В 1940—1941 гг. в гетто выходило 30 подпольных газет. После нападения гитлеровцев на СССР в гетто усилилась антифашистская агитация, появилась надежда на освобождение. В 1941 г. возник молодежный левосионистский союз для оказания помощи Красной Армии и спасения евреев от уничтожения нацистами, когда те станут отступать. Но фронт отодвигался на восток. Союз, не добыв оружия, распался⁶. Стали приходить вести о массовых расстрелах евреев под Вильнюсом, о душегубках в Хелмно. В подпольных группах шли острые споры. Коммунисты призывали к диверсиям и партизанской борьбе. Но против них резко выступали правые сионисты. В отличие от польской, буржуазная еврейская печать воздерживалась от грубых выпадов против СССР, но обвиняла коммунистов гетто в том, что их выступления дадут фашистам «повод» для уничтожения евреев⁷. Бунд предлагал начать общие с поляками выступления в будущем, по сигналу из Лондона. Левые сионисты считали, что евреи могут не дожить до этого, и полагали, что надо бороться в изоляции. Разные группы кое-что предпринимали, но в основном для них характерны сепаратизм, раскол и отчаяние.

В начале 1942 г. была создана Польская рабочая партия (ППР). В отличие от «лондонского подполья» с его лозунгом «ружье у ноги» ППР призвала к вооруженной борьбе. В гетто прибыл уполномоченный ЦК ППР Ю. Левартовский. В 30-е годы он работал в Еврейском бюро при ЦК Компартии Польши, много сделал для вовлечения еврейских рабочих в революционное движение. Контакт с другими партиями в гетто мешало взаимное недоверие, но Левартовский горячо агитировал за единство: «Нас разделяют мировоззренческие различия... будем бороться за наши идеалы в будущем, если доживем, но сегодня нас объединяет... надвигающаяся массовая смерть»⁸. В марте 1942 г. в гетто сложился антифашистский блок. В него вошли ППР и левые сионисты: Поалей-Сион, шомры, халуцы, массовый молодежный союз халуцев «Дрор»⁹. Вне блока остались «Общие сионисты», а также Бунд, разделявший антикоммунистические позиции правых социалистов из ВРН (Вольность, Рувность, Неподлежность). Блок призывал узников гетто к солидарности с польским Сопротивлением, с «Красной Армией и всеми... силами, которые стоят бок о бок с ней». Подпольщики гетто помогли организовать побег из тюрьмы Павиак пленных красноармейцев и польских патриотов. Блок направил около 100 человек в лес, но они почти все погибли¹⁰. В апреле 1942 г. гитлеровцы начали в гетто массовые казни. Поредевшие группы блока не успели подготовить восстание к началу самых страшных испытаний.

Между тем еще 20 января 1942 г. Гейдрих провел в Ванзее, под Берлином, конференцию, где обсуждался план «Эндлосунг» — «окончательного решения еврейского вопроса», и приказал с этой целью прочесать «Европу с запада на восток». Для истребления евреев построили лагеря смерти в Белжце, Собибуре, Хелмно, Трешлинке¹¹. 22 июля 1942 г. началась отправка товарных составов, забитых людьми, из Варшавского гетто в Трешлинку-II (Т—2). Первыми в вагоны загоняли больных, калек, стариков, нищих (хотя хватало и трудоспособных рабочих). Вывезли детей из 30 приютов. В Варшавском гетто удалось спасти лишь 600 детей¹². Всего в июле — сентябре 1942 г. в Трешлинку вывезли из Варшавского гетто 310 тыс. человек, еще 6 тыс. уничтожили на месте¹³.

Тех, кто еще мог работать, после «акции» гитлеровцы пересчитали, дали «номерки на жизнь». Их оказалось в гетто около 35 тыс., а вместе с укрывшимися от переписи — 60 тыс. человек¹⁴. Почему же 300 тыс. человек столь легко дали провести себя, сдались врагу без борьбы? Ведь палачей было очень мало — 50 эссовцев, 200 украинских, 200 латышских и кучка литовских аскаров, власовцы¹⁵. Прежде всего, нацисты применили тщательно разработанную тактику проведения «акции». Они опровергли слухи о ней, смягчили режим в гетто, разрешили открыть там школы. Поначалу «акцию» нацисты выдавали за организованный выезд в «трудовые лагеря». Когда же было объявлено, что семьи, явившиеся добровольно для отправки в эти лагеря, не будут разлучены и каждый получит 3 кг хлеба, то многие сами встали в очередь к транспорту. В Трешлинке поезда встречал оркестр, виднелись надписи «На Белосток», «Билетная касса»...

Голод, террор, унижения сломили многих узников гетто. Фашисты использовали соглашательство общины и предательство геттовской полиции. Правда, некоторые полицейские покончили с собой, но большинство ревностно участвовало в облавах и погрузке людей в транспорты. В сентябре часть полицейских тоже отправили в Т—2. Печать ППР писала и еще об одной причине пассивности узников гетто —

«сознании, что... их окружает... неприязнь значительной части» поляков. Газета польских фашистов «Do bronі» в 1942 г. призывала «создать Польшу без евреев»¹⁶. Спекулянты, уголовники, люмпены доносили на беглецов из гетто.

Гетто было практически безоружно. Немного оружия имел только ЖЗВ. 21 июля 1942 г. собрался его штаб: все, даже Черняков, считали, что надо поднять восстание, хотя оно и обречено на поражение. Но два раввина, ссылаясь на Библию, переубедили собравшихся. К тому же в результате «акции» ЖЗВ оказался отрезанным от складов оружия¹⁷. Бундовец З. Фридрих был направлен вслед одному из транспортов и, вернувшись, рассказал в гетто правду о Трелбинке. Бунд расклеил листовки «Переселение — это смерть», но измученные узники гетто не верили листовкам. Черняков покончил с собой.

23 июля на совещании 16 подпольных партий и союзов, действовавших в гетто, Левартовский призвал атаковать полицию гетто, штурмовать ворота, прорываться в леса в надежде на помощь поляков. За восстание были также «Дрор» и шомры. Но лидеры партии «Общие сионисты» твердили, что смерть грозит «лишь 60 тыс. нетрудоспособных, а в случае восстания немцы перебьют 400 тысяч». Клерикал З. Фридман (партия «Агуда») заявил: «Мы должны ждать... чуда, прихода союзников, Красной Армии, а пока не давать немцам повода для расправы». Большинство отвергло идею восстания и приняло предложение Бунда обратиться за помощью к Западу¹⁸.

Но когда швейцарский сионист Т. Ригнер сообщил госдепартаменту США о существовании лагерей смерти, никакой реакции не последовало¹⁹. Бездействовали папа Пий XII, Международный Красный Крест, сионисты Запада. В ночь на 21 августа и на 2 сентября 1942 г. советская авиация совершила налеты на военные объекты в Варшаве. Некоторые узники гетто воспользовались суматохой и бежали. Одна из узниц записала в дневнике: «Армия СССР... послала своих летчиков за сотни километров, чтобы помешать ужасному гитлеровскому злодеянию и противостоять молчанию Запада»²⁰.

После провала совещания 16 партий левые, несмотря на большие потери, стали действовать самостоятельно. Связник шомров А. Вильнер вступил в контакт с АК и обратился с просьбой о предоставлении оружия, но получил отказ. ОВ в дни «акции» доставила подземным туннелем оружие для ЖЗВ, вывела за стену гетто около 500 человек. Гитлеровцы с помощью предателей узнали об этом и взорвали туннель (ЖЗВ казнил предателей)²¹. ППР призывала евреев разоружать конвоиров и бежать. Но у ППР еще не было оружия. В августе пэпэровцы передали в гетто один (!) револьвер, из которого был ранен шеф полиции гетто Шеринский. Этот выстрел вывел часть узников гетто из летаргии.

Неудачной оказалась встреча Левартовского с Т. Беднарчиком из ОВ, который счел план восстания нереальным²². После гибели Левартовского организацию ППР в гетто возглавил инженер Э. Фондаминский. 20 октября возникла единая Еврейская боевая организация (ЖОБ) во главе с 23-летним шомром М. Анелевичем, еще до войны выступавшим за союз с комсомолом. В ЖОБ вошли представители ППР, Поалей-Сион, Боевая организация, которую создали шомры, «Дрор» и союз религиозной молодежи «Акиба». Был создан и политический союз — Еврейский национальный комитет (ЖКН). В ноябре в ЖОБ вступил Бунд. Каждая ячейка ЖОБ состояла из членов одной партии²³. Ядро организации составляла рабочая молодежь, готовая бороться и погибнуть.

Польское подполье осенью 1942 г., несмотря на тяжелые потери, активизировало диверсионные акции против фашистов и помощь узникам гетто. Католический фронт возрождения Польши (ФОП) издавал брошюры и листовки, призывающие помочь евреям: «Кто молчит перед лицом убийства, становится соучастником убийцы». По инициативе лидера ФОП З. Коссака, был создан временный Комитет, спасший сотни человек. В декабре возник многопартийный Совет помощи евреям (Жегота) во главе с Ю. Гробельным (от ВРН). Ряд его деятелей (например, М. Арчинский из Демократической партии) тайно от Делегатуры (подпольное представительство эмигрантского правительства) установил связь с ППР для оказания помощи гетто. В рядах Жеготы активно сотрудничали рабочие (особенно транспортники, имевшие пропуск в гетто электрики и сантехники), представители интеллигенции, ксендзы, монахи, крестьяне.

Жегота изготовила 50 тыс. «левых» документов, находила беглецам из гетто убежища²⁴. Всего в Варшаве было спасено 20 тыс. евреев, а по всей Польше — 100—120 тыс. (из 3 млн.)²⁵. Многие поляки за помощь евреям заплатились свободой и жизнью. ЖОБ, ЖКН и Жегота стремились поведать миру правду о злодеяниях нацистов. В декабре 1942 г. курьер АК Я. Карский встретился с Черчиллем, а затем и Рузвельтом, передал драматический призыв подпольщиков гетто к еврейским лидерам Запада: «Пусть откажутся от еды... пусть умрают медленной смертью... Может, это потрясет совесть мира»²⁶. 17 декабря в ответ на ноту польского МИД в Москве, Лондоне и Вашингтоне была опубликована Декларация 12 союзных правительств, предупреждавшая, что виновники злодеяний не уйдут от возмездия²⁷. В гетто вышло подпольное коммюнике о Декларации.

Узники гетто напрасно ждали, что за словами последуют дела. В конце 1942 г., уже после гибели

большинства польских евреев, сионисты Запада начали оказывать денежную помощь польскому эмигрантскому правительству, переславшему эти средства Жеготе и ЖКН²⁸. В ноябре 1942 г. командующий АК издал приказ о помощи ЖОБ. Офицер АК Э. Левандовский устроил для ЖОБ курсы по изготовлению мин, бомб, бутылок с зажигательной смесью. В декабре 1942 — январе 1943 г. АК передала ЖОБ 20 пистолетов, немного патронов, тротил. Но к просьбам ЖОБ о поставках оружия часть аковцев относилась сдержанно, сомневаясь, станут ли евреи драться²⁹.

9 января 1943 г. прибывший в Варшаву Гиммлер посетил гетто. Через некоторое время он приказал провести до 15 февраля новое «переселение»³⁰. 18 января фашисты предприняли еще одну «акцию». Шеф СС и полиции Варшавы Ф. Заммерн бросил на гетто до тысячи жандармов и аскаров, поддержанных «си-ней» (польской) полицией, с приказом вывезти сначала 16 тыс. человек, ЖОБ была застигнута этим врасплох, но твердо решила не допустить новых селекций и «переселений».

Группа Анелевича вступила в бой, имея лишь 5 револьверов, 5 гранат, зажигательные бутылки, ломы и палки. В боях участвовал и ЖЗВ. Нацисты ввели в гетто легкие танки, орудия, пулеметы, но смогли вывезти лишь 6500 узников. В ходе проведения второй «акции» гитлеровцы уничтожили 1171 человека, но и сами понесли потери (до 20 убитых и 50 раненых). 22 января Заммерн отвел войска. Город облетели слухи о сотнях убитых в гетто фашистов, о боях ЖОБ с танками. Но организация была слабо подготовлена к боевым действиям и кроме того не имела связи с ЖЗВ. Часть членов ЖОБ, не имея оружия и связи со штабом, не участвовала в боевых действиях. Хотя боевое подполье гетто и одержало моральную победу, потери его были огромны: из 50 групп ЖОБ уцелело только пять³¹. 16 февраля последовал приказ Гиммлера уничтожить гетто, чтобы район «для 500 тысяч недочеловеков... исчез с лица земли. Иначе мы никогда не успокоим Варшаву»³².

Штаб ЖОБ проанализировал свои ошибки, создал новые боевые группы, которые перешли на казарменное положение. Голодные люди рыли туннели, построили 630 бункеров. «Среди ночи раздавались скрежет пил, стук молотков, удары кайл»³³. ЖОБ позаботилась и о моральном климате в гетто. Она боролась с уголовниками, казнила многих агентов гестапо, совершила «экссы» у богачей в кассе и банке общины. Средства эти шли на вооружение. Под руководством бундовца М. Клепфиша и других инженеров был налажен выпуск взрывчатки, мин, зажигательных бутылок. ЖЗВ выпускал гранаты — «филиппинки», ремонтировал попавшее в гетто венгерское оружие. Инженеры изобрели трубы-западни, позволявшие, уходя от погони, «проваливаться под землю». Главным же источником получения оружия стала помощь поляков. ОВ-КБ передал ЖЗВ 2 станковых, 3 легких, более 10 ручных пулеметов и по 20 автоматов, винтовок, карабинов, 100 пистолетов, 1 тыс. гранат, патроны³⁴. В рядах ППР помощь гетто возглавил Ф. Ленчицкий. «Перед восстанием, — вспоминал он, — я поставил в гетто почти все оружие», имевшееся у ППР в Варшаве³⁵.

АК после январских боев в гетто под давлением Жеготы и своих низов усилила контакты с ЖОБ. В феврале командующий АК С. Ровецкий приказал своим частям помочь тем гетто в стране, которые стремятся к борьбе. Связник Вильнер передал руководству АК, а в общих чертах — и Гвардии Людовой (ГЛ) план обороны бункеров. Командир варшавской АК А. Хрусьцель приказал группе по руководству диверсиями разработать план акций АК в помощь ЖОБ, но многие реакционные офицеры АК саботировали эти приказы. Все же в феврале АК достала ЖОБ десятки пистолетов, сотни гранат, патроны, взрывчатку, бомбы с часовым механизмом, автомат, ручной пулемет³⁶.

13 марта фашисты вновь ворвались в гетто, начали грабить и стрелять, но получили отпор: бойцы ЖОБ убили нескольких фашистов. Однако вечером немцы вновь ворвались в гетто и истребили 200 человек³⁷. Анелевич с тревогой сообщил Делегатуре: «В последние недели мы израсходовали много боеприпасов». Он просил доставить «по крайней мере, 100 гранат, 50 пистолетов, 10 винтовок, несколько тысяч патронов»³⁸. Но Вильнер, который уже много месяцев ежедневно ходил за стену гетто и обратно, в начале марта был схвачен гитлеровцами, и АК, боясь провала, свернула контакты с ЖОБ до 13 апреля³⁹. Накануне восстания и АК, и ГЛ покупали оружие для ЖОБ на черном рынке⁴⁰.

ЖОБ и ЖЗВ в марте начали переговоры между собою и поделили оперативный район. ЖЗВ передал ЖОБ немного оружия. В ЖОБ в апреле входило около 500, в ЖЗВ — 250 бойцов⁴¹. На каждого повстанца приходилось по пистолету, 10—15 патронов, 5 гранат, 5 зажигательных бутылок, на участок по 3 винтовки. По подсчетам С. Краковского, ЖОБ и ЖЗВ имели 10 пулеметов, 20 винтовок, 25 автоматов⁴², часть оружия была расплылена по мелким группам. Настроение бойцов выразил Вильнер: «В живых никто из нас не останется. Хотим спасти человеческое достоинство»⁴³.

Фашисты избрали для своей «акции» 19 апреля 1943 года. В эту ночь начиналась иудейская пасха. Уничтожением гетто каратели хотели также сделать подарок Гитлеру ко дню его рождения, они планировали провести третью «акцию» за 3 дня и сосредоточили для участия в ней более двух тысяч солдат и офицеров, а с подкреплениями из других гарнизонов их было около 5 тыс. Несколько недель они проходили

особую выучку. Гитлеровцы применили авиацию, артиллерию, броневики, танки, 82 пулемета. В первый день «акции» силой огня они превосходили повстанцев в 100 раз⁴⁴. В ночь на 19 апреля, кроме ненадежных «синих», вокруг стены гетто через 25 м были установлены патрули из немцев и аскаров, размещены пулеметные гнезда⁴⁵. Командиры ЖОБ раздали бойцам гранаты, патроны, зажигательные бутылки, продукты и яд.

Перед рассветом, горлая песни, в гетто ворвалось около 900 карателей Заммерна. Перед собой они гнали полицию гетто (отказавшихся расстреляли, позже уничтожили и остальных), за ней двигались мотоциклы, танки, броневик, грузовики с пехотой, вооруженной пулеметами. Но в восточной части гетто, на улице Налевки, повстанцы забросали врага гранатами и вынудили к бегству, прибывшие солдаты подкрепления с огнеметами тоже отступили. ЖОБ потерь не понесла. На улице Заменхофа немцы наступали под прикрытием трех легких танков, два из них были подожжены повстанцами. Отступление фашистов вызвало взрыв энтузиазма. Анелевич писал за стену новому связнику халуцу И. Цукерману: «Мечта моей жизни сбылась. Еврейская самозащита в гетто стала фактом»⁴⁶.

Гиммлер срочно заменил Заммерна генералом Ю. Штроопом, который увеличил личный состав карателей на 50%, выдал «для бодрости» вино и снапс, ввел в бой новые танк и броневик, 4 орудия. Фашисты наступали под прикрытием танков и артогна. Понеся потери и истощив запасы амуниции, повстанцы с горящих крыш и чердаков отступили в подвалы, каналы и бункеры. Штрооп приказал затопить канализационную сеть⁴⁷. Фашисты ворвались в больницу и подожгли ее, больных бросали в огонь, роженицам вспарывали животы, младенцам разбивали головы о стены⁴⁸. Вечером Штрооп отвел войска из гетто, усилив сторожевое охранение вокруг его стен.

20 апреля начались бои в северо-восточной части гетто, на Мурановской площади, где ЖЗВ вывесил польский и еврейский флаги. Здесь вспыхнул жестокий бой. Сорвавший флаги офицер СС был убит, за что Штрооп приказал расстрелять сотни схваченных узников гетто⁴⁹. Западнее, на улице Милой, где сражались металлсты, ткачи, грузчики, бывшие красные спортсмены, взвилось красное знамя. Повстанцы стояли насмерть, с ожесточенным защитая узкие, кривые улочки варшавской бедноты. Юго-восточный район щеточных фабрик удерживали 5 групп ЖОБ во главе с бундовцем М. Эдельманом. Штрооп бросил сюда 300 карателей, но повстанцы включили контактную мину и взорвали более 20 фашистов. Немцы здесь даже высылали парламентаров, предлагая 15-минутное прекращение огня, а потом открыли ураганный орудийный огонь. «Вспыхнули... пожары, которых никто не гасил». Клепфиш, спасая товарищей, закрыл собой дуло автомата. Этот подвиг повторила 17-летняя коммунистка Х. Рохман, 18-летний бундовец Д. Хохберг⁵⁰.

В южном районе группа ППР А. Шварцфуса подбила немецкий танк. К вечеру в одной из групп из 56 бойцов уцелело только 14. Участник боя у шопов писал: «Женщины подавали гранаты... Я смотрел на спокойные лица женщин... решившихся на достойную смерть». Штрооп был удивлен участием в боях девушек-халуцев: «Они нередко стреляли из двух пистолетов... и я приказал девушкам... добивать очередями из автоматов»⁵¹. 21 апреля бои шли почти по всему гетто. Бойцы безуспешно атаквали его стену, понеся тяжелые потери. Самолеты бомбили гетто. Фашисты подожгли многие дома. Повстанцы часто меняли позиции, перебегая по крышам, по узким мосткам на большой высоте. ЖОБ поддерживала среди узников гетто дисциплину, боролась с паникой, налаживала распределение продуктов в бункерах.

О восстании знала вся Варшава. Жители ее видели сновавшие немецкие кареты скорой помощи, слышали залпы, наблюдали пламя над гетто. В городе ходили слухи о взятых повстанцами в плен немцах и захваченном танке, о тысячах убитых фашистов, о «еврейской Жанне д'Арк», которая поливала врага пулеметным огнем, сама неуязвима для пуль. В ночь на 22 апреля немцы подожгли целые кварталы гетто. «Евреи, охваченные пламенем... целыми семьями выпрыгивали из окон». Штрооп приказал расстреливать уцелевших. Рушились балки, этажи, плавился асфальт. Над Варшавой стоял смрад от горящих тел, не умолкали крики и стоны. «Не может быть, чтобы это кричали люди», — говорили обыватели, плотно закрывая окна. А иные бежали к стене гетто «на зрелище»⁵². В эти дни погромная агитация нацистов достигла апогея: все стены, столбы, трамваи были облеплены антисемитскими плакатами, лозунгами, карикатурами. За выдачу евреев Штрооп обещал 1/3 их денег, и предатели находились⁵³. Но даже газета польских антисемитов «Miec i rufug» вынуждена была признать, что немцы в боях проявляют трусость, а «еврейского солдата характеризует отвага»⁵⁴.

Польские патриоты спешили на помощь восставшим. 19 апреля группа КБ доставила им 4 автомата, гранаты, патроны для ЖЗВ и участвовала в боях на Мурановской площади. Пожарники, связанные с КБ, более 10 раз доставляли в гетто боеприпасы, вывели группу его узников за стену, помогли группе повстанцев выбраться из горящего дома⁵⁵. 19 апреля отряд АК Ю. Пшенного пытался подорвать стену гетто, пробить в ней проход, но неудачно. 20 апреля группа ГЛ Ф. Бартошка, не понеся потерь, уничтожила тяжелый пулемет врага. Гвардия Людова поставила в гетто в дни восстания 25 винтовок и тысячи патронов. В

ночь на 22 апреля ее группы разрушили железнодорожные пути и подожгли вагоны военного транспорта. Днем отряд АК Венцовского рассеял группу аскаров, что позволило некоторым узникам бежать за стену. 23 апреля группа командира варшавской ГЛ Х. Штернхела сожгла полицейский автомобиль, уничтожив 4 или 5 фашистов. Группа АК Левандовского ликвидировала фашистский пост.

На посты у гетто нападали и другие группы ГЛ, АК, а также ВРН и левых социалистов. 13—16-летние харцеры во главе с Я. Козловским доставляли в гетто оружие и продукты и вывели за стену десятки его узников⁵⁶. Анелевич писал: «Известия... что ППР-овцы атаковали немцев, а радиостанция «Рассвет» (в Англии. — С. М.) передала прекрасную передачу о нашей самообороне, наполняют меня чувством признательности». За стену гетто пришло воззвание ЖОБ к полякам: «Среди грома пушек, дыма пожаров и моря крови умерщвляемого гетто шлем вам братское сердечное приветствие... Ведется бой за нашу и вашу свободу!»⁵⁷ А Штрооп с тревогой доносил, что его отряды «постоянно обстреливаются... с арийской стороны... Удалось схватить 35 польских бандитов, коммунистов, которых тут же ликвидировали... Бандиты погибли с возгласами «Да здравствует Польша! Да здравствует Москва!»⁵⁸.

Акции солидарности воодушевляли восставших, но не меняли соотношения сил. 21 апреля штаб ЖОБ утратил связь с ЖЗВ. 23 апреля прервалась связь с группами, действовавшими у южной стены гетто. Тяжелые потери (план ЖОБ предвидел это) вынудили изменить тактику. 23 апреля Анелевич пишет Цукерману: «Сегодня переходим к партизанской тактике». Начался второй этап восстания — защита бункеров и проведение внезапных атак. Повстанцы ушли под землю, а ночью группами по 10 человек, одетых в немецкую форму, нападали на фашистские патрули, добывали оружие, вели разведку⁵⁹. Но и гитлеровцы сменили тактику. 23 апреля Гиммлер приказал ускорить «акцию». Штрооп решил сжечь одно за другим каждое здание в гетто и направил туда 24 усиленных штурмовых отряда.

24 апреля штаб ЖОБ восстановил связь со своими группами. Но в районе шопов узники гетто, сломленные отчаянием, согласились пойти на площадь Умшлагплац, откуда отправлялись транспорты в Треблинку и Майданек⁶⁰. 25 апреля началась католическая пасха, и Штрооп, ревностный католик, дал палачам отдых — «акция» возобновилась в 13 часов. Фашисты снова бомбили гетто. Пожар вызвал взрыв повстанческого склада боеприпасов⁶¹. Погибла группа разведчиков ЖОБ. 26 апреля при обороне бункеров было убито более 360 повстанцев, 27 апреля фашисты затопили бункеры у шопов. На улице Милой повстанцы еще смогли эвакуировать мирных жителей, спасая их от пожара. Но горели уже 20 из 26 улиц гетто⁶².

«Приближаются наши последние дни... Помогите тем, кто в последний час спасется, чтобы продолжать борьбу», — писал за стену гетто Анелевич. 27 апреля ЖОБ в обращении к Делегатуре упрекает ее в нарушении обещаний. «Обращаюсь... в последний момент... с горячим призывом о немедленной вооруженной помощи»⁶³. Очевидно, штаб ЖОБ считал помощь АК недостаточной перед лицом истребления узников гетто. Некоторые члены Жеготы предлагали штабу АК поднять восстание поляков, но он считал это невозможным. Бойцы гетто первыми ощутили на себе последствия раскола польского подполья.

Однако ГЛ и КБ продолжали оказывать помощь повстанцам. 26 апреля ЖЗВ восстановил засыпанный туннель на Мурановской площади. 27 апреля по нему в гетто проникли 18 бойцов КБ Х. Иваньского с оружием. Бойцы ЖЗВ и КБ при поддержке группы ЖОБ приняли бой с фашистами и аскарами, наступавшими при поддержке 2 танков и 2 броневиков. Один танк подбили повстанцы из группы ЖОБ, другой — 12-летний мальчик. Отступив с большими потерями, фашисты вызвали авиацию. Бой длился до темноты. Погибли почти все командиры и десятки бойцов ЖЗВ. Уцелевшие члены КБ, израсходовав боеприпасы и уходя туннелями, вывели 30 женщин, детей, раненых. Группы ЖЗВ прикрывали отход⁶⁴.

ЖОБ, готовясь к бою не на жизнь, а на смерть, не обеспечила путей отхода. Но в ночь на 29 апреля коммунисты В. Гаик и Ф. Ленчицкий вывели подземными каналами 40 членов ЖОБ из района шопов и переправили их в леса. Шомры Р. Фуден и С. Барчиньский вернулись за товарищами, но погибли. Еще одна группа повстанцев прошла по каналам, но была перебита при выходе из них. В ту же ночь фашисты опять бомбили гетто, взрывали и засыпали канализационные люки⁶⁵. 30 апреля коммунист Шварцфус проник за стену гетто для восстановления связей и вернулся в горящее гетто, а группа КБ Беднарчика доставила патроны и гранаты для ЖЗВ. 30 апреля С. Ратайзер по приказу штаба ЖОБ тоже проник за стену, но узнал от Цукермана, что «помощи извне ждать нечего» (вероятно, от АК)⁶⁶.

1 мая 17 коммунистов провели собрание в одном из бункеров. В тот же день начался тяжелый бой, длившийся 3 дня. Штаб ЖОБ решил 1 мая атаковать врага не только ночью, но и днем. 2 мая отряд ППР Э. Фондаминского после боя в северной части гетто с большими потерями пробился к бункеру штаба ЖОБ на улице Милой, где укрывались 400 человек, из них до 100 бойцов. Здесь в минуты затишья шли жаркие дискуссии. «Коммунисты поют свои песни, мы свои», — писал один из левых сионистов⁶⁷. 3 мая группа Х. Иваньского опять доставила боеприпасы ЖЗВ и вывела за стену 15 раненых⁶⁸.

8 мая гитлеровцы окружили бункер штаба. Повстанцы отбили первую атаку, но каратели стали бросать дымовые шашки. Окруженные со всех сторон, задыхаясь от едкого дыма, повстанцы решили поко-

чить с собой. Застрелились Анелевич, Фондаминский, Вильнер и другие бойцы и руководители восстания⁶⁹. На помощь уцелевшим пришла ППР. Ленчицкий, Гаик, Ратайзер организовали новую «экспедицию» каналами, длившуюся 30 часов. Люди задыхались от метана, падали в сточную воду. 10 мая потрясенные жители за стеной гетто увидели, как выбравшиеся из люка, «похожие на привидения, в грязи с головы до пят, шатаясь... влезали мы в грузовик», — рассказала одна из участниц дерзкой акции. В лесу 34 повстанца соединились с бежавшими ранее. Штрооп рапортовал: «Погоня за грузовиком... не дала результатов». Молодые коммунисты Р. Мусельман и Ю. Золотов вернулись еще за одной группой, но погибли. Эта группа вышла наверх без проводников и пала в бою с фашистами⁷⁰.

10 мая КБ снова прислал боеприпасы повстанцам. Восстание в гетто продолжалось. Его третий этап — бой в руинах. «Грузовцы» (от польского «gruzu» — руины) сражались отчаянно, фашисты преследовали их, как зверей. Эта кровавая охота становилась для палачей все безопаснее. Поляки могли спасти лишь немногих.

ЖКН с 19 апреля при посредстве АК и Делегатуры непрерывно посылал депеши в Лондон, взывая о помощи. Дешеши получили в Лондоне с опозданием. Англия и США не откликнулись на них. Сионисты Запада направили запоздалую денежную помощь. 13 мая покончил с собой депутат эмигрантского сейма бундовец Ш. Зигельбойм. В предсмертном письме он протестовал против того, что «мир позволяет истреблять еврейский народ... Может, своей смертью помогу вырвать из равнодушия тех, кто должны спасти горстку польских евреев»⁷¹. Но ни один самолет с Запада не появился над пылающим гетто.

21 апреля при участии секретаря ЦК ППР П. Финдера была составлена радиogramма с просьбой помочь повстанцам. Через партизанские базы депешу передали в Москву. В ночь на 13 мая советские самолеты бомбили казармы СС, склады боеприпасов, зенитные батареи, железнодорожные объекты. Сброшенные листовки призывали поляков к борьбе, но не упоминали о восстании. Однако помощь опоздала, восстание в гетто уже угасало. Правда, в ночь на 14 мая две небольшие группы повстанцев смогли пробиться за его стену, еще одна группа атаковала фашистов, а поляки обстреляли патрули вокруг гетто⁷².

Схваченные гитлеровцами повстанцы вели себя стойко и достойно. «Получить от схваченных евреев сведения о... бункерах в последнее время невозможно», — признавал Штрооп. 14 мая группа повстанцев вступила в бой на крышах домов за стеной гетто. 16 мая Штрооп приказал взорвать главную синагогу и счел «большую акцию» законченной, оставив для охраны руин батальон полиции. По его подсчетам, было схвачено и убито более 56 тыс. человек. Еще 5—6 тыс. погибли при взрывах и пожарах⁷³.

Но повстанцы еще сопротивлялись. Небольшие разрозненные их группы объединялись, и фашисты вынуждены были усилить полицию отрядами СС, а в конце мая опять ввести в гетто броневики. Иваньский четыре раза проникал в гетто с оружием для «грузовцев». В начале июня тяжелый бой выдержала сборная группа ЖОБ халуца З. Артштейна, которая почти вся погибла при попытке пробиться за стену гетто⁷⁴. Очаги сопротивления тлели и в июле, но это была уже агония. Фашисты начали взрывать руины и вывозить кирпичи и металлолом⁷⁵. Исчезли даже очертания улиц. Стена гетто окружала море щебня, но и среди этой пустыни, освещаемой прожекторами, долго еще раздавались выстрелы. В августе 1943 г. левый социалист Л. Бжезиньский спас 17 полуживых узников гетто, добравшихся до люка за его стеной. А 23 сентября группа «грузовцев» пробилась за стену с оружием в руках. Один человек дожил в гетто до Варшавского восстания 1944 года⁷⁶.

Значение восстания в гетто не сводится к числу убитых там фашистов⁷⁷. Восстание имело продолжение. Две группы ЖОБ, спасенные ГЛ, создали отряд имени защитников гетто. Он взорвал военный транспорт, провел ряд других операций, но почти весь погиб в боях с фашистами⁷⁸. Под влиянием восстания в Варшавском гетто 2 августа узники Треблинки перебили 25 эсэсовцев и 60 украинских аскаров и бежали. 16 августа началось восстание в Белостокском гетто⁷⁹. Восстания вспыхнули также в других гетто и концлагерях. Последняя группа ЖОБ в Варшаве во главе с Цукерманом приняла в рядах Армии Людовой участие в Варшавском восстании 1944 года.

Бойцы Варшавского гетто надолго сковали силы гитлеровцев, что временно ослабило их террор в Варшаве и помогло усилению движения Сопротивления. С 18 по 28 апреля 1943 г. фашисты зафиксировали 1224 партизанские акции в Польше, через которую шло 75% снабжения Восточного фронта. Но прежде всего восстание в гетто имело огромное морально-политическое значение. Гитлеровцы потопили его в крови, но в моральном плане потерпели поражение. В гетто больше трех лет убивали все человеческое, узники его испытали все степени унижения, но в этом аду они доказали, что честь — более высокая ценность, чем жизнь раба.

Примечания

1. MARK B. Walka i zagłada warszawskiego getta. Warszawa. 1959, s. 49, 58—59; e j u s d. Powstanie w getcie warszawskim na tle ruchu oporu w Polsce. Warszawa. 1954, s. 30.
2. NIEWIADOMSKI T. Gdzie był mój front... Warszawa. 1970, s. 168—170. Организация Войскова — создана в сентябре 1939 г. по указанию генерала В. Сикорского. В 1942 г. вступила в Армию Крайову (АК), но сохранила автономию. В 1943 г. реорганизована в Корпус Безопасности (КБ), который признал в 1944 г. власть Польского комитета национального освобождения (ПКНО).
3. Eksterminacja Żydów na ziemiach polskich w okresie okupacji hitlerowskiej. Zbiór dokumentów. Warszawa. 1957, s. 122.
4. Ibid., s. 136; КРАЛЛЬ Г. опередить Господа Бога. — Иностранная литература, 1988, № 4, с. 180—181; Мęczeństwo, walka, zagłada Żydów w Polsce. 1939—1945. Warszawa. 1960, фото 143.
5. BEDNARCZYK T. Walka i pomoc. Warszawa. 1968, s. 29, 15.
6. BALICKA-KOZŁOWSKA H. Mur miał dwie strony. Warszawa. 1958, s. 82.
7. POTERAŃSKI W. Warszawskie getto. Warszawa. 1973, s. 34.
8. MARK B. Powstanie, s. 85—86.
9. О Поалей-Сионе, шомрах (от «хашомер хацаир» молодой страж), халуцах (от «хехалуц» — пионер) см: KULA M. Porozmawiajmy jeszcze raz, na spokojnie, o sionizmie. — Dzieje najnowsze. 1987, N 2, s. 92—95, 103—104.
10. MARK B. Powstanie, s. 91—92; e j u s d. Życie i walka młodzieży w gettach w okresie okupacji hitlerowskiej. Warszawa. 1961, s. 83.
11. Eksterminacja, s. 269, 271; Encyklopedia II wojny światowej. Warszawa. 1975, s. 378—379.
12. DATNER Sz. Las sprawiedliwych. Warszawa. 1968, s. 64—65; Życie Warszawy, 21.IV.1978.
13. BARTOSZEWSKI W. Warszawski pierścień śmierci. Kraków — Łódź. 1967, s. 127.
14. Adama Czerniakowa dziennik getta warszawskiego. Warszawa. 1983, s. 315—316.
15. PAWLICKZ L. W kręgu wielkiej tragedji. Warszawa. 1970, s. 103; NIEWIADOMSKI T. Op. cit., s. 172; МОЧАРСКИЙ К. Беседы с палачом. — Знамя, 1987, № 5, с. 98. Аскары — солдаты-добровольцы вспомогательных частей СС. Немцы особенно ценили их за антисемитизм и незнание польского языка.
16. MARK B. Powstanie, s. 149; Мęczeństwo, dok. 262.
17. Tygodnik Kulturalny, 21. IV. 1968. s. 4.
18. SAKOWSKA R. Dwa etapy. Warszawa. 1986, s. 51; Polacy Żydzi 1939—1945. Warszawa. 1971, s. 94—96; MADAJCZYK Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. T. II. Warszawa. 1970, s. 320; Marceli Nowótko. Warszawa. 1974, s. 456.
19. Polacy Żydzi, s. 200—201.
20. MIEDZA-TOMASZEWSKI S. Benefis konspiratora. Warszawa, 1977, s. 211—212; MARK B. Walka i zagłada, s. 124—125; Pamiętniki z getta warszawskiego. Warszawa. 1988, s. 116.
21. MARK B. Walka i zagłada, s. 102; Labecki F. Wspomnienia dawne i nowe. Warszawa. 1977; NIEWIADOMSKI T. Złamany rozkaz. — Milion walecznych. Warszawa. 1971, s. 104—105; BEDNARCZYK T. Op. cit., s. 46.
22. W dziesiątą rocznicę powstania Polskiej Partii Robotniczej. Materiały i dokumenty. Warszawa. 1952, s. 47; Современная Польша, 1968, N 4, с. 40; MARK B. Walka i zagłada, s. 102—104; Tygodnik Kulturalny, 21.IV.1968.
23. MARK B. Walka i zagłada, s. 140—141, 150—151; BALICKA-KOZŁOWSKA H. Op. cit., s. 87.
24. ARCZYŃSKI M., BALCERAK W. Kryptonim “Żegota”. Warszawa. 1979, s. 68—71, 63.
25. Adama Czerniakowa dziennik, s. 316; Dyskusja nad Encyklopedia II wojny światowej. — Nowe drogi, 1966, N 9, s. 179.
26. Polscy Żydzi, s. 128—129.
27. Правда, 18.XII.1942. Нацисты цинично ответили, что «евреи... имели... много времени.., чтобы... покинуть немецкое жизненное пространство» (EISENBACH A. Pertraktacje anglo-amerykańskie z Niemcami a los ludności żydowskiej podczas II wojny światowej. Warszawa. 1955, s. 14—16).
28. MARK B. Walka i zagłada, s. 129; BEDNARCZYK T. Op. cit., s. 57.
29. Polacy Żydzi, s. 164; КРАЛЛЬ Г. Ук. соч., с. 202.
30. Raport Stroopa o likwidacji getta warszawskiego w 1943 roku. — Biuletyn Głównej komisji badania zbrodni hitlerowskich w Polsce. XI. 1960, s. 135; Dodatkowe dokumenty. — Ibid., s. 201.
31. MARK B. Powstanie, s. 177; e j u s d. Walka i zagłada, s. 186—188, 192—194, 200—201; BARTOSZEWSKI W. Op. cit., s. 156; BEDNARCZYK T. Op. cit., s. 29.
32. Eksterminacja, s. 323—324.

33. Raport Stroopa, s. 198; MARK B. Powstanie, s. 219.
34. Raport Stroopa, s. 137; BEDNARCZYK T. Op. cit., s. 43, 29.
35. LECZYCKI F. Mojej ankiety personalnej punkt 35. Warszawa. 1969, s. 356.
36. Polacy Żydzi, s. 164.
37. Kronika wydarzeń w Warszawie 1939—1945. Warszawa. 1970, s. 66.
38. Мęczeństwo, dok. 401.
39. MADAJCZYK Cz. Op. cit., s. 338. Вильнер под пытками никого не выдал, бежал и вернулся в гетто (КРАЛЛЬ Г. Ук. соч., с. 205—206).
40. MARK B. Walka i zagłada, s. 248—249.
41. SAKOWSKA R. Op. cit., s. 64. По другим данным и в ЖЗВ входило около 500 бойцов (BEDNARCZYK T. Op. cit., s. 47).
42. КРАЛЛЬ Г. Ук. соч., с. 201; Adama Czernikowa dziennik, s. 326.
43. MARK B. Walka i zagłada, s. 148, 222.
44. Raport Stroopa, s. 135; КРАЛЛЬ Г. Ук. соч., с. 201; Polacy Żydzi, s. 180.
45. Raport Stroopa, s. 124.
46. MARK B. Walka i zagłada, s. 258—265, 275. По некоторым данным, 19 апреля было сожжено 3 танка (ibid., s. 274). По Штроопу — 1 танк и 1 броневик (МОЧАРСКИЙ К. Ук. соч., с. 99).
47. МОЧАРСКИЙ К. Ук. соч.; Raport Stroopa, s. 135—136, 144.
48. GRUSZCZYŃSKA K. Że nie osleply nasze oczy... — Wiezienna Krata. Warszawa. 1965, s. 310.
49. Raport Stroopa, s. 136.
50. MARK B. Walka i zagłada, s. 290—295; e j u s d. Życie i walka, s. 47—48.
51. MARK B. Walka i zagłada, s. 298—301; МОЧАРСКИЙ К. Ук. соч., с. 102.
52. Raport Stroopa, s. 150—151; RUDNICKI A. Wielkanoc. — Wybór opowiadań. Warszawa. 1976, s. 244—245.
53. Raport Stroopa, s. 141.
54. SCHMIDT L. Cudem przeżyliśmy czas zagłady. Kraków-Wrocław. 1983, s. 225.
55. BEDNARCZYK T. Op. cit., s. 30—31; JAWORSKI A., WILCZUR J. Strażacka wierność. Warszawa. 1977, s. 162—163.
56. BERENSTEIN T., RUTKOWSKI A. Pomoc Żydóm w Polsce 1939—1945. Warszawa. 1963, s. 62—63; Polska Partia Robotnicza. Kronika I. 1942 — V.1945. Warszawa. 1962, s. 85—86; Polacy Żydzi, s. 399.
57. MARK B. Walka i zagłada, s. 326—327; e j u s d. Powstanie, s. 284—285.
58. Raport Stroopa, s. 152—153.
59. MARK B. Walka i zagłada, s. 236, 327, 354—355.
60. Raport Stroopa, s. 139—140, 153; MARK B. Ibid., s. 351.
61. WULF J. Das Dritte Reich und seine Vollstrecker. Brl. 1961, S. 124; Raport Stroopa, s. 158, 160.
62. MARK B. Walka i zagłada, s. 356, 359, 365.
63. Ibid., s. 357—358, 310.
64. PAWLICKI Z. Op. cit., s. 62, 118—121; Polacy Żydzi, s. 192; Za Wolność i Lud, 1968, N 8. Штрооп в рапорте за 27 апреля не упоминает о применении и потере танков. Т. Беднарчик пишет об одном сожженном танке (Tygodnik Kulturalny, 28.IV.1968).
65. MARK B. Walka i zagłada, s. 365—367, 384; Raport Stroopa, s. 170.
66. MARK B. Walka i zagłada, s. 246; BEDNARCZYK T. Op. cit., s. 31; WULF J. Op. cit., s. 139.
67. MARK B. Walka i zagłada, s. 370, 373—376, 388.
68. ARCZYŃSKI M., BALCERAK W. Op. cit., s. 140.
69. LUBETKIN Z. Die letzten Tage des Warszawer Gettos. Brl. — Potsdam. 1949, S. 19—20.
70. BALICKA-KOZŁOWSKA H. Op. cit., s. 90—97; Raport Stroopa, s. 186.
71. BEDNARCZYK T. Op. cit., s. 31; Polacy Żydzi, s. 196—199.
72. Красная звезда, 14.V.1943; MARK B. Walka i zagłada, s. 406—409; Raport Stroopa, s. 193.
73. Raport Stroopa, s. 191—193, 198.
74. BEDNARCZYK T. Op. cit., s. 31; MARK B. Walka i zagłada, s. 422—425.
75. Eksterminacja, s. 190—191.
76. БУРЧИН М. Я не мог их подвести. — Польша, 1988, N 4, с. 27; MARK B. Walka i zagłada, s. 429, 431.
77. Их число не установлено. Поименный список в рапорте Штропа (16 убитых и 87 раненых) явно занижен. Но и цифры, приведенные в подпольной печати (300, 400 и даже 1 тыс. убитых и 1 тыс. раненых), преувеличены (Raport Stroopa, s. 124—130; MARK B. Walka i zagłada, s. 437).
78. MARK B. Op. cit., s. 446—450.
79. Ruch podziemny w gettach i obozach (Materialy i dokumenty). Warszawa — Łódź — Kraków. 1946, s. 186.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Питт-старший

А. Б. Соколов

Экс-премьер Великобритании лорд Розбери, написавший одну из биографий английского государственного деятеля XVIII в. Уильяма Питта-старшего, отмечал, что тот еще при жизни сумел окружить себя «непроницаемым туманом таинственности, не обнаружив своих действительных помыслов ни словами, ни на бумаге»¹. Получивший в 1766 г. титул лорда Чэтэма, Питт относится к числу тех деятелей, кто еще при жизни вызывал восхищение одних и ненависть других. Способный, решительный и целеустремленный, он на протяжении многих лет оказывал сильное влияние на внешнеполитический курс Англии.

Хотя он и не бывал за пределами Европы, его можно считать одним из основателей Британской империи. Вопрос о колониях всегда оставался для него одним из главных. Во время Семилетней войны 1756—1763 гг., будучи на протяжении ряда лет фактическим руководителем правительства, он направлял войска и флот в Северную Америку, Вест-Индию, Ост-Индию и Африку для борьбы с главным соперником Англии той поры — Францией. Дожил он и до тех дней, когда стал свидетелем отделения 13 Северо-Американских штатов.

Характерной чертой жизни Англии тех лет была любовь ее политиков к захватам. Маниакальная страсть действий Чэтэма в этом направлении соответствовала настроениям значительной части английского общества². Вот почему одни уже тогда считали Чэтэма национальным героем, а также величайшим оратором, заслужившим славу «великого коммонера» в палате общин³. Другие, признавая его заслуги как военного министра, критиковали его деятельность в целом и подчеркивали демагогический характер его выступлений⁴. Эти апологетическая и критическая тенденции сохранялись на протяжении двух столетий⁵. Одно несомненно: Питт-старший был незаурядной личностью, пользовавшейся к тому же огромным влиянием в буржуазных кругах, особенно в лондонском Сити.

Он родился в 1708 г. в привилегированной семье. Глава ее, дед Уильяма Томас, был некоторое время губернатором Мадраса и из Индии вернулся богачом, таким, которых в Англии стали называть набобами. Это он привез обработанный алмаз, получивший название «бриллиант Питта» и считавшийся тогда крупнейшим в Европе. Проданная регенту Франции Филиппу Орлеанскому драгоценность стала лучшей во французской короне. Много лет спустя внук Томаса с пылом обрушивался на набобов, которые привнесли в Англию и азиатскую роскошь, и азиатские принципы управления⁶. Вскоре Томас приобрел поместье Моведон Корт. Там провели детские годы и отец Уильяма Роберт, и сам Уильям. Поместье относилось к избирательному округу Олд Сарум, одному из тех «гнилых местечек», о необходимости уничтожения которых говорилось еще со времен революции середины XVII века⁷. Олд Сарум превратился в «парламентскую вотчину» Питтов. И когда Уильям стал членом палаты общин, он представлял там Олд Сарум.

У Роберта Питта было два сына и пять дочерей. Уильям был младшим сыном, основная же часть наследства досталась впоследствии старшему. Образование Уильям получил в привилегированной Итон-

---

Соколов Андрей Борисович — кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Ярославского педагогического института.

ской школе. Ничем особенным в те годы он не отличался. С 16 лет стал страдать «национальным недугом» — подагрой, что рано сделало его замкнутым. Последовавший затем курс обучения в Оксфорде не был завершен. С 1727 г. Уильям продолжал некоторое время учебу в Утрехте, но и ее не завершил, хотя успел изучить классические языки и античную историю, что многократно использовал позднее в своих выступлениях. Затем он путешествовал по Франции и Италии, а по возвращении в Англию поступил в 1731 г. на службу в драгунский корпус. Военная служба пришлась ему не по душе, зато представившаяся в 1734 г. возможность начать парламентскую карьеру оказалась кстати.

Питт стал членом палаты общин в годы обострения политической борьбы. Король Георг II старался перенести острие внешней политики Англии на европейский континент в интересах своего германского владения — курфюршества Ганновер. В этом его поддерживал главный министр Р. Уолпол. Франция оставалась главным соперником Англии в международных делах. В отличие от Уолпола, Питт не испытывал иллюзий насчет возможности мирного разрешения противоречий с Францией и был убежден, что это — главный враг, которого нужно разгромить⁸. Опасения Питта значительно возросли в связи с тем, что Франция укрепляла отношения с Испанией на основании «семейного контакта» 1733 г. (В обеих странах находились у власти Бурбоны.) Испания продолжала господствовать над обширными колониями в Америке, и англо-испанские противоречия в Вест-Индии⁹ стали в 1739 г. предметом страстных выступлений Питта, сделавших его имя широко известным.

Его личная жизнь не отличалась разнообразием, потребности его были скромными. Из-за подагры он долгое время лечился на водах в Бате и часто посещал друзей в загородных поместьях. Его считали знатоком архитектуры и паркового хозяйства. Увлеченность разведением парков Питт сохранил до конца жизни. По меркам людей буржуазной Англии он был человеком, которого мало затрагивали денежные вопросы и который рассматривал приверженность к накоплению денег как слабость. В течение ряда лет его ежегодный доход был весьма умеренным.

Его первое выступление в парламенте в 1735 г. было направлено против билля, внесенного кабинетом. С тех пор молодой комонер постоянно находился в оппозиции к правительству Уолпола, который воскликнул после первой же речи Питта: «Надо заставить замолчать этого ужасного корнета». В 1736 г. Питт выступил в связи с женитьбой Фридриха принца Уэльского как наследника престола, находившегося в плохих отношениях с королевской четой. Именно его двор стал центром сил, противодействовавших Уолполу. Среди приближенных принца оказался и Питт. Вскоре агитация за войну с Испанией достигла апогея: утверждали, что пленные англичане содержатся испанцами в ужасных условиях, работают в кандалах, голодают, а правительство и не беспокоится об их участи¹⁰. Уолпол заключил с Мадридом конвенцию, что вызвало новые протесты. Среди тех, кто призывал к войне, был и Питт, который заявил: «Испания утвердила узурпацию и нечеловеческую тиранию в американских морях, на которые у Англии неоспоримое право, вытекающее из договоров, от Бога и от природы»¹¹.

Англо-испанская конвенция была отвергнута парламентом. Началась война на морях, английский флот был послан к берегам Южной Америки. Франция заявила, что не допустит утверждения Англии в Вест-Индии, и направила туда свои корабли. Вскоре вспыхнула война за «австрийское наследство». Англия проводила политику союза с Габсбургами, и британские «патриоты» потребовали отставки Уолпола. В 1742 г. Питт говорил в парламенте: «Министр, который не заботится об увеличении силы и богатства родины, — враг соотечественников»¹². И Уолпол получил отставку. Но новые лидеры, братья Пэлхэм (герцог Ньюкэстл и младший, Генри Пэлхэм), представители родовой вигской фамилии, не включили Питта в кабинет министров, передав руководство внешней политикой лорду Картерету. Питт опять остался в оппозиции.

Хотя в 1743—1744 гг. англичанам удалось добиться успехов в войне, Питт критиковал политику Картерета: «Наш прошлый министр [Уолпол] стоял за переговоры со всем миром; нынешний выступает за войну со всеми; прошлый был готов согласиться на любой договор, даже недостойный; нынешний же вообще не желает слышать о каком-либо соглашении»¹³. Питт выступал против военных действий на континенте, заявляя, что такая политика отражает лишь династические устремления короля: «Наше могущественное великое королевство сейчас не более чем владение презренного княжества» [Ганновер]¹⁴. Питт протестовал также против найма ганноверских солдат и посылки их в Южные Нидерланды, считая что Англия должна ограничиваться лишь оказанием финансовой помощи Австрии.

Постепенно Питт разработал собственную концепцию, которую он потом реализовал в ходе Семилетней войны: «Мы должны оказывать помощь нашим союзникам деньгами и действиями флота, так как море есть наша естественная основа и опасно для наших свобод вооружать большое количество людей»¹⁵. Это утверждение не было оригинальным. Еще в ходе войны за «испанское наследство» (1702—1713 гг.) тори лорды Рочестер и Ноттингэм выдвинули стратегию «деревянных стен» — защиты британских интересов силами флота. Но Питт вложил в эту идею несколько новое содержание: вместо оборонительных

действий он предлагал наступательные ради колониальных захватов.

В 1745 г. в Англии произошло якобитское восстание, которое возглавлял Карл-Эдуард Стюарт («молдой претендент»). Опираясь на незначительную помощь Франции, он высадился в Шотландии. Когда его войско заняло Эдинбург и перешло границу с Англией, в Лондоне возникла паника: «Ужас и изумление всех англичан... были неопишескими. Всякий хотел получить в банке свои деньги... Но многие богатые частные лица и лорды спасли кредит»¹⁶. В условиях всеобщей растерянности Питт четко определил свою позицию, направленную на защиту Ганноверской династии и буржуазных конституционных порядков. Он немало сделал для сопротивления якобитам, страстно защищал создание добровольческих антиякобитских отрядов и выступал против тех парламентариев, которые боялись вручить народу оружие. Это дало Питту политический выигрыш и заложило условия для примирения его с королем.

В 1746 г. Питт вошел в правительство и стал вице-казначеем Ирландии, а потом военным казначеем, заняв одно из самых выгодных мест в кабинете. К его чести следует сказать, что он не использовал должности для личного обогащения, что удивляло современников. Впрочем, тогда Питт был уже состоятельным, получив наследство по завещанию герцогини Мальборо. Свой пост он сохранил до смерти Г. Пэлхэма в 1754 году. В эти годы завершилось формирование Питта как политика.

История английского парламента знает немало случаев, когда взгляды бывших оппозиционеров радикально менялись, стоило им войти в правительство. Примером такого отступничества может служить Питт. Ослаблению оппозиции способствовала и смерть принца Фридриха в 1751 году. «Пылкий и неукротимый дух Питта был на время успокоен. Он молча согласился на ту самую систему континентальных мер, которую недавно отвергал. Он перестал непочтительно говорить о Ганновере. Он не возражал против трактата с Испанией, хотя трактат оставлял нас в том же положении, в каком мы были, когда он произносил свои громовые речи против миролюбивой политики Уолпола. Там и сям пробивались проблески прежнего Питта, но они были редки и скоропреходящи»¹⁷. Однако герцог Ньюкэстл, возглавивший кабинет в 1754 г., опасался Питта и при формировании нового правительства обошел его.

В тот год 46-летний Питт женился. Его избранницей стала 33-летняя леди Гренвил. Хотя жених и невеста были знакомы 19 лет, для многих их брак был неожиданным. Чувства Питта оказались, однако, искренними. Об этом говорят его письма к жене. Брак был счастливым: Питтов считали идеальной семьей. У них было пять детей, в том числе Уильям Питт-младший, впоследствии не менее знаменитый, чем его отец. В семье Питт нашел опору. Когда его подагра обострялась, жена ухаживала за ним, как за ребенком. После ссоры мужа с ее любимым братом она разорвала с последним все отношения. И семья, и дом, и денежные дела лежали на ней, а Питт полностью отдался государственным делам. Его женитьба повлекла за собой еще одно важное следствие: он оказался в родстве со знатной семьей, что сделало ему доступными высшие посты.

Тем временем в Европе произошла политическая переблокировка. Между Англией и Пруссией была подписана Вестминстерская конвенция, перечеркнувшая англо-русский договор. Сложился союз между Францией и Австрией. В декабре 1756 г. к нему присоединилась Россия. Так определились главные участники Семилетней войны. Она началась неудачно для Англии. В стране говорили о французской экспедиции для захвата принадлежавшего Великобритании о-ва Менорка в Средиземном море. Русский посланник А. М. Голицын доносил в Петербург, что это владение «без всякой обороны и защиты ныне находится»¹⁸. Слухи подтвердились: французы начали осаду Порт-Маона, главного города острова. На помощь осажденным была отправлена эскадра адмирала Дж. Бинга, о которой сообщалось, что она «не столько сильна, как французская»¹⁹. И действительно, Бингу пришлось отступить. Судьба Порт-Маона была решена.

По приговору военно-морского суда адмирал был расстрелян. Питт в те месяцы рисковал властью и популярностью, выступая в защиту Бинга²⁰. Голицын, сообщая о дебатах в палате общин по поводу суда над адмиралом, подчеркивал: Питт «настаивал крепко, что нижняя камора долженствует сходственной быть с видами Его Величества, отделяясь от того, что бы правосудию противно было»²¹. Впрочем, обращение к правосудию было скорее призывом к осуждению Бинга, ибо Георг II не был склонен к прощению.

Сначала Питт получил пост государственного секретаря в правительстве герцога Девоншира. Но оно быстро распалось. В новом кабинете первым лордом Казначейства стал Ньюкэстл, а одним из государственных секретарей — Питт, который теперь решал ключевые вопросы ведения войны, оказавшись фактически премьер-министром.

Прежде всего он убрал из Англии гессенские войска, организовав взамен добровольческую национальную милицию. В армию были привлечены жители горной Шотландии, и этот отряд направили в Америку. Питт сам занимался подбором командиров, выдвинув способных генералов Уолфа и Эмхерста. В Вест-Индию он отправил эскадру адмирала Каутса, в Ост-Индию — адмирала Стивенса. Флот адмирала

Хаука подготовился для действий у побережья Северной Америки. Были организованы экспедиции против портов Франции на Атлантике. Это способствовало подъему боевого духа англичан.

Государственный секретарь лично разрабатывал планы боевых операций и вникал в детали военных действий²². Он строго спрашивал с командиров, которые не сумели обеспечить успех. Питт стремился нанести урон Франции, прерывая ее торговлю, и приказал рассматривать корабли нейтральной Голландии, торговавшей с Францией, как вражеские²³. Как писал о нем современник: «В отпавлении сего возложенного на него звания он был точен и неутомим, и при том знал, как и других сделать внимательными к своим должностям. Он не дремал и не засыпал при отправлении государственных дел, равномерно как и товарищей своих не допускал зевать или спать при важных их званиях»²⁴.

Питт опирался на поддержку Сити и торгово-промышленной буржуазии больших городов, особенно заинтересованной в колониальной экспансии. Когда в апреле 1757 г. Питт ушел в отставку, буржуазия выразила ему доверие, города избирали его в почетные граждане и слали благодарственные адреса, «сыпались дождем золотые футляры». «Лондон стоял на его стороне и в светлые и в мрачные дни... Действительно, характер Питта вполне соответствовал характеру объединившей вокруг него торговой Англии, ее энергии, самоуверенности, гордости, патриотизму, честности, нравственной серьезности. Купцы чувствовали естественное влечение к единственному политику их времени, сохранявшему руки чистыми»²⁵.

А вот еще одно мнение: Питт «всегда был готов выслушать моряков, офицеров, плантаторов, колониальных агентов, если у них было что сказать. Все же его действительной опорой были купцы Сити»²⁶. Несомненно и то, что Питт вырос под защитой землевладельческого клана Гренвиллов²⁷. В принципе он олицетворял союз крупной буржуазии и лендлордов, которые были «хозяевами английской жизни».

Главным союзником Англии в Германии был тогда Фридрих II Прусский. Если, находясь в оппозиции, Питт высказывался против субсидий Пруссии, то теперь был готов дать ей все необходимые средства. Именно ему принадлежит выражение: «Америка была завоевана в Германии»²⁸. Действительно, война с Пруссией не позволила Франции послать достаточно сил для защиты своих североамериканских владений. Голицын сообщал в январе 1757 г.: «Здесь господин Питт начинает печися о делах твердой земли Европы... которую прежняя его партия хотела оставить, не стараясь как токмо о едином благополучии своего отечества, которое мя по своему натуральному положению, имея многочисленные флоты, доподлинно себя в состоянии от неприятельских нападений защищать»²⁹.

Когда в 1759 г. пруссаки были разгромлены русской армией при Кунерсдорфе, то в Лондоне «Его Величество и все присутствующие в глубокой меланхолии находились»³⁰. Зато одерживал победы британский флот. Летом 1759 г. вышедшая из Тулона французская эскадра прошла через Гибралтар, но встретила английскую эскадру Боскауэна, «на португальских берегах близ мыса Лагос догнана и атакована была... по девятичасовому сражению английская эскадра имела частие сжечь три и завладеть двумя кораблями»³¹. В ноябре 1759 г. была предотвращена высадка французского десанта в Англию.

Особое внимание Питт уделял Северной Америке: посылал туда солдат и корабли, стремился организовать активное участие колонистов в борьбе с французами, офицеров колониальной милиции приравнял к континентальным офицерам, обеспечил содержание 20-тысячного ополчения. В 1758 г. генерал Эмхерст осадил крепость Луисбург на о-ве Кап-Бретон — объекте длительных споров между Англией и Францией — и захватил ее. Питт с нетерпением ожидал известий о Луисбурге и признавался в письме к жене: «Отсутствие известий оттуда все более заботит меня»³². В том же году колонисты (одним из руководителей которых был Дж. Вашингтон) овладели фортом Дюкесн, в честь государственного секретаря названным фортом Питт (впоследствии Питтсбург).

Англия выказывала большую заинтересованность в захвате французских «сахарных» островов Вест-Индии. В инструкциях, посланных Питтом губернатору Барбадоса в 1758 г., говорилось о необходимости снабдить экспедицию по захвату французских островов «всем необходимым... что только имеется на находящемся под Вашим управлением острове»³³. В 1759 г. англичане овладели Гваделупой. В Индии военные отряды Ост-Индской компании под командованием Р. Клайва захватили Бенгалию. Когда Клайв вернулся в Англию и был принят королем, Питт поспешил «заявить свое уважение к человеку, подвиги которого так много способствовали блеску этого достопамятного периода»³⁴. Расширились владения Англии и в Африке: появилась британская Сенегамбия, включавшая отторгнутый у Франции Сенегал и устье р. Гамбии.

После смерти Георга II в 1760 г. его преемник Георг III, придерживавшийся торийских принципов управления, выступил за усиление своей власти и проводил политику «королевских любимцев». Но в их число не вошел Питт, отстаивавший права парламента и отличавшийся независимостью суждений. И хотя российский посланник в Лондоне отмечал, что Питт «всю силу сего правления в своих руках теперь имеет»³⁵, позиции государственного секретаря ослабли, зато усилились сторонники королевского фаворита графа Бьюта. Начались секретные переговоры о мире между Англией и Францией. Требования о возвра-

шении Франции Кап-Бретона и о-вов Вест-Индии были отвергнуты Питтом, что вызвало раздражение короля. Отставка Питта была предreshена.

Поводом для решающего столкновения в кабинете стал вопрос о войне с Испанией. Летом 1761 г. Питт получил сведения о тайном договоре между Францией и Испанией и скором вступлении последней в войну. Он полагал, что Англия должна нанести удар первой. Голицын сообщал: «Здесь не без основания беспокоятся, чтобы гишпанский двор серьезного участия в настоящей войне не в пользу французского не принял, в рассуждении своих великих американских интересов,.. которых Англия по истреблении французских морских сил, к немалому ущербу других морских держав, присваивает»³⁶. Когда требование объявления войны Испании не нашло поддержки в правительстве, Питт был вынужден уйти в отставку. Ему была назначена ежегодная пенсия, а его жене дан титул баронессы Чэтэм.

Но касательно Испании Питт оказался прав. В январе 1762 г. началась англо-испанская война. Англичане захватили французские о-ва Мартиника, Гренада и Сен-Винсент, испанские форпосты Гавана на Кубе и Манила на Филиппинах. И, находясь в оппозиции, Питт продолжал выступать за войну. Он был готов пойти даже на компромисс: «Я с теми, кто за континентальные меры, я с теми, кто за помощь королю Португалии, я с теми, кто за скорейший мир. Короче, я единственный, кто со всеми вами»³⁷. Когда кабинет Бьюта в 1762 г. представил предварительные условия договора, Питт оказался во главе тех, кто противодействовал его одобрению.

Появление Питта в парламенте стало неожиданностью, так как он болел. Критике договора Питт посвятил двухчасовую речь. В черной одежде, страдающий от приступа болезни, он произвел большое впечатление на депутатов. Ими было принято беспрецедентное решение: ему было позволено выступать сидя. Голос его дрожал, боль заставляла прерывать речь, но Питт брал себя в руки. Он протестовал против возвращения Франции о-вов Мари-Галанте, Мартиники и Гваделупы, сохранения за нею права вести рыботорговлю возле Ньюфаундленда, возвращения Испании Манилы и Гаваны. Он выступал против договора, который «перечеркивает славу прошедшей войны, а также предаёт интересы народа, приносит в жертву общественные обязательства, данные союзникам»³⁸. Эта позиция нашла поддержку в буржуазной прессе³⁹.

Питт оставался более проницательным политиком, чем большинство современных ему министров. Почти все время находясь в оппозиции, он критически оценивал ошибки правительственного курса. Вместе с тем расхождения с другими лидерами виггов, неприязнь короля и ухудшившееся здоровье вынуждали его отходить от дел и уезжать на виллу в графстве Кент, где он проводил многие месяцы в кругу семьи.

Поводом для новых острых столкновений стало в 1760-е годы «дело Уилкса». Дж. Уилкс, издатель газеты «Северный британец», в 1762 г. резко критиковал в ней политику кабинета и затронул тронную речь короля. По приказу Георга III этот номер газеты был конфискован, Уилкса посадили в тюрьму. Сначала Питт резко выступил против Уилкса, заявив, что приказ короля «обоснован, справедлив и необходим», причем сам он, Питт, никогда не имел ничего общего с авторами столь злобных пасквилей⁴⁰. Но в 1763 г. Уилкс был освобожден и покинул Англию. Лозунг «Уилкс и свобода» стал поводом для массовых народных выступлений, пик которых пришелся на 1768 г., когда тот вернулся на родину. Питт пересмотрел свою позицию и выступил в защиту Уилкса, говоря, что правительство ставит каждого несогласного парламентария перед угрозой заключения в тюрьму⁴¹.

В 1765 г. Питт потребовал отмены гербового сбора, вызвавшего рост недовольства в североамериканских колониях Англии. «Нет налогообложения без представительства», — заявил Питт (парламент не имеет права облагать колонии налогом, так как те не представлены в нем). При этом Питт опровергал и возможные обвинения в свой адрес: «Я не слуга американцев. Я отстаиваю интересы нашего королевства. Парламент имеет право обязать и ограничить Америку»⁴². В условиях острых разногласий в правящих кругах, пытаясь найти опору в правительстве, Георг III даровал Питту титул лорда Чэтэма и поручил ему в 1766 г. сформировать правительство. Именно тогда был отменен гербовый сбор.

Однако Чэтэм уже весной 1767 г. в связи с ухудшением состояния здоровья отошел от государственных дел. Оставшись формально главой кабинета, он нес ответственность за принятие «актов Тауншенда», способствовавших усилению недовольства в колониях. Питт намеревался создать Северный блок — союз Англии, Пруссии и России, что не отвечало реальному соотношению сил на международной арене. Не нашли поддержки и другие его предложения (изменение избирательной системы, сокращение числа «гнилых местечек», реорганизация управления Индией). Даже исследователи, всемерно превозносившие заслуги Питта, оценили его новую администрацию как «злополучную и разрушительную»⁴³.

Возобновив в 1770 г. парламентскую деятельность, прерванную вследствие болезни, Чэтэм проявил прежний воинственный дух в связи с кризисом вокруг Фолклендских островов. Они считались владением Испании, однако англичане в 1764 г. основали там военное поселение Порт-Эгмонт. В 1770 г. испанцы вытеснили оттуда англичан, и Чэтэм потребовал: «Я призываю нацию ускорить события и вступить в вой-

ну. Мы за мир, но за мир не сфабрикованный, а достойный и безопасный»⁴⁴. Правительство лорда Норта урегулировало конфликт мирным путем. В 1772—1773 гг. Чэтэм не посещал парламента.

В 1774 г., когда ситуация в североамериканских колониях Англии обострилась, Чэтэм считал необходимым пойти им на уступки. Русский посланник в Лондоне А. С. Мусин-Пушкин, имея в виду Чэтэма, сообщал в Петербург, что «здешняя оппозиция уже твердила о примирении с Америкой»⁴⁵. Чэтэм возражал против закрытия порта в Бостоне и призывал установить «более мягкий способ управления Америкой»⁴⁶. Разрабатывая свой план урегулирования, он предложил билль о передаче прерогативы утверждения налогов законодательным собраниям колоний, признании Континентального конгресса и неприменении военной силы для решения спорных вопросов. Но план его был отвергнут как проамериканский. Интересовавшаяся событиями в Америке Екатерина II сочла план Чэтэма наиболее приемлемым.

Компромиссная позиция Чэтэма объясняется торговыми интересами Сити, терявшего доходы вследствие конфликта с североамериканскими колониями. Сити регулярно направляло Чэтэму благодарственные адреса за его предложения по американскому вопросу. В 1777 г. Чэтэм предложил отменить все акты парламента, принятые после 1763 г. и вызывавшие недовольство в колониях. Возлагая надежды на состоятельных американцев, он подчеркнул, что войну против Англии ведут вовсе не какие-то бандиты, и критиковал стремление правительства опереться на индейские племена, или, как он саркастически говорил, на тактику «томагавка и ножа для скальпирования»⁴⁷. После провозглашения независимости США Чэтэм не осознал необратимого характера этого события. И только известие о капитуляции армии генерала Бергойна при Саратоге открыло ему глаза.

В своем последнем выступлении в парламенте (апрель 1778 г.) он опять призывал к войне: «Неужели народ, 17 лет назад заставлявший трепетать весь мир, пал так низко, что его извечный враг (Франция) может взять, что пожелает?! ...Если нам суждено погибнуть, пусть мы погибнем достойно»⁴⁸. Он предложил развернуть военные действия против Франции. В ходе прений Чэтэм потерял сознание и был вынесен на руках своими сторонниками. 11 мая 1778 г. он скончался.

Все усилия Питта, его таланты, проявившиеся уже в начале парламентской деятельности, были направлены к укреплению могущества Великобритании, созданию таких условий на международной арене, которые способствовали бы обогащению английской буржуазии. Главным средством достижения этой цели он считал войну. Свою политическую деятельность он начал с призывов к ней, и последние его слова в парламенте были тоже о войне.

Примечания

1. ROSEBERY. Chatham. Lnd. 1910, p. XI.
2. PLUMB J. The First Four Georges. Lnd. 1957, p. 14.
3. Anecdotes of the Life of the Right Hon. William Pitt, Earl of Chatham. Vol. 1. Lnd. 1792, p. 1.
4. GODWIN W. The History of the Life of W. Pitt. Lnd. 1783, pp. 74, 295.
5. МАКОЛЕЙ Т. Б. Питт. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб. 1861; е г о ж е. Чатам. — Там же. Т. 5. СПб. 1862; HARRISON F. Chatham. Lnd. 1906; BUTLER H. M. Lord Chatham as an Orator. Oxford. 1912; LONG J. Mr Pitt and America's Birthright. N. Y. 1940; ROBERTSON C. G. Chatham and the British Empire. Lnd. 1946; SHERRARD O. A. Lord Chatham. Lnd. 1952; BROOK J. The Chatham Administration 1766—1768. Lnd. 1956; SHERRARD O. A. Lord Chatham and America. Lnd. 1958; PLUMB J. H. Chatham. Lnd. 1965; WILLIAMS B. The Life of W. Pitt, Earl of Chatham. Vol. 1—2. Lnd. 1966; WINSTANLEY D. Lord Chatham and the Whig Opposition. Lnd. 1966; AYLING S. The Elder Pitt Earl of Chatham. Lnd. 1976; etc.
6. Anecdotes, vol. 2, p. 34.
7. SPECK W. Tory and Whig 1701—1715. Lnd. 1971, p. 16.
8. PLUMB J. England in the 18th Century. Harmondsworth. 1976, p. 104.
9. WILLIAMS B. The Whig Supremacy 1714—1760. Oxford. 1952, p. 196.
10. BOYSE S. A Historical Review of the Transactions of Europe from the Commencement of the War with Spain. Lnd. 1757, p. 29.
11. Anecdotes, vol. 1, p. 18.
12. The Parliamentary History of England. Vol. X. Lnd. 1812, p. 1363.
13. Anecdotes, vol. 1, p. 63.
14. Ibid., p. 61.
15. Ibid., p. 83.
16. Жизнь и странные приключения умершего в 1788 году Карла-Эдуарда, претендента Великобританской, Французской и Ирландской корон. М. 1794, с. 12.

17. МАКОЛЕЙ Т. Б. Ук. соч. Т. 2, с. 285.
18. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Сношения России с Англией, 1756 г., д. 777, л. 38об.
19. Там же, л. 201об.
20. МАКОЛЕЙ Т. Б. Ук. соч. Т. 2, с. 298.
21. АВПР, ф. Сношения России с Англией, д. 786, л. 58об.
22. Correspondence of W. Pitt When Secretary of State with Colonial Governors and Naval Commissioners. Vol. 1—2. N. Y. 1906.
23. Gentlemen's Magazine, vol. XXVIII, 1758, pp. 401—403.
24. Жизнеописание Славного Английского Министра... СПб. 1790, с. 35—36.
25. ГРИН ДЖ. Р. Краткая история английского народа. Вып. 3. М. 1900, с. 271.
26. DORN W. L. Competition for the Empire 1740—1763. N. Y. 1940, p. 347.
27. CARSWELL J. From Revolution to Revolution: England 1688—1776. N. Y. 1973, p. 126.
28. Anecdotes, vol. 1, p. 244.
29. АВПР, ф. Сношения России с Англией, д. 786, л. 20об.
30. Там же, д. 805, л. 312.
31. Там же, л. 330.
32. Correspondence of W. Pitt, Earl of Chatham. Vol. 1. Lnd. 1838, p. 322.
33. Ibid., p. 366.
34. МАКОЛЕЙ Т. Б. Ук. соч. Т. 4. СПб. 1862, с. 57.
35. АВПР, ф. Сношения России с Англией, д. 812, л. 377об.
36. Там же, д. 820, л. 338об.
37. The History of Minority During the Years 1762, 1763, 1764 and 1765. Lnd. 1766, pp. 46—47.
38. Anecdotes, vol. 1, p. 237.
39. A Historical Account of the Naval Power of France. Lnd. 1762, p. 19.
40. Anecdotes, vol. 1, p. 269.
41. The Speeches of the Right Hon. the Earl of Chatham. Lnd. 1853, p. 63. Позднее Уилкс стал лордом-мэром лондонского Сити.
42. Anecdotes, vol. 1, pp. 295—296.
43. WINSTANLEY D. Op. cit., p. 114.
44. Anecdotes, vol. 2, p. 73.
45. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1778 г., д. 288, л. 3об.
46. Anecdotes, vol. 2, pp. 105—111.
47. Ibid., pp. 179—180.
48. Ibid.

Отношения России с Бухарой в конце XVIII века

Х. Г. Гуламов

Взаимоотношения России и среднеазиатских ханств формировались под влиянием ряда факторов, в том числе политики мусульманских государств Ближнего и Среднего Востока и казахской степи. Большой интерес в этом плане представляет период правления эмира Шахмурада (1785—1800).

С присоединением Казахстана к России ускорился распад патриархально-родового быта, усиливалась зависимость основной массы скотоводов. Местная аристократия становилась опорой царизма. Ухудшилось и без того тяжелое положение беднейших слоев населения. Все это вызывало сопротивление со стороны как трудящихся скотоводов, так и некоторых представителей патриархальной знати, интересы которой ущемлялись царизмом. Особенно показательным в этом плане было движение Батыра Срыма (1783—1797 гг.). В начальный период оно было направлено непосредственно против хана Нурали и его султанов, выступавших на стороне царизма.

Что касается Бухары, то Шахмураду удалось сломить сепаратизм местных феодалов. Оросительные работы на Заравшане и в других районах ханства способствовали развитию сельского хозяйства, производившего сырье для выработки товаров традиционного экспорта. Быстро развивались торговые отношения с соседними странами. В последнюю четверть XVIII в. товарооборот между Бухарой и Россией увеличился в 8 раз¹.

Отношение Шахмурада к России было двойственным. С одной стороны, он понимал, что развитие торговых связей с ней, расширение ввоза некоторых промышленных изделий выгодно для ханства. С другой — наблюдая изменения, происходившие в регионе после присоединения Казахстана к России, он опасался ее вмешательства в дела среднеазиатских ханств и, чтобы избежать этого, пытался воспользоваться противоречиями между Россией и Турцией.

Восстание Батыра Срыма, а также русско-турецкая война 1787—1791 гг., вначале не очень удачная для России, давали властям Бухары возможность усилить свое влияние в казахских жузах. Эта политика была выгодна для Турции, посольство которой находилось в это время в Бухаре². Близость языка и укладов жизни, общность религии, многообразные политические и экономические связи предоставляли Бухаре немало способов для того, чтобы воздействовать на обстановку, складывавшуюся в казахской Степи. Бухара являлась одним из важнейших торговых партнеров Казахстана, на ее рынках казахи продавали скот и приобретали необходимые им продукты земледелия и ремесленные изделия. Связи со среднеазиатскими ханствами имели для казахов, даже кочевавших вблизи русской границы, едва ли не решающее значение³. Объем же меновой торговли казахов с Россией был тогда невелик. Не имея решающего политического влияния в Казахстане, которое уже перешло к России, Бухара внимательно следила за тем, что происходило в жузах. Новое административное деление Младшего жуза и система управления Степью ослабляли там власть местного хана и султанов и в то же время укрепляли власть и политическое значение

Гуламов Хондамир Гафурович — кандидат исторических наук, доцент Ташкентского государственного университета.

родовых старшин. Все это сопровождалось усилением борьбы между султанами и возглавляемыми Батыром Срымом старшинами, которые ближе стояли к основной массе скотоводов. Именно в старшинской среде и искала себе приверженцев Бухара.

Будучи крупным религиозным центром, она имела также возможность активно влиять на население казахской Степи через посредство мулл, многие из которых были либо выходцами из Бухары, либо воспитанниками ее медресе. Они сообразовывали свои действия с политикой эмира и являлись ее проводниками в казахских жузах. Нередки были случаи, когда казахские феодалы получали образование в медресе среднеазиатских ханств и устанавливали там личные связи с местной знатью.

Направленные против России действия Бухары маскировались религиозными мотивами: именно в рассматриваемый период значительно оживилась пропаганда ислама в Младшем жузе⁴. Этот политический курс нашел отражение в письме Шахмурада, направленном в Казахстан⁵. Это послание было адресовано не султанам, формально возглавлявшим в то время жуз, а «биям и старшинам» (в том числе Срым Батыру). Шахмурад информировал старшин о турецком посольстве в Бухаре и войне между Россией и Турцией. Он подталкивал старшин на открытое выступление против России: «А как вы живете к России ближе, нежели мы, и, следовательно, сражаться с ними умеете лучше нас, то мы предлагаем... соединиться с войском турецким делами и духом и отправиться на поражение неверных».

Бухара и сама собиралась участвовать в военных действиях против России. Как явствует из донесения Абдулсатара Хамитова, Батыром Срымом было получено из Бухары письмо с уверениями, что «ежели они, Срым с товарищами, воевать с российской стороною желают, в таком случае Бухария пособие дать в готовности находится». Хамитов извещал царскую администрацию в Оренбурге о письме бухарского «управителя Бегиджана» (то есть Шахмурада), в котором якобы говорилось: «Ежели он, Срым, желанием имеет для благочестия противу России вооружаться и буде ему, Сырым, для того потребно пособие, то он, Бегиджан, имеет ему, Сырым, дать 17 000 совсем вооруженного войска»⁶.

Между тем внутреннее и внешнее положение Бухарского ханства, занятого подавлением центробежных стремлений самостоятельных феодалов и войнами со своими южными соседями — Ираном и Афганистаном, — вряд ли позволяло ему вступать в сколько-нибудь серьезный конфликт с Россией. Хотя Шахмурад и создавал впечатление о своей готовности выступить на стороне Турции против России, более важно было для него политическое влияние в казахских жузах. В условиях конфликта между царской администрацией и султанами, с одной стороны, и родовыми старшинами — с другой, Бухара рассчитывала приобрести определенные дивиденды от своей поддержки движения Батыра Срыма. Учитывая важность политической поддержки со стороны Бухары, и Батыр Срым направлял в Бухару свое посольство как раз тогда, когда в ней находились турецкие представители.

Царское правительство внимательно следило за обстановкой в казахской Степи. Оно, как и оренбургский генерал-губернатор Игельстром, было информировано о действиях Бухары в жузах и предпринимало самые энергичные меры для укрепления там своих позиций. Вопрос о противодействии усилившейся пропаганде мулл неоднократно обсуждался в совете при императрице Екатерине II. Еще до начала русско-турецкой войны оренбургский генерал-губернатор выступил с предложениями о постройке в Младшем жузе мечетей, школ для детей знати, строительстве городов и укрепленных пунктов в Степи, переносе линий укреплений в глубь ее, разделении жуза и т. д. Знала царская администрация и о турецком посольстве в Бухаре и старалась установить истинные его намерения на переговорах с эмиром. Командир астраханского казачьего полка Г. В. Персидский писал, что, по слухам, посланцы Порты прибыли в Бухару для того, чтобы поднять Среднюю Азию против России⁷.

Царское правительство располагало и более достоверными сведениями, в частности показаниями казанского татарина Абзялила Рязиева, «посланного в Бухарию конфиденнтом». В донесении императрице генерал-губернатор А. А. Пеутлинг писал, что Рязиев был послан в Бухару в сентябре 1789 г. «для разведования о расположениях бухарского аталыка Шахмурада бия к России, равномерно о предмете и успехах прибывшего к нему турецкого посольства»⁸. В том же донесении говорилось, что «в скором времени следует ожидать равномерного возвращения отправленного в минувшем октябре месяце его же превосходительством господином генерал-поручиком и кавалером бароном Игельстромом туда же другого конфиденнта муллы Абдулкарима».

Рязиев сообщал, что в Бухаре он познакомился с Сагитовым, который «ему объявил, здесь де есть посол от Султана турецкого присланный к бухарскому двору с письмом и находится уже с пять месяцев, который бухарского просит, чтобы присоглася народ киргизский к России кочующий и с ними бы вообще Российские границы разоряли»⁹.

Приезд турецкого посольства в Бухару должен был подтолкнуть к выступлению против России не только казахские жузы, но и среднеазиатские ханства. Об этом свидетельствует и донесение кавказского наместника Коллегии иностранных дел. В мае 1789 г. был задержан бухарец Ходжа Султан Сеит Камиль

Ходжаев, у которого были обнаружены два письма на персидском языке: «Оные означают его посланником, отправленным от Порты в Бухару; посольство его состояло в том, чтобы бухарский хан склонил узбеков, трухменов, каракалпаков, киргизцев, вооружаясь нападать неприятельски на Россию»¹⁰.

Рязиев в своих показаниях писал, что вскоре после отъезда турецкого посла «в Бухарии была от Шахмурада бия публикация, чтобы назначенные к воинству люди к следованию в поход под город Мещед персидского владения были в готовности, под коим де прежде отправленного из Бухары войска находится десять тысяч». Шахмурад и стремился воздействовать на жузы с тем, чтобы поднять их на борьбу с Россией, а самому остаться в стороне от конфликта. Рязиев доносил, что встретил в Бухаре трех «киргизцев» из Младшего жуза, присланных «послами к Шахмураду бию от Сырым батыра, просить о показании им земли для кочевья киргизскому народу и более подле России кочевать им за притеснениями от оной и за захватами киргизцев не можно». В то же время Рязиев сообщал, что «был отправлен от Бухарского двора в Россию Бек кара кази», который должен был просить, «чтобы киргизцы усмирены были». Истинной же целью этого посольства было «киргизцев более сплотить с Россиею к возмущению», а также «осмотр крепостных укреплений на границе Российской»¹¹.

После победы России в русско-турецкой войне и спада восстания Батыра Срыма, обусловленного как внутренней слабостью и классовой неоднородностью движения, так и энергичными мерами царского правительства, ситуация в регионе существенно изменилась. Намерения Бухары ослабить влияние России в Младшем жузе не оправдались. Шахмураду стало ясно, что лояльная по отношению к России политика принесет Бухаре больше выгоды. С посольством, прибывшим в Россию в 1797 г., он направил послание, в котором так разъяснял смысл своей политики: «Покровитель веры (турецкий султан. — Х. Г.) прислал к нам грамоту повеления нам... ополчиться за него, итти с востока и воевать против России. Но мы ответствовали ему, что из уважения на древнюю дружбу просим мы его потушить пламя войны между двумя империями»¹².

К тому времени изменилась обстановка на южных границах Бухарского ханства. Длительные междоусобицы в Иране завершились победой Ага-Мухаммед-хана. В 1795 г., после похода в Грузию, он провозгласил себя шахом. Усиление Ирана угрожало интересам Бухары. Зная об интересах России на Кавказе, Шахмурад решил заручиться поддержкой России на случай возможного столкновения с Ираном и с этой целью направил в Россию Палванкули-курчи.

3 марта 1797 г. астраханский губернатор Аршеневский доносил в Коллегию иностранных дел: «Сего дня отправлен из Астрахани при приставе Дурнове к высочайшему двору бухарского двора посланник Мулла Палванкул-курчи со свитою в пяти человеках состоящего»¹³. 19 марта, в день приезда посланника в Москву, за ним был послан коллежский ассессор Мирза Абутураб Насыров. Вместе с ним Палванкули-курчи отправился на аудиенцию к ведавшему в Коллегии сношениями с азиатскими странами С. Л. Лашкареву. Ему и были вручены привезенные посольством грамоты. После перевода их на русский язык они были переданы канцлеру А. А. Безбородко.

Грамота Шахмурада была адресована Екатерине II и датирована 1796 годом. Следовательно, в момент отправления посольства эмир еще не знал о смерти императрицы, последовавшей 6 ноября 1796 года. В грамоте говорилось: «Еретик и неверный Ага-Мухаммед-хан (иранский. — Х. Г.), возгордился сделаться завоевателем, начал разорять христиан, напал на жителей тифлиских, поработил их и взявши же в плен жителей помянутого царства (Грузинского. — Х. Г.) отвел их в Персию»¹⁴. Далее Шахмурад писал: «Ага-Мухаммед-хан после учиненного им на христиан нападения, завладев богатствами и сокровищами тифлискими, завоевал Хорасан и, получив в добычу сокровища и богатства шаха Надира, приобрел через то себе такую силу, что я, маломощный, не в состоянии ему противостоять и с ним сразиться... прошу заступить мне место матери, а меня принять сыном вашим и мне прислать по крайней мере десять тысяч человек войска и пятьдесят пушек с надлежащим количеством ядер и пороху, на тот конец, что ежели бы еретик Ага-Мухаммед предпринял учинить нападение на области вашего императорского величества, я бы мог напасть на него с тылу и ему воспрепятствовать и что если бы он напал на Туран, со стороны вашего императорского величества было бы учинено ему препятствие»¹⁵.

Чем же была вызвана эта просьба бухарского правителя? Совершив ряд походов на Хорасан, дойдя до Мешхеда, одного из религиозных центров Ирана, Шахмурад не смог, однако, захватить этот город. В 1796 г. Ага-Мухаммед подчинил себе Хорасан. В этих условиях эмир, стремясь реализовать свои замыслы захвата Мешхеда, решил, видимо, воспользоваться конфликтом между Ираном и Россией в Закавказье, чтобы заручиться ее военной помощью.

Палванкули-курчи передал устно следующую просьбу эмира: «По случаю имеющейся между бухарцами и персианами войны бухарский хан, государь его (посланника. — Х. Г.) нижайше просит Российский императорский двор о снабжении его 2,500 лат или панцирей воинских»¹⁶.

3 мая 1797 г. Палванкули-курчи были вручены императорская грамота и письмо канцлера эмиру,

которое можно рассматривать как официальный ответ царского правительства на просьбы Шахмурада. Канцлер писал: «Его императорское величество повелел мне вашему высокостепенству сообщить, что... его величество находит небезнужным и без того для всякой впредь предосторожности владетелям дружественных областей и соседственных быть им всем между собой в тесном союзе, а буде бы и при таком союзе что противу чаяния последовать могло со стороны помянутого осрамившегося хана (Ага-Мухаммеда. — *Х. Г.*), тогда уж его императорское величество мой всемилостивейший государь конечно за владельцев ему приязненных сказать своего сильного заступления не оставит»¹⁷.

Это был отрицательный ответ, и, по-видимому, другого и быть не могло. Дело в том, что отношения между Россией и Бухарским ханством не были тогда скреплены договорами. К тому же эмир не брал на себя никаких обязательств в обмен на ту военную помощь, которую он просил. Главной же причиной отказа было то, что восточная политика в планах Павла I отходит на второй план. В пользу этого говорит и осуществленный царем отзыв его войск из Азербайджана.

Примечания

1. АМИНОВ А. М. Экономические связи Узбекистана с Россией в XVI—XIX вв. — Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент. 1957, с. 113.
2. ВЯТКИН М. П. Батыр-Срым. М. — Л. 1947, с. 269.
3. БАТРАКОВ В. С. К вопросу о торговых связях казахов со Средней Азией и Россией в XVIII в. — В кн.: Материалы по истории Средней Азии. Ташкент. 1966, с. 23.
4. ВЯТКИН М. П. Ук. соч., с. 137.
5. См.: ЛЕВШИН А. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. СПб. Ч. 2. 1832, с. 300.
6. Государственный архив Оренбургской области, ф. Экспедиции пограничных дел, 1792 г., д. 184, л. 3.
7. ВЯТКИН М. П. Ук. соч., с. 228.
8. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Сношения России с Бухарой, оп. 109/II, 1790 г., д. 15, л. 1.
9. Там же, лл. 1об., 3об.
10. Там же, 1792 г., д. 17, лл. 3—3об.
11. Там же, д. 15, лл. 6—6об.
12. Там же, 1795—1799 гг., д. 2, лл. 26—26об.
13. Там же, 1797 г., д. 1, л. 1.
14. Там же, д. 2, л. 4.
15. Там же, лл. 5—5об.
16. Там же, л. 10. Посольство было отправлено в Россию из действующей армии, на это указывает звание посланника. В Бухаре «курчи» называли военных, которые занимались охраной пороха, патронов и прочих принадлежностей огневой стрельбы (см.: СЕМЕНОВ А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. — В кн.: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 11. Сталинабад, 1954, с. 49).
17. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой, оп. 109/II, 1797 г., д. 7, лл. 17 об.—18.

Хайдуки в Венгрии

Т. П. Гусарова

Хайдуками (иногда у нас пишут «гайдуки») называют участников вооруженной борьбы балканских народов против турецких завоевателей. Порой общественное мнение конца XVI — начала XVII в. не скупилось на крайне отрицательные оценки хайдуков. Их называли «негодьями», «мошенниками», «безбожными дикарями». Государственное собрание Венгрии неоднократно издавало законы, направленные против хайдуков. Но наряду с хулой в их адрес звучали и другие слова: «поборники свободы», которые «с оружием в руках сражались за возвращение свободы любимой родине»¹; их награждали землями и приобщали к дворянскому сословию.

Историография XIX—XX вв. оценивала хайдуков столь же противоречиво, как и современники. Те историки, для которых главными критериями служили про- или антигабсбургские настроения хайдуков, рассматривали их сообразно собственным политическим симпатиям или антипатиям. Романтически и националистски настроенные исследователи видели в них героев национально-освободительного движения, сторонники австро-венгерского союза — врагов нации. Другие авторы во главу угла ставили вопрос о социальном происхождении хайдуков (простонародном либо дворянском) и в зависимости от своих классовых позиций определяли их место в истории. Для некоторых важнее всего в оценке хайдуков было их участие в антитурецких войнах. И в современной венгерской историографии в освещении этого вопроса имеются серьезные расхождения². Разноречивая оценка роли хайдуков обусловлена неоднозначностью их поведения, что в свою очередь было следствием сложного положения Трансильвании после распада Венгерского государства.

В венгерском толковом словаре хайдуками называются появившиеся в XVI—XVII вв. воины — выходцы из среды бедняцкой крестьянской молодежи. На крестьянское происхождение хайдуков указывали и современники, объясняя возникновение этого многочисленного слоя воинов бегством крестьян из разоренных войной деревень. Связывали их появление и с пастушеством³, традиционным для степной Венгрии типом хозяйства. В XV в. для выпаса и перегона скота на ближние и дальние рынки (в Италию, Германию) требовалось много пастухов и погонщиков, физически сильных и выносливых людей, умевших владеть оружием. Их-то и называли хайдуками. С конца XV в. в результате наступления феодалов на крестьянское товарное хозяйство многие хайдуки оказались без средств к существованию. Не случайно источники упоминают хайдуков (тогда еще не воинов) среди ближайшего окружения Дьёрдя Дожи, возглавлявшего в 1514 г. крупнейшее в истории Венгрии антифеодалное восстание крестьян⁴.

Кроме того, в результате антитурецких войн, расшатывавших венгерскую экономику, росло число людей, лишенных возможности заниматься крестьянским трудом. Особенно много хайдуков (уже воинов) появилось во время турецких походов 40—60-х годов XVI века. Ряды хайдуков пополнялись также за счет воинов гарнизонов пограничных крепостей, попавших в руки противника, за счет деклассированных дво-

---

Гусарова Татьяна Павловна — кандидат исторических наук, старший преподаватель исторического факультета Московского государственного университета.

рян, поместья которых остались на захваченной турками территории. Среди хайдуков было много и южных славян, влахов.

Отряды хайдуков возникали стихийно, когда ни центральная власть, ни магнаты не были в состоянии собственными силами оказать сопротивление завоевателям. К концу XVI в. хайдучество в основных чертах сложилось как самостоятельная прослойка воинов-профессионалов. Как правило, хайдуки собирались в небольшие конные или пешие отряды, возглавляемые выборными капитанами, и сражались на свой страх и риск, живя только добычей, либо стремились найти «хозяина», к которому нанимались за жалованье. «Хозяином» для них могли стать король, крупный феодал (магнат). В соответствии с этим различались хайдуки королевские, частновладельческие и свободные.

Королевские хайдуки в основном служили в пограничных крепостях. Причем получали они жалованье меньшее, чем немецкие наемники⁵, — его не хватало даже на пропитание, не говоря об обмундировании и военном снаряжении. Кроме того, казна нередко задерживала жалованье по нескольку лет, а то и вовсе прекращала его выплату. В результате хайдуки были вынуждены самовольно захватывать земли вокруг крепостей и кормиться с них, не брезгуя и грабежом окрестного населения. Габсбургские власти стремились уменьшить число хайдуков в составе гарнизонов пограничных крепостей, не без основания опасаясь, что последние могут стать очагами сопротивления в условиях нарастания в Венгрии в конце XVI в. антигабсбургских настроений.

Большой вклад в оборону страны от турок внесли магнатские хайдуки, служившие как наемники или как военные поселенцы, освобожденные от крестьянских повинностей. Военной добычей они были обязаны делиться с «хозяевами», в пользу которых могли нести и полицейские функции. Все это делало хайдуков нужными магнатам, и те укрывали их от преследования за грабежи и насилие над мирным населением⁶.

Иное положение в обществе занимали «свободные хайдуки», или «свободные парни», — те, кто не имел постоянной службы и предлагал свои услуги любому, кто платил больше. Некоторые из них сражались против турок в составе гарнизонов пограничных крепостей, без жалованья, лишь за добычу. Однако большинство вело бродячий образ жизни, скрываясь в лесах и оттуда совершая нападения на турок, и не только на них⁷. Это была наиболее беспокойная часть хайдучества, находившаяся на грани социального бандитизма. Именно против нее в первую очередь были направлены запретительные решения Государственного собрания.

В начале XVII в. численность всех категорий хайдуков оценивается историками приблизительно в 40 тыс. человек (общий военный потенциал Венгрии и Трансильвании исчислялся в 60—70 тыс. человек)⁸; от половины до двух третей в них составляли свободные хайдуки. У государства и общества отсутствовали возможности, а порой и желание организовать и использовать военные силы хайдуков, что, с одной стороны, мешало их превращению в современную для своей эпохи армию, а с другой — толкало на грабежи и насилие. Вместе с тем хайдуки в своих действиях вряд ли принципиально отличались от наемных армий XVI—XVII веков.

Хайдуки приобрели большой опыт ведения пограничных войн и выработали соответствующую тактику, сущность которой заключалась в быстроте и внезапности нападения. Они нападали, как правило, ночью, неожиданно, из засады на дороге, перед лагерем или войском противника, умели оборонять крепости, прекрасно владели холодным оружием, были искусными стрелками. Пешие хайдуки пользовались малоизвестным в то время приемом защиты от артиллерийского обстрела: они ложились, рассредоточившись на местности, и тем самым избегали больших потерь⁹.

Однако хайдуки не очень высоко ценились военными специалистами того времени и играли роль вспомогательного войска. Им не хватало современного оружия, дисциплины, военной подготовки, особенно в условиях операций, в которых главное место отводилось тяжелой полевой пехоте. Недостаток вооружения у хайдуков частично компенсировался за счет быстрых действий их легкой конницы, которая могла не только деморализовать противника, но и вовремя отступить в случае серьезного контрудара.

Особую популярность хайдуки приобрели в начале XVII в. на гребне военно-политических событий, вызванных началом антигабсбургских освободительных движений. Своей административной, сословной, финансовой, военной, национальной, религиозной политикой (преследование протестантов) Габсбурги пытались превратить доставшуюся им часть Венгрии в провинцию медленно централизующейся империи. Рассматривая Венгрию как буфер между своими наследственными владениями и турецкими, они не уделяли должного внимания ее обороне, в результате чего османы продолжали захватывать венгерские земли.

Венгрия оказалась между двух врагов. И относительно того, против которого из них нужно бороться в первую очередь, в обществе существовали различные мнения. Имелись убежденные сторонники Габсбургов, для которых будущее Венгрии было неотделимо от Австрии. Другие не порывали с Габсбургами,

потому что считали невозможным без их помощи освободить страну от турок. Третьи, напротив, надеялись в деле достижения независимости от Габсбургов на союз с Портой.

Антигабсбургское освободительное движение продолжалось с перерывами более 100 лет (1604—1711). Его участники в Венгрии выступали в тесном союзе с Трансильванией, которую Габсбурги также старались подчинить себе¹⁰. Во главе движения стояли феодалы, но его активно поддерживали и широкие народные массы, не в последнюю очередь хайдуки. Исследователи спорят о том, имели ли хайдуки, выступавшие как против Габсбургов, так и на их стороне, какие-либо политические убеждения и как расценивать их выступления против властей — в качестве оппозиции или самостоятельного проявления антифеодальной борьбы. Нам думается, что позицию хайдуков можно понять только в контексте тех противоречий, которые были свойственны обществу в целом, с учетом специфики положения в нем этого слоя.

Наибольший вклад хайдуки внесли в первое антигабсбургское восстание, возглавленное Иштваном Бочкай в 1604 году. Оно развивалось успешно во многом благодаря переходу на сторону Бочкай хайдуцкого отряда, посланного против него в составе императорских войск. 15 октября у Альмошда произошло первое сражение, принесшее победу хайдукам Бочкай и поднявшее их военно-политический престиж. С точки зрения тактики оно характерно для хайдуков: ночью их отряд напал на арьберггард растянувшейся колонны императорского войска; внезапная атака, сопровождавшаяся боевым кличем хайдуков «Хай! Хай! Хайра!»¹¹, посеяла панику среди противников и расстроила их ряды. На помощь немцам подоспела шедшая в авангарде тяжелая силезская конница и отогнала хайдуков. Однако те, укрывшись в лесу, восемь раз из засады неожиданно нападали на императорскую кавалерию, пока не разбили ее и не обратили остатки ее в бегство¹¹. В результате этой победы, заслуга которой всецело принадлежала хайдукам, в руках Бочкай почти сразу оказались Парциум¹² и ряд прилегающих к нему комитатов.

До сих пор до конца не выяснено, что побудило хайдуков перейти на сторону Бочкай. В заявлениях Бочкай и самих хайдуков доминируют конфессиональные и патриотические мотивы. Однако в данном случае трудно соотнести меру истины и демагогии. Не исключено, что в переговорах между Бочкай и капитанами хайдуков затрагивалась и материальная сторона вопроса: оплата службы хайдуков, выдвижение их капитанов на руководящие посты в армии (что впоследствии и произошло¹³) с предоставлением им дворянских привилегий.

Между тем движение ширилось, и осенью 1605 г. повстанцы вышли к западным рубежам королевства, угрожая Вене. В том же году Бочкай был избран князем Трансильвании, а затем и князем Венгрии. Габсбурги были вынуждены пойти на переговоры. Мир, заключенный между воюющими сторонами в Вене в июне 1606 г., предусматривал независимость Трансильвании и Парциума, расширение владений Бочкай, свободу вероисповедания (но не для местечек и деревень), соблюдение прав и привилегий дворянства¹⁴. Венгрия оставалась под властью Габсбургов.

Еще в начале переговоров хайдуки, составлявшие основу войска Бочкай, выступили против заключения мира. Крепостным, бежавшим в хайдуки, это грозило возвращением в поместья феодалов. А после войны большинство хайдуков лишилось бы средств к существованию. Бочкай жестоко расправился с несколькими капитанами, которые заняли резко отрицательную позицию в вопросе о мире и могли бы повернуть всех хайдуков против князя. В то же время, чтобы успокоить хайдуков и обеспечить их положение в мирное время, он принял некоторые меры, главной из которых было предоставление более чем 10 тыс. рядовых хайдуков земли для поселения в комитате Сабольч, где находились имения Бочкай. Эти хайдуки получали коллективное дворянство и освобождались от повинностей при условии несения ими и их потомками государственной военной службы¹⁵. Но Бочкай не решил полностью хайдуцкий вопрос, так как пожалования не коснулись большей части хайдуков.

Так возникли хайдуцкие поселения и привилегированное хайдучество, состав которого пополнился еще несколькими тысячами при князе Габоре Батори (1608—1613 гг.) и позже. Оставаясь военными, жители хайдуцких поселений приобщались к мирным занятиям, особенно к товарному скотоводству. Среди них появилось немало владельцев стад крупного рогатого скота в несколько сотен голов. Интересы богатых поселенцев-хайдуков сближались с интересами местной крестьянской верхушки. Хайдуцкие поселения привлекали массы беглых крестьян, которые оседали там, несмотря на указы властей об их обязательной выдаче владельцу. Поэтому в ходе выступлений хайдуков против габсбургских властей к ним присоединялись крестьяне, и эти движения приобретали определенную антифеодальную окраску. Однако полного совпадения интересов между теми и другими все-таки не было: когда защита беглых крестьян ставила под угрозу привилегии хайдуков, последние предавали своих союзников.

Участие в военно-политической борьбе, складывание определенного военного и территориального единства, привилегированный статус части хайдуков способствовали развитию их общественного сознания, превращению в силу, сыгравшую немаловажную роль в дальнейших событиях. Дважды (в 1607 и 1630 гг.) жители хайдуцких поселений с оружием в руках поднимались на защиту от Габсбургов и магнатов

своих свобод, привилегий, религии. В результате они не только смогли сохранить свои вольности и умножить число хайдуцких поселений, но и оказали заметное влияние на расстановку политических сил, помогли получить венгерскую корону эрцгерцогу Матфею (Матяш II Габсбург, 1608—1619), а Трансильванское княжество — Дьёрдю I Ракоци (1630—1648).

Различные политические группировки использовали хайдуков в борьбе за власть, играя на их религиозных чувствах, антитурецких настроениях, их хроническом безденежье. Положение осложнялось тем, что хайдуцкие поселения оказались по обе стороны венгерско-трансильванской границы. В начале правления князя Габора Бетлена (1613—1629) Габсбурги настраивали против него хайдуков со своей территории под тем предлогом, что Бетлен собирается продать туркам Трансильванию¹⁶. И лишь тогда, когда Матяш II по требованию турок стал заменять венгерские пограничные гарнизоны на немецкие, общее мнение хайдуков изменилось в пользу Бетлена.

В Тридцатилетней войне (1618—1648) около 20 тыс. хайдуков сражались в войсках Бетлена в составе антигабсбургской коалиции. Участвуя в трех военных кампаниях Бетлена, они показали как сильные, так и слабые свои стороны. В битве у Белой Горы в 1621 г. хайдуки разбежались почти сразу после первого выстрела (они так и не научились брать крепости и вести полевое сражение). Зато те боевые действия, в которых удавалось применить традиционную хайдуцкую тактику, приносили им успех. Одной из крупных побед Бетлена и его хайдуков было сражение при Эршекуйваре в июле 1621 года. Они напали на большой отряд императорской армии, вышедший из лагеря, и в ожесточенном бою вынудили его отступить, рассчитывая на плечах врага ворваться в укрепленный лагерь. Их не остановил шквальный огонь 300 мушкетов. Несмотря на большие потери, хайдуки врезались в ряды пехоты, а затем преследовали противника до самого лагеря. Отряд кавалеристов, испытанных и смелых солдат, посланных командующим императорским войском Бюкуа против хайдуков, был опрокинут, а сам Бюкуа попал в плен¹⁷.

Хотя военные успехи позволили Бетлену добиться от Габсбургов некоторых уступок (Никольсбургский мир 1622 г., Венский мир 1624 г., Пожоньский мир 1626 г.), но не такие сражения, как Эршекуйварское, определяли тогда успех войны. Отношения Бетлена с хайдуками строились уже на иной основе, нежели у Бочкаи. Он не наделял их землями и привилегиями, а принимал на службу за жалованье, требуя от них дисциплины и подчинения.

Ненависть к туркам была, пожалуй, наиболее стабильной чертой политического поведения хайдуков. В военном отношении турки угрожали самому существованию хайдуков не меньше, чем другие враги, и даже в мирное время требовали изгнания привилегированных жителей хайдуцких поселений, а также ликвидации венгерских пограничных гарнизонов. Во время походов первыми на пути завоевателей оказывались хайдуцкие пограничные поселения. Очевидно, этим можно объяснить верность хайдуков князьям Дьёрдю I Ракоци в 1636 г. и Дьёрдю II Ракоци в 1657 г., когда они отказались подчиниться решению Порты оставить престол и предпочли отстаивать свое право с оружием в руках. Хайдуки не поддались ни на подкупы, ни на угрозы турок и их ставленников. Хайдуки Дьёрдя I одержали победу над османами в битве у Салонты, напав ночью на их лагерь, и сохранили своему князю трон. Хайдуки Дьёрдя II из комитатов Бихар и Сабольч погибли вместе со своим князем в сражении у Варада. После этого войско будайского паши старательно выполняло в Бихаре приказ великого визиря «завоевать или вырезать» всех хайдуков, а их жилища «превратить в пыль и пепел»¹⁸.

В конце XVII в. войны с Портой завершились победой Габсбургов. Венгрия была освобождена от турок. Главной военной силой на последнем этапе борьбы были не хайдуки и даже не венгерские войска, а иностранные армии, наемники, находившиеся на службе у империи. В начале XVIII в. затихли и антигабсбургские освободительные выступления. Венгрия так и не добилась независимости. Трансильвания тоже подпала под власть Габсбургов. Лишь часть хайдуков, в первую очередь свободных, выступала на стороне куруцев (такое название получили враги Габсбургов) под предводительством Ференца I Ракоци, Имре Тёкёи, Ференца II Ракоци. Привилегированные хайдуки предпочитали оставаться в стороне или поддерживали королевскую власть, развернувшую успешную борьбу против Османской империи. В эти годы хайдуки понесли значительно большие потери, нежели в первой половине XVII века. Многие из оставшихся в живых были вынуждены эмигрировать. Военная история хайдуков в основном завершилась. В 1699 г. хайдуцкие поселения были лишены налоговых привилегий. Обстоятельства, породившие хайдуков, исчезли, а в новых условиях они оказались ненужными.

Примечания

1. SZAMOSKÓZY I. Erdély története (1598—1599, 1603). Vol. 1. Budapest. 1977. 414. old.; Erdélyi történelmi adatok. Vol. III. Kolozsvár. 1860, 48. old.; Corpus Juris Hungarici. Vol. II. Budapest. 1899; BENDA K. Bocskai-szabadságharc. Budapest. 1955, 124—129. old.
2. TAKÁTS S. A magyar gyalogság magalakulása. Budapest. 1908; BENCZEDY L. Kátonarétegek helyzete a török elleni várnáborúkbán. — Hádtörténelmi Közlemények (HK), 1966, 4. sz.; BENDA K. Op. cit.; DÉMKÓ K. Magyarország hadiereje a XVI. században — HK, 1916; MAKKAI L. A kuruc nemzeti összefogás elzményei. Budapest. 1956; NAGY L. Hajdúvitézek (1591—1699). Budapest. 1983; DANKÓ I. A hajdú kutatás jelenlegi állása és feladatai. Debrecen. 1969; RACZ I. A hajdúk a XVII. században. Debrecen. 1969; etc.
3. Magyar értelmező kéziszótár. Budapest. 1975, 498. old.; Monumenta Hungariae Historica II. Vol. 7. Budapest, p. 167; ISTVANFFY M. A magyarok történetéből. Budapest. 1962, 435—436. old.
4. SZABÓ I. Jobbágyok-parasztok. Értekezések a magyar parasztság történetéből. Budapest. 1976, 212—214. old.; SZÉREMI Gy. Magyarország romlásáról. Budapest. 1979, 80. old.
5. Во второй половине XVI в. пешие хайдуки получали ежемесячно 2 форинта, конные — 3, немецкие кирасиры — 15 форинтов и питание (TAKÁTS S. Buda két arulója. Budapest. 1979. 8. old.).
6. RÁCZ I. Op. cit., 126—137. old.
7. DEMKÓ K. Op. cit., 165. old; TAKÁTS S. A magyar gyalogság. 112. old.
8. NAGY L. Op. cit., 56. old.
9. Ibid., 117. old.
10. ШУШАРИН В. П. Габсбурги, Венгрия, Трансильванское княжество и Османская империя в XVI в. — В кн.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М. 1984, с. 210—214.
11. SZAMOSKÓZY I. Vegyes fóljegyzesek (1542—1608). — In: Monumenta hungariae Historica II. Vol. XXX. Budapest. 1880. 247. old.
12. Парциум — девять венгерских комитатов к востоку от Тисы, отрезанных от западных областей Венгерского королевства в результате турецких походов 1543 г. (История Венгрии. Т. 1. 1971, с. 364).
13. NAGY L. A Bocskai-szabadságharc katonai története. Budapest, 1961, 382. old.; Magyarország története 1526—1686. I.k. Budapest. 1985. 719. old.
14. Corpus Juris Hungarici. Vol. II, pp. 958—978.
15. Magyar Országgyűlési Emlékek. XI. k. Budapest. 1899, 161. old. BENDA K. Op. cit., 124—129. old.
16. NAGY L. Adalékok Bethlen Gábor honvédelmi politikájához uralkodása első éveiben. — HK, 1962, 1 sz.
17. Bethlen Gábor emlékezete. Budapest. 1980, 149. old.; NAGY L. Hajdúvitézek, 227. old.
18. SZALARDI J. Siralmas magyar kronikája. Budapest. 531. old.

Петроглифы Саян

М. А. Дэвлет

В Саянском каньоне Енисея, где река пробивает себе путь сквозь горы, на прибрежных скалах встречаются изображения, выполненные рукой древнего человека: красочные писаницы и выбитые или вырезанные на скалах петроглифы (знаки на камнях). Это любопытные источники, отражающие различные стороны жизни первобытного человека, прежде всего его идеологию. Петроглифы Саян получили известность в литературе недавно, хотя первые наскальные изображения были обнаружены там свыше века назад. В 1881 г. крупнейший в досоветский период исследователь петроглифов Енисея А. В. Адрианов нашел у р. Чинге выбитые на скале изображения животных и какие-то знаки. В 1901 г. им же были открыты у Кантегира и Сосновки-Джойской наскальные рисунки, выполненные охрой.

А открытие уникальных петроглифов в верхней части Саянского каньона связано со строительством Саяно-Шушенской ГЭС. С. В. Макаров, производивший топографическую съемку в ложе будущего водохранилища и обследовавший берега Енисея выше устья р. Хемчик, обнаружил на валуне у Чингенской воронки наскальные изображения животных. Затем последовали открытия петроглифов на правобережье Чинге, скалах Бижиктиг-Хая и в других пунктах. После того как в 1965 г. была организована Саяно-Тувинская экспедиция Института археологии АН СССР, исследование наскальных изображений Верхнего Енисея осуществлялось далее ею. До затопления зоны там работал Отряд по изучению петроглифов в целях поисков и фиксации наскальных изображений. В результате было скопировано и описано свыше 1 тыс. камней, на которых изображены тысячи фигур и знаков. Они датируются временем от эпохи бронзы и почти до наших дней.

К раннему пласту саянских петроглифов относятся до 300 изображений личин-масок, около 100 изображений прямоугольных жилищ с примыкающими к ним загонами и ямки-лунки. Эти сюжеты особенно характерны для святилища Мугур-Саргол. Иногда все три сюжета встречаются в композиционной связи на одной плоскости. Особенно интересно изображение, на котором один рог личины завершен окружностью с ямкой-лункой в центре, а другой — квадратом, трактуемым как жилище в плане. Этот рисунок является доказательством одновременного бытования всех трех сюжетов, составляющих наиболее древний пласт датированных саянских петроглифов.

Широкое распространение масок было связано в древности с обрядовой практикой. Их назначение заключалось в том, чтобы преобразовать человека в иное существо, от лица которого он может действовать. Бытовали многочисленные варианты: маски, которые носили на лбу, голове и пальцах или держали в зубах; маски-костюмы; парные маски, в демонстрации которых участвовали два человека; коллективные маски, каждую из которых представляли от трех до ста человек и более.

Саянские личины-маски относятся к тем, которые держали в руке. Под подбородком личин обозначена ручка, за которую участники обрядов держали маску перед лицом, и лишь в нескольких случаях

Дэвлет Марианна Арташировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии АН СССР.

намечены с двух сторон маски петли для привязывания к голове. На многих личинах изображены усы, на голове иногда нарисованы рога, ниже рогов встречаются уши. Бытовали и неполные личины, у которых нет линии внешнего контура или отсутствует внутреннее заполнение, а на некоторых видны дополнительные детали в виде скобок и полос, передающих устрашающую раскраску. Чем сложнее головной убор, тем насыщеннее внутреннее заполнение личины, причудливее ее облик и выше «социальный статус» духа, которого эта маска изображала.

Характерную особенность наскальных рисунков личин Мугур-Саргола составляет их топография. Изображения сосредоточены близ воды и на плоскостях, обращенных к Енисею. Создается иллюзия созерцания водной стихии. На одном из камней Алды-Мозага, над высоким обрывистым берегом Енисея, плоскость, на которую нанесены изображения, имеет наклон не к реке, а в противоположную сторону, к горе. Чтобы добиться эффекта созерцания воды, древний мастер придал личинам необычное положение: макушками вниз, подбородками и ручками-отростками вверх. Личины оказались перевернутыми, зато они смотрят в направлении реки.

Другой характерный сюжет — изображение оградок круглой и прямоугольной формы с точечным заполнением или рассеянным черточками внутренним пространством. Круглая и прямоугольная оградки примыкают друг к другу, а внутреннее пространство прямоугольных «разработано» — показано жилище в плане. Легко определяются вход в него и отсеки для сна. В центре часто бывает выбито изображение очага и дымового отверстия. Поскольку жилища и загоны для скота, где животные изображены схематично, нанесены в плане как точечные углубления, то есть такими, какими их видит наблюдатель с горы, можно предположить, что кружок — дымовое отверстие.

Но древний художник мог представить и не то, что видел, а то, что знал о предмете: ведь очаг — это не только геометрический центр жилища, но и центр общественной жизни домочадцев. В прошлом размещение членов семьи тувинцев и гостей в юрте было строго регламентировано, нарушение традиции каралось. У гостя, занявшего не соответствовавшее его рангу место, хозяин мог забрать лошадь и седло, заставить работать на себя в течение зимы, насильно женить обидчика на своей незамужней дочери, имеющей ребенка. Вероятно, изображения такого рода создавались в период, когда складывалось право, определявшее место человека в семье и общине.

Изображения лучистых дисков как символов небесных светил составляют особую группу. На втором по величине камне Мугур-Саргола представлено солнце в виде концентрических окружностей с точкой в центре и расходящимися лучами. Ниже находятся еще два лучистых диска меньших размеров. Заманчиво соотнести это изображение с мифом, согласно которому два солнца из первозданных трех убил мифический стрелок, защитивший человечество от чрезмерной жары, при которой плавилась даже камни. В этом мифе объяснено и происхождение амурских петроглифов: после того как два солнца были убиты, на еще мягкие камни были нанесены рисунки, которые затем затвердели. Иногда солярные символы размещены на голове животных. Тут сливаются в едином синкретическом образе реально существовавшие виды животных и стилизованные условные символы светила.

О космогонических представлениях древних жителей рассказывают также выполненные охрой петроглифы бронзового века на скалах при впадении р. Кантегир в Енисей. Они погибли, оказавшись ниже уровня водохранилища Саано-Шушенской ГЭС. Среди их сюжетов — изображение хищного зверя с мощным туловищем на тонких ногах, тупой мордой и широко раскрытой пастью. Хищник, символизирующий «нижний мир» древнейшей мифологии, пытается проглотить светлое «божество» — небесное светило, изображенное в виде диска с расходящимися лучами. Этот рисунок, иллюстрирующий миф о «космической погоне», в котором люди искали объяснение смене дня и ночи, был широко распространен в Евразии. В нем рассказывается о чудовище, которое охотилось за светлыми божеествами — Солнцем, Луной, звездами.

Исследование тувинских петроглифов бронзового века позволяет составить картину мировоззрения далеких предшественников тувинцев и устройства их общества. Особенно большое значение для реконструкции древней идеологии имеют изображения главного камня Мугур-Саргола. В центре святилища находится созданный природою алтарь — скопление черных скальных глыб. Главная плоскость центрального «иконостаса» сплошь покрыта рисунками, по бокам торчат два грандиозных столбообразных монолита, тоже испещренных петроглифами. В промоине на вершине «алтаря» находится изображение роженницы и выходящего из ее чрева плода, но рисунок скрыт от посторонних глаз. Возможно, тогда эту фигуру воспринимали как родоначальницу людей.

Основной «иконостас» разделен скальными трещинами на три яруса. Эти трещины служили естественными рамками, обособлявшими группы рисунков. Их можно рассматривать как отражение древних представлений о структуре мира: верхний, небесный мир, где обитают духи-предки; средний мир людей; подземный мир. Перед зрителем предстает верховное демоническое божество, выделяющееся размера-

ми, сложным головным убором и устрашающим видом. Особенно грозна вторая по величине маска со злобным, насупленным выражением лица, искаженного жуткой гримасой. В средней части алтаря представлен поселок, состоящий из изображенных в плане жилищ, к которым примыкают загоны для скота. В нижней части люди ведут за повод животных, охотятся с луком и собаками, одна фигура показана в позе родовых схваток. Выразительно изображение согбенного старца в длинном одеянии, опирающегося на клюку, и в обуви, напоминающей валенки.

Специалисты отмечают связь петроглифов и изображений масок с обрядами инициаций (посвящений), во время которых юношей знакомили с племенными обычаями и правилами морали, им рассказывали предания, перед ними разыгрывались сцены, изображавшие мифы. Инициации могли сопровождаться созданием новых петроглифов, которые играли роль наглядных пособий. На некоторых скалах обнаружены групповые портреты усатых мужчин в сложных головных уборах и безусых подростков в более простых. Все это подтверждает предположение, что в бронзовом веке обряды инициации совершались именно среди мрачных скал Мугур-Саргола и Алды-Мозага.

Как правило, личины-маски лишены туловища. Но в отдельных случаях на Мугур-Сарголе представлены фигуры с рогатыми головными уборами, как у личин. Эти люди показаны в молитвенной позе, с воздетыми к небу руками. Примечательна фигура в полный рост, выбитая на плите у подножия Алды-Мозага, в рогатом уборе, с лицом, покрытым линиями татуировки, и с руками-крыльями. При ней две маски с ручками. Ее одежда напоминает костюм шамана: обозначен нагрудник, по бокам туловища свисают подвески или бахромы.

Демонические маски на скалах можно рассматривать как прототипы докшитов (грозных защитников закона) — действующих лиц мистерии, во время которой устраивались священные пляски лам в фантастических нарядах. Уродливый внешний вид защитников закона должен был вселять ужас в зрителей. Головы некоторых докшитов венчают бычьи рога (непременный атрибут главного персонажа — цамдокшита Чойджала, о чьем появлении оповещали резкие звуки ганлина — духового музыкального инструмента из берцовой кости человека). Перед Чойджалом лили на землю кровь из габалы — чаши, сделанной из человеческого черепа. Согласно легенде, некоторые докшиты первоначально были демонами; но после того, как их укротил Падмасамбхава, сделав буддистами, они стали охранителями учения Будды. Значит, при первоначальном распространении буддизма в глубинных районах Центральной Азии древние местные божества воспринимались буддийскими проповедниками как злые демоны. В дальнейшем, ассимилируя добуддийские культы, ламаизм включил их в свой пантеон.

Когда же и где состоялись контакты носителей древних обрядов с буддийским миром? Новейшие исследования наскальных изображений, произведенные пакистанско-германской экспедицией К. Йеттмара и А. Дани в верховьях Инда, позволяют наметить одну из возможных таких территорий: в верховьях Инда на скалах представлены древнейшие буддийские изображения и личины, связанные с культурой «окуневского круга». Аналогии этим личинам — как раз мугур-саргольские личины-маски. Буддисты собирались для своих «благочестивых дел» там, где раньше существовало культовое место. Старые божества оставались как бы покровителями, покоренными и поставленными теперь на службу новому учению¹.

Мировосприятие первобытных людей менялось. Если в эпоху бронзы представления о мире были связаны с упорядоченной статичной системой трех миров, то в эпоху хунну (рубеж н. э. — первая половина I тыс.) на саянских скалах появилась композиция, отражающая уже динамическое мировосприятие. В середине 70-х годов в зоне будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС была скопирована ниже впадения Чинге в Енисей замечательная композиция, представляющая бег зверей. Дух эпохи, связанной с появлением завоевателей-хунну, наложил отпечаток на тематику произведений. На многих представлены сцены единоборств, бег зверей, всадники, батальные сцены. Люди и животные изображены стремительно мчащимися, ранеными, истекающими кровью, со стрелами, вонзенными в тело или летящими по направлению к жертве. В нижнем ряду показаны убитые или смертельно раненные, жизненный путь которых завершен.

Содержание композиции связано с осмыслением людьми своего места в мире, объяснением причин умирания и возрождения природы, борьбы света и тьмы, смены дня и ночи.

После того как началось заполнение ложа Саяно-Шушенской ГЭС, образцы петроглифов Мугур-Саргола, вывезенные за пределы зоны затопления, помещены в Республиканский краеведческий музей и в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Примечание

1. ЙЕТТМАР К. Религии Гиндукуша. М., 1986, с. 321.

Жизнь и творчество Н. И. Костомарова

В. А. Замлинский

Сложный и неоднозначный жизненный путь прошел Н. И. Костомаров. Современник А. И. Герцена, Т. Г. Шевченко, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, он был ученым, писателем, фольклористом, трудами и жизнью определившим свое место в отечественной науке и культуре. Многочисленные его монографии, статьи, очерки содержат идеи, образы, картины времен создания Русского государства, укрепления его экономических и культурных позиций, а также истории Украины периода формирования и становления украинского народа, его борьбы за независимость и национальную самобытность. Вместе с тем Костомаров никогда не был пассивным созерцателем своего времени. Он жил в гуще событий, стремясь своими произведениями и деятельностью содействовать движению общества вперед.

К сожалению, как и многие другие деятели дореволюционной науки и культуры, Костомаров был отнесен к разряду отверженных, работы которых якобы несли на себе печать национализма и реакционности, поэтому на протяжении многих десятилетий рассматривались как антиподы советской исторической школы и были упрятаны в спецхраны, подвергались критике и осуждению. Между тем, оценивая его наследие и деятельность, Чернышевский писал: «Костомаров был человек такой обширной учености, такого ума и так любил истину, что труды его имеют очень высокое научное достоинство. Его понятия о деятелях и событиях русской истории почти всегда или совпадают с истиной, или близки к ней»¹.

Приходится только удивляться работоспособности Костомарова, широте его творческих и научных интересов, яркости изложения в его трудах. Он создал галерею исторических образов, обстоятельно исследовал многие важнейшие проблемы отечественной истории, рассматривая в качестве ее движущей силы народ, жизнь и деятельность простых людей. Конечно, в его монографиях, статьях, выступлениях, а их более 300, не все равноценно. Будучи человеком либеральных убеждений и во многом противоречивых общественно-политических взглядов, он был неоднозначен и как историк. Была у него и идеализация прошлого, и проповедь всеобщего примирения на основе христианского «братолюбия», и многое другое. Но в огромном наследии Костомарова главными были постановка и решение многих вопросов прошлого, которые до него не рассматривались, и отстаивание необходимости освобождения трудящегося народа от цепей крепостничества.

Он был горячим приверженцем дружбы русского и украинского народов. В исследованиях и художественных работах Костомарова немало говорится о важности утверждения дружбы между славянскими народами, подчеркивается неразрывность судеб русского и украинского народов: «Мы желаем идти с великорусским народом одною дорогою, как шли до сих пор, наши радости и горести пусть будут общие; взаимно будем идти к успехам внутренней жизни, взаимно охранять наше единство народное от внешних враждебных сил»².

Замлинский Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения и архивоведения Киевского университета им. Т. Г. Шевченко.

К важнейшим чертам творчества Костомарова относятся расширение проблематики исследований и увеличение количества привлекаемых исторических фактов, освещение деятельности выходцев из народа, раскованность изложения, оригинальность выводов, далеких от официальной историографии. Все это в совокупности вносило демократические начала в отечественную науку, что и привлекало к Костомарову — ученому и человеку — Герцена и Чернышевского, Добролюбова и Шевченко, всю передовую общественность России, а позже Маркса, Ленина и многих других. При оценке творчества Костомарова нельзя не учитывать и того, что важнейшие свои работы — «Богдан Хмельницкий», «Бунт Стеньки Разина» и др. — он печатал в «Отечественных записках» и «Современнике», в то время являвшихся трибуной революционной демократии России. Обвинение Костомарова во многих, порой надуманных в угоду времени «грехах» (на основании чего его труды долгие годы были изъяты из обращения) ничего хорошего исторической науке, национальному самосознанию и культуре не принесло, а вред от этого немалый.

Сегодня, в связи с изменением отношения к прошлому, происходит переосмысление развития и самой исторической науки. Это в полной мере относится и к творчеству Костомарова, особенно в части обвинения его в национализме и бесклассовом подходе в оценке исторических явлений и событий. Благотворное влияние оказала перестройка на издание работ ученого³. В серии «Памятники исторической мысли Украины» вышел и молниеносно разошелся однотомник его трудов⁴. Что же касается работ о нем, то пока издана лишь одна монография. В ней впервые после десятилетий замалчивания на основе широкого круга источников и свидетельств современников рассматривается его творческое наследие по истории Украины феодальной эпохи. Кроме того, опубликована небольшая работа о нем как фольклористе и этнографе, исследователе поэтического творчества и быта украинского народа⁵. Наконец, изданы документы и материалы о Кирилло-Мефодиевском обществе, одним из создателей которого был Костомаров⁶.

Костомаров родился 16 мая 1817 г. в селе Юрасовка Ольховатского района Воронежской области. Его мать, Татьяна Петровна Мельникова, была крепостной помещика И. П. Костомарова. Презрев все тогдашние устои, он, спустя три месяца после рождения сына, обвенчался с его матерью, и таким образом она освободилась от крепостной зависимости. Участник взятия Измаила и других сражений под командованием А. В. Суворова, прошедший пол-Европы и проникшийся просветительными идеями, Иван Петрович зачитывался сочинениями Ж. Л. д'Аламбера, Д. Дидро, Вольтера и других энциклопедистов XVIII века. В доме чтит В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. Позже Николай Иванович вспоминал: «В политических и социальных понятиях моего покойного родителя господствовала какая-то смесь либерализма и демократизма с прадедовским барством. Он любил толковать всем и каждому, что все люди равны, что отличие по породе есть предрассудок, что все должны жить как братья, но это не мешало ему, при случае, показать над подчиненными и господскую палку или дать затрещину, особенно в минуты вспыльчивости, которую он не умел сдерживать; зато, после каждой такой выходки, он просил извинения у оскорбленного слуги, старался чем-нибудь загладить свою ошибку и раздавал деньги и подарки»⁷.

И. П. Костомаров стремился дать сыну образование. После неплохой домашней подготовки он был отдан в частный пансион в Москве. В июле 1828 г. Иван Петрович был убит крепостными. Учение пришлось прервать. Объявились наследники, братья Ровневы, которые не собирались освобождать его сына из крепостной зависимости. После сложных переговоров Татьяна Петровна согласилась, чтобы ей выплатили вдовью часть в размере 50 тыс. рублей. Ровневы, получив 14 тыс. десятин земли и крепостных, дали ее сыну вольную. Татьяна Петровна определила сына в частный пансион в Воронеже. В 1831 г. он был принят в третий класс местной гимназии, а после окончания ее в 1833 г. поступил в Харьковский университет.

Открытый в 1805 г., этот университет к тому времени уже представлял собой крупный научный центр. Профессором русской истории в нем был известный украинский поэт П. П. Гулак-Артемовский, всеобщую историю вел М. М. Лунин, под влиянием которого Костомаров и приобщился к чтению книг по истории. В университете он изучил латинский, французский, итальянский языки, немецкую философию, историю, глубоко заинтересовался прошлым Украины.

Окончив в 1837 г. университет со степенью кандидата, Костомаров определился на службу в Кинбурнский драгунский полк в Острогожске. Но уже скоро он понял, что военная служба ему чужда. Впрочем, пребывание в Острогожске имело и свою положительную сторону: ему удалось познакомиться здесь с богатым архивом уездного суда. В нем сохранились старые дела бывшего казачьего полка. Работа над ними так захватила Костомарова, что он забыл о службе, а вскоре и оставил ее. В Острогожске Костомаров впервые непосредственно соприкоснулся с источниками. Зародившееся тогда волнующее чувство от чтения старых бумаг пронес он через всю жизнь. Здесь им была задумана

история Слободской Украины, которая, к сожалению, так и осталась ненаписанной.

Осенью 1837 г. Николай Иванович возвратился в Харьков. Начался новый период его жизни. Слушая лекции в университете, штудировав исторические произведения, он о многом задумывался, и в первую очередь — о роли простого народа в историческом процессе. Уже в то время история сделалась для него «любимым до страсти предметом». Он вспоминал впоследствии: «Читал много всякого рода исторических книг, вдумывался в науку и пришел к такому вопросу: отчего это во всех историях толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждении, но как будто пренебрегают жизнью народной массы? Бедный мужик, земледелец-труженик как будто не существует для истории; отчего история ничего не говорит о его быте, о его духовной жизни, о его чувствах, о способе его радостей и печалей? Скоро я пришел к убеждению, что историю нужно изучать не только по мертвым летописям и запискам, а и в живом народе»⁸.

С большим усердием Костомаров взялся изучать все, что говорилось о народе, его месте в истории. Немалую роль в этом сыграло его тесное общение с такими известными литераторами и учеными, как филолог, славист, историк, палеограф И. И. Срезневский; профессор Харьковского университета, первый прозаик новой украинской литературы Г. Ф. Квитка-Основа-Яненко; поэт, фольклорист, ученый А. Л. Метлинский и др. Костомаров изучал изданные сборники украинских народных песен и дум, с увлечением читал повести Квитки-Основа-Яненко, Гоголя и под их впечатлением сам взялся за перо. Уже в 1838 г. он написал и издал под псевдонимом Иеремиа Галка свое первое драматическое произведение «Савва Чалый», написанное на украинском языке. В следующем году вышел сборник его стихотворений, написанных также на украинском языке, — «Украинские баллады», затем появились сборник малорусских стихотворений «Ветка» и другие издания.

Именно в отношении Костомарова к языку и истории украинцев кроется причина выбора им темы магистерской диссертации «О причинах и характере унии в Западной России», которая, однако, была снята с защиты в связи с протестом церковных властей и министра просвещения С. С. Уварова, усмотревших в ней негативное изображение духовенства и сочувственное — восстания крестьян и казаков. Примечательно, что отзыв о работе молодого историка Уваров поручил дать столпу тогдашней официальной историографии Н. Г. Устрялову. Вывод последнего отражал позицию консервативно настроенной профессуры: «Диссертация принадлежит к разряду тех произведений современной литературы, в которых молодые, малоопытные писатели... заботятся не о подтверждении или лучшем развитии давно признанных истин (по их мнению, устаревших), а о новости воззрения на предмет». И, намекая на В. Г. Белинского, заключал: «Так пишутся многие статьи «Отечественных записок»⁹.

Все отпечатанные экземпляры диссертации Костомарова было приказано уничтожить. Ему, однако, было разрешено писать диссертацию на другую, лояльную тему. И он избрал изучение истории народа «на основании народных памятников и знакомства с народом». Диссертация называлась «Об историческом значении русской народной поэзии». Защитив ее, Костомаров получил 13 января 1844 г. степень магистра¹⁰ и решил посвятить себя преподаванию. Он преподавал русскую историю в частных пансионах Харькова и Киева, в Ровенской гимназии.

В октябре 1844 г. состоялось его знакомство с М. А. Максимовичем — виднейшим историком, филологом и фольклористом¹¹. Прочитав «Малороссийские песни» Максимовича, он так увлекся ими, что выучил весь сборник наизусть. В Киеве Костомаров познакомился и сблизился с представителями передовой украинской интеллигенции — Н. И. Гулаком, А. Н. Марковичем, В. М. Белозерским, П. А. Кулишом. Вскоре в их среде зародилась мысль о создании общества, целью которого было бы осуществление идеи славянской взаимности на принципах равноправности народов. Такой организацией стало созданное по предложению Костомарова «Кирилло-Мефодиевское общество». Им же была разработана и программа, изложенная в «Уставе и правилах» общества, в его программном документе — «Книге бытия украинского народа», а также в воззваниях «Братья украинцы!», «Братья великороссияне и поляки!».

Основной идеей общества было создание вольной федерации славянских народов, а непосредственной практической целью — освобождение крестьянства от крепостничества. В одном из пунктов «Устава и правил» указывалось: «Общество будет стараться заранее об искоренении рабства и всякого унижения низших классов, равным образом и о повсеместном распространении грамотности». Верные своим убеждениям, идеалам дружбы народов, кирилло-мефодиевцы призывали русских и поляков уничтожить в своих сердцах ненависть друг к другу, сделать целью своей жизни «славянский союз, всеобщее равенство, братство, мир и любовь»¹². Позже Костомаров писал, что общество стремилось к тому, чтобы «каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободе», что члены его были проникнуты «омерзением к крепостному праву, к религиозным и национальным ненавистям», «соболезнованием о невежестве народа»¹³, ставили вопросы о его образовании.

28 мая 1846 г. на заседании Ученого совета Киевского университета Костомаров был единогласно избран адъюнкт-профессором кафедры русской истории, а в августе утвержден в этой должности министром народного образования¹⁴. Он продолжал работу над книгой о Б. Хмельницком. «Около этого же времени, — писал Костомаров, — познакомился со мной известный польский археолог граф Свидзинский и, узнавши, что я занимаюсь Хмельницким, привез мне в подлиннике и в списке с подлинника летопись Иерлича, позволив мне пользоваться ею для своей истории»¹⁵. В 1847 г. Костомаров издал в Киеве отдельной книгой («Славянская мифология») извлечения из своих лекций, читанных в Киевском университете во второй половине 1846 года. «К изданию такой книги Костомарова побудили соображения как научного, так и общественно-политического характера... «Славянская мифология» должна была обосновать стремления кирилло-мефодиевцев к объединению славянства не только в единое политическое тело (на федеративных началах), а и в единую духовную целостность, потому что, как стремился доказать автор, славяне были духовно объединены уже в далеком доисторическом прошлом»¹⁶.

И эта работа Костомарова, подобно его первой диссертации, была изъята из обихода и частично уничтожена. Причиной послужило то, что в марте 1847 г. «Кирилло-мефодиевское общество» подверглось разгрому, и Костомаров в числе других его членов был арестован. После года пребывания в Петропавловской крепости он был выслан в Саратов. Там он служил в губернском статистическом управлении, собирал сведения по истории и экономике губернии, на основании которых опубликовал в «Памятных книжках» и «Саратовских губернских ведомостях» ряд статей. Им были также собраны фольклорные материалы, опубликованные в той же газете, а позднее перепечатанные в издании, осуществлявшемся Н. Тихоновым¹⁷.

В 1859 г. в Саратове вышел «Малороссийский литературный сборник», значительную часть которого составили «Народные песни, собранные в западной части Волынской губернии в 1844 году». Они были изуродованы цензурой, и Костомаров остался крайне недоволен изданием. Между тем положение его ухудшилось. Из Петербурга пришло указание «прекратить в «Саратовских губернских ведомостях» печатающиеся некстати народные песни»¹⁸, а в связи с приездом в Саратов нового полицеймейстера были ужесточены условия пребывания и работы ученого. Однако он продолжал трудиться над монографией о Хмельницком и воссоединении Украины с Россией (в 1857 г. она была напечатана в «Отечественных записках» под названием «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России»); над такими исследованиями, как «Иван Свирговский, украинский гетман XVI века», «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях», «Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I», и другими, среди которых важнейшая — «Бунт Стеньки Разина» (напечатана также в «Отечественных записках» в 1858 г.).

Находясь в Саратове, Костомаров внимательно следил за периодическими изданиями, выходившими в Москве и Петербурге, чтобы быть в курсе последних достижений отечественной исторической и филологической науки. Благоприятное влияние оказало на него знакомство с Чернышевским, назначенным в апреле 1851 г. учителем словесности в местную гимназию. Знавший Костомарова по Харьковскому университету профессор славяноведения Петербургского университета И. И. Срезневский рекомендовал Николаю Гавриловичу обязательно познакомиться с молодым ученым. Вскоре Чернышевский убедился в справедливости слов Срезневского и уже через некоторое время писал ему: «Вы, Измаил Иванович, в таких выражениях говорили мне об уме и характере Николая Ивановича, что я сейчас же по приезде своем в Саратов поспешил быть у него: я нашел в нем человека, к которому не мог не привязаться»¹⁹. Эта привязанность, несмотря на определенные расхождения между ними как в образе мыслей, так и в отношении к некоторым проблемам истории и тогдашней действительности, сохранилась на долгие годы.

В апреле 1859 г., получив приглашение Петербургского университета занять кафедру русской истории после выхода в отставку забаллотированного при перевыборах на новое пятилетие Устрялова, Костомаров приехал в столицу. В ноябре он был утвержден в звании экстраординарного профессора Петербургского университета. Его вступительную лекцию студенты встретили рукоплесканиями. Костомаров говорил: «Мы не станем следовать за утомительным рядом княжеских усобиц и войн с иноземцами, но выберем из них только то, что укажет нам степень народного участия в них, народный взгляд на них и влияние их на жизнь народную. Мы не остановимся даже на каком-нибудь громком государственном событии более того, сколько требовать этого будет уразумение воздействия его на народный быт и воспитание... Нам не будет важен никакой закон, никакое учреждение сами по себе, а только приложение их к народному быту». После лекции студенты вынесли профессора из аудитории на руках, а текст ее сразу же был напечатан²⁰.

Мастерство Костомарова-лектора, глубокая научность его лекций и богатство в них фактического материала привлекли всеобщее внимание. Почти каждая его лекция оканчивалась овацией. Слушателями их были не только студенты, но и его коллеги историки, литераторы, чиновники и даже полицейские. Когда в Петербург после солдатчины вернулся Т. Г. Шевченко, то и он, вместе со способствовавшим его освобождению вице-президентом Академии художеств графом Ф. П. Толстым, также стал слушателем Костомарова. На его лекциях бывали Чернышевский и Добролюбов, Марко Вовчок и Кулиш.

Член «Земли и воли», студент университета Л. Ф. Пантелеев вспоминал: «Обладая феноменальной памятью, — а он еще жаловался, что в Петропавловской крепости потерял половину ее, — Николай Иванович, хотя и имел перед собой листочки, но заглядывал в них крайне редко, цитируя наизусть не только выдержки из памятников, но даже томы и страницы изданий памятников... Замечательное умение располагать материал, подкреплять и окрашивать свою мысль характерными местами летописи или документов, неподражаемое искусство передавать слова современников их тоном придавали изложению особую живость и интерес». На лекциях, пишет далее Пантелеев, слушатели осознали, что «историческое понимание Костомаровым нашего прошлого представляло крупный шаг вперед... Впервые в трудах и на лекциях Костомарова... послышался голос народа. И этот народ выступил не в одной роли лишь подчиненного материала, но как фактор, пытавшийся самостоятельно направлять исторический процесс»²¹.

Об уважении, с которым передовое общество относилось к Костомарову, свидетельствует поддержка его на диспуте с М. П. Погодиным, состоявшемся 19 марта 1860 г. в Петербурге. В первом номере «Современника» за тот год были напечатаны статья и критический отзыв Добролюбова на книгу Погодина «Норманнский период русской истории». Тогда Погодин и предложил Костомарову публичный диспут. Чернышевский писал родным 22 марта 1860 г.: «В субботу был в большой университетской зале ученый диспут между Ник. Ив. Костомаровым и Погодиным, нарочно приехавшим для этого из Москвы... Публики было более 1500 человек. Каждое слово Костомарова покрывалось продолжительными знаками сочувствия со стороны публики... Он пользуется здесь такою славой, какой не имел еще никто из здешних профессоров от основания университета»²². В поддержку Костомарова выступил «Современник», который в ряде статей подверг уничтожающей критике позицию Погодина.

О большом общественном авторитете Костомарова говорит и то, что он был желанным гостем многих литературных чтений — четвергов, сред и т. д., проводимых у Толстых, Чернышевских, Марко Вовчок и других. По вторникам у самого Костомарова собирались передовые люди: Чернышевский, Шевченко, Добролюбов, И. С. Тургенев, братья Лазаревские, Белозерский, Гулак-Артемьевский, П. А. Кулиш, Н. А. Маркевич, братья Курочкины, А. С. Афанасьев-Чужбинский, Н. Н. Ге, В. В. Стасов, А. Н. Пыпин, польские друзья — Э. Желиговский, З. Сераковский и другие. На этих встречах обсуждались проблемы истории и современности.

Хотя нельзя сказать, что между Костомаровым, с одной стороны, Шевченко и Чернышевским, стоявшими на революционно-демократических позициях, — с другой, была идейная близость, это не мешало им испытывать взаимную симпатию. И когда бывший кирилло-мефодиевец Белозерский высказал мысль о необходимости издания журнала, в котором бы публиковались произведения художественной литературы, работы по истории, историографии, этнографии, источники и другие, связанные с историей Украины материалы, то все они поддержали эту идею. Издателями журнала стали Белозерский (редактор), Костомаров, Кулиш и др. Когда первые номера журнала «Основа» вышли в свет, Чернышевский на страницах «Современника» одобрил их, поддержал все прогрессивное, но одновременно и остро критиковал новое издание за тенденции консерватизма и буржуазного либерализма, особенно в отношении к крестьянской реформе 1861 года.

На страницах «Основы» впервые увидели свет многие произведения Шевченко, С. В. Руданского, Марко Вовчок, Л. И. Глебова, историков М. А. Максимовича, А. М. Лазаревского и др. Многие свои работы опубликовал в журнале Костомаров. «С этого (1861. — В. 3.) года, — писал он, — начала издаваться «Основа», и я сделался одним из ревностнейших и плодотворнейших ее сотрудников. Я поместил здесь несколько статей по русской истории, написанных на основании того, что я имел случай читать в университете. Таковы статьи: «О федеративном начале Древней Руси», «Две русские народности», «Черты южнорусской истории», последняя из них заняла несколько номеров и заключила в себе сплошное историческое повествование событий удельно-вечернего периода в южной Руси до татар»²³. В «Основе» были напечатаны и другие работы ученого, вызвавшие широкий отклик научной общественности, споры, а также нападки на Костомарова представителей официальной историографии, обвинения его, с одной стороны, в попытке «разложения отечества», а с другой — «в украинофильстве». Он старался не ввязываться в споры, не обращать внимания на обвинения. Он завершил и опу-

ликовал в «Современнике» «Очерк быта и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», в основном подготовленный в Саратове; в других журналах появились его произведения «Сын», «Повесть о Нафонте», работа «Русские инородцы» и др.

Глубоко опечалила Костомарова кончина Шевченко 26 февраля 1861 года. И в речи на похоронах, и в написанных сразу после них «Воспоминаниях о двух малярах» он дал оценку творчеству поэта, показал его как борца за дело народа, мыслителя и выразителя народных дум. «Грустивший всю жизнь, Шевченко перед концом дней своих был облачен заслуженною славою, — писал Костомаров. — Его родина — Малороссия — видела в нем своего народного поэта; великороссияне и поляки признавали в нем великое поэтическое дарование. Он не был поэтом тесной исключительной народности: его поэзия приняла более высокий полет. Это был поэт общерусский, поэт народа не малорусского, а вообще Русского народа»²⁴.

Между тем усилились нападки на «Основу» в связи с публикацией на ее страницах статей, своим содержанием отходивших от официальных установок освещения истории и современности. В число этих статей входили и работы Костомарова, особенно его полемические статьи. К концу 1862 г. «Основу» прекратила существование. В это же время в университете начались волнения и демонстрации студентов. 5 марта 1862 г. на литературном вечере, устроенном в зале Городской думы в пользу учащих, с чтением своей статьи о тысячелетии России выступил профессор русской истории Петербургского университета П. В. Павлов. Хотя статья была пропущена цензурой, но, как пишет присутствовавший на вечере Н. В. Шелгунов, автор «в чтении изменил знаки препинания, и получился неожиданный эффект» с антиправительственной направленностью. Зал воспринял это с восхищением и восторгом, но на второй день Павлов был лишен места и выслан в Кострому²⁵. Истинной причиной правительственных репрессий было содержание его лекций, в которых проводились «мысли, противные порядку существующего в России правления»²⁶. В знак протеста против высылки Павлова студенты создали комитет, который принял решение прекратить чтение лекций.

Придя 8 марта в зал Городской думы на очередную лекцию, оплата за которую поступала «в пользу студентов», в ответ на предложение одного из них не читать лекции Костомаров обратился к аудитории с вопросом, желает ли она продолжения лекций, и, когда большинство ответило утвердительно, прочел подготовленную им лекцию. После этого против него выступила часть студенчества. О прекращении лекций просил его и Чернышевский, но Костомаров считал, что «поскольку лекции его заявлены и их ждет не только студенческая молодежь, но и другая публика, то он может прекратить их только постановлением правительства». Это еще больше настроило против него радикальную часть общества. «Наконец, — пишет Костомаров, — все незаслуженные укоры и клеветы, распространяемые про меня и доходившие до моего слуха, привели меня в такую досаду, что я поехал к министру и объявил ему о своем нежелании быть более профессором Петербургского университета»²⁷.

Если вдуматься в тогдашнее состояние Костомарова, понять его убеждения, на которые наложила отпечаток жизнь, и учесть его решение уйти из университета, то станет ясна его порядочность, высокое понимание им чести гражданина и ученого. Это подтверждается и тем, что он сразу же написал протест министру просвещения А. В. Головнину по поводу расправы над Павловым, который подписали еще два профессора. Этот шаг является актом гражданственности, поступком, который отмечает всякую мысль о благонамеренности Костомарова и о личной выгоде. Необходимо учесть и то, что на него давно уже шли доносы, его обвиняли в том, что он «употребляет слово «легенды», говоря о деяниях святых, что он богохульствует, выставляя святых отцов на посмеяние»²⁸. В «Выписке из частных сведений о публичных лекциях, читаемых в С. Петербурге», составленной III Отделением, говорилось: «Костомаров проводит в своих лекциях республиканские начала, уничтожая совершенно начала самодержавные»²⁹.

Вынужденный оставить преподавательскую деятельность, ученый видел свой долг и жизненное предназначение в том, чтобы целиком отдаться любимому делу — исследованию и освещению малоизвестных страниц отечественной истории. В последующие годы им были созданы такие крупные монографии, как «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевоего уклада. Новгород — Псков — Вятка», «Ливонская война», «Кто был первый Лжедмитрий», «Смутное время Московского государства», «Гетманство Юрия Хмельницкого», «Последние годы Речи Посполитой», «Руина», «Мазепа», а также три тома «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Были написаны также повести, рассказы, очерки, подготовлены новые работы в области фольклора. Уже после смерти ученого были опубликованы «Бытовые очерки из русской истории XVIII века. Тайновидец» и «Императрица Елисавета Петровна».

Большую работу Костомаров вел как член Археографической комиссии. Им были разысканы

и обработаны многочисленные документы, составившие «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», вышедшие под его редакцией. Он был редактором трех выпусков «Памятников старинной русской литературы». В 1871 г. ученый берет на себя по поручению Российского географического общества общее редактирование и «наблюдение» над изданием «Трудов этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край».

С 1865 г. вместе с М. М. Стасюлевичем Костомаров начинает издание «Вестника Европы», где печатает многие свои работы. В 1866 г. он готовит и редактирует издание произведений Шевченко, участвует в подготовке «Русской исторической библиотеки», во многих археологических съездах, выступая на них с докладами.

В январе 1875 г. Костомаров тяжело заболел. В это время скончалась его мать. Потрясенный этим, ослабленный болезнью и переутомлением (он работал в то время над «Русской историей в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»), ученый начинает терять зрение. Заботу о нем взяла на себя Алина Леонтьевна Кисель (урожденная Крагельская), учившаяся у него в киевском пансионе. Они должны были обвенчаться еще в 1848 г., но этому помешали арест и ссылка Николая Ивановича. Овдовев, Алина Леонтьевна 9 мая 1875 г. обвенчалась с Костомаровым. Она увезла его к себе, в село Дедовцы на Полтавщине, для лечения и отдыха. По ее настоянию ученый начал диктовать ей свою биографию. Поправившись, он продолжил исследовательскую работу. Умер Костомаров 7 апреля 1885 г. в своей петербургской квартире на Васильевском острове. Похоронили его на Волковом кладбище у «Литераторских мостков». По завещанию ученого его личная библиотека была передана Киевскому университету, куда он стремился всю свою жизнь, но так и не смог попасть из-за запрета властей.

В основе исторических концепций Костомарова лежит идея народа, его общественного бытия. Он был убежден, что нельзя ограничиваться царями, князьями и т. д., как это делала официальная историография. Наука должна заниматься и представителями народа, которые появляются в жизни не всегда в «обаятельных образах». В ответ на статью в «Виленском вестнике», в которой очернялись народные герои Украины, Костомаров писал: «Мы вовсе не стыдимся ни Павлюков, ни Наливаек, ни Кармелюков, ни Тараненок; напротив, если эти люди явились в дикой, варварской форме — все-таки то были люди, проявившие собою (хотя неудачно) выражение того, что было затаено в народном сердце — нет, мы не стыдимся безусловно этих людей»³⁰.

Идеи народности, которые он проводил в своих работах, находили живой отклик и у Чернышевского. Он видел в работах Костомарова и в нем самом те достоинства, которые выделяли ученого среди его коллег. «Трудолюбивых исследователей, — писал Чернышевский, — у нас довольно много; но мало людей, которые по всей справедливости заслужили бы имя замечательных ученых, потому что для этого мало трудолюбия и учености, — нужны, кроме того, особенная сила ума, нужна широта и пронизательность взгляда, нужно соединение слишком многих и слишком редких качеств. Своим «Богданом Хмельницким» Костомаров доказал, что принадлежит к подобным людям»³¹.

В. О. Ключевский в эссе о Костомарове писал: «Русская история была для него музеем, наполненным коллекцией редких или обыкновенных предметов. Он равнодушно проходил мимо последних и останавливался перед первыми, долго и внимательно любовался ими. Через несколько времени читающая публика получала превосходную монографию в одном или двух томах и перечитывала ее с наслаждением, отнимавшим всякую охоту спрашивать, как и из каких материалов построена эта привлекательная повесть. Так накапливался ряд исторических образов, оторванных от исторического прошлого и связавшихся неразрывно с их автором. Мы говорим: это костомаровский Иван Грозный, костомаровский Богдан Хмельницкий, костомаровский Степан Разин, как говорили: это Иван Грозный Антокольского, это Петр Великий Ге и т. п. Мы говорим: пусть патентованные архивариусы лепят из архивной пыли настоящих Грозных, Богданов, Разиных — эти трудолюбивые, но мертвые слепки будут украшать археологические музеи, но нам нужны живые образы, и такие образы дает нам Костомаров. Все, что было драматично в нашей истории, особенно в истории нашей юго-западной окраины, все это рассказано Костомаровым, и рассказано с непосредственным мастерством рассказчика, испытывающего глубокое удовольствие от своего собственного рассказа»³².

Книги Костомарова читали в Англии, Германии и Франции. Маркс составил обстоятельный конспект книги Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Если другие историки сводили это восстание к «разбойному» движению донского казачества, лишенного во второй половине XVII в. исконных источников грабежа на Черном и Азовском морях и потому бросившегося на Московскую землю, то Костомаров главные причины восстания видит «во внутреннем организме гражданского порядка», что в большей мере отвечает исторической истине. Вот почему Маркс особое внимание уделяет тем местам моногра-

фии, где ученый дает характеристику социальных условий, в которых развивалось восстание³³.

Сохранилось немало свидетельств использования работ Костомарова русскими революционерами при изучении общественно-экономического состояния России на важнейших этапах ее истории. В. Н. Фигнер вспоминала, что русская молодежь в Цюрихе с большим интересом читала работу «Бунт Стеньки Разина», «ибо Костомаров оправдывал (хотя и нерешительно) «бунт» нищетой и угнетением народа, показывал его бедственное положение»³⁴. Работы его высоко ценили Д. И. Писарев, С. М. Степняк-Кравчинский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, М. Горький, А. В. Луначарский и др. В 1912 г. Ленин, конспектируя книгу С. Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма», назвал ее автора «бешеным черносотенцем» и в качестве примера привел его нападки на Костомарова³⁵. В кремлевской библиотеке Ленина были и три работы Костомарова, в том числе «Автобиография».

В научном наследии Костомарова имеется немало того, что и сегодня представляет интерес, без чего отечественная историческая наука была бы обедненной. Он не только обогатил отечественную науку новыми фактами, оригинальным подходом к историческим явлениям и выводами, но и в значительной мере демократизировал освещение прошлого. Труды ученого ближе, чем работы других историков его поколения, стояли к жизни народа, и в этом огромная ценность его творческого наследия.

Примечания

1. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Полн. собр. соч. Т.10. М. 1951, с. 928.
2. Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова. Київ. 1928, с. 154.
3. КОСТОМАРОВ Николай. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрании царя Михаила. Царевна Софья. М. 1988; е го ж е. Исторические монографии и исследования. Кн. 1. М. 1989; е го ж е. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. М. 1990.
4. КОСТОМАРОВ Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев. 1989. Издательство АН СССР готовит многотомное издание произведений Костомарова. Издательство «Веселка», выпускающее литературу для детей и юношества, — «Исторические портреты».
5. ПИНЧУК Ю. А. Исторические взгляды Н. И. Костомарова. Критический очерк. Киев. 1984; ПОПОВ П. М. М. Костомаров фольклорист і етнограф. Київ. 1968.
6. Кирило-Методіївське товариство. Тт. 1, 2. Київ. 1990.
7. КОСТОМАРОВ Н. И. Исторические произведения, с. 428.
8. Там же, с. 446.
9. Цит. по: ЗЙМОНТОВА Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. М. 1985, с. 52.
10. КОСТОМАРОВ Н. И. Исторические произведения, с. 460.
11. ПИНЧУК Ю. А. Ук. соч., с. 38.
12. Былое, 1906, № 2, с. 67, 68.
13. Украина. Письмо к издателю «Колокола». — Колокол, 1860, № 61.
14. Государственный архив города Киева, ф. 16, оп. 285, д. 92, лл. 3, 17.
15. КОСТОМАРОВ Н. И. Исторические произведения, с. 480.
16. ПОПОВ П. М. Ук. соч., с. 38.
17. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии Н. И. Костомаровым и А. Н. Мордовцевой. — В кн.: Летописи русской литературы и древности. Т. 4, ч. 2. М. 1863.
18. КОСТОМАРОВ Н. И. Исторические произведения, с. 495.
19. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 14. М. 1949, с. 220.
20. См. Русское слово, 1859, № 12.
21. ПАНТЕЛЕЕВ Л. Ф. Воспоминания. М. 1958, с. 192—193.
22. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 14, с. 389.
23. КОСТОМАРОВ Н. И. Исторические произведения, с. 532.
24. Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова, с. 89.
25. ШЕЛГУНОВ Н. В., ШЕЛГУНОВА Л. П., МИХАЙЛОВ М. Л. Воспоминания. Т. 1. М. 1967, с. 187.
26. Цит. по: ЗЙМОНТОВА Р. Г. Ук. соч., с. 123.
27. КОСТОМАРОВ Н. И. Исторические произведения, с. 355.
28. ЮНГЕ (ТОЛСТАЯ) Е. Ф. Воспоминания (1843—1860 гг.). М. Б. г., с. 218.
29. Цит. по: ЗЙМОНТОВА Р. Г. Ук. соч., с. 182.
30. Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова, с. 59—60.
31. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 4. М. 1948, с. 702.
32. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Неопубликованные произведения. М. 1983, с. 177—178.
33. См. МАРКС К. Стенька Разин. — Молодая гвардия, 1926, № 1.
34. ФИГНЕР ВЕРА. Запечатленный труд. Воспоминания. Т. 1. М. 1964, с. 117, 418 прим.
35. Ленинский сборник XXX, с. 10.

«Kwartalnik Historyczny»

Е. Михальский

«Kwartalnik Historyczny» принадлежит к старейшим польским научным журналам. Он начал издаваться в 1887 г. как орган Исторического общества во Львове. Организатор и первый редактор журнала, профессор Львовского университета Ксаверий Лиске, поставил задачу повысить научный уровень исторических исследований. В связи с этим разбор публикаций по истории с точки зрения требований научного метода был назван одной из важнейших задач журнала. И действительно, в первых его номерах рецензионный раздел был самым обширным: ежегодно публиковалось около 200 рецензий. С первых лет XX в. и до 30-х годов в журнале печаталась текущая библиография по польской истории. Хотя журнал выходил в городе, находившемся тогда под властью Австрии, он считался общепольским изданием и постепенно все более утверждался в этой роли. С самого начала он не ограничивался историей Польши и обсуждением достижений польской историографии, информируя и о достижениях европейской историографии, особенно немецкой и российской.

После того как Польша обрела независимость, «Kwartalnik Historyczny» по-прежнему выходил во Львове и считался органом Польского исторического общества. По этой причине, а также и благодаря своему высокому научному уровню и международному авторитету журнал стал главным польским историческим журналом. Вторая мировая война прервала издание этого, как, впрочем, и других польских печатных органов. В 1946 г. Польское историческое общество возобновило издание своего журнала, но на этот раз уже в Кракове.

Первый послевоенный его номер содержал в себе 76 воспоминаний — некрологов о польских историках, закончивших жизнь (зачастую трагически) во время войны; информацию об огромных потерях, которые понесли от рук оккупантов польские библиотеки, архивы и музеи; а также хронику возрождавшейся в стране научной жизни в области истории. Журнал рассказывал и о том, какую работу вели польские историки в период оккупации. В разделе о развитии исторической науки за рубежом преобладали сведения о советских публикациях, и среди них — обзор журнала «Вопросы истории».

В первые послевоенные годы «Kwartalnik Historyczny» поместил на своих страницах несколько статей, имевших зачастую обзорный характер, и сравнительно много рецензий и библиографических заметок о работах, изданных за границей. Достаточно обширным был раздел научной хроники. В этот период журнал выходил не регулярно, а состав редакции часто менялся.

С 1949 г. началась усиленная разработка новых проблем, которая приобрела идеологический характер. Первой такой публикацией была статья К. Пиварского «Кризис буржуазной историографии и исторический материализм». Указанная тенденция продолжала нарастать после того, как редакция переместилась в 1960 г. из Кракова в Варшаву и ее возглавил Ст. Арнольд. Это проявилось, в частности, в опубликовании доклада, предложенного подсекцией истории секции общественных и гуманитар-

---

Михальский Ежи — редактор журнала «Kwartalnik Historyczny», профессор, доктор исторических наук. Присланная автором информация печатается в сокращенном виде.

ных наук на I Конгрессе польской науки. В нем содержались политико-идеологические оценки работ историков как довоенного времени, так и современных. Некоторые из них были просто абсурдны. Например, о монографии М. Хандельсмана «Адам Чарторыйский» говорилось, что она «может стать орудием антисоветской диверсии». В докладе делались ссылки на «гениальные высказывания Сталина». Шли поиски подобных высказываний и у местных «авторитетов». Так, была опубликована обширная статья «Некоторые проблемы истории польского народа в свете сочинений и высказываний Болеслава Берута». В этой ситуации подлинно научная тематика в журнале могла быть представлена лишь немногими статьями и рецензиями, а на первый план выдвигались авторы тех из них, кто атаковал «буржуазную науку» и предлагал упрощенную в духе обязательных тогда схем картину прошлого.

В 1953 г. «Kwartalnik Historyczny» перестал быть органом Польского исторического общества и продолжал издаваться как журнал Института истории Польской академии наук. Новый редактор — Б. Лесьнодорский — выполнял эти функции вплоть до 1974 года. Благодаря его усилиям журнал выходил регулярно, а объем его увеличился. 1953—1955 гг. были неблагоприятными для развития польской исторической науки. Лесьнодорский в декабре 1956 г. самокритично оценил тенденции, проявившиеся тогда особенно во вступительных статьях и других материалах, содержащих «патетические декларации», «в значительной степени упрощенные или ошибочные положения». Он подчеркивал, что это касается прежде всего новейшей истории, но не только ее, а также и «отношения к научной ценности и достижениям прежней историографии».

Заявление Лесьнодорского последовало после решительного перелома, который произошел в результате разоблачения культа личности на XX съезде КПСС и октябрьских событий 1956 г. в Польше. Этот перелом, несмотря на различные попытки повернуть ход событий вспять, изменил атмосферу в гуманитарных науках. Правда, исследователи новейшей истории продолжали сталкиваться с трудностями, существовали еще табу на некоторые темы и давление сверху с целью навязать обязательные схемы интерпретации событий. В новых, более благоприятных условиях Лесьнодорский и его сотрудники привлекли к работе в журнале большой отряд авторов, организовали научные дискуссии на его страницах, проводили анкетирование, стремились знакомить с новыми направлениями в общественных науках.

Реакция журнала на изменение политической ситуации за 30 послевоенных лет охарактеризована в статье Ст. Кеневича, опубликованной по случаю столетнего юбилея журнала (XCV, № 1). В каких же условиях работала редакция «Kwartalnika Historycznego» с 1975 г. по настоящее время? Редактор журнала в 1975—1984 гг., Т. Ендруцак, сделал много для того, чтобы журнал освещал возможно более широкую тематику новейшей истории, избегая при этом натяжек, замалчиваний и недомолвок, искажения прошлого. Те же требования предъявлялись и к публикациям, касающимся более ранних периодов истории. Эта позиция вызывала недовольство цензуры и несправедливые нападки на журнал и его редактора. Свои взгляды по этому поводу он изложил в статье «Время отчаяния — время надежды», написанной в октябре 1980 г. (LXXXVII, № 3—4). Ендруцак был инициатором установления действенного сотрудничества с историками соседних стран, результатом которого стали обменные номера с журналами «Jahrbuch für Geschichte» (ГДР), «Вопросы истории» и «Szazadok» (Венгрия).

«Kwartalnik Historyczny» не отказывается от традиционной роли центрального печатного органа польских историков, он не является единственным общеисторическим журналом в Польше. «Конкуренция» с другими изданиями играет положительную роль, поскольку препятствует монополии, особенно опасной в науке, и благоприятствует свободе мнений, давая исследователям широкие возможности представить свои изыскания на суд читателей. Но эта же «конкуренция» создает определенные трудности в получении материалов от авторов, предпочитающих публиковаться в изданиях, с которыми они тесно связаны.

«Kwartalnik Historyczny» выходит четыре раза в год. К сожалению, выпуск номеров очень запаздывает. В настоящее время трудности с финансированием издательской деятельности Института истории ПАН привели к тому, что том за 1989 г. поступил к читателю в сокращенном наполовину объеме. Та же судьба ждет и готовящийся к публикации следующий том. Тираж журнала немногим больше 3 тыс. экземпляров. Руководит редакцией коллектив из четырех человек, которые, как и в период издания журнала Польским историческим обществом, не являются штатными сотрудниками. Кроме редакции, существует редакционный комитет, в который входит более 20 человек, представляющих различные научные центры и специальности. Он собирается на свои заседания несколько раз в год и дает оценку работе редакции.

Каждый номер журнала включает разделы: 1) статьи, 2) «Обзоры — полемика — предложения» (здесь публикуются небольшие статьи и сообщения), 3) рецензионные статьи, 4) рецензии, 5) хроника, 6) «In memoriam» (обзоры жизни и деятельности скончавшихся польских историков и иностранных уче-

ных, связанных с польской исторической наукой, 7) письма в редакцию (здесь же помещаются ответы авторов на рецензии, опубликованные в журнале, и, в свою очередь, реплики рецензентов). В разных номерах объем этих разделов не одинаков.

Если взять последние 14 ежегодников, то в большинстве номеров статей было от 4 до 8 и в редких случаях — от 2 до 14. Исключением являются обменные номера, в них публиковались только статьи. Второй и третий разделы содержали обычно 2—3 материала. Число рецензий колебалось от 10 до 20, в редких случаях — до 40. В «Хронике» печаталось от 6 до 10 материалов.

Являясь общеисторическим, журнал помещает материалы по всем хронологическим периодам и темам. Не принимаются к публикации материалы по вспомогательным дисциплинам и краеведению, если только на данной территории не произошло какое-нибудь значительное событие. Чрезвычайно редко на страницах журнала можно встретить материалы по древней истории, что является недостатком.

Тематика польской истории доминирует в содержании журнала, особенно в разделе статей. В статьях об отношениях Польши с другими государствами присутствует и проблематика всеобщей истории. Особое место занимает в журнале история польско-российских и польско-советских отношений. Статьи, в которых затрагивается прошлое зарубежных стран и народов, касаются главным образом средневековья. Подчас статьи по всеобщей истории не столько вносят что-либо новое в исследование проблем, сколько знакомят с новыми точками зрения и новыми способами решения этих проблем в европейской историографии. Ту же роль играют и рецензии на работы, вышедшие за границы. Рецензии эти вызывают довольно часто дискуссии, если речь идет о работах, касающихся истории Польши или ее отношений с другими государствами. Ознакомлению с достижениями зарубежной науки других стран способствуют также обзорные статьи и обменные номера.

«Kwartalnik Historyczny» как журнал общепольский старается привлечь к сотрудничеству авторов из всех регионов страны. На практике же почти половина его авторов из Варшавы, остальные — из других университетских центров, преимущественно — Кракова и Познани. Около 10% составляют авторы из университетской среды, как правило, они поставляют информацию для «Хроники». Редакция стремится к тому, чтобы в журнале публиковались самые квалифицированные авторы, однако привлечение их — не всегда легкое дело. С особым вниманием редакция относится к начинающим исследователям, даже если их работы посвящены узким проблемам. Требования к качеству работы очень высокие. Проблемы возникают, когда уже имеющий научный авторитет историк предлагает слабую статью. С серьезной трудностью приходится сталкиваться и при поисках рецензентов.

Редакция постоянно сталкивается с проблемой, в какой степени она может положиться на стихийный наплыв материалов, а в какой — спланировать заказ и обеспечить поступление необходимых материалов. Решению этой задачи служат организуемые редакцией дискуссии, происходящие как в устной форме с записью выступлений на пленку и последующей подготовкой к печати, так и в форме письменных ответов на поставленные редакцией вопросы. Примером первой является дискуссия о майском перевороте 1926 г. (XCIII, № 1), примером второй — дискуссия на тему «Потерян ли для Польши XIX век с точки зрения современной цивилизации?» (LXXXVI, № 1). В ходе этих дискуссий можно зачастую услышать оригинальные высказывания, удастся сформулировать новую проблему. К сожалению, не все участники дискуссий прилагают необходимые усилия при подготовке к ним, не предлагают новых точек зрения, повторяя выводы, сделанные ими в уже опубликованных трудах. В планировании тематики публикаций большое место занимают юбилеи важных исторических событий, которым посвящается значительное число статей. В этом случае редакция тоже сталкивается с проблемой поиска авторов.

«Kwartalnik Historyczny» формируется на основе материалов, присылаемых авторами. Конечно, не всегда эти работы выполнены на должном уровне, и их приходится отвергать. Однако «самотек» — не совсем плохая вещь. Этим путем редакция получает работы, в которых отражены реальные интересы автора, то есть раскрывается его индивидуальность. Специально предложенная, а тем более навязанная тематика во многих случаях приводит к появлению бесплодных сочинений. Серьезные авторы, зрелые ученые не нуждаются в том, чтобы их водили за руку. Конечно, не бывает правил без исключения. Ведь от редакции зависит содержание каждого номера, тогда как большинству читателей хотелось бы, чтобы каждый номер посвящался одной теме. О том, что (чаще всего неразрешимые) эти противоречия присущи редакции любого научного журнала, говорят и наблюдения многолетнего редактора «Przeglądu Historycznego» Ст. Кеневича, опубликованные в 1977 г. (LXXXIV, № 2).

За последние 14 лет на страницах «Kwartalnika Historycznego» появилось 18 работ советских авторов, в том числе 14 в обменном номере, вышедшем в 1977 году (LXXXIV, № 4). В то же время польские историки писали в журнале о проблемах, которыми занимается советская историография. Это, во-пер-

вых, обзорные статьи и многие десятки рецензий на советские публикации. Некоторые из них касаются работ по всеобщей истории, подавляющее же большинство — книг по истории России и особенно СССР, а также польско-советских отношений. Следует здесь упомянуть и статью З. Вуйцика «Вокруг эпохи Ивана Грозного» (LXXXII, № 2), содержащую обзор новейшей литературы об этом царе, в том числе и советских авторов. Л. Яскевич опубликовал обзорную статью «Внутренняя политика царизма в новейшей советской историографии» (LXXXVII, № 1). Наибольшее число рецензий касается работ советских историков о событиях XX века. Можно назвать и рецензионную статью Р. Войны о ежегоднике «История и историки» (LXXXIII, № 3).

Вторую группу составляют статьи по истории России и СССР и рецензии на работы (несоветских историков) по этой тематике. Хронологический диапазон рассматриваемых в них событий чрезвычайно широк — от X до XIX века. Это статьи А. Поппе о России и Византии в 986—989 гг. (LXXXV, № 1), Л. Пётковского об отражении проблемы объединения Германии в русской публицистике 60-х годов XIX в. (XCI, № 4), Л. Яскевича о царской администрации и территориальном самоуправлении при Александре III (LXXXV, № 2) и предпосылках государственного переворота в России 3 июня 1907 г. (LXXXVIII, № 3). Истории СССР касаются статьи Р. Войны «Из истории установления Советской власти на Урале и в Западной Сибири» (LXXXIV, № 4) и «Начало культурной революции на национальных окраинах СССР» (XCI, № 3); И. Лоссовского «Ленинская концепция образования СССР» (LXXXIII, № 1); Б. Ратынской — об экономических проблемах в советско-германских отношениях 1922—1923 гг. и 1924—1925 гг. (XCI, № 1, 4). Рецензии на польские и западноевропейские работы по истории России и СССР в тематическом и хронологическом отношении распределяются более равномерно.

Третья группа публикаций посвящена проблемам польско-русских и польско-советских отношений. Среди них статьи: Г. Виснер — «Русская и советская книга в межвоенной Польше» (LXXXIV, № 4), А. Сквишек — «Октябрьская революция и восстановление независимости Польши» (там же) и «Польско-советские отношения в 1956—1957 гг.» (XCIII, № 4).

Четвертая группа представлена материалами по истории земель, принадлежавших прежде Польско-Литовскому государству и входящих в настоящее время в границы Литвы, БССР и УССР. Большинство этих работ посвящено периоду до разделов Речи Посполитой. С польско-советским сотрудничеством по изданию Литовской метрики связаны статьи И. Сулковской-Курасёвой «Неизвестные экземпляры книг Литовской метрики 1440—1518 гг.» (XC, № 1) и П. Кеннеди-Гримстед (США) «Чем является и чем была Литовская метрика» (CII, № 1). Истории Великого княжества Литовского касаются статьи Ю. Бардаха «Города на магдебургском праве в Великом княжестве Литовском» (LXXXVII, № 1), Е. Охманьского «Михалон Литвин» (LXXXIII, № 4), Г. Виснера «Литовские послы и посольства во времена Сигизмунда III и Владислава IV» (LXXXVIII, № 3) и «Попытки создания в Литве постоянной казны» (LXXXIX, № 1), А. Рахубы «Литовская оппозиция походу Яна Казимира на Россию» (там же). Единственной статьей по истории Украины является работа Р. Радзика «Институциональное развитие русинского национального движения в Восточной Галиции в 1848—1863 гг.» (LXXXVIII, № 4). Украинская тематика затронута во многих рецензиях в основном на англоязычные работы.

Даже названные выше труды показывают, как много возможностей имеется для совместной работы польских и советских историков. Хотелось бы, чтобы эта работа развивалась все более интенсивно, в духе товарищеского сотрудничества, ведущего к обмену информацией, облегчению доступа к источникам, чтобы она сопровождалась плодотворными научными дискуссиями, которые позволяют обеим сторонам освободиться от предубеждений, односторонности и предвзятости.

Историческая наука в Испании

Во время XVII Международного конгресса исторических наук в Мадриде (26.VIII — 2.IX.1990) главный редактор журнала «Вопросы истории» член-корреспондент АН СССР А. А. Искендеров встретился с президентом Национального комитета историков Испании Элоем Бенито Руано и взял у него интервью, текст которого приводится ниже:

А. А. Искендеров. Представляя Вас нашим читателям, я хотел бы прежде всего просить Вас рассказать немного о себе. Как и когда Вы стали историком, где учились, кто Ваши учителя, каковы Ваши научные интересы и пристрастия?

Элой Бенито Руано. Я мадридец, учиться начал на Канарских островах, а продолжил обучение в Мадридском университете. По окончании преподавал в университете в Овьедо, а затем вернулся в Мадрид для работы в одном из университетов и в Высшем совете научных исследований в качестве стипендиата и сотрудника. Таким образом, мое становление как историка связано с испанскими университетами, в дальнейшем у меня была возможность получить стипендии для работы во Франции, Англии, Италии и завершить *cursus honorum* в Национальном комитете историков Испании, где я сначала был вице-секретарем, а затем секретарем, вице-президентом и с 1975 г. являюсь президентом.

Что касается моих исследований, то я — человек архивов и библиотек. В тех странах, которые я посещал сначала как исследователь, а затем как представитель Национального комитета историков Испании, я установил множество дружеских связей. Несколько раз я побывал в Советском Союзе. Впервые я был в Москве в 1970 г. на XIII Международном конгрессе исторических наук. Мы посетили тогда Ленинград, Новгород и Калинин, проезжали через другие города, через огромные леса. Все это наполнило реальностью тот литературный образ, который был получен при чтении русских романов прошлого и начала этого века.

Я посвятил себя исследованию проблем средневековья, но не вследствие какого-либо политического давления, а только из-за любви к созерцанию эпохи, которая при взгляде с далекой перспективы являет собой основу нашего происхождения и бытия. Я — медиевист, но начал заниматься этими сюжетами не потому, что в то время следовало восхвалять возврат к средневековью, — я нахожу захватывающим поиск и открытие тех решений, которые принимал средневековый человек, занимаясь проблемами не только похожими, но идентичными нашим. Проблемы в истории остались теми же, добавились новые, а решения — всегда те, которые принимает человек в каждый момент своей жизни.

А. И. Я понимаю, что в кратком интервью сделать это очень трудно, но все-таки нельзя ли хотя бы в нескольких словах охарактеризовать нынешнее состояние испанской историографии, назвать основные ее направления или научные школы, их главных представителей?

Э. Б. Р. В Испании не существует каких-либо особых философско-теоретических устремлений к созданию оригинальных доктрин и интерпретаций истории. Мы следуем в русле тех течений, которые представляют собой «*Longue vague*» — большую волну, которая «заливает», в лучшем смысле этого слова, всю современную испанскую историографию (под современной подразумевается историография последних 50 лет). С одной стороны, здесь достаточно сильны позиции, и даже в большей степени, чем

теория сама по себе, материалистической и марксистской философии, с другой — историография, которая может быть охарактеризована гораздо более широко, но и более неточно и расплывчато и не имеет общего, идентичного определения. Она может называться и буржуазной, и западной, что уже само по себе неточно, поскольку на Западе и марксизм и материализм получили достаточно широкое распространение. Может она также называться и немарксистской историографией.

Но, вероятно, в большей степени нас объединяли (и скорее всего, по причинам близости географической, исторической и историографической) с Францией всегда имевшие для испанцев особую привлекательность идеи «школы Анналов» с ее стремлением к изучению глобальной истории. А потому — это стремление рассматривать историю во всех ее аспектах, с момента становления человеческой деятельности. Этот подход — не экономический, ни в коей мере не социологический, не культурный, еще менее религиозный и нисколько не философский — это концепция вселенной, но разложенная на различные составляющие человеческой деятельности, будь то профессиональная деятельность, или способ объединения людей, или методы администрирования или финансирования; это могут быть присутствующие людям какие-либо конкретные идеалы или конкретные верования.

Кроме того, с точки зрения материи или субъекта истории эта школа развивается, избегая, что естественно, уже устаревших позиций, как, например, существовавшей в XIX в. теории о героях в истории, то есть отдельных личностях, великих людях, которые имеют силу, влияние и служат проводниками истории как для добра, так и для зла. Но существует и другой феномен, история людей без истории, огромных коллективов, а не социальных классов, наиболее активно действующих (таких, как аристократия или олигархия). Это средние классы, низшие, разрозненные, прочие слои, то есть те, которые прошли незамеченными и которые дают только статистические данные для суммы, для целого; и люди, составляющие это целое, также являются объектом исследования испанской историографии последних десятилетий.

В настоящее время наблюдаются новые подходы и в изучении этих групп, не являющихся ни социальными классами, ни социальными группами, ни коллективами — единственными актерами в истории. В частности, на XVII Международном конгрессе исторических наук одна из больших методологических тем была названа очень просто — «Историческая биография». Историческая биография — это на самом деле целый исторический, историографический и литературный жанр, который имеет свои циклы. Это не биография в ее психологической интерпретации индивидуума, как то делали в свое время два великих биографа — Эмиль Людвиг и Стефан Цвейг. Сейчас мы бы определили это как образец, пример, модель. Например, модель торговца, модель моряка, модель интеллигента, военного может быть превосходно проанализирована через индивидуальную биографию или через групповую.

Как это делается? Исследуются торговые компании или банковские компании в средневековье, например итальянские, в которых имеется полная преемственность, династия, наследование, где целые семьи последовательно посвящают себя одному и тому же занятию, эволюционируя и демонстрируя одновременно свою жизненную позицию, свои любовные, матримониальные, экономические, меценатские и прочие наклонности, — и это применимо ко всем видам человеческой деятельности. Именно в такой интерпретации и имеют смысл труды, в создании которых мне приходилось принимать участие.

А. И. В Советском Союзе сейчас очень важное значение придается тому, что мы называем «возрождением исторической правды». В период сталинизма она, как и многое другое, находилась в забвении, не нужна была тем, кто проводил, по существу, антинародную политику, создавал антигуманный режим. Наше общество фактически было лишено правдивой национальной истории. Не существовало ли аналогичной или похожей ситуации в Испании в годы франкизма? Насколько актуальна задача воссоздания правдивой отечественной истории для испанской исторической науки?

Э. Б. Р. Все тоталитарные, диктаторские и авторитарные режимы имеют свой аппарат контроля и насилия, который действует с большей или меньшей интенсивностью в течение более или менее длительного времени. Историкам сложно отыскать правду, поскольку в странах или в тех кругах, где уже нет никакого официального контроля, а, напротив, существует плюрализм мнений и печатных органов, выражающих эти мнения, чтение газет за одно и то же число предоставит нам совершенно различные версии одного и того же события. Если Вы купите сегодняшние мадридские газеты, то увидите, что все они различны: в них говорится об одних и тех же фактах, но мнения различны. Вернее, их столько, сколько газет. Налицо интерпретация журналиста, или редактора, или директора издания, который имеет собственные цели в своем общественном секторе, в защиту которого он выступает или в котором участвует, то есть существуют причины, по которым даже фотография может иметь личностную интерпретацию. Фотограф или, скажем, ответственный за первую полосу газеты может изобразить какого-либо политика с кислым или неприязненным выражением лица. Что представляет большой

интерес: показать въезжающий в Кувейт танк или президента Ирака Хусейна, глядящего белокурую головку европейского ребенка. Вот они — две правды и две стороны правды в реальности.

То же самое происходит и в истории. Нас интересуют определенные темы, персонажи, мы рассматриваем их с определенной точки зрения не только потому, что мы принадлежим к этой нации, но и потому, что обладаем определенным полем зрения, как географическим, так и временным, сложившимся также в результате определенных индивидуальных обстоятельств. Очевидно, что с каждым разом для человека эта разносторонность все более и более желательна, и если она существовала или существует, то что-то остается в тени, и, следовательно, появляется возможность для манипуляции. Не знаю, известен ли в СССР написанный в 40-е годы роман английского писателя Дж. Оруэлла, сражавшегося в Испании в составе интербригад, — «1984»? Он представляет нам восстановленную или обновленную версию истории, в зависимости от обстоятельств каждого дня этого и прошлого столетия, а также переносит нас в будущее. Некоторым историкам следовало бы заняться этим, но в то же время именно против этого и было направлено последнее заседание бюро Международного комитета исторических наук (МКИН), на котором было рассмотрено предложение изучить этот вопрос в рамках бюро и затем вынести на один из конгрессов или создать международную комиссию при МКИН, которая бы специально посвятила себя задаче борьбы против манипулирования историей и искажения ее. Это могло бы стать воодушевляющим стимулом, хотя сам факт создания комиссии еще не означает ни всеобщего и постоянного применения этого инструмента, ни его возможного использования в будущем.

А. И. Во многих странах, в том числе в Советском Союзе, в настоящее время выражается определенная неудовлетворенность состоянием исторического образования. Высказывается мнение, что существующая ныне система исторического образования во многом устарела, не отвечает современным требованиям, вследствие чего историческое самосознание как часть общественного сознания часто находится на недостаточно высоком уровне. Насколько актуальна эта проблема для Испании?

Э. Б. Р. Да, у нас такое же положение. Боюсь, что это феномен времени. Некоторое время назад во всех курсах обучения на звание бакалавра конкретную дисциплину «История» включили в понятие более общее — «Общественные науки». А потому сама дисциплина «История» была значительно сокращена. Кроме того, наблюдается заметная диспропорция между изучением общетеоретических проблем удаленных от нас эпох: античной и средневековой истории, XVI—XVIII веков и современной, то есть истории XIX—XX вв., которым в общем курсе уделяется гораздо больше времени и внимания. Конечно, то, что ближе, вызывает более живой интерес, как и то, что проблемы XIX и XX вв. оказывают большее влияние на современного человека.

Но для всестороннего развития индивидуума изучение далекого прошлого с самого начала, с самого зарождения, изучение той многосторонности, о которой я говорил выше, то есть, другими словами, изучение классической истории, средневековья и нового времени, требует, по мнению, некоторых учащихся, молодых умов, более внимательного отношения. Конечно, планы преподавания истории меняют, пытаются обновить их полностью, но не всегда лучшие намерения дают оптимальные результаты. Именно по этой причине часть учащихся, выпускников-историков, а также учителей выступили за изучение не только самой истории, но и добавление к ней курсов по литературе, искусству, исторической географии, классическим и современным языкам, в изучении которых испанцы не особенно преуспевают, что затрудняет их отношения, прежде всего культурные, с другими народами.

А. И. И последний вопрос, который я не могу не задать, находясь здесь, в Испании. В 1992 г. исполняется 500 лет со дня открытия Америки Христофором Колумбом. Известно также, что уже сейчас в ряде стран, в особенности на Американском континенте, оживленно обсуждаются проблемы, связанные с этой датой, идет переосмысление тех событий, проявляются разные подходы к их оценке, в том числе и к оценке исторического подвига самого Колумба. Хотелось бы знать, как в Испании готовятся отметить эту дату, тем более что это событие выходит за рамки национальной истории Испании и имеет глобальный характер? Не случайно эта тема заняла большое место на нынешнем мадридском форуме.

Э. Б. Р. Можно сказать, что во всех отношениях выработался уже стереотип в освещении 500-летия открытия Америки, и у читателей, радиослушателей и телезрителей появилась даже некоторая пресыщенность, некоторая усталость от возврата к этим мотивам. Но как историк я хотел бы отметить, что попытки официальных испанских властей ни в коей мере не направлены на восхваление испанской истории, старых заслуг. Мы хотим лишь воздать дань памяти событию, которое имело огромное воздействие, положительное и отрицательное, на жителей Американского континента. Для тех людей, кто жил там, кроме капитанов и губернаторов, это было переселение народов, людей без имущества, которые везли туда только собственные рабочие руки и свою жизнеспособность, которые заседали там поля так же, как они это делали бы в Эстремадуре или Андалусии. Другими словами, то, что мы

называем сегодняшней Америкой, — это результат исторического феномена, участниками которого, актерами, по случайности оказались испанцы, как в равной степени могли быть и другие народы. Другими словами, результатом первой экспедиции Колумба и всех последующих была трансмиграция сначала испанцев, а далее всех европейцев.

Америка — это, если можно так выразиться, такой же феномен, какой столетия назад пережил и Иберийский полуостров, когда римляне подавили иберийскую культуру, кельтскую культуру, культуру долатинских народов, которые проложили русло к более высокой цивилизации. Существовали цивилизации здесь, существовали цивилизации там, существовали народы, подавлявшие другие народы и на Иберийском полуострове, существовали государства и культуры майя, ацтеков и инков в Америке, подавлявшие, иногда и с помощью силы, другие слабые народы. В результате этот феномен, который называется историей, имел в своем развитии подобные проявления, а потому испанские историки желают, чтобы историки во всем мире проанализировали этот феномен и могли бы с ним лучше ознакомиться. Не для того, чтобы праздновать, не для того, чтобы выпрямлять историю, не для раскаяния и не для приумножения своей славы, поскольку мы в данном вопросе даже не можем назвать себя историками какого-либо определенного государства. Ни мы, ни наши предки, никто не знает, где оставил свои корни современный человек. А потому для нас, историков, важно лучше знать историю, но не для того, чтобы судить ее, и не для того, чтобы присвоить славу, которая нам не принадлежит. Да это и не является целью историков.

В заключение я хотел бы поблагодарить Вас, главного редактора журнала «Вопросы истории», за возможность, которую Вы предоставили мне, приветствовать наших коллег из Советского Союза, в котором мы имеем столько друзей. Особенно хотелось бы поблагодарить за интерес к нашей стране, проявляемый советскими испанистами, с которыми мы поддерживаем добрые отношения и дружбу, а также советских историков, которые посетили нас в эти дни. Здесь около 100 советских историков, таким образом, СССР является одной из стран, чье представительство на XVII Международном конгрессе исторических наук наиболее значительно.

Суда Министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. Изд-во В/О «Мортехинформреклама». 1989. 112 с.

О Великой Отечественной войне написана масса работ. И все же до конца не известно, во что обошлась СССР эта война. До недавней поры действовал установленный в давние времена запрет публиковать обобщенные данные о наших жертвах и потерях в материально-технических ресурсах. Одно из следствий этого запрета — десятки тысяч незахороненных солдат, тысячи безвестных братских могил, множество покоящихся на дне моря «безымянных» кораблей. Только сейчас по-настоящему начинается подсчет истинных наших утрат, создаются Книги Памяти. Одна из таких полезных инициатив — рецензируемый справочник.

Это тоже своеобразная Книга Памяти морским судам, в которой в сжатом виде приведены сведения о времени, месте и обстоятельствах гибели 251 транспорта и вспомогательного судна, а также названы 78 судов, взорванных при отступлении, захваченных или интернированных в различных портах. Для каждого корабля указаны источники данных о нем и касающаяся его специальная литература. Текстовую часть дополняют 22 схемы морских районов с обозначением мест гибели судов, а также таблицы и указатели.

Справочник доказательно опровергает

установившееся прежде «чиновничье» отношение к морякам транспортного флота: «В войне не участвовал». Одна из целей книги — представить перечень погибших судов «для отдания им почестей в памятных местах» (с. 3). Имея ее на борту, любой теплоход или военный корабль не пройдет равнодушно над местом гибели судна. Выполняет книга и другое свое предназначение — стать полезным пособием для историков, краеведов, литераторов, архивистов и всех тех, кто занят справочной работой по истории отечественного морского транспортного флота. Нам было досадно увидеть, что справочник издан очень незначительным тиражом — 4600 экз. Впрочем, подготовленные С. С. Бережным справочники о кораблях Советского Военно-Морского Флота, изданные в Москве в 1981 и 1988 гг., вдвое и впятеро большими тиражами, тоже стали библиографической редкостью.

К погрешностям работы относится узковедомственное ее содержание. Ведь на войне гибли не только транспортные, но и рыбопромысловые суда. Другая погрешность состоит в том, что в книге не названо большое количество мелких судов (шхуны, баржи, катера), которые участвовали в войне и тоже гибли. Не включены и

отдельные суда, которые, по формальной терминологии, были «тяжело повреждены» и не затонули, но фактически вышли из строя и потом уже не участвовали при перевозках грузов. Таковы, в частности, пароходы «Роза Люксембург» и «Красный Профинтерн», танкер «Советская нефть». Жаль, что не раскрыты тактико-технические элементы судов, не указаны годы их постройки. Авторы ограничились упоминаниями о девдвейте

(грузоподъемность) и назначении каждого судна. Полезно было бы после описания судна указывать номер схемы, где отмечено место его гибели.

Хотелось бы, чтобы были изданы также памятные книги (они пока не написаны) и о погибших кораблях Министерства рыбного хозяйства и Военно-Морского Флота.

Н. Ю. БЕРЕЗОВСКИЙ

Н. М. ПИРУМОВА. *Александр Герцен — революционер, мыслитель, человек*. М. Мысль. 1989. 256 с.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР Н. М. Пирумова попыталась воссоздать духовный облик А. И. Герцена, писателя и общественного деятеля, философа и публициста.

Центральное место в книге занимает проблема своеобразия революционности Герцена. Пирумова постаралась отойти от упрощенного ее решения. Несомненно, вся политическая деятельность Герцена прошла под знаком служения идее революции. Однако Герцен, как истинно русский демократ, подчеркивает автор, никогда не сводил понятие о революции исключительно к насильственным действиям. Уже в кругу московских западников 1840-х годов Герцена выделяли «подлинная внутренняя свобода, диалектика мышления, способность проникновения в суть явлений, мужество мысли, благородство и доброта сердца» (с. 10).

В годы демократического подъема конца 1850-х — начала 1860-х годов, в преддверии крупных преобразований, связанных с отменой крепостного права, Герцен писал, что нет роковой необходимости, чтобы каждый шаг вперед для народа был отмечен «крещением кровью». Убедителен вывод Пирумовой, что после европейских революций 1848 г. у Герцена крепнет убеждение в многовариантности революционных процессов, причем предпочтительными он считал «менее кровавые пути прогресса». Принципиальное значение имеет замечание автора, что именно гуманизм и трезвый политический расчет, а отнюдь не пресловутая либеральная дряблость руководствовали Герценом в поисках выхода России из кризиса, возникшего в конце крепостнической эпохи. Письма и обращения русского демократа к Александру II, резонно подчеркивает автор, нельзя считать лишь проявлением его неустойчивой политической тактики. Гуманизм, лежавший в основе всех его политических воззрений, «обязывал его не отказываться ни от одной из возможностей мирного разрешения социального конфликта» (с. 76).

Большой интерес вызывает оценка Н. М. Пирумовой сложных отношений Герцена с «молодой» русской эмиграцией 1860-х годов. Думается, что в рецензируемой книге эта страница деятельности Герцена не исследована пока с должной глубиной и обстоятельностью, хотя с основным выводом автора нельзя не согласиться: социальные провидения, революционный гуманизм Герцена «далеко не сразу вошли в русскую революционную традицию» (с. 197). Полемику Герцена с М. А. Бакуниным и «молодой» эмиграцией с известной долей условности можно было бы охарактеризовать как противоборство двух типов революционности: гуманистической и левацкой. Последняя отличалась особой политической нетерпимостью, в то время как общественно-политическая позиция Герцена основывалась на реалистическом анализе соотношения сил в ту эпоху, а главное — была неразрывно связана с утверждением приоритета свобод и гражданских прав личности.

Одно из центральных мест в книге занимает оценка роли Герцена как основоположника «русского» социализма. Н. М. Пирумова не просто констатирует демократические основы герценовского социализма, но подчеркивает, что Герцен очень рано почувствовал возможность возникновения «казарменных» его форм. Судьба революционного обновления общества, указывал Герцен, зависит от степени просвещения, признания прав и свобод личности.

Можно пожалеть, что в работе Н. М. Пирумовой не выделен такой важнейший аспект теоретической деятельности Герцена, как формирование основ народничества, которое, по его представлениям, не исчерпывалось идеями критического социализма, а также его подход к вопросу о движущих силах социального прогресса.

Едва ли справедливо связывать герценовские обращения к просвещенным слоям общества или к царю с его дворянским происхождением (с. 101). Апелляции такого рода были характерны для интеллигентской революционности разно-

чинцев, начиная с Н. Г. Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Разумеется, дворянское происхождение накладывало свой отпечаток на мировоззрения Герцена, но гораздо важнее то, что он стоял у истоков именно интеллигентской революционности, столь характерной для русского народничества.

Жаль также, что в книге не показан ранний этап духовного становления Герцена. Пока эта тема больше освещена в работах зарубежных исследователей, в первую очередь М. Малиа и Э. Эктона. Глубже следовало бы, на наш взгляд, проследить истоки идейного кризиса Герцена после европейских революций 1848 г., который был в значительной степени связан с тем, что вопреки его ожиданиям, европейские нации не

приняли в своем большинстве идеи социальной революции и не поддержали восставший пролетариат, что нанесло сильнейший удар по просветительскому, романтическому социализму Герцена. Думается также, что более глубокого анализа заслуживает и отношение Герцена к Н. А. Милютину и другим прогрессивным деятелям эпохи реформ. Можно было бы обстоятельнее рассмотреть причины стремительного успеха «Колокола», а также особенности духовной эволюции Герцена во второй половине 1860-х годов.

В целом же автору удалось создать увлекательную книгу о великом русском мыслителе, гуманисте и революционере.

М. Д. КАРПАЧЕВ

С. А. КИРИЛЛИНА. *Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — начало XX в.)*. М. Наука. 1989. 203 с.

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института стран Азии и Африки при Московском университете С. А. Кириллина избрала для анализа роли исламских установок и традиций в социально-политическом развитии Египта ключевой и переломный этап в истории этой страны — время становления капитализма, ломки традиционных средневековых структур, начала интенсивных контактов с Западом, созревания и выхода на политическую арену новых социально-политических движений. Арабское Возрождение было отмечено небывалым культурным и морально-духовным подъемом. Египет же находился в фокусе этих процессов.

В монографии содержится анализ религиозной ситуации в Египте в указанный период, многие аспекты которой не рассматривались еще советскими арабистами. Особый интерес представляет комплексное исследование трех направлений в исламе — «ортодоксально-суннитского» (официального), мистико-аскетического (суфийского) и реформаторского (в его египетской интерпретации).

Среди источников, использованных автором, — труды арабских культурных и религиозных деятелей, свидетельства миссионеров и путешественников, мемуары современников, документы правительства и исламских организаций, а также работы советских, арабских, европейских и американских востоковедов.

Проделанный автором ретроспективный анализ эволюции мусульманского духовенства может составить реальную основу для оценки его нынешних поведенческих стереотипов и прогнозирования дальнейшей трансформации этого социального слоя. В работе детально исследован процесс усиления зависимости институтов «орто-

доксального» ислама от государственной власти. В книге рассмотрены факты, свидетельствующие об отходе от норм традиционного шариатского судопроизводства, религиозного воспитания и образования. Именно предпринятые в XIX в. правящими кругами Египта шаги по ограничению экономической силы, политического влияния и автономии служащих ислама predeterminedили и поныне существующую взаимозависимость государственной администрации и официального мусульманского духовенства.

В работе убедительно показаны тесная взаимосвязь официального ислама и суфизма, традиции сотрудничества определенных слоев духовенства с представителями массового ислама. Малоизученная проблема египетского суфизма весьма актуальна. Его особенностью было не только формальное, но и фактическое подчинение суфийской религиозной структуры государственной администрации. Эта тесная взаимосвязь государственной (светской) и суфийской структур определила меньшую роль суфийских братств Египта в национально-освободительном движении, в отличие, например, от стран Магриба. Думается, что двойственное положение служащих официального ислама, с одной стороны, частично инкорпорированных в государственный механизм, а с другой — являющихся носителями традиций оппозиционности по отношению к светской власти, во многом объясняет и сложность современной религиозной ситуации в Египте.

К проблемам, оставшимся вне рамок исследования, относятся прежде всего вопросы связи духовенства с появившимися в конце XIX — начале XX в. новыми политическими движениями и организациями. Суждения автора о значитель-

ном снижении активности духовенства после британской оккупации Египта (1882 г.) не отражают, как нам представляется, в полной мере все сложности и перипетии политической борьбы на рубеже прошлого и нынешнего столетий.

В книге затронуты и проблемы мусульманского реформаторства, зародившегося на Арабском Востоке в 80—90-е годы прошлого столетия, проанализированы религиозно-философские и политические взгляды идеолога реформаторского движения Мухаммеда Абдо, его религиозная и общественная деятельность. Не вызывает возражений мысль автора о том, что «обновленный» ислам египетских реформаторов представляет собой разновидность рафинированных в философском и клерикальном аспектах теистических идей с целью придания им современного социального звучания. Вместе с тем не менее актуален вопрос о влиянии объективных социальных реалий на субъективные устремления египетских реформаторов. Он требует дальнейшей углубленной разработки.

Спорной, в частности, представляется попытка установить прямую связь между реформаторами ислама и экстремистским движением «братьев мусульман», возникшим и окрепнувшим в Египте, начиная с 30-х годов XX века. Первые все же были модернизаторами и не являлись сторонниками исламской теократии, а вторые — ярыми традиционалистами и убежденными теократами, хотя и апеллировали к арсеналу аргументов реформаторов ислама. С точки зрения

сопоставления религиозной ситуации в Египте и других арабских странах интерес представляет антисуфийская направленность выступлений египетских реформаторов ислама. В данном случае можно провести параллель между антисуфизмом реформаторов в Египте и борьбой алжирских реформаторов с магрибскими дервишами-марабутами, с тем лишь отличием, что борьба официальных духовных лиц в Алжире имела более острый социально-политический характер и протекала более успешно.

Особо следует выделить актуальность изложенной в монографии полемики видного деятеля исламского реформаторского движения Джамаль-ал-Дина аль-Афгани с французским историком и философом Ж. Э. Ренаном, которая не утратила своего значения и в наши дни, поскольку и современные западные ученые приписывают арабам и некоторым другим народам, исповедующим ислам, «наукофобию», «технофобию» и т. д.

Автор оставил вне поля зрения комплекс проблем, связанных с биконфессиональностью египетского общества. Монография, несомненно, только выиграла бы, если бы в ней были рассмотрены и некоторые вопросы эволюции коптско-мусульманских взаимоотношений. Это же относится и к проблеме взаимоотношений между египетским официальным духовенством и духовенством соседних аравийских стран.

А. М. РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС

В. М. МАССОН. *Первые цивилизации*. Ленинград. Наука. Ленинградское отделение. 1989. 276 с. (I); ЕГО ЖЕ. *Исторические реконструкции в археологии*. Фрунзе. Илим. 1990. 96 с. (II).

Новые работы заведующего Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, члена-корреспондента АН ТССР доктора исторических наук В. М. Массона — впечатляющий итог его многолетних исследований различных культурных комплексов, относящихся к эпохе первых цивилизаций. Обе книги отличает пристальное внимание к теоретико-методологическим проблемам, касающимся не только названной темы, но и имеющим отношение к археологической науке в целом, а ряд вопросов, рассматриваемых автором, затрагивает категории, существенно важные для всей исторической науки.

Работы Массона еще раз доказывают, что наиболее продуктивные и плодотворные методологические выводы и разработки возникают только тогда, когда теоретическое осмысление сущности и закономерностей исторического процесса осуществляется на базе и в неразрывной связи с конкретно-историческими исследовани-

ями, когда они отвечают потребности обобщить непрерывно накапливаемый исследователями фактический материал.

Автор занимает четкую позицию в вопросе о предмете, функциях и роли археологии, рассматриваемой им как неотъемлемая часть исторической науки. Предмет археологии определяется Массоном как «изучение закономерностей развития объектов культуры (в их предметно-продуктивном проявлении) и различных структур древних обществ (культурных, хозяйственных, социальных, идеологических), нашедших отражение в этих объектах». К сфере археологической науки как ее важнейший компонент автор относит «реконструктивные разработки историко-социологического характера» (II, с. 526). Именно с этих позиций характеризуются содержание и цели археологической интерпретации объектов материальной культуры. Автор наглядно показывает, как используются результаты анализа

археологических объектов для социологического и культурологического объяснения исторического процесса.

Первые цивилизации в Месопотамии, Восточном Средиземноморье, Малой Азии, Иране, Средней Азии, Индостане, Китае, Перу и Мезоамерике Массон рассматривает как явления диахронические, как феномен всемирно-исторического характера. Его интересуют в первую очередь общие тенденции в их развитии. В основу реконструкции этих цивилизаций берутся прежде всего археологические материалы некогда существовавших культурных комплексов.

Автор разделяет утвердившееся в литературе определение цивилизации как социально-культурного комплекса или социально-культурной общности, формирующейся на определенной стадии развития общества и принимающей различные формы в разные исторические эпохи (I, с. 7). При этом разбирается формативный, архаический этап развития цивилизаций. На основе обширного археологического материала из различных регионов Массон приходит к выводу, что для эпохи первых цивилизаций характерны: переход к интенсивной экономике производящего типа, способной давать прибавочный продукт, углубление разделения труда, появление городского ремесла, торговли, формирование антагонистических классов и государства. Для культурных комплексов первых цивилизаций, считает он вслед за К. Клакхолмом, характерна своеобразная триада признаков: монументальная архитектура, города и письменность.

Аргументированно указывая на значение экономических факторов, определявших характер первых цивилизаций, автор вместе с тем предостерегает от увлечения социально-экономическим детерминизмом и недооценки таких важных компонентов, как идеология и социальная психология. Это предостережение следует поддержать, поскольку именно в эпоху первых цивилизаций систематизированная и централизованная идеологическая сфера стала поистине огромной силой (I, с. 12)¹.

Большое внимание Массон уделяет категории «культура», а также и типологии культур (эпохальных, региональных, локальных). Этот интерес вполне оправдан, учитывая в числе прочих аспектов и уже упомянутый диахронический и всемирно-исторический характер эпохи первых цивилизаций. Археологические культуры рассматриваются автором не как некие искусственные классификационные образования, а как объективные реальности, лежащие в основе фундаментальных понятий археологической систематики.

¹ О значении и особенности идеологической сферы эпохи первых цивилизаций см. также: Древние цивилизации. М. 1989, с. 469—477.

«В общей форме, — пишет автор, — под археологической культурой следует понимать реально существующую совокупность связанных между собой, объектов (артефактов), определенным образом ограниченных во времени и пространстве» (I, с. 17).

Археологические культуры исследуются автором комплексно, в системном плане. Только целостное изучение культурных комплексов, подчеркивает он, позволяет охарактеризовать всю иерархию подсистем, образующих данную культуру: производство, образ жизни, соционормативную и познавательную сферы.

Принципа системности строго придерживается автор и при характеристике первых цивилизаций. Он показывает, что в эпоху палеометалла оптимизация производительных сил шла по линии все расширяющегося использования внеличных источников энергии (тягловая сила животных), совершенствования металлургии и металлообработки (развития формовочного литья, позволяющего изготавливать стандартные изделия). Это сопровождалось повышением уровня кооперации труда, коммуникабельности всего общества, развитием всевозможных обменов и контактов, а соответственно и знаковых систем, используемых в коммуникативных связях. Параллельно совершенствовалась и практика накопления, обмена, передачи, распространения и закрепления накопленного людьми в различных сферах жизнедеятельности опыта. Идея взаимосвязанности всех аспектов развития общества пронизывает повествование о каждой из исследуемых цивилизаций.

Исходным пластом первых цивилизаций были, подчеркивает Массон, раннеземледельческие (оседлоземледельческие и земледельческо-скотоводческие) культуры (I, с. 33). На их основе развивается экономика, способная производить продукты питания, совершенствуется техника и технология сельскохозяйственного и ремесленного производства, формируется слой мастеров-профессионалов, растет народонаселение, и этот рост сопровождается его концентрацией вокруг определенных центров — будущих городов. «Интенсивное крупномасштабное земледелие и специализированные ремесла составляли основу технологического способа производства первых цивилизаций» (I, с. 58). Свою, и притом немаловажную роль, играл мелкообщинный сектор, который обладал особой устойчивостью и способностью к регенерации. Это его свойство позволяло и в периоды упадков, нередко постигавших по разным причинам культурные центры и сопровождавшихся культурным регрессом, сохранять питательную среду «для культурной и... социально-экономической преемственности» (I, с. 59).

Автором исследован вопрос о сложившихся в ту эпоху формах отчуждения прибавочного продукта. Долгое время они сохраняли традиционнo-общинный характер, но постепенно возрастало значение захвата земель верхушкой данного общества, усиливалась роль вождя, «царского рода», слоя «благородных родов». В дальнейшем эти формы перерастали в прямую эксплуатацию — рабство и данничество. Параллельно шла институционализация и все большее обособление от народа власти — аристократии, верховного вождя правителя и т. п.

Массон подчеркивает, что «в числе движущих сил формирования государства возникающие в обществе классовые противоречия и совершенствование организационно-управленческой структуры образовывали взаимозависимое единство» (I, с. 63). Вооруженное насилие и теократия оказывали немаловажное влияние на формирование государства именно в силу того, что выполняли определенные экономические функции и сами становились экономическими факторами.

Эпоха первых цивилизаций представлена в работах Массона как важнейший этап всемирной истории, и не только в том смысле, что это была начальная ступень классовой формации, но и

потому, что это был кардинальный рубеж в процессе культурогенеза. Это была подлинная культурная революция, величайшие завоевания которой — письменность, новые ценностные ориентации людей, всего общества, отделение умственного труда от физического, возникновение элитарной субкультуры, выделение искусства в самостоятельную сферу деятельности, обособленную от материального производства, новые формы эстетического освоения мира, в частности образное воплощение личности (как таковой, а не только в роли составляющего элемента общинного микрокосма), — вошли в золотой фонд духовного развития человечества.

Рецензируемые работы Массона еще раз подтверждают, насколько важна — особенно на современном, переломном этапе развития исторической науки — интегрирующая функция методологии, призванной обеспечить координацию усилий всех отраслей исторического знания, повышение культуры исследований, а в конечном счете эффективную реализацию основной социальной функции истории — максимально полное и объективное постижение исторической истины, освоение исторического опыта, накопленного человечеством.

Р. Е. КОТОВ

To Siberia and Russian America. Three Centuries of Russian Eastward Expansion. Vol. I—III. Ed. by Basil Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan and Thomas Vaughan. Oregon Historical Society. Portland. 1985—1989.

В Сибирь и Русскую Америку. Три столетия русской экспансии на Восток.

Еще сравнительно недавно колонизация Сибири, выход России к берегам Тихого океана, открытие северо-запада Америки и история Русской Америки не привлекали внимания западных исследователей. Появлялись отдельные работы, но систематического изучения, по существу, не велось, а широкая общественность на Западе из-за языкового барьера была мало осведомлена о вкладе России в открытие и колонизацию Северной Америки.

Существенные перемены произошли лишь в последние два десятилетия, или, точнее, с 1972 г., когда в небольшом издательстве Р. Пирса в канадском городе Кингстон и в Орегонском историческом обществе в Портленде (США) стали публиковаться труды по истории Аляски и всего тихоокеанского Севера. В общей сложности к началу 1990-х годов только в этих двух центрах было опубликовано более 40 изданий, в первую очередь сборников ценных документальных источников, ранее почти или совсем не известных на Западе.

Особое место среди них занимает рецензируемое трехтомное собрание документов о колонизации Россией Сибири и Северной Америки в XVI—XIX веках. Книги прекрасны изданы, снабжены превосходными иллюстрациями, картами, сопровождаются всеми необходимыми примечаниями, указателями и т. д. Каждому тому предпослана вступительная статья, предисловие, изложение принципов издания, а также разъяснение труднопереводимых слов и терминов. В конце тома приводится обширная библиография, включающая перечень документальных источников, книг и статей, относящихся к соответствующему периоду.

Хронологические рамки томов, однако, не всегда обоснованы. I том озаглавлен «Русское завоевание Сибири, 1558—1700», но указанные даты, по существу, ничего не говорят исследователям истории Сибири. Начальная дата объясняется только тем, что первый документ — жалованная грамота царя Ивана Васильевича о

предоставлении Григорию Строганову финансовых, юридических и торговых привилегий по течению Камы помечена 4 апреля 1558 года. Была бы какая-то логика, если бы последний документ в томе датировался 1700 г., но публикация завершается текстом Нерчинского договора 1689 г., заключенного между Россией и Китаем.

Более обоснованными представляются рамки второго тома «Русское проникновение на Север Тихого океана, 1700—1797», хотя и в этом случае заключительной датой представляется 1799 г. — год образования Российско-американской компании, тем более, что последний документ — доклад коммерц-коллегии Павлу I датирован 11 января 1799 года.

Никаких возражений не вызывает, пожалуй, только завершение публикации документов 1867 г., когда был подписан договор о продаже русских колоний в Северной Америке Соединенным Штатам. Кстати, последний том — «Русские американские колонии, 1798—1867» — наиболее интересен. В него включено около трех десятков не публиковавшихся ранее документов по истории Русской Америки из Национального архива США, рукописного отдела Библиотеки конгресса в Вашингтоне и Бэнкрофтской библиотеки в Беркли. К сожалению, распределение материала неравномерно: 67 документов третьего тома посвящены периоду до 1824 г. и только 22 (из них только один новый) — до 1867 года. Создается впечатление, что к концу работы составители решили ограничиться беглой подборкой материалов по истории русских колоний за 1825—1867 годы.

Что касается первых двух томов, то новые оригинальные материалы в них почти отсутствуют, если не считать нескольких документов Святейшего Синода из коллекции Юдина в Библиотеке конгресса, относящихся к концу XVIII века. Думается, что главная ценность публикации состоит все же не во введении в научный оборот новых материалов, а в переводе на английский язык основных и труднодоступных, особенно за рубежом, русских документов, которые в целом дают объективную картину колонизации русскими Сибири и северо-западной части Американского континента.

Особой похвалы заслуживает превосходное знание составителями многообразных источников и обширной исторической литературы, начи-

ная с классических трудов Г. Ф. Миллера и кончая крупными работами советских исследователей истории Сибири (С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, В. И. Шунков, В. А. Александров и др.). Для советских читателей интерес представляет и характеристика трудов зарубежных исследователей — англичанина Дж. Ф. Баддели, американцев Р. Г. Фишера, Дж. В. Ланцева и многих других (т. I, с. LXIII—LXX). В более полном виде сибирская историография освещена в специальном историографическом обзоре, опубликованном проф. Б. Дмитришиным в журнале «Siberica», первый номер которого вышел летом 1990 года¹.

Наибольшее внимание составители уделили литературе и источникам об открытии и колонизации Россией северо-западной части Америки. Ими проанализированы, в частности, труды Л. С. Берга, А. И. Андреева, А. В. Ефимова, С. Б. Окуня, Н. Н. Болховитинова (СССР), Г. Бэнкрофта, Ф. А. Голдера, Р. Дж. Кернера (США), Дж. Р. Гибсона (Канада) и др. (т. II, с. LXI—LXX; т. III, с. LXIII—LXX). Кратко освещается и собственно история Русской Америки. Конечно, придирчивый читатель заметит в тексте отдельные неточности и опечатки. Вряд ли можно, например, согласиться с утверждением, что Александр I дал предварительное одобрение плану основания крепости Росс и взял эту крепость под свою защиту (с. LXVI), что «вскоре после конвенции от 28 февраля 1825 г.» было достигнуто соглашение между Российско-американской компанией и компанией Гудзонова залива. (Это соглашение в действительности было заключено в 1839 г.) Дважды повторена опечатка в датировке договора 1867 г. о продаже Аляски (31 вместо правильного 30 марта) и т. д.

В целом же новую публикацию документов, осуществленную Орегонским историческим обществом, можно оценить положительно. Она принесет пользу и нашим специалистам по истории Сибири и Русской Америки, а также всем, интересующимся этой проблематикой.

Член-корреспондент АН СССР
Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ

¹ Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1580—1700. A Historiographical Review. — Siberica, Summer 1990, vol. 1, № 1.

Contents

To the Reader. **Articles:** V. F. Antonov. Populism in Russia: A Utopia or Missed Opportunities; T. O'Connor. L. B. Krain versus Lenin and the Collapse of the Bolshevik Center in 1908—1909. History of Soviet Society. New Approaches: A. G. Dongarov, G. N. Peskova. The USSR and the Baltic States (August 1939—August 1940). Historical Profiles: S. V. Drovokov. Alexander Kolchak. Reminiscences: Memoirs of Nikita Khrushchev. Willi Brandt. Reminiscences. Historical Journalism: A. G. Avtorkhanov. The Technology of Power. History and Lives: A. I. Denikin. Essays on the Troubled Times in Russia; A. F. Kerensky. Russia at the Turnpoint of History. Publications: New Documents on the 1944 Meeting of Historians in the CPSU Central Committee. Communications: S. M. Melamed. The Uprising in the Warsaw Ghetto. People. Facts. Events. A. B. Sokolov. Sir William Pitt the Elder; Kh. G. Gulamov. Relationships Between Russia and Bukhara in the Late 18th Century; T. P. Gusarova. Haiduks in Hungary; M. A. Devlet. Petroglyphs of the Sayany Mountains. Historiography: V. A. Zamlinisky. Nikolai Kostomarov; E. Mihalski. "Kwartalnik Historyczny"; Historical Science in Spain; Vessels of the Ministry of the Marine Fleet that Perished during the Great Patriotic War (1941—1945). N. M. Pirumova. Alexander Hertzgen—Revolutionary, Philosopher, Man; S. A. Kirillina. Islam in Egypt (the Latter Half of the 19th-Early 20th Century); V. M. Masson. The Earliest Civilisations (I); idem. Historical Reconstructions in Archaeology (II); Siberia and Russian America. Three Centuries of Russian Eastward Expansion.

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Академия наук СССР,
Издательство «Прогресс»

Главный редактор А. А. Искендеров

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Б. В. Орешин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин.

«Вопросы истории», 1991, № 1, 256 стр.

Адрес Редакции: 103781 ГСП. Москва, К—6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Технический редактор В. Паленцева.

Сдано в набор 1.04.91 г. Подписано к печати 27.05.91. Формат 70×108^{1/16}. Бумага книжно-журнальная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,4. Бум. л. 8,0 Усл. кр.-отт. 45,7 Уч.-изд. л. 27,5 Тираж 91899
Заказ № 2179 Цена 2 р. 25 к. Индекс 70145

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»

Ордена Трудового Красного Знамени, Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати 170024 г. Тверь пр. Ленина, 5.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»!

Начиная с этого номера, издательство «Международные отношения» будет регулярно публиковать информацию о своих книгах.

Среди изданий, посвященных собственно истории, и прежде всего международным отношениям, важное место занимают книги по истории современности, авторами которых являются наиболее авторитетные советские и зарубежные специалисты и политические деятели. Только в издательстве «Международные отношения» читатель сможет ознакомиться с наиболее полным и последовательным изложением взглядов и концепций представителей политической и экономической мысли ведущих стран Запада.

Во II квартале 1991 года в издательстве «Международные отношения» выйдут из печати:

Лидеры современной социал-демократии. Сост. В. С. Рыкин. 18 л. 2 р. 50 к. 14 000 экз.

Первые в Советском Союзе выходит в свет своего рода энциклопедия портретов наиболее ярких лидеров современных социалистических и социал-демократических партий, среди них президенты, премьер-министры и председатели национальных парламентов, лидеры ведущих партий, пользующиеся высоким международным авторитетом.

Первые перед читателями приоткрывается дверь в лабораторию теоретической и политической мысли популярных деятелей международной социал-демократии. Читатель узнает о мировоззренческих истоках, политическом кредо, человеческих симпатиях и интересах председателя Социинтерна В. Брандта, испанского премьер-министра Ф. Гонсалеса, лидера партии Ш. Переса, а также ушедших Б. Крайского и У. Пальме.

Впервые у нас в стране предпринята попытка создать целую галерею портретов социал-демократических политиков, увиденных глазами объективно и доброжелательно настроенных советских авторов.

Знакомство с портретными очерками представителей социал-демократической элиты, носителей ее традиций, ее нынешних устремлений, обогатит читателя разнообразной информацией, поможет увидеть социал-демократию такой, какой она является в реальности.

Авторы собранных в книге очерков — ученые и журналисты-международники — при подготовке книги использовали не только малоизвестную в нашей стране политическую литературу, но и впечатления от личных встреч и бесед с социал-демократическими деятелями.

Книга, составленная из 27 портретов, вызвала интерес за рубежом и уже переводится на основные европейские языки.

БОРКО Ю. А., ЗАГОРСКИЙ А. В., КАРАГАНОВ С. А. Общий европейский дом: что мы о нем думаем? 15 л. 2 р. 50 к. 12 000 экз.

Авторами этой книги являются советские ученые-международники, книги и статьи которых отличает новизна подходов, умение вовлечь читателя в соразмышление, свобода от идеологических и прочих штампов. Авторы размышляют над тем, какие барьеры предстоит преодолеть и Западу, и Востоку, чтобы разбить лед недоверия, разрушить сформировавшиеся за годы «холодной войны» стереотипы, добиться качественно нового сотрудничества во всех сферах — политической, экономической, гуманитарной и др. Показано влияние реформ в СССР и странах Восточной Европы на перспективы создания европейских структур.

В начальных главах рассказывается о возникновении и многовековом развитии «европейской идеи», а также о попытках ее осуществления в прошлом и в современную эпоху.

Речь идет об исторических метаморфозах «европеизма», о взаимосвязи европейской и российской истории, о месте России в европейской цивилизации. В следующих главах рассматриваются политические, военные, социально-экономические и духовные аспекты общеевропейского строительства, анализируются его «человеческое измерение», основные идейно-политические течения в Европе. Показаны современное развитие и перспективы сотрудничества, направленного на обеспечение прав человека, создание европейского экономического и правового пространства.

Значительное место уделено проблемам устранения различного рода преград на пути торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества, что является необходимым условием создания фундамента общего европейского дома.

Содержание и стиль книги дают основание надеяться, что она вызовет интерес не только у специалистов, но и у всех читателей, интересующихся вопросами европейского и международного развития.

Уважаемые читатели!

В I—II кварталах 1991 года
в издательстве «Международные отношения»
выйдут из печати:

СЕНЧЕНКО И. П. Персидский залив: взгляд сквозь столетие. (От «нового курса» Петербурга до политики нового мышления.) 11 л. 2 р. 7000 экз.

В книге впервые воссоздается история внешней политики России в Персидском заливе на рубеже XIX—XX вв. Освещаются усилия русской дипломатии, предпринимавшиеся в рамках «новой политики» Петербурга, по налаживанию связей с Кувейтом, Маскатом, Катаром и Бахрейном. Рассказывается о походах в Залив российских кораблей, о торговых миссиях и научных экспедициях, о паломничестве к святым местам в Мекке и Медине мусульман России. Приводятся малоизвестные факты о деятельности первых российских дипломатов в Аравии, о ярких исторических личностях. Знакома читателей с наиболее интересными периодами вековой истории наших связей с Аравией, автор как бы воссоздает стершийся было российский рисунок на богатом гобелене деятельности в Заливе дипломатии других стран.

Показана и современная обстановка в Персидском заливе, непростой характер отношений богатых аравийских местхетов между собой и внешним миром. Анализируется политика СССР в регионе со всеми ее успехами и просчетами.

КАДДАФИ МУАММАР. Зеленая книга. Пер. с араб. 2-е изд. 7 л. 1 р. 20 к. 50 000 экз.

Найдется не так уж много политических деятелей, чьи позиции вызывали бы такую разнорослицу оценок, зачастую полярных. Вместе с тем не вызывает сомнения, что Муаммар Каддафи — это один из выдающихся политических деятелей арабского мира.

Особый путь развития, особый взгляд и подход к государственному строительству в стране, официальное название которой Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, исходят из системы взглядов, известных как Третья мировая теория. Исходный тезис Третьей мировой теории — органическое несовершенство двух противостоящих систем, социалистической и капиталистической, вот почему будущее принадлежит Третьему пути, который и прочерчивает Третья мировая теория.

«Зеленая книга» — это последовательное изложение принципов Третьей мировой теории и одновременно оригинальный авторский труд, где отразились в оригинальной форме традиции и взгляды народов Востока, своеобразие их вековой мудрости, специфика культуры и восточной цивилизации вообще.

Заказы на книги направляйте
в издательство «Международные отношения»
по адресу: 107078, Садовая Спасская, 20.
Телефон для справок 975-30-09.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**